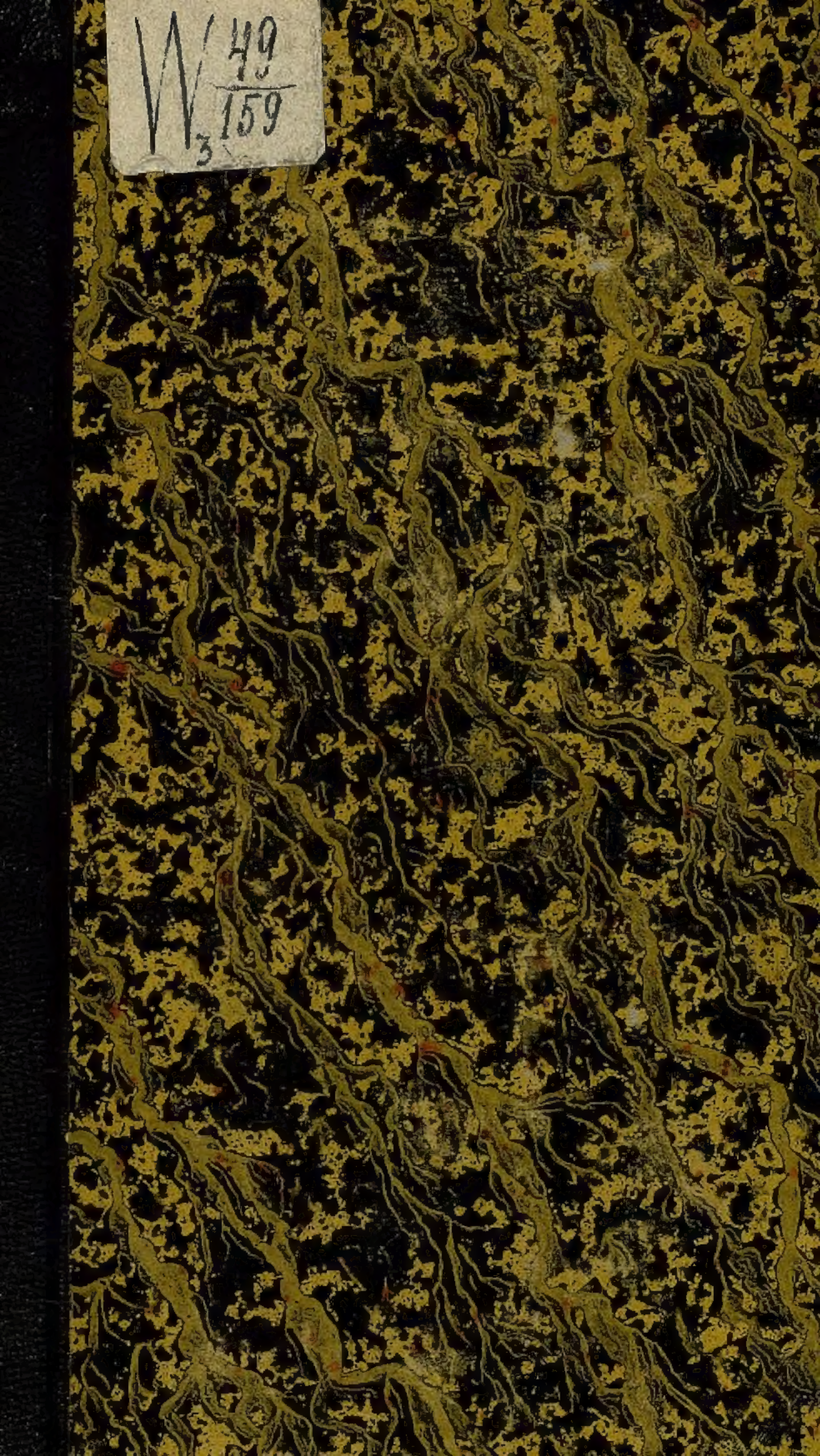
W 49/159 3

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1859.

КНИГА ТРЕТЬЯ (СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ).

С.-Петербургъ.

1859.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія:

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ (СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ).

С.-Петербургъ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Сентября 2-го дня 1859 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

О КРѢПОСТНЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

Во времена Уложенія два рода людей были въ крѣпостномъ состояніи: крестьяне и дворовые люди.

СОСТОЯНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ПО УЛОЖЕНІЮ.

Крестьяне раздѣлялись на два вида: одни жили на земляхъ помѣстныхъ и назывались *людьми и крестьянами помѣщичьими;* другіе жили въ вотчинахъ и назывались *крестьянами вотчинными* или просто крестьянами. Вотчинныхъ крестьянъ можно было продавать и закладывать, но не иначе, какъ съ вотчиною. Нѣтъ никакого слѣда въ Уложеніи продажи крестьянъ безъ земли. Крестьянъ помѣстныхъ нельзя было ни продавать, ни закладывать; но можно было самыя помѣстья, вмѣстѣ съ ними, мѣнять и сдавать другому.

Право имѣть вотчины и крестьянъ принадлежало: Государю, дворянству, монастырямъ и именитымъ людямъ Строгановымъ.

СОСТОЯНІЕ ДВОРОВЫХЪ ЛЮДЕЙ ПО УЛОЖЕНІЮ.

Дворовыхъ людей было три рода: 1) старинные, полные холопи; 2) кабальные люди; 3) дѣловые люди.

1) Полные холопи.

Старинные или *полные холопи* были первоначально плѣнные; въ послѣдствіи къ нимъ причислены и кабальные люди, отдавшіе себя въ крѣпость съ потомствомъ; а какъ сей послѣдній родъ укрѣпленія не могъ быть иначе совершаемъ, какъ съ доклада Государю: то сіи холопы и назывались *докладными*.

Не только дворянство, но и всѣ вообще состоянія могли имѣть полныхъ и докладныхъ холопей.

Власть надъ ними, исключая права жизни и смерти, была почти неограниченна: ихъ можно было продавать, закладывать, дарить и

въ приданое отдавать. Они были въ истинномъ смыслѣ собственность господина и причислялись къ *животамъ* его, т. е. къ движимому имуществу, съ тѣмъ токмо различіемъ, что въ правѣ по сему имуществу разбирались въ особенномъ Приказѣ, именовавшемся *Приказомъ Холопьимъ*.

2) *Кабальные люди.*

Кабальные люди или *кабальные холопи* были люди, кои или сами себя отдавали въ крѣпостную службу—по жизнь владѣльца, или отдавались закономъ за долги, или властію Государя кому либо за безчестье, что̀ называлось—*отдать или выдать головою.*

Право имѣть кабальныхъ людей принадлежало всѣмъ состояніямъ, и всѣхъ состояній люди, исключая дворянства и духовенства, могли отдавать не токмо себя, но и дѣтей своихъ въ кабалу. Кабальныхъ людей нельзя было ни продавать, ни закладывать;—по смерти владѣльца они были свободны, хотя бы отданы были и въ приданое, и, освободясь отъ одной кабалы, могли вступить въ другую.

Сей родъ укрѣпленія продолжался и послѣ Уложенія, но потомъ вовсе прекращенъ.

3) *Дѣловые люди.*

Дѣловые люди были крестьяне, коихъ помѣщики, вмѣсто пашни, брали на господское дѣло и употребляли къ ремесламъ, въ сельскомъ хозяйствѣ необходимымъ. Для сихъ ремеслъ въ помѣстьяхъ, вотчинахъ и особливо въ монастыряхъ учреждаемы были такъ называемые *дѣловые дворы*. Люди, въ дѣловой дворъ взятые, сперва считались крестьянами, но дѣти ихъ и потомки, во дворѣ родившіеся, размножаясь со временемъ, составили уже разрядъ, особо отъ крестьянъ въ законахъ упоминаемый. Размноженію ихъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ Законъ не полагалъ ни мѣры, ни препятствій. Въ одной только Москвѣ и окрестностяхъ ея существовало для сего, да и то слабое ограниченіе. Впрочемъ, сей разрядъ людей предъ Закономъ ничѣмъ существенно отъ крестьянъ не различался. Нѣтъ никакого слѣда въ Уложеніи, чтобъ сіи дворовые люди могли быть продаваемы или закладываемы безъ земли.

Измѣненіе въ состояніи крестьянъ и дворовыхъ людей послѣ Уложенія и новый крѣпостный порядокъ.

Сей вещей порядокъ, съ нѣкоторыми частными отступленіями, продолжался отъ Уложенія до 1719 года. Первая ревизія произвела въ немъ важныя измѣненія.

Въ писцовыхъ книгахъ, прежде ревизіи бывшихъ, писалась земля съ людьми, на ней поселенными; а въ ревизію велѣно вносить людей безъ земли. По писцовымъ книгамъ подать расчисляема была по землѣ и по дворамъ; помѣстья продаваемы были въ вотчину по количеству земли и дворовъ; служба отправляема была также по землѣ; словомъ всѣ прямыя подати и повинности казенныя и частныя утверждались на землѣ. Ревизія все основала на лицѣ; подати большею частію стали личными, а съ земли положенъ особый оброкъ;—служба обращена въ рекрутство, не по землѣ, но по числу лицъ. Сверхъ сего, въ писцовыхъ книгахъ вносимы были одни только крестьяне, на земляхъ живущіе, и никогда не смѣшивались съ ними ни полные холопи, ни кабальные люди; напротивъ въ ревизіи всѣ сіи званія смѣшались во едино, всѣ положены въ одинаковый окладъ и въ рекрутство.

Такимъ образомъ, съ первой ревизіи 1719 года возникли два новыя понятія о крѣпостномъ личномъ правѣ: 1) что крестьяне и холопи предъ Правительствомъ суть одно и тоже; 2) что тѣ и другіе равно суть принадлежность лица, а не земли; ибо не за землю и не по землѣ, но за помѣщикомъ они положены въ ревизіи.

Въ послѣдующихъ ревизіяхъ, и особливо во второй 1743 года, понятія сіи еще болѣе утвердились. Не только частные владѣльцы, но и Правительство находило въ нихъ свои пользы: вѣрность въ расчетѣ подушныхъ податей и особенно вѣрность въ рекрутской повинности. По одному ревизскому счету можно было бы съ точностію напередъ исчислить и государственный доходъ и количество рекрутъ. А какъ въ обоихъ сихъ расчетахъ для Правительства не составляло никакой разности, на пашнѣ ли состоятъ люди, или во дворѣ, ибо, какъ выше сказано, крестьяне и дворовые равно обложены податью и равно подлежатъ рекрутству: то и не представлялось тогда никакой причины ограничивать число дворовыхъ людей или различать ихъ отъ крестьянъ. Для вѣдома токмо велѣно писать ихъ особою статьею.

До ревизіи жалуемы были отъ государей въ собственность вотчины. Подъ симъ пожалованіемъ всегда разумѣлась земля; люди же, на ней живущіе, не числомъ душъ, но вообще считались ея принадлежностію. Напротивъ, въ указахъ и грамотахъ послѣ ревизіи жаловали уже прямо числомъ душъ, а земля считалась принадлежностію жалуемой вотчины. Такимъ образомъ предметомъ пожалованія, а слѣдовательно и правомъ собственности, были уже прямо люди, а косвенно земля, на коей они жили.

Сообразно сему понятію измѣнена Правительствомъ и форма купчихъ крѣпостей: ибо помѣщикъ могъ продавать только, чѣмъ онъ владѣлъ и что ему было пожаловано; а онъ владѣлъ и былъ жалованъ людьми.

Открытіе Заемныхъ Банковъ распространило сіи понятія и на крѣпости закладныя. Правительство не могло ввѣрить своихъ капиталовъ подъ залогъ земель, коихъ цѣна не опредѣлена; посему оно утвердило займы на томъ, что̀ составляетъ цѣнность земли,— на людяхъ.

Всѣ сіи причины въ совокупности измѣнили крѣпостное личное право, въ Уложеніи постановленное, и образовали право новое, отъ прежняго отличное, хотя столько же законное: ибо какъ прежнее, такъ и настоящее равно основаны на точныхъ словахъ и разумѣ законовъ.

СРАВНЕНІЕ ПРЕЖНЯГО КРѢПОСТНАГО ПОРЯДКА СЪ НАСТОЯЩИМЪ.

Существо прежняго крѣпостнаго права кратко состояло въ слѣдующемъ:

I. Крестьяне суть принадлежность вотчины и отъ нея не могутъ быть отдѣлены ни продажею, ни залогомъ; но съ одной земли на другую тѣмъ же помѣщикомъ они переселены быть могутъ.

II. Дворовые люди, т. е. старинные и полные холопи и ихъ потомство принадлежатъ помѣщику лично въ собственность; а потому и проданы и заложены быть могутъ, каждое лице отдѣльно.

III. Дворовые люди изъ кабальныхъ принадлежатъ помѣщику по жизнь его; но ни проданы, ни заложены быть не могутъ.

IV. Дворовые люди, изъ крестьянъ во дворъ взятые, принадлежатъ вотчинѣ и считаются наравнѣ съ крестьянами.

Существо новаго или настоящаго крѣпостнаго права состоитъ кратко въ слѣдующемъ:

I. Крестьяне, равно какъ и земля, на коей они живутъ, принадлежатъ помѣщику. Земля составляетъ недвижимое его имущество, а крестьяне суть имущество его движимое. (Во многихъ указахъ крестьяне именно признаны движимымъ имуществомъ.) И хотя сіе движимое имущество по ревизіи приписывается къ недвижимому, къ деревнѣ и къ землѣ, но какъ земля безъ крестьянъ, такъ и крестьяне безъ земли могутъ быть проданы, заложены, переселены, во дворъ взяты и даже въ ссылку, по волѣ помѣщика, за проступки ихъ, безъ суда, могутъ быть сосланы.

II. Дворовые люди, изъ какого бы состоянія первоначально они ни происходили, суть точно такое же движимое имущество помѣщика, какъ и крестьяне; никакого существеннаго различія законъ между ними не полагаетъ. Владѣлецъ, не имѣющій земли, можетъ приписать ихъ въ ревизіи къ своему дому; но какъ домъ безъ нихъ, такъ и они безъ дому, проданы быть могутъ.

При сравненіи сихъ двухъ системъ нельзя не признать, что послѣдняя изъ нихъ тягостнѣе и ближе къ неволѣ, нежели первая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя же не признать, что не безъ важныхъ причинъ она введена была Правительствомъ и утверждена законами. Причины сіи состояли въ слѣдующемъ:

Доколѣ подати казенныя и воинская служба утверждались на землѣ: дотолѣ не было у насъ ни войска, ни постоянныхъ государственныхъ доходовъ. Съ ревизіею только тому и другому положено прочное начало. Съ ревизіею трудъ, руки и лице признаны основаніемъ какъ силы государственной, такъ и мѣрою частнаго богатства. Люди получили твердую осѣдлость; помѣщики—средства къ обширному хозяйству; Правительство — вѣрный доходъ и надежные способы къ составленію, пополненію и содержанію войска.

Но при сихъ столь важныхъ выгодахъ нельзя упустить безъ вниманія и важныхъ неудобствъ, изъ самаго сего порядка происшедшихъ. Отъ неограниченной свободы обращать крестьянъ въ дворовыхъ людей наводнились домы дворянскіе толпою праздныхъ служителей, усилились прихотливыя, а часто и распутныя затѣи, расширилась безумная роскошь и раззорительное тщеславіе, явились

новыя нужды, новые на крестьянъ налоги и долги неоплатные; состояніе крестьянъ обременилось еще болѣе тѣмъ, что за всю сію праздную толпу, къ деревни приписанную, подушныя деньги и рекрутская очередь часто деревнею отправляются.

Отъ заведенія и разсѣянія ремеслъ по деревнямъ города наши остаются пусты: ибо гдѣ взять потребителей, на кого работать мѣщанамъ, когда каждый помѣщикъ все ему нужное и даже прихотливое, хотя худо, хотя и нестройно и убыточно, но производитъ у себя дома и даже пускаетъ на продажу? — Какимъ образомъ ремесла могутъ въ городахъ усовершаться безъ соревнованія ремесленниковъ; а какое можетъ быть соревнованіе ремесленниковъ, когда они разсѣяны и въ рабствѣ? Утвердительно можно сказать, что въ семъ порядкѣ никогда у насъ ни городовъ, ни прочнаго городскаго состоянія не будетъ.

Отъ права продажи крестьянъ безъ земли, отъ права отдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, лице крестьянина содѣлалось вещію, дѣйствительнымъ имуществомъ, коимъ владѣлецъ можетъ располагать по произволу, а сей произволъ сколь часто бывалъ, да и нынѣ еще иногда бываетъ жестокъ и злоупотребителенъ,—то доказываютъ дѣла и опытъ.

Мѣры исправленія прежнія.

Нельзя утверждать, чтобъ неудобства сіи были сокрыты отъ Правительства или имъ пренебрегаемы. Но связь сего порядка съ государственными доходами, съ состояніемъ помѣщиковъ и съ рекрутствомъ, особенно же связь его съ порядкомъ повиновенія всегда представляли опаснымъ всякое быстрое въ немъ потрясеніе. Тѣмъ не менѣе однакоже къ исправленію его принимаемы были по временамъ разныя мѣры. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ слѣдующемъ:

Въ 1771 году запрещено людей продавать съ молотка (5 авг. 1771 г., № 13634). Разными узаконеніями дозволено отпускать людей на волю безпошлинно, и отпущеннымъ дано право не записываться ни въ какое состояніе до ревизіи.

Въ 1797 году принята несравненно еще важнѣйшая мѣра. Установленъ трехдневный порядокъ крестьянскихъ работъ, и слѣдовательно въ первый разъ Закономъ признано: 1) что власть помѣщика

надъ крестьяниномъ ограничена половиною силъ его; 2) что другая половина его принадлежитъ ему, а не помѣщику; 3) что посему крестьянинъ можетъ имѣть собственность, и самъ ни чьею полною собственностію быть не можетъ. Хотя же сіи послѣдствія съ точностію и не опредѣлены Закономъ, но они всѣ содержатся въ его смыслѣ.

Съ 1801 года запрещено объявлять о продажѣ людей въ вѣдомостяхъ.

Въ послѣдствіи воспрещено было продавать ихъ на ярмаркахъ, и вообще по вѣрющимъ письмамъ.

Воспрещено укрѣплять недворянамъ подъ видомъ найма и другихъ сдѣлокъ.

Открытъ новый способъ увольненія крестьянъ цѣлыми деревнями—учрежденіемъ состоянія свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Людей, отыскивавшихъ свободу и разъ оную получившихъ, запрещено возвращать помѣщикамъ.

По мѣрѣ доходившихъ свѣдѣній о жестокостяхъ, пресѣкаемы онѣ были строго и неупустительно. Генералъ-Губернаторамъ и отчасти Губернаторамъ подтверждена власть брать имѣнія въ опеку.

Главная же мѣра въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ состояла въ томъ, что вовсе прекращена раздача деревень въ собственность.

За тѣмъ многократно помышляемо было о пресѣченіи продажи людей безъ земли, но мѣра сія по разнымъ уваженіямъ всегда была отлагаема.

МѢРЫ ИСПРАВЛЕНІЯ, ВНОВЬ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЯ.

Между тѣмъ однакожъ время течетъ и, благотворнымъ своимъ дѣйствіемъ постепенно смягчая нравы, дѣлаетъ рабство съ одной стороны менѣе жестокимъ, а съ другой и менѣе необходимымъ. По мѣрѣ населенія возвышается цѣна на земли, умножается количество рукъ, умѣряется цѣна вольныхъ работъ и работы принужденныя теряютъ свое преимущество. Толпы дворовыхъ людей съ ихъ потомствомъ день ото дня становятся тягостнѣе и несноснѣе. Такимъ образомъ каждый день стираются прежнія побужденія, измѣняются прежніе расчеты, разрѣшаются сомнѣнія и устраняются препятствія.

По сему естественному движенію и наклонности, почти общей, Правительство одно можетъ дать надлежащую благовременность и успѣшное направленіе.

Два рода мѣръ къ сему представляются нужными: однѣ первоначальныя и основныя, другія постепенныя, на нѣсколько лѣтъ въ связи расположенныя.

I. Мѣры первоначальныя и основныя.

Мѣры первоначальныя и основныя, согласно Высочайшему предназначенію, будутъ состоять въ слѣдующемъ:

1) *О дворовыхъ людяхъ.*

Первое. Какъ первоначальное смѣшеніе въ крѣпостныхъ состояніяхъ произошло отъ смѣшенія крестьянъ и дворовыхъ людей въ народной переписи, то и первоначальная мѣра исправленія весьма справедливо полагается въ томъ, чтобы раздѣлить сіи состоянія посредствомъ особой переписи, и въ слѣдствіи того,

Второе, учредить перепись дворовыхъ людей отдѣльно отъ народной переписи.

Третіе. Какъ при прежнихъ ревизіяхъ дворовые люди писались или при деревняхъ или при городскихъ домахъ, на тотъ конецъ, дабы сборъ подлежащихъ съ нихъ податей и отправленіе причитающейся съ нихъ рекрутской повинности могли быть постоянны и во взысканіи ихъ достовѣрны: то и при отдѣльной ревизіи сохранить тоже правило, съ слѣдующими измѣненіями:

1) При новой переписи писать дворовыхъ людей при деревняхъ: но, какъ сказано въ § 1-мъ, отдѣльною отъ крестьянъ статьею; кто же деревень не имѣетъ, тому дворовыхъ людей записывать по городамъ въ служебные цехи, по порядку, ниже сего въ статьѣ 7-й установленному.

2) Подушную подать съ дворовыхъ людей платить отдѣльно отъ подати съ крестьянъ, взыскивая оную въ тѣже сроки, не съ деревень и крестьянъ, но съ помѣщиковъ, коимъ они служатъ.

3) Въ раскладку рекрутской повинности вводить ихъ также отдѣльно по особой ихъ ревизіи, такъ, чтобъ пятисотные ихъ участки по всей губерніи составлены были единственно изъ дворовыхъ людей, на томъ же основаніи, какъ слагается одинъ рекрутскій участокъ изъ разныхъ владѣній мелкопомѣстныхъ; при чемъ каждый

помѣщичій дворъ, хотя бы онъ содержалъ и менѣе 20-ти душъ дворовыхъ людей, входитъ въ общую раскладку и несетъ по жеребью причитающуюся съ него рекрутскую повинность натурою; гдѣ же не будетъ найдено въ числѣ дворовыхъ людей годнаго рекрута, тамъ взыскивать не по 500 р., но по 1,000 рублей деньгами.

4) Запрещается вмѣсто дворовыхъ людей ставить рекрутъ изъ крестьянъ; но дозволяется, вмѣсто крестьянъ, ставить рекрутъ изъ дворовыхъ людей, не зачитая однакожъ сихъ рекрутъ вмѣсто тѣхъ, кои съ самихъ дворовыхъ людей, по особой ихъ ревизіи и раскладкѣ, слѣдовать будутъ.

Четвертое. Со дня состоянія указа объ особой переписи, на будущее время запрещается брать въ дворовые люди изъ крестьянъ; но какъ при ревизіи, такъ и послѣ оной, дозволяется переводить дворовыхъ людей въ крестьяне на слѣдующемъ основаніи: 1) переводъ долженъ быть произведенъ безъ разлученія семействъ, къ семейству же причислять мужа и жену и малолѣтнихъ дѣтей ихъ до 10 лѣтъ; 2) дворовый человѣкъ, переведенный въ крестьяне, не только долженъ быть перечисленъ по книгамъ въ Казенной Палатѣ установленнымъ для сего порядкомъ, но и дѣйствительно, въ теченіи одного года долженъ быть водворенъ въ деревнѣ; 3) за перечисленіе безъ дѣйствительнаго въ узаконенный срокъ водворенія назначаются слѣдующія пени: во 1-хъ, съ виновнаго въ семъ поступкѣ взыскивается по 500 руб. штрафа за каждую перечисленную и неводворенную душу, на томъ же основаніи, какъ за прописныя въ ревизіи души; во 2-хъ, за каждую таковую душу помѣщикъ обязывается платить двойныя подушныя впредь до новой ревизіи.

Пятое. Не считать переводомъ крестьянъ въ дворовые люди, когда по волѣ владѣльца употребляются они на фабрикахъ и заводахъ и вообще по всѣмъ хозяйственнымъ заведеніямъ не въ личной непремѣнной службѣ помѣщика, но на издѣліи, располагаемомъ по общему о крестьянскихъ работахъ трехдневному положенію.

Всѣ таковыя работы и повинности, не составляя личной дворовой службы и не перемѣняя крестьянскаго состоянія по распоряженію помѣщика должны быть отправляемы крестьянами безпрекословно.

Шестое. Подушная подать, слѣдующая съ дворовыхъ людей, установлена будетъ по окончаніи ревизіи ихъ отдѣльно отъ кресть-

янъ, особеннымъ указомъ; рекрутская же съ нихъ повинность—по количеству душъ, или по пятисотнымъ ихъ участкамъ, установляема будетъ каждый разъ, также отъ крестьянъ отдѣльно, при изданіи указовъ о рекрутскомъ наборѣ.

Седьмое. Тѣмъ, кои не имѣютъ деревень, дозволяется, на основаніи установленія въ 3-й статьѣ сего положенія, приписывать дворовыхъ людей къ городамъ. Для сего во всѣхъ городахъ учреждаются два рода служебныхъ цеховъ: одинъ для дворовыхъ людей, отпущенныхъ на волю, другой для крѣпостныхъ помѣщичьихъ. На приписку какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ цехъ, не требуется согласія мѣщанскихъ обществъ; но въ замѣнъ того и мѣщанскія общества не обязаны за таковыхъ людей платить казенныя подати и отправлять повинности, а взыскиваются оныя съ нихъ непосредственно и отдѣльно, по особому о таковыхъ цехахъ подробному положенію.

Восьмое. Каждый можетъ отпускать дворовыхъ людей на волю по существующимъ на сіе узаконеніямъ, и съ тѣмъ: 1) что въ отпускныхъ могутъ быть постановляемы условія не только въ единовременномъ или по срокамъ платежѣ условленной капитальной суммы, но и въ опредѣленномъ оброкѣ, платимомъ ежегодно, или по жизнь увольняемаго, или на опредѣленное число лѣтъ; однако же въ семъ послѣднемъ случаѣ всегда въ тѣхъ же условіяхъ должна быть постановляема капитальная сумма, которая уволеннымъ можетъ быть внесена вмѣсто положеннаго оброка и по заплатѣ коей оброкъ прекращается; 2) всѣ платежи, въ условіяхъ таковыхъ постановленные, взыскиваются съ увольняемыхъ предпочтительно всѣмъ другимъ казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, такъ точно, какъ бы они залогомъ были обезпечены; за неисправность въ платежѣ капитальной суммы или оброка, виновные подвергаются тюремному заключенію доколѣ всей должной ими суммы не заплатятъ; 3) если дворовый человѣкъ, отпускаемый на волю, состоитъ вмѣстѣ съ деревнею въ залогѣ въ кредитныхъ установленіяхъ: то въ числѣ условій, къ увольненію необходимыхъ, помѣщается предварительное согласіе, безъ коего и отпускная недѣйствительна. Согласіе же дается: 1) когда по расчету платежей долгъ обезпечивается достаточно остальнымъ имуществомъ, въ залогѣ остающимся, или 2) когда внесена будетъ подлежащая въ число долга съ увольняемаго лица

сумма. 4) Дворовые люди, отпущенные на волю, съ состоянія сего указа, обязаны избрать родъ жизни въ годъ послѣ совершенія отпускной, и помѣщикъ, не до ревизіи, но единственно за сей годъ обязанъ платить за нихъ подати. Если же въ теченіи года не изберутъ они рода жизни, то считать ихъ бродягами и поступать съ ними по существующимъ о бродягахъ законамъ. Когда же они въ узаконенный годичный срокъ будутъ куда либо приписаны по собственному выбору, то увольняются еще на одинъ годъ отъ платежа всякихъ по новому ихъ состоянію податей. Впрочемъ помѣщикъ, при выдачѣ отпускной, можетъ взыскать съ увольняемаго и внести за него въ казну всѣ подати за столько лѣтъ, сколько остается до новой ревизіи. Срокъ оной вообще опредѣляется чрезъ 15 лѣтъ послѣ предшедшей и срокъ сей, для расчета при отпускныхъ, полагается постояннымъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ ревизія послѣдовала и позднѣе, такъ что помѣщикъ, желающій уплатить за увольняемаго всѣ подати совокупно, не обязанъ вносить болѣе какъ по расчету до сего срока.

Девятое. Дворовые люди, состоя въ крѣпостномъ правѣ у владѣльцевъ, и бывъ обязаны имъ личною службою и безмолвнымъ повиновеніемъ, въ случаѣ непослушанія и какихъ либо продерзостей, подлежатъ по прежнему не токмо всѣмъ мѣрамъ домашняго исправленія, но и отдачѣ въ смирительные и рабочіе домы и наказаніямъ при полиціяхъ, по просьбамъ и предъявленіямъ ихъ владѣльцевъ. Сверхъ сего, на основаніи Высочайше утвержденнаго 30 августа 1827 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, помѣщики могутъ представлять неисправимыхъ людей въ Губернское Правленіе, объявляя, что не желаютъ имѣть ихъ при себѣ или въ своемъ селеніи. Въ сихъ случаяхъ Губернскія Правленія, сообразуясь въ точности съ правилами, въ томъ же Высочайше утвержденномъ мнѣніи Госуд. Совѣта постановленными, ссылаютъ сихъ людей также, какъ бродягъ, съ семействами ихъ на поселеніе въ Сибирь или же обращаютъ ихъ въ Кавказскую или другую отдаленную губернію, въ рабочія роты, или употребляютъ еще иначе, наблюдая только, чтобъ они никакъ не были оставляемы вблизи отъ мѣстъ прежняго ихъ жительства.

Десятое. Никакія денежныя взысканія, ни казенныя, ни частныя, падающія на имущество владѣльца или на личную его свободу, отнынѣ впредь не должны упадать на крѣпостныхъ дворовыхъ людей его, и посему:

Одиннадцатое. Оставляя во всей силѣ и дѣйствіи всѣ продажи и залоги крѣпостныхъ дворовыхъ людей, доселѣ законно совершенные, на будущее время всѣ таковые продажи и залоги, въ качествѣ движимыхъ имуществъ, по купчимъ и закладнымъ крѣпостямъ запрещаются.

2) О крестьянахъ.

Двѣнадцатое. Каждый владѣлецъ имѣетъ законное право принадлежащія ему земли и съ крестьянами, на нихъ поселенными, продавать и закладывать по своему усмотрѣнію, но крестьянъ безъ земли продавать и закладывать, дарить и въ приданое давать отнынѣ впредь запрещается и въ слѣдствіе того постановляется: сохраняя во всей силѣ и дѣйствіи купчія и закладныя крѣпости, доселѣ законно совершенныя, на будущее время совершать оныя не иначе, какъ по формамъ, при семъ прилагаемымъ.

Тринадцатое. Не воспрещается владѣльцамъ переселять крѣпостныхъ крестьянъ съ однихъ земель на другія, тѣмъ же владѣльцамъ принадлежащія, но продавать крестьянъ на сводъ отъ одного владѣльца другому отнынѣ впредь вовсе запрещается.

Четырнадцатое. Продажу одной земли безъ крестьянъ, кои на ней водворены, продажу деревни съ малымъ количествомъ земли изъ той, которая къ ней принадлежитъ, также продажу извѣстнаго числа дворовъ изъ деревни съ количествомъ земли менѣе того, какое на нихъ изъ всей земли причитается и наконецъ продажу земли съ крестьянами и потомъ перепродажу одной земли безъ крестьянъ тому же или другому владѣльцу,—всѣ таковыя продажи считать недѣйствительными и ничтожными, и за подлогъ, если онъ откроется, судить по законамъ.

Пятнадцатое. Какъ займы въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, на залогѣ недвижимыхъ имѣній основанные, на сихъ самыхъ имѣніяхъ утверждаются: то и формы свидѣтельствъ о благонадежности таковыхъ залоговъ изъ установленныхъ мѣстъ выдаваемыя, должны быть тому сообразны, и въ слѣдствіе того

Шестнадцатое. Оставляя во всей силѣ и дѣйствіи займы, по прежнимъ свидѣтельствамъ въ сихъ мѣстахъ совершенные, на будущее время установляются свидѣтельства по образцамъ, при семъ прилагаемымъ.

Семнадцатое. Какъ по симъ свидѣтельствамъ въ существѣ и твер-

дости залога не вводится никакого измѣненія, то и всѣ условія займа и послѣдствія сихъ условій въ образѣ взысканія остаются безъ всякой перемѣны на точномъ основаніи изданныхъ на сіе уставовъ и правилъ, но для единообразія всѣ заемщики обязаны, въ теченіи двухъ лѣтъ, перемѣнить прежнія свидѣтельства на новыя, въ чемъ мѣста, выдающія свидѣтельства, не могутъ дѣлать ни малѣйшаго никому затрудненія, развѣ бы между тѣмъ имѣніе заложенное подверглось описи и законному взысканію.

II. Мѣры постоянныя.

Основныя мѣры, выше сего изложенныя, произведутъ слѣдующія двѣ существенныя пользы: 1) они обратятъ крѣпостное право на крестьянъ въ прежнее его законное положеніе, т. е. сдѣлаютъ ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу; прекратятъ личную продажу ихъ въ видѣ собственности или движимаго имущества; уничтожатъ то унизительное понятіе, какое внутри и внѣ Россіи имѣютъ о рабствѣ крестьянъ; 2) состояніе дворовыхъ людей само собою и нечувствительно прекратится; часть ихъ обратится въ крестьянство, другая отпущена будетъ на волю, съ одной стороны по удобству, какое вновь къ сему открывается, а съ другой по затрудненіямъ въ продажѣ и по тройной подати, которую послѣ ревизіи на нихъ опредѣлить предполагается.

Но сіи основныя мѣры не разрѣшатъ всѣхъ затрудненій, не установятъ еще съ твердостію крестьянскаго положенія, не прекратятъ, съ одной стороны, злоупотребленій худыхъ помѣщиковъ, а съ другой—продерзостей и неповиновенія крестьянъ.

Единственное, рѣшательное къ сему средство есть опредѣленіе всѣхъ крестьянскихъ работъ и повинностей договоромъ.

Но сіе важное преобразованіе крѣпостнаго права не можетъ совершиться иначе, какъ мѣрами, зрѣло и въ совокупности ихъ соображенными, и потомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постепенно въ дѣйствіе приводимыми.

Первою изъ сихъ мѣръ должно быть устройство казенныхъ крестьянъ. Сей родъ людей бѣднѣетъ и раззоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ также неопредѣлены. Съ одной десятины худой земли казенный крестьянинъ платитъ столько же оброку, несетъ столько же разнообразныхъ зем-

скихъ и волостныхъ повинностей, какъ другой съ восьмю или болѣе. Земскіе исправники суть тоже помѣщики, съ тою токмо разностію, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но въ замѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочатъ.

Объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ сдѣланы были разныя предположенія; надлежитъ ихъ пересмотрѣть, сообразить и постепенно приводить въ дѣйствіе. Случай и поводъ къ сему весьма естественный представляется при разсмотрѣніи той части Уложенія, въ коей опредѣлятся право состояній, ибо и прочія состоянія, какъ то мѣщанское и гражданское, требуютъ пересмотра и исправленія.

Второю за симъ мѣрою будетъ приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ тоже положеніе, какое будетъ опредѣлено для крестьянъ казенныхъ. Отношенія помѣщичьихъ крестьянъ къ владѣльцамъ земли должны быть почти тѣ же, какъ и крестьянъ казенныхъ къ казнѣ. Все различіе можетъ состоять 1) въ управѣ полиціи; 2) въ особенномъ порядкѣ, коимъ оброки въ помѣщичьихъ селеніяхъ могутъ быть замѣняемы работами на хозяйственныхъ помѣщичьихъ заведеніяхъ. Но прежде, нежели можно будетъ приступить къ обоимъ симъ мѣрамъ, необходимо должно пересмотрѣть и исправить устройство земскаго управленія, ибо какой законъ можетъ произвесть полезное дѣйствіе при настоящемъ образѣ исполненія? Устройству сему также положено начало и сдѣланы разныя предположенія.

Между тѣмъ есть мѣра средняя, которую въ слѣдъ за первыми основными мѣрами принять можно. Это есть лучшій распорядокъ въ увольненіи крестьянъ. Нынѣ есть о семъ два положенія: 1) объ увольненіи личномъ и 2) объ увольненіи съ землею.

Личное увольненіе крестьянъ подвержено тѣмъ же затрудненіямъ, какъ и дворовыхъ людей, т. е. помѣщикъ обязанъ платить подати до ревизіи; а крестьянинъ не можетъ быть принятъ ни въ сельское, ни въ мѣщанское свободное сословіе безъ согласія.

Увольненіе съ землею, т. е. въ свободные хлѣбопашцы, также имѣетъ разныя стѣсненія, какъ-то: 1) нельзя увольнять по духовнымъ завѣщаніямъ; 2) нельзя увольнять цѣлыми деревнями такъ, чтобъ крестьяне были лично свободны, а земля была бы имъ отдаваема въ наемъ по договорамъ; 3) нельзя крестьянъ, уволенныхъ

отъ одного помѣщика, принять и поселить въ земляхъ другаго съ оброкомъ по договору.

Прекращеніе всѣхъ сихъ и имъ подобныхъ стѣсненій послужило бы наилучшею мѣрою постепеннаго перехода изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе. Къ сему надлежитъ только пересмотрѣть и расширить существующія нынѣ положенія.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ.*

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ,

отъ 1710—1726.

Совѣтъ.—Сенатъ.—Коллегіи.—Порядокъ докладовъ.

1. СОВѢТЪ.

Образъ управленія, предшествовавшій учрежденіямъ Петра Великаго, состоялъ въ установленіяхъ троякаго рода: одни изъ нихъ были сословія совѣщательныя, и сіи составляли высшую степень; таковы были: Большая Дума, Золотая Палата, Отвѣтная Палата, Разрядъ и Расправная Палата. Каждый изъ сихъ Совѣтовъ состоялъ изъ большаго или меньшаго числа бояръ и думныхъ людей. Другія были судебныя вмѣстѣ и управительныя, и составляли степень среднюю. Таковы были разные Московскіе Приказы, числомъ всего около сорока. Они ввѣрялись обыкновенно одному лицу съ товарищемъ или безъ онаго, но всегда съ дьякомъ. Третья и низшая степень управленія ввѣряема была въ провинціяхъ воеводамъ и ихъ товарищамъ. Долголѣтній опытъ доказывалъ неудобства сихъ установленій. Высшій ихъ степень—Совѣщательныя Палаты, не имѣли единства; а средній, бывъ ввѣренъ лицамъ, и по имени и по дѣлу былъ дѣйствительно самовластнымъ приказнымъ управле-

(*) Сочиненіе это, сколько намъ извѣстно, было написано графомъ М. М. Сперанскимъ въ концѣ 1826-го и началѣ 1827 года, между прочимъ въ опровержение мыслей о государственныхъ установленіяхъ, изложенныхъ въ одной бывшей въ то время весьма извѣстной запискѣ; почему относящееся сюда извлеченіе изъ этой записки прилагается въ концѣ настоящей статьи. *Ред.*

ніемъ. Былъ еще третій родъ управленія, учреждаемаго на время отсутствія Государей изъ Москвы. Онъ состоялъ въ препорученіи всѣхъ дѣлъ верховному надзору одного, двухъ или болѣе избранныхъ лицъ съ обширною властію. Они были какъ бы Намѣстники Государя во всемъ Государствѣ. Сіе называлось: *приказать Москву*. Власть сія иногда препоручаема была Расправной Палатѣ.

Порядокъ новыхъ государственныхъ установленій, предназначенныхъ Петромъ Великимъ въ замѣнъ старыхъ, начался соединеніемъ дѣлъ, въ прежнихъ Палатахъ разсѣянныхъ, въ одинъ составъ, въ Ближнюю Государеву Канцелярію. Въ указѣ 1708 г. января 26 сказано: «Министрамъ, коимъ бываетъ съѣздъ въ ближнюю канцелярію, съѣзжаться три раза въ недѣлю (понедѣльникъ, среду и пятницу)». Засѣданія ихъ были въ присутствіи Государя и именовались *Консиліи*. О родѣ дѣлъ и порядкѣ ихъ производства въ семъ Совѣтѣ не дошло до насъ точныхъ свѣдѣній; но то достовѣрно извѣстно, что онъ былъ просто совѣщательный, и не имѣлъ никакой власти исполнительной.

II. СЕНАТЪ.

Учрежденію Сената предшествовалъ нѣкоторый распорядокъ въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи. Въ 8-ми губерніяхъ опредѣлены губернаторы, въ провинціяхъ правили воеводы, въ городахъ комендапты и ратуши, въ уѣздахъ ландраты и коммисары. Всѣмъ симъ мѣстнымъ начальствамъ постановлено въ 1711 году одно средоточіе: Сенатъ.

Подъ именемъ Сената должно различать два разныя установленія: одно временное, другое постоянное.

Сенатъ въ 1711 году учрежденъ былъ по случаю и на время отсутствія Государя, съ тою же властію и сообразно тому же правилу, какое и прежде въ отсутствіяхъ наблюдалось. Учрежденіе сіе было необходимо, потому что Совѣтъ или Ближняя Канцелярія, яко мѣсто совѣщательное, не могла управлять Государствомъ, и сверхъ того особы, ее составлявшія, слѣдовали за Государемъ.

Сей Сенатъ былъ сословіе 8-ми особъ, коимъ, на случай отсутствія, по старому обычаю *приказано* было Государство. Особый

наказъ опредѣлялъ главные его предметы: судъ, дѣла финансовыя и попеченіе о Китайской и Персидской торговлѣ [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ учиненъ нѣкоторый распорядокъ дѣлъ въ его канцеляріи [2].

Но прежде, какъ въ 1718 году, когда учрежденіе Коллегій было рѣшено, и нѣкоторыя изъ нихъ были уже въ дѣйствіи, Сенатъ началъ принимать видъ постоянный, государственный. Въ теченіи четырехъ послѣдующихъ лѣтъ опредѣленъ составъ его, предметы, образъ производства дѣлъ, степень власти и отвѣтственность.

Составъ Сената былъ коллегіяльный. Онъ долженъ былъ состоять изъ Дѣйствительныхъ Тайныхъ и Тайныхъ Совѣтниковъ, изъ Президентовъ Коллегій [3] и изъ Министровъ, бывшихъ при иностранныхъ Дворахъ [4], въ одномъ нераздѣльномъ присутствіи, подъ предсѣдательствомъ самого Государя и съ надзоромъ Генералъ-Прокурора, коего званіе въ первый разъ въ 1722 году учреждено [5].

Предметы его были три слѣдующіе: 1) совѣщанія по законодательству [6]; 2) окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ высшаго управленія и надзора [7]; 3) окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ судебныхъ [8].

Образъ производства дѣлъ установленъ тотъ же, какъ и въ Коллегіяхъ, съ слѣдующимъ токмо различіемъ, что всякое опредѣленіе Сената *не единогласное* велѣно считать недѣйствительнымъ, и слѣдственно дѣло поступало къ Государю; напротивъ, всякое опредѣленіе единогласное, если оно не было остановлено Генералъ-Прокуроромъ, велѣно приводить въ исполненіе [9].

Степень власти и ея предѣлы. Указамъ Сената велѣно быть послушнымъ, какъ самому Государю [10]. Въ дѣлахъ судныхъ жалобы на Сенатъ нигдѣ не пріемлются, и даже запрещено приносить

---

[1] 1711 марта 2.—[2] 1711 марта 27 Канцелярія Сената раздѣлена на 4 стола: секретный, приказный, губернскій и разрядный.—[3] 1718 г. февраля 7.—[4] 1722 генваря 12.—[5] Тамъ же.—[6] 1722, апрѣля, ст. 2: «кому въ Коллегіи такое дѣло случится, которое ей рѣшить невозможно: то тѣ дѣла Президенту Коллегіи приносить и объявлять Генералъ-Прокурору, который долженъ представить въ Сенатъ, а чего невозможно рѣшить, о томъ приложа свое мнѣніе учинить предложеніе въ докладъ».—[7] Тамъ же ст. 2, 3, 4, 5, 6.—[8] Тамъ же ст. 4.—[9] 1722, апрѣля, ст. 7, 8, 9, 10, 11, и Ген. Реглам. 1720.—[10] 1711 марта 2.

ихъ подъ смертною казнію [1]. По сей власти постановлены слѣдующіе предѣлы: 1) каждой Коллегіи дано право представлять Сенату, если бы въ указахъ его нашла она что либо противное указамъ Государя или государственнымъ пользамъ; если сіе представленіе не будетъ уважено, и Сенатъ подтвердитъ свое повелѣніе: то Коллегія обязана его исполнить, но въ тоже время она обязана донести Государю подъ собственною своею тяжкою отвѣтственностію [2]. 2) Генералъ-Прокуроръ можетъ остановить рѣшеніе Сената и донести Государю.

Отвѣтственность Сената. Сенатъ отвѣтствовалъ предъ Государемъ, если бы постановилъ что либо въ отмѣну Государевыхъ указовъ, или противное государственнымъ пользамъ [3]. Мѣсто суда для Сенаторовъ въ преступленіи ихъ должностей хотя не было съ точностію опредѣлено; но оно не могло быть другое, какъ въ самомъ Сенатѣ.

III. КОЛЛЕГІИ.

Безпорядки и злоупотребленія бывшаго прежде личнаго приказнаго управленія представляли необходимымъ ввести порядокъ коллегіальный. Еще въ 1714 году [4], прежде учрежденія Коллегій, велѣно въ Сенатѣ и въ губерніяхъ, въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, всѣ рѣшенія производить протоколами не одному лицу, но всѣмъ, къ тому приставленнымъ; а дьякамъ и секретарямъ запрещено подъ смертною казнію крѣпить и разсылать указы прежде подписанія протоколовъ; но какъ въ сіе время не имѣли еще точныхъ понятій ни о протоколахъ, ни о коллегіяхъ: то и угрозы сіи оставались безъ дѣйствія.

Къ учрежденію Коллегій приступлено тѣмъ, что въ 1715 году чрезъ Министра нашего въ Копенгагенѣ истребованы Уставы Датскіе. Предполагаемо было даже вызвать оттуда и Совѣтниковъ, кои бы, обучась по Русски, могли способствовать къ ихъ образованію: ибо, какъ сказано въ собственноручной Государевой запискѣ, «всѣхъ циркумстанцій въ книгахъ не пишутъ». Вслѣдъ за тѣмъ поручено выписать и Уставы Шведскіе.

---

[1] 1718 декабря 22, пунктъ 5.—[2] Ген. Регл. гл. 2.—[3] Тамъ же.—[4] 1714 апр. 4.

Наконецъ въ 1718 году явилось учрежденіе Коллегій (1). Въ теченіи двухъ лѣтъ ихъ учреждено было девять. Въ 1720 году (2) данъ имъ общій Генеральный Регламентъ, и съ сего времени указъ 1714 года вошелъ въ свою силу, то есть велѣно всѣ дѣла производить коллегіяльнымъ порядкомъ. Не токмо всѣ дѣла управленія, но и всѣ дѣла высшаго суда размѣщены были въ сихъ установленіяхъ. Судъ не былъ еще тогда отдѣленъ отъ прочихъ управленій. Такъ Коммерцъ-Коллегія не токмо управляла дѣлами торговыми, но и судила торгующихъ; Бергъ-Коллегія вѣдала судомъ заводчиковъ, Мануфактуръ-Коллегія—фабрикантовъ, и такъ далѣе. Вѣдомство же высшаго суда по дѣламъ земской собственности, такъ какъ и по дѣламъ уголовнымъ ввѣрено было Юстицъ-Коллегіи и Вотчинной Коллегіи.

Составъ Коллегій. Каждая Коллегія слагалась по роду и количеству дѣлъ изъ Отдѣленій или Экспедицій, и каждая изъ сихъ Экспедицій ввѣрялась Президентомъ Совѣтнику, или Ассессору, *въ особливое надзираніе и попеченіе;* надъ всѣми же ими Президентъ долженъ былъ имѣть *генеральную и верховную дирекцію* (3). Хотя опредѣленіе членовъ зависѣло отъ Сената, но Президентъ имѣлъ надъ ними слѣдующую власть: 1) онъ могъ о тѣхъ изъ нихъ, коихъ найдетъ *мало разумными, или слабыми, представлять Сенату, чтобъ искуснѣйшихъ опредѣлилъ;* 2) о нерадивыхъ, если по увѣщанію его они не исправятся, представлять также Сенату; 3) наконецъ тѣхъ изъ нихъ, отъ нерадѣнія коихъ вредительная въ дѣлахъ остановка учинится, Президентъ могъ или *понизить въ чинъ* (т. е. въ должности), *или и весьма отставить* (4). Одинъ день въ каждой недѣлѣ, и именно въ четвертокъ, всѣ Президенты обязаны были съѣзжаться въ Сенатскую Палату, и слѣдовательно день сей былъ общимъ собраніемъ всѣхъ Коллегій въ Сенатѣ въ лицѣ ихъ Президентовъ (5). Впослѣдствіи, когда найдено было, что сіи собранія отвлекаютъ Президентовъ отъ дѣлъ ихъ, опредѣлены были указомъ 12 января 1722 г. вторые президенты для присутствія въ Сенатѣ.

Предметы Коллегій опредѣлены особенными ихъ Регламентами и общимъ росписаніемъ.

---

(1) Указъ 12 апрѣля 1718.—(2) Ген. Реглам. 1720 г., февр.—(3) Ген. Реглам. гл. 8.—(4) Ген. Регл. гл. 25.—(5) Тамъ же, гл. 3.

Производство дѣлъ. Дѣла принимаются, распечатываются и предлагаются въ общемъ Присутствіи Коллегіи ([1]). Они рѣшатся по большинству голосовъ; а въ случаѣ равенства голосъ Президента дастъ перевѣсъ. Несогласные съ большинствомъ могутъ записать голоса свои въ протоколъ ([2]). Симъ освобождаются они отъ взысканія въ случаѣ неправильнаго рѣшенія въ Коллегіи. Но если дѣло рѣшеніемъ ея будетъ окончено и не поступитъ на ревизію: то голоса несогласныхъ не имѣютъ никакого дѣйствія. Дѣла челобитчиковы должны быть рѣшены въ Коллегіи не позже 6-ти мѣсяцевъ подъ строгимъ прещеніемъ за проволочку ([3]).

Власть Коллегій и предѣлы ея. Коллегія принимаетъ указы только отъ Государя и Сената ([4]). Всѣ другія мѣста низшія обязаны исполнять ея указы. Сверхъ сего Коллегія имѣла два важныя права: 1) дѣлать предъявленія Государю противъ указовъ Сената, когда они были въ отмѣну указовъ Именныхъ, или противны Государственной пользѣ; 2) доносить самому Государю, также и Сенату, ежели что усмотритъ къ произведенію какой государственной пользы ([5]). Предѣлы власти въ Коллегіи не были установлены съ точностію. Не опредѣлено, въ какихъ случаяхъ рѣшенія ея должны быть окончательными, и въ какихъ подлежатъ пересмотру Сената. Постановлено токмо, *чтобъ дѣла сомнительныя и какого изъясненія требующія не скоро спѣшить вершеніемъ, но или Сенату докладывать, или справиться откуда надлежитъ* ([6]). Фискалъ въ Коллегіи, въ случаѣ неправильности ея дѣйствій, могъ предлагать объ исправленіи и доносить Генералъ Фискалу ([7]), а сей Сенату; но не дано власти ни тому, ни другому остановлять рѣшеніе Коллегіи. Жалобы отъ частныхъ людей на Коллегію хотя и могли быть приносимы, но не прямо въ Сенатъ, а чрезъ посредство Рекетмейстера, который обязанъ былъ, пересмотрѣвъ дѣло, доносить Государю, а въ отсутствіи Государя Сенату ([8]). Прямой апелляціи на Коллегіи установлено еще не было.

Отвѣтственность. Члены Коллегіи, въ случаѣ преступленія должности по счетамъ, судимы были въ Ревизіонъ-Коллегіи, а въ

([1]) Ген. Регл. гл. 16.—([2]) Ген. Регл. гл. 6.—([3]) Тамъ же. — ([4]) Тамъ же гл. 2.—([5]) Тамъ же, гл. 56.—([6]) Тамъ же, гл. 6.—([7]) Тамъ же, гл. 45.—([8]) Должн. Сената 1722 г. апрѣля 27, ст. 3.

прочихъ дѣлахъ въ Юстицъ-коллегіи (¹). О Президентахъ ничего въ особенности не постановлено.

IV. ПОРЯДОКЪ ДОКЛАДОВЪ.

Власть законодательная, правительственная и судебная, дѣйствуя въ разныхъ установленіяхъ, всегда остается соединенною и нераздѣльною въ Особѣ Государя.

Между сею властью нераздѣльною и установленіями, въ коихъ она дѣйствуетъ раздѣльно, долженъ быть учрежденъ порядокъ сношеній, и учрежденіе сего порядка составляетъ само по себѣ весьма важную часть государственнаго управленія.

Порядокъ, коимъ дѣла въ первомъ періодѣ восходили на окончательное Высочайшее усмотрѣніе, т. е. порядокъ докладовъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Въ Совѣтѣ, или Ближней Канцеляріи докладъ былъ непосредственный, ибо Государь самъ тутъ присутствовалъ.

Въ Сенатѣ докладъ могъ имѣть три вида: по разногласію Сенаторовъ, по разногласію Генералъ-Прокурора и по недостатку законовъ. Исключая тѣхъ случаевъ, когда Государь самъ предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ, всѣ сіи доклады восходили къ нему посредствомъ Генералъ-Прокурора и чрезъ него же изходили Высочайшія рѣшенія.

Въ Коллегіяхъ докладъ производимъ было двояко: чрезъ Сенатъ, и слѣдовательно чрезъ Генералъ-Прокурора, и прямо чрезъ ихъ Президентовъ. Изъ дѣлъ видно, что сей послѣдній путь былъ предпочитаемъ.

По разуму узаконеній того времени, жалобы частныхъ лицъ ни въ какомъ случаѣ не должны были непосредственно восходить къ Государю. Челобитныя на медленность или неправильность рѣшеній могли быть приносимы на Нижніе Провинціальные Суды въ Судахъ Надворныхъ, а на Надворные въ Коллегіяхъ. Далѣе сего жалобы челобитныя прямымъ путемъ не восходили. За непосредственныя жалобы Государю на Сенатъ положена смертная казнь, а на Коллегіи каторжная работа (²). Но какъ въ Коллегіяхъ могла быть и медленность и неправда, то посему надлежало установить поря-

---

(¹) Ген. Регл., гл. 51.—(²) Инстр. Рекетм. (23 февр. 1722) пункт. 7.

докъ, коимъ жалобы могли восходить къ Сенату. Для сего учреждено званіе Рекетмейстера [1].

Предметы. Дѣйствію сей власти подлежали всѣ дѣла въ Коллегіяхъ производимыя.

Образъ производства дѣлъ у Рекетмейстера былъ двоякій: 1) по жалобамъ на медленность онъ обязанъ былъ *самъ* ходить въ Коллегіи, удостовѣряться въ положеніи дѣла, побуждать Президента и доносить Сенату [2]. 2) По жалобамъ на неправыя рѣшенія онъ обязанъ былъ, съ доклада Сенату, брать къ себѣ дѣла, составлять изъ нихъ выписки, и съ рукоприкладствомъ челобитчиковъ и членовъ Коллегіи представлять сіи выписки Сенату для пересмотра и рѣшенія [3]. Сей послѣдній образъ производства вскорѣ, и именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, нѣсколько измѣнился. Въ указѣ о должности Сената (апрѣля 27-го 1722, пункт. 4) постановлено, чтобъ Рекетмейстеръ о неправостяхъ Коллегіи доносилъ Государю, а *въ отлучкахъ Императорскихъ* предлагалъ Сенату.

Власть Рекетмейстера состояла въ побужденіи къ скорѣйшему рѣшенію въ Коллегіяхъ. Предѣлы сей власти состояли въ томъ, что Рекетмейстеръ ничего самъ не могъ рѣшить, даже не давалъ по дѣлу и мнѣнія, но обязанъ былъ токмо составить выписку, представить ее на усмотрѣніе Сената и требовать его рѣшенія [4].

Отвѣтственность. «Ежели Рекетмейстеръ жалобъ для какой страсти принимать не будетъ, и тѣмъ людямъ бить на него челомъ въ Сенатѣ [5].»

Въ семъ, кратко, состоитъ образованіе Государственныхъ установленій въ первомъ періодѣ бытія ихъ.

Четыре главные недостатка представляются въ семъ образованіи.

1) *Смѣшеніе предметовъ.* Сенатъ былъ верховное мѣсто законодательныхъ совѣщаній, судебныхъ рѣшеній и вмѣстѣ управленія. Коллегіи имѣли также власть не только управлять и судить управляемыхъ, но и входить въ законодательныя соображенія и представлять о нихъ прямо Государю [6]. Хотя же власть судебная Сената сначала и была ограничена тѣми токмо дѣлами, кои Рекетмейстеръ оному предложитъ; но въ послѣдствіи, и именно указомъ

---

[1] Инстр. Рекетм., 23 февр. 1722 г. — [2] Тамъ же, п. 1. — [3] Тамъ же, пункт. 2.—[4] Тамъ же пункт. 2.—[5] Тамъ же, п. 7.—[6] Реглам. 1720, гл. 56.

1725 октября 5, разрѣшено приносить жалобы на Коллегіи прямо въ Сенатъ. Осталось только въ силѣ запрещеніе жаловаться на Сенатъ Государю. Такимъ образомъ установленіе сіе, по первоначальному учрежденію болѣе совѣщательное и управляющее, нежели судебное, постановлено въ разрядъ судебный, и къ тремъ степенямъ, коими прежде сего весь судъ совершался, введена степень четвертая.

2) *Смѣшеніе въ предѣлахъ власти.* Сенатъ не могъ ничего постановить въ отмѣну Государевыхъ указовъ, но не воспрещено ему было единогласнымъ рѣшеніемъ постановлять дополненія и изъясненія въ законѣ. Право сіе не прежде, какъ въ послѣдующемъ періодѣ было ограничено. Коллегіи имѣли туже самую власть и тѣже точно въ ней предѣлы. Никакимъ закономъ не было воспрещено имъ изъяснять и дополнять существующіе законы. Посему трудно опредѣлить, въ чемъ состояла степень зависимости ихъ отъ Сената. Въ Законѣ сказано (¹): «чего въ Коллегіи рѣшить не можно, о томъ представлять Сенату»; но чего именно въ Коллегіи рѣшить не можно, о томъ нигдѣ не было постановлено и напротивъ каждой Коллегіи дано право все, что усмотритъ къ произведенію какой государственной пользы, доносить Его Величеству. Такимъ образомъ Коллегіи имѣли, равно какъ и Сенатъ, право дополнять и изъяснять законы и также, какъ онъ, могли совѣщанія свои о пользахъ представлять Государю.

3) *Смѣшеніе въ образѣ производства дѣлъ.* Порядокъ совѣщательный весьма различенъ отъ порядка судебнаго, а сей отъ мѣръ управленія. Между тѣмъ Генеральнымъ Регламентомъ 1720 г. установленъ одинъ и тотъ же образъ производства дѣлъ и въ совѣщаніи, и въ судѣ, и въ управленіи, и въ Сенатѣ, и въ Коллегіяхъ. Легко можно представить, какой отъ сего долженъ былъ послѣдовать перевѣсъ въ Сенатѣ Генералъ-Прокурора, а въ Коллегіяхъ Президентовъ (²).

Отъ сихъ коренныхъ недостатковъ: отъ смѣшенія предметовъ, отъ неточности опредѣленія власти и ея предѣловъ, болѣе же отъ смѣшенія въ образѣ производства дѣлъ всѣ сіи установленія начали уже колебаться еще при жизни самого ихъ Учредителя. Сенатъ, назначенный быть средоточіемъ Коллегій, не могъ сохранить сего

(¹) 1722 апр. 27, ст. 2.—(²) См. Примѣчаніе А.

преимущества. Каждая Коллегія, имѣя непосредственныя отношенія къ Государю, предпочитала сей путь какъ кратчайшій и удобнѣйшій. Не токмо три первыя Коллегіи: Иностранная и обѣ Военныя во всѣхъ почти ихъ дѣлахъ относились прямо къ Государю, получали и исполняли его повелѣнія, но и прочія Коллегіи, пользуясь изъятіемъ въ гл. 56-й Регламента даннымъ, старались и успѣвали проложить себѣ тотъ же путь. Отъ сего Собранія Сената пустѣли и, какъ видно изъ указовъ: 1714 апрѣля 16, 1716 января 20 и 1726 февраля 8, члены рѣдко туда являлись, отбывая отъ сихъ засѣданій то подъ предлогомъ другихъ дѣлъ, то подъ видомъ болѣзни, такъ что найдено было необходимымъ для безостановочнаго теченія дѣлъ учредить изъ Сенаторовъ дежурства и даже отряжать для присутствія по двѣ персоны изъ Генералъ-Маіоровъ, съ перемѣною погодно (указъ 8 февраля 1726); больныхъ Сенаторовъ свидѣтельствовали, а съ нерадивыхъ взыскивали за каждый день отсутствія по 50 рублей штрафу.

Въ самыхъ Коллегіяхъ, сколько въ теоріи уважаемо было общее начало совокупности, столько въ практикѣ превозмогало прежнее правило личнаго, отдѣльнаго управленія. Такъ напр. въ одной изъ нихъ, и важнѣйшей—въ Бергъ-Коллегіи, три года спустя послѣ ея учрежденія (въ 1719 году), управленіе и устройство заводовъ Уральскаго хребта, т. е. самая главная и тогда почти единственная часть всего вѣдомства сей Коллегіи поручена была въ полное и непосредственное распоряженіе Генералъ-Маіора Геннина инструкціею прямо отъ Государя ему данною (29 апрѣля 1722) и со властію, почти независимою отъ Коллегіи. Сей образъ управленія продолжался и послѣ, въ лицѣ помощника его Татищева. Къ Коллегіи едва доходили поверхностныя о семъ свѣдѣнія—годовыя табели и донесенія; а къ Сенату и того менѣе.

Однѣ только Судебныя Коллегіи, т. е. Юстицъ-Коллегія, Вотчинная Коллегія и отчасти Ревизіонъ-Коллегія по взысканіямъ и начетамъ держались Сената, и то не сами собою, но по жалобамъ частныхъ людей, на нихъ доходящимъ.

Такимъ образомъ государственныя наши установленія въ самомъ первомъ періодѣ ихъ бытія имѣли уже два вида: одинъ указный, а другой дѣйствительный. Въ первомъ видѣ Сенатъ былъ правительствующій и совѣщательный; а въ другомъ токмо судебный. Въ

первомъ видѣ Коллегіи были ему подвластны, а во второмъ дѣйствовали каждая отдѣльно и получали указы непосредственно. Въ первомъ ничто важное не должно было рѣшаться безъ ихъ опредѣленія, а во второмъ все важное большею частію шло мимо ихъ и управлялось отдѣльно довѣренными лицами.

Отсюда, отъ сей двоякости цѣли и дѣйствія, мы увидимъ въ послѣдующихъ періодахъ непрерывный рядъ измѣненій, поправленій и преобразованій.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

отъ 1726—1775 годъ.

Совѣтъ.—Сенатъ.—Коллегіи.—Порядокъ докладовъ.

I. Совѣтъ.

Совѣтъ, существовавшій при Петрѣ Великомъ, какъ установленіе совѣщательное, подъ именемъ Ближней Канцеляріи, по кончинѣ сего Государя воспріялъ другое имя, имя Верховнаго Тайнаго Совѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ другую власть и другое бытіе.

Въ указѣ 8 февраля 1726 года сказано, что нѣкоторыя изъ лицъ, присутствовавшихъ въ Сенатѣ, часто имѣютъ по должности своей, яко первые Министры, тайные совѣты о политическихъ и о другихъ дѣлахъ и что отъ того, что они обязаны присутствовать въ Сенатѣ, чинится имъ въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ, въ Тайномъ Совѣтѣ, помѣшательство.

Составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Онъ учрежденъ при Дворѣ изъ первыхъ Сенаторовъ съ председательствомъ въ немъ самой Императрицы ([1]).

Предметы. Они съ точностію не означены; но вообще вѣдомству его ввѣрены всѣ дѣла важныя, государственныя ([2]), какъ внѣшнія, такъ и внутреннія.

Образъ производства дѣлъ. О внутреннемъ распорядкѣ дѣлъ въ семъ Совѣтѣ ничего гласно не было постановлено. Сношенія его съ Сенатомъ и съ Коллегіями учреждены въ видѣ указовъ и доношеній. Форма указовъ установлена двоякая: одна за Высочайшимъ подписаніемъ, а другая за подписью Дѣйствительнаго Статскаго Со-

---

([1]) 1726 февр. 6.—([2]) Тамъ же.

вѣтника Степанова по Ея Величества указу. Та и другая форма должна была имѣть видъ Манифеста, и въ окончаніи содержать слова: данъ въ Нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (¹). Доношенія отъ Сената и Коллегіи должны были быть обращаемы прямо на имя Ея Императорскаго Величества, но съ надписью внизу: къ поданію въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (²).

Власть, ея предѣлы и отвѣтственность. Совѣту присвоена власть не только совѣщательная, но и власть дѣйствительнаго управленія. Отъ него исходили указы Сенату, Коллегіямъ и низшимъ мѣстамъ. Онъ входилъ даже въ подробности управленія: принималъ жалобы и челобитныя, назначая для сего особые дни (³); требовалъ вѣдомостей о недоимкахъ, объ отписныхъ деревняхъ, дворахъ и лавкахъ (⁴). Сей толико обширной власти не было другихъ предѣловъ кромѣ власти Императорской, предъ коей одной Совѣтъ во всѣхъ дѣлахъ его непосредственно отвѣтствовалъ.

Сей Совѣтъ, столь извѣстный въ исторіи нашей по дерзновеннымъ замысламъ къ ограниченію самодержавной власти, продолжался около трехъ лѣтъ. Указомъ 4 марта 1730 г. онъ отмѣненъ, но въ концѣ слѣдующаго года, въ другомъ видѣ и съ другою властію, онъ паки возстановленъ (⁵), подъ именемъ *Кабинета*.

Кабинетъ не имѣлъ всей власти прежняго Верховнаго Совѣта, но былъ однако же мѣстомъ не токмо совѣщанія, но и управленія. Изъ него исходили указы и Сенату и всѣмъ мѣстамъ подчиненнымъ.

Сей образъ бытія продолжался около десяти лѣтъ. Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы въ 1741 году (⁶) Правительствующему Сенату велѣно имѣть «преждебывшую всю силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго рода дѣлъ», а для внѣшнихъ дѣлъ возстановлены прежнія при Дворѣ конселіи, подъ именемъ *Конференціи*.

Но въ 1756 году Конференціи велѣно управлять и внутренними и военными дѣлами и посылать во всѣ мѣста, въ томъ числѣ и въ Сенатъ, екстракты изъ ея протоколовъ къ исполненію.

Такимъ образомъ прежнее начало смѣшенія властей, таже преклонность къ привлеченію всѣхъ дѣлъ въ одно безотчетное уста-

---

(¹) 1726 марта 28.—(²) Тамъ же.—(³) 1727 окт. 26.—(⁴) 1728 мая 31.—(⁵) 1731 ноябр. 10.—(⁶) 1741 дек. 12.

новленіе въ разныхъ видахъ и подъ разными именами всегда проявлялось и болѣе или менѣе всегда превозмогало.

Дѣйствіе Конференціи съ кончиною Императрицы Елисаветы пресѣклось; по крайней мѣрѣ гласнаго бытія она не имѣла.

Въ 1768 году учрежденъ Совѣтъ на слѣдующихъ правилахъ:

Составъ. Постоянныхъ членовъ въ ономъ опредѣлено было семь. Сверхъ того положено призывать другихъ по временамъ (¹). Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы.

Предметы. «По причинѣ теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, сказано въ указѣ 17 января 1768, дабы ни въ которой части ничего пророчено не было между политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ, за благо признано учредить на время войны и въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Совѣтъ, которому имѣть какъ разсужденіе, такъ и бдѣніе, дабы ничего не было упущено къ оборонѣ и безопасности государства, тоже и къ военнымъ дѣйствіямъ.»

Образъ производства дѣлъ. Совѣтъ долженъ о всемъ непосредственно докладывать Государынѣ Императрицѣ; выходить же изъ негo не будетъ ничего иначе, какъ за подписаніемъ собственной Ея Величества руки (²). Въ особомъ наказѣ опредѣлены дни присутствія, дважды въ недѣлю, или смотря по дѣламъ. Каждый членъ могъ предлагать нужное; прочіе могли оговаривать по порядку, не перебивая рѣчи и начиная съ младшихъ (³). Исполненіе рѣшеній, когда они будутъ апробованы, предоставлялось разнымъ мѣстамъ, по принадлежности, но съ донесеніемъ Совѣту объ успѣхахъ. Дѣла и сужденія вносимы были въ журнальную записку; по нѣкоторымъ же составляемы были и особые протоколы. При вступленіи каждый членъ давалъ присягу (⁴).

Власть и ея предѣлы. Совѣтъ сей былъ единственно совѣщательный; никакой власти исполнительной ему не было предоставлено. Хотя учрежденъ онъ былъ и на время войны и для дѣлъ военныхъ, но въ послѣдствіи признано было за благо и по окончаніи войны продолжить бытіе его, на томъ же основаніи, съ перемѣною токмо рода дѣлъ. Вмѣсто военныхъ поступали въ оный нѣкоторые

(¹) 1768 января 17.—(²) Тамъ же.—(³) Изъ выписки тайнаго сов. Олсуфьева. — (⁴) 17 янв. 1768.

дѣла казенныя и правительственныя, а иногда и частныя, безъ точнаго однако же опредѣленія.

II. СЕНАТЪ.

Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта состояніе Сената измѣнилось. Хотя составъ его и образъ производства дѣлъ оставались тѣже; но въ предметахъ его дѣйствія и во власти онъ перестал быть *Правительствующимъ* и названъ *Высокимъ* (¹) Въ семъ положеніи онъ сравненъ былъ даже съ Коллегіями, изъ коихъ съ тремя первыми и сноситься ему велѣно не иначе, какъ *промеморіями.* Не безъ намѣренія въ указахъ того времени употреблено было выраженіе: «*донесенія отъ Сената и другихъ Коллегій* (²)».

Сей Высокій Сенатъ указомъ 1730 марта 4 вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ велѣно было отставить, а для правленія быть Правительствующему Сенату. Но съ возвращеніемъ имени не возвращена ему прежняя власть, ибо вскорѣ послѣ того Кабинетъ (указомъ 1731 ноября 10), вмѣсто Совѣта учрежденный, вступилъ во всѣ почти права его и сохранилъ ихъ до 1741 года.

Въ семъ году, съ уничтоженіемъ Кабинета, возстановленъ Сенатъ въ прежнюю его силу, т. е. въ немъ по прежнему соединены и судъ и предметы управленія. Но сія власть въ 1765 году паки ограничена учрежденіемъ Конференціи, и сіе продолжалось до восшествія на престолъ Императрицы Екатерины.

Совѣтъ, въ 1768 году учрежденный, не произвелъ во власти Сената существенной перемѣны; весьма рѣдко дѣла его въ Совѣтъ поступали.

Такимъ образомъ Сенатъ, какъ установленіе вмѣстѣ судебное и правительственное, продолжалъ бытіе свое во все время царствованія Императрицы Екатерины.

Въ теченіи сего времени въ составѣ его, образѣ производства дѣлъ и степени власти произошли перемѣны:

1) *Перемѣны въ составѣ.* Въ 1763 году Сенатъ раздѣленъ на Департаменты. Сіе раздѣленіе еще въ 1730 году было предполагаемо (³), но не было приведено въ дѣйствіе.

По образованію 1763 г. каждому Департаменту присвоена власть цѣлаго Сената, такъ что единогласное рѣшеніе Департамента всту-

---

(¹) 1726 марта 14.—(²) 1726 февр. 8 и марта 28.—(³) 1-го іюня 1730 года.

паетъ само собою въ силу закона. По одному только разногласію или Сенаторовъ или Оберъ Прокурора дѣло переходило въ Общее Собраніе.

Легко можно представить сколь много симъ распорядкомъ ускорилось рѣшеніе дѣлъ и успѣхъ ихъ производства.

2) *Перемѣны въ производствѣ дѣлъ и степени власти.* Узаконеніями Петра Великаго, какъ Сенату, такъ и Коллегіямъ воспрещено было постановлять что либо въ отмѣну именныхъ государевыхъ указовъ; но не воспрещено было при разсмотрѣніи дѣлъ, въ случаѣ неправильныхъ толкованій закона, объяснять и установлять истинный смыслъ его, и рѣшить дѣло по сему смыслу. Не воспрещено было также Сенату исправлять собственныя его рѣшенія, когда, при лучшемъ разсмотрѣніи, найдетъ онъ ихъ съ точнымъ разумомъ закона несогласными. Указомъ 1763 года и послѣдующими постановлено (¹) всѣ изъясненія закона и всѣ перемѣны въ собственныхъ рѣшеніяхъ Сената представлять докладами на Высочайшее усмотрѣніе. Посему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, къ разрѣшенію коихъ буквальный смыслъ былъ или токмо казался недостаточнымъ, дѣло не могло уже получить окончанія въ Сенатѣ, принимало другой путь и называлось *казуснымъ*. Легко можно представить себѣ, какъ путь сей отъ различія понятій, отъ неопредѣленности нашихъ законовъ, отъ образа ихъ изложенія, а паче отъ пристрастія и происковъ ябеды постепенно расширялся, а число дѣлъ казусныхъ возрастало, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала власть и личное дѣйствіе Генералъ-Прокурора, къ коему всѣ дѣла сіи стекались, и чрезъ него одного восходили на окончательное верховное разрѣшеніе: отсюда мы видимъ столь великое число тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ семъ періодѣ не судебными опредѣленіями, но именными указами, часто съ отмѣною всѣхъ судебныхъ опредѣленій.

III. КОЛЛЕГІИ.

Составъ и власть Коллегій, исключая трехъ первыхъ и двухъ судебныхъ, въ семъ періодѣ весьма часто измѣнялись. Такъ, напримѣръ, Бергъ-Коллегія то соединяема была съ Мануфактурною, то отдѣляема (²). Въ 1727 году дѣла сей послѣдней и всѣ фабрики отданы въ вѣдомство Коммерцъ-Коллегіи; для неважныхъ же дѣлъ, вмѣсто

(¹) Первыя начала сего постановленія можно видѣть уже и въ указѣ 1730 г.; но сіи начала оставались еще почти безъ дѣйствія.—(²) 1723 года.

Мануфактуръ-Коллегіи, опредѣлены временныя собранія фабрикантовъ, коимъ дозволено всѣ неважныя опредѣленія чинить безъ протоколовъ, а о важныхъ доносить Коммерцъ-Коллегіи ([1]). Надъ фабрикантами вмѣсто Коллегіи назначенъ одинъ протекторъ, Сенаторъ Новосильцовъ, а для дѣлъ коммерческихъ составлена особая Коммисія о Коммерціи ([2]). Сей порядокъ въ 1729 году опять измѣнился ([3]), а чрезъ два года потомъ ([4]) всѣ три Коллегіи: Бергъ, Мануфатуръ и Коммерціи соединены вмѣстѣ.

Примѣтить при семъ должно, что важнѣйшія постановленія того времени исходили не токмо безъ участія, но часто и безъ вѣдома Коллегіи. Таковы суть: Бергъ-привилегія и Горный Уставъ по Горному Управленію; Вексельный Уставъ 1727 г. по дѣламъ коммерческимъ, и тому подобныя.

Такимъ образомъ въ теченіи сего періода колебавшееся уже и въ первомъ состояніе Коллегіи не токмо не утвердилось, но измѣненіями еще болѣе ослабѣло.

Когда же въ 1764 году ([5]) издано было наставленіе губернаторамъ и силою онаго всѣ части внутренняго управленія имъ были ввѣрены съ предоставленіемъ права обо всемъ писать прямо или въ Сенатъ или къ самой Императрицѣ: тогда власть Коллегіи и совсѣмъ уже сдѣлалось ничтожною. Онѣ лишились права даже и посылать указы къ губернаторамъ ([6]), слѣдовательно лишились способовъ мѣстнаго ихъ дѣйствія.

IV. Порядокъ докладовъ.

По дѣламъ Совѣта, когда Высочайшаго присутствія въ ономъ не было, протоколы подносимы были лицами, къ тому особенно опредѣленными.

По дѣламъ Сената доклады восходили чрезъ Генералъ-Прокурора.

Непосредственные доклады отъ Коллегій, исключая трехъ первыхъ, въ семъ періодѣ въ однихъ совершенно прекратились, а въ другихъ были весьма рѣдки. Важнѣйшія дѣла ихъ, проходя чрезъ Сенатъ, стекались къ Генералъ-Прокурору.

Такимъ образомъ всѣ дѣла судебныя и всѣ предметы внутрен-

([1]) 20 марта 1727.—([2]) Тамъ же.—([3]) 18 іюня 1729.—([4]) 3 октября 1731. ([5]) 1764 апр. 21, настав. губернат.—([6]) Тамъ же ст. 1.

няго управленія окончательно стекались въ однѣ руки, и чрезъ Генералъ-Прокурора восходили па Высочайшее рѣшеніе.

Въ докладахъ по жалобамъ въ семъ періодѣ произошло важное измѣненіе. На Коллегіи въ Сенатъ не было апелляціи. Рекетмейстеръ имѣлъ только право, принявъ жалобу, истребовать дѣло изъ Коллегіи и предложить его къ пересмотру въ Сенатѣ.

Указомъ 30 іюля 1762 г. установлены новыя правила апелляціи, и въ томъ числѣ разрѣшенъ и переносъ дѣлъ изъ Коллегій прямо въ Сенатъ. Симъ званіе Рекетмейстера измѣнилось. Вмѣсто того, что онъ стоялъ между Коллегіями и Сенатомъ, онъ сталъ уже между Сенатомъ и Государемъ, ибо хотя прежній законъ, воспрещающій жалобы на Сенатъ, и не отмѣненъ положительно, но частыми изъятіями онъ лишился своей силы. Жалобы на Департаменты Сената были поручаемы разсмотрѣнію Генералъ-Рекетмейстера и по докладу его рѣшенія Сената особыми указами не рѣдко были отмѣняемы. Рѣже, но были примѣры подобныхъ жалобъ и таковыхъ же отмѣнъ въ рѣшеніяхъ и Общаго Сената Собранія.

При общемъ обозрѣніи Государственныхъ установленій въ семъ періодѣ, слѣдующія заключенія сами собою представляются:

1) Неудобства отъ смѣшенія дѣлъ и властей, въ первомъ періодѣ замѣченныя, продолжались и во второмъ съ тою же, или большею еще силою, особливо при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, Кабинета и Конференціи.

2) Отмѣною сихъ установленій крайности безпорядка отчасти были пресѣчены, но смѣшеніе дѣлъ и властей существенно не было еще исправлено. Сенатъ, раздѣленіемъ 1763 г. на Департаменты, получилъ болѣе способовъ къ дѣйствію; но составъ его оставленъ неопредѣленнымъ: онъ былъ установленіемъ не токмо суднымъ, но правительствующимъ и даже совѣщательнымъ для законодательства (¹). Экономическія Коллегіи были или безъ дѣйствія или затрудняли только ходъ дѣлъ безполезными и многосложными ихъ формами.

(¹) Въ наказѣ 1767 г. онъ названъ хранилищемъ законовъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

съ 1775 по 1797 годъ.

Совѣтъ.—Сенатъ.—Коллегіи.—Порядокъ докладовъ

I. СОВѢТЪ.

Совѣтъ оставался въ прежнемъ его положеніи.

II. СЕНАТЪ.

Состояніе Сената не само по себѣ, но по устройству мѣстъ, ему подвластныхъ, измѣнилось. Со введеніемъ новаго въ губерніяхъ учрежденія дѣла судебныя, прежде изъ двухъ только Коллегій (Юстицъ и Вотчинной) въ Сенатъ вступавшія, стали входить изъ 42 Палатъ Гражданскихъ и Уголовныхъ, а дѣла правительственныя вмѣсто четырехъ или пяти Коллегій, изъ 42 Палатъ Казенныхъ и столькихъ же Губернскихъ Правленій.

Порядокъ производства сихъ дѣлъ оставался въ Сенатѣ прежній. Генеральнымъ Регламентомъ 1720 года установленный, и между тѣмъ какъ въ Учрежденіи Губернскомъ дѣла правительственныя и судебныя были уже отдѣлены не токмо въ мѣстѣ ихъ вѣдомства, но и въ образѣ ихъ производства, въ Сенатѣ они оставались еще въ прежнемъ ихъ смѣшеніи. Дѣла правительственныя вѣдались и въ 1-мъ, и въ 3-мъ и въ 5-мъ Департаментахъ, и во всѣхъ сихъ мѣстахъ они производились тѣмъ же самымъ внутреннимъ обрядомъ, какой установленъ для дѣлъ судныхъ.

Явная несообразность, крайняя медленность и затрудненія, отъ сего происходившія, не могли укрыться отъ прозорливаго усмотрѣнія Императрицы Екатерины. Изъ оставшихся послѣ Нея бумагъ видно, что около 1781 года, т. е. пять лѣтъ спустя послѣ введенія Учрежденія, Ея Величество помышляла уже о преобразованіи Сената. Трудъ сей, занимавшій вниманіе Ея много лѣтъ, доведенъ былъ почти до совершенія. Мысль Государыни состояла, кратко, въ слѣдующемъ: устроить Сенатъ на тѣхъ же главныхъ началахъ и съ тѣмъ же въ родѣ дѣлъ раздѣленіемъ, какъ устроено губернское управленіе. 1-й Департаментъ Сената долженъ былъ соотвѣтствовать Губернскому Правленію; 2-й—Казенной Палатѣ; прочіе Палатамъ Уголовной и Гражданской. Для дѣлъ важнѣйшихъ полагаемо было устроить въ Сенатѣ Верховный Уголовный и Верховный Совѣстный Судъ. Сенатъ учредить въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани. Кончина Ея Величества пресѣкла всѣ сіи предположенія.

III. КОЛЛЕГІИ.

Коллегіи (здѣсь всегда должно разумѣть съ исключеніемъ трехъ первыхъ), въ предыдущемъ періодѣ со времени изданія Губернаторскаго Наказа остававшіяся уже почти безъ дѣйствія, по введеніи новаго Губернскаго Учрежденія и совсѣмъ сдѣлались излишними.

дѣла и власть ихъ перемѣстились въ Палаты и Губернскія Правленія. Сіи новыя Коллегіи въ составѣ ихъ и власти совершенно равнялись прежнимъ, но различались отъ нихъ существенно порядкомъ производства ихъ дѣлъ. Выше было замѣчено, что одинъ общій Регламентъ дѣйствовалъ во всѣхъ прежнихъ Коллегіяхъ, и Регламентъ сей былъ судебный. Въ новыхъ же губернскихъ Коллегіяхъ, напротивъ, установленъ порядокъ троякій: въ Губернскихъ Правленіяхъ онъ есть совѣщательный и вмѣстѣ приказный, т. е. члены Правленія даютъ по дѣламъ мнѣнія; но рѣшить все и можетъ рѣшить противъ всѣхъ одинъ Губернаторъ. Въ Казенныхъ Палатахъ порядокъ есть судебный и вмѣстѣ приказный. Есть родъ дѣлъ, кои Совѣтникъ Экспедиціи производитъ самъ собою одинъ, безъ всякаго другихъ участія; есть другія дѣла важнѣйшія, кои вносятся изъ Экспедиціи въ общее присутствіе и тамъ рѣшатся большинствомъ голосовъ; наконецъ въ Палатахъ Уголовной и Гражданской порядокъ есть судебный.

При семъ важномъ превосходствѣ новыхъ Коллегій, при мѣстномъ удобствѣ ихъ дѣйствій, старыя Коллегіи не могли уже удержать прежняго ихъ мѣста; посему онѣ, по мѣрѣ устроенія и открытія новыхъ, одна за другою постепенно исчезли. Къ 1797 году оставались изъ прежнихъ двѣ: Коммерціи-Коллегія до окончанія Торговаго трактата съ Англіею, и Медицинская, въ 1763 году учрежденная; а изъ установленныхъ вновь—Коллегія Лифляндскихъ дѣлъ и Римско-Католическая. Статсъ-Контора и Ревизіонъ-Коллегія преобразованы въ Статное и Остаточное Казначейства и въ Счетныя Экспедиціи при Сенатѣ.

IV. ПОРЯДОКЪ ДОКЛАДОВЪ.

Порядокъ докладовъ оставался прежній съ тою только разностію: 1) что Генералъ-Прокуроръ, соединяя въ лицѣ своемъ званія Министра Юстиціи, Министра Финансовъ, Государственнаго Казначея и Государственнаго Контролера, по всѣмъ симъ частямъ непосредственно подносилъ доклады, и 2) что дѣла Генералъ-Рекетмейстерскія восходили подъ конецъ сего періода чрезъ бывшихъ тогда особенныхъ докладчиковъ, а не чрезъ Генералъ-Рекетмейстера.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Съ 1797 по 1802 года.

Совѣтъ.—Сенатъ.—Коллегіи.—Порядокъ докладовъ.

I. СОВѢТЪ.

Совѣтъ оставался въ прежнемъ положеніи.

II. СЕНАТЪ.

Въ Сенатѣ введены слѣдующія важныя перемѣны:

Отъ прошедшаго царствованія осталось множество дѣлъ нерѣ-

шенныхъ, какъ въ Сенатѣ, такъ и по докладамъ къ Государынѣ Императрицѣ внесеннымъ; посему признано было нужнымъ:

1) для ускоренія производства дѣлъ въ Сенатѣ учредить Временные Департаменты, т. е. къ шести прежнимъ прибавить еще четыре.

2) для преграждения излишнихъ докладовъ и для доставленія Сенату способовъ рѣшить дѣла окончательно, положено перемѣнить прежнее правило единогласныхъ рѣшеній и ввести новое, на простомъ большинствѣ голосовъ основанное.

Сколько отъ сихъ двухъ мѣръ теченіе дѣлъ ускорилось, столько или еще болѣе оно затруднилось отъ трехъ слѣдующихъ того же времени постановленій:

1) Рѣшенія Палатъ въ тяжебныхъ дѣлахъ, по силѣ Учрежденій, съ самаго ихъ введенія по 1797 годъ, т. е. въ теченіи слишкомъ 20 лѣтъ, приводимы были въ исполненіе, не смотря на переносъ ихъ въ Сенатъ. Въ 1797 году велѣно, вмѣстѣ съ переносомъ, останавливать и исполненіе. Посему всѣ почти дѣла, кромѣ самыхъ маловажныхъ, начали переходить въ Сенатъ, и число ихъ ежегодно возрастало, такъ что, сравнивая количество входящихъ съ исходящими, въ 1801 г. самое учрежденіе Временныхъ Департаментовъ признано было недостаточнымъ.

2) Въ 1797 году открытъ свободный и почти неограниченный путь къ жалобамъ Государю. По симъ жалобамъ, большею частію къ Генералъ-Прокурору отсылаемымъ, собравъ свѣдѣнія и сдѣлавъ предварительный докладъ о состояніи дѣла, онъ весьма часто получалъ и объявлялъ Сенату повелѣнія, или о рѣшеніи дѣлъ безъ очереди, или о переносѣ въ Общее Собраніе, или вообще объ ускореніи. По всѣмъ симъ повелѣніямъ дѣла не могли уже получать окончательнаго въ Сенатѣ рѣшенія; но должны были поступать прежде на Высочайшее усмотрѣніе рапортами. Сей длинный путь впослѣдствіи сдѣлался путемъ обыкновеннымъ. Ничто почти не рѣшалось окончательно порядкомъ установленнымъ. Власть Генералъ-Прокурора утвердилась въ видѣ постоянной и необходимой инстанціи.

3) Всѣ тяжебныя дѣла между казною и частными людьми доселѣ производимы были тѣмъ же общимъ порядкомъ, какъ и тяжбы частныя, съ тѣмъ только различіемъ, что тяжбы казенныя по крѣпостямъ входили во 2-й Департаментъ Сената, а по договорамъ въ 1-й, частію

же въ 3-й и 5-й. Сей столѣтній порядокъ въ 1799 году измѣнился, и для тяжбъ сего рода учреждено особое многосложное судопроизводство. Въ Палатахъ не могли онѣ быть рѣшаемы безъ участія Казенной Палаты, въ Сенатѣ безъ участія Правительства и нигдѣ безъ именнаго указа. Отсюда возникъ обширный и многосложный рядъ дѣлъ, изъ коихъ ни одно, ни большое, ни малое, не могло въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ получить окончанія. Въ послѣдствіи въ самомъ Сенатѣ учреждена въ сихъ дѣлахъ особая инстанція; всѣ они должны были переходить въ Общее Собраніе, а потомъ, хотя бы рѣшеніе Общаго Собранія и было единогласно, хотя бы даже и самъ Управляющій тою частію, къ коей принадлежитъ спорное имущество, призналъ оное правильнымъ, дѣло должно было поступить въ Сенатъ, и оттуда къ Государю. Можно съ достовѣрностію сказать, что самая большая часть всѣхъ тяжебныхъ дѣлъ изъята изъ общаго судебнаго порядка, и изъятіе сіе сдѣлалось равно почти самому правилу. До какой степени сіе установленіе могло быть полезно въ финансовыхъ отношеніяхъ, сіе можетъ быть предметомъ другаго отдѣльнаго вопроса; но то достовѣрно, что симъ затруднился ходъ дѣлъ и чрезмѣрно умножилось ихъ количество.

III. Коллегіи.

Прежнія Коллегіи возстановлены, но при семъ возстановленіи не опредѣлены отношенія ихъ къ новымъ Коллегіямъ, въ губерніяхъ учрежденнымъ, такъ что ни степень ихъ власти, ни образъ ихъ сношеній не были извѣстны. Дабы дать имъ предъ Палатами нѣкоторое преимущество, нѣкоторый отдѣльный образъ бытія, признано было за благо сверхъ Президентовъ установить въ нихъ Главныхъ Директоровъ, съ правомъ непосредственнаго доклада Государю. Дѣйствіемъ и личнымъ довѣріемъ сихъ Директоровъ дѣла ихъ сначала получили нѣкоторое движеніе; но вскорѣ потомъ, съ перемѣною лицъ, и сіе движеніе измѣнилось; дѣла ихъ приняли одно общее направленіе въ Канцелярію Генералъ-Прокурора, гдѣ и учреждены для нихъ особыя Экспедиціи. Въ 1799 и 1800 годахъ дано нѣкоторое образованіе Коммерцъ-и Мануфактуръ-Коллегіи: въ составъ ихъ введены Коммерціи-и Мануфактуръ-Совѣтники и въ производствѣ дѣлъ постановлены нѣкоторыя удобнѣйшія правила.

IV. Порядокъ докладовъ.

Доклады по Совѣту остались въ прежнемъ порядкѣ. По Сенату и по всѣмъ Коллегіямъ, съ нѣкоторыми временными измѣненіями, шли чрезъ Генералъ-Прокурора; по дѣламъ финансовымъ и контрольнымъ нѣкоторое время восходили они чрезъ Государственнаго Казначея, но подъ конецъ всѣ соединились по прежнему въ лицѣ Генералъ-Прокурора.

Въ докладахъ по частнымъ жалобамъ введенъ особенный порядокъ. Два Статсъ-Секретаря ежедневно докладывали по онымъ Государю и разсылали ихъ къ разнымъ начальствамъ, а наиболѣе къ Генералъ-Прокурору для разсмотрѣнія. Выше были изложены послѣдствія сего разсмотрѣнія. Генералъ-Рекетмейстеръ по жалобамъ на Общее Сената Собраніе сперва имѣлъ докладъ непосредственный въ присутствіи Генералъ-Прокурора; но потомъ и сей родъ дѣлъ восходилъ не иначе, какъ чрезъ того же Генералъ-Прокурора.

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

Съ 1802 по настоящее время.

Совѣтъ.—Министерства.—Сенатъ.—Порядокъ докладовъ.

I. Совѣтъ.

Власть законодательная въ Россіи столь нераздѣльна со властію самодержавною, что никакой законъ не можетъ исходить, какъ токмо отъ верховнаго начала всѣхъ законовъ, отъ Государя.

Слѣдовательно, существо законодательныхъ нашихъ установленій состоитъ единственно въ совѣщательномъ соображеніи, т. е. въ томъ: 1) чтобъ признать и удостовѣрить необходимость новаго закона; 2) чтобъ составить проектъ закона и представить его на усмотрѣніе единой истинной власти, законодательной власти Государя.

Сіи законодательныя соображенія принадлежали прежде Ближней Канцеляріи и Сенату. По учрежденіи въ 1726 году Верховнаго Совѣта, они раздѣлились между нимъ и симъ установленіемъ; но какъ сила и самое имя Совѣта многократно измѣнялись, и даже дѣйствіе его было прекращаемо, и потомъ, по случаю войны, паки возста-

повлено: то и право законодательныхъ соображеній между нимъ и Сенатомъ колебалось.

Въ 1801 году состояніе прежняго Совѣта въ указѣ 26 марта изображено съ точностію слѣдующими словами: «находя, что учрежденный при Дворѣ нашемъ Совѣтъ въ началѣ своемъ составленъ былъ только на время случившейся тогда войны, и впослѣдствіи былъ рѣдко занимаемъ предметами существенными, доселѣ носилъ одно имя Государственнаго Установленія, безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя, мы признали за благо его упразднить, повелѣвая членамъ его остаться при тѣхъ должностяхъ и мѣстахъ, гдѣ они по званію каждаго состоятъ, и предоставляя себѣ для уваженія государственныхъ дѣлъ и постановленій учредить Совѣтъ на особенныхъ правилахъ, о составѣ коего не оставимъ мы въ свое время объявить нашу волю Сенату».

Сей Совѣтъ на особенныхъ правилахъ въ слѣдъ за тѣмъ, чрезъ четыре дня по упраздненіи прежняго, дѣйствительно учрежденъ. Въ указѣ 30 марта изображено: «для разсмотрѣнія и уваженія государственныхъ дѣлъ и постановленій, вмѣсто временнаго при Дворѣ нашемъ Совѣта, признали мы за благо учредить при насъ на особенныхъ правилахъ Совѣтъ непремѣнный, составивъ его изъ лицъ, довѣренностію нашею и общею почтенныхъ, коихъ число не ограничивая и предоставляя себѣ ихъ опредѣленіе и уменьшеніе, назначаемъ на сей разъ членами Совѣта (слѣдуютъ имена лицъ, всего числомъ 12). Въ основаніе дѣйствій сего Совѣта дали мы ему особенный наказъ. И какъ по силѣ онаго, Совѣтъ долженъ снабдить себя всѣми свѣдѣніями, до государственныхъ частей относящимися: то о доставленіи ихъ, по требованію его, Сенатъ имѣетъ учинить точнѣйшія надлежащимъ мѣстамъ предписанія».

Такимъ образомъ въ 1801 году вмѣсто Совѣта временнаго учрежденъ Совѣтъ непремѣнный—непремѣнный не въ лицахъ, его составляющихъ, но непремѣнный въ его установленіи.

Составъ сего Совѣта не былъ раздѣленъ на Департаменты; но дѣла его, въ порядкѣ ихъ производства, раздѣлены были на 4 части: 1) дѣла по внѣшнимъ сношеніямъ, или политическія, и внѣшней торговли; 2) дѣла военныя; 3) дѣла хозяйственныя; 4) дѣла судебныя. Каждою частію управлялъ Статсъ-Секретарь съ небольшимъ числомъ канцелярскихъ чиновниковъ.

Главная цѣль Совѣта опредѣлена Наказомъ, тогда же ему даннымъ. Сила сего Наказа состояла, кратко, въ уполномочіи сдѣлать пересмотръ всѣхъ законовъ и постановленій и составить проекты перемѣнъ и исправленій. Въ семъ составленіи Коммисія законовъ, которая вслѣдъ за тѣмъ (указомъ 5 іюня) принята была подъ собственное вѣдѣніе Государя Императора, должна была Совѣту содѣйствовать.

I. Существо Совѣта. Отъ бездѣйствія ли сей Коммисіи, отъ состава-ли Совѣта, отъ недостатка-ли внутренняго его устройства, или отъ порядка Государственныхъ Установленій, Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ Верховной Императорской власти (статья I).

II. *Предметы.* Всѣ Законы, Уставы и Учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, и потомъ дѣйствіемъ Державной Власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію. Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ Совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія Верховной власти (статьи II и III).

III. *Составъ.* Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностію въ сословіе сіе призываемыхъ. Члены Совѣта могутъ имѣть званія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ. Министры суть члены Совѣта по ихъ званію. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ Императоръ. Въ отсутствіи Императора, мѣсто Предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ Членовъ по Высочайшему назначенію. Назначеніе Предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ возобновляется ежегодно. Совѣтъ раздѣляется на Департаменты. Каждый Департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствуетъ. Министры не могутъ быть Предсѣдателями Департаментовъ. Члены всѣхъ Департаментовъ составляютъ Общее Собраніе Совѣта. Члены Совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ назначенъ особенный Департаментъ, присутствуютъ въ Общихъ Собраніяхъ. Распорядокъ Членовъ по Департаментамъ возобновляется каждые полгода по Высочайшему усмотрѣнію. Присутствія Департаментовъ и Общихъ Собраній имѣютъ положенные дни; но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ (статьи IV до XVI).

IV. *Образъ производства дѣлъ* постановленъ совѣщательный, съ подробнымъ изъясненіемъ правилъ, порядокъ разсужденій опредѣляющихъ.

При Государственномъ Совѣтѣ, въ тоже время и тѣмъ же Уставомъ, учреждены три установленія: 1) Коммисія Законовъ; 2) Коммисія Прошеній, и 3) Государственная Канцелярія.

Коммисія Законовъ учреждена для составленія проекта законовъ и внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ.

Коммисія Прошеній учреждена для принятія и предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ на Департаменты Сената и на Министерства и для представленія ихъ въ Совѣтъ.

Государственная Канцелярія учреждена для производства всѣхъ дѣлъ, въ Совѣтъ входящихъ.

По устроеніи такимъ образомъ Совѣта, три главныя дѣла предложены были его уваженію: 1) первая часть проекта Гражданскаго Уложенія; 2) Общій и частный Уставы Министерствъ; 3) планъ Финансовъ.

Для сихъ дѣлъ назначенъ былъ особенный день Общихъ Собраній, и въ сей день председательствовалъ въ Совѣтѣ Государь Императоръ. Разсмотрѣніе сихъ главныхъ предметовъ и разныя финансовыя мѣры заняли все время въ теченіи 1810 и 1811 годовъ. Особенный день въ недѣлѣ, именно четвертокъ, назначенъ былъ для дѣлъ текущихъ.

Съ войною 1812 года сей порядокъ измѣнился. Разсмотрѣніе Уложенія прекратилось; дѣла финансовыя разошлись по разнымъ временнымъ Комитетамъ, и Совѣтъ, переставъ быть мѣстомъ соображеній для законодательства, содѣлался мѣстомъ судебнымъ по дѣламъ, изъ Сената входящимъ.

II. МИНИСТЕРСТВА.

Въ учрежденіи Министерствъ должно различать два плана: одинъ 1802-го, другой 1810 г. Главная мысль въ обоихъ одна, но образъ исполненія ея различенъ.

А. *Министерства 1802 года.*

Выше было замѣчено, что съ 1797 года существовали два рода Коллегій: однѣ въ средоточіи управленія, другія раздѣльно по гу-

берніямъ, и Коллегіи сіи были между собою равныя. По образованію 1802 года надъ тѣмъ и другимъ родомъ сихъ Коллегій въ званіи Министровъ поставлены главные начальники. Такъ составились слѣдующія Министерства:

Министерства.	*Коллегіи.*
Министерство Военное.	Кол. Военная.
Министерство Морское.	Кол. Адмиралтействъ.
Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.	Кол. иностранныхъ дѣлъ.
Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.	Хозяйственная Экспедиція. Соляная Контора. Мануфактуръ Коллегія. Медицинская Коллегія. Главное Почтовое Правленіе. Губернскія Правленія.
Министерство Коммерціи.	Коммерцъ Коллегія. Управленіе Путей Сообщенія.
Министерство Финансовъ.	Бергъ-Коллегія. Горное Правленіе. Камеръ-Коллегія. Банки. Казенныя Палаты.
Государственное Казначейство.	Государственныя Казначейства: Статное и Остаточное. Счетныя Экспедиціи. Казенныя Палаты.
Министерство Юстиціи.	Званіе Генералъ-Прокурора, съ перемѣною имени, оставалось въ прежнемъ его составѣ.

Составъ Министерствъ.

Здѣсь должно различать двѣ эпохи: одну по Манифесту 1802 года, другую по преобразованіямъ въ теченіи послѣдующихъ восьми лѣтъ до 1810 года.

Составъ Министерствъ по Манифесту ограниченъ былъ званіемъ Министра, его Товарища и Канцеляріею. Мѣста, коими Министръ управлялъ, не принадлежали къ составу самаго Министерства. Они были установленія внѣшнія, ему подчиненныя.

Вскорѣ по всѣмъ Министерствамъ открылись неудобства сего состава. Они изложены, между прочимъ, въ докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1803 года подробно. Слѣдующія изъ нихъ обратили на себя особенное вниманіе:

1) «Медленность, въ дѣлахъ управленія нетерпимая, составляетъ такъ сказать, существо коллежскаго обряда» (стр. 55).

2) «Недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея усовершенія» (стр. 56).

3) «Множество формъ, совершенно излишнихъ, и образъ письмоводства весьма затруднительный» (тамъ же).

4) «Недостатокъ отвѣтственности» (стр. 56).

Отвѣтственность Коллегіи никакъ не простирается на истинный успѣхъ части, но на обрядъ и производство дѣлъ; даже и въ дѣлахъ текущихъ упущенія или ошибки одного члена покрываются именемъ цѣлаго сословія (стр. VI).

5) «Министръ, дѣйствуя въ Коллегіи какъ Главный Директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, т. е. онъ долженъ получать отъ нея *меморіи* о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть для каждой Коллегіи свою Канцелярію и свой Архивъ, и все сіе только для того, чтобъ сказать ей свою резолюцію, или объявить указъ. Сіе вводитъ Министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности (стр. 56 и 57)».

По симъ уваженіямъ положено было преобразовать прежнія Коллегіи въ Департаменты и ввести ихъ въ самый составъ Министерства. Коллегіи Губернскія оставлены въ прежнемъ ихъ дѣйствіи. Сіи преобразованія совершались постепенно, и продолжались до 1810 года. Три первыя Коллегіи оставлены въ прежнемъ ихъ положеніи. Изъ нихъ въ Адмиралтейской допущены значительныя перемѣны.

Предметы каждаго Министерства опредѣлены были родомъ дѣлъ тѣхъ Коллегій, коимъ были ввѣрены.

Образъ производства дѣлъ. Здѣсь, какъ и въ составѣ Министерствъ, должно разумѣть двѣ эпохи: 1) по Манифесту 1802 года

образъ производства дѣлъ въ самомъ Министерствѣ былъ приказный; въ Коллегіяхъ прежнихъ былъ судебный,—въ Губернскихъ, въ нѣкоторыхъ онъ былъ отчасти совѣщательный и отчасти приказный (въ Губернскихъ Правленіяхъ), въ другихъ онъ былъ отчасти судебный и отчасти приказный (въ Казенныхъ Палатахъ, въ Счетныхъ Экспедиціяхъ и мѣстахъ тому подобныхъ).

2) Впослѣдствіи, въ тѣхъ Министерствахъ, гдѣ Коллегіи были обращены въ Департаменты, учрежденъ вообще порядокъ приказный, т. е. всѣ рѣшенія исходили отъ Министра; одно только собраніе свѣдѣній или справокъ могло быть производимо въ Департаментахъ.—Не было никакого общаго присутствія ни Отдѣленій, ни Департаментовъ.

Власть и ея предѣлы. Власть Министра состояла собственно въ предписаніяхъ и разрѣшеніяхъ. Предѣлы сей власти были двояки: 1) мѣста подчиненныя, получивъ предписаніе, съ закономъ несогласное, могли и должны были предъявлять имъ сомнѣнія Министру, и хотя по вторичному его подтвержденію обязаны были оное исполнить, но въ тоже время должны были о семъ донести Сенату. 2) Указъ 1763 года и всѣ его подтвержденія, воспрещающія всякое изъясненіе и малѣйшее дополненіе не токмо въ законѣ, но и въ уставѣ и въ учрежденіи, оставались для Министровъ, равно и для всѣхъ другихъ установленій, въ полной ихъ силѣ. Посему, въ чемъ именно состояла власть Министровъ—опредѣлить трудно. Ни особенныхъ, ни общаго Наказа дано имъ не было. Всѣ дѣла, требующія разрѣшенія, восходили и должны были восходить къ Государю.

Порядокъ докладовъ. Докладъ Министровъ былъ двоякій: отдѣльный и совокупный. Для отдѣльнаго опредѣлены были особенные дни и часы. Совокупный докладъ производился въ Общемъ Собраніи Министровъ въ присутствіи Государя, что и называлось *Комитетомъ*. Слѣдовательно сей Комитетъ не былъ ни мѣсто, ни особое установленіе—онъ былъ только образъ доклада.

Отвѣтственность. Министры обязаны были представлять ежегодные въ дѣлахъ своихъ отчеты. Сенатъ уполномоченъ былъ разсматривать сіи отчеты и представлять заключенія свои на Высочайшее усмотрѣніе. Въ семъ состояла законная отвѣтственность Министровъ. Въ теченіи двухъ или трехъ первыхъ лѣтъ порядокъ

сей и дѣйствительно былъ наблюдаемъ; но какъ изъ самыхъ сихъ отчетовъ усмотрѣно было, что всѣ разрѣшенія Министровъ и всѣ ихъ мѣры принимаемы были не иначе, какъ по докладу и совершаемы Высочайшими указами, на указы же постановленіемъ 1803 года воспрещено было Сенату дѣлать примѣчанія: то разсмотрѣніе отчетовъ превратилось въ одинъ письменный обрядъ, а потомъ и самый обрядъ сей временемъ пресѣкся.

Въ семъ, кратко, состояло устройство Министерствъ по плану 1802 года.

Три главныя неудобства опытомъ обнаружены въ семъ установленіи:

1) *Смѣшеніе дѣлъ и власти между Сенатомъ и Министерствами:*

Какое мѣсто въ порядкѣ Государственныхъ Установленій должны были занимать Министерства? Съ одной стороны они равнялись Сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали Высочайшія разрѣшенія. Съ другой они были подчинены Сенату и по отчетамъ, и потому, что стояли на той же чредѣ, гдѣ были прежнія Коллегіи, и потому, что Сенатъ, яко установленіе правительствующее, оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны Сенату, то они или 1-й Департаментъ Сената были излишни, ибо и въ нихъ и въ семъ Департаментѣ дѣла были однородныя. Если они подчинены были Сенату, то отъ него или чрезъ него должны были получать окончательныя разрѣшенія.

2) Причины, по коимъ прежнія Коллегіи были введены въ составъ Министерствъ и отмѣнены коллегіяльные обряды, были весьма уважительны; но если симъ преобразованіемъ съ одной стороны усилены скорость и единство управленія: то съ другой ничѣмъ не преграждена самопроизвольность дѣйствій и не удостовѣрена зрѣлость соображеній.

3) *Неопредѣленность власти и недостатокъ отвѣтственности.* По общему закону Министръ не можетъ дать никакого разрѣшенія въ поясненіе или дополненіе существующихъ правилъ. Отсюда необходимость испрашивать на всѣ случаи, даже и маловажные, Высочайшихъ повелѣній; получивъ же сіи повелѣнія, отвѣтственность Министра становится не токмо излишнею, но даже и невозможною.

Всѣ сіи неудобства, многократно и въ разныхъ видахъ представ-

лявшіяся, указывали необходимость другаго Министерствъ образованія.

Б. Министерства 1810 года.

Министерства 1810 года устроены на двухъ слѣдующихъ началахъ:

1) Принявъ основаніемъ главную мысль Императрицы Екатерины II, не допускать между Губернскимъ Управленіемъ и Сенатомъ никакихъ среднихъ установленій, яко безполезныхъ и единству управленія противныхъ.

2) Министерство считать не среднимъ и отдѣльнымъ установленіемъ, но самимъ Правительствующимъ Сенатомъ, коего Министры суть члены, а Министерства суть составныя части.

На сихъ двухъ основаніяхъ постановлено все устройство новаго Министерскаго учрежденія.

Составъ Министерства и его предѣлы. Къ тремъ прежнимъ составнымъ частямъ каждаго Министерства: къ званію Министра, Товарища и Департамента, присовокуплены еще двѣ: Общее Присутствіе Отдѣленій и Совѣтъ Министра; а въ нѣкоторыхъ Департаментахъ сверхъ того и особыя установленія. Предметы каждаго Министерства означены по новому ихъ раздѣленію, а основаніемъ сего раздѣленія принято существо дѣлъ и сколь можно бо̀льшая ихъ однородность. Посему къ восьми прежнимъ Министерствамъ присовокуплены еще четыре.

Образъ производства дѣлъ постановленъ двоякій: въ Совѣтахъ Министровъ и въ Общихъ Присутствіяхъ отдѣленій—совѣщательный; а въ Департаментахъ—исполнительный. Сверхъ сего означены сколь можно точнѣе роды дѣлъ, кои подлежатъ разсмотрѣнію или Совѣта или Правительствующаго Сената.

Власть Министровъ. Хотя указъ 1763 г., объ изъясненіяхъ и дополненіяхъ, и не отмѣненъ совершенно, но Министрамъ дана власть разрѣшать затрудненія силою закона. Предѣлы сей власти постановлены точнымъ означеніемъ предметовъ, кои не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, или совокупно его властію, или же посредствомъ доклада Государю.

Отвѣтственность. Опредѣлены дѣла и случаи, возбуждающіе отвѣтственность; означенъ обрядъ, коимъ дѣла сіи должны быть производимы; указано мѣсто изслѣдованія и послѣдствія отвѣтственности; установлены два рода отчетовъ, и разсмотрѣніе ихъ ввѣрено Совѣту.

Порядокъ докладовъ. Обращено особенное вниманіе на то, чтобъ всѣ доклады отъ Министровъ къ Государю восходили не иначе, какъ чрезъ Правительствующій Сенатъ. Изъ сего изъяты одни токмо случаи чрезвычайные и рѣдкіе.

Въ семъ, кратко, состоитъ Общее Учрежденіе Министерствъ 1810 года. Оно получило силу закона въ іюнѣ 1811 года. Вслѣдъ за тѣмъ составлены особенныя учрежденія двухъ Министерствъ: Полиціи и Финансовъ, кои тогда же удостоены Высочайшаго утвержденія. Но не взирая на законную ихъ силу, акты сіи оставались почти безъ дѣйствія. Они и не могли имѣть его по той очевидной причинѣ, что цѣлая половина всего зданія, составъ Правительствующаго Сената былъ неоконченъ.

Среди сего полуустройства введены разныя частныя измѣненія. Не оставалось почти ни одного Министерства, кромѣ Министерства Юстиціи, которое бы въ составныхъ его частяхъ не было перестроено. Министерство Финансовъ овладѣло сперва Государственнымъ Казначействомъ, потомъ установленіемъ кредитной системы; вслѣдъ за тѣмъ привлечены къ нему Мануфактуры и вѣдомство Внутренней торговли. Министерство Просвѣщенія соединено съ управленіемъ духовныхъ дѣлъ. Министерство Полиціи закрыто, или, лучше сказать, присоединено къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Въ Министерствахъ Военныхъ послѣдовали также измѣненія.

Но важнѣйшая перемѣна послѣдовала въ порядкѣ министерскихъ докладовъ. Комитетъ, бывшій дотолѣ только совѣщаніемъ Министровъ, и по новому образованію назначенный вовсе къ уничтоженію, въ сіе время содѣлался мѣстомъ присутственнымъ, гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя и большія, и судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ, и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе. Между тѣмъ ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установленіямъ, не опредѣлены никакимъ гласнымъ учрежденіемъ.

III. СЕНАТЪ.

Мысль объ устройствѣ Сената, отъ вѣка Екатерины дошедшая, въ 1811 г. возобновилась, но въ другомъ видѣ. Полагали: не прикасаться къ древнему зданію, но укрѣпить токмо его основаніе. Посему въ тотъ же день, какъ явилось учрежденіе Министерствъ (2 сентября 1802 г.), изданъ былъ и манифестъ о правахъ Сената.

Три существенныя перемѣны установлялись симъ манифестомъ: 1) рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ въ Общихъ Собраніяхъ считать не простое большинство, но двѣ трети всего числа наличныхъ Сенаторовъ; 2) въ случаѣ несогласія Генералъ-Прокурора вносить дѣло къ Государю не чрезъ него одного, но при депутаціи отъ Сената. 3) Дозволено Сенату представлять Государю докладомъ, если усмотритъ онъ какое-либо важное неудобство въ законѣ существующемъ. Изъ сихъ трехъ постановленій осталось въ дѣйствіи одно первое; второе же, по очевидному его неудобству, вскорѣ само собою пало въ бездѣйствіе, а третье ограничено въ послѣдующемъ году указомъ, коимъ растолковано, что подъ именемъ законовъ существующихъ должно разумѣть не новые законы, но прежніе. Симъ въ 1802 году кончились всѣ предположенія объ исправленіи Сената. Можно было тогда же предвидѣть, что они скоро возобновятся.

И дѣйствительно въ 1809 году, когда приступили къ рѣшительному устройству Министерствъ, при первомъ соображеніи открылась, *во первыхъ*, таже самая истина, которая еще въ 1781 году была примѣчена, а именно, что устройство Сената не было сообразно съ Учрежденіемъ губерній; *во вторыхъ*, что Сенатъ, бывъ средоточіемъ Министерствъ, долженъ быть въ устройствѣ его съ ними сообразенъ, и что безъ сей сообразности два сіи установленія должны по необходимости одно вредить другому.

Посему положено было, вслѣдъ за окончательнымъ учрежденіемъ Министерствъ, составить образованіе Сената.

Сіе образованіе кратко состояло въ слѣдующемъ: 1) какъ судная часть, по существу своему, весьма различна отъ части правительственной, то и положено дать обѣимъ симъ частямъ разныя и каждой свойственныя устройства; а для большей точности въ понятіяхъ различить самыя ихъ наименованія, назвавъ соединеніе правительственныхъ частей Сенатомъ Правительствующимъ, а судныхъ—

Сенатомъ Судебнымъ. 2) Правительствующій Сенатъ установить одинъ для всей Имперіи, а Судебный размѣстить по Округамъ, по предположенію Императрицы Екатерины, здѣсь, въ Москвѣ, въ Кіевѣ и Казани. 3) Въ Правительствующемъ Сенатѣ учредить два рода присутствій: одно для дѣлъ текущихъ, другое для дѣлъ, слѣдующихъ къ разрѣшенію Государя Императора, опредѣливъ сіи два рода дѣлъ со всею возможною точностію.

Учрежденіе Министерствъ кончено и утверждено въ іюнѣ 1811 года, а въ августѣ и сентябрѣ того же года внесено въ Совѣтъ Учрежденіе Сената. Бывъ напечатано и роздано въ проектѣ членамъ Совѣта, оно было, по предварительному ихъ разсмотрѣнію, выслушано въ присутствіи Государя Императора въ Общемъ Собраніи, и большинствомъ голосовъ одобрено. Но какъ приведеніе его въ дѣйствіе требовало многихъ предварительныхъ мѣръ, а война уже грозила: то и признано удобнѣйшимъ отложить сіе Учрежденіе до другаго времени.

Симъ окончились предположенія объ устройствѣ Сената.

IV. Порядокъ докладовъ.

Доклады по Совѣту восходили на Высочайшее усмотрѣніе до 1816 года тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, т. е. журналы его подносились въ подлинникѣ; во время же отсутствія Государя въ спискахъ. Но съ 1816 года по причинамъ, кои опредѣлить трудно, введены такъ называемыя меморіи. Здѣсь встрѣчаются два вопроса: 1) чѣмъ удостовѣриться, что сіи выписки представляютъ дѣло во всей полнотѣ его и ясности; 2) если онѣ представляютъ его во всей полнотѣ и ясности, достойной верховнаго рѣшенія Государя, то почему-же онѣ не суть журналы или списки съ журналовъ?

Отдѣльные доклады Министровъ съ 1812 года сократились; но въ замѣнъ того доклады Комитета возрастаютъ ежегодно. Выше изложены были ихъ неудобства; здѣсь также введены меморіи и тѣ же встрѣчаются о нихъ вопросы, тѣмъ съ большею еще силою, что журналы Комитета, по самому существу дѣлъ его, должны быть столь кратки, что извлеченія изъ нихъ должны быть почти невозможны.

Доклады по Сенату съ 1812 года почти вовсе прекратились: они всѣ обращены въ Совѣтъ.

Доклады по жалобамъ восходили сначала чрезъ Статсъ-Секретарей, и не имѣли почти никакихъ опредѣленныхъ правилъ. Они разсылались по Министерствамъ, и составляли родъ дѣлъ чрезмѣрно затруднительный. Дабы положить сему преграду установлена при Совѣтѣ Коммисія Прошеній. Цѣль сего установленія состояла въ томъ, чтобъ, не пресѣкая совершенно жалобъ на Сенатъ, привести однако-же ихъ въ мѣру, и не давать имъ движенія, какъ по зрѣломъ въ Совѣтѣ уваженіи. Послѣдствія не соотвѣтствовали сей цѣли. По мнѣніямъ Коммисіи, дѣла по жалобамъ не только переводимы были въ Общее Собраніе, но были примѣры, что рѣшенія Общаго Сената Собранія, большинствомъ голосовъ оконченныя и посланными по нимъ указами пришедшія уже въ силу закона, подвергались снова пересмотру Совѣта и переворшивались мнѣніями его, Высочайше утвержденными.

ПРИМѢЧАНІЕ (А).

Порядокъ въ производствѣ дѣлъ можетъ быть только двоякій: совѣщательный и исполнительный. Первый можно назвать коллегіяльнымъ, а послѣдній приказнымъ.

Совѣщательный порядокъ имѣетъ два различные вида:

Въ первомъ дѣло рѣшится по большинству голосовъ всѣхъ членовъ Присутствія; во второмъ оно рѣшится по мнѣнію Предсѣдателя, съ предоставленіемъ членамъ протеста въ высшее мѣсто. Первый видъ есть судебный; второй употребляется въ разныхъ мѣстахъ управленія.

Слѣдовательно есть три главныя формы: двѣ совѣщательныя, и одна приказная (личная).

Вопросъ: изъ сихъ трехъ формъ, которая представляетъ болѣе правильности и точности? какой дать предпочтеніе?

Ясно, что въ дѣлахъ тяжебныхъ и уголовныхъ форма должна быть судебная.

Но должно-ли распространять ее и на всѣ части управленія? Съ перваго взгляда она представляетъ ту выгоду, что болѣе ограж-

даетъ рѣшенія отъ личныхъ ошибокъ и пристрастія, нежели форма приказная; а пристрастіе и ошибки могутъ быть не только въ судѣ, но и въ управленіи. Но при внимательномъ разсмотрѣніи открываются въ распространеніи ея на всѣ дѣла слѣдующія важныя неудобства:

1) Судебная форма въ строгомъ смыслѣ предполагаетъ, по необходимости, чтобъ все движеніе дѣла происходило, такъ сказать, подъ глазами, съ надзоромъ и повѣркою всѣхъ членовъ Присутствія, чтобъ ничто не входило и не исходило изъ него безъ равнаго всѣхъ участія—отсюда многосложность обрядовъ и необходимая медленность, въ дѣлахъ управленія нетерпимая.

2) Члены Присутствія часто срастаются, такъ сказать, въ одно лицо и тогда пристрастіе одного покрывается именемъ всего сословія.

3) Можно желать, но рѣдко можно надѣяться, чтобы члены въ мѣстахъ управленія были независимы отъ Председателя: и порядокъ службы, и чины, и награды, все подчиняетъ ихъ ему.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ мѣстахъ управленія несравненно полезнѣе второй видъ совѣщательной формы, нежели первый—судебный.

Но и сей видъ одинъ самъ по себѣ былъ бы недостаточенъ.

Въ мѣстахъ Управленія есть великое число дѣлъ текущихъ, кои, подчиняясь одному и тому же правилу, исполняются всегда единообразно и не требуютъ никакого совѣщанія. Какая польза проводить всѣ сіи дѣла обрядомъ совѣщательнымъ, по необходимости многосложнымъ и медленнымъ? Для чего подъ общимъ надзоромъ присутствія и подъ личною отвѣтственностію сей родъ дѣлъ не ввѣрить производству одного лица, Министра, Директора, даже Начальника Отдѣленія въ надлежащей постепенности?

Изъ сего явствуетъ:

1) что въ мѣстахъ управленія не должно допускать формы судебной.

2) что въ нихъ должны быть двѣ формы: совѣщательная для дѣлъ важнѣйшихъ, и приказная для дѣлъ текущихъ.

Извлеченіе изъ записки подъ названіемъ: «Проектъ системы Гражданскаго управленія.»

Власть Самодержавнаго Государя должна быть сокрыта подъ эгидою законовъ. Дѣла гражданскія, въ порядкѣ частномъ и распорядительномъ, не должны быть ни подъ какимъ предлогомъ выводимы изъ законнаго своего теченія. Учрежденныя для сего верховныя мѣста обязаны ихъ судить окончательно и однѣ только разногласныя мнѣнія сихъ судилищъ должны поступать на разрѣшеніе Монарха. Подданные станутъ его благословлять, когда увидятъ, что Онъ есть первый хранитель государственныхъ уставовъ и что въ частныхъ тяжбахъ воля его не дѣйствуетъ. Правило сіе полезнѣе всѣхъ для самаго Государя. Оно, избавляя лице его отъ безчисленныхъ жалобъ и неудовольствій частныхъ людей, доставитъ ему множество свободныхъ часовъ заниматься предметами, собственно до Государства касающимися.

Верховныя сіи Судилища надлежитъ учредить такимъ образомъ, чтобъ въ важныхъ распорядительныхъ, уголовныхъ, или гражданскихъ случаяхъ, гдѣ Правительство обязано давать дѣламъ предварительное направленіе, большинство голосовъ находилось всегда на сторонѣ Правительства. Цѣли сей легко достигнуть посредствомъ благоразумнаго выбора членовъ. Въ сихъ случаяхъ безъ нарушенія Государственныхъ уставовъ, самодержавная воля будетъ дѣйствовать во всей своей силѣ. Такъ поступали всѣ великіе Монархи: Августъ, коего вѣкъ названъ былъ золотымъ, Фридрихъ Второй и Екатерина.

Вообще въ управленіи Государства надлежитъ принять слѣдующія непоколебимыя правила:

а) Учредить систему правленія сколь можно простѣе и не допускать излишнихъ переходовъ дѣламъ.

б) Единожды рѣшенное и утвержденное Государемъ дѣло ни подъ какимъ предлогомъ не подвергать новому пересмотру.

в) Пользуясь драгоцѣннымъ правомъ облегчать участь подданныхъ, миловать ихъ и награждать, Монархъ во всѣхъ сихъ случаяхъ долженъ дѣйствовать своимъ лицемъ. Симъ пріобрѣтаетъ онъ ихъ любовь. По отнятіе имѣнія, денежныя взысканія, народныя подати,

лишеніе чести и жизни должны не иначе быть утверждаемы, какъ на основаніи докладовъ того верховнаго мѣста, которому дѣла сіи по существу своему принадлежать будутъ.

г) Въ случаѣ неправильныхъ, или сомнительныхъ докладовъ верховнаго мѣста, Государь обращаетъ оныя къ разсмотрѣнію составленнаго при себѣ Совѣта изъ небольшаго числа первѣйшихъ вельможъ, о коемъ ниже сего объяснено будетъ.

д) Ограничить, сколь возможно, поступленіе частныхъ прошеній къ лицу Государя, ибо отъ сего происходятъ величайшія неудобства и затрудненія. Прошенія сіи раздѣляются на три рода, то есть, на принесеніе жалобъ по дѣламъ, на представленіе проектовъ и испрашиваніе милостей. Въ первомъ случаѣ требуются справки и объясненія, или самыя просьбы отсылаются на предварительное заключеніе разныхъ лицъ. Потомъ исходятъ по онымъ Высочайшіе отказы, или дѣла переносятся на разсмотрѣніе верховныхъ мѣстъ. Все сіе, составляя многосложную переписку, удвоиваетъ труды государственныхъ чиновниковъ и Правительствъ, отвлекаетъ ихъ отъ настоящихъ занятій, умножаетъ запутанность производствъ. Чѣмъ болѣе Государь будетъ удовлетворять домогательствамъ просителей, тѣмъ большими обременится жалобами, и наконецъ составитъ въ себѣ одномъ средоточіе всѣхъ частныхъ происковъ и домогательствъ. Хотя Государь, по свойству предоставленной ему Богомъ власти, есть лице самое безпристрастное, но дабы рѣшить по истинѣ тяжбу, или дѣло, нужно вполнѣ прочесть всѣ оныхъ акты и производства: въ силахъ ли Монархъ, удрученный государственными трудами и безчисленными заботами, все сіе исполнить? Разрѣшая дѣла лицемъ своимъ, онъ можетъ учиниться причиною колебимости правосудія, или мѣръ правительственныхъ. Тогда всѣ тяжущіеся, находящіе въ томъ свою потерю, тайными воплями не преминутъ оскорблять благость его намѣреній и вмѣсто жалобъ на мѣста и лица будутъ обращать ихъ на него. И такъ нужно принять правила, чтобъ дѣла не иначе доходили до Высочайшаго престола, какъ по заведенному порядку. Чтоже касается до принятія бумагъ, относящихся къ представляемымъ проектамъ и испрошенію милостей, то по симъ предметамъ надлежитъ учинить такое постановленіе, чтобъ Коммисія прошеній, или Статсъ-Секретарь, не иначе докладывали о нихъ Государю, какъ съ пре-

дварительнымъ своимъ заключеніемъ, что поданныя просьбы находятъ они достойными уваженія.

е) Учредить занятія Государя такимъ образомъ, чтобъ они по дѣламъ гражданскимъ никогда не превышали четырехъ часовъ ежедневнаго времени. Предметъ сей содержитъ въ себѣ особенную важность, ибо опытомъ доказано, что излишній трудъ столько же вреденъ, какъ и недостатокъ прилежанія.

О СЕНАТѢ.

Существованіе Сената имѣетъ свое начало съ 1711 года. Не взирая на нѣкоторыя состава его недостатки, удобныя къ исправленію, къ судилищу сему привыкла Россія и оно уважается народомъ. Петръ Великій вручилъ ему бремя верховной власти надъ всѣми вообще государственными дѣлами. Онъ учрежденъ былъ первоначально изъ одного только Департамента; всѣ вообще предметы подвергались его разбору; въ немъ никогда не было положено Президента, потому что предсѣдательствовалъ самъ Монархъ и дѣла производились именемъ Императорскаго Величества. Отсутствіе Петра въ Турецкій и Персидскій походы, частая перемѣна членовъ Сената, а болѣе всего недостатокъ ясныхъ и положительныхъ законовъ, произвели замѣшательства въ теченіи дѣлъ. Причины сіи заставили прозорливаго Государя въ 1722-мъ году опредѣлить блюстителя правосудія подъ именемъ Генералъ - Прокурора. Не будучи самъ судьею, но получая свѣдѣнія о всѣхъ дѣлахъ въ Сенатѣ производимыхъ, онъ предлагалъ о нихъ свои замѣчанія, словесно и письменно. Будучи всегда почти въ мнѣніяхъ своихъ подкрѣпляемъ Высочайшею властію, и слѣдственно получая вліяніе на сужденія членовъ Сената, онъ составлялъ кормило государственнаго управленія. Не нося званія перваго Министра былъ онъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. По сей то причинѣ названъ былъ окомъ Государя. Главнѣйшая польза сего порядка вещей состояла въ двухъ отношеніяхъ: а) единство власти, заключавшееся въ особѣ Генералъ-Прокурора, вело всѣ части государственныхъ дѣлъ къ одинаковой цѣли и давало имъ постоянное направленіе. Въ семъ отношеніи внутреннія дѣла, предметы торговли, заводовъ, фабрикъ и прочаго, судимы и разрѣшаемы были однообразно. Часть Финансовъ, сія

душа Государства, находилась тогда подъ главнымъ вѣдомствомъ Генералъ-Прокурора. Всѣ обороты государственныхъ суммъ зависѣли отъ него; онъ посредствомъ Сената наблюдалъ, побуждалъ и подвергалъ отчету всѣ мѣста и лица, имѣвшія въ рукахъ своихъ казенныя суммы. б) Вторая выгода, заключавшаяся въ прежнемъ учрежденіи Сената, была политическая. Сословіе сіе, состоя подъ сильнымъ вліяніемъ Генералъ-Прокурора, могло быть направляемо по произволу верховной власти, во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ Государь, сокрывая лице свое, желалъ къ рѣшенію оныхъ казаться непричастнымъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Сенатъ раздѣлился на многіе Департаменты. Но смѣшеніе трехъ разнородныхъ властей, т. е. судной, законодательной и распорядительной, въ ономъ продолжалось по прежнему. Мудрая Монархиня, чувствуя сіи недостатки, имѣла намѣреніе (*), сообразно новѣйшей Европейской системѣ, раздѣлить власти сіи между собою.

Теперь наступило время предпріятіе сіе произвести въ дѣйствіе. Отдѣля Судный Сенатъ отъ Правительствующаго, надлежитъ первый изъ нихъ оставить на томъ основаніи, какъ онъ нынѣ находится. Въ ономъ по учрежденнымъ формамъ и законамъ будутъ производиться тяжбы гражданскія и уголовныя. Центръ, гдѣ при разногласныхъ мнѣніяхъ Сенаторовъ, или по жалобамъ на Департаменты, стекается окончательное рѣшеніе дѣлъ сихъ, принадлежитъ Общему Сената Собранію. Но какъ законы наши суть неопредѣлительны, сбивчивы и многосложны, что даетъ частый поводъ объяснять и примѣнять ихъ къ однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ дѣла различно; а строгое правосудіе требуетъ того, чтобъ юридическія истины, или аксіомы, были всегда и вездѣ объясняемы, судимы и рѣшаемы однообразно, то въ настоящемъ времени нельзя дать полнаго довѣрія большинству голосовъ Общаго Собранія Сената, безъ посредства Генералъ-Прокурора. Блюстительная власть сего верховнаго чиновника, на коемъ лежитъ довѣренность въ прямомъ толкованіи законовъ, необходима. Имѣя въ рукахъ своихъ всѣ свѣдѣнія о производящихся рѣшеніяхъ, въ Сенатѣ, посредствомъ Оберъ-Прокуроровъ, въ губерніяхъ, посредствомъ Проку-

(*) Въ Наказѣ и Манифестѣ 1775 года.

роровъ, и вспомоществуемый Совѣтомъ, изъ Юрисконсультовъ составленнымъ, онъ одинъ имѣетъ возможность давать правосудію правильное и постоянное направленіе. По симъ причинамъ, доколѣ не будетъ составленъ полный Систематическій Сводъ Законовъ, Генералъ-Прокуроръ долженъ быть облеченъ непоколебимымъ довѣріемъ Монарха. Онъ одинъ обязанъ представлять ему доклады и разногласныя мнѣнія Суднаго Сената. Когда же Юридическій Сводъ введенъ будетъ въ полное употребленіе, тогда рѣшенія Общаго Собранія надлежитъ приводить въ исполненіе по большинству голосовъ.—Далѣе, какъ нынѣ, такъ и впредь, никакая жалоба, или апелляція на сіе судилище не должна быть приносима.

О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ.

По настоящему ходу дѣлъ признано, что нѣкоторыя дѣла и тяжбы проходятъ чрезъ 10, 12 и болѣе инстанцій. Находятся многіе примѣры, что утвержденные Самимъ Государемъ приговоры снова разсматривались въ Сенатѣ, Совѣтѣ, Коммисіи Прошеній, или у Министровъ. Порядокъ сей терпимъ быть не можетъ, ибо никто изъ тяжущихся не увѣренъ въ томъ, что ему принадлежитъ. Государственный Совѣтъ, по разногласнымъ въ Сенатѣ мнѣніямъ, сдѣлался ревизіоннымъ мѣстомъ сего послѣдняго. Сверхъ продолженія времени, для обоихъ сторонъ крайне вреднаго, не обинуясь можно сказать, что Совѣтскія рѣшенія не могутъ быть лучше Сенатскихъ по слѣдующимъ причинамъ: а) Въ Сенатѣ классификація дѣлъ расположена такъ, что въ каждомъ повытьѣ вѣдаются предметы одинаковаго рода. Поелику же каждый изъ сихъ предметовъ составляетъ особенную науку, трудную къ изученію, то Повытчикъ, Секретарь и Оберъ-Секретарь, по долгому въ нихъ навыку, пріобрѣтаютъ необыкновенныя свѣдѣнія. б) Всѣ они, охраняя собственную безопасность, въ приготовляемой запискѣ, или при докладѣ дѣла, не смѣютъ выпустить ни малѣйшаго нужнаго обстоятельства, или закона, потому что строгая отвѣтственность лежитъ въ томъ на нихъ. в) Сенатскій Секретарь, Оберъ-Секретарь и Оберъ-Прокуроръ имѣютъ право и обязаны закономъ словесно напоминать Сенаторамъ и письменно протестовать противъ всякаго неправильнаго рѣшенія. Изъ безпрестаннаго боренія сихъ двухъ властей, то есть судной и

блюстительной, одна отъ другой независимыхъ, проистекаютъ приговоры Сената, которые, если разсмотрѣть въ общей сложности, столько справедливы, сколько оное допускается недостаточнымъ положеніемъ нашего законодательства. А поелику отвѣтственность въ дѣлахъ тогда только можетъ имѣть полное свое дѣйствіе, когда она обращается на малое число лицъ, то по сему правилу власть блюстительная въ Сенатѣ, т. е. его канцелярія, за несохраненіе сей обязанности, одна подвержена строгому по законамъ взысканію. Вопреки сему порядку въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла различныхъ родовъ смѣшаны въ рукахъ малаго числа дѣлопроизводителей, не отвѣчающихъ ни за вѣрность записки, ни за докладъ дѣла, ни за самый приговоръ. Къ сему надобно прибавить, что рѣшительныя меморіи, или доклады, представляемыя отъ Совѣта на Высочайшее утвержденіе, обыкновенно излагаются въ содержаніи своемъ столь кратко, что почти ни по которому изъ нихъ полнаго объ обстоятельствахъ дѣла понятія имѣть не можно.

Всѣ сіи уваженія необходимо требуютъ того, чтобъ Государственный Совѣтъ былъ введенъ въ прежнія свои принадлежности, т. е. чтобъ онъ, составляя Собственный Императорскій Совѣтъ, занимался одними только законодательными и политическими предметами; гражданскія же дѣла разсматривать въ ономъ не иначе, какъ въ рѣдкихъ случаяхъ, т. е. когда Высочайшая власть найдетъ рѣшеніе или представленіе Сената сомнительнымъ. Тогда долженъ присутствовать между членами Совѣта Генералъ-Прокуроръ для объясненія и защищенія мнѣнія, которое онъ давалъ въ Сенатѣ.

О Комитетѣ гг. Министровъ.

Въ Комитетѣ гг. Министровъ допущено еще большее смѣшеніе всѣхъ разнородныхъ между собою предметовъ. Дѣла распорядительныя, законодательныя и судныя производятся въ ономъ безъ всякаго различія; все смѣшано въ однихъ рукахъ. Дѣлопроизводитель, не облеченный ни правами, ни отвѣтственностію, по заведенному порядку, докладываетъ присутствію одностороннія представленія Министровъ, Генералъ-Губернаторовъ и отдѣльныхъ начальствъ, безъ справокъ, безъ подведенія приличныхъ законовъ. Часто дѣла судныя или распорядительныя, еще производящіяся

въ нижнихъ или среднихъ мѣстахъ, по жалобамъ сторонъ поступали въ Комитетъ гг. Министровъ и получали тамъ окончательныя рѣшенія. Сей Комитетъ, по первоначальному своему образованію, учрежденъ былъ для совѣщанія и личныхъ сношеній гг. Министровъ въ предметахъ важныхъ, которые по части правительственной выходили изъ круга обыкновенныхъ дѣйствій. Но единожды отступивъ отъ сего правила и не имѣя образованной Канцеляріи, верховное сіе Правительство подверглось неминуемымъ замѣшательствамъ. Отъ сего видѣли мы безпрестанную колеблемость въ мѣрахъ государственныхъ, и единство управленія терялось.

Мѣсто распорядительное, съ какою бы властію оное ни дѣйствовало, подобно всякому другому, долженствуетъ быть основано на постоянныхъ правилахъ, сообразныхъ съ качествомъ производящихся дѣлъ. Классификація оныхъ, порядокъ доклада, вѣрность экстрактовъ, подведеніе приличныхъ справокъ и законовъ суть необходимыя формальности, сохраненіе коихъ, ограждая отъ самоуправства и злоупотребленія, возбуждаетъ общую довѣренность. Въ семъ смыслѣ Канцелярія распорядительнаго мѣста должна быть подвержена отвѣтственности по мѣрѣ упущенія обязанностей каждаго лица.

О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Государственное хозяйство служитъ основаніемъ общественнаго благоденствія. Опытъ прошедшаго времени доказалъ, что главнѣйшая польза прежняго порядка, существовавшаго при Генералъ-Прокурорахъ, заключалась въ томъ, что сей вельможа, сохраняя въ рукахъ своихъ единство управленія, былъ настоящимъ хозяиномъ Государства. Части правительственныя, казенныя, соляныя, горныя, мануфактурныя и прочія, будучи подчинены, посредствомъ Сената, главному его надзору, двигались, распоряжались, дѣйствовали въ постоянномъ духѣ и направленіи. Если одна часть вредила, или препятствовала ходу другой, если нѣкоторыя изъ лицъ правительственныхъ присвоивали себѣ права или выгоды, имъ не принадлежавшія, немедленно Генералъ-Прокуроръ вводилъ каждое мѣсто и лице въ свойственную ему черту. Не имѣя причинъ увлекаться особымъ предпочтеніемъ къ той, или другой части, ибо былъ

хозяиномъ цѣлаго, онъ смотрѣлъ на всѣ предметы глазами безпристрастными. И такъ при отдѣленіи распорядительной части отъ судной, слѣдуетъ необходимо сосредоточить государственное хозяйство въ рукахъ одного лица. На семъ основаніи:

А.—Правительствующій Сенатъ, отдѣленный отъ Суднаго, дѣйствуя въ порядкѣ распорядительномъ, составляетъ верховное Правительство, коему подчинены и относятся всѣ Государственныя Коллегіи, Генералъ-Губернаторы и Отдѣльныя Гражданскія Начальства.

Б.—Въ Сенатѣ семъ присутствуютъ Президенты Коллегій, или нынѣшніе Министры, и нѣсколько членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властію. Тамъ въ отсутствіи Императора предсѣдательствуетъ Непремѣнный Президентъ, или Государственный Канцлеръ.

В.—По причинѣ занятій, коими обязаны Президенты Коллегій въ своихъ мѣстахъ, Канцлеръ предварительно приглашаетъ ихъ для присутствованія въ Правительствующемъ Сенатѣ сообразно съ дѣлами, къ слушанію назначаемыми.

Г.—Никакое представленіе Президентовъ Коллегій, Генералъ-Губернаторовъ и отдѣльныхъ Гражданскихъ Начальствъ не можетъ имѣть силы и дѣйствія, доколѣ не разсмотрѣно будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Д.—Государственный Канцлеръ, или Президентъ, приводитъ въ исполненіе самъ собою всѣ единогласные приговоры Правительствующаго Сената, если найдетъ ихъ правильными. При разногласныхъ же онаго мнѣніяхъ, или въ случаяхъ, превосходящихъ власть Сената, или когда самъ будетъ противнаго мнѣнія, Канцлеръ представляетъ доклады Сената Государю Императору и получаетъ Высочайшія разрѣшенія.

Е.—По части правительственной одинъ Государственный Канцлеръ имѣетъ право объявлять Высочайшіе указы.

Ж.—Для принятія, изготовленія и доклада дѣлъ, производящихся въ Правительствующемъ Сенатѣ, для Канцеляріи онаго должна быть составлена особая инструкція. Въ ней надлежитъ объяснить съ точностію права и отвѣтственность каждаго изъ дѣлопроизводителей.

З.—По Учрежденію о губерніяхъ, губернскіе и казенныхъ дѣлъ

Стряпчіе, обязанные открывать на мѣстѣ существующія злоупотребленія, съ раздѣленіемъ Сената должны состоять въ непосредственномъ вѣдомствѣ и распоряженіи Государственнаго Канцлера. Они, замѣчая повсюду дѣйствія губернскихъ мѣстъ и лицъ въ порядкѣ распорядительномъ, доносятъ ему о всякомъ государственномъ вредѣ, ущербѣ казны, или о нарушеніи принятыхъ законами правилъ. Таковыя же свѣдѣнія обязаны, на основаніи должности Коллежскихъ Прокуроровъ, доставлять Канцлеру чиновники, которые будутъ опредѣлены во всѣ Государственныя Коллегіи. Ихъ вмѣсто прежняго наименованія можно назвать Коллежскими Стряпчими.

II.—Государственный Канцлеръ по таковымъ донесеніямъ собираетъ лицемъ своимъ надлежащія справки, по коимъ, буде найдетъ, что доводимыя до свѣдѣнія его безпорядки, или злоупотребленія, должны быть исправлены, предлагаетъ о томъ Правительствующему Сенату. При особѣ Канцлера учреждается канцелярія, совершенно ему подчиненная.

I.—Послѣ таковаго раздѣленія распорядительной и судебной власти, Губернскіе Прокуроры и Уголовныхъ дѣлъ Стряпчіе, оставаясь въ вѣдомствѣ Генералъ-Прокурора, наблюдаютъ единственно за правильнымъ теченіемъ судебнаго производства, согласно прежней ихъ должности.

О МИНИСТЕРСТВАХЪ.

Многія происходили сужденія о вопросѣ: министерское, или коллегіальное управленіе полезнѣе для Россіи? Каждое изъ сихъ сужденій представляетъ хорошую и дурную сторону. Управленіе Министровъ можетъ имѣть болѣе скорости въ исполненіи, обнимать въ бóльшей раздробительности предметы, представлять лучшую надежду къ успѣху въ отправленіи подвѣдомственныхъ дѣлъ, если Министръ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, потребныя для его сана. Съ другой стороны опытъ доказалъ, что учрежденіе въ Россіи Министерствъ разрушило единство надзора; что съ перемѣною Министровъ безпрестанно измѣняется система правленія, чего въ благоустроенномъ Государствѣ допускать не должно и чему коллегіальное учрежденіе служитъ препятствіемъ; что слабый Министръ въ разрѣшеніи подлежащихъ ему предметовъ скорѣе

бываетъ подверженъ ошибкамъ, а слишкомъ на себя надежный перейдетъ границу ввѣренной ему власти; что содержаніе Министерствъ ежегодно потребляетъ чрезмѣрныя суммы; что каждое вступленіе новаго Министра влечетъ за собою удаленіе многихъ чиновниковъ, для успокоенія коихъ раздавали равновременно пенсіи, аренды, ордена и повышеніе чинами; что всѣ сіи награды, получаемыя преимущественно служащими въ Министерствахъ, возбуждаютъ уныніе и ропотъ въ чиновникахъ другихъ мѣстъ, а паче губернскихъ, не имѣющихъ особаго покровительства, и что онѣ, умножая раздачу чиновъ и орденовъ, унижаютъ въ общемъ мнѣніи цѣну сихъ полезныхъ наградъ. Накопецъ коллегіяльное управленіе я считаю полезнѣйшимъ потому, что Россія къ нему привыкла и что оно сообразно съ духомъ учрежденія о управленіи губерніи.—Если предположеніе сіе будетъ имѣть преимущество, тогда, съ отдѣленіемъ Правительствующаго Сената отъ Суднаго и съ устраненіемъ Генералъ-Прокурора отъ части распорядительной, бывшіе прежде сего въ Коллегіяхъ Прокуроры должны быть переименованы Коллежскими Стряпчими.

ВМѢНЕНІЕ СМЕРТОУБІЙСТВА

ПО УЛОЖЕНІЮ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Область юридическаго вмѣненія безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ предметовъ изученія. Такое заключеніе дѣлается понятнымъ само по себѣ, какъ скоро обратимъ вниманіе на существо разсматриваемаго предмета и скажемъ, что кореннымъ началомъ вмѣненія признается свободная воля. Послѣднія слова, по своей знаменательности, устраняютъ необходимость въ подробныхъ объясненіяхъ. Дѣйствительно, понятно для каждаго, что созерцаніе внутренняго міра человѣка, анализъ его духовной природы, представляетъ изъ себя не только предметъ первой важности, но и живѣйшаго интереса. Поэтому еще съ давнихъ временъ начинаются попытки ума проникнуть въ эту таинственную область и разъяснить себѣ одинъ изъ существенныхъ ея элементовъ. Такое стремленіе продолжается непрерывно до настоящаго времени, и, безъ всякаго сомнѣнія, пойдетъ въ безконечность по самому свойству изслѣдуемаго предмета, содержаніе котораго никогда не исчерпается человѣческими силами. Какъ не имѣть живѣйшаго сочувствія къ созерцанію того, что составляетъ субстанцію существа разумнаго, главнѣйшее содержаніе моего я, познаніе самого себя,— ибо духовная природа одинакова у всего человѣчества. Наконецъ небытіе стремленія къ такой дѣятельности невозможно абсолютно: желаніе ея вложено въ природу человѣка, составляетъ одно изъ существенныхъ отправленій ея организма. А какъ богатъ и разнообразенъ самый предметъ изслѣдованія! Какія великія жизненныя истины добываетъ анализъ изъ тайниковъ человѣческаго духа! Здѣсь онъ открываетъ убѣжище той великой невидимой силы, которая управляетъ всякой сознательной дѣятельностію, здѣсь онъ узнаетъ существенныя свойства ея характера и находитъ тотъ зародышъ вѣчной борьбы, которая заложена въ двойственной природѣ человѣка. Передъ усиліями его разоблачается постепенно сокро-

венный путь взаимныхъ воздѣйствій духа и тѣла, и очищается тѣмъ самымъ настоящій и живой образъ свободной воли. Естественно, что въ такой дѣятельности заключается особенное обаяніе, которое увлекаетъ умъ по таинственному пути розысканій, гдѣ за новыми открытіями выступаетъ всегда цѣлый рядъ новыхъ психологическихъ вопросовъ, ожидающихъ въ свою очередь своего разрѣшенія. А извѣстно, что наука, занимающаяся подобными изысканіями, составляетъ одну изъ необходимыхъ вспомогательныхъ наукъ уголовнаго права. Безъ ближайшаго знакомства съ ней нельзя и подступить къ области вмѣненія.

Но если теорія настоящаго предмета способна возбудить живой интересъ при своемъ изученіи, то въ приложеніи ея къ отдѣльнымъ преступленіямъ характеръ этотъ по преимуществу сохраняется въ смертоубійствѣ, ибо объективная важность его обращаетъ на себя особенное вниманіе и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ возможно точному и полному опредѣленію его вмѣненія. Кромѣ того особенный характеръ этого преступленія, заключающійся въ свойствѣ и содержаніи правонарушенія, расширяетъ еще съ своей стороны объемъ настоящей области, такъ что мы встрѣчаемся здѣсь съ такими вопросами, которые не имѣютъ мѣста при вмѣненіи другихъ преступленій. Нѣтъ надобности замѣчать, что подобные вопросы еще болѣе увеличиваютъ интересъ изучаемаго предмета. Излишне, кажется, говорить также, что интересъ этотъ сохраняется и въ историческихъ розысканіяхъ, которыя представляютъ постепенный ходъ развитія юридическаго вмѣненія, начиная съ первыхъ его зачатковъ и доходя до положеній новѣйшихъ теорій и законодательствъ. Разумѣется и здѣсь, вслѣдствіе сказанныхъ причинъ, вмѣненіе смертоубійства обращаетъ на себя преимущественное вниманіе. Этому же способствуетъ, съ другой стороны, и то обстоятельство, что юридическая жизнь этого преступленія можетъ развернуть предъ наблюдателемъ относительно длиннѣйшій свитокъ историческихъ судебъ своихъ, представить документы о древнѣйшемъ происхожденіи, какихъ нѣтъ у многихъ другихъ преступленій. Дѣйствительно, преслѣдованіе смертоубійства начинается очень рано— съ первыхъ общественныхъ соединеній или, правильнѣе сказать, съ перваго появленія человѣка на землѣ, ибо если не было въ то время законнаго преслѣдованія въ нашемъ смыслѣ, то потому толь-

ко, что не существовало никакого опредѣленнаго юридическаго быта,—но безъ преслѣдованія преступленія такія все-таки никогда не оставались. Этотъ-то преемственный по времени рядъ преслѣдованій и возбуждаетъ особенное любопытство историка: ему хочется отыскать здѣсь начала и мотивы вмѣненія, существовавшіе у народа въ данный моментъ времени. Въ нихъ постоянно отражается взглядъ современной эпохи, ибо извѣстно, что развитіе всякаго юридическаго начала идетъ рука объ руку съ постепеннымъ развитіемъ самой жизни. Иначе и быть не можетъ. Таковъ общій законъ историческаго движенія. Онъ открываетъ передъ нами весь путь, по которому идетъ прогрессъ юридическаго вмѣненія и въ этой картинѣ представляетъ одинаковость его направленія у всѣхъ историческихъ народовъ. Разница заключается только въ быстротѣ движенія: одинъ народъ достигаетъ до новаго перехода, поднимается по лѣстницѣ юридическаго развитія скорѣе, нежели другой, и наоборотъ; но переходы эти и ступени вездѣ одинаковы, ибо условливаются въ бытіи своемъ общей природой всего человѣчества.

Вслѣдствіе такого неизмѣннаго тождества путей первоначальныя законодательства при вмѣненіи смертоубійства обращаютъ свое исключительное вниманіе на объективную сторону, не подозрѣвая даже существованіе другой—внутренней, за которой поэтому и не признаютъ никакого вліянія. Причина понятна: она лежитъ въ самомъ бытѣ народа, въ низкой степени его развитія, какъ общаго, такъ и юридическаго. Ибо, дѣйствительно, связь между составными нераздѣльными элементами преступленія не представляетъ такой очевидности, чтобъ могла быть сразу обнята внѣшними чувствами; она требуетъ для себя особаго пріема, болѣе духовнаго, способности аналитической, умѣнья отыскивать непосредственныя причины явленій. Но для этого недостаточно одного природнаго состоянія духовныхъ силъ въ томъ видѣ, какъ онѣ вложены въ человѣка натурой,—надо, чтобъ онѣ подверглись вліяніямъ жизни, которая положила бы на нихъ печать своего образованія. Слѣдовательно въ данномъ случаѣ недостаточно естественнаго ума, а требуется умъ образованный, обладающій даромъ анализа. Понятно, что при такой обстановкѣ отсутствіе субъективнаго взгляда получаетъ характеръ необходимаго явленія.

Но оставаться постоянно при такомъ узкомъ взглядѣ законода-

тельство не можетъ. Тотъ же общій историческій законъ возвѣщаетъ намъ другую непреложную истину: непрестанное развитіе юридическихъ началъ. Отсюда, съ постепеннымъ движеніемъ народной жизни впередъ, совершенствуется постепенно и его законодательство, а съ тѣмъ вмѣстѣ очищается и взглядъ на вмѣненіе; зародышъ юридическаго анализа пробивается сквозь объективную грубую оболочку и тотчасъ производитъ измѣненіе въ господствующемъ направленіи. Разумѣется, дѣятельность его вначалѣ слишкомъ слаба и результаты ея ничтожны, потому что приходится прокладать новую дорогу медленно, шагъ за шагомъ,—но тѣмъ не менѣе онъ все-таки открываетъ законодательству входъ въ болѣе широкую и свѣтлую область. Отсюда, при непрестанной борьбѣ стараго начала съ новымъ, начинается постоянное развитіе субъективнаго элемента, который наконецъ торжественно признается основнымъ масштабомъ вмѣненія. Нѣтъ надобности говорить, что подобное явленіе совершается нескоро, потому что исторія юридическаго развитія народа предполагаетъ вообще медленный процессъ.

Подобный же ходъ историческаго движенія замѣчается и въ нашемъ отечественномъ правѣ. Здѣсь, сообразно съ низкой степенью народнаго развитія, господствуетъ въ первую пору общественной жизни объективный взглядъ: не только смертоубійства, но и другія преступленія оцѣниваются исключительно по мѣрѣ внѣшняго вреда, ими наносимаго. Впрочемъ у насъ еще въ Русской Правдѣ вскрываются первые проблески признанія субъективнаго элемента, и чѣмъ дальше идетъ народъ по пути своего развитія, тѣмъ шире становится область новаго начала.

Въ силу такого положенія, приступая къ изслѣдованію вмѣненія смертоубійства по Уложенію 1649 г., мы надѣемся открыть здѣсь не только участіе новаго начала, но и значительную степень его развитія, ибо народъ и законодательство стояли уже далеко не на первой ступени своего историческаго развитія. Кромѣ этого, такъ сказать, физіологическаго основанія мы имѣемъ на своей сторонѣ другія данныя: это вліяніе Византійскаго и Литовскаго правъ, которыя, какъ извѣстно, получили значительную долю участія при составленіи Уложенія. Но замѣтимъ здѣсь однажды навсегда, что такое заимствованіе не отнимаетъ у нашего права самостоятельности, потому что, говоря вообще, подобный актъ носитъ всегда ха-

рактеръ сознательнаго. Если народъ заимаетъ что-либо изъ чужаго законодательства, то показываетъ тѣмъ самымъ прогрессъ своего права, появленіе такихъ новыхъ юридическихъ потребностей, которыя настоятельно требуютъ своего удовлетворенія. Поэтому при выборѣ онъ останавливается на тѣхъ только положеніяхъ, которыя отвѣчаютъ на его требованія и согласны съ его юридическимъ взглядомъ, на томъ, что считаетъ для себя необходимымъ. Этотъ-то сознательный актъ выбора и сообщаетъ заимствованію характеръ національности; ибо идея, духъ постановленія присущи народу и составляютъ туземный продуктъ, а переносится съ чужой почвы только внѣшняя ихъ оболочка, чувственное выраженіе сознаваемой народомъ идеи. Притомъ, что касается до вліянія Византійскаго права, то извѣстно, что оно началось съ самыхъ древнихъ временъ—тотчасъ послѣ принятія христіанства—и шло органическимъ путемъ, постепенно, по мѣрѣ увеличивающейся въ народѣ способности къ его восприятію, подвергаясь въ свою очередь вліянію туземнаго начала,—такъ что изъ этого взаимнаго воздѣйствія двухъ элементовъ образуется одно цѣлое. Литовскій же Статутъ, изъ котораго заимствованіе сдѣлано какъ будто цѣликомъ и разомъ, не составлялъ для насъ никогда чуждаго права. Поэтому, не говоря уже о томъ, что заимствованіе во всякомъ случаѣ было сознательное, въ Уложеніе занесено только то, что для цѣлой Руси составляло предметъ общихъ юридическихъ убѣжденій, различавшихся между собою одною внѣшнею формою выраженія: въ западной—облеченныхъ въ видимые знаки—письмена, а въ восточной—жившихъ безъ чувственнаго образа подъ неопредѣленной и неясной формой общихъ обычныхъ преданій. Слѣдовательно мы видимъ, что заимствованіе ограничивается здѣсь наружной, внѣшней формой, не оказывающей никакого вліянія на измѣненіе характера внутренняго содержанія.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича потому составляетъ важную эпоху въ историческомъ развитіи настоящаго вопроса, что съ этого времени не только допущено участіе субъективной стороны, но элементъ этотъ получаетъ характеръ основнаго начала. Слѣдовательно исходная точка выбрана правильно, коренное начало найдено, остается только неуклонно слѣдовать по открытой дорогѣ. Разумѣется въ послѣднемъ случаѣ нельзя требовать отъ Уложенія извѣстныхъ намъ результатовъ, ибо такое явленіе было бы несвое-

временнымъ: законодательство развивается всегда органически, разрѣшая свои задачи медленно и постепенно. Вообще при ближайшемъ разсмотрѣніи постановленій, относящихся къ нашему предмету, мы будемъ имѣть случай замѣтить и объяснить ихъ недостатки.

Признаніе въ Уложеніи свободной воли человѣка кореннымъ началомъ вмѣненія открывается не только во всемъ ряду случаевъ смертоубійства, но и находитъ прямое для себя выраженіе въ общемъ постановленіи, которое повелѣваетъ подвергать полному вмѣненію только *умышленное* убійство: «А кого кто убьетъ *съ умышленія*, а сыщется про то допряма, что *съ умышленія* убилъ: и такого убійцу казнити смертію (¹)».

Этому отдѣлу противополагаются смертоубійства *неумышленныя*, которыя не имѣютъ для себя впрочемъ одного родоваго опредѣленія, какъ это замѣчаемъ въ первомъ, а разрѣшаются въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Впрочемъ раздѣленіе убійства на умышленное и неумышленное встрѣчается въ первый разъ еще прежде (не задолго до изд. Уложенія), въ одномъ боярскомъ постановленіи, изданномъ въ 1625 г., октября 14, по предложенію князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (²). Поводомъ къ его изданію было чисто практическое основаніе—частое повтореніе этого преступленія при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ—«въ дракѣ и пьянымъ дѣломъ», вслѣдствіе чего законодательство и принуждено было обратить на эти случаи особенное вниманіе. Сравнивая ихъ съ другими, извѣстными изъ практики, оно легко открываетъ здѣсь различіе, ибо доступно для здраваго смысла каждаго, что свободная воля преступника въ пьяномъ состояніи или дракѣ, если не вовсе иногда уничтожается, то всегда по крайней мѣрѣ сильно ограничивается, почему и признать здѣсь значительно меньшую степень вмѣняемости не представляется особенной трудности. И вотъ законодательство, не подводя настоящаго случая подъ общее постановленіе Судебника о душегубствѣ, издаетъ на него особое постановленіе. Здѣсь то, какъ мы замѣтили, и раздѣляется смертоубійство въ первый разъ на два вида, основаніемъ для которыхъ служитъ субъ-

(¹) 72 ст. XXI гл.—(²) Вып. изъ уст. кн. Разб. Пр. 1631 г., авг. 31, ст. 72, въ Акт. Ист. т. III, № 167.

ективная сторона—воля. Но результаты этой дѣятельности, какъ начальные, далеко несовершенны; ибо хотя и признано два главныхъ рода преступленій, но между ними не проведено никакихъ твердыхъ границъ—нѣтъ такого общаго опредѣленія, которое бы обнимало всѣ видовыя различія. Притомъ первый классъ смертоубійствъ не имѣетъ вовсе видимаго законнаго бытія даже въ конкретныхъ, казуистическихъ проявленіяхъ, а мыслимъ только по противоположенію со вторымъ, все содержаніе котораго въ свою очередь состоитъ изъ двухъ поименованныхъ видовъ, чаще другихъ встрѣчавшихся на практикѣ. Отсюда понятно, что Уложеніе, давъ мѣсто общему постановленію объ умышленныхъ убійствахъ, предоставляетъ себѣ честь первой попытки къ посильному уясненію новой задачи. Но на этомъ оно и останавливается, потому что содержаніе и объемъ настоящаго отдѣла не объяснены вовсе, даже конкретными случаями. Различія видовъ умысла нѣтъ и подавно. Такое явленіе объясняется, конечно, ближайшимъ образомъ тѣмъ, что законодательство не понимало всей важности предстоявшей ему задачи, а съ другой стороны и не въ силахъ было отыскать и разъяснить эти различія отвлеченно, ибо для такого дѣла требуется значительная опытность въ разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ. Пояснять же свое положеніе примѣромъ отдѣльныхъ случаевъ оно считало излишнимъ вѣроятно потому, что отличительный характеръ умышленнаго дѣянія предполагался общеизвѣстнымъ. Но встрѣчая въ практикѣ, среди господствующаго разнообразія, нѣкоторые случаи, по преимуществу способные, какъ ему кажется, измѣнить общую мѣру вмѣненія, оно думаетъ, при неумѣньи отыскать существенныя характеристическія свойства родоваго понятія, успѣшнѣе выполнить требованіе идеи справедливости подробнымъ описаніемъ каждаго такого случая порознь и отдѣльнымъ его разрѣшеніемъ,—явленіе, общее всѣмъ законодательствамъ, не достигшимъ высокой степени юридическаго развитія. Дѣйствительно, при отсутствіи научной обработки права, дѣятельность законодательства ограничивается всегда сборниками юридическихъ казусовъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они встрѣчаются на практикѣ. Такова точно судьба настоящихъ случаевъ. Они даже не утрачиваютъ тѣхъ индивидуальныхъ особенностей, которыя такъ живо указываютъ на ихъ происхожденіе. Это не отвлеченные ре-

зультаты законодательной мудрости, не общія понятія, добытыя ею изъ жизни, а самыя частицы ея со всѣми разноцвѣтными обликами. Яркія краски не стираются здѣсь пріемомъ логическихъ выводовъ, и въ глазахъ нашихъ совершается переводъ практики въ область законодательную.

Итакъ, нѣтъ ни существенныхъ характеристическихъ признаковъ родоваго понятія, ни опредѣленнаго общаго различія между степенями злой воли, образующими различные виды злаго умысла, хотя законодательство и признаетъ необходимымъ отдѣльно разрѣшить вмѣненіе извѣстныхъ случаевъ. Эти отдѣльные случаи умышленнаго смертоубійства мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть въ своемъ мѣстѣ, а теперь обратимся къ другой области нашихъ преступленій, называемыхъ въ Уложеніи неумышленными.

Здѣсь прежде всего замѣчается, что случаи, именуемые *неумышленными*, не имѣютъ для себя даже и такого общаго постановленія, какое встрѣчаемъ въ первомъ отдѣлѣ. Вслѣдствіе такого отсутствія общей характеристики понятія, самое названіе котораго произошло отъ противоположенія умыслу, существенныя черты и характеръ котораго тоже не объяснены, здѣсь господствуетъ полная неопредѣленность. Самый отрицательный методъ, употребленный законодательствомъ для образованія новаго понятія, указываетъ на неумѣнье его найти положительную субстанцію; оно видитъ только, что случаи, подведенные подъ означенное названіе, не имѣютъ характера такихъ, которые называются на практикѣ умышленными, а какихъ—положительно само не знаетъ. Отсюда не будетъ удивительно, если между ними не найдется никакой внутренней связи, кромѣ одной внѣшней—по названію. Въ такомъ недостаткѣ сознается само законодательство, описывая каждый изъ нихъ отдѣльно и полагая потомъ особенное, соотвѣтствующее вмѣненіе; но освободиться отъ этого недостатка оно чувствуетъ себя не въ силахъ, ибо подвести отдѣльные случаи подъ одну рубрику—дѣло не легкое: здѣсь требуется навыкъ въ отысканіи сущности, общихъ признаковъ и свойствъ, однимъ словомъ, пріемъ логическій, дѣятельность отвлеченная. Дать цѣлой массѣ конкретныхъ явленій одно общее названіе—значитъ найти для нихъ такое родовое опредѣленіе, которое оставалось бы состоятельнымъ, не смотря на безчисленное разнообразіе индивидуальныхъ особенностей.

Для нагляднаго объясненія сказаннаго приведемъ тѣ случаи, которые Уложеніе отмѣчаетъ названіемъ *неумышленныхъ*. Кромѣ прежде признанныхъ видовъ—убійства въ дракѣ и пьянымъ дѣломъ, перешедшихъ на страницы законодательнаго сборника [1], сюда относятся слѣдующіе: «А будетъ кто, стрѣляючи изъ пищали или изъ лука по звѣрю, или по птицѣ, или по примѣтѣ, и стрѣла или пулька вспловетъ, и убьетъ кого за горою, или за городьбою, или кто какимъ нибудь обычаемъ кого убьетъ до смерти деревомъ, или каменемъ, или чѣмъ нибудь, *ненарочнымъ же дѣломъ*, а недружбы и никакія вражды напередъ того, кто убьетъ, съ тѣмъ, кого убьетъ, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убійство учинилося *ненарочно*, *безъ умышленія*: и за такое убійство никого смертію не казнити, и въ тюрьму не сажати, потому что такое дѣло учинится *грѣшнымъ дѣломъ*, *безъ умышленія* [2]». Въ ст. 18-й XXII главы Уложенія описывается тотъ случай, когда кто задавитъ лошадью чью жену «*безъ умышленія*, потому что лошадь отъ чего испужався, и узду изорвавъ, разнесетъ, и удержати ее будетъ не мочно: и того въ убійство не ставити, и наказанія за такое дѣло никому не чинити, для того, что такое дѣло учинится *безъ хитрости* [3]».

Изъ разсмотрѣнія этихъ случаевъ открывается, что, полагая въ основаніе своего созерцанія субъективный элементъ, Уложеніе отличаетъ ихъ и отъ умышленныхъ убійствъ, и отъ тѣхъ случаевъ, которые первые получили противоположное названіе, не смотря на то, что и эти отнесены имъ же къ разряду послѣднихъ. Признаніе этого несходства видно въ различіи взгляда на вмѣненіе; ибо законодательство успѣло уже возвыситься до умѣнья практически оцѣнять степени злой воли, обнаруживающейся въ данномъ преступленіи, хотя не въ состояніи еще правильно различить родовыхъ отдѣловъ и вѣрно очертить объемъ каждаго. Поэтому ново-

---

(1) Гл. XXI ст. 69, 70 (76 новоук.), 71 и 73 (78 н. у.)—(2) Тоже самое повторяется въ 106 новоук. ст.; но въ концѣ прибавлена ссылка на Градскіе законы. Это постановленіе Уложенія цѣликомъ заимствовано изъ 23 арт. XI разд. Лит. Стат., впрочемъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.—(3) Тоже въ 104 новоук. ст. Приводимая теперь статья Уложенія есть противоположеніе предыдущей (17), которая говоритъ о совершеніи этого же преступленія «съ похвалы или съ пьянства, или умысломъ (103 новоук. ст.)». Ср. Лит. Ст. арт. 13 разд. XI.

открытые случаи, не смыкаясь ни съ однимъ изъ прежде признанныхъ, не составляютъ изъ себя и новаго вида, а являются чѣмъ то отдѣльнымъ, несвязаннымъ. Анализъ съумѣлъ вынуть ихъ изъ общей массы убійствъ, но не въ состояніи образовать новаго отдѣла, не умѣя подмѣтить общихъ чертъ; поэтому, принявши на себя роль проводника, онъ измѣняетъ ей на половинѣ дороги, покинувъ слѣдующихъ за нимъ на самомъ распутьи. Причину отыскать не трудно. Достаточно здраваго смысла и врожденнаго чувства справедливости, чтобъ признать настоящій случай менѣе тяжкимъ, нежели убійство въ пьяномъ видѣ и дракѣ, потому что въ первомъ случаѣ воля не находится ни въ какомъ соотношеніи съ происшедшимъ, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ почти всегда существуетъ связь причины и послѣдствія [1], хотя не непосредственная. Такія отношенія въ практикѣ понимаются сами собой; но подвести ихъ подъ родовое опредѣленіе—дѣло, какъ мы замѣтили, трудное.

Такимъ образомъ, по названію существуютъ, какъ и прежде, два рода смертоубійствъ; но фактически вторая группа разбивается на конкретные виды, смежныя границы которыхъ далеко не разведены. Поэтому самое положеніе ихъ и отношеніе другъ къ другу неправильное: подъ одно общее имя подведены двѣ неравныя и неправильно сочиненныя части. Но во всякомъ случаѣ результатъ настоящей, хотя и шаткой дѣятельности анализа важенъ въ томъ отношеніи, что закладываетъ основаніе цѣлому новому виду смертоубійствъ — *случайныхъ*, т. е. такихъ, которыя происходятъ безъ всякаго участія воли, единственно по внѣшнему стеченію обстоятельствъ — *грѣшнымъ*, *ненарочнымъ дѣломъ*, какъ выражается наше законодательство. Такія преступленія освобождаются отъ всякаго наказанія. Правда, что при описаніи ихъ видовъ Уложеніе выражается не довольно ясно и полно, такъ что самый способъ совершенія или даже одно какое либо, неважное повидимому, обстоятельство можетъ совершенно измѣнить характеръ и сдѣлать дѣяніе вмѣняемымъ; но это зависитъ отъ общаго направленія описательнаго метода и недостаточности юридическаго пониманія, а главнымъ образомъ — отъ способа происхожденія: какъ они най-

---

(1) Въ состояніи совершенно безсознательнаго опьяненія весьма рѣдко совершаются убійства по отсутствію физической къ тому возможности.

дены въ Литовскомъ правѣ, въ томъ самомъ видѣ и перенесены въ Уложеніе.

Въ этомъ же распаденіи области неумышленныхъ убійствъ на конкретныя различія заложено сѣмя, изъ котораго разовьется въ послѣдствіи третій родъ нашихъ преступленій—*неосторожныхъ*, потому что какъ скоро обозначены двѣ крайнія точки, между которыми найдены случаи, не примыкающіе ни къ одной сторонѣ, то вмѣстѣ съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ сущности выяснится ихъ взаимное отношеніе, и цѣлая группа преступленій займетъ сама собой слѣдующее ей мѣсто. Такое признаніе ихъ самостоятельности относится къ послѣдующему времени. И въ этомъ случаѣ наше право остается вѣрнымъ общимъ законамъ юридическаго развитія, ибо такое явленіе встрѣчается въ исторіи всѣхъ законодательствъ. Причина его заключается съ одной стороны въ свойствѣ самаго вопроса, а съ другой—въ той степени развитія юридическихъ силъ народа, какими онъ обладаетъ въ данную эпоху. Замѣтить различіе между умысломъ и случайностью, какъ двумя рѣзкими противоположностями, гораздо легче, нежели уразумѣть посредствующую, не рѣдко очень далекую связь дѣянія съ волей.

Вотъ почему въ законодательствѣ являются прежде только два крайніе вида; отдѣлъ же преступленій неосторожныхъ, хотя и существуетъ, но подъ чужимъ именемъ—слитно съ случайными преступленіями. Только мало по малу, съ дальнѣйшимъ развитіемъ народнаго образованія, юридическому анализу удается наконецъ раскрыть это безразличіе и дать самостоятельное бытіе тому виду, присутствіе котораго до сихъ поръ даже и не подозрѣвали. Разумѣется, что съ этимъ вмѣстѣ будетъ постепенно разъясняться и содержаніе, и объемъ умысла вообще.

Кромѣ случаевъ такъ называемаго неумышленнаго смертоубійства въ Уложеніи находится много другихъ, въ которыхъ законодательство видитъ не только характеръ противоположный—дѣянія умышленныя, но и нѣкоторыя особенныя свойства, видоизмѣняющія общую мѣру вмѣненія. Они не представляются здѣсь только въ видѣ примѣровъ для объясненія общаго постановленія о вмѣненіи, а напротивъ случаями, выходящими изъ обыкновеннаго уровня и требующими поэтому индивидуальной мѣры вмѣненія. Слѣдовательно въ глазахъ законодательства они получаютъ характеръ

особенно важныхъ, обращающихъ на себя преимущественное вниманіе. Гдѣ же лежитъ причина такого явленія? Какія свойства упомянутыхъ случаевъ способны придать имъ такое важное значеніе?

Читая постановленія, сюда относящіяся, мы находимъ тотчасъ, что и здѣсь преимущественное вліяніе исходитъ изъ того же самаго источника, который послужилъ основаніемъ для раздѣленія всей области смертоубійствъ на два главные отдѣла, изъ того начала, развитіе котораго обусловливаетъ прогрессъ цѣлой области юридическаго вмѣненія и уголовнаго права вообще. При ближайшемъ знакомствѣ съ этими видами смертоубійства мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ справедливости своего заключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы соберемъ въ одну группу тѣ непосредственныя видимыя обстоятельства, которыя привлекали на себя преимущественное вниманіе. Они получаютъ въ глазахъ нашихъ характеръ обстоятельствъ *относительныхъ*, измѣняющихъ степень вмѣненія преступленій, т.е. *увеличивающихъ* или *уменьшающихъ* его. Хотя законодательство настоящаго времени и не сообщаетъ имъ такого названія, представляя ихъ замкнутыми въ разрозненныхъ постановленіяхъ, опредѣляющихъ вмѣненіе индивидуальныхъ случаевъ, но тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ выразить въ такомъ названіи существенный ихъ характеръ, который сообщается имъ фактически самимъ закономъ.

Признаніе этихъ обстоятельствъ есть явленіе новое, принадлежащее исключительно Уложенію. Причина несуществованія ихъ въ древнемъ правѣ объясняется отсутствіемъ условій, необходимыхъ для ихъ происхожденія. Именно: обстоятельства увеличивающія или уменьшающія степень вмѣненія (въ настоящемъ ихъ значеніи) могутъ имѣть мѣсто только въ области умышленныхъ или неосторожныхъ убійствъ; случайный же видъ, какъ безотвѣтственный, отрицаетъ бытіе степеней; ибо безотвѣтственность можетъ существовать только въ безразличіи—въ противномъ случаѣ уничтожается бытіе самаго вида. Но до настоящаго времени, какъ извѣстно, никакихъ подобныхъ подраздѣленій не показывалось; ибо если убійство безъ свады, упоминаемое въ Русской Правдѣ, и представляетъ проблескъ субъективнаго взгляда, то все-таки случай этотъ нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать увеличивающимъ обстоятельствомъ, а скорѣе началомъ признанія умысла вообще. Съ дру-

гой же стороны, конечно, при господствѣ объективнаго взгляда и по отношенію къ общему характеру права того времени, короче—съ современной точки зрѣнія, онъ могъ представляться увеличивающимъ вину. По особенности начала, въ немъ проявлявшагося, онъ рѣзко оттѣнялся отъ всѣхъ прочихъ и, занимая по тяжести наказанія первое мѣсто, являлся единственнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Въ послѣдствіи область умышленныхъ убійствъ составляетъ одно неопредѣленное цѣлое, не затронутое нисколько юридическимъ анализомъ. Отличаются, правда, низшей степенью вмѣненія убійства въ дракѣ и пьянымъ дѣломъ, обращается также вниманіе и на состояніе преступника; но всѣ эти случаи опять нельзя назвать относительными обстоятельствами, потому что они получаютъ значеніе представителей цѣлаго рода. Исключивъ ихъ изъ этой области, мы лишимъ ее тѣмъ самымъ всякаго содержанія, ибо извѣстно, что единственно въ нихъ и олицетворяется бытіе отдѣла неумышленныхъ убійствъ. Слѣдовательно ясно, что за настоящимъ временемъ, по всей справедливости, остается честь перваго образованія новаго явленія въ его настоящемъ значеніи. Умышленное убійство, получивъ въ 72 ст. XXI главы Уложенія общее опредѣленіе, имѣетъ свое самостоятельное существованіе; а потому обстоятельства эти не представляются болѣе исключительнымъ олицетвореніемъ всего содержанія, а только извѣстною подчиненною частію—особенно тяжкими видами. Явленіе новое, указывающее на дальнѣйшій прогрессъ нашего права вообще и субъективнаго элемента въ особенности. Изъ послѣдующаго изложенія убѣдимся въ этомъ нагляднѣе; отсюда же будетъ понятно, почему эти случаи обратили на себя преимущественное вниманіе.

Начавъ разрѣшаться подъ руководствомъ субъективнаго взгляда на отдѣльныя видовыя различія, неопредѣленная область умышленныхъ убійствъ выдѣляетъ изъ среды своей сначала тѣ случаи, которыя представляютъ самыя рѣзкія и ощутительныя уклоненія воли и особенное извращеніе духовной природы. Главнымъ мѣриломъ здѣсь служатъ два основанія: 1) *объектъ преступленія*, или, лучше сказать, тѣ отношенія, въ которыхъ находится преступникъ съ предметомъ его преступленія, такъ что съ перемѣной роли этихъ лицъ, при перестановкѣ одного на мѣсто другаго, измѣняется и самый характеръ обстоятельства: вмѣсто увеличенія тяжести

вмѣненія оно можетъ служить къ уменьшенію его. 2) *Мѣсто совершенія преступленія*.

Въ *первомъ случаѣ* на самомъ видномъ планѣ стоитъ убійство такихъ лицъ, съ которыми мы тѣсно связаны особенными нравственными обязанностями, каковы напр. родители и дѣти, мужъ и жена; во второмъ — такое мѣсто, съ представленіемъ о которомъ тѣсно соединено понятіе объ уваженіи и неприкосновенности его или же особенной чистотѣ и святости, таковы: судъ, царскій дворъ, церковь. На основаніи перваго масштаба, XXII глава Уложенія вскрываетъ по порядку статей слѣдующіе виды: убійство родителей, дѣтей, родственниковъ, господина, мужа.

Человѣкъ, рѣшившійся на подобное злодѣяніе, выказываетъ высшую степень безнравственности: его не останавливаютъ ни кровная связь, особенно тѣсная и многозначительная въ древней Россіи, ни самыя чувства любви и уваженія, вложенныя природой, наконецъ даже религіозное освященіе подобныхъ отношеній, ибо преступникъ является здѣсь не только нарушителемъ правъ человѣческихъ, но и божескихъ,—«забывателемъ» Христіанской религіи и ея повелѣній. Конечно и простое убійство, какъ всякое уголовное преступленіе вообще, заключаетъ въ себѣ непремѣнно грѣхъ, но не столь тяжкій, какъ послѣднее, которое считается грѣхомъ вопіющимъ, дѣяніемъ богоотступника. Поэтому 1 статья XXII главы Уложенія за убійство отца или матери велитъ «казнити смертію безо всякія пощады [1]».

Что касается до того, что здѣсь не сказано—за умышленное убійство, а просто—за убійство, то такое свойство въ дѣяніи подразумѣвается, ибо какъ скоро въ нашихъ преступленіяхъ явилось двойственное различіе, то невозможно безъ явнаго противорѣчія отрицать его присутствіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ видовъ. Если законодательство не выразило здѣсь этого ясно, то именно потому, что считало излишнимъ: ему казалось, такое условіе должно подразумѣваться само собой, ибо разсматриваемое пре-

---

[1] Тоже въ 88 новоуказн. ст.—Лит. Ст. назначаетъ за это преступленіе особенный родъ смертной казни: «по рынку возечы клещами тело торгати, а потомъ в мехъ скураный всадивъшы до него пса, кура, ужа, котку и тое все посполу в мехъ всадивши и зашит и где паглубей до воды утопити» ... Арт. 7 раздѣла XI.

ступленіе составляетъ только одинъ изъ видовъ убійства вообще, при оцѣнкѣ котораго ясно высказано значеніе человѣческой воли (1). Доказательствомъ этому, кромѣ предыдущаго, можетъ служить между прочимъ 4 статья той же главы, гдѣ опредѣляется наказаніе за оскорбленіе родителей словомъ или дѣломъ. Отсюда видно, что тамъ, гдѣ законодательство предполагаетъ возможность какого либо сомнѣнія или неопредѣленность, тамъ оно считаетъ необходимымъ выразиться яснѣе. Такъ, описывая оскорбленіе родителей дѣломъ, оно говоритъ: «если кто зашибетъ ихъ рукою съ дерзости,» указывая тѣмъ прямо на умыселъ, потому что можно зашибить и нечаянно, между тѣмъ какъ упоминая въ этой же статьѣ объ обидѣ словами—«если кто будетъ говорить отцу или матери грубыя рѣчи»—не объясняетъ—умышленно или нѣтъ, ибо и безъ того понятно, что грубость тогда только можетъ считаться обидой, когда говорится намѣренно.

Въ ст. 3 встрѣчаемся съ обстоятельствомъ уменьшающимъ, или съ наименѣе тяжкимъ видомъ убійства, который образуется отъ перестановки субъекта на мѣсто объекта. Мы разумѣемъ дѣтоубійство, которое, совершенно сходно съ 89 новоуказной статьей, наказывается годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и публичнымъ церковнымъ покаяніемъ, а не смертною казнію: «а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити » (2).

При самомъ первомъ взглядѣ замѣчается рѣзкое отличіе этого постановленія отъ предыдущаго. Что же за причина такого, сравнительно мягкаго толкованія?

Какъ въ первомъ преступленіи законодательство открываетъ крайнюю степень развращенія воли, противоестественное ея движеніе, такъ напротивъ здѣсь, по его понятію, обстоятельство это должно существовать въ меньшей степени. Не говоря ничего о томъ значеніи родительской власти, которое условливается самой природой, кровной связью, замѣтимъ только, что, по тогдашнимъ отношеніямъ, все преимущество было на ихъ сторонѣ, такъ что дѣти находились въ совершенной зависимости, особенно отъ отца. Лучшимъ свидѣтельствомъ тому можетъ служить само Уложеніе.

---

(1) Въ Лит. Ст. сказано прямо: «Кгды бы сынъ або дочка отца або матку свою умыслне.... забилъ».—(2) Ср. Лит. Ст. арт. 7 въ разд. XI.

Родители, сознавая свое первенство и привыкнувъ къ постоянному повиновенію со стороны дѣтей, видѣли въ нихъ что-то свое, чѣмъ можно распоряжаться по произволу; почти всѣ права на нихъ они считали своей неотъемлемой принадлежностью не только по законамъ человѣческимъ, но даже божескимъ. Однимъ словомъ, подъ вліяніемъ тогдашняго быта, родительскія отношенія носили характеръ властительства: дѣти были юридически ничтожны, такъ что даже запрещалось давать имъ судъ на родителей, и за такое челобитье били кнутомъ (¹). Поэтому для совершенія дѣтоубійства не требовалось такой степени развращенія воли, какъ въ первомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что отецъ имѣлъ право и даже считалъ своей обязанностью наказывать дѣтей. Притомъ, если обратимъ вниманіе на то, что въ большей части случаевъ поводомъ къ преступленію, было вѣроятно, дурное поведеніе послѣднихъ, то гнѣвъ родительскій является справедливымъ, и слѣдствіе его могло бы получить характеръ домашняго наказанія, если бы только выразилось въ другой, болѣе мягкой формѣ. Слѣдовательно здѣсь преслѣдуется главнымъ образомъ внѣшняя сторона дѣянія. Будь она нѣсколькими степенями ниже—не подверглась бы и преслѣдованію законовъ. Такимъ образомъ, общее положеніе родителей въ древней Россіи, ихъ права на дѣтей, можетъ быть, справедливый гнѣвъ, выведшій изъ себя и заставившій забыться—всѣ эти обстоятельства на столько извиняли дѣтоубійство въ глазахъ законодательства, что оно считало его скорѣе грѣхомъ, нежели нарушеніемъ чьихъ либо правъ, тѣмъ менѣе дѣтскихъ. Подъ вліяніемъ такого взгляда Уложеніе и не наказываетъ дѣтоубійцъ смертью, а употребляетъ противъ нихъ болѣе исправительныя мѣры: заключеніе въ тюрьмѣ и очищеніе совѣсти публичнымъ покаяніемъ. Наконецъ, называя это преступленіе грѣхомъ, оно лучше всего указываетъ на религіозный его характеръ.

Что же касается до строгаго наказанія за убійство незаконныхъ дѣтей (состоящаго въ смертной казни), по видимому противорѣчащаго сейчасъ высказанному началу, то при ближайшемъ разсмотрѣніи оно теряетъ такой характеръ.

Объясненіемъ здѣсь можетъ служить, съ одной стороны, мень-

(¹) 6 ст. XXII главы Улож.

шая степень родительской власти матери, а съ другой, въ чемъ и заключается главная причина, особенная цѣль, которую преслѣдуетъ законодательство: «чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и скверпаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися (¹)».

Ясно, что при опредѣленіи наказанія, здѣсь назначаемаго, обращается главное вниманіе не на самое преступленіе, а на источникъ его, который и служитъ цѣлью законныхъ преслѣдованій, такъ что первое является только поводомъ, или, лучше сказать, средствомъ приложенія извѣстной мѣры для сохраненія народной нравственности, порча которой ведетъ къ слишкомъ пагубнымъ послѣдствіямъ, которыя правительство не можетъ допустить безъ явнаго вреда для общественной жизни. Присутствіе такой цѣли легко замѣтить изъ самыхъ словъ постановленія, которое откровенно признается, что наказаніе, имъ назначаемое, употребляется для противодѣйствія и искорененія блуда. Законодатель думаетъ достигнуть этой цѣли посредствомъ устрашенія смертною казнію.

Далѣе, высшая степень безнравственности и непокорности открывается въ убійствѣ господина со стороны раба. Даже съ внѣшней стороны преступленіе это, по понятіямъ того времени, какъ явное возстаніе противъ законныхъ властей, представлялось весьма опаснымъ для государственнаго спокойствія, почему и должно было подлежать наказанію примѣрному—въ высшей степени. Конечно эту причину и должно назвать главной. Но нельзя однако не замѣтить и субъективныхъ мотивовъ, ибо между этими лицами проходила не одна сухая связь власти и подчиненія, а еще семейное начало: несвободные считались домочадцами господина, который въ этомъ смыслѣ является отцемъ, какъ глава семейства. Отсюда, кромѣ повиновенія, всѣ члены фамиліи должны быть связаны съ нимъ сердечнымъ чувствомъ уваженія, любви, почтенія. Поэтому отвергшій ихъ и осмѣлившійся возстать противъ власти, которой онъ долженъ повиноваться сколько по повелѣнію положительнаго закона, столько же и по внутреннему побужденію, судится и по нравственнымъ мотивамъ такъ же строго, какъ отцеубійца: его каз-

(¹) XXII главы ст. 26. Тоже въ 111 новоук. ст.; въ концѣ ссылка на Градскіе Зак. Ср. въ Лиг. Ст. раздѣла XI арт. 60.

нять «смертію же безо всякія же пощады (1)». Впрочемъ мы нисколько не думаемъ утверждать, чтобъ постановленіе это непремѣнно условливалось въ своемъ происхожденіи субъективными мотивами; напротивъ, должно скорѣе предполагать, что вниманіе законодателя было привлечено внѣшней стороной, которая, по очевидности своего вреднаго характера, прежде другихъ могла быть замѣчена. Мы хотѣли только сказать, что эта послѣдняя скрываетъ подъ собой внутреннее содержаніе и можетъ служить указаніемъ на состояніе воли дѣйствующаго, какъ основной принципъ вмѣненія.

Еще строже, и по тѣмъ же причинамъ и основаніямъ, наказывается убійство мужа женою: преступницу велѣно «живу окопати въ землю» и держать ее здѣсь «до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ она умретъ.....и казнити ее такою казнію безо всякія пощады, хотя будетъ убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, что ее казнити, и ей отнюдь не дати милости (2)». Постановленіе это было подтверждено въ послѣдствіи именнымъ указомъ 1663 г. мая 11 (3). Объ этого рода казни упоминаетъ также Котошихинъ (4). Кромѣ того до насъ дошли очень любопытныя указанія на практическіе случаи этого рода, изъ которыхъ видно, что постановленіе Уложенія имѣло полную силу и приложеніе, и только вслѣдствіе одного помилованія государя преступница вынималась изъ земли и постригалась въ монастырь (5). Такое наказаніе за убійство мужа сохранялось впрочемъ не долго—только въ продолженіе 40 лѣтъ. Въ 1689 г., февр. 19, выходитъ именной указъ, замѣняющій прежнюю квалифицированную смертную казнь простой—отсѣченіемъ головы (6).

---

(1) 9 ст. XXII главы; 93 новоук. съ ссылкою на Градскіе Зак., гдѣ назначается сожженіе. Въ Лит. Ст.—четвертованы, какъ за измѣну. Арт. 9 раздѣла XI.—

(2) 14 ст. XXII главы. Въ Лит. Ст. какъ за это преступленіе, такъ равно и за умышленное убійство жены мужемъ, виновный подвергается тому роду смертной казни, который назначенъ за убійство родителей. Арт. 6 раздѣла XI.—(3) П. С. З. т. I. № 335.—(4) Гл. VII, § 34.—(5) См. напр. память Владимірскаго воеводы, Θедора Юрлова, Успенскаго монастыря игуменьѣ, Маріамнѣ, 1677 г., марта 11; грам. Новгородск. митрополита Корнилія Тихвинскаго монастыря архимандриту Макарію, 1682 г. марта 28. Акт. Ист., т. V. №№ 14 и 80.—(6) Изданъ по поводу практическаго случая—убійства женкой Палашкой и дѣвкой Θедоской Палашкина мужа Тишки. П. С. З. т. III, № 1335.

Мотивы вмѣненія этого преступленія весьма сходны съ мотивами вмѣненія убійства родителей, поэтому мы и не повторяемъ сказаннаго. Но вотъ что странно съ перваго взгляда: въ Уложеніи мы не находимъ никакого постановленія относительно убійства жены мужемъ, между тѣмъ какъ этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ настоящимъ, какъ двѣ противоположныя стороны одного и того же предмета. Неполнота законодательства и отсутствіе юридическаго метода—выставлять общія начала и опредѣленія, не могутъ служить въ настоящемъ случаѣ достаточнымъ объясненіемъ; ибо если занесенъ въ законодательство такой особый видъ убійства, представленіе о которомъ тѣсно связано съ представленіемъ о другомъ, ему противоположнымъ, то почему же не занять здѣсь мѣста и этому послѣднему, тѣмъ болѣе, что по степени своей объективной важности онъ не можетъ пройти не замѣченнымъ? Иначе, предъидущій вопросъ теперь ставится такъ: почему изъ двухъ преступленій, одинаковыхъ по формѣ, только одно получаетъ мѣсто въ законодательствѣ? Объясненіемъ можетъ служить та причина, что первое считалось гораздо важнѣе, т. е. по тяжести значительнѣе втораго, притомъ болѣе опаснымъ для Государства и наконецъ, вѣроятно, случалось гораздо чаще, слѣдоват. обратило на себя бо́льшее вниманіе. Но почему первое считалось важнѣе втораго? Не говоря объ объективной сторонѣ, замѣтимъ, что и внутренніе мотивы давали достаточное къ тому основаніе. По тѣмъ отношеніямъ, которыя существовали между мужемъ и женою (и которыя похожи много на отношенія отца къ дѣтямъ), по ея зависимости отъ него, обязанности повиноваться, какъ главѣ семейства, уваженію, любви, и проч., вообще по понятіямъ того времени, вытекавшимъ изъ состоянія тогдашняго быта, поднять руку на мужа считалось преступнѣе, нежели на жену. Въ первомъ случаѣ выказывалась высшая степень развращенія воли, попиравшая всѣ нравственныя связи и отношенія, не только внушенныя природой, но даже освященныя религіей, и вообще понятія и вѣрованія общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ существовало много сильныхъ реагентовъ, которые представляли на каждомъ шагу трудныя препятствія и давали всѣ средства и время удержаться отъ задуманнаго. Гораздо менѣе существуетъ такихъ препятствій для удержанія преступной воли мужа. Слѣдоват. понятно, что въ первомъ случаѣ требовалась особенная энергія, которая есть

ясный признакъ злобы и внутренняго разврата. Если прибавимъ къ этому, основывая свое предположеніе на общей исторіи этихъ преступленій и на нѣкоторыхъ указаніяхъ практики, что въ большей части случаевъ побужденіемъ къ убійству была невѣрность жены, то становится еще понятнѣе причина такой строгости. Мы видѣли, какъ преслѣдовались подобныя преступленія сами по себѣ; вспомнимъ наконецъ и то, что власть мужа имѣла гражданское освященіе. Поэтому не только сверженіе ея такимъ возмутительнымъ образомъ, но и всякая попытка къ возстанію казалась въ глазахъ правительства весьма вреднымъ соблазномъ, возмущающимъ цѣлое общество. Послѣ этого понятно, почему преступленіе это считалось важнѣйшимъ и получило преимущество на занесеніе въ законодательный сборникъ.

Но по какимъ же началамъ, или, вообще, какимъ образомъ рѣшали вопросъ объ убійствѣ жены мужемъ, когда онъ встрѣчался на практикѣ?

Извѣстно, что вслѣдствіе неполноты Уложенія каждый случай, въ немъ непоименованный, принадлежалъ суду законодателя. На этомъ основаніи можно полагать, что и убійство жены подходило подъ это общее правило, и рѣшеніе соотвѣтствовало юридическому состоянію эпохи. Дѣйствительно такъ и было: въ этомъ удостовѣряетъ насъ современная практика. Напр. въ 1664 г., февраля 12, встрѣчаемъ приговоръ Земскаго Приказа надъ Ивашкой Долгимъ, убившимъ жену свою за то, какъ показано имъ въ распросѣ, «что она отъ него воровала блудно (¹).»

Вотъ случай убійства жены.

Сейчасъ видно, что здѣсь на первомъ планѣ является внутренняя сторона. Воля человѣческая, сообразно общему характеру періода, считается главнымъ масштабомъ; состояніе ея представляется обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину, ибо свобода ея значительно стѣснена поведеніемъ жены. Подобный поступокъ слишкомъ сильно оскорбляетъ всѣ чувства мужа, особенно когда открывается внезапно; онъ легко ставитъ въ такое положеніе, гдѣ теряется всякое сознаніе о совершаемомъ дѣйствіи и господ-

(¹) П. С. З. т. I, № 355. Лит. Ст., какъ извѣстно, полагаетъ въ настоящемъ случаѣ то же наказаніе, какое опредѣлено за убійство мужа. Арт. 6 раздѣла XI.

ствуетъ одно чувство мести за оскорбленное достоинство. Тѣмъ сильнѣйшее вліяніе оказываетъ это обстоятельство на направленіе воли или ограниченіе свободы выбора, тѣмъ непреодолимѣе безсознательное влеченіе, чѣмъ сильнѣе и нѣжнѣе привязанность мужа, чѣмъ раздражительнѣе или чувствительнѣе его характеръ, и пр. Конечно сколь возможно вѣрная оцѣнка подобныхъ случаевъ можетъ быть произведена только при всестороннемъ разсмотрѣніи каждаго изъ нихъ отдѣльно. И такъ, можно сказать утвердительно, что случай подобнаго рода почти всегда имѣлъ на своей сторонѣ такіе признаки, которые оставляли за нимъ характеръ уменьшающаго вину обстоятельства. Современное же законодательство стояло на такой степени, что въ состояніи было понять это, и, какъ мы видѣли, дѣйствительно признавало его вліяніе. Прибавимъ еще къ извиняющимъ обстоятельствамъ тогдашнія отношенія между супругами и власть мужа.

Наконецъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ по степени тяжести вины стоитъ убійство сестры или брата. Наказаніе — смертная казнь (1). И здѣсь субъективнымъ основаніемъ вмѣненія можетъ служить общее съ предъидущими случаями. По наказанію своему это преступленіе сравнивается съ обыкновеннымъ убійствомъ; но упоминая объ немъ отдѣльно, въ числѣ другихъ особенно тяжкихъ видовъ, законодательство тѣмъ самымъ показываетъ, что считаетъ его выше обыкновенныхъ случаевъ и если сравниваетъ съ ними по наказанію, то скорѣе вслѣдствіе недостатка видовыхъ постепенностей смертной казни. Такъ напр. и за убійство господина, которое считалось важнѣе настоящаго случая, опредѣлена также смертная казнь, но только прибавлено: «безо всякія пощады», въ чемъ и высказывается взглядъ законодателя.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ такомъ исчисленіи отдѣльныхъ преступленій лежитъ зародышъ для систематическаго опредѣленія относительныхъ обстоятельствъ и видовъ умысла. Различая по извѣстнымъ основаніямъ степень вмѣненія каждаго случая отдѣльно, законодательство наконецъ отвлекаетъ всѣ индивидуальныя свойства дѣяній въ одно и выводитъ отсюда тѣ или другіе общіе признаки,

---

(1) Ст. 7 главы. XXII. Тоже подтверждается 88 новоук. ст., съ ссылкою на Градск. Зак. Въ Лит. Ст. раздѣла XI арт. 8.

которые всегда могутъ служить къ измѣненію степени вмѣненія. Такимъ образомъ появляются опредѣленныя группы относительныхъ обстоятельствъ, отчасти извѣстныя степени умышленности.

Кромѣ кровной и родственной связи къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ степень вмѣненія, законодательство относитъ особенную гражданскую связь, которая должна существовать между частными лицами и оффиціальными, каковы напр: судьи, недѣльщики, пристава. Верховная власть сообщаетъ имъ, какъ необходимымъ агентамъ своей дѣятельности, въ извѣстной мѣрѣ нѣкоторыя изъ своихъ правъ. Понятно, что съ такимъ характеромъ они выставляются изъ массы народа и получаютъ нѣкоторое освященіе, ибо въ противномъ случаѣ нельзя ожидать не только успѣха отъ ихъ дѣйствій, но и самой возможности исполнить возложенныя на нихъ обязанности. Въ этомъ смыслѣ они дѣйствуютъ именемъ верховной власти и тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ общественный характеръ. Въ силу этого обстоятельства прочіе подданные обязаны имѣть къ нимъ особенное уваженіе и считать болѣе прочихъ неприкосновенными особами, потому что всякое оскорбленіе, имъ причиняемое, получаетъ оттѣнокъ косвеннаго оскорбленія верховной власти, которой они являются болѣе или менѣе близкими представителями. Ясно слѣдовательно, что убійство подобныхъ лицъ правительство никакъ не можетъ сравнить съ обыкновенными случаями этого преступленія, тѣмъ болѣе, что настоящій видъ особенно вреденъ для общественнаго спокойствія, какъ противорѣчіе государственной идеи, посягающее особеннымъ образомъ на неприкосновенность ея правъ.

Статья 106-я X главы Уложенія повелѣваетъ убійцу судьи «самого казнити смертію же, да изъ тѣхъ же его животовъ взяти убитаго кабальные долги». Видно тотчасъ, что этотъ случай ставится выше обыкновеннаго убійства, ибо кромѣ смертной казни полагается еще денежный платежъ въ интересѣ убитаго.

Тому же самому наказанію подвергается виновный въ убійствѣ пристава, недѣльщика или понятыхъ, присланныхъ къ нему съ наказной памятью или государевой грамотой (¹).

(¹) Ст. 142-я X главы. Ср. Лит. Ст. арт. 7 раздѣла IV и раздѣла I арт. 21.

Конечно всѣ внѣшнія побужденія къ увеличенію вмѣненія этого рода убійствъ обязаны своимъ происхожденіемъ одному общему источнику—злой волѣ преступника, высшая степень которой и должна быть собственно главнымъ здѣсь основаніемъ; но для законодательства ближайшимъ къ тому поводомъ служили сказанныя внѣшнія причины, какъ болѣе наглядныя по своему вредному характеру и опасности для государства. Мы не думаемъ впрочемъ утверждать, что оно неспособно было понимать вліяніе внутренней стороны, а хотимъ только сказать, что если представлялись на разсмотрѣніе двоякаго рода причины: внѣшнія—наглядныя и внутреннія, до которыхъ надо еще доходить путемъ размышленія, то оно всегда останавливалось на первыхъ. Такимъ образомъ, побужденіемъ къ увеличенію вмѣненія въ настоящемъ случаѣ служило прежде всего представленіе о государственной опасности, которая неминуемо происходитъ отъ преступленій, выказывающихъ явное неуваженіе къ правительству и необузданность поступковъ, разрушающихъ порядокъ всякаго благоустроеннаго общества. Короче, самый фактъ этихъ преступленій своимъ внѣшнимъ бытіемъ рождаетъ убѣжденіе въ необходимости обратить на него особенное вниманіе.

То же должно сказать и о другихъ разсмотрѣнныхъ обстоятельствахъ. Чувствуя тяжесть вины ихъ по самой сущности природы и даже осужденію религіей, какъ вопіющихъ грѣховъ, законодатель тѣмъ не менѣе останавливается прежде всего на ихъ вредномъ для общественной жизни вліяніи, руководится мотивами внѣшней необходимости, стремленіемъ къ сохраненію общественнаго быта и оцѣнкѣ подобныхъ преступленій въ духѣ общественнаго интереса. Однимъ словомъ, безспорно то, что право наше признавало волю человѣческую основнымъ началомъ вмѣненія; но съ другой стороны ясно также и то, что она не была еще сознана въ томъ объемѣ и значеніи, какіе имѣетъ въ нашихъ глазахъ. Поэтому ближайшее побужденіе къ настоящимъ постановленіямъ заключается въ явленіяхъ второстепенныхъ, которыя однако нисколько не исключаютъ возможности существованія одной, общей съ нами, первообразной причины; слѣдоват. здѣсь же открывается и сходство съ нашимъ воззрѣніемъ.

И такъ, основное начало вмѣненія можетъ быть одинаковое; все

различіе состоитъ въ объемѣ его развитія, методѣ и пріемахъ того и другаго воззрѣнія. Считаемъ лишнимъ замѣчать, что въ первомъ отношеніи мы стоимъ на высшей степени сравнительно съ настоящимъ періодомъ. Что касается до втораго, то при объясненіи практическаго случая мы выходимъ прямо съ первообразной причины вмѣненія, на которую и обращается преимущественное вниманіе, современное же законодательство, какъ сказано, хотя признаетъ ее также основнымъ началомъ, однако при опредѣленіи наказанія опирается не на нее непосредственно, а на привходящія, производныя явленія. Слѣдоват. наше воззрѣніе, какъ выходящее изъ первоначальнаго источника, будетъ чище и правильнѣе, чего не будетъ доставать въ другомъ, хотя происхожденіе обоихъ можетъ быть совершенно одинаковымъ по своему началу. Такимъ образомъ все различіе происходитъ отъ степени близости законодательныхъ постановленій къ ихъ первому источнику.

Вообще, разбирая причины и условія послѣднихъ, находя въ нихъ тотъ или другой смыслъ, никогда не должно выпускать изъ виду тѣхъ умозаключеній, которыя принадлежатъ собственно нашему времени и никогда не могутъ быть безотносительно присвоиваемы извѣстной эпохѣ. Одинаковое по формѣ явленіе можетъ быть въ разныя времена произведеніемъ различныхъ причинъ. Такъ, напр., мы въ состояніи отыскать въ какомъ нибудь постановленіи болѣе глубокій смыслъ, нежели современники, смотрѣвшіе на него, можетъ быть, совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, которая и была ближайшей причиной его происхожденія. Поэтому, отыскивая ее, не должно увлекаться собственными понятіями, а входить въ бытъ данной эпохи и глядѣть на предметъ глазами современниковъ. Такъ поступаемъ мы въ настоящемъ случаѣ. Оставляя за законодательствомъ честь признанія субъективнаго элемента вообще и въ настоящемъ вопросѣ въ особенности, мы тѣмъ не менѣе не заставляемъ его идти тѣмъ самымъ путемъ умозаключеній, по которому можемъ слѣдовать сами, а находимъ для него болѣе сообразный, нисколько не уничтожая тѣмъ значенія внутренней стороны; она существуетъ, но только не въ томъ объемѣ, какой получаетъ въ нашихъ глазахъ. Поэтому оффиціальный характеръ лица, служа ближайшей причиной для увеличенія вмѣненія, не исключаетъ признанія субъективной стороны, ибо рѣшающійся на убійство не

обыкновеннаго человѣка обнаруживаетъ тѣмъ самымъ и необыкновенную степень злой воли. Но говоря это, мы не заставляемъ и законодательство разсуждать точно въ такой же формѣ и не смотримъ на постановленіе его, какъ на плодъ подобныхъ умозаключеній.

Въ Уложеніи сохранилось также вліяніе нѣкоторыхъ сословныхъ различій. Впрочемъ обстоятельство это имѣетъ приложеніе только по особеннымъ видамъ убійства: въ дракѣ и пьянымъ дѣломъ. Высшее состояніе въ лицѣ преступника уменьшаетъ въ этомъ случаѣ мѣру вмѣненія. Въ XXI главѣ Уложенія отдѣльно описываются случаи убійства, совершеннаго боярскимъ человѣкомъ одного господина надъ боярскимъ же человѣкомъ другаго, крестьяниномъ одного помѣщика надъ крестьяниномъ другаго и сыномъ боярскимъ, его сыномъ, племянникомъ и прикащикомъ надъ чужимъ крестьяниномъ. Наказанія, опредѣляемыя для перваго и втораго случая, весьма между собою сходны, такъ что если сдѣлано для каждаго изъ нихъ особенное постановленіе, то единственно въ видахъ ближайшаго поясненія—для показанія того, что вмѣненіе, назначенное для одного рода лицъ, имѣетъ приложеніе въ подобномъ случаѣ и къ другимъ, поименованнымъ во второй статьѣ, а частію и для точнѣйшаго опредѣленія нѣкоторыхъ подробностей, условливавшихся особеннымъ положеніемъ упоминаемыхъ здѣсь лицъ. Такъ убійца-боярскій человѣкъ, по наказаніи кнутомъ и отдачѣ на чистую поруку съ записью, выдается вмѣстѣ съ женою и дѣтьми въ холопи тому, чьего человѣка онъ убилъ; если же послѣдній откажется взять преступника, обзывая его воромъ, то господинъ, у котораго служилъ убійца, платитъ за него 50 рублей денегъ. Убійца-крестьянинъ подвергается тому же тѣлесному наказанію и отдачѣ на поруки, послѣ чего выдается также помѣщику убитаго съ женою, дѣтьми и животами, но не въ холопи, а крестьяне; если же послѣдній, обзывая убійцу вѣдомымъ воромъ, откажется принять къ себѣ, прося выдать вмѣсто него другаго, поименованнаго имъ крестьянина, то помѣщикъ преступника обязанъ его выдать вмѣстѣ съ женою, дѣтьми «и со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ, и которой сѣянъ въ землѣ». Наказаніе, полагаемое для третьяго случая, имѣетъ по преимуществу характеръ гражданскаго вознагражденія за причиненный чужому имуществу вредъ: преступникъ отдаетъ

въ замѣнъ убитаго лучшаго своего крестьянина вмѣстѣ съ женою, дѣтьми «и со всѣми животы» и платитъ кабальные долги убитаго, а самъ лично подвергается только тюремному заключенію до государева указа.

Но такое вліяніе сословныхъ различій допускается только въ области такъ называемыхъ неумышленныхъ, но вмѣняемыхъ смертоубійствъ. Въ нихъ, при неясномъ пониманіи степени участія злой воли, во всякомъ случаѣ, по понятію законодательства, незначительной или даже вовсе несуществующей, и по остаткамъ старыхъ юридическихъ преданій, Уложеніе видитъ преимущественно характеръ частныхъ оскорбленій, которыя должны быть вознаграждены въ интересѣ обиженной стороны. Поэтому оно и заботится здѣсь главнымъ образомъ объ удовлетвореніи матеріальныхъ ущербовъ, причиненныхъ чужому имуществу дѣяніемъ самого господина или людей ему подвластныхъ, за которыхъ онъ всегда отвѣчаетъ. Отсюда и возможность замѣны одного лица другимъ, даже деньгами. Въ области умышленныхъ убійствъ ничего подобнаго не встрѣчается.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство безотносительно обращаетъ вниманіе на лице убійцы. Такъ 30 статья VII главы Уложенія опредѣляетъ смертную казнь ратнымъ людямъ, которые, ѣдучи на государеву службу или домой, учинятъ по дорогѣ «смертное убойство или женскому полу насильство». Такому же наказанію по статьѣ 32 подвергаются служилые люди «пріѣхавшіе къ кому на станъ по недружбѣ нарядным дѣломъ для задору» и въ происшедшей отсюда ссорѣ кого либо убившіе (¹).

Что случаи эти относятся къ числу тяжкихъ видовъ убійства, замѣтно тотчасъ изъ опредѣленія наказаній за другія, упоминаемыя здѣсь преступленія: за грабежъ, ударъ рукою, обиду, словомъ: «доправити безчестіе и грабежъ вдвое». Ясно, что наказанія эти экстраординарныя; слѣдоват. законодательство считаетъ и подвергаемыя имъ преступленія болѣе тяжелыми, нежели обыкновенныя, учиненныя при другихъ обстоятельствахъ. Также должно смотрѣть оно въ настоящемъ случаѣ и на преступленія противъ жизни, ибо эти послѣднія имѣютъ ту же самую, увеличивающую тяжесть ви-

---

(¹) Ср. Лит. Ст. арт. 18 и 21 раздѣла II.

пы, обстановку. Наконецъ, если бы законодательство не считало такой видъ убійства виновнѣе обыкновеннаго, то не сочло бы и нужнымъ упоминать объ немъ особенно. Конечно ближайшимъ къ тому поводомъ было, вѣроятно, частое повтореніе этого преступленія на практикѣ, требовавшее для себя особеннаго постановленія, стремленіе ограничить необузданность и своеволіе, столь обыкновенныя въ военныхъ людяхъ того времени, и наконецъ особенная опасность этого преступленія для государственной жизни; но ясно, что всѣ эти причины суть не иное что, какъ основанія для увеличенія тяжести вмѣненія, слѣдовательно нисколько не противорѣчатъ предыдущему выводу. Замѣчаніе это имѣетъ характеръ общаго для всѣхъ, подобныхъ описаннымъ случаямъ.

Что касается до *мѣста совершенія преступленія*, то оно служитъ иногда также къ возвышенію степени вмѣненія. Здѣсь признаются слѣдующія различія: церковь, государевъ дворъ, судъ.

4 статья I главы Уложенія полагаетъ за убійство, учиненное въ церкви, смертную казнь (¹).

Собственно говоря, этотъ видъ относится къ особому отдѣлу преступленій противъ церкви, какъ показываетъ и самое названіе главы: «о Богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ», такъ же, какъ и нападенія на жизнь въ судѣ или на государевомъ дворѣ могутъ считаться особыми разрядами преступленій противъ чести присутственныхъ мѣстъ и оскорбленія Величества; но этимъ еще болѣе доказывается вліяніе мѣста совершенія на возвышеніе степени вмѣненія.

Кажется, почти не нужно входить въ разсужденіе о томъ, почему церковь и другія, поименованныя здѣсь мѣста, могли получить значеніе увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Понятно и извѣстно всѣмъ то уваженіе, которое народъ питаетъ всегда къ храмамъ, какъ мѣстамъ, освященнымъ таинственнымъ присутствіемъ Божества. Чувство это тѣмъ живѣе, чѣмъ менѣе степень образованности, и чѣмъ ближе стоитъ народъ къ эпохѣ патріархальнаго быта. То же должно сказать и о мѣстѣ жительства лица, облеченнаго верховною властью, по преимуществу же Русскаго Государя, особенному возвышенію котораго въ глазахъ народа содѣйствовало его

(¹) Ср. въ Лит. Ст. XI раздѣла 3 арт.

религіозное освященіе, какъ помазанника Божія. При этомъ законодательство наше обращало еще вниманіе, произошло ли преступленіе въ присутствіи самого Государя или нѣтъ. Разумѣется, что бытіе перваго условія усиливало значеніе увеличивающаго вину обстоятельства. Наконецъ судъ, какъ торжественное собраніе оффиціальныхъ лицъ, получившихъ въ государствѣ характеръ представителей верховной власти, долженъ внушать къ себѣ особенное уваженіе и пользоваться правомъ неприкосновенности. Слѣдовательно, на кого всѣ такія противодѣйствія не оказывали никакого вліянія и не имѣли силы удержать отъ преступленія, тотъ показывалъ высокую степень внутренней испорченности и особенную твердость и упорство злой воли, которые требовали для себя соотвѣтствующаго вмѣненія.

3 статья III главы за убійство, совершенное на государевомъ дворѣ въ его присутствіи, велитъ казнить смертью (¹). При несуществованіи послѣдняго изъ увеличивающихъ обстоятельствъ, т. е. присутствія Государя, уменьшается и степень вмѣненія. Впрочемъ при опредѣленіи наказаній это обстоятельство можетъ имѣть мѣсто только въ преступленіяхъ противъ здоровья. Здѣсь наказаніе даже формально распадается на два отдѣла: одно назначается собственно за учиненное преступленіе, другое—за честь государева двора (²).

Далѣе, 105 статья X главы говоритъ о совершеніи убійства въ судѣ. Преступникъ казнится смертію безо всякія пощады, да кромѣ того берутся изъ его животовъ и вотчинъ кабальные долги убитаго (³).

Статья 198 этой же главы представляетъ еще увеличивающее обстоятельство: *предумышленность злодѣянія и жестокій способъ его совершенія*. «А будетъ кто пріѣдетъ къ кому нибудь на дворъ насильствомъ, скопомъ и заговоромъ, умысля воровски, и учинитъ... смертное убійство... то его самого казнить смертію же (⁴)». Кромѣ особенной злонамѣренности и безнравственности воли преступленіе это представляетъ большую опасность для государственнаго бытія.

Наконецъ если воръ, крадущій на полѣ хлѣбъ жатый, или сѣно.

(¹) Ср. въ Лит. Ст. I раздѣла арт. 9.—(²) 2 ст. III главы Улож. —(³) Ср. въ Лит. Ст. арт. 62 раздѣла IV.—(⁴) Тамъ же арт. 1 раздѣла XI.

или жнущій хлѣбъ украдомъ, при поимкѣ своей того «чей хлѣбъ, или человѣка его, или крестьянина у хлѣба или у сѣна убьетъ.... то его за то казнити смертію, а что покралъ, и то взяти изъ животовъ его (¹)». Здѣсь открывается *стеченіе* преступленій.

Кромѣ всѣхъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаевъ мы встрѣчаемся въ Уложеніи еще съ такими, которые *уничтожаютъ всякое вмѣненіе.* Причина такого явленія будетъ заключаться: 1) *въ состояніи необходимой обороны* и 2) *въ особенномъ значеніи субъекта и объекта преступленія* вслѣдствіе того или другаго общественнаго ихъ положенія.

Что же касается до вліянія въ этомъ отношеніи случайности дѣянія, то мы говорили выше, что, при раздѣленіи убійствъ на умышленныя и неумышленныя, законодательство не вмѣняетъ вновь открытыхъ видовъ послѣдняго наименованія на томъ именно основаніи, что замѣчаетъ въ нихъ присутствіе такого свойства. И такъ, не останавливаясь здѣсь на этомъ, извѣстномъ уже обстоятельствѣ, идемъ далѣе.

Состояніе необходимой обороны прекрасно обозначаетъ сущность своего характера въ самомъ названіи. Дѣйствительно, какъ произведеніе закона необходимости, оно такъ же вѣчно, какъ и этотъ законъ; поэтому мы встрѣчаемся съ нимъ въ правахъ всѣхъ народовъ, какъ настоящихъ, такъ и прошедшихъ временъ. Оно не прекратится, безъ сомнѣнія, и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать человѣческое право или не измѣнится человѣческая природа, ибо, условливаясь въ бытіи своемъ этимъ фактомъ, оно, подобно ему, становится безсмертнымъ. Отсюда самыя совершеннѣйшія законодательства даютъ ему мѣсто на равнѣ съ младенческими и сходятся между собою въ его признаніи; но отсюда же вытекаетъ и рѣзкое между ними различіе, состоящее именно въ формѣ самаго признанія и объемѣ его содержанія. Вопросъ этотъ до сихъ поръ представляетъ обширное поле для изслѣдованій и рѣшается каждымъ законодательствомъ по своему, сообразно съ степенью его юридическаго развитія. Поэтому самый способъ рѣшенія и тѣ или другіе его результаты получаютъ въ глазахъ нашихъ особенный интересъ. Не вдаваясь въ

(¹) 89 ст. XXI главы. Въ Лит. Ст. 26 арт. XIV раздѣла.

философское изслѣдованіе этого состоянія, не имѣющее мѣсто по своей спеціальности въ настоящей статьѣ, обращаемъ прямо свое вниманіе на способъ его разрѣшенія въ нашемъ правѣ.

Уложеніе, опредѣляя въ 105 ст. X главы наказаніе за убійство, совершенное въ судѣ, считаетъ дѣяніе это не вмѣняемымъ, если убившій совершилъ его, «боронясь отъ себя, для того, что тотъ, кого онъ убьетъ, самъ его предъ судьями напередъ учалъ бити... и такого никакою казнію не казнити, потому что онъ то учинилъ, боронясь отъ себя (¹)». 200 статья той же главы высказываетъ еще яснѣе причину невмѣненія: если хозяинъ дома кого изъ пріѣхавшихъ къ нему на дворъ насильствомъ, скопомъ и заговоромъ, умысля воровски... «боронясь отъ себя, и домъ свой обороняя, убьетъ до смерти... и сыщется про то допряма, что онъ то убойство учинилъ поневолѣ, отъ себя боронясь: и ему того въ вину не ставить; а кого онъ убьетъ, и ему то убойство учинится отъ себя, не пріѣзжай на чужой домъ насильствомъ (²)». Сюда же принадлежатъ: убійство вора съ поличнымъ въ дому своемъ и убійство татя въ погонѣ за нимъ, когда послѣдній «изымати себя не дастъ, и учнетъ дратися», равно какъ и лишеніе жизни тѣхъ, которые крадутъ хлѣбъ жатый, сѣно или украдомъ учнутъ хлѣбъ жати, «а изымати себя не дадутъ (³)».

Изъ этихъ постановленій прежде всего открывается, что случаи, въ нихъ описанные, имѣютъ характеръ уничтожающихъ вмѣненіе; здѣсь же находимъ и объясненіе такому явленію—въ состояніи необходимой обороны, которая въ Уложеніи обозначается словами—«боронясь отъ себя». Причина невмѣненія этого послѣдняго также ясно выставлена въ законодательствѣ: 200 статья X главы говоритъ прямо, что дѣянія, здѣсь совершаемыя, чинятся невольно.

Что же такое состояніе необходимой обороны, и почему допускаетъ его законодательство?

По понятію нашего права, подъ именемъ этого состоянія разумѣется такое внѣшнее положеніе лица, въ которомъ, при стороннемъ нарушеніи его правъ, оно не въ состояніи прибѣгнуть подъ защиту общественно-судной власти и должно отражать нападеніе силою собственной руки. Слѣдовательно, состояніе не-

(¹) Ср. Лит. Ст. разд. IV арт. 62.—(²) Тамъ же, раздѣла XI арт. 19.—(³) 88 и 89 ст. XXI главы Улож. Новоук. ст. 13, 14, 16. Въ Лит. Ст. раздѣла XIV арт. 21 и 26.

обходимой обороны есть состояніе самоуправства, та первоначальная форма правоохраненія, которой начинается юридическая жизнь народовъ. Такимъ образомъ здѣсь открывается по видимому противорѣчіе, потому что явленія, совершенно между собою противоположныя, исключаютъ всякую возможность совмѣстнаго бытія. Первое положеніе совершенно справедливо, послѣднее же только отчасти, ибо извѣстно, что никакое новое юридическое начало не замѣняетъ разомъ стараго, а существуетъ долго вмѣстѣ, только постепенно вытѣсняя послѣднее. Притомъ признаніе состоянія необходимой обороны не указываетъ вовсе на самостоятельное бытіе враждебнаго судному началу элемента,—скорѣе оно служитъ подтвержденіемъ господства государственной идеи, потому что существованіе этого явленія не есть независимое, а условное, вслѣдствіе позволенія законодательства. Самосудомъ не можетъ считаться то, что получаетъ свое начало отъ законнаго опредѣленія; это противорѣчитъ основному существу его характера. Слѣдовательно только съ наружной стороны, по формѣ своего внѣшняго проявленія, состояніе необходимой обороны имѣетъ видъ самоуправства, но самоуправства справедливаго, правомѣрнаго, существующаго на законномъ основаніи. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ эта форма, какъ не гражданская, не можетъ быть терпима въ государствѣ, исключая развѣ случаевъ крайней необходимости. Только въ этомъ отношеніи она и можетъ найти себѣ оправданіе, какъ неизбѣжное зло. Дѣйствительно такъ и бываетъ. Государство, заставляя человѣка отказаться отъ самосуда въ пользу общественной власти, принимаетъ на себя обязанность защищать его отъ всякихъ нападеній. Слѣдовательно, собственно говоря, здѣсь происходитъ только замѣна частной расправы общественнымъ судомъ, какъ болѣе надежнымъ проводникомъ къ насильному достиженію идеи справедливости и установленіемъ, болѣе сообразнымъ съ интересами общественной жизни. Но судный элементъ, какъ всякое отвлеченное начало, получаетъ свое бытіе въ мірѣ внѣшнихъ явленій въ формѣ извѣстныхъ государственныхъ учрежденій, представителями которыхъ являются люди, а вмѣстѣ съ этимъ онъ занимаетъ объективный характеръ человѣческой природы—ея ограниченность. Въ силу этого, въ жизни отдѣльнаго человѣка можетъ представиться такое критическое положеніе, въ кото-

ромъ общественная власть не успѣетъ во время придти къ нему на помощь. Поэтому, признавая надъ собой законы пространства и времени, она по необходимости должна изъять нѣкоторые случаи изъ своего вѣдомства и предоставить частной расправѣ. Мы видимъ, слѣдовательно, что состояніе необходимой обороны имѣетъ характеръ неизбѣжнаго результата. Здѣсь поэтому заключается и удовлетвореніе идеи справедливости, ибо отнять у человѣка право собственной защиты, когда отъ нея отказывается общественная власть, значитъ уничтожить между людьми всякое объективное равенство и сдѣлать одного необузданнымъ владыкой, а другаго беззащитной его жертвой. Понятно, что такое представленіе несовмѣстно съ самымъ достоинствомъ человѣческой природы. Вотъ почему, замѣтимъ здѣсь кстати, даже кровная месть по своему принципу является выраженіемъ идеи справедливости въ младенческую эпоху народа. Наконецъ если бы, вопреки требованіямъ здраваго смысла и всякой справедливости, не дать мѣста состоянію необходимой обороны или даже прямо запретить его подъ страхомъ самаго жестокаго наказанія, то подобное постановленіе не имѣло бы никакой практической силы. Жизнь и здоровье суть такія блага, которыми человѣкъ дорожитъ выше всего; для сохраненія ихъ онъ готовъ рѣшиться на все. Къ этому побуждаетъ наконецъ самый инстинктъ. Далѣе, справедливость необходимой обороны выставляется главнымъ образомъ съ другой стороны—изъ разсмотрѣнія ея состава. Извѣстно, что существенная принадлежность каждаго уголовнаго преступленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основное начало его юридическаго вмѣненія, есть свободная воля. Ее то и не существуетъ здѣсь. Понятно для каждаго, что непосредственная причина убійства, здѣсь совершаемаго, лежитъ не въ волѣ дѣйствовавшаго, который самъ по себѣ, безъ нападенія, никогда не думалъ и не желалъ этого, а въ поведеніи другаго лица, вынудившаго перваго къ противодѣйствію. Сила моральнаго принужденія такъ велика, что отнимаетъ у воли всякую свободу, а у дѣйствія характеръ вмѣняемости; слѣдовательно вся отвѣтственность лежитъ на лицѣ нападающаго, который и представляется настоящимъ виновникомъ случившагося.

Существованіе подобнаго взгляда нашего законодательства можно предположить изъ того, что извѣстная 200 ст. X главы Уложенія

говоритъ прямо, что убившій насильно вломившагося къ нему въ домъ потому считается невиннымъ, что совершаетъ это дѣяніе «по неволѣ, отъ себя боронися», между тѣмъ какъ другой является самъ причиной своей гибели: «ему то убойство учинится отъ себя, не пріѣзжай на чужой домъ насильствомъ».

Такимъ образомъ и наше законодательство въ признаніи необходимой обороны видитъ требованіе идеи справедливости. Поэтому настоящимъ виновникомъ является лице нападающаго, который и терпитъ на себѣ всѣ невыгоды происшедшаго, какъ результатъ своихъ собственныхъ поступковъ, такъ что лишеніе жизни получаетъ для него характеръ справедливаго возмездія. Вся разница въ этомъ смыслѣ состоитъ только въ томъ, что наказаніе исходитъ здѣсь не отъ общественной власти, а отъ частнаго лица, такъ какъ и самое состояніе необходимой обороны есть исключительное, выходящее изъ круга обыкновеннаго вѣдомства. Но тѣмъ не менѣе нападающій терпитъ зло, имъ заслуженное, ибо между этимъ последнимъ и его поведеніемъ есть связь причины и послѣдствія. Вышеприведенное мѣсто Уложенія, говоря, что смерть нападающаго происходитъ отъ него самого, замѣчаетъ при этомъ, что преступникъ не терпитъ никакой несправедливости, ибо виноватъ самъ, получаетъ то, чего могъ ожидать по своимъ дѣламъ—за насильственный наѣздъ на чужой домъ.

Находя по всѣмъ такого рода соображеніямъ надлежащее соотвѣтствіе этого состоянія съ требованіемъ идеи справедливости, законодательство не видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ допущеніи его особенной опасности для значенія государственной власти, ибо, съ одной стороны, частная расправа происходитъ здѣсь съ дозволенія закона, съ другой—вредное послѣдствіе для лица нападающаго является справедливымъ по своему принципу, какъ возмездіе за правонарушеніе, никогда не оставляемое безъ наказанія. Но въ то же время законодательство понимаетъ, что частная расправа тогда только сохраняетъ правомѣрный характеръ, когда общественная власть не имѣетъ никакой физической возможности вступиться за оскорбленіе частнаго лица,—слѣдовательно въ случаяхъ крайней необходимости, которые оно и старается вычислить для отвращенія самоуправства. Нѣтъ надобности говорить, что подобный опытъ не можетъ назваться совершеннымъ по той простой причинѣ, что

не обнимаетъ собой всѣхъ возможныхъ случаевъ. Мы видѣли уже всѣ относящіеся сюда законы, а потому, не дѣлая повторенія, замѣтимъ только, что они любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ собой тѣ именно случаи, въ которыхъ законодательство считало необходимымъ допустить собственную расправу, т. е. такія безпомощныя со стороны общественной власти положенія, въ которыхъ человѣкъ, въ случаѣ вторженія другаго лица, нападеніе въ принадлежащую ему сферу правъ долженъ отражать собственной рукой. Въ такомъ состояніи находится человѣкъ при нападеніи на его личность: «когда его напередъ учалъ (другой, противъ котораго позволяется вслѣдствіе этого самозащищеніе) бити»; при насильственномъ умышленномъ вторженіи въ чей нибудь дворъ; при поимкѣ вора, который будетъ сопротивляться. Ясно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ существуетъ опасность для жизни и здоровья, которой не въ силахъ отвратить общественная власть по нечаянности нападенія.

Что же касается до позволенія безнаказанно убить вора, застигнутаго въ домѣ съ поличнымъ, то извѣстно, что обстоятельство это встрѣчается съ такимъ характеромъ еще въ древнемъ правѣ. Главная причина такого явленія заключалась тамъ, вѣроятно, не столько въ слабомъ развитіи суднаго начала и существованіи частной расправы, сколько въ особенной внѣшней опасности этого преступленія въ соединеніи съ внутреннимъ, хотя и неясно сознаваемымъ требованіемъ идеи справедливости. Вообще же, воръ, забравшійся въ чужой домъ, выказываетъ значительную дерзость. Здѣсь можно съ вѣроятностію предположить, что, въ случаѣ неудачи, онъ способенъ употребить насильственныя мѣры, какъ для удержанія за собой похищеннаго, такъ еще болѣе для сохраненія своей свободы. Притомъ домъ гражданина есть такое священное убѣжище, въ стѣнахъ котораго онъ дѣлается недоступенъ даже для прикосновеній общественной власти. Только въ самыхъ рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ осмѣливается она проникать внутрь жилища, въ сферу частной жизни его обитателей, которая вся расположена по своимъ особеннымъ законамъ, исходящимъ изъ власти домохозяина. Въ этомъ смыслѣ воръ получаетъ особенно опасный характеръ, ибо знаетъ, что внутри дома труднѣе, нежели гдѣ нибудь, прибѣгнуть къ защитѣ общественной власти, здѣсь легче

возможность правонарушенія, слѣдоват. должны быть и строже мѣры предупрежденія. Вслѣдствіе этого, всякаго, враждебно вступившаго въ черту владычества домохозяина, законодательство отдаетъ на его полный произволъ. Съ другой стороны понятно, почему состояніе необходимой обороны ограничивается только домомъ: въ другомъ мѣстѣ человѣкъ скорѣе можетъ обратиться къ помощи правительственной власти, которая въ состояніи поспѣть во время, потому что правонарушеніе не имѣетъ здѣсь по большей части характера невознаградимаго ущерба, который позволяется предупреждать всѣми средствами при первомъ покушеніи. Притомъ—разбираемъ далѣе—застигнуть вора на мѣстѣ преступленія, видѣть въ рукахъ его похищенную вещь, самая нечаянность открытія—всѣ эти обстоятельства, дѣйствуя сильно и внезапно на внутренній міръ человѣка, всегда способны болѣе или менѣе вывести его изъ нормальнаго состоянія, возбудить озлобленіе, а иногда навести сильнѣйшій страхъ даже передъ мнимой опасностью, такъ что сила самоопредѣленія воли уничтожается и дѣйствія ея получаютъ характеръ безсознательныхъ, которыя слѣпо повинуются инстинктивному чувству самозащищенія.

Что же касается до того, почему позволяется убійство не всѣхъ вообще воровъ, а только тѣхъ, которыхъ застанутъ съ поличнымъ, то къ сказанному прежде можно прибавить то замѣчаніе, что такое условіе могло служить лучшимъ обезпеченіемъ противъ разнаго рода злоупотребленій. Въ противномъ случаѣ многіе убійцы воспользовались бы этимъ обстоятельствомъ для сокрытія своего злодѣянія, а дознаніе истины представило бы здѣсь часто неразрѣшимыя трудности.

Въ видахъ той же самой цѣли, при исчисленіи отдѣльныхъ случаевъ необходимой обороны, законодательство окружаетъ ихъ различными требованіями. Такъ Уложеніе предписываетъ тотчасъ заявить о происшедшемъ окольнымъ людямъ, а потомъ довести и до свѣдѣнія суда, который по горячимъ слѣдамъ можетъ убѣдиться въ истинѣ показаній, какъ чрезъ допросъ окольныхъ людей, которые нѣкоторымъ образомъ получаютъ характеръ свидѣтелей, такъ и чрезъ личный осмотръ слѣдовъ преступленія, и т. п. Притомъ молчаніе оборонявшагося можетъ возбудить не безъоснова-

тельное подозрѣніе, ибо увѣренному въ невинности своихъ дѣйствій нечего утаивать происшедшаго.

Такимъ образомъ, допуская по необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ частную расправу, законодательство въ то же время старается обставить это состояніе такими условіями, которыя бы способны были удержать его въ опредѣленныхъ границахъ и предупреждать возможность самосуда. Поэтому, какъ скоро кто выйдетъ изъ очерченнаго закономъ круга, тотъ становится преступникомъ противъ общественной власти, дерзающимъ присвоивать себѣ право судебнаго разбирательства—неотъемлемое достояніе правительства. На это находимъ ясныя указанія въ ст. 88 (¹), которая не позволяетъ пойманнаго татя пытать у себя въ дому, не водя въ Приказъ. Понятно, что домохозяинъ имѣетъ здѣсь полную возможность предать послѣдняго въ руки правосудія; если же этого не дѣлаетъ, а начинаетъ судить самъ, то поступаетъ конечно самоуправно, присвоиваетъ себѣ власть, вовсе не принадлежащую, почему и считается преступникомъ: воръ можетъ искать на немъ безчестье и увѣчье.

И такъ мы видимъ, что, считая съ одной стороны состояніе вынужденной обороны необходимымъ и справедливымъ самимъ въ себѣ, законодательство признаетъ его обстоятельствомъ, уничтожающимъ всякое вмѣненіе; съ другой же стороны, оставляя за нимъ такое значеніе, старается, въ видахъ предупрежденія беззаконнаго самоуправства, точнѣе обозначить составъ и кругъ его дѣйствія.

Наконецъ послѣднее изъ разсматриваемыхъ нами обстоятельствъ получаетъ свой характеръ *отъ особенности отношеній между субъектомъ и объектомъ преступленія* и вслѣдствіе этого—того или другаго ихъ значенія. Сюда относятся два случая: убійство, совершенное слугой при оборонѣ своего господина, и лишеніе жизни измѣнника (²). Въ послѣднемъ случаѣ убійцѣ обѣщается еще государево жалованье, которое назначается также всякому, кто поймаетъ измѣнника.

Хотя эти случаи не подходятъ совершенно подъ предыдущія

(¹) XXI гл. Улож. и 16 новоук. ст. (²) Ст. 21-я XXII главы и 15 ст. II гл. Улож. Новоук. 107 ст. Въ Лит. Ст. XI раздѣла арт. 25 и I разд. арт. 7.

обстоятельства, ибо при вмѣненіи ихъ ближе всего принимается во вниманіе особенный общественный характеръ дѣйствующихъ лицъ, однако нельзя не допустить такой связи. И здѣсь можно видѣть тоже состояніе необходимой обороны, хотя нападеніе направлено не непосредственно на дѣйствующее лице: особенное относительное его значеніе вызываетъ въ настоящемъ случаѣ такое положеніе. Поэтому основное начало невмѣняемости можетъ остаться прежнее, разница только въ мотивахъ его происхожденія. Прежде оно условливалось непосредственнымъ нападеніемъ на вынужденное къ оборонѣ лице; теперь оборона также существуетъ, и съ прежнимъ характеромъ, но только вытекаетъ изъ другой причины—того особеннаго значенія, которое получаетъ защищающійся вслѣдствіе своихъ общественныхъ отношеній.

Извѣстна та степень власти и подчиненія, въ которой состоялъ слуга къ своему господину; личность его почти совсѣмъ закрывалась личностію послѣдняго. По такому служебно-подвластному своему значенію, утвержденному самой общественной властью, подчиненный обязанъ безпрекословно повиноваться своему властелину и охранять его всѣми силами. Отсюда понятно, что убивая нападающаго, онъ исполняетъ только свою обязанность; слѣдоват. представляется не преступникомъ закона, а напротивъ вѣрнымъ его исполнителемъ. Разбирать же, правъ ли господинъ въ настоящемъ случаѣ или нѣтъ—не дѣло слуги. Поэтому законодательство говоритъ прямо: «а спрашивать того убійства на томъ, кому онъ служитъ», т. е. всѣ дѣйствія его господинъ принимаетъ на себя и отвѣчаетъ за нихъ, какъ за собственныя. Отсюда слуга отстраняется вовсе отъ судебнаго разбирательства, ибо онъ не что иное, какъ послушное орудіе своего господина. Вотъ почему дѣйствія его не получаютъ никакого вмѣненія.

Другой случай, сюда относящійся, есть убійство измѣнника, не только дозволяемое, но даже поощряемое наградами.

Ближайшій къ тому поводъ заключается въ лицѣ преступника или, лучше сказать, въ самомъ характерѣ его преступленія. Измѣна отечеству, выказывая высшую степень порочности души, направляется непосредственно противъ цѣлаго государства и грозитъ опасностію его бытію, такъ что по внутренней сторонѣ и по пространству нарушенныхъ правъ считается всегда самымъ тяжкимъ

преступленіемъ. Особенно вредный для цѣлаго общества характеръ преступника вліяетъ здѣсь на опредѣленіе самаго рода наказанія, которое состоитъ обыкновенно въ смертной казни. Государство видитъ невозможность, безъ явной для себя опасности, оставить въ живыхъ подобнаго человѣка.

Вглядываясь пристальнѣе въ составъ этого преступленія, нельзя не видѣть особенности его характера. Нарушая разомъ право цѣлаго общества, измѣнникъ нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право каждаго отдѣльнаго гражданина, такъ что нападеніе его касается одновременно какъ цѣлаго государства, такъ и всѣхъ его членовъ. Отсюда, какъ для перваго, такъ чрезъ посредство его и для послѣднихъ, образуется противъ преступника состояніе необходимой обороны, гдѣ дозволяется отражать нападеніе всѣми средствами. Но такое состояніе тотчасъ уничтожается, какъ скоро измѣнникъ попадается въ руки правительства. Здѣсь открываетъ свои засѣданія судъ, и прекращается бытіе частной расправы; ибо она допускается только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, которые по фактическому своему положенію находятся внѣ круга общественной власти. Поэтому, съ другой стороны, какъ скоро наступаетъ такое состояніе, является вмѣстѣ съ тѣмъ и вынужденная оборона. Въ настоящемъ случаѣ это можетъ произойти при бѣгствѣ измѣнника: «а будетъ кто измѣнника догнавъ на дорогѣ», или когда онъ еще не пойманъ, вообще находится на свободѣ. Но при этомъ надо замѣтить, что подъ именемъ измѣнника разумѣется тотъ, кто признанъ такимъ отъ правительства; въ противномъ случаѣ, если лицо не получило такой репутаціи по всеобщему убѣжденію, то само собою разумѣется, что поступившій съ нимъ, какъ съ измѣнникомъ, долженъ доказать справедливость своего обвиненія. И такъ, когда измѣнникъ находится на свободѣ, состояніе необходимой обороны существуетъ для каждаго гражданина. Общественная власть, соединяющая въ лицѣ своемъ всѣ судныя права и замѣняющая собой индивидуальную расправу, оказывается теперь несостоятельной. Вслѣдствіе этого она раздаетъ обратно собранныя права и уполномочиваетъ каждаго защищаться собственной рукой. Всякое дѣйствіе гражданина противъ измѣнника получаетъ послѣ этого характеръ вынужденнаго, хотя бы послѣднимъ и не сдѣлано было никакого отдѣльнаго нападенія; оно предполагается само со-

бой, какъ заключающееся въ составѣ общаго нападенія на все государство. Слѣдовательно всеобщій характеръ состоянія необходимой обороны условливается самымъ существомъ преступленія.

По такому понятію кажется, что частный человѣкъ тогда бы только имѣлъ право убить измѣнника, когда не въ состояніи былъ предать его въ руки правосудія, въ противномъ случаѣ дѣйствіе его должно получить характеръ беззаконнаго самоуправства. Но наше законодательство не дѣлаетъ такого различія, предоставляя на волю каждаго поступить такъ или иначе. Вѣроятно къ этому могла побудить, съ одной стороны, политическая цѣль—желаніе скорѣе избавиться отъ опаснаго преступника, а съ другой—правительство не считало противорѣчіемъ справедливости дозволить частному человѣку совершить надъ преступникомъ то же, что оно выполнило бы само. Въ этомъ случаѣ отдѣльный гражданинъ является какъ бы исполнителемъ того приговора, который заранѣе произнесенъ закономъ. Отсюда понятно между прочимъ и то, почему убійца измѣнника не только не считается преступникомъ, но еще награждается, какъ особенный ревнитель общественнаго блага. Дѣйствительно законодательство можетъ понимать, что нападеніе, не касающееся прямо отдѣльной личности, не можетъ произвести такого сильнаго ощущенія, какъ преступленіе, непосредственно противъ нея направленное. Поэтому оно можетъ цѣнить въ частномъ человѣкѣ особенную тонкость сочувствія къ государственному началу и живое участіе въ предупрежденіи общественной опасности; съ другой стороны, безъ дальнѣйшаго разбора мотивовъ, конечно опредѣляетъ награду преимущественно въ видахъ политической цѣли—стремленія, какимъ бы то ни было средствомъ, избавиться отъ опаснаго врага и побудить къ исполненію своего желанія прелестью внѣшней выгоды.

Разсмотрѣвъ всѣ замѣчательные случаи смертоубійства, мы можемъ найти въ нихъ новое доказательство къ подкрѣпленію общаго заключенія о значеніи свободной воли въ области вмѣненія. Но хотя внѣшняя сторона преступленія и не имѣетъ сама по себѣ, безъ связи съ внутренней, никакого самостоятельнаго значенія, однако это не значитъ еще, чтобъ она совершенно утратила свое вліяніе и исчезла въ послѣдней безъ всякаго слѣда. Напротивъ, за ней сохранилось и видимое бытіе, и постоянное мѣсто въ области вмѣ-

ненія, но только подъ тѣмъ условіемъ, если она мыслима въ связи съ другой, не составляетъ оторваннаго отъ нея явленія. Такимъ образомъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ юридическаго анализа, выводится болѣе и болѣе правильное понятіе о преступленіи и его нераздѣльныхъ составныхъ частяхъ.

Естественно, что при тѣсной связи этихъ частей между собою успѣхи развитія субъективнаго элемента не могли не отразиться непосредственно въ области внѣшней стороны и не замѣтить здѣсь степеней ея осуществленія. Результатомъ такого вліянія должно считать отдѣленіе *покушенія* отъ *совершенія*. Зачатки этого явленія встрѣчаются впрочемъ еще въ древнемъ правѣ, ибо Русская Правда признаетъ уже покушеніе. Но, хотя коренной источникъ его происхожденія скрывался въ одномъ общемъ началѣ, оно далеко не имѣло тогда той чистоты и самобытности сознательнаго признанія, какія получаетъ теперь. Потому и нельзя приписать ему исключительной роли въ данномъ случаѣ и устранить совершенно вліяніе объективнаго взгляда. При господствѣ послѣдняго, всякое дѣйствіе, менѣе причинявшее матеріяльнаго вреда, считалось потому самому и менѣе тяжкимъ; если же вмѣнялось иногда и вовсе безвредное дѣяніе, то, безъ сомнѣнія, не безъ участія того же взгляда. Такое дѣяніе такъ близко стояло къ переходу въ дѣйствительность, и вредный характеръ его былъ такъ нагляденъ, что законодательство нисколько не затруднялось признать здѣсь высшую степень опасныхъ по внѣшней сторонѣ дѣяній, не исключая его изъ этого круга вообще. Господствующимъ же правиломъ было то, что преступленія не существовало, если не совершался всецѣло тотъ внѣшній вредъ, который необходимъ былъ для полнаго его состава. Слѣдоват понятіе о преступленіи совпадало всегда съ понятіемъ о совершеніи его. Теперь—напротивъ. Субъективный элементъ сознательно выдвинутъ на первый планъ, и силою юридическаго анализа вскрыты два главные отдѣла: покушеніе и совершеніе.

Впрочемъ, по видимому, покушеніе признается только въ одномъ изъ наиболѣе тяжкихъ видовъ нашего преступленія—въ убійствѣ господина слугой. 8 ст. XXII главы Уложенія говоритъ: «и будетъ чей нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его выметъ какое оружіе, хотя его убити: и

ему за такое его дѣло отсѣчь рука ([1])». Но такое заключеніе оказывается несправедливымъ, потому что мы находимъ другія свидѣтельства, указывающія на противное. Таковы 133 и 135 статьи X главы, которыя вмѣняютъ дѣйствія, служащія только признакомъ умысла. Если это такъ, если самое отдаленное покушеніе получаетъ общее признаніе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой же характеръ будутъ имѣть и прочіе его виды.

И такъ мы видимъ, что покушеніе не только получаетъ признаніе для всей области смертоубійствъ, но и раздѣляется еще на особые виды. Вышеприведенная 8 ст. XXII главы Уложенія различаетъ два такіе вида: близкое и отдаленное покушеніе, которое выражается словами: «а будетъ чей нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство». Слѣдовательно оно можетъ состоять въ простомъ умыслѣ, лишь бы онъ выразился въ какомъ нибудь внѣшнемъ дѣйствіи, ибо иначе не распознаваемъ.

133 и 135 статьи X главы открываютъ третій видъ покушенія, какъ добавочный къ двумъ предыдущимъ: это признаки умысла—самое отдаленное покушеніе. Хотя правда, что вмѣненіе его имѣетъ болѣе характеръ предупрежденія, нежели возмездія, но тѣмъ не менѣе существованіе этого вида не подлежитъ сомнѣнію: въ дѣйствіи, съ внѣшней стороны еще болѣе безвредномъ, нежели самый умыселъ, законодательство открываетъ связь съ злой волей, умозаключая отъ бытія перваго къ существованію второй. Ему придается этимъ характеръ отвѣтственнаго, какъ внѣшнему указателю на присутствіе преступнаго намѣренія; самое же прещеніе, здѣсь полагаемое, назначается въ видахъ предотвращенія задуманнаго злодѣянія.

Въ этомъ отношеніи любопытны тѣ мѣры, которыми думаетъ Уложеніе достигнуть своей цѣли. Ст. 133 позволяетъ съ помѣстнаго, вотчиннаго, имяннаго и прожиточнаго человѣка всякаго чину, который «учнетъ похвалятися на кого смертнымъ убивствомъ», взять опасную грамоту съ большою заповѣдью въ пять, или шесть, или седмь тысящь рублевъ и больше». Если послѣ этого похвалившійся дѣйствительно совершитъ убійство самъ или кто другой, по его наученью, то, по учиненіи смертной казни надъ преступниками, взыскивается изъ имѣнія перваго означенная въ

([1]) 93 новоук. ст. Въ Лит. Ст. арт. 9 раздѣла XI.

опасной грамотѣ заповѣдь, одна половина которой идетъ въ пользу жены, дѣтей или рода убитаго, а другая—въ государеву казну. Въ случаѣ нанесенія раны, а не смерти, виновный платитъ безчестіе, убытки и заповѣдь. Если же «у того убойца животовъ его съ заповѣдь не будетъ», то отбирается все имѣніе и раздѣляется на прежнемъ основаніи поровну между государемъ и челобитчикомъ; «а чего за тѣмъ въ заповѣдь не дойдетъ, и то на немъ править, и такія заповѣди ему не отдавать, а бить его на правежѣ безо всякія пощады не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взять: для того, чтобъ на то смотря, инымъ не повадно было такъ воровать». 135 статья опредѣляетъ тотъ случай, когда обвиняемый въ похвальбѣ «будетъ безпомѣстной и безвотчинной или иноземецъ кормовой, или кто ни буди». Онъ высиживаетъ три мѣсяца въ тюрьмѣ, послѣ чего берется за его рукою запись «въ томъ, что ему надъ тѣмъ, на кого онъ похвалялся, впредь никакого дурна не учинити [1]».

Первая статья опредѣляетъ мѣру обезпеченія противъ людей съ состояніемъ, вторая же—противъ тѣхъ, къ которымъ, по недостаточности ихъ, опасная грамота съ большою заповѣдью не можетъ имѣть никакого приложенія. Поэтому здѣсь назначается тюремное заключеніе, послѣ котораго берется простая запись въ обезпеченіе невыполненія задуманнаго злодѣянія.

Что постановленія эти имѣютъ характеръ предупредительныхъ мѣръ, какъ замѣчено было выше, въ этомъ легко убѣдиться даже изъ самыхъ выраженій. Статья 133, опредѣляя тотъ случай, когда съ имѣнія не выручится означенной въ заповѣди суммы, повелѣваетъ править недочетъ на преступникѣ «и бить его на правежѣ безо всякія пощады», объясняя цѣль: «не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взять: для того, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать». Впрочемъ такая цѣль наказанія въ данномъ случаѣ относится исключительно къ зрителямъ, потому что подвергнутый правежу совершилъ уже преступленіе; слѣдовательно она не можетъ имѣть приложенія къ преступнику и на будущее время—въ видахъ удержанія его отъ повторенія преступленія. Вообще главная сила предупрежденія въ настоящемъ случаѣ заключалась, по мнѣнію законодательства, въ страхѣ имуществен-

(1) Ср. Лит. Ст. арт. 40 въ разд. XI.

ной потери, которая играетъ здѣсь первую роль. Для людей небогатыхъ, которыхъ нельзя связать опасной грамотой, полагается тюремное заключеніе, которое можетъ имѣть смыслъ предвкушенія будущаго, тягчайшаго наказанія.

Нечего разбирать достоинство или несостоятельность такихъ постановленій; они во всякомъ случаѣ не остаются для насъ безъ значенія по той цѣли и направленію, которыя въ нихъ выражаются.

Другое слѣдствіе дальнѣйшаго развитія субъективнаго элемента, отразившагося непосредственно на внѣшней сторонѣ смертоубійства, есть признаніе *сообщества*.

Сдѣлавъ навыкъ въ разборѣ юридическихъ случаевъ, законодательство открываетъ еще, что преступленіе совершается иногда общими силами нѣсколькихъ людей. Въ этомъ смыслѣ непосредственной причиной его происхожденія являются они всѣ вмѣстѣ, въ своей совокупности. Такъ происходитъ понятіе о сообществѣ.

Лица, здѣсь находящіяся, могутъ участвовать или посредствомъ внѣшняго—физическаго дѣянія, или посредствомъ нравственнаго воздѣйствія на волю другихъ. Перваго рода участіе называется физическимъ, второе—интеллектуальнымъ. Первое по своей наглядности не представляетъ особенной трудности для своего признанія; второе напротивъ предполагаетъ такую степень юридическаго развитія, которая успѣла признать волю основнымъ началомъ вмѣненія и умѣетъ различать степень ея свободы, ибо интеллектуальное участіе закрывается обыкновенно физическими дѣйствіями другаго лица, такъ что для распознанія его требуется такой аналитическій пріемъ, который бы умѣлъ проникнуть въ глубь объективнаго явленія и отыскать тамъ тайную пружину его движенія.

Принимая въ соображеніе юридическое развитіе нашего законодательства въ настоящую эпоху и особенно развитіе субъективной стороны въ области вмѣненія, мы имѣемъ достаточное основаніе не считать невозможнымъ подобнаго открытія. На это есть и положительныя указанія, напр. въ ст. 7, 12, 19 XXII-й главы.

Отсюда видно, что это новое явленіе, вскрывшись въ области родственнаго убійства, получаетъ признаніе для всѣхъ видовъ нашего преступленія вообще.

Далѣе различается самая форма участія, или способъ воздѣйствія на волю физическаго виновника, каковы: *повельнье*, *под-*

ученье, соблаговоленье (¹). Но опредѣлить степени участія каждаго сообщника и взаимное отношеніе ихъ при вмѣненіи законодательство не умѣетъ. Такое явленіе также понятно, потому что разрѣшеніе подобнаго вопроса приходится ему не по силамъ: оно требуетъ близкаго знакомства съ цѣлымъ внутреннимъ міромъ человѣка, глубокаго и подробнаго его изслѣдованія, чего не могло быть въ тогдашнее время. Даже до сихъ поръ вопросъ этотъ имѣетъ значеніе задачи, разрѣшаемой неодинаково въ окончательныхъ подробностяхъ.

Впрочемъ въ Уложеніи можно отличить двѣ группы сообщниковъ—главныхъ виновниковъ и помощниковъ; но такое раздѣленіе, какъ мы увидимъ, не будетъ имѣть существеннаго значенія. Раздѣленіе это замѣтно въ самыхъ выраженіяхъ. Напр. 2 ст. XXII главы говоритъ: «а будетъ которой сынъ, или дочь отцу своему, или матери смертное убійство учинятъ съ иными съ кѣмъ» (²).... Видно, что главныя дѣйствующія лица здѣсь сынъ и дочь, а «иные» только помощники. Также и въ другихъ статьяхъ, напр.: «а будетъ кто убьетъ до смерти брата, или сестру самъ или по его велѣнью кто иной ихъ убьетъ» (³). Главный виновникъ—«самъ», «кто иной»—помощникъ. Точно тоже въ 26 ст., говорящей объ убійствѣ незаконныхъ дѣтей ихъ матерью. Но всѣ эти различія имѣютъ только номинальное значеніе, потому что степень вмѣненія для всѣхъ участниковъ совершенно одинакова. Такъ приведенная выше 2 ст. XXII главы велитъ наравнѣ съ убійцами родителей подвергать одинаковому наказанію и всѣхъ ихъ сообщниковъ (⁴). Тоже начало встрѣчаемъ и при вмѣненіи другихъ родственныхъ убійствъ (⁵). Наконецъ 19 ст., признающая сообщество для всей области смертоубійствъ, не измѣняетъ также безразличію степеней вмѣненія (⁶).

Въ заключеніе настоящей статьи повторимъ въ краткомъ очеркѣ тѣ измѣненія, источникъ которыхъ скрывался преимущественно въ развитіи новаго начала. Вліяніе его прежде всего выразилось въ распаденіи до тѣхъ поръ безграничной и темной области смертоубійствъ на два отдѣла: умышленный и неумышленный. Разумѣет-

---

(¹) Ст. 7, 19, 26-я XXII главы Улож. Новоук. ст. 85, 105, 111.—(²) Ср. Лит. Ст. разд. XI, арт. 7.—(³) 7 ст. XXII главы.—(⁴) 88 Новоук. ст.—(⁵) Ст. 7, 26 главы XXII; новоук. 88, 111.—(⁶) Ср. 105 новоук. ст.

ся, что результаты первыхъ попытокъ не отличаются никогда совершенствомъ и правильностію. Точно тоже и здѣсь, особенно во второмъ отдѣлѣ, гдѣ представляется значительная неопредѣленность въ объемѣ содержанія. Этотъ классъ и признанъ подъ формою отдѣльныхъ, конкретныхъ случаевъ, которые также не имѣютъ никакой внутренней связи, такъ что подъ такимъ отрицательнымъ названіемъ могутъ скрываться не только случайныя и неосторожныя преступленія, но даже и умышленныя: это безразличный пріютъ для всѣхъ видовъ смертоубійства, не отмѣченныхъ яркимъ знакомъ умысла. Въ ту же форму индивидуальныхъ разрозненныхъ случаевъ выливаются и относительныя обстоятельства, получающія значеніе увеличивающихъ, уменьшающихъ и наконецъ вовсе уничтожающихъ вмѣненіе. Если ближайшимъ поводомъ здѣсь и служили какія нибудь внѣшнія обстоятельства, то признаніе ихъ не уничтожало значеніе субъективнаго элемента, потому что допускалось въ томъ только случаѣ, когда не шло въ разрѣзъ съ послѣднимъ. Наконецъ благотворному вліянію этого же элемента обязана своимъ непосредственнымъ разъясненіемъ наружная сторона преступленія, откуда происходитъ различіе между покушеніемъ и совершеніемъ съ одной стороны и появленіе понятія о сообществѣ съ другой.

На сколько и какъ умѣло разрѣшить законодательство каждый изъ упомянутыхъ вопросовъ, мы это знаемъ; но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что юридическій анализъ не остается недѣятельнымъ и, по мѣрѣ силъ своихъ, старается проникнуть въ область вмѣненія. Непосредственный результатъ такого стремленія сказался въ открытіи всѣхъ главныхъ исходныхъ пунктовъ настоящей задачи, такъ что Уложеніе кладетъ въ этомъ отношеніи прочную основу и указываетъ послѣдующему законодательству тотъ правильный и широкій путь, по которому оно должно неуклонно слѣдовать.

П. КОЛОСОВСКІЙ.

МОЗЫРЩИНА.

(Изъ путешествія по западнорусскому краю).

I.

Значеніе слова: «Мозырщина.»—Древніе памятники въ Мозырщинѣ и связанныя съ ними преданія.—Народныя повѣрья.—Знахари и оборотни.—Положеніе мозырскихъ поселянъ.—Поля, лѣса, рѣки и озера въ Мозырщинѣ.—Судна: шугалея и байдакъ.—Особенности нѣкоторыхъ мозырскихъ рѣкъ.—Князь-озеро.—Рыболовство: — Отношенія поселянина къ еврею.—Спаиваніе крестьянъ евреями.—Необходимость удаленія евреевъ изъ корчемъ и вообще изъ деревень. — Проектъ г. Кейстута-Гедимина.—Новая система арендованія фермъ въ казенныхъ имѣніяхъ западнорусскаго края.—Открытые торги на снятіе арендъ.—Обязанности арендатора по новой системѣ арендованія.—Воскресныя народныя чтенія.

Мозырщиною называется часть западнорусскаго полѣсья, охватывающаго весь мозырскій уѣздъ минской губерніи съ принадлежащими къ нему старинными мѣстечками, изъ которыхъ многія нѣкогда въ древности были извѣстными укрѣпленными городами, отмѣченными въ исторіи удѣльныхъ западнорусскихъ княжествъ, татарскихъ наѣздовъ и польскаго владычества. Таковы — Туровъ, Скрыгаловъ, Давыдъ-Городокъ и Петриковъ; обо всѣхъ этихъ мѣстечкахъ, какъ увидимъ ниже, упоминается въ древнихъ лѣтописяхъ, какъ о старинныхъ селищахъ нынѣшняго западнорусскаго края. Оттого-то все пространство мозырскаго округа усѣяно многочисленными курганами, могильными насыпями — памятниками древней осѣдлости въ этомъ краѣ, свидѣтелями разныхъ политическихъ столкновеній и военныхъ побоищъ; каждый изъ этихъ кургановъ имѣетъ свою легенду, свою лѣтопись, повѣсть, сохранившіяся въ устахъ народа, придавшаго, впослѣдствіи, нѣкоторымъ изъ нихъ колоритъ фантастическій, сказочный. Къ каждой могильной насыпи пріурочено то или другое характеристическое племенное названіе, усвоенное потомъ небольшими выселками, раскинутыми по сосѣд-

ству съ этими знаменательными мѣстностями: отсюда характеристическія названія деревень: Староселье, Зарѣчье, Гайдамаки, Семикостище, Городятичино, Бояровка, Князевье, Рубель, Городокъ, Хавтурки, Заболотье, Погостовище и проч., названія, очевидно, имѣвшія свое родовое значеніе. Это подтверждается тѣми несчетными въ этихъ мѣстахъ пѣснями, въ которыхъ воспѣвается то или другое событіе, тотъ или другой герой, оставившіе слѣды свои въ названныхъ нами селищахъ. Не безъ причины же поетъ народъ о неприступныхъ замкахъ, зачарованныхъ князьяхъ и полоненныхъ княжнахъ-невольницахъ, заключенныхъ въ тюремныхъ башняхъ, стоны и вопли которыхъ слышатся суевѣрной простотѣ до сихъ поръ въ чащѣ вѣковыхъ лѣсовъ, межъ курганныхъ валовъ: были же когда нибудь и эти замки, и эти башни, и князья, вѣдавшіеся съ чародѣями-колдунами, и несчастныя княжны, захваченныя силою удальцевъ — гайдамакъ въ теремахъ безпечныхъ мелкихъ князей;—раздавались же, во времена своеволія и безначалія неустроенной племенной жизни нашихъ предковъ, вопли похищенныхъ красавицъ, погибшихъ въ стѣнахъ заточенія.... Не безъ смысла же твердитъ народъ о герояхъ богатыряхъ и ихъ наѣздничествѣ, о бойцахъ, сражавшихся съ двѣнадцатиголовыми огненными змѣями; о кладахъ, страшилищахъ, вѣдьмахъ и каменныхъ истуканахъ, извѣстныхъ подъ именемъ бѣлыхъ бабъ; о чарахъ и привораживаньяхъ знахарей, умѣющихъ скрывать отъ непосвященныхъ въ таинства природы свои познанія, основанныя на изученіи свойствъ травъ, цвѣтовъ и древесныхъ кореньевъ, и придавать имъ что-то сверхъестественное и чудесное.

Чары и привораживанья знахарей, по преимуществу, составляютъ главный элементъ народныхъ преданій мозырскаго и вообще всего западнорусскаго края: особенно неискоренимы вѣрованія въ знахарей - *вовкалакъ* (*). Повѣрье о вовкалакахъ очень древне и чуть ли не современно существованію Геродота, который, въ своихъ этнографическихъ сказаніяхъ о древней Скиѳіи, ясно упоминаетъ объ оборотняхъ Невровъ (¹), нынѣшнихъ жителей волынскаго

(*) *Вовкалака* значитъ оборотень, т. е. человѣкъ, превращенный въ волка насильно или по своему желанію, самъ собою.

(¹) По картамъ Сценера (Notitia German. antiquae) и Стредовскаго (Hist.

и мозырскаго полѣсья (²); описывая мѣстность, нравы, обычаи и религію языческихъ предковъ нынѣшней мозырщины, Геродотъ весьма опредѣлительно говоритъ на счетъ ихъ оборотней: «у этихъ людей, замѣчаетъ онъ, издавна существуетъ вѣрованіе, что они, силою волшебства, могутъ, въ извѣстное время года, на нѣсколько дней превращаться въ волковъ и потомъ опять возвращаться въ прежнее человѣческое состояніе (³)». Мы не основываемъ на этомъ сказаніи несомнѣннаго заключенія о дѣйствительности существованія повѣрья мозырскаго края въ такую отдаленную эпоху почти неисторическую, но не можемъ не утверждать, что современныя преданія Мозырянъ (⁴) о вовкалакахъ слишкомъ обильны и разнообразны. Нѣтъ окрестности, нѣтъ деревни, даже нѣтъ семейства, гдѣ бы не знали какого нибудь самаго забавнаго разсказа, самаго фантастическаго повѣрья о вовкалакахъ. Самые старики, въ свободные святочные вечера, твердятъ объ этихъ то̀ страшныхъ, то жалкихъ оборотняхъ, а досужія молодицы и дѣвицы, вовремя праздничныхъ посидѣлокъ, воспѣваютъ продѣлки знахарей, обращающихъ людей въ волковъ, и мучительное состояніе обращенныхъ. Такъ переходитъ вѣрованіе о вовкалакахъ изъ рода въ родъ. Повѣрье это до того преувеличено, что нерѣдко обыкновенныхъ волковъ принимаютъ за самыхъ оборотней. Случается, что, во время зимнихъ морозовъ, проголодавшіеся въ лѣсу волки нападаютъ на людей; тотчасъ по всей деревнѣ прогремитъ слухъ, что вовкалака напалъ на такого-то Петра или Андрея; бѣда, если, на случай, Петра или Андрея считаютъ знаха-

---

Sacr. Moravid) геродотовыхъ Невровъ нужно принимать за отрасль ятвяжскаго племени, изъ котораго выродились нынѣшніе Мозыряне, Пинчане и Туровляне.—(²) Нарушевичъ утверждаетъ, что геродотовы Невры, у которыхъ существовали преданія о вовкалакахъ, занимали мѣстности нынѣшнихъ могилевской и минской губерній между рѣками Днѣпромъ и Припятью (Naruszew. Hist. Nar. Pol. t. I. ks. I. p. 14). — (³) Ἔτεος ἑκάστου ἅπαξ τῶν Νευρῶν ἕκαστος λύκος γίνεται ἡμέρας ὀλίγας καὶ αὖτις ὀπίσω ἐς ταὐτὰ κατίσταται (Herodot. t. II, lib. IV, c. 105, edit. Parisii Schweighaeuseri).—(⁴) Вѣрованія въ существованіе вовкалакъ общи почти всѣмъ славянскимъ племенамъ. Такъ у Поляковъ есть wilkołek, wilkołak; у Чеховъ—wlkodlak; у Сербовъ—влъколек, врколак и влъколвjek; у Кроатовъ и Боснійцевъ—vukodlak; у Далматовъ vacudluk, у Рагузцевъ vukolak, у Трансильванцевъ—vacodlac; даже у нѣмецкихъ Славянъ есть тотъ же оборотень подъ названіемъ: wärwolf.

рями, догадливыя бабы дополняютъ слухъ, что вовкалака хотѣлъ отмстить знахарю за то, что тотъ обратилъ его въ волка.

Вовкалаки-знахари, какъ и вообще знахари, по народному вѣрованію, находятся въ связи съ нечистымъ духомъ, которому они продаютъ свою душу и за то получаютъ власть превращать людей въ волковъ и опять возвращать ихъ въ человѣческое состояніе. Такое вѣрованіе, очевидно, есть смѣсь языческаго элемента съ новымъ и ведетъ свое начало частію отъ антропоморфизма нечистой силы, а больше отъ хранившагося въ славянскихъ народахъ того преданія, что нѣкогда у ихъ предковъ были служители языческихъ капищъ, которые, изучивъ кой-какія таинства природы, и, чтобъ поддержать въ невѣжественномъ народѣ вѣру въ свою силу и сверхъестественное, вышечеловѣческое могущество, пугали ихъ разными мнимыми чарами, заклинаніями и навожденіями. Нынѣшніе знахари западнорусскіе не иное что, какъ тѣже знатоки нѣкоторыхъ таинъ природы, изучившіе ядовитыя или цѣлительныя свойства растеній и камней, случайно напавшіе на силу магнита или электричества, и злоупотребляющіе своими познаніями подъ вліяніемъ испорченныхъ нравовъ. Какъ на капищеслужителей своихъ славянскіе язычники смотрѣли будто на божества, и, не понимая ихъ шарлатанства, благоговѣли передъ велемудрыми ихъ изреченіями, такъ нынѣшній западнорусскій или частнѣе мозырскій народъ, по своей темнотѣ, считая вовкалакъ-знахарей чѣмъ-то выше себя, хотя эти знахари такіе же темные, какъ и прочее простонародье— только похитрѣе и плутоватѣе его,—вѣритъ во все то, что они скажутъ и, хотя десятая доля изъ ихъ розсказней сбывается, а прочее оказывается обманомъ, но боится ихъ и отдаетъ имъ почетъ на всякомъ шагу, опасаясь оскорбить и прогнѣвить ихъ могущество. Капищеслужители никому изъ простаго народа не открывали своихъ таинъ и плутней и, при смерти, передавали ихъ тому, кто готовился на ихъ поприще; такъ точно и западнорусскіе знахари ни за какія блага неоткроютъ своего знахарства постороннему, а, умирая, передаютъ его дѣтямъ или тому, кто рѣшился запродать свою душу нечистой силѣ. По понятію языческо-славянскому, капищеслужители были дѣтьми или избранниками боговъ; по мнѣнію западнорусскаго народа, знахари-вовкалаки—люди не простые, а какъ будто составляютъ особую касту высшихъ существъ, которыя

имѣютъ связь съ нечистыми духами. Въ составъ этой касты входятъ дудари (играющіе на дудѣ, пѣсельники, сказочники), мельники и пастухи. Особенно тертый народъ—дудари. Рыская по всему краю, дударь много слышитъ, многое и самъ придумаетъ; умѣетъ ловко разсказать о видѣнномъ, подчасъ надуетъ кого нибудь удачною плутнею, особенно когда *публика* его бываетъ подхмѣлена; нерѣдко кстати чѣмъ нибудь подслужится какой-нибудь старой бабѣ (вѣрно и въ простомъ народѣ женская протекція имѣетъ значеніе) и—пошла молва: «дударь не нашего двора братъ, подружился съ домовикомъ (тоже, что домовой)». Мельники—народъ отчужденный, нелюдимы, съ какою-то таинственною, мрачною физіономіею; мельникъ постоянно сидитъ въ своей мельницѣ; для бо́льшаго барыша мелетъ ночью, а пьяному парню представится, что въ мельницѣ самъ сатана заправляетъ жерновами; случится въ деревнѣ пожаръ—все сгоритъ, а мельница уцѣлѣетъ,—какая нибудь шатающаяся на всѣ стороны баба сочинитъ сказку о томъ, что видѣла, какъ, во время пожара, чорные во́роны сидѣли на кровлѣ, а лягушки на стѣнахъ мельницы и защищали ее отъ огня, тогда какъ мельникъ преспокойно стоялъ-себѣ въ дверяхъ и покуривалъ трубку. И—заговорили по всей деревнѣ, что мельникъ—не простой человѣкъ, знается съ *водовикомъ* (водяной духъ).—Пастухи—народъ смышленый,—проводятъ все лѣто въ лѣсахъ и болотахъ; отъ-нечего дѣлать, собираютъ травы, сушатъ цвѣты и разныя корни; потомъ этими же травами, корнями случайно вылечатъ у сосѣда корову, у сосѣдки—овцу; побольше наблюдаютъ за чьею-нибудь коровою, хотя та и сама, по животному инстинкту, срываетъ питательныя травы, отчего даетъ больше молока; мало того, иногда плутоватый пастухъ нападетъ на змѣю-мѣдянку (безъ жала), принесетъ ее въ деревню, напугаетъ дѣтей,—тѣ разскажутъ своимъ матерямъ; матери, не видавъ змѣи, выдаютъ сосѣдямъ за несомнѣнное, что такой-то пастухъ не боится ядовитыхъ змѣй: бываетъ и такъ, что пастухъ дастъ какой-нибудь травяной настойки довѣрчивой влюбленной дѣвушкѣ, потомъ сведетъ ее, втихомолку, съ избраннымъ дружкомъ; та разскажетъ своимъ подругамъ, что ей помогъ пастухъ… и—вотъ прокричали: «нашъ пастухъ знахарь!» Такъ *творятся* всевѣдущіе знахари. И многіе изъ нихъ, увлеченные довѣріемъ народа, мало по малу и сами начинаютъ вѣрить въ свое всевѣдѣніе

и чародѣйство; нѣкоторые изъ нихъ до того доходятъ, что рѣшаются промышлять своимъ знахарствомъ и, скопивъ состояніе, живутъ себѣ припѣваючи, хотя, какъ говорится въ народѣ, такое состояніе непрочно: «не сегодня, такъ завтра *огнемъ пойдетъ оно*».

По народному вѣрованію, вовкалаки-знахари, превратившись въ волковъ, усвоютъ себѣ всѣ звѣрскія свойства, становятся такими же хищными и кровожадными, какъ и настоящіе волки, даже хищнѣе ихъ, потому что не только нападаютъ на животныхъ и душатъ ихъ, подобно обыкновеннымъ волкамъ, но и на людей, особенно на дѣтей и высасываютъ кровь изъ нихъ живьемъ. Хищность вовкалакъ-знахарей во всякое время ненасытима, потому что они превращаются въ волковъ для того, чтобъ отмстить кому нибудь изъ людей за нанесенное имъ оскорбленіе; но эта же хищность, говорятъ, съ большимъ ожесточеніемъ проявляется два раза въ годъ—предъ *колядами* (на канунѣ святокъ) и *на купалу* (въ Ивановъ день). Въ эти сроки вовкалаки-знахари не даютъ проходу женщинамъ и дѣтямъ: тогда они такъ ловко превращаются въ волковъ, что по наружности никакъ нельзя различить ихъ отъ настоящихъ волковъ; въ это время, будто, у нихъ вся поверхность тѣла совершенно покрывается волчьею шерстью, тогда какъ въ другую пору года, особенно въ началѣ осени, когда падаютъ листья *съ осины*,—на спинѣ, головѣ и ногахъ замѣтны бываютъ иногда слѣды человѣческаго тѣла (или одежды и обуви), даже на лапахъ остаются пальцы. Въ эти двѣ поры года, твердитъ народъ, вовкалаки-знахари получаютъ какую-то особенную, необыкновенную силу чаръ и ворожбы и могутъ превращаться не только въ волковъ, но и въ разныхъ другихъ животныхъ и птицъ: козловъ, собакъ, кошекъ, лягушекъ, сорокъ, воронъ, вороновъ, совъ и пѣтуховъ; отсюда народное обыкновеніе—наряжаться предъ святками разными животными и расхаживать въ такомъ видѣ съ пѣснями по деревнѣ.— Чтоже касается до превращенія другихъ людей въ волковъ и потомъ опять изъ волковъ въ людей, то знахари-вовкалаки могутъ превращать (оборачивать) ихъ во всякое время и на сколько угодно лѣтъ.

Таковы суевѣрныя понятія мозырскаго народа: я представилъ здѣсь образчикъ этихъ странныхъ вѣрованій, которыми пропитаны умы простолюдиновъ и даже другихъ сословій,—для того, чтобы показать, на какой степени умственнаго неразвитія и темноты на-

ходится мозырское простонародье. Чтобъ еще болѣе убѣдиться въ отупѣніи мозырскаго народа, слѣдуетъ заглянуть въ его бѣдныя хаты, большею частью курныя, построенныя безъ всякихъ удобствъ и необходимыхъ хозяйственныхъ принадлежностей: мозырскій поселянинъ тѣснится съ своею семьею, съ больными дѣтьми, въ одной комнатѣ, освѣщенной лучиной чуть ли не цѣлый день, потому что нерѣдко въ избѣ имѣется одно только маленькое окно. Не удивительно, если ему душно въ такой комнатѣ и онъ бѣжитъ изъ нее или въ корчму (питейный домъ) или въ лѣсъ. Встрѣтивъ въ лѣсу, вы можете принять его за дикообраза: въ огромной мохнатой шапкѣ, изъ подъ которой торчатъ длинные, сбитые комки волосъ, въ бурой свиткѣ (верхняя одежда) и лѣтомъ и зимой на бараньемъ мѣху, изорванномъ и потертомъ до того, что трудно узнать—мѣхъ ли это или простая невыдѣланная шкура; на ногахъ—огромные, тяжелые лапти, связывающія его поступь. Женщины тоже ходятъ въ лыковыхъ лаптяхъ, въ такихъ же свиткахъ съ какими-то высокими повязками на головахъ изъ длинныхъ, узкихъ полотнищъ, извѣстныхъ подъ именемъ намитокъ.

Нельзя не пожалѣть, что этотъ добрый, честный, религіозный народъ, привязанный къ родинѣ, живущій въ плодородномъ краю, щедро надѣленномъ отъ природы роскошною почвою, благотворнымъ климатомъ, великолѣпными пастбищами и вѣковыми лѣсами, оставленъ на произволъ судьбы и не находитъ симпатіи въ своихъ владѣльцахъ. Владѣльцы большею частью не входятъ въ его положеніе, незнакомы съ нуждами своихъ поселянъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже никогда не видали своихъ владѣній; проживая въ столицахъ, гдѣ нибудь за границей, и умѣя только собирать съ нихъ оброки, они предоставляютъ судьбу своихъ крестьянъ управляющимъ, арендаторамъ и евреямъ, главнымъ виновникамъ окончательнаго умственнаго разслабленія и раззоренія поселянъ. Крестьянамъ некогда подумать о себѣ, потому-что они живутъ для владѣльцевъ или правильнѣе для ненасытимыхъ арендаторовъ и корчемныхъ евреевъ. Не имѣя своей собственности, которая бы могла утѣшать ихъ въ будущемъ обезпеченіи семьи, для которой бы они охотно и сознательно трудились, поселяне не умѣютъ уважать и чужой собственности. Поля, лѣса, многорыбныя озера и рѣки подвергаются страшнымъ опустошеніямъ или остаются безъ всякаго воздѣлыванія

Тяжело становится при видѣ многочисленныхъ зарослей и кустарниковъ на тѣхъ поляхъ, которыя, при своемъ черноземномъ грунтѣ, давали прежде большіе сборы всякаго хлѣба. Поля эти такъ плодоносны, что на нихъ можетъ родиться самая зернистая пшеница: на многихъ грунтахъ, безъ всякой мозольной обработки, привольно выростаетъ греча и особенно просо, которое славится во всей минской губерніи: просо составляетъ значительный промыселъ мозырскаго края. На мозырскихъ грунтахъ родятся даже арбузы и дыни, которыя, безъ особеннаго ухода, созрѣваютъ въ началѣ августа и во многихъ мѣстахъ составляютъ самое недорогое лакомство.

Что касается лѣсовъ мозырскихъ, то они представляютъ большую поживу для опустошителей: здѣсь вы найдете такія огромныя, вѣковыя деревья, которыя поразятъ васъ своею толщиною и величественнымъ видомъ разросшихся вѣтвей. Большую часть лѣсовъ составляютъ столѣтніе дубы, сосны, пихта, кленъ; есть рощи березовыя, липовыя, грабовыя, орѣховыя; есть даже въ лѣсахъ грушевыя, яблонныя, вишневыя и сливочныя деревья, дающія изобильные плоды, которыми пользуется всякій прохожій, нерѣдко въ ущербъ владѣльцу, не знающему, что дѣлается въ его лѣсахъ. Ущербъ на всякомъ шагу: тамъ безъ толку срубленное дерево валяется; тутъ гигантскій дубъ весь испорченъ отъ раскладываемаго у его пня огня: почти вся внутренность дуба выгорѣла, дерево чуть держится и, при малѣйшей бурѣ, само гибнетъ и другія сосѣднія деревья губитъ, ломая въ щепы все, что ни попадетъ подъ его тяжесть во время паденія. Здѣсь просѣка, сдѣланная пастухомъ для прогона скота, потому-что иначе невозможно пробраться въ чащи мозырскихъ лѣсовъ; въ нихъ могутъ разгуливать только дикіе звѣри, которыми богатъ этотъ край; дикіе кабаны, медвѣди, волки, рыси, куницы, выдры, серны, выхухоли, барсуки, лисицы—въ большомъ количествѣ плодятся въ мозырскихъ пущахъ; но ихъ часто тревожатъ опустошители лѣсовъ. Опустошителями этими бываютъ сами же поселяне, подстрекаемые мелкими торгашами еврейскими, которые скупаютъ лѣса для срубки отъ помѣщиковъ чрезъ посредничество управляющихъ или арендаторовъ и не щадятъ ихъ для своихъ барышей. Бѣдная та пуща, гдѣ евреи рубятъ лѣсъ: не оставятъ ни одного живаго пня, изъ густаго лѣса сдѣлаютъ насѣку или от-

крытое поле. Самымъ лучшимъ торговымъ лѣсомъ евреи считаютъ сосновый, изъ котораго дѣлаютъ брусья, такъ называемые голландскіе и англійскіе; изъ дубоваго дерева приготовляютъ клепки, изъ липоваго—лубья, изъ еловаго гонятъ смолу, изъ березоваго деготь. Дубовая и ольховая кора употребляется на выдѣлку кожъ.—Не мало также страдаютъ лѣса отъ пчеловодства, которымъ любятъ заниматься мозырскіе поселяне для себя и для продажи. Уходъ за пчелами совершается безъ всякихъ осторожностей, безъ всякой заботливости о помѣщичьихъ лѣсахъ; нерѣдко для того, чтобъ поставить улей на какомъ нибудь огромномъ деревѣ и обезпечить его отъ медолюбиваго медвѣдя, приносятъ въ жертву нѣсколько сосѣднихъ дубовъ и кленовъ, по которымъ непрошенный гость можетъ пробраться къ пчеламъ; не говорю уже о томъ, что избранное для помѣщенія улья дерево страшно изрубливаютъ насѣками и обнажаютъ его отъ вѣтвей снизу до верха—это тоже предохраненіе ульевъ отъ любопытства медвѣдей. А что сказать о сдиркѣ лубьевъ съ липъ, о накалываніи лучины и пусканіи сока изъ молодыхъ березъ? Отъ всего этого безпрестанно ежедневно гибнутъ цѣлые десятки самыхъ лучшихъ, сочныхъ деревьевъ.

Не менѣе того въ большомъ пренебреженіи остаются озера и рѣки, которыми изрѣзанъ весь мозырскій край, образующія изъ себя обширный бассейнъ водъ, разливающихся весною и осенью въ видѣ безбрежнаго моря, по которому возможно сообщеніе только посредствомъ особоустроенныхъ небольшихъ оснащенныхъ судeнъ. Между этими суднами болѣе употребительна такъ называемая *шугалея*: она дѣлается изъ разпареннаго дуба, снаружи обшивается сосновыми досчатками, внутри обкладывается такими же скобками и обливается смолою. На шугалеѣ собственно перевозятъ проѣзжающихъ, для которыхъ (особенно для пановъ-господъ) устроивается близъ корма навѣсъ изъ кожъ или тростника, которымъ такъ богаты мозырскія озера. Впрочемъ есть шугалеи и большія, на которыхъ можетъ помѣститься разныхъ товаровъ отъ ста до трехсотъ пудовъ; самая большая шугалея имѣетъ три аршина въ ширину. Болѣе громоздкое судно—*байдакъ*, нѣчто въ родѣ барки, на которомъ перевозятъ отъ трехъ до десяти тысячъ пудовъ клади: на иномъ байдакѣ бываетъ три и четыре мачты. Какъ байдакъ, такъ и большія шугалеи предназначаются для плаванія по большимъ рѣкамъ и

озерамъ, по которымъ мозырскіе жидки сплавливаютъ въ Кременчугъ зерновой хлѣбъ, дрова, уголь, копченую рыбу, клепки и обручи, а обратно пріѣзжаютъ съ солью. Въ послѣднее время на мозырскихъ водахъ явились небольшіе пароходики, на которые впрочемъ не только простой народъ, но даже и горожане нѣкоторые, натурально невыѣзжавшіе дальше сосѣдняго мѣстечка, смотрятъ пока недовѣрчиво: не всякій изъ нихъ рѣшится еще ѣхать на пароходѣ, не смотря на скорое плаваніе, иной предпочитаетъ тащиться нѣсколько дней съ лѣнивыми роздыхами и привалами на утлой шугалеѣ. Впрочемъ пароходики собственно ходятъ по самой большой рѣкѣ Припяти, которая можетъ быть названа царицею въ водной системѣ мозырщины: съ Припятью сливаются десятки другихъ мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ, соединяемыхъ протоками и озерами. Болѣе замѣтныя рѣки въ мозырскомъ краѣ: Горынь, Лань, Смерть, Волхва, Кривча, Несѣтия, Луговая, Свиновода, Уборть, Молодая, Ствига, Плотница, Малиновка, Славечна, Любна, Случь, Окориза, Бѣлоть и Дубокъ. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ славятся своими цѣлительными водами и извѣстны находимыми въ нихъ красивыми цѣнными камнями, также цвѣтнымъ (разныхъ цвѣтовъ) пескомъ: случается даже, говорятъ, находить въ нихъ жемчужинки. Это даетъ право согласиться съ однимъ стариннымъ западнорусскимъ натуралистомъ Жончинскимъ, который замѣчаетъ, что въ рѣкѣ Горыни прежде ловили жемчугъ въ значительномъ количествѣ и развозили его по Волыни на ярмаркахъ [1]. Въ болѣе уютныхъ рѣчкахъ, закрытыхъ прибрежными чащами тростника, водятся бобры; когда-то въ старину, разсказываютъ, бобровъ было много въ мозырщинѣ, потому что ихъ не трогали и даже берегли; впослѣдствіи стали безпокоить ихъ, охотиться за ними и часть ихъ истреблена, а часть разбѣжалась въ пинское полѣсье. Изъ мозырскихъ озеръ особенно широки и глубоки: Гричино, Бѣлое и *Князь-озеро*, извѣстное также въ народѣ подъ именемъ *Жидъ-озера*. То и другое названіе имѣетъ свое значеніе: называютъ его Жидъ-озеромъ, потому что въ немъ исключительно водится рыба съ чешуей, которую собственно, по талмудическому суевѣрію, употребляютъ въ пищу западнорусскіе евреи: извѣстно,

---

[1] Histor. natural. curios. p. 32; Auct. 14, 15.

что они не ѣдятъ безчешуйной рыбы (угрей, выюновъ). Князь-озеромъ называется въ воспоминаніе о прихотливой затѣѣ одного изъ князей Радзивилловъ, именно Карла, оригинала своего времени, прослывшаго подъ именемъ Пане-Коханку: этому князю, незнавшему препятствій и сопротивленій въ самыхъ причудливыхъ предпріятіяхъ, пришла фантазія построить каменный за̀мокъ посреди мозырскаго озера; напрасно объясняли князю, что это невозможно, потому что озеро бездонно и притомъ наполнено водоворотами,—Пане-Коханку слушать не хотѣлъ возраженій, выбралъ болѣе мелкое мѣсто на озерѣ и велѣлъ приступить къ работамъ; какъ будто затѣя его и удавалась, за̀мокъ уже былъ вполовину отстроенъ на сваяхъ, но однажды ночью, во время прилива, порывистыя воды снесли всѣ постройки; остались только сваи, которыя до сихъ поръ сохранились на образовавшемся впослѣдствіи островкѣ; теперь на Князь-озерѣ есть нѣсколько такихъ островковъ съ прекрасными пастбищами для скота, нисколько не уступающими прочимъ роскошнымъ лугамъ мозырскимъ; на эти островки мозыряне сгоняютъ свиней, которыя пасутся тамъ цѣлое лѣто спокойно и невредимо со стороны хищныхъ звѣрей.

Всѣ названныя здѣсь мозырскія озера и рѣки необыкновенно богаты рыбою и, при аккуратномъ правильномъ рыболовствѣ, къ которому расположенъ всякій мозырянинъ, какъ приречный житель, могли бы доставить владѣтелямъ большія выгоды: въ рѣкахъ между обыкновенными рыбами встрѣчаются угри, форели и даже нѣчто въ родѣ стерляди; въ озерахъ множество огромныхъ рыбъ—бѣлугъ, осетровъ, сомовъ. Но въ томъ-то и дѣло, что владѣльцы не хотятъ сами заниматься рыболовствомъ, а предоставляютъ рѣки и озера на произволъ любаго афериста: лови, кто хочешь и не требуютъ отчета, для кого и зачѣмъ. Ловятъ, конечно, больше поселяне, или присосѣдившіеся городскіе мѣщане, но часть всего того, что наловятъ они,—непремѣнно идетъ въ хату жида, которая какъ тутъ торчитъ гдѣ нибудь надъ озеромъ или при рѣкѣ въ глухой заросли, по которой трудно пробраться самой легковой одноконной телѣгѣ. Евреи не безъ умысла селится въ такихъ темныхъ, глухихъ мѣстахъ: въ мутной водѣ легче ловить рыбу. Но за то неизбѣжно попадаетъ въ эту болотную жидовскую трущобу всякій мужикъ: онъ ужъ такъ и привыкаетъ къ жиду, безъ него шагу не дѣлаетъ. Какъ и быть иначе?

Мужикъ очень хорошо видитъ, что жидъ сосетъ изъ него послѣдній грошъ, да онъ обращается съ нимъ за панибрата, не смотритъ на него свысока по-пански; онъ съ нимъ и поговоритъ и побранится и подерется даже. А паны что̀ такое для мужика? Какая то неприступная китайская стѣна, до которой никогда не добраться мужику при крѣпостныхъ отношеніяхъ. Отчужденные такою недосягаемою стѣною отъ помѣщиковъ и тѣмъ болѣе отъ фанаберныхъ арендаторовъ (поссессоровъ), этихъ полубаръ-полумѣщанъ, умѣющихъ только забирать у арендуемаго крестьянина послѣднюю копну сѣна, оттолкнутые невниманіемъ и холодностью ихъ, поселяне, очень натурально, недружелюбно смотрятъ на своихъ пановъ-владѣльцевъ, скрытны предъ ними и предпочитаютъ жида, который умѣетъ ловко вкрасться въ душу мужика и, при случаѣ, пощекотать его самолюбіе, хотя мужицкое, но все же человѣческое. И мужикъ неразлученъ съ жидомъ: всѣ досуги и праздные часы проводитъ въ корчмѣ: тутъ онъ и горюетъ и плачетъ, тутъ радуется заработанной у жида копѣйкѣ, тутъ, къ несчастью, онъ пьетъ и напивается, уже ничуть непредостерегаемый хозяиномъ и тѣмъ болѣе еще располагаемый имъ къ пьянству. Въ этомъ отношеніи жидъ— открытый врагъ мужика, и нельзя нежалѣть даже по человѣчески, если въ свою очередь облагаютъ его частыми поборами разныя земскія и сельскія власти. Только вѣдь еврей умѣетъ выместить все это на мужикѣ: для этого и существуютъ корчемныя сборища, на которыхъ мужикъ пропиваетъ и деньги и одежду. Счастливъ проѣзжій, если онъ попадетъ въ корчму въ то время, когда въ ней не бываетъ шумной потѣхи. Но горе вамъ, если вы очутитесь тамъ въ минуты деревенскаго разгула: на первомъ шагу васъ оглушатъ неистовые крики бранящихся между собою бабъ и дерущихся съ жидами мужиковъ; не входите лучше въ корчму,—тамъ все пьяно и безчинно, оретъ и горланитъ на всю деревню... И некому остановить безчинствующихъ-пьяныхъ, некому вразумить отупѣвшихъ мужиковъ: панамъ не до того, имъ ли *марать* руки и портить свою кровь для холопа; а корчмарь снисходительно смотритъ на подобныя сцены, потому что всѣ эти подгулявшіе ему же пользу приносятъ; кто съ пьяна за полцѣны продастъ ему теленка, кто корову, кто бочку овса, четверикъ пшеницы, кусокъ полотна... И пьетъ народъ, пьетъ горькую чашу, не думая о послѣдствіяхъ этого отра-

тительнаго напоя. А последствія ужасны!... Вотъ онъ—кажется и работящій мужикъ—а пьетъ до безобразія: сначала пьетъ для того, чтобъ согрѣться; потомъ согрѣвшая его теплота постепенно превращается въ огонь, который распаляетъ его голову и мутитъ мысли; онъ забываетъ о самомъ себѣ, о своихъ занятіяхъ, работѣ, о домашней семьѣ, словомъ обо всемъ.. Помнитъ лишь какъ бы подливать въ неполную чарку; впрочемъ жидъ самъ напомнитъ. Несчастный мужикъ свирѣпѣетъ, уста его произносятъ сквернословія, перѣдко богохульство и кощунство. Опять некому вразумить его: жиду непонятна преступность такихъ рѣчей. Опьянѣвшій мужикъ не смѣетъ глазъ показать домой, проводитъ время въ корчмѣ цѣлые дни; хозяйскія дѣла его запутаны, работать не хочется... Пить и пить, кричитъ одурѣвшій семьянинъ. Последнее очень понятно жиду и онъ поддерживаетъ въ немъ развивающуюся страсть къ пьянству.

Правительство благодѣтельно поступило, велѣвъ изгнать евреевъ изъ корчемъ и запретить имъ заниматься раздробительною продажею горячихъ напитковъ въ корчмахъ и въ шинкахъ, но, къ несчастію, это повелѣніе не въ точности соблюдается до послѣдняго времени. Жидъ действительно какъ будто не существуетъ теперь въ корчмѣ, за прилавкомъ сидитъ христіанинъ, но тамъ подальше, на заднемъ дворѣ—водка и закуски идутъ чрезъ его руки... Оттуда онъ секретно заправляетъ всѣми хозяйственными дѣлами крестьянъ, а гдѣ можно дѣйствуетъ и открыто. Онъ даже безнаказанно, какъ корчемникъ, проживаетъ и въ казенныхъ, государственныхъ имѣніяхъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ земледѣльца или содержателя какой либо незначительной оброчной статьи вблизи сельскаго управленія, при содѣйствіи горячихъ напитковъ, еврей дѣлается антрепренеромъ на всѣхъ мірскихъ сходкахъ и полнымъ распорядителемъ достоянія поселянъ.

Пока у евреевъ окончательно не отнимутъ всѣ средства своевольнаго корчемствованія и вмѣшательства въ домашнія дѣла крестьянъ, до тѣхъ поръ не прекратятся страшныя возмутительныя сцены сельскаго пьянства и раззоренія. Но для этого должна образоваться самая тѣсная, интимно-человѣческая связь между помѣщикомъ или поссессоромъ и крестьяниномъ: неужели жъ она не окрѣпнетъ послѣ признанія свободныхъ правъ нашихъ поселянъ, судьба которыхъ должна улуч-

шиться при надѣленіи ихъ законною вѣчною собственностью и даровании имъ простора въ жизни ихъ? Все зависитъ отъ хода и простора въ жизни нашего простолюдина: пока не сдѣлаютъ его свободнымъ гражданиномъ, пока не дадутъ ему собственности, и не сблизятъ его съ собою владѣльцы, до тѣхъ поръ онъ будетъ въ постоянномъ загонѣ у евреевъ и умственномъ застоѣ. Къ счастію, воля Монарха мало по малу осуществляется на дѣлѣ и примѣръ Комитетовъ, кончившихъ свои засѣданія, заставитъ дѣйствовать рѣшительнѣе прочія губерніи. Западнорусскій край тоже начинаетъ испытывать благодѣтельныя распоряженія на счетъ преобразованія системы арендованія фермъ въ казенныхъ имѣніяхъ, которыми такъ обильны западныя губерніи, въ томъ числѣ и Мозырщина. Устройство арендъ западнорусскихъ казенныхъ имѣній въ новомъ видѣ возложено было правительствомъ на опытнаго министерскаго чиновника, г. Кейстута-Гедимина, практически знакомаго съ нуждами и недостатками западнорусскаго края. Въ нынѣшнемъ году (*) проектъ г. Гедимина о преобразованіи арендъ въ западныхъ губерніяхъ утвержденъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и обнародованъ уже печатно. По правиламъ этого основательнаго проекта, устраняются всѣ злоупотребленія при арендованіи казенныхъ земель, происходившія отъ участія въ нихъ корчемныхъ евреевъ, отъ личнаго знакомства и стачекъ ихъ, какъ агентовъ и факторовъ арендаторскихъ, съ мѣстными властями; по новому положенію торги на фермы будутъ производиться закрытые, по объявленіямъ арендаторовъ, удостоенныхъ быть кандидатами, въ запечатанныхъ конвертахъ, которые будутъ вскрываться съ открытіемъ торговъ въ общемъ присутствіи. Опытъ убѣдилъ, что обыкновенные открытые торги ведутъ почти всегда за собою одну изъ вредныхъ крайностей, а именно—или разнаго рода стачки между контрагентами или же непомѣрное возвышеніе ими платежей съ аукціона. Въ первомъ случаѣ, кромѣ явнаго ущерба для казны, обогащается аферистъ коштомъ труда прямыхъ производителей предпріятія; въ другомъ казну ожидаютъ невыгодныя послѣдствія банкротства контрагентовъ, сопровождаемыя обыкновенно безчисленными, подъ разными предлогами, притязаніями ихъ къ казнѣ и неизбѣжно порождающія

(*) Въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, 1859 г.

въ нихъ же усиліе спасти пока теряемый грошъ такими оборотами въ хозяйствѣ, которые истощаютъ производительность земли и разстраиваютъ хозяйственное обзаведеніе на ней. На взятіе въ аренду казенныхъ фермъ будутъ имѣть право помѣщики, личные и потомственные дворяне, чиновники, купцы первыхъ двухъ гильдій и прочіе обыватели русскіе, имѣющіе, по законамъ право на вступленіе съ казною въ подряды, исключая мелкихъ торговцевъ и особенно евреевъ: постановлено даже, за допущеніе евреевъ въ содержатели запасныхъ участковъ по деревнямъ или какой оброчной статьи, устранять фермера-арендатора отъ содержанія фермы. Для нѣкоторыхъ изъ такихъ лицъ, апробованныхъ правительствомъ или мѣстнымъ начальствомъ, будутъ допускаемы и торги открытые. Желательно было бы впрочемъ, чтобъ и подобныя исключенія открытыхъ торговъ не существовали. Безъ сомнѣнія, опытъ укажетъ со временемъ преимущество однихъ лишь торговъ закрытыхъ. Гораздо правильнѣе, въ видѣ исключенія, безъ торговъ отдавать въ содержаніе арендныя фермы за исчисленный доходъ, или съ набавкою только десяти процентовъ—техническимъ лицамъ, т. е. кончившимъ курсъ въ земледѣльческомъ институтѣ или университетѣ и имѣющимъ удостовѣреніе отъ предводителей дворянства, что они съ успѣхомъ занимались практическимъ сельскимъ хозяйствомъ. Отдача фермъ съ торговъ будетъ совершаться на двадцати четырехлѣтній срокъ съ предоставленіемъ только благонадежному арендатору права продолжать аренду по истеченіи этого срока на другое двадцатичетырехлѣтіе; меньшіе сроки допускаются съ Высочайшаго разрѣшенія по ходатайству Министерства. Очень важно въ проектѣ г. Гедимина то, что срокомъ сдачи и пріема фермы содержателемъ назначенъ не гражданскій годъ съ января мѣсяца, а мѣстный экономическій (*), что совершенно справедливо. Годъ гражданскій неудобенъ въ хозяйственномъ отношеніи по слѣдующимъ причинамъ: въ зимнее время невозможенъ перегонъ скота—пропадаетъ навозъ за полгода, пока новый содержатель пріобрѣтетъ скотъ; разсчеты зерноваго хлѣба запутываются и вымолотъ

(*) Экономическимъ годомъ разумѣется обычный въ каждой губерніи день (23 апрѣля) отдачи имѣній въ аренду.

хлѣба затрудняется. Срокъ этотъ въ состояніи былъ опредѣлить лишь тотъ, кто никогда не былъ хозяиномъ, а разсуждаетъ о состояніи сельскаго земледѣлія, какъ бюрократъ. Мѣстное начальство Государственныхъ Имуществъ, какъ сказано въ обнародованномъ (¹) проектѣ г. Гедимина, не вправѣ стѣснять, безъ достаточнаго основанія, свободы хозяйственныхъ распоряженій арендатора; но за-то и арендаторъ обязывается содержать какъ сданныя ему съ фермою, такъ и имъ самимъ выстроенныя жилыя и хозяйственныя строенія въ исправности и охранять казенную инвентарную движимость отъ растраты; долженъ застраховать, въ половину оцѣночной стоимости, всѣ жилыя и хозяйственныя строенія не позже назначеннаго срока; если же арендаторъ не желаетъ застраховать строеній, то онъ обязанъ, сверхъ залога, равнаго годовой арендной суммѣ, представить еще залогъ, равный половинѣ оцѣночной стоимости строеній. Наконецъ арендаторъ обязанъ, во все время содержанія фермерныхъ угодій, управлять хозяйствомъ по существующимъ общимъ узаконеніямъ, въ точности соблюдая ихъ и отнюдь не предпринимая ничего противнаго тому, а также не истощать арендуемыхъ имъ земель неправильнымъ порядкомъ сѣвооборотовъ или воздѣлываніемъ безъ надлежащаго удобренія, для котораго полагается содержать потребное число скота. По окончаніи арендного срока, фермерныя поля должны быть сданы въ казну обсѣмененными.

Чтобъ окончательно отвлечь западнорусскаго поселянина отъ сообщничества съ евреями въ праздничные дни, весьма полезно было бы ввести воскресныя популярныя чтенія, примѣнимыя къ обстоятельствамъ жизни деревенскаго хозяина: только чтенія эти не должны быть рутинныя, книжныя, а разсказныя; бесѣда наставника или священника должна быть живымъ словомъ, доступною рѣчью; не ораторствовать долженъ онъ ради краснорѣчія, а дружески, братски дѣлиться съ поселянами своими свѣдѣніями и познаніями. Освѣженный плодотворною, теплою бесѣдою своего отца-пастыря, направленный къ чистымъ, благороднымъ помышленіямъ и думамъ живительною рѣчью, поселянинъ пойдетъ въ церковь съ расположеніемъ

(¹) Проектъ г. Гедимина обнародованъ печатно подъ названіемъ: *Правила объ отдачѣ казенныхъ фермерныхъ угодій и оброчныхъ статей въ арендное содержаніе въ западныхъ губерніяхъ.*

молиться и не подумаетъ, послѣ обѣдни, завернуть въ корчму для гулянки или вакханальныхъ оргій; онъ поспѣшитъ домой къ родному очагу, въ кругъ своей семьи и тамъ проведетъ свободное время въ безвредномъ отдыхѣ и семейныхъ удовольствіяхъ.

Подобныя чтенія очень возможны, — не стѣснительны ни для поселянъ, ни для наставниковъ-пастырей. Они будутъ непріятны только для корчмарей-евреевъ и невольно заставятъ ихъ подумать о перекочеваніи изъ деревень въ города, а этого и слѣдуетъ желать для благосостоянія западнорусскаго края.

II.

Видъ города Мозыря съ набережной рѣки Припяти.—Легенда о двухъ братьяхъ, первыхъ основателяхъ Мозыря. — Женскій монастырь Цистерсокъ.—Святая гора.—Смертная долина. — Чортова гора. — Лѣтописныя сказанія о Мозырѣ съ XII вѣка до настоящаго времени.—Монгольскія и татарскія опустошенія.—Укрѣпленіе города при Сигизмундѣ III.—Слѣды городскихъ укрѣпленій.—Гора Сторожъ и хуторъ Луппя.—Козацкій вождь Михненко.—Привилегіи Мозыря и старостство его.—Мозырь въ настоящее время.—Спасская ярмарка.—Ярмарочная торговля. — Образованное мозырское общество.—Г. Франковскій и поэтъ Неслуховскій.—Дворянское училище.—Направленіе мозырскихъ мѣщанъ.—Ихъ костюмы и страсть мѣщанокъ къ нарядамъ.—Червецъ—мѣстная краска.—Временный театръ и ресурсы.—Лавки и магазины.—Желѣзная руда.—Русскіе и еврейскіе торговцы.—Плиняны.—Городскія зданія и сады.—Древнее ущелье.—Церкви и костелы.—Спасская и замковая гора.—Слѣды древняго замка.—Замковая улица.—Древніе литовскіе вѣсы.—Мозырскія грамоты въ городскомъ магистратѣ.—Скрыгаловъ: его городище или городокъ; курганы и насыпи.—Каменный замокъ Барбаровъ съ старинными башнями.

Я подъѣзжалъ къ Мозырю съ рѣчицкаго тракта и долженъ былъ переправляться чрезъ судоходную, извилистую рѣку Припять, которая длинною, широкою пеленою растилается у самаго подножія оригинально-построеннаго города. Въ ожиданіи парома, я любовался на Мозырь въ виду пристани, у которой слегка покачивались разныя оснащенныя судна, извѣстныя подъ именемъ берлинокъ (*), въ томъ числѣ небольшой красивый пароходъ съ выкинутымъ флагомъ: явленіе рѣдкое въ отдаленномъ глухомъ уѣздѣ Россіи.

(*) *Берлинка*—плоскодонное судно берлинской работы; оно довольно продолговатое и узкое, съ мачтами и съ каютами.

Былъ поздній лѣтній вечеръ... Въ быстрыхъ, волнистыхъ струяхъ Припяти отражались безчисленные огни домиковъ и домовъ, раскинутыхъ на отлогихъ берегахъ высокихъ горъ, изъ-за вершинъ которыхъ виднѣлись блестящіе куполы и желѣзные кресты церквей,—а тамъ обрывистая долина, и опять горы, опять зданія, опять домики и снова—огоньки. И такъ весь городъ, какъ бы уходя отъ стремительныхъ приливовъ порывистой рѣки, расползся то въ долинахъ межъ утесовъ, то на крутизнахъ и хребтахъ нѣсколькихъ пригорковъ. А эти крутизны, эти хребты пригорковъ всѣ до одного окаймлены то густыми кустарниками дикихъ деревецъ, то красиво-устроенными садами съ полновѣсными грушами и сливами, которыми славится Мозырь на всю губернію. Сейчасъ видно, что не сѣверомъ пахнетъ. И чистый воздухъ, и роскошная растительность, и веселыя пѣсни словоохотливыхъ перевощиковъ невольно заставляли забыть холодный, чинный Петербургъ: цѣлая тысяча верстъ отдѣляла его отъ живописнаго, фантастическаго Мозыря, полнаго жизни и чуждаго безпокойныхъ спекуляцій.

Чрезъ полчаса я уже взбирался на безконечныя крутизны и потомъ съ мозырскихъ горъ еще разъ взглянулъ на оставшуюся внизу Припять: какъ хорошъ, красивъ городъ! Немного такихъ уголковъ въ Россіи. Неудивительно, что Мозырь воспѣвается въ народныхъ пѣсняхъ и въ стихахъ мѣстныхъ, восторженныхъ поэтовъ. Въ этихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ давнія, глубокія времена, упоминается о фантастическихъ приключеніяхъ богатырей доисторической эпохи, къ которой относятъ первоначальное построеніе Мозыря. Мозырь, какъ и большая часть древнихъ западнорусскихъ городовъ, имѣетъ свою доисторическую легенду, которая, можетъ быть, украшена вымысломъ, но имѣетъ опору въ сохранившихся до настоящаго времени памятникахъ старины. Преданіе приписываетъ начало построенія Мозыря двумъ братьямъ, кіевскимъ выходцамъ, которые поселились на высотахъ крутыхъ береговъ Припяти съ цѣлью промышлять рыбьимъ жиромъ. Братья не долго жили между собою согласно. Старшій былъ страшный уродъ и возненавидѣлъ младшаго, статнаго красавца, за предпочтеніе, оказанное ему молодой сосѣдкой, а, главное, за быстрое обогащеніе: младшему все удавалось въ торговлѣ и онъ былъ богаче старшаго. Чтобъ избавиться отъ завистливаго товарища, младшій братъ хотѣлъ

отстать отъ старшаго и поселиться подальше отъ него. Это еще болѣе раздражило злаго брата и когда, дѣйствительно, младшій объявилъ о своемъ намѣреніи, старшій не хотѣлъ выдать ему половины приходившагося на его долю товара (жира) и велѣлъ своимъ работникамъ вытолкать его вонъ безъ всего. Младшій собралъ дружину и объявилъ войну старшему. Застигнутый врасплохъ, старшій братъ обратился къ помощи чаровницы (колдуньи), жившей по сосѣдству на высокой остроконечной горѣ, и чаровница явилась къ нему на помощь съ несмѣтнымъ числомъ подвластныхъ ей духовъ. Бой завязался неровный и младшій братъ долженъ былъ погибнуть отъ силы чаровницы. Но красота спасла его: во время боя чаровница до того была поражена дивною красотою младшаго героя, что велѣла остановить сраженіе и предложить ему миръ. Но старшій братъ не согласился и требовалъ войны: «Мой жиръ!» кричалъ онъ, я не уступлю ему ни одной мѣрки, и съ этими словами устремился на полчища духовъ. Оскорбленная чаровница взмахнула волшебнымъ мечомъ и гора распалась на двѣ части; въ образовавшейся посреди пропасти погибъ старшій братъ, не переставая кричать: «мой жиръ.» «Нѣтъ, мой жиръ! воскликнулъ младшій, стоя на обрывѣ раздѣленной горы; тебѣ неудалось обидѣть меня.» Послѣ этого чаровница предложила оставшемуся брату перенести свой домъ на ея гору, но онъ отказался и, обманутая въ своихъ надеждахъ, колдунья, на зло ему, сама поселилась на другой половинѣ разсѣченной горы и долго не переставала мучить его своими чарами и навожденіями. Наконецъ оставшійся братъ, по совѣту жены, поставилъ крестъ на своей горѣ и чаровница не смѣла прикоснуться къ святому мѣсту. Отсюда названіе *Святой горы*, которое до сихъ поръ присвоено той мѣстности, гдѣ въ настоящее время находится великолѣпный женскій монастырь *Цистерсокъ*, съ церковью во имя св. Михаила. Монастырь этотъ, съ незапамятныхъ временъ, построенный изъ камня и кирпича, красуется въ тѣнистой долинѣ, орошаемой рѣчкою Цистеркою, между горъ, заросшихъ старинными лѣсомъ; ограда также каменная съ высокими воротами, украшенными разными статуями королей, вкладчиковъ и жертвователей. Окончательныя украшенія монастыря принадлежатъ кіевскому подчашему Сигизмунду Шукштѣ и княгинѣ Комаровской, жившимъ въ самомъ концѣ XVII вѣка;

въ 1713 году король Августъ II-й еще болѣе украсилъ монастырь дорогими иконами, а въ 1742 г. Августъ III-й подарилъ ему значительное помѣстье и нѣсколько грунтовъ земли, на которыхъ теперь разведены огромные фруктовые сады.—Тутъ-же по сосѣдству, съ овручскаго тракту, виднѣется высокая остроконечная гора, снизу до верха имѣющая форму круглаго шара, по которому невозможенъ доступъ къ верховью ея. На самой верхушкѣ этой мрачной и уединенной горы разрослись, необъятной толщины и непомѣрной высоты, вѣчно зеленыя сосны, которыя придаютъ горѣ какой-то унылый, тоскливый видъ и невольно поддерживаютъ въ народѣ преданіе, что въ ней живетъ чаровница, погубившая старшаго брата: она впрочемъ и называется *Чортовою горою.* Мѣстомъ погибели старшаго брата простонародье называетъ глухую, темную заросль въ непроходимой трущобѣ, извивающейся межъ густыми лѣсами сосѣдней окрестности монастыря Цистерсокъ, именуемой Кимбаровкою или *Смертною долиною* (¹).

Какъ видите, народъ очень ловко связалъ преданія о выходцахъ-братьяхъ съ сохранившимися названіями описанныхъ мѣстностей. Въ этихъ мѣстностяхъ, находящихся въ четырехъ верстахъ отъ нынѣшняго Мозыря, преданіе народное ищетъ начала самаго города, названіе котораго производитъ отъ словъ: *Мой жиръ*,—Можиръ, Мозырь; догадки свои основываетъ на созвучіи сохранившагося названія близьлежащаго протока (маленькой рѣчки, впадающей въ Припять):—*Моножирье.* По народному преданію, оставшійся на Святой горѣ братъ скоро сдѣлался богатымъ владѣльцемъ окружныхъ земель и потомъ перенесъ свою резиденцію на то мѣсто, гдѣ теперь раскинутъ городъ Мозырь.

Таковы устныя, доисторическія сказанія о Мозырѣ, нескрѣпленныя опредѣленною хронологіею, но безъ сомнѣнія восходящія къ XI вѣку; историческая лѣтописная эпоха этого города начинается съ XII столѣтія. На основаніи лѣтописей, Мозырь слѣдуетъ считать однимъ изъ древнихъ славяно-русскихъ поселеній. Какъ достояніе князей русскихъ, Мозырь сначала считался городомъ туровскаго княжества и даже князья туровскіе, равно какъ епископы, именовались долгое время туровскими и мозырскими; потомъ,

---

(¹) Называется также и *темною долиною.*

съ паденіемъ туровскаго княжества, Мозырь, вмѣстѣ съ Туровомъ и вообще со всею нынѣшнею минскою губерніею, подпалъ подъ власть болѣе сильнаго княжества кіевскаго. Въ 1158 году кіевскій князь Изяславъ Давыдовичъ уступилъ Мозырь, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими городами, черниговскому князю Святославу Ольговичу (1). Такъ переходилъ Мозырь отъ одного княжества къ другому въ продолженіе всѣхъ удѣльныхъ смутъ между русскими князьями, пока, наконецъ, вмѣстѣ съ многими удѣльными русскими владѣніями, не подпалъ подъ владычество Литвы, прибравшей къ своимъ рукамъ весь западнорусскій край. Въ 1174 году великій князь литовскій Скирмунтъ, «зъ звитяжствомъ великимъ пошелъ па русскую землю и взялъ *городъ Мозырь*, Черниговъ и другіе (2).» Въ XIII столѣтіи, во время монгольскаго ига на Руси, Мозырь не разъ подвергался нападеніямъ безчеловѣчныхъ властителей, которые наводили ужасъ на всю Литву и весь западнорусскій край своими грабежами и опустошеніями. Въ 1227 году орда татаръ сожгла полгорода и всѣ прилежащія къ Мозырю окрестности вдоль рѣки Окуневки, а въ 1241 войска Батыя окончательно разграбили и разрушили весь Мозырь (3). Не успѣлъ отстроиться городъ, какъ таже ненасытимая монгольская орда ворвалась чрезъ Волынь въ Мозырь и снова не стало камня на камнѣ въ немъ. Прошло десять лѣтъ, Мозырь оправился отъ разоренія и трудно было узнать въ новоотстроенномъ городѣ слѣды опустошенія: явилась сильная крѣпость и нѣсколько оборонительныхъ замковъ, такъ что не мало стоило усилій Менгли-Гирею осуществить свои планы, затѣянные по внушенію мятежнаго Глинскаго въ 1508 году, когда западнорусскій край мало по малу переходилъ во власть Польши. Михаилъ Глинскій хотѣлъ, при помощи этого хана, сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ мозырскимъ и волынскимъ; но, къ досадѣ возмутителя, ханъ не исполнилъ надеждъ его и Мозырь пока оставался во власти монгольской. Въ началѣ XVI-го вѣка въ западной Руси укрѣпилось господство Польши, и Мозырь долженъ былъ, сглаживая постепенно элементъ русской іерархіи, подчиняться вліянію польской администраціи и даже религіозныхъ

---

(1) Лѣтопись Даниловича, стр. 117—119.—(2) Pomniki do dziejów Lit. Nar., лѣтопись Нарбута,—стр. 6, § 11.—(3) Kojałowicz, 1, 80.

преобразованій, извѣстныхъ подъ именемъ уніи. Польша переименовала всѣ древнія русскія княжества въ воеводства, и вотъ явилось воеводство Минское, въ составъ котораго вошелъ Мозырь, какъ городъ повѣтовый (уѣздный), превращенный впослѣдствіи, наравнѣ съ другими городами, въ *старо́ство* съ привилегіями магдебургскаго права. Чтоже касается религіозныхъ преобразованій, то мозырское православіе умѣло твердо вынести продолжительную борьбу съ католицизмомъ, распространявшимъ унію и, энергичнѣе другихъ сосѣднихъ округовъ, отстояло свои древнія права, такъ что Мозырь меньше другихъ западнорусскихъ городовъ пострадалъ отъ нововведеній уніатской пропаганды: изъ актовъ Минской губерніи извѣстно, что въ Мозырскомъ краѣ чистота православнаго ученія во время уніи сохранилась во всей своей неприкосновенности не только между простымъ народомъ, но даже между городскими обывателями (См. Акты и грамоты Минской губерніи).

Въ первыхъ годахъ господства Сигизмунда I-го перекопскіе татары стали тревожить западнорусскій край, и Мозырь—одинъ изъ первыхъ городовъ попалъ въ число жертвъ татарщины. Набѣги татарскіе на Мозырь породили героевъ, между которыми народныя пѣсни прославляютъ храбраго неустрашимаго Базара, родомъ грека: Базаръ не разъ громилъ татаръ и въ награду за свои услуги получилъ отъ Сигизмунда помѣстье — *Ипогоръ*, близъ Мозыря; чрезъ два года Базаръ (¹) взятъ былъ въ плѣнъ татарами и убитъ. Ипогоръ перешелъ во владѣніе другаго такогоже храбраго воина Демяна Ленка, называвшагося въ грамотахъ: Ленко-Ипогорскій; таже фамилія Ленка, преобразившагося въ Ленкевича, впослѣдствіи времени является представительницею старостскаго званія въ Мозырщинѣ: одинъ изъ Ленкевичей былъ первымъ Мозырскимъ старо́стою (²). Не смотря на появленіе такихъ героевъ, татары все таки не оставляли Мозыря въ покоѣ и въ 1534 г. немилосердо выжгли городъ и перерѣзали жителей. Мозырь не существовалъ до 1609 года

(¹) Потомки Базара существуютъ и теперь въ Мозырщинѣ подъ извращенною фамиліею *Базаревичей*.—Былъ еще герой изъ татаръ, поселившійся въ Мозырѣ, *Сайкеръ*: отъ него выродилась фамилія *Сайковскихъ*.—(²) Соб. грам. и акт. Минской губерніи № 142. Старо́ста соотвѣтствуетъ областному намѣстнику съ правами леннаго владѣльца.

и только въ 1611 году, по назначенію королевскаго сейма, велѣно было собрать со всего мозырскаго края необходимую сумму для возобновленія разрушеннаго города: назначеніе странное, павшее тяжестью не только на обывателей—владѣтелей помѣстій, но и на крестьянъ; за сопротивленіе и неисполненіе сеймоваго приговора взимался большой штрафъ (40 гривенъ литовскихъ), взыскиваемый, за неимѣніемъ денегъ, натурою: забирали скотъ и даже платье. Такими-то средствами, по повелѣнію короля Сигизмунда III-го, построена въ это время и каменная крѣпость и весь городъ обведенъ высокими валами, съ семью оборонными башнями или фортами. Слѣды этихъ насыпныхъ валовъ сохранились вокругъ Мозыря до настоящаго времени: высота ихъ равняется самымъ горамъ, на которыхъ раскинутъ городъ. За этими валами тянутся, въ разныхъ направленіяхъ, слѣды другихъ укрѣпленій, дѣлавшихъ неприступными Мозырскія твердыни: такъ на юго-западъ отъ города виднѣется насыпная гора—*Сторожъ*, гдѣ, во время татарскаго погрома, обязаны были отбывать денной и ночной караулъ окружные хуторяне, замѣнявшіе нынѣшнихъ ополченцевъ; такіе же ополченцы составляли временный гарнизонъ и на семи оборонныхъ фортахъ. Въ одномъ изъ окрестныхъ хуторовъ, извѣстномъ подъ именемъ *Лупки*, самомъ неприступномъ по своему мѣстоположенію, тоже была сильно укрѣплена цитадель, или замокъ, обведенный канавой: остатки ея укрѣпленій замѣтны еще и теперь. Такихъ замковъ, во время татарскихъ набѣговъ, было много вокругъ всего Мозыря, потому что Мозырь служилъ убѣжищемъ для всѣхъ жителей полѣсья, уходившихъ оттуда—на высокія вершины города (¹).

Укрѣпленный такимъ образомъ городъ могъ смѣло противустоять неустроеннымъ толпамъ перекопскихъ грабителей, но не легко было ему сопротивляться организованному войску, дѣйствовавшему по всѣмъ правиламъ военной тактики, какимъ было войско Польское при королѣ Сигизмундѣ III-мъ. Случай къ тому представился спустя двадцать лѣтъ. Въ царствованіе этого западнорусскаго властителя, жестокаго деспота и религіознаго фанатика, всѣ завоеванныя имъ области русскія терпѣли страшныя притѣсненія и побо-

---

(¹) Обо всѣхъ этихъ замкахъ и цитаделяхъ упоминается въ старинныхъ фундушевыхъ записяхъ помѣщичьихъ владѣній.

ры, а потому неудивительно, если, вслѣдъ за движеніемъ всего казачества на Украйнѣ, поднялось и народонаселеніе западнорусскихъ воеводствъ: примѣромъ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ увлечены были и мозыряне. Въ 1648-мъ году, казацкій вождь Михненко, съ отборною дружиною украинцевъ, обходилъ города Минскаго воеводства и склонялъ жителей на свою сторону для оппозиціи противъ польскаго самовластія. Мозырь охотно присоединился къ дружинѣ Михненка и долго упорно держался въ оборонительномъ положеніи, не смотря на большія польскія силы, осаждавшія его; наконецъ польскій князь Янушъ Радзивиллъ подоспѣлъ на помощь полякамъ съ пятитысячнымъ отрядомъ и штурмомъ взялъ Мозырь, послѣ чего поступилъ съ жителями самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, велѣвъ ихъ топить и бросать въ огонь; поплатился жизнью и храбрый Михненко: Янушъ собственноручно отрубилъ плѣннику голову и воткнулъ ее, для посрамленія, на зàмковый шпицъ (¹). Въ 1659 году, во время всеобщаго литовскаго возмущенія и раззоренія, Мозырь безвозвратно былъ разрушенъ и сожженъ (²); но все еще былъ во власти польскаго деспотизма и не могъ высвободиться отъ чуждыхъ ему постановленій магдебургскаго права, которое ввелъ Сигизмундъ III-й во всемъ западнорусскомъ краѣ для окончательнаго уничтоженія въ немъ основнаго древнерусскаго административнаго элемента. Послѣдній разъ упоминается въ лѣтописныхъ актахъ о Мозырѣ, какъ о ленномъ майоратѣ польской администраціи, въ 1670 году (отъ 20 октября), именно въ грамотѣ короля Михаила (³), и въ 1685 году (мая 11), въ грамотѣ короля Яна III-го, хранящейся въ городскомъ магистратѣ и не вошедшей въ собраніе актовъ Минской губерніи: въ ней опредѣляется городская собственность мозырскихъ мѣщанъ. Въ грамотѣ короля Михаила говорится о возобновленіи привилегіи Сигизмунда III-го городу Мозырю на магдебургское право, гербъ и городскіе сборы: обвѣстки, десятину,

---

(¹) Histor. belli Cosacco-polonici, Pestini, 1789 an. p. 116; Histor. Jana Kazimira, издан. Рачинскаго, I. 91.—(²) Вотъ какъ замѣчено объ этомъ разрушеніи въ приговорѣ Сеймоваго засѣданія 1676 года: «разграбленный и сожженный городъ Мозырь представляетъ страшныя развалины; спаслось отъ убійства нѣсколько только десятковъ жителей».—(³) Собран. древн. акт. и грамотъ Минск. губер., № 142.

померное, кормовое, весовое, возовое, воскобойное и поводное, также объ учрежденіи двухъ ярмарокъ въ Мозырѣ и торговъ въ немъ по понедѣльникамъ и пятницамъ; здѣсь же Мозырь называется подстароствомъ; послѣднимъ подстаростой былъ Янъ Ленкевичъ-Пногорскій (1). Затѣмъ въ XVIII вѣкѣ, съ прекращеніемъ польскаго владычества въ западнорусскомъ краѣ, Мозырь возвращается въ составъ единоплеменной Россіи и принимаетъ характеръ прежняго чисто-русскаго города, рѣзко отдѣляющагося въ минской губерніи отъ прочихъ ея городовъ и только близко подходящаго къ Пинску и Турову по духу, характеру народа и даже по мѣстному костюму.

Въ настоящее время, не смотря на частые пожары впродолженіе пятидесяти лѣтъ и особенно сильный пожаръ въ 1856 году, истребившій чуть ли не бо̀льшую половину зданій, Мозырь принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ и опрятныхъ городковъ западнорусскаго края. Постоянныхъ жителей въ немъ, по послѣднимъ статистическимъ данным, 4700 душъ; но какъ портовый городъ, онъ имѣетъ много временныхъ поселенцевъ, особенно лѣтомъ, когда пристань его, на протяженіи полуверсты, бываетъ уставлена разнаго сорта большими и малыми суднами, по преимуществу прусскими и позианскими берлинками. Въ это время Мозырь оживляется и представляетъ изъ себя смѣсь племенъ и нарѣчій: къ тому же лѣтомъ бываютъ двѣ ярмарки, изъ которыхъ одна, такъ называемая Спасская, начинающаяся съ 6 августа и продолжающаяся около трехъ недѣль, интересна бываетъ своею разнообразною торговлею. На спасскую ярмарку съѣзжается дворянство и купечество не только изъ сосѣднихъ уѣздовъ, но даже изъ другихъ губерній. Прусскіе и Позианскіе купцы скупаютъ ленъ, пеньку, сало, овечью и свиную шерсть, копченую рыбу, рыбій жиръ и кожи: все это составляетъ весьма выгодный матеріалъ для мѣстной торговли. И нужно замѣтить, что мозырскіе хозяева (больше мѣщане) и нѣкоторые помѣщики съ успѣхомъ сбываютъ означенные товары. Особенно раскупаются кожи и рыбій жиръ: мѣщане мозырскіе почти всѣ рыболовы и кожевники; нѣкоторые изъ нихъ про-

(1) Тамъ же.

даютъ этого товару на большія суммы; мозырскія кожи отличаются прочною выдѣлкою, секретъ которой мѣстные промышленники скрываютъ отъ всѣхъ: говорятъ, они употребляютъ какой-то особенный сокъ, добываемый изъ питательныхъ лѣсныхъ растеній.

Во время ярмарки, въ городѣ устроивается на главной площади цѣлая колонія досчатыхъ лавокъ и балагановъ, въ которыхъ можно найти разныя привозныя рѣдкости, заграничныя и туземныя; послѣднія присылаются изъ Варшавы, Вильно, Кіева и Минска. Главную роль на ярмаркѣ играютъ евреи, безъ посредничества которыхъ не можетъ вести оптовой продажи ни одинъ пріѣзжій, особенно новичекъ: или возьми для сдѣлки еврея, или онъ будетъ во всемъ мѣшать, распространяя самые невыгодные слухи о товарѣ; еврей непремѣнно долженъ быть посредникомъ между продавцемъ и покупателемъ, за что пользуется извѣстнымъ процентомъ съ продаваемыхъ вещей. Между привозными товарами встрѣтите золотыя и серебряныя издѣлія, сукна, шелковыя матеріи и книги — не только русскія и польскія, но и иностранныя. Къ чести мозырскаго образованнаго общества нужно сказать, что книги раскупаются имъ охотно; кромѣ этихъ книгъ, нѣкоторые мозыряне выписываютъ даже журналы и слѣдятъ за современностью. Мнѣ неразъ приходилось бывать въ обществѣ такихъ людей, которые съ любовью занимаются науками и искусствами, труженически разработываютъ матеріалы для исторіи западнорусскаго края, съ увлеченіемъ предаются изслѣдованіямъ мѣстныхъ древностей и открытій изъ области естественныхъ наукъ. Съ удовольствіемъ могу, въ этомъ случаѣ, указать на образованнаго, ученаго любителя древностей, городскаго президента и вмѣстѣ уѣзднаго помѣщика г. Франковскаго, собирающаго рѣдкія славянскія монеты и сдѣлавшаго большіе успѣхи въ дѣлѣ изученія мозырскихъ кургановъ и разныхъ другихъ древнихъ насыпей, которыми, какъ я сказалъ въ первой главѣ, богатъ мозырскій край: между прочимъ я обязанъ г. Франковскому нѣкоторыми сообщенными свѣдѣніями о памятникахъ старины города Мозыря. Этотъ же достойный ученый доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ актами и грамотами городской ратуши и магистрата; отъ него я узналъ о замѣчательномъ талантѣ мѣстнаго поэта г. Неслуховскаго, описавшаго похожденія нѣкоторыхъ героевъ мозырскихъ—временъ набѣговъ татарскихъ—въ звуч-

ныхъ, легкихъ стихахъ ([1]). Г. Франковскій пользуется общимъ расположеніемъ мозырянъ за то сближеніе обществъ, которое онъ поддерживаетъ своими товарищескими собраніями: особенно полезно это сближеніе для наставниковъ мозырской гимназіи или, какъ ее называютъ еще, дворянскаго пятикласнаго училища. Отъ этихъ интимныхъ собраній и бесѣдъ общество учащихъ свѣжѣе и современнѣе; заимствуя новые взгляды и болѣе точное направленіе педагогическимъ познаніямъ, наставники въ свою очередь дѣлятся ими съ питомцами и съ большою охотою развиваютъ свою педагогическую дѣятельность, которая, при другомъ общественномъ настроеніи, въ иныхъ мелкихъ городахъ, какъ извѣстно, часто усыпляется провинціальною апатіею и пустою жизнью и потомъ уклоняется отъ своего благодѣтельнаго назначенія. Оттого-то мозырское дворянское училище рѣзко отдѣляется между прочими уѣздными педагогическими заведеніями минской губерніи и считается образцовымъ: изъ него вышло немало дѣльныхъ молодыхъ людей, которые съ замѣчательнымъ успѣхомъ могли проходить столичные университетскіе курсы. Не смотря на свое рутинное названіе, училище допускаетъ въ свои классы и дѣтей мозырскихъ мѣщанъ, которые тоже могутъ служить примѣромъ для мѣщанъ другихъ минскихъ уѣздовъ: замѣчательно то въ дѣтяхъ мозырскихъ мѣщанъ, что они, по окончаніи ученія, не стыдятся возвращаться къ занятіямъ своихъ отцовъ и даже надѣвать платье мѣщанское, которое, нужно замѣтить, довольно опрятно и благообразно. Мущины ходятъ въ длинныхъ сапогахъ и войлочныхъ бурыхъ шляпахъ съ широкими полями; зимою шляпы замѣняются мѣховыми шапками въ родѣ древнихъ боярскихъ; сюртукъ изъ бураго домашняго сукна съ длинными полами и частыми складками у таліи; у нѣкоторыхъ онъ обшивается, у ворота и обшлаговъ, синими или другими

([1]) Особенно хороша его поэма, названная по имени рѣки—Припять—*Припенда*; въ этой поэмѣ, состоящей изъ 50 страницъ, поэтъ въ прекрасныхъ стихахъ разсказываетъ о геройствѣ Сайкера, татарскаго вождя, бросившаго татарскій лагерь и перешедшаго на сторону мозырскаго ополченія; живописно рисуетъ мѣстность красиваго хутора Пногора, бои казаковъ на вершинахъ мозырскихъ горъ и любовь Сайкера къ одной красивой мозырянкѣ; поэма наполнена описаніями нравовъ мозырянъ, гостепріимства ихъ, также разныхъ мѣстныхъ преданій и повѣрій.

цвѣтными шнурками; зимою носятъ мѣховыя (волчьи и медвѣжьи) широкія шубы съ таліями. Женщины—непремѣнно въ башмакахъ, чаще съ подковками, а по праздникамъ, съ красными подборами и металлическими пряжками на подъемѣ; головы покрываютъ (старухи) *наметками* (¹), *лямцами* (²) и цвѣтными платками, обыкновенно повязанными въ родѣ татарской чалмы; молодицы и вообще дѣвицы носятъ бѣлые платки, изъ подъ которыхъ всегда выпускаются двѣ косы съ цвѣтными, вплетенными на концахъ, лентами. Нѣкоторыя мѣщанки щеголяютъ въ городскихъ платьяхъ и не покрываютъ (лѣтомъ) ничѣмъ головы, убранной по модному. Но это собственно щеголихи мѣщанки, которыя, къ сожалѣнію, увлекаются *панскими* нарядами и представляютъ изъ себя воронъ въ павлиньихъ перьяхъ: страсть къ нарядамъ сильно развивается между мѣщанками-мозырянками, которыя заимствуютъ при этомъ отъ пановъ и разныя модныя грѣшки; эмансипированная мѣщанка не рѣдкость въ Мозырѣ, быть можетъ, потому что онѣ подстрекаются къ франтовству своею типическою красотою, соблазняемою подарками и волокитствомъ горожанъ: къ томуже мѣщанки мозырскія слишкомъ восторжены, впечатлительны, развязны и бойки отъ природы.—Обыкновенно же мѣщанки ходятъ въ суконныхъ довольно граціозныхъ *жупянкахъ* (³), обшитыхъ цвѣтными тесьмами, а зимою въ шубкахъ въ обтяжку. Еще граціознѣе ихъ корсеты, большею частью изъ яркихъ шолковыхъ, шерстяныхъ, суконныхъ, ситцевыхъ и нерѣдко бархатныхъ матерій; въ этихъ корсетахъ, съ многочисленными блестящими пуговицами спереди и назади, съ разрѣзными баскинами ниже таліи, безъ рукавовъ, красиво обрисовывается стройный складъ женскій. Изъ подъ корсета открываются большіе плоеные или просто складчатые воротники бѣлой рубашки, рукава которой заканчиваются у кисти руки чѣмъ-то въ родѣ вздутыхъ манжетъ или буфовъ, перетянутыхъ широкою лентою и пристегнутыхъ большими канифольными запонками. Поверхъ

(¹) *Наметка*—длинное узкое покрывало изъ бѣлаго полотна, нерѣдко самаго тонкаго, съ ажурными ткапями на концахъ; покрываломъ этимъ нѣсколько разъ обвиваютъ голову, по сторонамъ висятъ концы.—(²) *Лямецъ*—нѣчто въ родѣ кокошника въ видѣ четвероугольника на лбу, съ накинутымъ полотнищемъ, концы котораго спускаются назадъ. — (³) *Жупянка*—родъ пальто, ниже колѣнъ, съ таліею въ обтяжку.

воротника надѣвается множество питокъ янтарныхъ бусъ, гранатъ, кораллъ и стеклятуса съ серебряными монетами: все это наслѣдіе бабушекъ и прабабушекъ, переходящее изъ сѣмьи въ семью, котораго не продаютъ даже въ самой крайней бѣдности. Дополненіемъ корсета служитъ *андаракъ* (¹) не закрывающій ногъ: онъ дѣлается больше изъ шерстяныхъ тканей домашняго приготовленія, окрашиваемыхъ замѣчательно-прочною краскою, извѣстною подъ именемъ червеца. Червецъ этотъ добывается изъ какихъ-то полевыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ, которыхъ очень много въ мозырщинѣ—и даетъ превосходную, чистую ярко-красную краску, никогда нетеряющую своего вида до послѣдняго износа андарака. Многіе пріѣзжіе иностранные промышленники старались подмѣтить тайну окрашиванья червецомъ и потомъ дѣлали у себя опыты, но, по ихъ же сознанію, мозырская краска гораздо чище и ярче. Для приготовленія этой краски не употребляютъ никакихъ хитрыхъ средствъ, кладутъ только какой-то рѣчный камень, растворяющійся въ горячей водѣ, но этого-то камня не называютъ и его не легко достать; имъ запасаются производители въ извѣстное время года. Цвѣтъ мозырскихъ андараковъ бросается въ глаза всякому новому человѣку и нельзя не пожелать, чтобъ наши натуралисты обратили серьезное вниманіе на червецъ, который, говорятъ, исключительно водится на почвѣ мозырской и рѣчицкой и не можетъ привиться къ другимъ грунтамъ, какъ въ этомъ убѣдились иностранные ярмарочные промышленники, пробовавшіе, безъ успѣха, разводить его на своей землѣ. Червецовые андараки такъ заманчивы для простонародья мозырскаго, что многія—подостаточнѣе—крестьянки считаютъ непремѣннымъ условіемъ своего сельскаго туалета имѣть хоть одинъ, для торжественныхъ дней, красивый андаракъ мѣщанскій. Жаль только, что съ этою любовью къ андаракамъ мозырскихъ мѣщанъ не вкореняется въ поселянахъ и любовь къ образованію: темнота страшная между простонародьемъ сельскимъ!!...

Во время спасской ярмарки, для пріѣзжаго дворянства и мѣстныхъ горожанъ, устроивается временный театръ, имѣющій впро-

---

(¹) *Андаракъ*—верхняя юбка, оторачиваемая внизу бахрамою; у болѣе достаточныхъ онъ обшивается бархатками, чаще чорнаго цвѣта. Андараки бываютъ иногда очень цѣнные.

чемъ постоянное помѣщеніе въ нарочно приготовленномъ зданіи; зданіе небольшое, но не лишено нѣкоторой изящности во внутренней отдѣлкѣ. Пріѣзжаетъ минская губернская труппа, которая въ настоящее время состоитъ въ вѣдѣніи казенномъ, обезпечена жалованьемъ и пользуется лѣтними каникулярными отпусками. Въ составѣ этой труппы есть нѣсколько образованныхъ артистовъ и артистокъ, между которыми обращаетъ вниманіе своею натуральною игрою и пріятнымъ звучнымъ голосомъ молодая дѣвица г-жа Дроздовская, собирающаяся даже дебютировать на столичной сценѣ.— Пріѣзжаютъ также артисты-музыканты и случаются недурные концерты. Но главнымъ развлеченіемъ ярмарочнымъ бываютъ *ресурсы* т. е. благородныя танцовальныя собранія, къ которымъ напередъ заблаговременно приготовляются мозырскія дамы, замѣчу, любящія наряжаться до моднаго увлеченія. Есть такія, которыя недовольствуются товарами своихъ мозырскихъ торговцовъ и произведеніями мѣстныхъ *маршандемодистокъ*, а выписываютъ матеріи и даже наряды если не изъ Варшавы и Петербурга, такъ непремѣнно изъ Вильно или хоть изъ Минска. А кажется можно найти кое-что и въ мозырскихъ лавкахъ, въ числѣ которыхъ есть нѣсколько магазиновъ, и конечно модныхъ магазинныхъ прилавковъ... Въ Мозырѣ можно насчитать болѣе сотни всякихъ лавокъ, особенно желѣзныхъ' въ которыхъ немало издѣлій, приготовляемыхъ въ мозырщинѣ изъ мозырской же желѣзной руды; я забылъ сказать выше, что на грунтахъ мозырскихъ горныхъ ущелій водится желѣзная руда, обработываемая въ мѣстныхъ же рудокопняхъ; лучшими желѣзными рудами обильны пласты земли, лежащіе вдоль береговъ рѣки Славечны. Большая часть лавокъ составляетъ собственность аферистовъ евреевъ, которыми порядочно наполненъ Мозырь и въ рукахъ которыхъ вся мелкая торговая производительность: евреи и мѣдники, и серебряники, и золотыхъ дѣлъ мастера, и портные, и часовщики, и содержатели трактировъ, кофейныхъ, кондитерскихъ; есть однако трактиры и кондитерскія христіанскія, которые и чище и благовиднѣе; евреи—и факторы, и вѣстовщики, и разсыльные; они же тайкомъ занимаются продажею безбандерольнаго табаку и сигаръ; смѣшно слышать иной разъ вопросъ жида-торгаша табачника: «какого вамъ табаку, съ бандеролемъ или безъ бандероля?» Если безъ бандероля—васъ поведутъ въ такое темное подземелье, что вы во-

образите себя въ какихъ нибудь древнихъ катакомбахъ; разумѣется и въ это мрачное мѣсто поведутъ васъ только *по знакомству;* человѣка новаго, свѣжаго, *съ вѣтру*—не пустятъ туда, еврей чутокъ и остороженъ. Удивительно, какъ евреи не перебили у мозырскихъ мѣщанъ кожевничества и сапожничества: сапожники въ Мозырѣ больше христіане. Изъ прочихъ же христіанскихъ лавочниковъ извѣстны такъ называемые *русскіе*, т. е. переселившіеся изъ великорусскихъ губерній: эти русскіе купцы торгуютъ чаемъ, самоварами, икрою, солеными рыбами и вареньемъ, но ихъ лавокъ немного, кажется, всего десять.—Къ числу христіанскихъ мозырскихъ торговцевъ, какъ типы мѣстныхъ промышленниковъ, принадлежатъ такъ называемые *пилипоны* (¹), разъѣзжающіе по ярмаркамъ съ солью, огородными овощами и сѣменами, которыя они такъ хорошо умѣютъ приготовлять и выращивать на своихъ мастерски воздѣлываемыхъ поляхъ и въ обширныхъ огородахъ: ихъ лукъ, картофель, тыквы и особенно огурцы извѣстны по всему западнорусскому краю, проникаютъ даже въ Малороссію и въ польскія губерніи; величина луковицъ, тыквъ и огурцовъ поразительна.

Мозырь больше застроенъ деревянными зданіями довольно правильной и красивой архитектуры во вкусѣ русскомъ съ примѣсью готичнаго и византійскаго элементовъ, которые преимущественно отражаются на фронтовыхъ портикахъ и фасадахъ крышъ, изузоренныхъ доморощенною рѣзьбою и насѣчками: красивый видъ зданій поддерживается просторными дворами и большими садами, безъ которыхъ, кажется, не обходится ни одинъ домикъ въ городѣ. Сады эти тѣмъ интереснѣе, что они всѣ почти раскинуты на пригоркахъ, которыми изрѣзанъ и безъ того гористый Мозырь. Между пригорками найдете нѣсколько глухихъ ущелій; но самое таинственное и замѣчательное по своему спиральнообразному углубленію, не имѣющему дна, по народному повѣрью,—древнее ущелье, называемое *татарскимъ*, въ которомъ, будто, погибли сотни перекопскихъ

(¹) Пилипоны—потомки старинной раскольнической секты, получившей начало отъ своего основателя *Филиппа;* они съ давнихъ временъ переселились изъ Черниговской губерніи въ Мозырщину и исключительно занимаются огородничествомъ; ходятъ въ огромныхъ сапогахъ, смазанныхъ дегтемъ и черныхъ поярковыхъ шляпахъ.

татаръ отъ руки храбраго Базара (см. выше). Въ углубленіи ущелья, весною, иногда и въ сырое лѣто, вертикально стремится ко дну чистая, прозрачная ключевая вода. Ущелье разрѣзываетъ большую гору ([1]), поросшую тѣнистымъ орѣшникомъ, лиственницею и кустарниками дикихъ розъ, среди которыхъ съ удовольствіемъ можно погулять въ самое знойное время; впрочемъ эта гора дѣйствительно составляетъ въ городѣ любимое мѣсто для гуляній, не смотря на то, что не легко попасть на нее по крутой, извилистой тропинкѣ. По мозырянамъ не въ диковину такія тропинки и дорожки: онѣ встрѣчаются въ городѣ на всякомъ шагу, даже самыя улицы проведены съ горы на гору; единственная прямолинейная улица—вдоль набережной Припяти.

Нельзя однако сказать, чтобъ въ Мозырѣ не было каменныхъ домовъ: есть нѣсколько и даже довольно большаго размѣра. Самое видное мѣсто между каменными зданіями занимаетъ Бернардинскій монастырь, расположенный на большой горѣ,—основанный въ 1654 году, но въ послѣднее время, съ уничтоженіемъ ордена бернардиновъ, окончательно упраздненный, и представляющій видъ развалинъ. Католическое богослуженіе совершается въ деревянномъ соборномъ костелѣ—*фаръ*, основанномъ польскимъ королемъ-пропагандистомъ Сигизмундомъ III въ 1616 году, по ходатайству мозырскаго старосты Балтазара Стравинскаго. Православныхъ церквей двѣ: соборная, на высокомъ, крутомъ курганѣ, къ которому ведетъ длинная лѣстница съ цѣлою сотнею ступенекъ, и приходская — *Пятницкая*. Обѣ эти церкви деревянныя; не менѣе того, по стилю наружной постройки и внутреннихъ украшеній, иконъ и куполовъ, носятъ на себѣ отпечатокъ старины, если не глубокой древности: во всякомъ случаѣ первая—соборная — отличается оригинальною, древнею архитектурою и иконами византійскаго стиля, не искаженными вліяніемъ уніатства; и архитектура и живопись свидѣтельствуютъ о построеніи соборной церкви въ эпоху до-уніатскаго православія. Что касается до приходской, то уже самое названіе: *Пятницкая*—указываетъ на древнее основаніе ея: извѣстно, что такое названіе церкви получали отъ пятницкихъ концовъ, т. е. улицъ или отдаленныхъ предмѣстій города; а концы существовали

([1]) Говорятъ, что это древній могильный курганъ.

только въ древнихъ русскихъ городахъ, напримѣръ въ древнемъ Псковѣ и Новгородѣ ([1]). Впрочемъ существованіе православныхъ церквей въ Мозырѣ съ самой глубокой древности не подлежитъ сомнѣнію: ихъ было даже, по сохранившемуся преданію, много; по крайней мѣрѣ извѣстно о существованіи большой каменной церкви Спасской, отъ которой получила названіе главная гора Мозыря ([2]). На этой горѣ была церковь и городской замокъ, замѣнявшій крѣпость. Отсюда названіе той же горы именемъ замковой; даже улица, огибающая замковую гору, называется до сихъ поръ замковою улицею ([3]).

Слѣды древняго каменнаго замка сохранились въ углубленіи горы, при раскапываніи которой находили жженый кирпичь, обломки цѣпей и разныхъ другихъ желѣзныхъ вещей. Замокъ этотъ существовалъ въ Мозырѣ до начала XVIII столѣтія: самый поздній намекъ о его существованіи встрѣчается въ королевской грамотѣ, выданной въ 1670 году на имя мозырскихъ старостъ для уясненія судныхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ въ палатахъ замка ([4]). Какъ видно изъ грамоты, въ это время замокъ имѣлъ еще свое административное значеніе и рѣшенія его вліятельно дѣйствовали на политическое устройство города безъ различія сословій и званій. Этому же вліянію подчинялись какъ мѣстные, такъ и иностранные, временно проживающіе, торговые люди съ тѣмъ только различіемъ, что права торговцевъ не вполнѣ стѣснялись постановленіями магдебургскими. Торговый классъ во многомъ руководился положеніями русской, или литовской юрисдикціи, но всего меньше магдебургскаго права. Памятникомъ литовской старины могутъ служить общественные городскіе *вѣсы*, выставленные на замковой площади, къ которымъ должны были прибѣгать, въ случаѣ обвѣса, всѣ покупатели; на этихъ же вѣсахъ положено было взвѣшивать всѣ сборы и

([1]) См. сочиненіе г. Красова о мѣстоположеніи древняго Новгорода (Не правильнѣе ли производить названіе *Пятницкой* церкви отъ построенія ея во имя *св. Параскевы - Пятницы*, тѣмъ болѣе, что Пятница была торговымъ днемъ въ древнемъ Мозырѣ. *Примѣч. Редакт?*).—([2]) Прибенда г. Неслуховскаго, т. I, стр. 34.—([3]) Такъ называлась она и въ 1577 году. Собр. Мозырскихъ грамотъ въ городскомъ магистратѣ, грам. подъ № 1. — ([4]) Собран. акт. и грам. Минск. губер. № 142.

пошлины какъ съ мѣстныхъ, такъ и съ пріѣзжихъ купцовъ. Эти же самые вѣсы, подъ именемъ литовскихъ, существуютъ и теперь на рыночной площади, но безъ всякаго употребленія: они глухо вколочены въ землю; вся основа ихъ изъ массивнаго желѣза, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ. Нельзя не обратить вниманія, что польскіе короли, во время своего владычества въ западнорусскомъ краѣ, искореняя все русское и литовское, не уничтожали вѣсовъ литовскихъ, которые были въ большомъ употребленіи въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ городѣ минской губерніи—Мозырѣ. По крайней мѣрѣ мозырскіе вѣсы сохранились съ незапамятныхъ временъ. Объ нихъ говорится еще въ 1572 году въ грамотѣ Августа II, которая до сихъ поръ уцѣлѣла въ архивѣ городскаго магистрата; тамъ же имѣются и другія древнія грамоты. Я имѣлъ случай просматривать грамоты отъ 1572 года (о городскихъ порядкахъ, о мостахъ и судахъ въ за̀мкѣ), 1577 года (о городскихъ сборахъ и пошлинѣ—мытѣ съ пива), 1670 года (объ утвержденіи магдебургскаго права), 1680 года (о торгахъ и сборѣ за ловлю рыбы) и 1685 года (о торгахъ по пятницамъ). Во всѣхъ этихъ грамотахъ упоминается о собственности (о грунтахъ) городскихъ мѣщанъ на пространствѣ отъ рѣчки Лупии вверхъ Припяти до протока Окорпзы.

Недалеко отъ Мозыря, кажется—въ двадцати верстахъ, на трактахъ туровскомъ и давыдгородскомъ, при рѣкѣ Припяти, лежитъ старинное мѣстечко *Скрыгаловъ*, о которомъ, какъ о древнемъ городѣ, упоминается въ польскихъ лѣтописяхъ: теперь оно составляетъ собственность г. Оскерка. Но было время, говорятъ старые люди, когда въ немъ производилась большая торговля лѣсомъ и отбывались дворянскіе сеймы, когда Скрыгаловъ считался укрѣпленнымъ и неприступнымъ городомъ. Въ доказательство такого предположенія ссылаются на сосѣднее *городище*, какъ на остатокъ древней скрыгаловской крѣпости: народъ до сихъ поръ называетъ городище *Городкомъ*. Городище это не что иное, какъ обширная площадь среди густаго лѣса, занимающая нѣсколько десятинъ; она окружена высокими земляными окопами и глубокимъ рвомъ съ водою. Будучи затемнено глухимъ, непроходимымъ лѣсомъ отъ самаго Скрыгалова, городище почти не замѣтно для проѣзжающаго по большой туровской дорогѣ; да и самая площадь его мѣстами заросла вѣковыми дубовыми деревьями, которыя еще болѣе придаютъ ему таинственности вну-

три земляныхъ окоповъ. Но кто бы захотѣлъ ближе ознакомиться съ мѣстностью городища, тотъ, при видѣ уже самаго искусственнаго устройства грунта, невольно пришелъ бы къ несомнѣнному заключенію о какомъ-то древнемъ его значеніи; еще болѣе убѣдился бы онъ въ своемъ заключеніи, еслибъ коснулся грунта какимъ нибудь заступомъ или плугомъ: на самомъ незначительномъ разстояніи отъ поверхности земли попадаются куски глины, кирпичей, тесанаго камня, даже кой-гдѣ обломки мраморныхъ, полированныхъ плитъ; часть такой плиты мнѣ самому пришлось видѣть. Разсказываютъ, что, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, какой-то терпѣливый археологъ-землекопатель, изрывшій одинъ уголъ площади, открылъ цѣлую лѣстницу изъ мрамора, подъ которою просачивалась вода, какъ будто изъ искусственнаго водопровода. Къ сожалѣнію тѣмъ и оканчиваются разсказы скрыгаловскихъ старожиловъ; мѣстный помѣщикъ не любитель старины и не интересуется сокровищами такой мѣстности въ своихъ владѣніяхъ. Что тутъ было въ самомъ дѣлѣ, трудно сказать навѣрное: нѣтъ никакого опредѣленнаго преданія о городищѣ..... Только и есть свидѣтелей чего-то былаго—кругомъ валъ и внутри самаго городища—могилы разныхъ величинъ, множество малыхъ и большихъ кургановъ.....

А вотъ тоже старинное мѣстечко—*Юревичи* надъ Припятью, на юго-востокѣ отъ Мозыря; близь этого мѣстечка также есть нѣчто въ родѣ городища съ курганами, прозванное *Граднею*. Тутъ же, на значительномъ возвышеніи, между Припятью и красивымъ озеромъ, рисуется, по своему живописному положенію, великолѣпный каменный зàмокъ *Барбаровъ*, весь закрытый у подножія своего возвышенія широкою цѣпью горъ. Старинная архитектура этого зàмка, зубчатыя башни, колонны, шпицы, высокіе рвы, канавы, подземные ходы и наводные цѣпные мосты придаютъ зданію характеръ какого-то особеннаго времени, чуть ли не рыцарскаго, если только рыцарство существовало въ западнорусскомъ краѣ. Барбаровъ — принадлежитъ г. Оскеркѣ, владѣтелю Скрыгàлова.

— —

III.

Прибрежныя местности отъ Мозыря до Петрикова.—Мѣстечко Петриково.—Обрядъ Купалы.—Купальныя верованья.—Черничъ.—Туровъ и туровское княжество съ X вѣка до соединенія Литвы съ Польшею.—Туровская епископія и ея епископы.—Туровъ подъ польскимъ владычествомъ.—Остатки древностей.—Курганъ Тура.—Число церквей.—Туровское кладбище.—Преданія о немъ.—Грунтъ земли.—Туровскіе лѣса.—Компанія англичанъ для срубки лѣса и построенія фермъ—въ Туровѣ.—Овцеводство и пчеловодство поселянъ.—Туровскія женщины.—Предмѣстья Турова.—Каменный уголь.—Мѣстечко Давыдгородокъ.—Права его.—Давыдгородскіе мѣщане и ихъ торговля.—Радище и древніе выборные въ мѣстечкѣ.—Костюмы ихъ. — Сапожничество. — Женскія работы. — Языкъ Давыдгородцевъ. — Мѣстечко Семикостичье и фантастическая народная легенда о семи сестрахъ.

Изъ Мозыря въ Туровъ можно ѣхать сухимъ путемъ и водой; но я предпочелъ послѣднее, тѣмъ болѣе, что можно было отправиться на пароходѣ; мнѣ собственно хотѣлось взглянуть на прибрежныя окрестности Припяти, мимо которыхъ слѣдовало проходить пароходу, и остановиться по пути въ Петриковѣ; а этого не трудно было достигнуть при томъ медленномъ плаваніи, которымъ отличаются нововведенные мозырскіе пароходы. На пароходѣ очень мало было пассажировъ, весь грузъ состоялъ больше изъ товарнаго багажа. По мѣрѣ удаленія парохода отъ Мозыря, берега Припяти все болѣе и болѣе закрывались тѣнистыми кустарниками можжевельника и сосняка, постепенно смѣнявшимися густымъ лѣсомъ, превратившимся, наконецъ, въ самыя глухія, нетронутыя рукою человѣка, чащи гигантскихъ, толстѣйшихъ дубовъ, которые народъ называетъ столѣтними. И дѣйствительно, дубы огромныхъ размѣровъ,—тремъ человѣкамъ съ трудомъ обхватить; и всѣ эти дубы стоятъ цѣлыми семьями на высокихъ, постоянно перемежающихся, горахъ, нерѣдко окаймленныхъ рыхлыми, болотистыми топями; между тѣмъ берега Припяти все ниже и ниже становятся, такъ что, при такой только низменности береговъ понятенъ тотъ страшный разливъ водъ, которыми наполняются прибрежныя лѣсныя мѣстности Мозырщины и туровской окраины. Но вотъ наконецъ, на самомъ близкомъ разстояніи, выглянуло мѣстечко Петриково, разбросанное въ живописномъ безпорядкѣ на обрывистомъ берегу

Припяти. Мѣстечко расположено на высокой горѣ, всѣ зданія деревянныя, и церковь и костелъ архитектуры незавидной. Петриково принадлежитъ владѣльцу князю Горскому-Ходкевичу, предку старинной литовской фамиліи, послѣдніе представители которой считались виленскими каштелянами; тутъ есть торговая пристань для мѣстныхъ суденъ, торговля производится деревомъ и рогатымъ скотомъ, особенно во время ярмарокъ, которыми богато мѣстечко. Въ Петриковѣ когда-то былъ укрѣпленный замокъ съ бастіонами и временнымъ гарнизономъ слуцкаго князя Юрія Олельковича, знаменитаго родоначальника древней западнорусской династіи въ слуцкомъ княжествѣ: Петриковъ составлялъ нѣкогда повѣтовый городокъ слуцкаго удѣла князей Олельковичей, а отъ нихъ, по праву родства въ женской линіи, перешелъ къ Ходкевичамъ.

Пароходъ остановился въ Петриковѣ на всю ночь для нагрузки кожъ, и я поспѣшилъ воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобъ побродить по ближайшимъ лѣсамъ и курганамъ мѣстечка. Это было подъ вечеръ, солнце клонилось къ закату. Я обходилъ почти всѣ ближайшія чащи дубовъ и пробирался къ пристани, какъ вдругъ пораженъ былъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ лѣса страшнымъ заревомъ: мнѣ показалось—не пожаръ ли въ мѣстечкѣ, но, подходя ближе къ огню, увидѣлъ совсѣмъ другое. На высокомъ, почти квадратномъ курганѣ,—кто знаетъ не древняго ли какого нибудь историческаго происхожденія, толпа поселянъ и поселянокъ кружилась, приплясывала и пѣла при пылавшемъ кострѣ изъ хвороста и вѣтвей.

«Что такое у васъ?» спросилъ я одну поселянку.

«Купалу справляемъ,»—наивно отвѣчала молодая дѣвушка.

Купалу?... Тутъ я вспомнилъ, что попалъ на народный праздникъ языческаго происхожденія, извѣстный въ великорусскихъ деревняхъ подъ именемъ Иванова дня. Въ западнорусскомъ краю этотъ день называется *Купалой* въ память древняго языческаго славянорусскаго божества Купалы, покровителя цвѣтовъ и плодовъ, отъ котораго выродился въ простонародьи праздникъ, совершаемый наканунѣ Иванова дня, 23 іюня. Мнѣ знакомъ былъ этотъ праздникъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ и я хотѣлъ провѣрить самый обрядъ народнаго торжества. Посреди кургана прикрѣпленъ былъ въ углубленіи длинный деревянный шестъ, весь обвитый зеленью;

на верхушкѣ его привязано нѣсколько вѣнковъ изъ цвѣтовъ и березовыхъ вѣтвей. Этотъ шестъ изображаетъ бога Купалу; его приноситъ обыкновенно молодая, красивая дѣвушка, называемая по этому случаю, купальницею. Купальница тоже вся покрыта, съ ногъ до головы, цвѣтами и зеленью, съ вѣнкомъ на головѣ. Она обязана воткнуть въ яму шестъ, а прочія подруги—вокругъ шеста,—на значительномъ разстояніи отъ него—(чтобъ не сгорѣлъ прежде времени) набрасываютъ хворостъ, вѣтви и вѣнки изъ свѣжихъ и сухихъ травъ. Все это приготовляется до заката солнца. Какъ только скроется солнце, купальница съ завязанными глазами садится въ яму; хороводъ дѣвицъ и парней кольцомъ кружится вокругъ ямы и шеста съ разными припѣвами. Между тѣмъ, купальница безъ разбора вынимаетъ изъ ямы вѣнки и раздаетъ ихъ подругамъ. Если которой дѣвицѣ попадется вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, это значитъ — быть ей счастливой и богатой замужемъ. Если же достанется вѣнокъ изъ сухихъ травъ,—это значитъ, дѣвица будетъ несчастлива и бѣдна въ замужствѣ. По окончаніи гаданій, парни бросаютъ солому и лѣсной хворостъ въ яму и зажигаютъ ихъ, а чтобъ *иллюминація* купальная продолжилась,—подбавляютъ сухихъ прутьевъ и листьевъ до тѣхъ поръ, пока не угомонится праздничная пляшущая компанія. Къ концу—сгораетъ и самый шестъ...—Съ этимъ обрядомъ соединяются довольно забавныя народныя повѣрья. Думаютъ, что купальная ночь полна необыкновенныхъ происшествій; вѣрятъ, будто въ ту ночь веселится и пляшетъ весь свѣтъ.... Главное веселье происходитъ на Лысой горѣ, гдѣ вѣдьмы справляютъ торжественный *шабашъ*: на этотъ шабашъ должны съѣхаться всѣ вѣдьмы и подвластныя имъ чаровницы и чаровники; оттого-то въ купальную ночь не оставляютъ лошадей на пастбищахъ, въ полномъ убѣжденіи, что какой нибудь вѣдьмарь или колдунъ непремѣнно уѣдетъ на самомъ лучшемъ конѣ. Мельники отправляются на гарцъ по рѣкѣ и привораживаютъ рыбъ на зло рыбакамъ, которые въ эту ночь получаютъ какое-то особенное прозрѣніе отъ необыкновеннаго отсвѣта на озерахъ. Этотъ отсвѣтъ будитъ утокъ и другихъ рѣчныхъ птицъ, которыя весело перекликаются своимъ птичьимъ говоромъ. Деревья пляшутъ и переходятъ съ одного мѣста на другое; разговариваютъ между собою посредствомъ шума листьевъ и вѣтвей. Чтобъ понимать этотъ

разговоръ, нужно найти цвѣтокъ папоротника и носить его въ сапогахъ или въ лаптяхъ. Съ папоротникомъ ищутъ кладовъ и увѣрены, что находятъ: остановка только за цвѣткомъ...

На другой день съ разсвѣтомъ пароходъ летѣлъ на усиленныхъ парахъ и живописное мѣстоположеніе съ своими величественными дубами мелькомъ проносилось предъ пассажирами до самаго Чернина, красивой деревни: видно, нужно было поспѣшить туда. Отъ Чернина пароходъ опять шелъ тише, а предъ Туровомъ почти черепахой ползъ. Наконецъ—вотъ и Туровъ—между Припятью и Струменемъ. Тѣже огромныя горы и курганы, тѣже непроходимыя лѣса и топкія болота...

Кто бы могъ сказать, при видѣ небольшаго мѣстечка, даже деревни съ маленькими деревянными домиками, окруженными низенькими плетнями изъ вербъ, что это мѣстечко, эта деревня—тотъ самый древній, историческій Туровъ, главный городъ первыхъ русскихъ удѣльныхъ князей, ближайшихъ родственниковъ Владиміра Великаго, даже чуть ли не княжество до-владимірской династіи, владѣніе самобытнаго варяжскаго князя Тура, о которомъ такъ ясно говорится еще въ лѣтописяхъ X вѣка. «Бѣ бо Рогволодъ, замѣчаетъ составитель лаврентьевскаго списка (1), пришелъ изъ-за моря, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туръ—въ Туровѣ». А таково, дѣйствительно, древнее происхожденіе нынѣшняго мѣстечка Турова. Была эпоха, когда Туровъ и туровское княжество занимали видное мѣсто въ составѣ древней Руси. Политическое значеніе Турова проявляется съ самаго начала X вѣка, когда первый туровскій князь участвовалъ въ походахъ Олега противъ Грековъ; по договору 907 года, Греки платили дань Олегу и туровскому князю: «и уклады на русскіе городы и на Полтескъ и на Туровъ, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья (2).» Съ XI вѣка Туровское княжество подчиняется монархіи Владиміра Великаго: въ 1019 году онъ посадилъ въ Туровъ племянника своего Святополка Ярополковича, который былъ женатъ на дочери Болеслава Храбраго. Но съ этого-то времени туровскіе князья постоянно являются претендентами на званіе великихъ князей кіевскихъ и нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ своей цѣли. Первый же Святополкъ Ярополковичъ начи-

(1) Лѣтоп. Нест. Лавр. списк. стр. 32.—(2) Тамъ же, стр. 13.

ваетъ мечтать о Кіевѣ; но при жизни Владиміра Великаго ему не удалось осуществить своей мечты: дядя раздраженъ былъ интригами Святополка и находившагося при свитѣ жены его кольбергскаго католическаго миссіонера Рейнберна и заключилъ всѣхъ троихъ въ темницу въ Кіевѣ (1). По смерти дяди, Святополкъ, при помощи своихъ соучастниковъ, былъ освобожденъ и, какъ старшій въ родѣ Рюриковичей, успѣлъ захватить кіевскій великокняжескій престолъ: отсюда вліяніе католицизма на кіевскую Русь при содѣйствіи епископа Рейнберна (2). Въ 1078 году Всеволодъ Святославичъ укрѣпился въ Кіевѣ и Туровъ передалъ младшему сыну Ярополку: «Всеволодъ сѣде Кіевѣ на столѣ, переима власть руськую всю, придавъ Ярополку Туровъ (3).» Въ 1093 году туровскимъ княземъ былъ Святополкъ Изяславичъ, который, по назначенію Владиміра Мономаха, избранъ былъ на великокняженіе въ Кіевъ. Онъ былъ раздражительный и неспокойный великій князь, постоянно враждовалъ съ сосѣдними удѣлами и производилъ смуты въ соплеменныхъ округахъ. Съ перваго же года своего великокняженія, по внушенію постоянно бывшей при немъ охранительной туровской дружины, онъ вступилъ въ борьбу съ сильными Половцами и, разбитый на голову за р. Стугною, бѣжалъ опять въ Туровъ, откуда снова возвратился на великокняжескій престолъ въ 1097 году (4). Святополкъ Изяславичъ умеръ въ 1113 году, проклинаемый подданными. Послѣ него Владиміръ Мономахъ избралъ въ великіе князья кіевскіе сына своего Вячеслава, князя туровскаго-же, любимаго своими подданными больше всѣхъ предшественниковъ, который не разъ былъ посылаемъ для усмиренія непокорныхъ Кривичей—жителей нынѣшней минской губерніи (5): мѣсто его въ Туровѣ въ 1146 году заступилъ Ярославъ Изяславичъ. Съ этого времени въ составъ туровскаго княжества входитъ Пинскъ и судьба его неразлучна съ Туровомъ. Въ 1155 году великій князь Юрій Долгорукій отдалъ туровское княжество сыну своему Борису; предѣлы княжества простирались за рѣку Горынь, и обхватывали всю нынѣшнюю Мозырщину. Въ 1158 году Туровъ былъ сильно укрѣпленъ и наполненъ

---

(1) Dietmari chronic. lib. VII, p. 859, § 52.—(2) Тамъ же. Также—Monumenta German. histor. t. III. p. 69.—(3) Лаврент. лѣт. стр. 87.—(4) Исторія древняго Галичско-русскаго княжества, соч. Дениса Зубрицкаго, Львовъ, 1852 г. ч. II. стр. 16, — (5) Русская хроника, изд. Даниловича, стр. 121.

союзными войсками, по случаю нападенія на него Ярославичей, хотѣвшихъ вытѣснить изъ него Бориса Юрьевича. Туровъ былъ осаждаемъ десять недѣль многочисленнымъ отрядомъ, но великій князь Юрій подоспѣлъ на помощь и Борисъ удержался [1]. Въ 1190 году лѣтописи называютъ туровскимъ княземъ безсильнаго Святополка Юрьевича, который былъ данникомъ Ольговичей и долженъ былъ помогать имъ противъ кіевскаго князя Рюрика: «въ лѣто 6715 поидоша Олговичи вси опять на Рюрика къ Кыеву, Всеволодъ Чермный съ своею братью и съ своими сыновци, а изъ Турова и изъ Пиньска князь Святополкъ [2].» Впослѣдствіи туровское княжество упало отъ постоянныхъ дробленій удѣловъ и изъ сильныхъ туровскихъ князей выродились мелкіе князья Острожскіе, Погоринскіе, Несвижскіе, Свислочскіе. Окончательное же уничтоженіе туровской владѣтельной династіи послѣдовало въ эпоху укрѣпившагося въ западной Россіи литовскаго могущества. Вліяніе этого могущества началось при Скирмунтѣ, который, одержавъ блистательную побѣду надъ туровскимъ и волынскимъ княземъ Мстиславомъ при р. Ясолдѣ, послѣ долгихъ сопротивленій жителей все еще *крѣпкаго* (по выраженію лѣтописей) Турова, слилъ владѣнія туровскихъ князей съ литовскими провинціями: Скирмунтъ отдалъ Туровъ сыну своему Пуссимунду. Въ 1320 году Гедиминъ уничтожилъ названіе туровскаго княжества и литовскіе владѣтельные князья туровскихъ областей перенесли столицу своего управленія въ Пинскъ. Впрочемъ въ Туровѣ все таки оставалась въ это время главная резиденція православной Епископіи, которой была подчинена епархія пинская. Епископія еще долго существовала въ Туровѣ [3]; послѣдній епископъ туровскій—Авраамій Стагоскій умеръ въ 1630 году; предшественникомъ его былъ Лаврентій [4]. Изъ другихъ епископовъ извѣстны: знаменитый проповѣдникъ—св. Кириллъ; владыка Іоакимъ [5], Варлаамъ [6] Маріо́нъ [7], Арсеній и Григорій, участвовавшій въ брестскомъ соборѣ по случаю затѣваемой уніи [8]. Туров-

---

(1) Истор. др. Галич. княж. Зубрицкаго, ч. II, стр. 29. — (2) Лаврент. лѣт. стр. 181.—(3) Żywoty Ewfrosynii,—Stebelski,—ч. II, стр. 165.—18.—(4) Рус. Патер. Новг. Соф. Библ. № 502, л. 87. — (5) Jusza — o obrazie cudownym Matki Boskiej w Chełmie; Niesiecki, t. I, f. 94; t. IV, 770. — (6) Собр. акт. и грам. Минск. губ. № 11.—(7) Историч. слов. т. I.—(8) Соврем. 1853 г., № VI. Статья о Брестѣ...

ская епархія существовала даже и въ 1686 году, послѣ соединенія Литвы съ Польшею [1].

Въ XVI столѣтіи, всѣ укрѣпленія съ замкомъ и каменными зданіями были разрушены Татарами; впрочемъ и до того Туровъ испыталъ не мало опустошеній. Въ 1521 году Татары разграбили замокъ, домъ владыки и всѣ пожитки увезли въ свою алчную орду. Во время польскаго владычества, Туровъ былъ обращенъ въ пепелъ по случаю кровопролитной стычки князя Януша Радзивила съ Михненко, который, на пути въ Мозырь, успѣлъ расположить туровцевъ въ пользу казачества и на защиту православной вѣры, и тѣмъ раздражилъ польскую власть: Туровъ постигла участь Мозыря (см. выше, глава II о Мозырѣ). Съ тѣхъ поръ Туровъ перестаетъ быть историческимъ городомъ и неизвѣстенъ въ лѣтописяхъ не только подъ именемъ княжества, но даже и воеводства, въ смыслѣ польской административной области. Въ концѣ XVI столѣтія, по свидѣтельству старинцаго польскаго географа [2], значится только минское воеводство, къ которому причисленъ былъ Туровъ въ половинѣ XVII вѣка, въ качествѣ повѣтоваго города.

Теперь Туровъ—мѣстечко мозырскаго уѣзда. Явныхъ слѣдовъ древняго княженія въ немъ нѣтъ почти никакихъ. Единственными остатками туровскихъ древностей—курганы и другія насыпи, раскинутыя вокругъ мѣстечка; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ названія замчищъ и могилъ. Но все это такъ темно, спутано въ устахъ народа, что, по сказаніямъ его, невозможно составить вѣрнаго понятія о значеніи бо̀льшей части кургановъ. Самая большая насыпь, извѣстная подъ именемъ Туры, тянется на значительномъ пространствѣ по правую сторону Припяти; названіе это, говорятъ, сохранилось въ память бывшаго нѣкогда на ней семибашеннаго за̀мка (тура—башня), обведеннаго рвами; слѣды рвовъ замѣтны отчасти и теперь. Но отъ развалинъ за̀мка не осталось ни одного камня. На мѣстѣ ихъ построена церковь. Всѣхъ церквей три, а, по народному преданію, въ древнемъ Туровѣ было 80 церквей.

По лѣвую сторону Припяти на высокой горѣ расположено обширное квадратное кладбище, на которомъ, по общему голосу въ наро-

---

[1] Вильно отъ начала существованія, Крашевскаго, т. III, стр. 64. —
[2] Географич. словарь Карницскаго, стр. 402.

дѣ, была обитель св. Кирилла, епископа туровскаго и мѣстопребываніе прочихъ туровскихъ владыкъ; тутъ же былъ, говорятъ, и монастырь Кирилловскій. Удивительно, замѣтимъ, что до сихъ поръ заслуги этого знаменитаго дѣятеля своего времени не почтены никакимъ общественнымъ памятникомъ въ минской губерніи; даже ни одинъ минскій монастырь не носитъ имени св. Кирилла. Носились только слухи назадъ тому два года, что въ самомъ Минскѣ предполагали основать пріютъ и монастырь въ память св. Кирилла туровскаго: неужели только слухами и ограничится доброе намѣреніе? На томъ же кладбищѣ, говоритъ преданіе, похороненъ любимый князь туровскій Вячеславъ Владиміровичъ. Неподалеку отъ кладбища, въ огромномъ, густомъ лѣсу, указываютъ могильный курганъ, на которомъ погребены два героя изъ охранной стражи Вячеслава. По сосѣдству со всѣми насыпями и курганами грунтъ земли необыкновенно жиренъ и плодороденъ, да и вообще туровская земля славится тучнымъ черноземомъ, на которомъ можетъ родиться самая роскошная пшеница и просо. Мнѣ случилось видѣть прекрасные арбузы и дыни въ Туровѣ, которые тамъ родятся въ обиліи и созрѣваютъ къ августу. Овощи туровскіе—морковь, огурцы, картофель и горохъ очень вкусны и питательны.

Какъ ни громадны мозырскіе лѣса, но туровскія пущи составляютъ исключеніе по своимъ необыкновенно рослымъ липамъ, кленамъ и пихтовымъ деревьямъ, которыя напоминаютъ пресловутую бѣловѣжскую пущу (на границѣ Пинскаго полѣсья, между Кобриномъ и Брестомъ), недостаетъ только зубровъ; но зато въ туровскихъ лѣсахъ водятся такіе медвѣди, что, при встрѣчѣ съ ними, ахнешь отъ удивленія, такъ великорослы эти опустошители улей и полей крестьянскихъ; они преспокойно расхаживаютъ по нивамъ, истребляютъ овесъ и пшеницу; забираются въ улья и опрокидываютъ ихъ на землю; водятся также серны и барсуки. Туровскія лѣса доставляютъ поселянамъ много средствъ для жизни: сплавка строеваго лѣсу, гонка смолы, приготовленіе лубьевъ и мочулы—все это важный прибытокъ въ мѣстечкѣ, которое лежитъ при судоходной рѣкѣ. Но особенно большіе заработки представляются весною, когда подрядчики и вообще лѣсные промышленники спѣшатъ переправить чрезъ Припять приготовленный лѣсъ; а сбытъ лѣсу въ Туровщинѣ большой, хотя гораздо съ бо̀льшею предосторожностью со стороны

владѣтелей, чѣмъ въ мозырскихъ зарosляхъ; туровскіе помѣщики знаютъ цѣну своему лѣсу и не позволяютъ обходиться съ нимъ небрежно: рубка допускается самая умѣренная. А охотниковъ до истребленія туровскихъ лѣсовъ нашлось бы много; сюда проникали уже отдаленные иностранные торговцы. Слава туровскихъ пущъ зашла даже въ Англію: еще въ 1790 году какая-то компанія англичанъ затѣвала громадный проектъ для закупки самыхъ лучшихъ лѣсныхъ мѣстностей вокругъ Турова съ цѣлью вырубки вѣковыхъ дубовъ и сосенъ и потомъ основанія разныхъ земледѣльческихъ фермъ на опустошенной землѣ; уже было даже приступлено къ составленію условій покупки, Огинскій—помѣщикъ—отправился было въ Англію для заключенія контракта на цѣлые десятки лѣтъ; но, къ счастію, политическій переворотъ въ Россіи остановилъ гибельное намѣреніе туровскихъ владѣтелей и лѣса ихъ остались неповрежденными до настоящаго времени. Не лучше ли самимъ заняться очищеніемъ лѣсовъ и невольною рубкою, а потомъ учрежденіемъ фабрикъ и фермъ: кстати же, Туровъ можетъ похвалиться своимъ овцеводствомъ и скотоводствомъ; овцы туровскія даютъ обильную, прекрасную мягкую шерсть, изъ которой на иностранныхъ фабрикахъ выдѣлываютъ тонкія шерстяныя и суконныя матеріи; отчего не употребить съ пользою ту же шерсть на туземныхъ фабрикахъ? На фермахъ можно устроить пахты и маслобойни, скота довольно, даже овечій сыръ туровскій можетъ составить лакомство для любителей самыхъ нѣжныхъ сыровъ; въ туровскихъ селахъ водятся козы—тоже матеріалъ для фабричной промышленности. Владѣльцамъ слѣдовало бы позаботиться о пчеловодствѣ; вѣдь получаютъ же поселяне большія выгоды отъ меду, особенно липоваго (липецъ), пахучаго и прозрачнаго, какъ ключевая струя; нѣкоторые зажиточные мужички десятками пудовъ продаютъ медъ, который, проходя даже чрезъ жидовскія руки, все также цѣненъ и запросъ на него за границей постоянный.

Поселяне и поселянки туровскіе много имѣютъ общаго съ мозырскими крестьянами и въ костюмѣ и въ образѣ жизни; но главнымъ преимуществомъ туровлянокъ можно назвать цѣломудріе, которое составляетъ ихъ украшеніе и гордость. Нарушеніе цѣломудрія считается непростительною обидою для семьи и виновникъ наказывается изгнаніемъ изъ общества, — бываютъ слу-

чаи, что соблазнителя привязывают къ столбу посреди деревни и такимъ образомъ выставляютъ его на позоръ предъ всею честною громадою. Мущины очень статны и хорошо сложены, предпріимчивы и энергичны; женщины отличаются тихостью, кротостью и смѣтливостью; между ними есть много рукодѣльщицъ-самоучекъ, нѣкоторыя ткутъ самыя тонкія полотна, поясы и даже ленты изъ шерсти, которыя на ярмаркахъ минскихъ выдаются за привозныя: такъ красиво и прочно ткутъ туровлянки. Женщины, особенно дѣвушки, любятъ заниматься цвѣтоводствомъ: почти у каждаго домика увидите чистенькій, хоть небольшой цвѣтникъ подъ надзоромъ дочери, сестры или племянницы хозяина.

Туровъ состоитъ изъ двухъ частей: главную часть составляетъ мѣстечко, другую—два предмѣстья: *Заятелье* и *Запесочье*; предмѣстья отдѣляются отъ мѣстечка большою курганною насыпью; близь этой насыпи, въ лѣсахъ, недавно открыли каменный уголь, который оказался годнымъ для топленія; говорятъ, его находятъ и въ другихъ мѣстахъ туровскихъ лѣсовъ, но неумѣнье обращаться съ нимъ отбиваетъ охоту въ поселянахъ отыскивать его, а между тѣмъ можно было бы обратить серьезное вниманіе на эту производительную отрасль туровскаго края... Знать, не совсѣмъ пришла еще у насъ пора пользоваться дарами своего отечества... Авось другіе напомнятъ намъ объ нихъ...

Кто бывалъ въ Туровѣ, тотъ не могъ миновать замѣчательнаго, большаго, опрятно застроеннаго промышленнаго мѣстечка—*Давыдгородка*, который рѣзко отличается въ туровскомъ краѣ своимъ веселымъ мѣстоположеніемъ и нравами жителей: онъ построенъ на нѣсколькихъ островахъ между тремя рукавами рѣки Горыни, впадающей въ Припять. Судьба этого мѣстечка чрезвычайно разнообразна: оно входило нѣкогда въ составъ ординаціи извѣстныхъ князей Радзивилловъ, было въ рукахъ другихъ владѣтелей, пользовалось и правами безподатной свободы наравнѣ съ мѣщанскимъ сословіемъ, было захвачено, во время польской неурядицы на Руси, сильными панами, наконецъ, въ послѣдніе годы, Давыдгородцы окончательно судебнымъ порядкомъ доказали свои древнія привилегіи и теперь считаются мѣщанами. Доказать мѣщанскія права Давыдгородцамъ не легко пришлось, хотя въ сохранившихся привилегіяхъ очень ясно обозначена законность иска. По этимъ при-

вилегіямъ оказывается, что Давыдгородцы—выселенцы кіевскіе, которые, въ качествѣ ратной дружины, ходили воевать въ туровскомъ княжествѣ вмѣстѣ съ своимъ княземъ Давыдомъ изъ племени кіевскаго удѣла: какой именно это былъ князь, неопредѣлено въ привилегіяхъ, но то достовѣрно, что онъ съ своею дружиною, послѣ разныхъ воинскихъ неудачъ, промѣнялъ мечь на спокойную жизнь и основалъ городокъ неподалеку отъ древняго Турова; можетъ быть судьба его тѣсно связана была съ туровскимъ княжествомъ..., покрайней мѣрѣ между его дружиною,—нынѣшними Давыдгородцами и Туровцами существуетъ самая тѣсная, дружеская связь. Что Давыдгородокъ довольно древнее оселище, это доказывается грамотою Короля Яна-Казиміра (*); въ которой упоминается о старинной православной церкви въ Давыдгородкѣ въ 1663 году. Въ самомъ мѣстечкѣ до сихъ поръ сохранился памятникъ древняго управленія—общиннаго совѣта: одна улица называется—*Радищемъ* (или Радичи) отъ мѣста, гдѣ нѣкогда происходила *рада*—совѣтъ; въ этой улицѣ, говорятъ, была *радная изба*, въ которой собирались *выборные мѣщане* для рѣшенія и обсуживанія мѣстечковыхъ *справъ* (дѣлъ). Въ память древней рады, и теперь еще нѣкоторые изъ потомковъ выборныхъ именуются въ бумагахъ радными мѣщанами. Эти старшины носятъ даже, по праздникамъ, особенный національный костюмъ (который, говорятъ, присвоенъ былъ званію прежнихъ выборныхъ): длинный почти до суставовъ ногъ кафтанъ, обшитый позументными снурками съ кистями, широкій шелковый поясъ и высокую мѣховую боярскую шапку; костюмъ этотъ живо напоминаетъ древнія облаченія допетровской Руси. Не менѣе того интересны костюмы и прочихъ давыдгородскихъ мѣщанъ—тоже кафтаны, только темнаго цвѣта, съ кушаками, высокіе сапоги за колѣна, рубашка съ нѣсколькими запонками, на плечахъ перевязь съ сумкою; при этомъ длинные волосы, усы и у нѣкоторыхъ—бритыя бороды. Давыдгородцы отличаются здоровымъ, атлетическимъ складомъ тѣла, ловкостью и умнымъ выраженіемъ лица. Женщины видныя, живаго характера и работящи въ высшей степени. Жизнь Давыдгородцевъ очень привольна: всѣ они большіе хозяева и преимущественно—огородники; постоянный предметъ ихъ промышлен-

(*) Собр. акт. и грам. Минск. губер. № 132.

ности и торговли—огородныя овощи и сѣмена, сушеные фрукты, пшено и отлично сохраняемый тминъ. Все это они развозятъ по сосѣднимъ губерніямъ, высылаютъ въ Кіевъ, Варшаву и Вильно. Въ Вильнѣ даже устроено для ихъ торговли особенное мѣсто предъ ратушею, обезпеченное древнимъ (съ XV столѣтія) городскимъ постановленіемъ, предписывающимъ не мѣшать давыдгородскимъ купцамъ свободно торговать въ Вильнѣ *на ратушевомъ плящу*: тутъ-то и располагаются Давыдгородцы съ своими товарами. Сюда же привозятъ они сушеные бѣлые грибы, которыми славятся ихъ лѣса, копченую рыбу, солонину и ветчину, приготовленіемъ своимъ ничуть не уступающую вестфальской; яркій розовый цвѣтъ, крѣпость и малосольный вкусъ составляютъ отличительное достоинство какъ солонины, такъ и ветчины давыдгородской. Чтобъ судить о достоинствѣ этой ветчины, стоитъ посмотрѣть на самыхъ кабановъ, величиною съ молодаго вола, которые откармливаются жолудями, дикими яблоками, грушами и сочными кореньями на давыдгородскихъ островкахъ, гдѣ ихъ оставляютъ безъ всякаго присмотра: кабаны эти кормятся два-три года, такъ что не могутъ ходить отъ заплывшаго жиру. Жиръ свиной тоже рѣдкость, иногда бываетъ толщиною въ четверть аршина; его много закупаютъ для заграничныхъ рынковъ. Не послѣднюю статью промысла представляютъ сушеные ерши и вьюны, которые продаются возами, нанизанные на длинныхъ прутьяхъ: еще лучше солепые ерши и маринованные вьюны.

Замѣчательно, что въ Давыдгородкѣ евреи никакъ не могли втереться въ мѣстную торговлю: мѣщане христіанскіе исключительно ведутъ какъ мелочную, такъ и оптовую продажу всѣхъ возможныхъ товаровъ и продуктовъ. Даже ремесленничество въ рукахъ христіанъ: особенно интересно мѣстное сапожничество; въ мѣстечкѣ приготовляются непромокаемые сапоги и башмаки съ двойными подошвами, но такими прочными, что даже въ болотахъ давыдгородскихъ выдерживаютъ около года. Въ этомъ отношеніи Давыдгородокъ можетъ стать на ряду съ Торжкомъ (тверской губерніи), промышляющимъ готовыми сапогами. Я думаю даже, что сапожный товаръ давыдгородскій гораздо лучше и крѣпче торжковскаго, потому что юфть давыдгородская выдѣлывается безъ примѣси разныхъ острыхъ, ѣдкихъ жидкостей, къ которымъ прибѣгаютъ въ Торжкѣ, при очисткѣ кожъ, ради наружнаго вида; Давыдгородецъ болѣе за-

ботится о прочности, чѣмъ объ изящности кожи—особенно для мужской обуви. Это оттого, что въ мѣстечкѣ всѣ жители ходятъ въ сапогахъ и, значитъ,—выдѣлываютъ товаръ больше для себя. Впрочемъ Давыдгородецъ такъ честенъ и добросовѣстливъ, что онъ не рѣшится на обманъ и для посторонняго: основнымъ правиломъ его въ жизни:«что не любо другому, то не мило и мнѣ.» При такомъ правилѣ понятны тѣ благородныя качества, которыми знаменательно отдѣляются давыдгородскіе жители отъ другихъ нашихъ поселянъ. Добрыя дѣла ихъ награждаются въ свою очередь семейнымъ счастіемъ и благосостояніемъ. Давыдгородцы живутъ достаточно и даже, можно сказать, богато; нѣкоторые мѣщане владѣютъ большими капиталами и записались въ купечество; грамотность между ними—вещь обыкновенная.

Женщины давыдгородскія дѣлаютъ рыбачьи сѣтки, вырѣзываютъ изъ бересты табакерки и прядутъ самую тонкую бумагу, изъ которой ткутъ платки и *очипки* (чепчики); къ числу полезныхъ тканей относится такъ называемая *редюга*, которая употребляется лѣтомъ вмѣсто стеколъ въ оконныхъ рамахъ. Женщины же плетутъ изъ соломы фуражки и шляпы мужскія, также корзинки. Но особенно красивы корзинки изъ вербовыхъ плетенокъ, окрашиваемыхъ въ разные цвѣта; изъ тѣхъ же плетенокъ дѣлаются кузова для телѣгъ и бричекъ, но это уже дѣло мущинъ...

Давыдгородцы до того отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, что даже говорятъ на языкѣ, непохожемъ на мозырскую и туровскую рѣчь; въ рѣчи ихъ слышатся старинныя славянскія слова и даже самый оборотъ ея весьма близко подходитъ къ библейскому языку; это еще болѣе отражается въ письменномъ складѣ и конструкціи языка Давыдгородцевъ.

Мнѣ пришлось еще быть и въ другомъ старинномъ мѣстечкѣ, ничуть не похожемъ на Давыдгородокъ ни своимъ мѣстоположеніемъ, ни многолюдствомъ, ни красивыми домиками. Оно даже все лежитъ въ лѣсу, такъ что на площади его ростутъ кустарники и деревья. Называется оно *Семи-Костичьемъ* и имѣетъ ту особенность, что вокругъ него страшныя болота, а само расположено на семи пригоркахъ изъ самаго чистаго, почти бѣлаго песку. Народная фантазія надѣлила Семи-Костичье цѣлою легендою, отъ которой, будто, мѣстечко и получило свое названіе. Народъ разсказываетъ, что на

этихъ пригоркахъ жило семь замужнихъ сестеръ—одна другой краше и умнѣе. Мужья ихъ промышляли пушными мѣхами и часто ѣздили въ далекіе края на долгое время. Сестры жили дружно, такъ что, въ отсутствіи мужей, собирались вмѣстѣ и всегда неразлучно проводили время до возвращенія мужей. Однажды, когда мужья ихъ куда-то уѣхали, случайно попалъ въ ихъ мѣста красивый, видный дѣтина на лихомъ бѣломъ конѣ, весь залитый золотомъ и серебромъ. Какъ увидѣли домосѣдки-сестры такого статнаго богатыря, всѣ семь влюбились въ него: ждетъ богатырь рѣшенія, въ чей домъ заѣхать, каждая изъ семи сестеръ зоветъ къ себѣ. Наконецъ богатырь предложилъ имъ всѣмъ собраться въ ближайшій домъ и самъ туда отправился. Прошло нѣсколько дней, гостю нужно было ѣхать дальше, но сестры не пускаютъ его, перессорились даже между собою изъ-за него. На бѣду свою упросили они гостя остаться еще на нѣсколько дней: пріѣхали мужья и подняли страшную тревогу. Завязался семейный споръ: жены отказались отъ мужей и объявили, что готовы ѣхать съ рыцаремъ на край свѣта. Тогда мужья должны были вступить въ бой съ женами: бой былъ бы неравный, еслибъ въ ряду семи сестеръ не сталъ самъ богатырь; онъ былъ колдунъ и кликнулъ на помощь *гарцуковъ* (горныхъ духовъ); мужья были побѣждены и всѣ до одного убиты. Оставалось за тѣмъ колдуну-герою выбрать одну изъ семи сестеръ, но это не легко было сдѣлать: каждая изъ нихъ хотѣла быть женою богатыря; чтобъ избавиться отъ невѣрныхъ женъ, такъ коварно поступившихъ съ своими мужьями, богатырь велѣлъ гарцукамъ созвать семь лѣсныхъ духовъ, явиться всѣмъ имъ въ образѣ такого же, какъ онъ, статнаго дѣтины и взять семь сестеръ - вдовъ въ жены себѣ. Сестры были увѣрены, что каждая изъ нихъ избрана самимъ богатыремъ, а ему того и хотѣлось. Онъ уѣхалъ въ тотъ же день на своемъ бѣломъ конѣ, а лѣсные духи навсегда остались повелителями семи сестеръ.—Мужья всѣхъ семи сестеръ похоронены на семи холмахъ, а самое мѣсто сраженія названо Семикостичьемъ, оттого что на немъ пало семь труповъ—(костячей).—Семикостичье до сихъ поръ считается пріютомъ колдуновъ, вѣдьмарей и чаровницъ.

П. Шпилевскій.

1859 г. апрѣля 28 дня.

О НИЩЕНСТВѢ И РАЗНЫХЪ ВИДАХЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Въ быту общественномъ, какъ и на поприщѣ труда, нельзя быть всѣмъ въ одинаковомъ положеніи, пользоваться одинаковою степенью значенія и матеріальнаго благосостоянія. А потому есть люди знатные и люди простые, богатые и бѣдные, и такъ-себѣ ни то, ни сё. Но понятіе о богатствѣ гораздо опредѣленнѣе понятія о бѣдности, которое очень условно и иногда придается безразлично цѣлымъ классамъ народонаселенія. Такъ въ большихъ городахъ есть отдаленные кварталы, жители коихъ считаются бѣдными; въ уѣздахъ есть бѣдныя деревни и между городами иные слывутъ такими же. Конечно не всѣ обыватели помянутыхъ мѣстъ суть бѣдные въ строгомъ смыслѣ слова; напротивъ въ общей категоріи бѣднаго народа есть много такихъ, которые живутъ безъ нужды трудовою копѣйкою и хотя не имѣютъ ни лишнихъ денегъ, ни лишняго добра въ домѣ, однако по понятіямъ и потребностямъ общественнаго слоя, къ коему принадлежатъ, считаются даже людьми достаточными. Но есть изъ бѣдныхъ бѣдные, именно тѣ, которые или не выработываютъ сколько имъ нужно для удовлетворенія главныхъ потребностей жизни, или по болѣзни, по убожеству вовсе работать не могутъ, и не имѣютъ также ни друга, ни близкаго кто бы могъ пріютить и пропитать ихъ. Вотъ эта крайняя степень бѣдности есть уже *нищенство*, которое, по необходимости, живетъ на счетъ мірскаго пособія. Но въ слѣдствіе легкости, съ какою оно получается отъ добраго народа русскаго, много лѣнтяевъ и лицемѣровъ, своихъ и чужихъ, подъ многоразличными видами или, лучше сказать, масками, втерлось въ туже категорію живущихъ на чужой счетъ, даже на счетъ истинно-бѣдныхъ.

Обо всѣхъ этихъ нищихъ и о разныхъ видахъ благотворительности въ Россіи хочу я поговорить въ настоящей статьѣ. Современное общество наше, стремясь къ улушенію во всемъ, должно осмотрѣться и на этотъ счетъ, чтобы, съ одной стороны, принять удовлетворительныя мѣры къ утоленію скорбей истинно-страждущихъ, а съ другой—воспрепятствовать распространенію нищенства вымышленнаго, вредящаго народной нравственности.

Первый родъ нищихъ составляютъ нищіе, такъ сказать, *натуральные*. Они суть тѣ, которые имѣли несчастіе родиться убогими: слѣпыми, калѣками, сгорбленными, съ недостатками, называемыми въ свѣтѣ ужаснымъ безобразіемъ, уродствомъ, — родиться какъ будто для того, чтобы увеличить своимъ грустнымъ существованіемъ и безъ того тяжелое положеніе бѣднаго семейства, въ которомъ каждый лишній желудокъ и лишній ломоть хлѣба на счету, да и на какомъ еще, что и хотѣлось бы семьѣ поѣсть до сыта да нечего! Новорожденный какъ ни милъ сердцу матери, но и та, обремененная заботами, не о томъ, конечно, чтобы выростить другихъ дѣтей людьми порядочными (это уже дескать дѣло Божье, всякому своя судьба, свой талантъ, говорятъ обыкновенно простолюдины), а озабоченная только тѣмъ, чтобы успѣть обмыть да пріодѣть хоть въ какое нибудь смурье и тряпье другихъ дѣтей, обѣщающихъ быть работниками и кормильцами подъ старость лѣтъ матери — эта мать, которая, можетъ быть, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась матерью не видала краснаго дня, смотритъ съ грустью и съ ужасомъ на новорожденнаго — новое для нея и для семьи бремя: что̀ дѣлать съ нимъ?... Проще всего то, что болѣе сообразно съ понятіями простаго народа, что проистекаетъ изъ самой необходимости и крайности положенія: это предоставить дитя, какъ только оно мало-мальски подростетъ, промыслу Божію да милосердію добрыхъ людей! Не забываетъ Господь ни травки сельной, посылая ей росу и дождь и теплоту солнечную; умудрилъ же Онъ и птичку малую добывать себѣ кормъ, не забудетъ и убогаго! думаетъ мать и сажаетъ ребенка на завалинку своей лачужки. Авось кто нибудь и подастъ милостинку! Но прежде ребенка выучатъ повторять безъ устали передъ каждымъ прохожимъ: батюшки, матушки, кормилицы наши: будьте отцы милостивы, сотворите убогому святую милостыню, поминаючи родителей въ Царствіи небесномъ! Прохожіе идутъ своей дорогой мимо несчастнаго мальчика или дѣвочки и рѣдко развѣ уже черезъ чуръ скупой, озлобленный или самъ бѣдный не подастъ милостыни; но если вы, добрый читатель, принадлежите къ сильнымъ земли, къ счастливцамъ міра, то не оскорбляйте своей совѣсти, не прогнѣвите Бога, бросивъ убогому гривенникъ или даже цѣлковый! нѣтъ, вы сдѣлаете лучше, если, не гнушаясь бѣдности, войдете въ лачугу бѣдной матери или отца съ

матерью и поможете имъ хоть на столько, чтобы они могли воспитать свое убогое дитя убогимъ въ Богѣ! Это будетъ истинно доброе дѣло! Или же отвезите бѣдняжку въ ближайшую богадѣльню. Хотя и въ ней не широкое поле для воздѣлыванія добрыхъ началъ; но все же нѣтъ и причинъ къ развитію порочныхъ наклонностей. Но если вы думаете, что, бросивъ гривенникъ или цѣлковый, удовлетворите вашему долгу передъ вашимъ ближнимъ, то вы ошиблись! Обернитесь назадъ: вы увидите толпу неразумныхъ, но не уродливыхъ ребятишекъ, которымъ очень весело поддразнить сверстника-уродца: «у! у! поймай меня, догони», весело кричатъ они, подбѣгая къ тому, кто ни видѣть, ни бѣгать отъ слѣпоты, отъ хромоты, или какъ безрукій ничего взять не можетъ! Дитя сначала горько плачетъ, инстинктивно сознавая свое убожество, потомъ сердится на докучливыхъ... потомъ ожесточается отъ насмѣшекъ надъ его недостатками, въ чемъ онъ не повиненъ. Обернитесь въ другой разъ,—вы можете увидѣть еще худшее: злую старуху—подобіе бабы-яги, или старика, похожаго, какъ двѣ капли воды, на кощея долговѣчнаго. Ни старикъ, ни старуха, разумѣется съ прилагательными колдунъ и колдунья, поэтому самому не возбуждаютъ участія къ себѣ. Но вотъ они видятъ ребенка на завалинкѣ, выпрашивающаго мірское подаяніе, ребенка, обезображеннаго въ утробѣ матери, оборваннаго, грязнаго, возбуждающаго и жалость и отвращеніе: того только и нужно хитрому старику или старухѣ;—ребенка сманиваютъ, уносятъ силой или выпрашиваютъ у бѣдныхъ родителей,—у вдовы - матери, обремененной семействомъ. Обливаясь слезами или обрадовавшись случаю избавиться отъ выродка, она сама отдаетъ его добрымъ людямъ на попеченіе, причитаетъ надъ нимъ какъ надъ покойникомъ, но успокоиваетъ свою совѣсть тѣмъ, что благо-молъ его прокормятъ, а можетъ быть и святой будетъ да за насъ грѣшныхъ молить станетъ! Старикъ или старуха, залучивъ въ свои руки бѣднаго ребенка, прилежно занимаются его воспитаніемъ, т. е. учатъ выпрашивать подаяніе какъ можно жалобнѣе, назойливѣе, и если онъ мало выпрашиваетъ — колотятъ бѣдняжку, не жалѣя ни изсохшихъ кулаковъ своихъ, ни клюки! «Зачѣмъ пропустилъ давича барыню, что всѣмъ подала, опричь тебя? зачѣмъ не схватилъ за полу купца, у котораго была цѣлая горсть не то что грошей, а все трешниковъ да семишниковъ? На-

стюшка Акулинина и не кривая, и не горбатая, и не косолапая, какъ ты, чертово отродье, а не одинъ прохожій отъ нее не отвяжется безъ подаянія?—провалиться бы ей окаянной и съ матерью-вѣдьмой! близко и не становись: гроша не получишь, даромъ что не юродивая!.. Въ другой разъ еще пуще отваляю! На цѣлую ночь на морозъ вытолкаю, гнилой корки не дамъ!» и т. п. нѣжности сопровождаютъ ежедневные побои гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ, чтобы добрые люди не видали, не вступились за несчастнаго. Жалость, состраданіе недоступны этимъ очерствѣлымъ людямъ, и страхъ изуродовать ребенка не только не пугаетъ ихъ, но составляетъ еще прямой расчетъ на всевозможныя уродства субъекта. Пользуясь выпрошеннымъ, какъ хозяева, они оставляютъ на долю выпросившаго кой-какія скудныя крохи да черствыя корки! Если же замѣчаютъ, что дитя не довольно еще обезображено природою, то помогаютъ этому недостатку, вывихивая руку, ногу, вытравливая глазъ, какъ вещи совершенно безполезныя для существа, которое во всю жизнь не примется за работу, притомъ чѣмъ оно неспособнѣе къ труду, тѣмъ больше можетъ получить отъ людскаго состраданія! Щедро надѣляя колотушками ребенка, не разбирая по чемъ попало, чадолюбивые наставники приговариваютъ еще: «тебѣ же лѣшему добра желаютъ, образина ты этакая»! и такими чувствительными наставленіями невольно притупляется въ воспитанникѣ всякое человѣческое достоинство, самый слѣдъ добраго начала, по которому могъ бы еще отыскаться въ немъ человѣкъ, хотя и обезображенный, но все же человѣкъ!.. Такъ онъ подростаетъ, ожесточаясь болѣе и болѣе, и если вытерпитъ всю пытку въ младенческихъ и отроческихъ лѣтахъ, то къ возрасту возмужалому въ немъ уже всѣ элементы привитой безнравственности въ полномъ цвѣту: онъ уже членъ артели, бродящей по деревнямъ, по ярмаркамъ, по монастырямъ; онъ уже знаетъ наизустъ всѣ пѣсни про Лазаря, про Іуду, про Адама, про страшный судъ и многія другія Богъ вѣсть кѣмъ сочиненныя рапсодіи, которыя поетъ вмѣстѣ съ братіей голосомъ весьма раздирательнымъ, сопровождая пѣніе особенной мимикой, умѣя обращать на себя и свою артель вниманіе подающихъ милостыню; онъ уже самъ обучаетъ новичковъ такимъ же вразумительнымъ образомъ, какимъ и ему преподавалась наука нищенства!... а съ наставниками своими онъ поквитался за науку, обокравъ ихъ, эти

же съ горя либо удавились, либо утопились, либо отъ немощи гдѣ нибудь подъ кустомъ или подъ заборомъ ноги протянули! Но въ быту нищихъ есть своего рода развлеченія, своего рода честолюбіе, отличія и почести, какъ и въ порядочныхъ человѣческихъ обществахъ. Послѣ обычныхъ упражненій на папертяхъ, на улицахъ, нищіе, сдѣлавшіеся такими уже по расчету на ремесло, особенно выгодное въ дни общаго поминовенія усопшихъ, въ дни приходскихъ и монастырскихъ праздниковъ, со всею необузданностію огрубѣвшихъ людей, предаются оргіямъ, и навѣрное половина того, что вымаливаютъ они у сострадательнаго народа именемъ Христа, поступаетъ въ пользу винныхъ откупщиковъ! Но конечно кто больше выпросилъ, добылъ въ общую кассу, кто перещеголялъ уродовъ другихъ артелей, не рѣдко сходящихся въ монастыряхъ, и кто необузданнѣе предастся ночью всякаго рода разнымъ разностямъ (если въ нищемъ человѣкъ убитъ, то животное всецѣло!), тому и почетъ отъ братьи, того и въ вожаки, въ атаманы выберутъ! Послѣ 12-го года Москва не вдругъ отстроилась заново и долго еще оставались цѣлыя пустыри, на которыхъ жилья не было: тамъ то, въ развалинахъ домовъ, т. е. въ подвалахъ, былъ притонъ всякому непутному народу, въ томъ числѣ и нищимъ. Мнѣ разсказывали многіе Москвичи того времени, что по ночамъ слышались изъ этихъ ненарочныхъ катакомбъ шумъ и гамъ страшные, доказывавшіе, что нищенствующія артели, которымъ не для чего было отправляться на ночной промыселъ «мазуриковъ», отдыхали отъ трудовъ лицемѣрія и наглости за веселымъ пиршествомъ. Въ послѣдствіи находили на этихъ становищахъ деньги сборною монетою. Такъ съ младенческихъ лѣтъ иногда до глубокой старости доживаютъ многіе нищіе и рѣдкій изъ упражнявшихся долго въ нищенствѣ не зарылъ гдѣ нибудь криночки, узелочка съ деньгами. Но если бы всѣ эти люди были въ дѣтствѣ призрѣны, воспитаны въ правилахъ доброй нравственности и занятіи чѣмъ нибудь полезнымъ, не видали бы мы бродячихъ артелей, гдѣ вмѣстѣ съ искаженными природою есть искаженные насильственно и много притворяющихся какимъ нибудь убожествомъ! Эти послѣдніе, по всей вѣроятности, суть отбившіеся отъ семействъ лѣнтяи, привлеченные дурнымъ примѣромъ жить безъ труда на счетъ людскаго состраданія и русскаго обычая не отказывать просящему именемъ Христа! Одинъ проситъ на пропитаніе, другой на

погорѣлое, третій на новую церковь и проч., но правду ли говорятъ, до этого никому нѣтъ дѣла, и какъ разобрать—на церковь ли, на себя ли сбираетъ? Въ деревняхъ нѣтъ обыкновенія спрашивать виды у прохожихъ, хоть бы и на ночлегъ остановился, а у человѣка убогаго тѣмъ паче никто не рѣшится выпытывать ничего кромѣ какъ о святыхъ монастыряхъ, въ которыхъ ему доводилось бывать, и этимъ конечно пользуются многіе. Хотя бы вся очевидность была не въ пользу нищаго; но по понятіямъ народа нашего отказывать просящему грѣшно, если самъ мало мальски въ силахъ, а нѣтъ, такъ отказывающій долженъ сказать: «не погнѣвайся», или «Богъ подастъ»; послѣднее однакоже не выражаетъ того эгоизма, съ которымъ черствые люди отталкиваютъ отъ себя нужду ближняго: слово «Богъ подастъ» напротивъ того значитъ: авось Онъ пошлетъ тебѣ помощь отъ людей съ достаткомъ!... Но въ деревняхъ нищіе мало собираютъ денегъ, а бо́льшею частію что нибудь отъ трапезы селянина: ломоть хлѣба, кусокъ лепешки, пирога, яйцо и проч., поэтому необходимую амуницію деревенскихъ нищихъ составляетъ сума̀, въ которую легко можетъ помѣститься на цѣлую недѣлю провизіи. Если день праздничный или общаго поминовенія усопшихъ, сборъ нищаго обиленъ и разнообразенъ, и потому какъ бы ни былъ бѣденъ околодокъ, а нищій въ немъ пропитается! Въ такіе дни добрые селяне иныхъ мѣстъ не дожидаются даже просьбы Божьяго человѣка, но заранѣе выставляютъ на окнахъ разное кушанье, не объѣдки, не остатки, а начатки трапезы! Обычай благородный и трогательный, свидѣтельствующій о весьма хорошей чертѣ русскаго народнаго характера. Вообще деревенское народонаселеніе сострадательно къ нищему, можетъ быть и потому, что каждый, за немногими исключеніями, легко можетъ превратиться изъ мужичка исправнаго въ бобыля безхозяйственнаго, безъ лошаденки и коровенки! Смерть или рекрутчина отняла работника; градъ выбилъ поле, обѣщавшее хорошую жатву — хлѣбъ на зиму и до новаго, оплату податей, оброка. Не уродился хлѣбъ, такъ поневолѣ пришлось продать «животинку» (скотъ) и все что продать было можно, и если мужикъ нерукомесленный да еще хворость къ нему привяжется,—то какъ же ему справиться безъ запаснаго капитала, котораго крестьяне по большей части не имѣютъ?... Поневолѣ станетъ нищимъ.—Хорошо понимая возможность такой

перемѣны быта, онъ даетъ покуда въ силахъ, въ надеждѣ, что Богъ приметъ его посильную жертву и пошлетъ ему помощь въ пору нужды! Вотъ истинно бѣдные, которымъ, какъ и тѣмъ злополучнымъ, родящимся съ отталкивающими физическими недостатками и неспособностью къ труду, помогать слѣдуетъ каждому христіанину! Имъ конечно и помогаютъ, но не радикально, потому что по деревнямъ нѣтъ ни больницъ, ни богадѣленъ, ни дѣтскихъ пріютовъ. Разумѣется не сообразно было бы требовать всего этого въ каждой деревушкѣ изъ пяти, шести или десятка дворовъ; но при церквахъ (въ приходахъ) это весьма возможно: стоитъ только объяснить крестьянамъ, что помощь ближнему, потребная для исполненія заповѣди Божіей, для спасенія собственной души, можетъ состоять не въ томъ только, что исполняется обычай подавать милостыню, а что гораздо полезнѣе былъ бы общинный сборъ съ каждаго, кто чѣмъ и сколько можетъ пожертвовать, на учрежденіе постоянныхъ богоугодныхъ заведеній. Объяснить все это могутъ только приходскіе священники, которые, по назначенію своего сана, должны имѣть нравственное вліяніе на паству. Они же, врачи душевные, могутъ быть и врачами недуговъ тѣлесныхъ (въ семинаріяхъ преподается медицина), а научать Закону Божію и грамотѣ, какъ началамъ и корню просвѣщенія, составляетъ ихъ прямую обязанность. Простолюдины наши не поскупятся на жертву въ пользу добраго, богоугоднаго дѣла,—нужно только, чтобы они были увѣрены, что деньги или хлѣбъ, который они на это жертвуютъ, пошли по своему прямому назначенію, а не по чужимъ карманамъ,—и чтобъ успокоить ихъ въ этомъ существенно важномъ обстоятельствѣ, достаточно поручить завѣдываніе общественною богадѣльнею, по хозяйственной части, старикамъ, избраннымъ отъ общины (прихода). Думаю, что и монастыри, эти хранители святынь, чтимыхъ народомъ, эти «класы Божіи» на нивѣ православія, могутъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ призрѣнія истинныхъ деревенскихъ нищихъ. Не разъ уже кладовыя и житницы монастырскія, напримѣръ: Сергіевой Лавры, отворялись для нуждъ отечества, для нуждъ народныхъ—въ голодные годы,—не замкнутся они и въ этомъ случаѣ, и что дадутъ міру, то міръ же и возвратитъ имъ. Но дѣло не въ монастырскихъ средствахъ, а въ пріютѣ при монастырѣ для устраненія соблазна богомольцевъ и чтобы несчастные вмѣсто то-

го, чтобы быть на паперти, могли быть въ самой церкви, слушать слово Божіе, чего имъ по исключительности ремесла не доводится! Неизвѣстно даже бываютъ ли они на исповѣди и у св. причастія! Кому слѣдить за этимъ? Тогда только можно будетъ входить въ святыню обители съ спокойной душой, не возмущенной видомъ цѣлаго ряда обезображенныхъ нищихъ, сидящихъ, въ какую бы то ни было погоду, съ непокрытыми головами, между монастырскими воротами и папертью, распѣвающихъ на разныя голоса и весьма разное: то просьбу о помощи, то перебранку другъ съ другомъ! Человѣкъ другой среды не можетъ не замѣтить этого, а замѣтивъ—вступаетъ въ храмъ Божій неспокойно: видѣнное и слышанное слишкомъ сильно дѣйствуетъ, чтобы могло остаться безъ анализа, безъ отвлеченія отъ молитвы, для которой человѣкъ посѣщаетъ храмъ Божій, не рѣдко приходя изъ далекихъ мѣстъ! Какъ не пожелать избавиться отъ такого соблазна!... Но тотъ же богомолецъ зайдетъ съ участіемъ въ монастырскую богадѣльню, гдѣ могутъ быть призрѣны нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, и необезпокоиваемый докучливыми просьбами, возмутительными сценами, добровольно и охотно пожертвуетъ на ихъ содержаніе, тогда какъ, видя ихъ на паперти, подавалъ имъ милостыню, чтобы только отвязаться и стараясь не смотрѣть на просящихъ! Богомолецъ грѣшилъ, но грѣшилъ невольно; богадѣльни избавятъ его отъ этого.

Нищенство въ большей части уѣздныхъ городовъ, т. е. малолюдныхъ и малопромышленныхъ, почти также возможно, какъ и въ деревняхъ; но вообще гдѣ больше средствъ къ заработку, тамъ меньше причинъ къ бѣдности, — это важное преимущество городовъ передъ деревнями. Въ городахъ губернскихъ есть уже и Дѣтскіе Пріюты, содержимые на счетъ общественной благотворительности и вкладовъ единовременныхъ и постоянныхъ; есть Приказы Призрѣнія, и тому подобныя заведенія,—нѣтъ только столовъ для бѣдныхъ, какъ въ Петербургѣ. Это умное, благодѣтельное учрежденіе (если только оно не распространяется на тунеядную сволочь) я смѣло ставлю на первый планъ. Но къ сожалѣнію оно еще не введено въ провинціяхъ, гдѣ однакоже, по сравнительной дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, было бы еще возможнѣе, чѣмъ въ столицѣ. Приказы Общественнаго Призрѣнія весьма могутъ это сдѣлать, и для честной бѣдности общественные столы были бы гораздо полезнѣе благород-

ныхъ спектаклей или живыхъ картинъ съ благотворительною цѣлью. При этихъ послѣднихъ много бываетъ такого, что вовсе несообразно съ цѣлью: дамы, напр., увлекаемыя желаніемъ блеснуть въ драматической или кокетливой ролѣ, въ изящномъ костюмѣ, въ которомъ можно обратить на себя вниманіе, легче понравиться, добиваются всѣми силами участвовать въ спектаклѣ, въ живыхъ картинахъ! Но вѣдь безъ зрителей обойтись нельзя и ихъ то по истинѣ набираютъ малою частію волей, а большею по неволѣ! Всѣ тѣ, которые состоятъ въ зависимости отъ предложившихъ благородный спектакль или живыя картины, конечно должны брать билеты, хоть бы на счетъ своего немножко праздничнаго обѣда (изготовляемаго въ небогатыхъ семействахъ разъ въ недѣлю послѣ шести дней самой скромной трапезы), хоть бы на счетъ необходимой обновки женѣ или дочери, хоть на послѣдніе гроши,—до этого вождямъ общественной благотворительности нѣтъ дѣла. «Цѣль добрая и потому каждый долженъ въ ней участвовать», говорятъ они, часто вовсе не понимая нуждъ другаго. Не разъ доводилось мнѣ наслаждаться кукольной комедіей вмѣсто драматическаго представленія и живыми картинами въ родѣ лубочныхъ (рѣдко бываютъ лучшія). Но я, по своему довольно приличному положенію въ обществѣ, все еще могъ, когда ужъ очень былъ возмущенъ такимъ насильственнымъ побужденіемъ къ благотворительности или непомѣрной дороговизной билетовъ, отдѣлываться отъ нея; а какъ поступить лавочнику, къ которому квартальный или частный приставъ принесетъ пачку билетовъ съ лаконическимъ обращеніемъ: «Его или Ея Превосходительству (чаще послѣдней) угодно сдѣлать благотворительное дѣло въ пользу бѣдныхъ—бери»! Помилуйте, избавьте, убыточно, мы и такъ подаемъ завсегда-съ, отвѣчаетъ онъ.—«Ахъ ты, борода нечесаная! Смѣешь еще грубить начальству? Да я тебя! Да знаешь ли ты»?.... и проч., и лавочникъ беретъ, проклиная въ душѣ всѣ театральныя благотворительности и всѣхъ таковыхъ благотворителей. При лотереяхъ бываетъ таже исторія, почему отъ получившихъ *добровольно* (чрезъ посредство городской полиціи) по толстой пачкѣ билетовъ всегда можно купить ихъ за половину цѣны и дешевле.—Вещи повиднѣе для лотерейныхъ выигрышей обыкновенно жертвуются винными откупщиками и другими подобными имъ губернскими знаменитостями, посред-

ственныя же получаются въ видѣ косвеннаго налога отъ разныхъ—преимущественно галантерейныхъ—торговцевъ; остальныя доставляются обязательною публикою. Но лотерея аллегри,—эта азардная игра, ничѣмъ не лучшая всѣхъ запрещенныхъ у насъ, вводитъ многихъ въ сугубый грѣхъ по поводу добраго дѣла! Неужели этимъ вынужденнымъ сборомъ, а главное распредѣленіемъ его между бѣдными такимъ образомъ, что большинство получаетъ по цѣлковому да по двугривенному, дѣлаютъ доброе богоугодное дѣло?.. Сомнѣваюсь. Между тѣмъ потребность добра въ пользу бѣдныхъ есть одно изъ самыхъ простѣйшихъ началъ разумной природы человѣка, не только христіанина, побуждаемаго къ тому религіей, но даже язычника! Зачѣмъ же прибѣгать къ насилію и шарлатанству? Пособіе въ двугривенный или въ рубль серебромъ развѣ можно считать чѣмъ нибудь другимъ? Если вы, читатель, живали въ провинціи, то прошу засвидѣтельствовать, что я говорю правду безъ всякихъ преувеличеній; прошу васъ также согласиться со мной, что причину нерасположенія массы губернскихъ гражданъ къ пожертвованіямъ на благородные спектакли, концерты, живыя картины въ пользу бѣдныхъ, составляетъ во-первыхъ то обстоятельство, что большинство послѣднихъ существеннаго пособія не получаетъ, а во вторыхъ, что жертвующіе остаются въ совершенной неизвѣстности на счетъ того какъ употреблены собранныя съ нихъ деньги? А знать объ этомъ они конечно имѣютъ полное право. Я не думаю, чтобы распоряжающіеся подобными сборами унизились въ своемъ достоинствѣ, объявивъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, что на спектакль, напримѣръ, собрано было столько-то. на необходимые расходы (такіе-то) употреблено столько-то, за тѣмъ остальная сумма распредѣлена между нижеслѣдующими бѣдными семействами и отдѣльными лицами въ такой-то соразмѣрности..... Тогда только всѣ эти спектакли и живыя картины будутъ истинно добрымъ и разумнымъ дѣломъ, въ которомъ каждый въ состояніи будетъ принять участіе сознательно, и раздача цѣлковыхъ и двугривенныхъ, обыкновенно употребляемыхъ получившими на кофе или водку, выйдетъ изъ употребленія. Но вообще всякаго рода приманки какъ то плохо согласуются съ идеею о добромъ дѣлѣ, для поддержки котораго нужно что нибудь болѣе прочное, чѣмъ театральныя подмостки и т. п. Въ провин-

ціяхъ смотрятъ на эти вещи немножко съ пуританской точки зрѣнія и охотнѣе дадутъ просто, чѣмъ ради какой нибудь потѣхи.

Отъ нищенства въ губернскихъ городахъ перейдемъ къ нищенству въ столицахъ. Въ Москвѣ, представительницѣ старинныхъ если не нравовъ, такъ по крайней мѣрѣ обычаевъ, уличное нищенство, составляя какъ бы необходимую принадлежность народной жизни, процвѣтаетъ и долго еще процвѣтать будетъ! Но и въ самомъ Петербургѣ, въ этомъ современномъ промышленномъ, опрятномъ городѣ, гдѣ одно поддержаніе чистоты улицъ требуетъ уже много народа и человѣкъ нелѣнивый безъ работы по найму не останется, какъ въ какомъ нибудь захолустьѣ,—нищіе также толпятся на каждой церковной паперти во время Божественной службы, а въ другіе часы, подобно охотникамъ, караулящимъ добычу, располагаются цѣпью по большимъ улицамъ, въ сосѣдствѣ рынковъ и конторъ, по мѣстамъ, наиболѣе выгоднымъ для промысла, и видно онъ дѣйствительно прибыленъ, если въ числѣ нищенствующихъ замѣчаете много такихъ, которые имѣютъ право на поступленіе въ инвалидный домъ или въ богадѣльню, всѣ же вообще могутъ являться въ Комитетъ, учрежденный для ихъ разбора, чтобы просить работы и временнаго пріюта, покуда она будетъ пріискана, но не дѣлаютъ ни того, ни другаго, ни третьяго! Не дѣлаютъ же потому, что для наибольшей ихъ части нищенство есть просто ремесло, требующее только привычки стоять съ непокрытой головой да протягивать руку съ поклономъ и жалобнымъ припѣвомъ! На углу Литейной и Невскаго проспекта, у Казанскаго моста, у рынковъ, которыхъ въ Петербургѣ довольно, вы увидите отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ, бо̀льшею частію пожилыхъ, одѣтыхъ опрятно и въ фартукахъ. Это артели, занимающіяся переноскою мебели, чѣмъ и живутъ они; значитъ и тѣ неслужащіе и непрестарѣлые солдаты, у которыхъ и руки и ноги цѣлы, и многіе подобные имъ разночинцы могли бы такою или подобною работою находить себѣ пропитаніе; но они предпочитаютъ паперть и улицы! О многочисленныхъ салопницахъ въ толпѣ нищихъ я не говорю: этѣ, кажется, уже рождены для того, чтобы быть вѣчными попрошайками; съ паперти онѣ пойдутъ по домамъ благодѣтелей и благодѣтельницъ—собирать на кофеекъ и кстати разносить сплетни и для разныхъ порученій... Но всего болѣе обращаютъ на себя вниманіе женщины

молодыя и старыя съ дѣтьми за пазухою. Ихъ очень много бываетъ и на папертяхъ и на улицахъ, также какъ и дѣтей, отдѣльно выпрашивающихъ подаянія. Что это за женщины, обыкновенно тепло одѣтыя, чтобы быть въ состояніи проводить дни на улицѣ, не взирая ни на дождь, ни на морозъ; чьи это дѣти, что у нихъ за пазухой,—родныя или взятыя на прокатъ у другой бѣдной, или безнравственной матери для возбужденія состраданія?.. Кто посылаетъ это множество малютокъ, бо̀льшею частію оборванныхъ, на сырость и стужу за милостыней?.. Если родители ихъ такъ бѣдны, что не могутъ прокармливать дѣтей, почему общество не приметъ на свой счетъ призрѣнія и тѣхъ и другихъ, чтобы образовать изъ послѣднихъ людей полезныхъ, а не чужеядную сволочь, которая все таки будетъ жить на счетъ общества, но уже во вредъ ему? Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что рядомъ съ благодѣтельными учрежденіями, какъ богадѣльни, инвалидные дома, какъ Демидовскій домъ для призрѣнія трудящихся, Комитетъ для разбора нищихъ и Дѣтскіе Пріюты — существуетъ весьма дурной обычай ложно понимаемой филантропіи—дѣлать подаяніе безразлично и тѣмъ самымъ развивать уличное нищенство, парализировать дѣйствія помянутыхъ учрежденій!

Желалъ бы я обратить вниманіе добрыхъ людей на три средства къ разумному подаянію: 1) помочь Комитету устроить заведенія для постояннаго призрѣнія истинно бѣдныхъ, пожилыхъ и недужныхъ и для воспитанія (до возраста) собранныхъ съ улицъ дѣтей или добровольно отданныхъ родителями, по неимѣнію къ тому собственныхъ средствъ,—воспитанія въ правилахъ вѣры и нравственности. Комитетъ усердно хлопочетъ объ этомъ да не имѣетъ еще довольно денегъ, чтобы осуществить свое истинно-христіанское предположеніе. 2) Сложиться на Дѣтскіе Пріюты, чтобы можно было имѣть тамъ постоянныхъ пансіонеровъ, которыхъ необходимо обучать ремесламъ и оставлять въ Пріютахъ до возраста, чтобы они могли укрѣпиться въ правилахъ, и изучить что нибудь полезное для пріобрѣтенія себѣ средствъ къ жизни. Если изъ времени, которое проходитъ у мальчиковъ и дѣвочекъ, отдаваемыхъ въ ученье на нѣкоторое число лѣтъ, вычесть то, которое они тратятъ, замѣняя хозяевамъ наемную прислугу и на побѣгушки, по приказанію старшихъ, для исполненія разныхъ

коммисій, то этого прогульнаго времени конечно было-бы достаточно, чтобы дѣти, поставленныя въ другую сферу, могли получить и необходимое умственное образованіе, и, научаясь ремеслу, не научиться многому такому, чего не только дѣтямъ, но и взрослымъ знать бы не слѣдовало! Не дивитесь же если въ сословіи ремесленниковъ встрѣчаете много безнравственныхъ людей. Кому было позаботиться объ нихъ, когда они были дѣтьми?... Дневное призрѣніе дѣтей въ Пріютахъ, имѣющихся въ каждой части города, безъ сомнѣнія, есть дѣло доброе, но не вполнѣ: при немъ есть то существенно важное неудобство для родителей, что они, по необходимости, должны промышлять только поденщиной, а идти въ постоянную работу, доставляющую сверхъ денежной выручки квартиру и столъ, уже никакъ не могутъ. Съ дѣтьми ни въ домъ, ни на фабрику не примутъ, такъ по неволѣ приходится вести свое хозяйство и тратить на него или весь дневной заработокъ или бо̀льшую его часть. 3) Помочь Демидовскому дому—увеличить число столовъ для бѣдныхъ и прибавить къ порціи хотя фунтъ хлѣба!

Если вы, читатель, рѣшитесь, вмѣсто того, чтобы непосредственно раздавать нищей братіи копѣйки и гривенники, класть эти деньги въ кружки помянутыхъ заведеній, то вы поступите очень хорошо. Въ матеріальномъ отношеніи это не составитъ для васъ никакой разницы; но въ результатѣ добраго дѣла—для исполненія христіянскаго и человѣческаго долга вашего—эта разница будетъ огромна! За тѣмъ нищіе въ качествѣ артистовъ или промышленниковъ должны будутъ или добровольно отказаться отъ пріятнаго ремесла, или быть къ этому вынужденными необходимостію заняться работой, для которой у нихъ довольно силъ—была-бы только охота, а ее то и отбиваетъ возможность жить безъ труда мірскимъ подаяніемъ. Тогда деньги, которыя даютъ имъ по сердоболію,—и чаще машинально, въ слѣдствіе привычки подавать милостыню—пойдутъ на облегченіе скорбей истинной бѣдности, которой даже и на улицѣ показаться нельзя, потому что она чиновная! Представителями ея нерѣдко служатъ оставшіеся за штатомъ мелкіе чиновники и ихъ семейства, состоящія изъ больной или выбившейся изъ силъ жены да охабки дѣтей малъ-мала меньше! Не много получалъ чиновникъ и на службѣ: можетъ быть двѣсти рублей серебромъ въ годъ; но къ

нимъ жена или взрослая дочь, трудясь безъ устали, прибавляла столько, что могли кое какъ на общій капиталъ содержать себя и остальныхъ членовъ семейства, иногда многочисленнаго, какъ это по большой части бываетъ у бѣдныхъ родителей. Но вотъ жалованье прекратилось, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ изъ тѣсной квартиры чиновнаго семейства (обитающаго гдѣ нибудь въ Коломенской или подъ Невскимъ) та степень неприхотливаго довольства, при которой по крайней мѣрѣ существованіе возможно! Въ этомъ случаѣ положеніе чиновника и его семейства, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора, еще хуже, чѣмъ еслибы они, состоя въ крестьянскомъ сословіи, попали въ крайнюю нужду, потому что благороднымъ людямъ нельзя выдти на улицу и обратиться къ людскому состраданію! Поставьте же рядомъ съ этими несчастными, связанными званіемъ (или точнѣе названіемъ) толпу уличныхъ нищихъ, которыхъ только лѣнь да всяческая испорченность удерживаютъ отъ труда, и разсудите сами, кто болѣе заслуживаетъ и вашего и общественнаго участія?.... Но первыхъ вы не видите, а послѣдніе на каждомъ шагу попадаются и берутъ себѣ то, что принадлежитъ другимъ. Что нищенство можетъ обратиться въ привычку, въ страсть свыше потребности пропитанія — подтверждаетъ анекдотъ, случившійся въ Москвѣ, какъ одинъ нищій далъ своей внучкѣ образованіе и выдалъ ее за чиновника съ хорошимъ приданымъ. Этотъ анекдотъ всѣмъ извѣстенъ и доказываетъ, что нищенство не всегда происходитъ отъ крайности, но бываетъ и дѣломъ привычки къ занятію, которое понравилось, да еще приноситъ существенную пользу! Я не осуждаю впрочемъ того, про котораго разсказываю: онъ по крайней мѣрѣ откупилъ свое долгое тунеядство тѣмъ, что дѣйствовалъ не изъ видовъ личной корысти, а для счастья единственнаго любимаго существа,—образовалъ его и пристроилъ; хорошо было бы если бы и всѣ нищіе также кончали. Но въ Кронштадтѣ былъ случай совсѣмъ другаго рода. Одинъ матросъ поднялъ ночью что-то обернутое въ грязную тряпицу, принесъ находку въ казарму, развернулъ и испугался—толстой пачки ассигнацій и денегъ, заключавшихся въ оберткѣ. «Подумаютъ молъ, что гдѣ нибудь укралъ, и въ отставку не выпустятъ—скажу боцману». И сказалъ. Боцманъ, служака первой руки, объявилъ ротному, а ротнымъ былъ мичманъ стараго времени, шалунъ записной, но

добрый малый: этотъ далъ пятачекъ на водку матросу (больше было дать не изъ чего мичману стараго времени) и при рапортѣ представилъ деньги къ экипажному командиру. Такимъ образомъ дѣло оформилось, и изъ находки, препровожденной въ полицію, причиталась на долю матроса добрая сумма. Честное начальство дѣятельно слѣдило за тѣмъ, чтобы матросъ получилъ свою закономъ опредѣленную долю. Но вскорѣ послѣ того, какъ были выданы ему деньги, является въ полицію особа, потерявшая ихъ. Это была оборванная старушонка. Узнавъ, что часть «трудоваго капитала», скопленнаго ею въ тридцать лѣтъ нищенства, досталась другому, она завопила, заголосила на разные напѣвы! Описавъ подробно въ какія тряпочки были завернуты ея деньги, сколько ихъ было, какого именно вида: «сигнаціи» (одна засаленная, другая новенькая, третья въ оберткѣ, четвертая безъ угла), серебромъ столько, мѣдью столько, и такъ далѣе, словомъ убѣдивъ, что деньги, найденныя матросомъ, дѣйствительно принадлежали ей, старуха получила остальное, но вышла изъ полиціи нерадостно, причитывая и святыхъ и нелегкихъ!... На другой день на одной изъ кронштадтскихъ улицъ собрались полицейскіе и много любопытнаго народа «по случаю происшествія». На одномъ изъ немногихъ фонарныхъ столбовъ висѣлъ трупъ старухи-нищей, той самой, которая потеряла деньги. Снявши, освидѣтельствовали ее и нашли при ней все, что она получила наканунѣ изъ полиціи съ прибавкою нѣсколькихъ грошей, которые успѣла собрать въ нѣсколько послѣднихъ часовъ жизни, и собственно по страсти къ деньгамъ!...

Пріѣзжіе шарманщики, музыканты и проч., странствующіе по дворамъ и по улицамъ и также собирающіе деньги за свои симфоніи отъ жильцовъ (преимущественно надворныхъ квартиръ) и отъ прохожихъ—скорѣе промышленники въ родѣ постоянно проживающихъ здѣсь фигляровъ, собачьихъ комедіянтовъ, канатныхъ плясуновъ и проч., чѣмъ нищіе въ русскомъ смыслѣ этого слова, потому что ихъ расчетъ не на состраданіе, не на силу Христова имени, а на благодарность за развлеченіе, которое они доставляютъ, напѣвая осиплыми голосами подъ акомпониментъ часто весьма разстроенныхъ шарманокъ разныя аріи или показывая звѣрковъ, и всего болѣе на свою наглость. Впрочемъ есть шарманки и оркестры очень хорошіе: этимъ по крайней мѣрѣ подаютъ не даромъ; но проходятъ и

такіе, что отъ нихъ просто хоть самъ бѣги, однакоже подаютъ и имъ, чтобы только отвязались! Но и въ этой поющей и играющей братіи, получающей подаяніе отъ добраго народа, можно было бы различить бѣдность истинную, имѣющую право на участіе, отъ расчитывающей на неразборчивость нашу и легкость, съ которою иностранцы могутъ выманивать у насъ деньги. Что̀, скажите, интереснаго представляетъ собою гадкая обезьяна или сурокъ, которыхъ показываютъ намъ савояры, или ихъ пляска подъ звукъ гуслей? Но видъ мальчиковъ, дрожащихъ отъ стужи или сырости, невольно пробуждаетъ состраданіе, которое они сами по себѣ заслуживаютъ, хотя вовсе не заслуживаютъ его ихъ жестокосердые, жадные хозяева, спекулирующіе на нашу простоту и неразборчивость въ оказаніи пособіи! Мальчики показываютъ звѣрковъ, пляшутъ на морозѣ и въ дождь въ пользу тѣхъ, которые ихъ содержатъ гораздо хуже, чѣмъ у насъ содержатся псарни!...

Мнѣ случилось однажды встрѣтить на улицѣ одного изъ такихъ бѣдняжекъ, въ фризовой курткѣ, въ протоптанныхъ сапогахъ,—а это было зимой. Мальчикъ, промерзшій до костей, пригласилъ меня взглянуть на обезьяну, которую онъ носилъ въ ящикѣ. Посмотрѣвъ, я предложилъ ему идти за мной и привелъ его къ себѣ на квартиру. Надо было видѣть съ какимъ аппетитомъ онъ съѣлъ поданную ему булку и съ какимъ удовольствіемъ надѣвалъ теплые чулки вмѣсто своихъ дырявыхъ! Потомъ я пошелъ къ нему—и войдя въ сырую холодную комнату, грязную до нельзя, безъ всякой мебели, замѣняемой пучками соломы, на которыхъ сидѣли и лежали другіе мальчики—былъ столько же пораженъ этой картиной, какъ и тяжелымъ запахомъ отъ звѣрковъ, тутъ же помѣщавшихся! Въ слѣдующей комнатѣ, съ такой же температурой, былъ приготовленъ обѣдъ, состоявшій изъ бурды подъ названіемъ супа и хлѣба въ умѣренномъ количествѣ; а самъ хозяинъ имѣлъ для себя теплую коморку и я его засталъ считающимъ деньги, которыя онъ отобралъ отъ мальчиковъ! Выйдь онъ самъ на улицу, ему, здоровому человѣку весьма непривлекательной наружности, конечно никто не подалъ бы и гроша; но посредствомъ дѣтей да звѣрей онъ собиралъ довольно денегъ и чисто спекулировалъ на счетъ бѣднаго! При видѣ множества оборванныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ (нашихъ русскихъ), выпрашивающихъ милостыню на улицахъ, невольно

спрашиваешь себя: не принадлежатъ ли и они къ артелямъ, содержимымъ кѣмъ либо, который живетъ на ихъ и нашъ счетъ? Многія ли изъ этихъ дѣтей, проводя цѣлые дни съ непокрытой головой и кой-какъ одѣтые, могутъ перенести дѣйствіе суроваго Петербургскаго климата? и наконецъ—многіе ли изъ достигающихъ возраста, но уже привыкнувъ съ малолѣтства къ попрошайству, займутся честнымъ ремесломъ? Всѣ эти вопросы обращаю на разрѣшеніе читателей, въ числѣ которыхъ конечно есть люди сильные, богатые, просвѣщенные, добрые и умные, слѣдовательно имѣющіе все то, что нужно для радикальнаго исцѣленія общественной язвы уличнаго нищенства дѣтей и взрослыхъ со всѣми его гибельными послѣдствіями! — Я такого мнѣнія, что въ Россіи, какъ и во всякой другой странѣ, могутъ быть бѣдные, по бѣдности непризрѣнной, но уличнаго нищенства, особенно въ столицахъ, быть не должно. Впрочемъ опять скажу, что безъ содѣйствія цѣлаго общества, ни правительству, ни частнымъ благотворителямъ не искоренить этого зла, доставшагося намъ по наслѣдству отъ доброй, но не во всемъ разумной старины.

Бывающіе въ церкви одного изъ монастырскихъ подворій, находящихся въ столицѣ, конечно замѣтили въ числѣ постоянныхъ богомольцевъ человѣка пожилаго, который, выходя на паперть, имѣетъ обыкновеніе одѣлять нищую братію мѣдною монетою, а инымъ достается отъ него и мелкое серебро и даже ассигнаціи, которыми благодѣтель снабжаетъ отправляющихся на богомолье салопницъ, и за это его ублажаютъ нѣжнѣйшими именами отца, кормильца, благодѣтеля и проч... Искренно ли благодарятъ его и какъ онъ принимаетъ выраженіе благодарности отъ людей, которые, за весьма рѣдкими исключеніями, не внушаютъ къ себѣ сочувствія—этого я не берусь рѣшить; но дѣло въ томъ, что Его Превосходительство, не дозволяя полицейскимъ забирать нищихъ для препровожденія ихъ въ Комитетъ, поступаетъ очень дурно, едва ли не хуже тѣхъ, которые, не задумываясь обманывать покупателя, считаютъ ужаснымъ грѣхомъ не подать бродячему нищему кренделька или грошика и тѣмъ способствуютъ къ развитію уличнаго нищенства: убѣдить ихъ въ томъ, что они только обманываютъ свою совѣсть, что даже поступаютъ вопреки Евангельской заповѣди, поучающей дѣлать добро такъ, чтобы не увѣдала шуйца, что

творитъ десница, было бы столь же трудно, какъ искоренить вдругъ многіе другіе общественные предразсудки.....

Вообще нищенство въ нашемъ обществѣ проявляется разнообразно, потому что мы часто не беремъ на себя труда различить истину отъ лицемѣрія и обмана...

Н. БОЧЕЧКАРОВЪ.

О ГЛИНЯНЫХЪ ЗАВОДАХЪ ГЖЕЛЬСКАГО ПРИКАЗА.

(Замѣтки проѣзжаго).

Въ Гжельскомъ Приказѣ считается занимающихся фарфоровымъ, фаянсовымъ и глинянымъ производствомъ, выдѣлкою кирпичей огнеупорныхъ и простыхъ 118 фабрикъ, заводовъ и домашнихъ заведеній, при 134 горнахъ, потребляющихъ глины до 317,750 пудовъ разныхъ сортовъ (*); всѣхъ рабочихъ на этихъ заводахъ до 1,640, изъ нихъ 1,240 мѣстныхъ удѣльныхъ крестьянъ. Въ Гжельскомъ же Приказѣ всего считается крестьянъ, по 9-й ревизіи, 4,300 душъ. Добываніемъ глины занимаются мѣстные крестьяне до 200 человѣкъ.

Главныя мѣсторожденія глины залегаютъ близъ удѣльныхъ деревень: Жировой, Мининой, Рѣчицъ, Фениной, Трошковой и Коняшиной.

Глуховская фарфоровая глина.

Привозится изъ Черниговской губерніи водою до г. Бронницъ (въ 20-ти верстахъ отъ Гжели).

Нынѣ ей цѣна въ Гжели, на заводахъ, за пудъ отъ 1-го р. до 1-го р. 25 к., прежде-же платили 40—45 и не болѣе 50 к. с. Всего въ годъ фарфоровой глины идетъ въ дѣло не болѣе 70 т. пудъ.

Въ фарфоръ поступаетъ Глуховской глины не болѣе ¼ части.

Для полученія фарфора дѣлается слѣдующая смѣсь: 1 ч. шпата, 1 ч. олонецкаго кварца, 1 ч. битаго фарфора, 1 ч. Глуховской глины.

(*) Кромѣ того Гжельская огнеупорная глина вывозится ежегодно въ Харьковъ, Симбирскъ, Петербургъ, Нижній Новгородъ и другіе города въ количествѣ до 100 т. пудъ. Въ Гжель-же привозится только 1-й сортъ глины фарфоровой изъ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда, прочіе же сорты добываются въ окрестностяхъ Гжели въ удѣльныхъ дачахъ.

Гжельская глина.

1) *Мыловка*, добывается около дер. Жировой, въ четырехъ верстахъ отъ Гжели; употребляется въ полуфаянсъ. Залежи ея идутъ на глубинѣ 6—7 аршинъ; пластъ-же глины толщиною въ 7—8 аршинъ. Пошлины оплачивается по 1 к. сер. съ пуда. Въ покупкѣ съ доставкою на заводъ обходится отъ 6 до 7 к. сер.

2) *Мыловка*, 1-й сортъ—лучшая, добывается возлѣ деревни Мининской. Пошлины $1^1/_2$ к. сер. Стоитъ на заводъ 10—12 к. сер. Толщи залегаютъ на глубинѣ 10-ти аршинъ. Идетъ на полуфаянсъ и фаянсъ.

3) *Мыловка*, 2-й сортъ—Мининская, идетъ въ полуфаянсъ вмѣстѣ съ 1-мъ сортомъ. Пошлины 1 к. сер. Покупается 7 и 8 коп. сер. за пудъ.

4) *Песчанка Мининская*, 1-й сортъ, добывается въ деревняхъ Мининѣ и Рѣчицахъ. Идетъ на капсюли, огнеупорные кирпичи и плавильные горшки—тигли. Пошлины съ пуда $^3/_4$ коп. сер. Покупается по 6-ти коп. сер. Залежи идутъ на глубинѣ 15—20 аршинъ.

5) *Песчанка*, 2-й сортъ. Пошлины $^1/_2$ к. сер. съ пуда. Покупается по 4 к. сер. Она занимаетъ верхній слой песчаника перваго сорта. Идетъ на простыя бѣлыя дымовыя и водопроводныя трубы и кирпичи.

6) *Горшечная красная* въ дер. Фенинной, Трошковой, Мининой и Олонинной. Продается, большею частію, возами по 15 к. сер. или посаженно.

7) *Помадная*, синей обливки. Пошлины $^1/_2$ к. сер.

8) *Кирпичная простая красная.*

Добываніе глины.

Вся Гжельская глина добывается только въ продолженіи зимы, съ первыхъ заморозовъ до большой оттепели, начиная съ сентября по мартъ мѣсяцъ. Крестьяне міромъ дѣлятъ участки и каждый идетъ на промыселъ. Удача бываетъ не всегда вѣрная, тѣмъ болѣе, что признаковъ мѣстонахожденія глины почти не существуетъ.

Примѣчаніе. Было-бы полезно прошурфовать весь Гжельскій Приказъ на глубину 10 и болѣе аршинъ для отысканія фарфоро-

вой глины и кварца, открытіе которыхъ могло-бы увеличить, ежегодно, доходъ Удѣла на 50—70 тысячъ рублей серебромъ и болѣе.

Плата рабочимъ.

Плата рабочимъ почти на всѣхъ заводахъ задѣльная; только рабочіе, которые мнутъ глину, мальчики и гончарщики получаютъ годовое жалованье.

Средняя заработная плата въ мѣсяцъ 15 руб. сер., болѣе-же 5 руб. сер. въ недѣлю не выработаетъ ни одинъ ловкій мастеръ; въ годъ-же заработываетъ крестьянинъ отъ 150 р. сер. до 200 р. сер.

Женщины совсѣмъ не работаютъ, а если и занимаются, то одною росписью посуды.

Вообще-же считаютъ росписью заниматься (при настоящей отсталости искусства) не такъ выгоднымъ мастерствомъ, въ особенности нынѣ, когда цѣны на Гжельскую посуду значительно понижены соперничествомъ съ другими улучшенными частными заводами.

За живопись также платится поштучно. Расписываютъ или своими или хозяйскими красками. Въ первомъ случаѣ, работаютъ на домахъ и берутъ за дюжину чашекъ и блюдечекъ отъ 30 до 60 к. сер., смотря по работѣ и количеству золота. За самую лучшую роспись, почти однимъ золотомъ, за приборъ платятъ около 2 р. сер. За роспись хозяйскими красками платятъ за штуку отъ 2-хъ до 8-ми коп. сер.

Фарфоровое производство.

Растираніе глиняной массы производится на большихъ заводахъ кругомъ, лошадиною силою, а на мелкихъ заведеніяхъ ручными жерновами. Только у одного Кузнецова въ прошломъ году на заводѣ поставлена паровая машина въ 6 силъ, замѣняющая работу 12-ти лошадей, но со введеніемъ торфа въ замѣнъ дровъ, нѣтъ сомнѣнія, увеличится и число паровыхъ машинъ.

Растираніе глазури дѣлается на ручныхъ жерновахъ.

На фарфоровыхъ заводахъ работаютъ: полоскательныя чашки, чайники, блюдечки и чашки разныхъ сортовъ.

Формовщики приводятъ (по большей части) форму въ движеніе ногою, но гораздо удобнѣе устроено на заводѣ Самсонова: рядомъ съ формовщикомъ сидитъ мальчикъ лѣтъ 10-ти—12-ти, который, вертя ручку, приводитъ въ круговращательное движеніе и самую форму.

Самая сложная работа—чайниковъ. Сначала вытачивается корпусъ чайника. Мальчики выдѣлываютъ *носики, ручки и крышки*. Когда корпусъ вынутъ изъ формы и нѣсколько пообсохъ, прокалываютъ дырочки и приставляютъ носикъ. Съ противоположной стороны дѣлаютъ надрѣзъ и приставляютъ ручку. Все это смачиваютъ водою, притираютъ, срѣзываютъ неровности и сглаживаютъ.

За работы изъ готовой массы платятъ поштучно: за чайникъ съ крышкой—3 к. сер.; за чашку полоскательную—2 к. сер.

Форма чашекъ и чайниковъ различны, смотря по тому, куда они предназначаются. Чашки для Персіи и другихъ Азіятскихъ народовъ, въ Казань для Татаръ дѣлаются кругленькія маленькія, чтобы удобнѣе стояли, не опрокидывались на полу. Для ярмарокъ Харькова и Курска—съ прямыми стѣнками. Для ярмарокъ Орла и Полтавы—съ овальными стѣнками. Для гостинноДворцевъ и лавочниковъ—формою стаканчиковъ. Форма блюдечекъ также измѣнчива. Для Польши чашекъ почти не требуется, а идутъ однѣ блюдцы бѣлыя съ золотымъ ободочкомъ. Изъ чайниковъ самая модная форма—трактирная Московская, гдѣ крышка ложится вровень съ краемъ чайника. Въ Нижній на ярмарку идутъ чайники съ небольшою коемочкою около крышки.

Раскраска посуды также имѣетъ большое вліяніе на сбытъ посуды. Пестрота и яркость цвѣтовъ особенно требуется для Персіи и Закавказскаго края.

Обжигъ фарфора въ печахъ производится дровами. Печи небольшія. Чело находится спереди, а топка съ боку. Фарфоръ обжигается не болѣе 1½ часа. Если обжигъ сдѣланъ крѣпко, то посуда получается совершенно бѣлая, иначе она имѣетъ желтовато-розовый или палевый цвѣтъ. На большихъ фабрикахъ, напр. у Кузнецова и Самсонова, устроены круглые горны съ тремя сводами. Дрова кладутся подъ нижній сводъ. Среднее отверстіе сначала остается открытымъ, такъ какъ въ началѣ *выгоняютъ пары*. За тѣмъ замазываютъ среднее отверстіе и усиливаютъ жаръ. Въ среднемъ этажѣ или 2-мъ сводѣ ставится въ капсюляхъ, для обжиганія, фарфоръ; дверь въ этотъ этажъ закладывается кирпичемъ и замазывается. Въ 3-мъ сводѣ—верхнемъ этажѣ—*валится* глина (*).

(*) Валятъ глину также и въ отдѣльныхъ печахъ.

Обжиганье съ глазурью продолжается отъ 22-хъ до 24-хъ часовъ. Обжигъ въ краскѣ продолжается $1\frac{1}{2}$ часа.

У Кузнецова входитъ въ горнъ до 100 пудъ посуды и выходитъ дровъ для ея обжига около 12-ти сажень пяти-четвертныхъ.

Березовыя дрова не годятся для обжига, а для сего идутъ преимущественно сосновыя. Торфа же здѣсь совсѣмъ не употребляютъ.

Приблизительно можно считать, что въ Гжели и ея окрестностяхъ выходитъ въ годъ до 50 т. саж. дровъ пятерика, на сумму до 200 т. р. сер., изъ которыхъ, современемъ, навѣрное до 10 т. р. с. будутъ замѣнены торфомъ.

На мелкихъ фарфоровыхъ заведеніяхъ горны дѣлаются съ одною топкою и въ одинъ этажъ, имѣютъ форму некруглую, но 4-хъ угольную. Топка только съ одной стороны. Для выгона паровъ кладутъ дрова въ низъ и за тѣмъ на подъ. Обжиганіе идетъ 22 часа, потребляется дровъ до 12 саж. (17 вершков.) и за разъ обжигается много посуды, напр. до 800 чайниковъ.

Фаянсовое производство.

По несовершенствованію и отсталости отъ другихъ заводовъ, нынѣ въ Гжели фаянсовое производство въ упадкѣ. Требованія на него незначительны, причемъ предлагаютъ цѣны невыгодныя, а потому нынѣ занимаются фаянсовымъ производствомъ въ Гжели только на двухъ фабрикахъ: у Кузнецова и Рачкина. Хотя и Журавлевъ выработываетъ фаянсъ, но одни помадныя банки, при чемъ и оборотъ его очень незначителенъ.

Полуфаянсовое производство.

Полуфаянсовая посуда обжигается въ печахъ также дровами. Печи четырехъ-угольныя съ однимъ сводомъ, дрова кладутся на полъ; у другихъ заводчиковъ устроены два свода, одинъ для дровъ, другой для посуды. Уставленная посуда прикрывается черепками довольно плотно и за тѣмъ разводятъ огонь. Обжиганіе продолжается часовъ 8 и, смотря по величинѣ печи, дровъ идетъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 5 саженъ пятичетвериковыхъ.

Капсюли.

Капсюли дѣлаются на самомъ заводѣ или покупаются готовыя. На 1,000 пудъ фарфора требуется 5,000 штукъ капсюлей, которыя

обжига болѣе 2-хъ, 3-хъ разъ не выдерживаютъ: большею частію, при 2-мъ обжигѣ они даютъ глазурь и лопаются; на 1,000 пудъ фаянса и полуфаянса требуется 1,000 штукъ капсюлей.

Для фаянса капсюли выдерживаютъ обжигъ до 20-ти разъ; а для полуфаянса еще болѣе.

Лопнувшія старыя капсюли безъ пользы сваживаютъ на дороги или сваливаютъ на самыхъ дворахъ, тогда какъ изъ нихъ можно было-бы дѣлать отличные огнеупорные кирпичи или кирпичи для мощенія улицъ и дорогъ.

Кирпичное производство.

Кирпичное производство въ Гжели находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Крестьяне вырабатываютъ кирпичи только въ свободное время и обжигаютъ ихъ въ небольшихъ горнахъ, съ одною топкою, за разъ до 180 пудъ или до 900 штукъ (въ 1,000 кирпичахъ считаютъ до 200 пудъ).

А. ЕРШОВЪ.

О
СОСТОЯНІИ РОССІИ
ВЪ
ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА
И
АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(ТРЕТЬЯ КНИГА «ПУТЕШЕСТВІЯ» ОЛЕАРІЯ.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1656 ГОДА

А. МИХАЙЛОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Адамъ Эльшлегеръ, извѣстный въ ученомъ мірѣ подъ Латинскимъ переводомъ своей Нѣмецкой фамиліи Olearius, родился въ Ашерлебенѣ, въ Саксоніи, въ 1599 году, отъ портнаго, по имени Марка, и, лишившись отца въ дѣтствѣ, выросъ въ бѣдности на попеченіяхъ матери и сестеръ, доставашихъ пропитаніе трудомъ. Не смотря на гнетущую бѣдность, молодой человѣкъ съ жаромъ принялся за ученіе, поступилъ въ Лейпцигскій университетъ и получилъ въ немъ степень магистра философіи, званіе ассессора философскаго факультета и члена ученаго общества. Въ 1633 году просвѣщенный и любознательный Голштинскій герцогъ Фридрихъ вознамѣрился отправить посольство въ Московію и Персію какъ для извѣданія этихъ полубаснословныхъ для тогдашней Европы странъ, такъ и для того, чтобъ завязать съ Персіею торговыя сношенія: въ то время придавали большое значеніе шелку, получаемому изъ Шемахи, находившейся подъ властію Персидскаго шаха, и думали, что тотъ, кто успѣетъ получать этотъ продуктъ изъ первыхъ рукъ, не только пріобрѣтетъ большія выгоды, но проложитъ себѣ путь къ управленію торговлею Европы съ востокомъ. Герцогъ искалъ ученаго человѣка, котораго можно было бы послать въ качествѣ описателя. Нѣкоторыя лица и Лейпцигскіе профессоры указали на Олеарія. Герцогъ назначилъ его секретаремъ посольства. Посланниками избраны были Филиппъ Крузіусъ и Отто Брюгманъ, впослѣдствіи, по возвращеніи изъ втораго путешествія, казненный своимъ государемъ. 22 октября 1633 г. они отправились изъ Любека моремъ и послѣ пятидневнаго плаванія прибыли въ Ригу, и оттуда черезъ Вольмаръ и Дерптъ сухопутьемъ въ Нарву. Зиму и весну провели они въ Остзейскомъ краѣ и поѣхали въ Московскія владѣнія уже лѣтомъ, вмѣстѣ съ Шведскимъ посольствомъ. Путь ихъ лежалъ черезъ Нотебургъ въ Ладогу,

оттуда въ Новгородъ, а изъ Новгорода, черезъ Торжокъ и Тверь, въ Москву, куда прибыли 14 августа 1639 года. Царь принялъ посольство Голштинскаго герцога ласково и дозволялъ ему отправить черезъ свои владѣнія посольство въ Персію. Нужно было возвратиться домой и привезти эти извѣстія своему государю. 24 декабря Голштинцы выѣхали изъ Москвы и ѣхали обратно тѣмъ же путемъ.

На слѣдующій годъ герцогъ отправилъ въ другой разъ тѣ же лица посланниками вмѣстѣ съ Олеаріемъ и далъ имъ восемьдесятъ человѣкъ свиты. Съ ними поѣхалъ Павелъ Флеммингъ, молодой человѣкъ рѣдкихъ способностей, медикъ, философъ, поэтъ. Они сѣли на корабль въ Любекѣ 22 октября и поплыли къ Ревелю, но у береговъ Гохланда претерпѣли отъ бури кораблекрушеніе и едва сами спаслись отъ смерти. Съ трудомъ, на рыбачьихъ лодкахъ, послы съ Олеаріемъ добрались до Ревеля, а остальная свита прибыла туда съ багажемъ, уцѣлѣвшимъ отъ потопленія во время погибели корабля, на Финскомъ суднѣ, которое, къ счастію ихъ, наткнулось случайно на Гохландъ. Послѣ двадцатидвухдневнаго несчастнаго странствованія по Балтійскимъ волнамъ, Голштинцы провели зиму въ Ревелѣ и выѣхали оттуда 6 марта. Проѣхавъ черезъ Ладогу, Новгородъ и Тверь, они достигли Москвы 27 марта, а 29 числа того же мѣсяца имѣли торжественный въѣздъ въ столицу Михаила Ѳедоровича, какъ слѣдовало сообразно нашимъ обычаямъ того времени, по случаю пріѣзда иностранныхъ пословъ. Пробывъ въ Москвѣ три мѣсяца, посольство отправилось по Москвѣ рѣкѣ внизъ, 1 іюля прибыло въ Коломну, а оттуда, слѣдуя по Окѣ, въ Нижній Новгородъ 11 числа того же мѣсяца. Въ Нижнемъ Новгородѣ оказалось нужнымъ пробыть три недѣли, въ ожиданіи постройки корабля, помѣстительнаго для экипажа и приспособленнаго къ плаванію по низовому руслу Волги и по Каспійскому морю. 30 іюля Голштинцы поплыли внизъ по Волгѣ; 15 сентября достигли Астрахани, а 10 октября отправились отсюда по Каспійскому морю въ Персію. Въ августѣ 1638 года, возвращаясь изъ Персіи, они снова явились въ Астрахани, отправились 7 сентября вверхъ по Волгѣ и прибыли въ Казань: тутъ пришлось ждать имъ пять недѣль зимняго пути; они выѣхали изъ Казани 13 декабря на саняхъ, 24 прибыли въ Нижній Новгородъ, а 2 генваря въ Москву, откуда отправились въ отечество 15 марта.

Слѣдствіемъ этого то путешествія было написанное Олеаріемъ сочиненіе, изданное въ первый разъ, сколько извѣстно, въ 1647 году подъ названіемъ: Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen durch M. Adamum Olearium Ascanium Saxonem fürstl. Schleswig-Holsteinischen Hoff Mathem. Schleswig. 1647 (*). Слова: offt begehrte, которыми начинается это заглавіе, показываютъ съ одной стороны, что, задолго до появленія его въ печати, оно было извѣстно до нѣкоторой степени и возбудило любопытство, а съ другой, что прежде не было его изданія. Аделунгъ, въ своемъ сочиненіи: Uebersicht der Reisenden in Russland, упоминаетъ о болѣе раннемъ изданіи, именно 1646 г., но едвали оно существовало на самомъ дѣлѣ: Аделунгъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что на заглавномъ, виньетномъ листѣ изданія 1647 года было напечатано 1646, потомъ послѣдняя цифра 6 переправлена въ цифру 7; на другомъ же, слѣдующемъ за этимъ, заглавномъ листѣ напечатано безъ всякихъ переправокъ «1647». Вѣроятно изданіе начиналось печататься или предполагалось къ напечатанію въ 1646 году и виньетный листъ былъ отпечатанъ ранѣе самой книги, а потомъ, когда печатаніе окончилось въ слѣдующемъ 1647 году, оказалась необходимость переправить и цифру на виньетномъ листѣ (**). Сочиненіе Аделунга наполнено ошибками и промахами: такъ, напримѣръ, въ краткомъ описаніи путешествія Олеарія онъ указываетъ время отъѣзда его изъ Москвы въ Персію 16 іюня 1636 г., тогда какъ грамота, данная на проѣздъ Голштинскому посольству, подписана 20 іюня. Второе изданіе, которымъ пользовался переводчикъ отрывка, помѣщаемаго въ «Архивѣ», вышло въ 1656 году подъ названіемъ: Vermehrte Newe Beschreibung der Moscowitischen und Persischen Reise so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft an dem

---

(*) т. е. «Часто требованное описаніе новаго путешествія на востокъ, совершеннаго при посольствѣ, которое отправлено было къ Персидскому шаху, М. Адамомъ Олеаріемъ, Саксонцемъ, придворнымъ математикомъ герцога Шлезвиг-голштинскаго» 1647 г.

(**) Мнѣніе это сообщилъ мнѣ г. Берхгольцъ, спеціально занимающійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ библіографіею иностранныхъ сочиненій, относящихся до Россіи.

Russischen Zaar und König in Persien geschehen, welche zum andernmahl gibt Adam Olearius Ascanius, der fuerstlichen regierenden Herschaft zu Schleswig-Holstein Bibliothecarius und Hof-mathematicus. Schleswig. 1656 (*). За нимъ послѣдовали такія же изданія въ 1661 и 1663 годахъ. Послѣднее изданіе Олеарія въ подлинникѣ явилось въ 1696 году въ одной книгѣ съ путешествіемъ по востоку Іоганна Албрехта фон-Мандельсло, Юргенса Андерсена и Волькворта Иверсена, съ нѣкоторыми статьями, относящимися до исторіи и географіи востока и съ переводомъ отрывковъ восточной литературы. Путешествіе Олеарія носитъ названіе: des weltberühmten Adami Olearii colligirte und viel vermehrte Reisebeschreibung. Hamburg. 1696. Всѣ эти изданія можно видѣть въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Первое изданіе раздѣлено на два путешествія. Описанія ихъ не равны между собою по объему. Второе (а за нимъ и послѣдующія) заключаетъ шесть книгъ. Свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи, находятся:

1) въ первой книгѣ, гдѣ описывается путь отъ предѣловъ Лифляндіи до Москвы, встрѣча посольства въ Москвѣ, аудіенція у царя и нѣсколько религіозныхъ церемоній, видѣнныхъ авторомъ въ Москвѣ, именно: праздникъ новаго лѣта 1 сентября, Покрова пресв. Богородицы и 22 октября иконы Казанскія Богоматери;

2) во второй книгѣ, гдѣ находится второе путешествіе отъ предѣловъ Лифляндіи до Москвы, встрѣча посольства и описаніе Кремля и остальной Москвы;

3) въ третьей книгѣ, которая заключаетъ въ себѣ 191 страницу (142—333); она вся исключительно посвящена Московіи,носитъ заглавіе: Newen persianischen Reise Beschreibung handelt von Russland und dessen Einwohnern (**) и содержитъ описаніе администраціи, церкви, финансовъ, обычаевъ, обрядовъ, домашняго образа жизни, однимъ словомъ всего, что входитъ въ кругъ, опредѣляющій внут-

---

(*) т. е. «Дополненное новое путешествіе въ Московію и Персію, совершенное при Голстинскомъ посольствѣ, отправленномъ къ Русскому царю и Персидскому шаху, вторично издаваемое Адамомъ Олеаріемъ, библіотекаремъ и придворнымъ математикомъ нынѣшняго герцогскаго Шлезвигъ-Голштинскаго Дома. Шлезвигъ. 1656 г.»

(**) «т. е. (третья книга) описанія новаго путешествія въ Персію—трактуетъ о Россіи и ея жителяхъ».

реній бытъ государства и народа и сверхъ того различныя событія, изъ которыхъ относящіяся къ царствованію Алексѣя Михайловича помѣщены во второмъ и послѣдующихъ изданіяхъ, а въ первое не вошли;

4) въ четвертой книгѣ, гдѣ описанъ путь отъ Москвы до Астрахани;

5) въ шестой, гдѣ изображенъ обратный путь изъ Персіи по Волгѣ, пребываніе въ Москвѣ и отъѣздъ въ отечество.

Олеарій принадлежитъ къ первокласснымъ источникамъ для уразумѣнія внутренняго быта Московскаго государства и народа. Одаренный проницательностію, умѣньемъ во множествѣ явленій схватить важнѣйшія и знаменательнѣйшія и представить ихъ въ натуральной ихъ взаимной связи, онъ отличается просвѣщеннымъ взглядомъ, занимательностію описаній и добросовѣстностію; если же гдѣ нибудь и попадаетъ въ ошибки, то никакъ неумышленно. Для иностранцевъ, посѣщавшихъ послѣ него Московію, онъ служилъ ручною книгою, и потому то всѣ они смотрѣли на предметъ по указанію Олеарія, а нѣкоторые, какъ наприм. Стрюйсъ (Страусъ), копировали цѣликомъ изъ него мѣста и выдавали за свое.

Кромѣ описаній, путешествіе Олеарія драгоцѣнно еще и по тѣмъ рисункамъ, которые включены у него въ текстъ. Сюда принадлежатъ: виды нѣкоторыхъ городовъ: Ладоги, Новгорода, Торжка, Твери, Москвы, Коломны, Касимова, Мурома, Нижняго Новгорода, Кузьмодемьянска, Казани, Тетюшъ, Самары, Саратова, Царицына, Чернаго Яра, Астрахани; если эти рисунки неудовлетворительны по общности чертъ и по неискуству гравюры, по крайней мѣрѣ изъ нѣкоторыхъ видно, что путешественникъ снималъ свои виды съ натуры, чему доказательствомъ служитъ сохраненіе колоритовъ мѣстности. Кромѣ рисунковъ городовъ, у Олеарія есть двѣ карты: Балтійскаго побережья и Волги и планъ Москвы. Еще болѣе возбуждаютъ къ себѣ вниманія включенныя тамъ и самъ въ текстъ виньеты и картины съ изображеніями зданій, религіозныхъ процессій, одеждъ, какъ русскихъ всѣхъ сословій, такъ и народовъ, жившихъ подъ властію Московскаго царя, и нѣкоторыхъ сценъ домашней жизни, напр. крещенія дѣтей, свадебнаго пира, погребенія, игры скомороховъ, качели, и проч.

По возвращеніи своемъ изъ Персіи, Олеарій былъ приглашаемъ

царемъ Михаиломъ Өедоровичемъ остаться у него придворнымъ астрономомъ и землевѣдомъ; но онъ увидѣлъ, что въ Москвѣ составили бы о немъ мнѣніе какъ о волшебникѣ и уѣхалъ въ Германію. Въ 1643 году онъ еще разъ былъ въ Москвѣ при посольствѣ и опять просили его тамъ остаться, и снова Олеарій не захотѣлъ, увидя, что его ученыя занятія навлекутъ на него подозрѣніе въ чародѣйствѣ. Онъ остался при Голштинскомъ дворѣ придворнымъ математикомъ и археологомъ, пользовался въ Германіи всеобщимъ уваженіемъ, написалъ много ученыхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній и скончался на семьдесятъ второмъ году отъ рожденія, въ 1671 г. Другъ его, путешествовавшій съ нимъ нѣкогда въ Московію и Персію, поэтъ Павелъ Флемингъ скончался тотчасъ по прибытіи на родину изъ Московско-персидскаго путешествія, оставивъ по себѣ громкую извѣстность въ исторіи отечественной литературы.

Желательно было бы, чтобъ въ настоящее время кто нибудь подарилъ публику полнымъ переводомъ всего путешествія Олеарія; оно было бы вообще интересно для образованныхъ читателей не только по свѣдѣніямъ, объясняющимъ нашъ допетровскій бытъ, но и по тѣмъ, которыя относятся къ Персіи.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Русскомъ Государствѣ, областяхъ его, рѣкахъ и городахъ.

Пространство Россіи въ длину и ширину.—Владимиръ.—Рѣки въ Россіи.—Истоки рѣкъ.—Городъ Москва.—Деревянные дома.—Частые пожары.—Части города.—Церкви въ Кремлѣ.—Колокольня (Thurm) Ивана Великаго и большой колоколъ.—Церковь Іерусалимъ.—Большой рынокъ.—Женскій рынокъ.—Обыкновенные рынки.—Вшивый рынокъ.—Царь-городъ.—Скородомъ.—Стрѣлецкая слобода.—Городъ Архангельскъ.—Большая пошлина въ Архангельскѣ.

Россія, или Бѣлая Русь, какъ называютъ ее нѣкоторые, именуемая также вообще Московіею отъ города Москвы, главнаго города, лежащаго въ срединѣ этой земли, обнимаетъ собою самые крайніе предѣлы Европы, граничащіе съ Азіею. Въ длину она простирается на 30°, или 450 нѣм. миль; въ ширину же на 16°, или 150 нѣм. миль. На сѣверъ, или полночь, чрезъ арктическій кругъ, простирается она до Ледовитаго моря (принимая въ соображеніе тѣ земли, которыя находятся подъ властію нынѣшняго царя, или Московскаго великаго князя); на востокъ или утро—до большой рѣки Оби, до земли Нагайскихъ Татаръ и тутъ заканчивается; на югъ, или полдень—до земли Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ; на западъ, или вечеръ—до Литвы, Польши и Швеціи, сосѣдственныхъ Россіи земель.

Русское царство раздѣлялось на множество различныхъ Княжествъ или областей, изъ которыхъ большая часть управлялась князьями съ титуломъ великихъ. Изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ и славнѣйшимъ было великое княжество (много времени тому назадъ)

Володимірское или Владимірское (Wolodimer, oder Wladimer), какъ оно теперь называется; лежитъ оно между рѣками Окою и Волгою, гдѣ и теперь можно видѣть старый городъ съ крѣпостью того же имени, основанный великимъ княземъ Владиміромъ въ 928 году по Рожд. Христ. и бывшій резиденціею какъ его, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ князей, до тѣхъ поръ, пока великій князь Іоаннъ Даниловичь Калита (Danilow Michaelowitz) не перенесъ оттуда своего главнаго мѣстопребыванія въ Москву.

Прочія княжества тоже имѣли прежде своихъ князей и владѣтелей, которые управляли ими, но потомъ всѣ вошли въ составъ великаго княжества Московскаго при царѣ Иванѣ Васильевичѣ (Грозномъ).

По землямъ и областямъ этимъ протекаютъ рѣки, отличающіяся своею длиною и судоходствомъ; сказать по правдѣ, еще нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не встрѣчалъ я подобныхъ рѣкъ. Самая замѣчательная изъ нихъ называется Волгою (Wolga), которая, какъ мы измѣрили, отъ Нижняго Новгорода до впаденія ея въ Каспійское море, простирается на 500 нѣм. миль; кромѣ того, образуемый ею изгибъ, отъ истока до Нижняго, простирается еще на 100 нѣм. миль. Днѣпръ (Neper), или Борисѳенъ, также большая рѣка, отдѣляетъ Россію отъ Литвы и впадаетъ въ Понтъ Эвксинскій, или Черное море; равнымъ образомъ замѣчательна и рѣка Двина (Dwina), впадающая при Архангельскѣ въ Бѣлое море. Ока и Москва (Okka und Muske), также довольно замѣчательныя рѣки, хотя гораздо меньше вышеупомянутыхъ; я умалчиваю здѣсь о многихъ незначительныхъ рѣчкахъ, которыя доставляютъ жителямъ большое удобство, какъ въ производствѣ торговли, такъ и въ продовольствіи, по своимъ богатымъ рыбнымъ промысламъ.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что всѣ исчисленныя рѣки, противъ обыкновенія, берутъ свое начало не изъ горъ или скалъ (которыхъ не видать во всемъ великомъ княжествѣ), но изъ большихъ озеръ и песчаныхъ мѣстъ.

Въ Россіи находятся довольно большіе и, по понятіямъ Русскихъ, отличные города, изъ коихъ самые замѣчательные: Москва (Muskau), Великій Новгородъ (Groß Naugard), Нижній Новгородъ (Niesen Neugard), Псковъ (Pleskau), Смоленскъ (Smolensko) (этотъ городъ сначала принадлежалъ Литвѣ и Польскому королю, о чемъ можно

читать въ Московской хроникѣ Петрея; въ 1514 г. по Р. Хр. взятъ Москвитянами, въ 1611 году снова былъ осаждаемъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, но безуспѣшно; только въ прошедшемъ 1654 году возвращенъ великому князю), Архангельскъ (Archangel), большой приморскій городъ, притомъ торговый, Тверь (Twero), Торжокъ (Torsok), Рязань (Resan), Тула (Tula), Калуга (Cologa), Ростовъ (Rostow), Переславль (Peresla), Ярославль (Jaresla), Угличъ (Uglis), Вологда (Wolochda), Владиміръ (Wladimer), Старая Русса (Stara Russa), отъ которой, какъ нѣкоторые думаютъ, Русскіе получили свое наименованіе.

Это самые замѣчательные города въ Россіи; кромѣ того, въ ней находится много небольшихъ городовъ, мѣстечекъ и безчисленное множество деревень.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, и довольно во многихъ, есть крѣпости (Schlösser—кремль), по бо̀льшей части деревянныя, подобно самимъ городамъ, выведенныя изъ складенныхъ крестъ на крестъ бревенъ, почему легко и скоро сгараютъ въ пожарахъ.

Кромѣ того, въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. у Казанскихъ, Астраханскихъ и другихъ подчиненныхъ Великому Князю Татаръ, встрѣчаются отличные города, но такъ какъ они собственно не входятъ въ составъ Россіи, то я опишу ихъ въ будущемъ моемъ путешествіи.

Что же касается до Москвы, столицы и главнаго города всего великаго княжества, то она заслуживаетъ подробнѣйшаго описанія.

Москва получила названіе свое отъ рѣки Москвы, которая течетъ въ южной части города и проходитъ вдоль Красной Стѣны. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, будто бы онъ отъ кого то слышалъ, что высота полюса надъ горизонтомъ Москвы равняется 58°; самъ онъ съ помощію своей астролябіи нашелъ 9-го іюня по полудни высоту солнца въ 58°. Считая по новому календарю, солнце находилось въ этотъ день въ 18° зодіака и имѣло слѣд. 23° склоненія, что̀ если вычесть изъ высоты солнца, то получится высота экватора, равняющаяся 35°. Если же возьмемъ такое число градусовъ только изъ цѣлаго квадранта 90°, то остается еще 55°, а не 50°, какъ вышло у Герберштейна при исчисленіи во взятой имъ высотѣ. Если даже будемъ считать по старому календарю, то все таки его мнѣніе будетъ несправедливо.

Я же, послѣ неоднократныхъ наблюденій, нашелъ, что высота полюса Москвы равняется 55° 36′ широты (въ первомъ изданіи, по ошибкѣ типографщика, поставлено 56° вмѣсто 55°), а длина 66°, сколько я могъ узнать по времени луны и по меридіану.

Городъ лежитъ въ самой срединѣ, какъ бы въ центрѣ страны. Москвитяне полагаютъ, что онъ отстоитъ отъ границъ со всѣхъ сторонъ на 120 миль, но нужно замѣтить, что мили не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы. Въ окружности городъ имѣетъ почти 3 нѣм. мили, но прежде, должно быть, былъ вдвое больше. Matthias a Michovia говоритъ, что Москва въ его время была вдвое болѣе Флоренціи, что̀ въ Тосканѣ, или Праги въ Богеміи. Въ 1571 г. во время вторженія Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и вторично, во время господства Поляковъ, въ 1611 г. Москва выгарала до самаго Кремля (Schloß), о чемъ можно читать у *Гельмольда* въ его *Славянской Хроникѣ* (Helmoldus in Chronika Slavonica), у *Хитрея* въ его *Саксонской Исторіи* подъ тѣмъ же годомъ (Chitraeus), у *Петрея* въ его *Московской Хроникѣ* на стр. 40 и у *Меттерана* (Metteranus), да и сами Русскіе подтверждаютъ это. Объ окружности же города въ настоящее время, со всѣми прилежащими къ нему валами и бастіонами, читатель уже имѣетъ понятіе. Говорятъ, что еще теперь можно насчитать до 40,000 пожарищъ.

Жилые дома въ городѣ (за исключеніемъ жилищъ вельможъ и нѣкоторыхъ богатыхъ купцевъ изъ Нѣмцевъ, у которыхъ есть каменныя палаты) выстроены изъ сосновыхъ и еловыхъ бревенъ, положенныхъ на̀ крестъ одно на другое. Крыши домовъ покрываются тёсомъ (Schiebeln-Bretten), поверхъ котораго накладываются березовыя деревья, а иногда и дернъ, что много способствуетъ частымъ пожарамъ. Не проходитъ мѣсяца и недѣли, чтобы, при сильномъ поднявшемся вѣтрѣ, не сгарало нѣсколькихъ домовъ; иногда цѣлыя улицы превращаются въ пепелъ. Во время нашего пребыванія, случалось иногда видѣть ночью огонь въ трехъ, четырехъ мѣстахъ; незадолго до нашего пріѣзда выгорѣла треть города, что повторилось опять за четыре года до настоящаго времени. При подобныхъ несчастіяхъ, обыкновенно посылаютъ стрѣльцовъ и особаго рода стражу, которые должны препятствовать распространенію огня; пожаръ никогда не тушатъ водою, но срываютъ стоящія вблизи огня строенія, для того

что бы, потерявъ свою силу, онъ потухъ самъ собою. Для этого каждый солдатъ и ночной стражъ долженъ носить при себѣ топоръ.

Для предохраненія отъ огня каменныхъ домовъ, а равно и крышъ, дѣлаютъ въ нихъ небольшія окна; во время пожара, которому подвергается какой либо изъ сосѣднихъ домовъ, окна эти закрываются желѣзными или жестяными ставнями.

При такихъ частыхъ пожарахъ, тѣ, которые теряли въ нихъ дома свои, въ скоромъ времени снова поселялись въ новыхъ, такъ какъ у Русскихъ, за Бѣлой Стѣной, находится рынокъ, гдѣ можно видѣть дома совсѣмъ готовые, частью сложенные, частью разобранные; эти-то дома покупаются, съ весьма небольшими издержками свозятся на мѣсто, и тутъ уже устанавливаются.

Весь городъ раздѣляется на четыре части, или главные округа (Haupt Kreise). Первый носитъ имя *Китай города* (Kitaigorod) и занимаетъ самую средину города; онъ окруженъ толстою каменною стѣною, которая называется *Красною стѣною* (Crasna Stenna). Въ южной части своей, какъ выше уже сказано, онъ замыкается рѣкою Москвою, а въ сѣверной рѣкою Неглиною (Neglina), соединяющейся въ западной части Кремля съ Москвою. Почти половина этого округа занимается великокняжескимъ Кремлемъ (Schloß Krämelina); по величинѣ своей и пространству, будетъ онъ съ порядочный городъ, окруженъ тремя стѣнами и глубокимъ рвомъ, и сверхъ того вооруженъ хорошими орудіями и снабженъ достаточнымъ числомъ солдатъ. Внутри помѣщается много великолѣпныхъ каменныхъ зданій, дворцовъ и церквей, обитаемыхъ и посѣщаемыхъ великимъ княземъ, патріархомъ и нѣкоторыми знатнѣйшими вельможами. Прежній великій князь Михаилъ Θедоровичъ, бывшій еще въ живыхъ во время нашего пребыванія въ Москвѣ, повелѣлъ выстроить хорошія каменныя палаты (Gemächer), а для сына своего, нынѣшняго великаго князя, приказалъ построить великолѣпный дворецъ на итальянскій манеръ; самъ же онъ, ради здоровья, охотнѣе жилъ въ деревянныхъ покояхъ. Нынѣшній патріархъ также выстроилъ себѣ прекрасный дворецъ, въ великолѣпіи почти ни въ чемъ не уступающій великокняжескому.

Кромѣ двухъ монастырей, въ которыхъ живутъ монахи и монахини, въ Кремлѣ находится до 50 каменныхъ церквей; изъ нихъ, большихъ и замѣчательныхъ четыре: церковь *Св. Троицы*,

Св. Маріи, Св. Михаила (въ которой погребаются Великіе Князья) и *Св. Николая;* изъ нихъ у одной, въ лѣвой сторонѣ (мимо которой мы проходили на аудіенцію) находятся большія створчатыя двери, обитыя толстыми серебряными листами.

Церкви эти, равно какъ и прочія каменныя во всемъ Государствѣ, строются съ 5 бѣлыми главами (Thürme), на вершинахъ коихъ находятся тройные кресты. Въ Кремлѣ же главы эти обиты гладкою, густо вызолоченною жестью; жесть эта, при солнечномъ сіяніи, блеститъ чрезвычайно ярко, что придаетъ городу прекрасный видъ; такъ нѣкоторые изъ нашихъ, при въѣздѣ въ городъ, говорили: «извнѣ городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же Виѳлеемомъ».

Въ самой срединѣ Кремля стоитъ очень высокая колокольня, называемая *Иваномъ Великимъ* (Iwan Welike, das ist Groß-Hans); глава ея обита позолоченною жестью. На колокольнѣ этой очень много колоколовъ. Подлѣ нея стоитъ другая большая колокольня, на которой виситъ огромный колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ; колоколъ этотъ вылитъ въ царствованіе Бориса Годунова. Звонятъ въ него только въ торжественныхъ случаяхъ, или по праздникамъ (Brasnik), во время встрѣчи знаменитыхъ посланниковъ, или при шествіи ихъ на торжественную аудіенцію; для этого употребляется болѣе чѣмъ 24 человѣка: всѣ они стоятъ внизу на площади и звонятъ, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двумъ канатамъ, идущимъ внизъ по обѣимъ сторонамъ колокольни. При всемъ томъ, въ колоколъ этотъ звонить нужно очень осторожно, такъ какъ колокольня шатается, а чтобы предотвратить ее отъ паденія, нѣсколько человѣкъ стоятъ на верху у самаго колокола и приводятъ въ движеніе его языкъ.

Въ Кремлѣ же находятся великокняжескія казнохранилища, провіантскіе и пороховые магазины.

Внѣ Кремля, въ округѣ Китай-городъ, по правую руку отъ Кремлевскихъ воротъ, стоитъ весьма искусно выстроенная церковь Св. Троицы, архитектору которой, при окончаніи работы, Грозный (царь Иванъ Васильевичъ) приказалъ выколоть глаза, для того чтобы онъ ничего подобнаго не могъ болѣе сдѣлать. Недалеко отъ этой церкви находится площадь; здѣсь лежатъ два огромныхъ куска металла, прямо противъ большой улицы, изъ которой Татары обы-

кновенно нападали на Кремль. Предъ Кремлемъ расположенъ самый большой и лучшій въ цѣломъ городѣ рынокъ; здѣсь въ продолженіи цѣлаго дня можно видѣть толпы продавцевъ, состоящія изъ мужчинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающихся. Недалеко отъ площади, женщины имѣютъ свой особенный рынокъ съ лавочками, въ которыхъ продаютъ полотно; нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, стоя, продаютъ, между прочими мелкими товарами, кольца съ бирюзовыми вставками; кольца эти держатъ онѣ во рту и униженно просятъ, какъ случилось мнѣ самому слышать, купить у нихъ что нибудь.

На рынкахъ же и на прилегающихъ къ нимъ улицахъ, для разныхъ предметовъ торговли и промышленности, устраиваются особенныя лавки, такъ что въ одномъ ряду лавокъ продаются только извѣстнаго рода товары. Тутъ можно найти и продавцевъ шелку, суконщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, сѣдельныхъ продавцевъ, сапожниковъ, портныхъ, корзинщиковъ (Körbner?), шапошныхъ мастеровъ и многихъ другихъ; у всѣхъ ихъ есть свои особенныя улицы, на которыхъ они продаютъ свои товары. Подобное распредѣленіе лавокъ весьма удобно, ибо всякій идетъ куда ему нужно и получаетъ необходимый для него товаръ. Недалеко также отъ Кремля, по правую отъ него руку, въ одной изъ улицъ помѣщается Божій рынокъ (Götter Markt), гдѣ продаются св. иконы; по словамъ Русскихъ, здѣсь производится не продажа, а мѣна иконъ на деньги, на тотъ конецъ, чтобы избѣжать могущаго произойти при этомъ большаго торгашества.

Направо отъ этого рынка, если пойдешь отъ Посольскаго Двора въ Кремль, встрѣтишь особенное мѣсто, гдѣ Русскіе, при хорошей погодѣ, подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутъ себѣ волосы. Рынокъ этотъ, какъ они называютъ его *вшивый*, до такой степени устланъ волосами, что идешь по немъ какъ бы по мягкой подушкѣ.

Въ Кремлѣ живутъ также знатные гости (Gosen) или купцы и также нѣкоторые изъ Московскихъ князей.

Другой округъ, называемый *Царь-городомъ* (Zaargorod—Königsstadt) расположенъ въ видѣ половины луны; онъ окруженъ крѣпкою каменною стѣною, называемою *Бѣлою стѣною* (Biela Steena). По срединѣ его протекаетъ рѣчка *Неглина*. Въ этомъ округѣ живутъ многіе вельможи, князья Московскіе, дѣти боярскіе (Sinbojaren)

или люди благородныхъ сословій, знаменитые граждане и купцы, торгующіе въ разныхъ мѣстахъ Государства; здѣсь проживаютъ и ремесленники, въ особенности же много булочниковъ. Тутъ же можно найти лавки, въ которыхъ продаютъ медъ и вино, мясныя прилавки, скотный рынокъ и кабаки, гдѣ продаются пиво, медъ и водка. Въ этомъ округѣ помѣщаются конюшни его царскаго величества, а также Литейный Дворъ, находящійся на мѣстѣ, называемомъ у Русскихъ *Поганымъ прудомъ* (Poggana Brut), на рѣчкѣ Неглинѣ; на Литейномъ Дворѣ этомъ выливается много пушекъ и колоколовъ. Въ недавнее время жилъ въ Москвѣ искусный мастеръ, по имени *Иванъ Фалькенъ* (Hans Falken), отъ котораго нѣкоторые изъ Русскихъ ремесленниковъ, по одной только наглядкѣ, довольно порядочно выучились сами отливать различныя вещи. Онъ обладалъ удивительнымъ искусствомъ отливать такія пушки, что изъ нихъ безопасно можно было стрѣлять 26-ти фунтовымъ ядромъ при 25 ф. пороху; этимъ самымъ онъ такъ прославился въ Голландіи, что о немъ упоминается у Меттерана.

Третья часть города называется *Скородомъ* (Skorodom-Skodorom). Она образуетъ собою самый внѣшній предѣлъ города, распространяясь на сѣверъ, востокъ и западъ около Царь-города. Эта часть города, послѣ опустошенія ея Татарами, говорятъ, имѣла въ окружности до 35 верстъ или пяти нѣм. миль; здѣсь протекаетъ рѣчка *Яуза* (Jausa) и впадаетъ въ рѣку Москву. Въ этой же части города находятся дровяные и домовые рынки, гдѣ можно купить домъ и, въ продолженіи одного дня, построить его въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ бревна, уже совершенно готовыя, пригнанныя другъ къ другу и сложенныя, слѣдуетъ только проконопатить мохомъ.

Четвертая часть города называется *Стрѣлецкою слободою* (Strelitza Slawoda); лежитъ она въ южной части города за рѣчкою *Московскою* и обращена къ татарской землѣ, будучи окружена досчатымъ заборомъ и деревянными бастіонами. Эта часть города выстроена была великимъ княземъ Василіемъ, отцемъ Грознаго (Ивана Васильевича), назначена для поселенія въ ней иноземныхъ солдатъ, какъ-то: Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, и названа *Налейки* (Naleiki,—die Saufstadt). У Чеховъ *nali* означаетъ *налей* (schenke ein). Это названіе произошло отъ того, что иностранцы, проживающіе въ Москвѣ, гораздо больше предаются пьянству, и нельзя сказать,

чтобы это было ихъ природнымъ порокомъ, но происходитъ единственно отъ свободы пить и отъ дурнаго примѣра, который они видятъ въ Русскихъ, предающихся пьянству только въ нѣкоторые большіе праздники; весьма естественно, что иностранцы не могли жить совершенно одни за рѣкою и не входить ни въ какія сношенія съ Русскими. Объ этомъ можно читать у Герберштейна въ его *Commentaria rerum Moscowitarum* на стр. 46 и у Гваньини. Въ настоящее время въ этой части города живутъ стрѣльцы, состоящіе на службѣ у великаго князя, и простой народъ.

За стѣною Москвы и внутри ея находится множество церквей, монастырей и часовень. Въ первомъ изданіи я упомянулъ, что число ихъ простирается до 1500; число это показалось удивительнымъ и почти невѣроятнымъ *Іоахиму Людвигу Готфриду* (Joachim Ludwig Gottfrieden) въ его *Archontologia Cosmica* на стр. 467); а теперь я могу сказать, что число это незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, о которомъ я узналъ по вѣрнымъ извѣстіямъ отъ нѣкоторыхъ нашихъ гражданъ, давно уже проживающихъ въ Москвѣ, а частію отъ самихъ Москвитянъ, пріѣзжавшихъ къ намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ за своимъ ложнымъ царемъ Шуйскимъ (Zuiski); эти послѣдніе провели у насъ въ Голштиніи нѣсколько времени, въ продолженіи котораго я бесѣдовалъ съ ними почти каждый день: они то сообщили мнѣ, что въ Москвѣ насчитываютъ до 2000 церквей, монастырей и часовень.

Почти у каждаго пятаго дома можно встрѣтить часовню. Въ настоящее время каждый богатый вельможа строитъ себѣ часовню, имѣетъ собственнаго священника, содержитъ его на свой счетъ, и потому одинъ только со своими родственниками слушаетъ Божественную службу. По повелѣнію нынѣшняго патріарха, часовни должны строиться изъ камня, по причинѣ частыхъ пожаровъ, случающихся въ часовняхъ деревянныхъ; нѣкоторыя изъ такихъ часовень внутри вышиною не болѣе 15 футовъ. На этотъ разъ, того, что сказано мною о Москвѣ, кажется, будетъ довольно.

Такъ какъ городъ Архангельскъ замѣчателенъ по своей торговлѣ, и о немъ, сколько я знаю, нигдѣ не было писано, то я постараюсь здѣсь сказать о немъ что нибудь.

На географической картѣ городъ этотъ (что можно найти въ любомъ Атласѣ) называется *Св. Михаило-Архангельскомъ* (St.

Michael Archangel), Русскимп же просто *Архангельскомъ;* онъ лежитъ въ глубокомъ сѣверѣ, въ землѣ Двинской, на рѣкѣ того же имени и почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, раздѣляясь, протекаетъ вдоль острова *Пудожемскаго* (Padesemski) и вливается въ Бѣлое море.

Городъ и входъ въ него съ моря устроенъ еще недавно; прежде корабли останавливались въ лѣвомъ рукавѣ Двины, у монастыря *Св. Николая* (отъ котораго мѣсто это называлось гаванью Св. Николая, что можно видѣть у Петрея на стр. 65); но такъ какъ отъ постоянно наносимаго песку устье рѣки на лѣвомъ берегу становилось все мельче и мельче, а на правомъ глубже, то на этомъ мѣстѣ, какъ болѣе удобномъ для судоходства, и выстроили городъ.

Городъ самъ по себѣ невеликъ, но замѣчателенъ по производимой тамъ морской торговлѣ и значительной населенности купечества. Почти каждый годъ приходятъ туда съ разными товарами корабли Голландскіе, Англійскіе и Гамбургскіе; къ этому же времени съѣзжаются сюда купцы со всего Государства, Нѣмцы въ особенности, и зимою на саняхъ отправляются домой обратно съ своими товарами.

Нынѣшній великій князь наложилъ большую пошлину на товары, привозимые въ этотъ городъ; пошлины собираются живущими тамъ воеводами. Такъ какъ подобная пошлина для купечества довольно тяжела, да притомъ и Шведскій король также беретъ 2% съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Лифляндію и Нарву, то можно полагать, что въ Архангельскѣ торговля упадетъ, и чрезъ Лифляндію обратится въ Балтійское море, куда путь болѣе безопасенъ.

Недалеко отъ Архангельска на Бѣломъ морѣ въ одномъ изъ заливовъ или губъ (Sunvig) находятся три острова, лежащіе въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи; самый большой изъ нихъ называется *Соловецкимъ* (Solofka), другой *Анзерскимъ* (Anzer), третій *Козьимъ* (Cosowa). На островѣ (ostro) Соловецкомъ стоитъ монастырь, въ которомъ погребенъ одинъ изъ Русскихъ Святыхъ. По совѣту и желанію патріарха, великій князь, годъ тому назадъ, приказалъ вырыть его изъ земли и привезти въ Москву, о чемъ много было въ то время толковъ. Нѣкоторые говорятъ, будто бы прежніе великіе Русскіе князья хранили на островѣ этомъ огромныя сокровища, такъ какъ онъ довольно высокъ и скалистъ, что

препятствуетъ свободному и легкому къ нему доступу. Отъ одного хорошаго моего пріятеля я получилъ чертежъ, на которомъ можно видѣть положеніе этого мѣста и подъѣздъ къ нему съ моря; человѣкъ этотъ ѣздилъ туда нѣсколько разъ и хорошо знаетъ тамошнія мѣста, почему чертежъ его я и прилагаю здѣсь любознательнымъ читателямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О качествѣ воздуха, климатѣ, свойствахъ земли, растеніяхъ и садахъ.

Большая моровая язва въ Москвѣ.—Большіе морозы.—Скорость бѣга русскихъ лошадей.—Сильные жары.—Плодородіе земли.—Плодородіе Ингерманландіи.—Хорошіе плоды въ Москвѣ.—Овощи.—Боранцы.—Травы и цвѣты.—Множество дичи.—Множество дикихъ звѣрей.—Слюда.—Рудники въ Россіи.—Золотые пріиски.—

Воздухъ, климатъ и свойства земли неодинаковы въ великомъ княжествѣ Русскомъ, такъ какъ многія области, входящія въ составъ его, лежатъ на большомъ другъ отъ друга разстояніи и притомъ въ различныхъ климатахъ. Что же касается до Московскаго княжества и пограничныхъ съ нимъ земель, то въ нихъ постоянно воздухъ свѣжъ и здоровъ, почему не слыхать здѣсь о заразительныхъ болѣзняхъ и большой смертности людей, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ писатели и говорятъ сами Русскіе; о такихъ болѣзняхъ толкуютъ только старые люди. Весьма удивительнымъ, послѣ этого, кажется, почему въ 1654 г., во время войны съ Польшею за Смоленскъ, въ Москвѣ открылась моровая язва, продолжавшаяся очень долго и притомъ въ такой сильной степени, что люди, выходя изъ дому совершенно здоровыми, падали и умирали на улицѣ. Поэтому запрещенъ былъ тогда и самый въѣздъ въ Москву.

Зимою въ Россіи стоятъ такіе сильные морозы, что отъ нихъ едва можно укрыться. У Русскихъ не считается за рѣдкость, если кто либо изъ нихъ отморозитъ себѣ носъ, уши, руки или ноги. Во время перваго нашего пребыванія въ Москвѣ въ 1634 г. была

столь жестокая зима, что на площади, предъ Кремлемъ, земля треснула на 20 саженъ въ длину и на ¼ аршина въ ширину; никто изъ насъ не осмѣливался пройти по улицѣ и 30 шаговъ съ открытымъ лицемъ, изъ опасенія отморозить себѣ носъ и уши. Я нашелъ вполнѣ справедливыми слова нѣкоторыхъ писателей, которые говорятъ, что капля воды или слюна, выплюнутая изо рта, замерзаетъ, прежде чѣмъ успѣетъ упасть на землю.

Не смотря на подобные сильные зимніе морозы, весною трава и зелень показывается изъ земли очень скоро, а цвѣты распускаются и плоды зрѣютъ немногимъ позже чѣмъ въ Германіи. Выпадающіе въ продолженіи зимы глубокіе снѣга покрываютъ землю какъ бы платьемъ, и такимъ образомъ защищаютъ ее отъ жестокаго холода.

При такихъ глубокихъ снѣгахъ, выпадающихъ во всей Россіи и Лифляндіи, можно очень удобно и скоро совершать большіе переѣзды въ Русскихъ саняхъ, которые довольно низки и дѣлаются изъ лубковъ или липовой драни. Нѣкоторые обиваютъ сани войлокомъ, кладутъ въ нихъ длинныя овчьи шубы, покупаемыя въ тѣхъ мѣстахъ довольно дешево, и сверху покрываютъ войлокомъ или суконнымъ покрываломъ; въ такихъ саняхъ въ самые сильные морозы мы заставляли возить себя, и, не чувствуя рѣшительно никакого холода, даже потѣя, спали въ нихъ прспокойно.

Къ тому же, Русскія лошади, весьма способныя для быстрой ѣзды, рослы и бѣгаютъ чрезвычайно скоро: такъ, при одной выкормкѣ, могутъ онѣ пробѣжать отъ 8 до 10 и 12 миль. На такихъ лошадяхъ я дважды ѣздилъ отъ Твери до Торжка. По дорогѣ между этими городами, какъ и во всей почти Россіи, не встрѣчается ни горъ, ни долинъ. Такимъ образомъ съ удивительною скоростью можно совершать большіе переѣзды и притомъ съ небольшими издержками; наприм. за 2, 3 и много-много уже за 4 рейхсталера крестьянинъ везетъ васъ 50 нѣм. миль, какъ это случилось однажды со мною, когда я ѣхалъ изъ Ревеля въ Ригу, на пространствѣ 50 нѣмецк. миль.

Какъ сильны бываютъ морозы зимою, такъ же велики бываютъ и жары въ лѣтнее время; будучи днемъ несносны для путешественника, они порождаютъ безчисленное множество комаровъ, надоѣдающихъ ему до крайности и днемъ и ночью. Для того чтобъ избa-

виться отъ нихъ, необходимо разводить сильный огонь и лежать близь него, или покрываться сѣткою.

Русская земля, при плодоносной, добротной почвѣ, не требующей большой обработки, чрезвычайно плодородна (исключая нѣсколькихъ миль песчаной земли, находящейся въ окрестностяхъ Москвы), и даетъ въ изобиліи рожь и пшеницу, не смотря на то, что на всемъ пространствѣ своемъ пустынна и болотиста; по большей части покрыта она кустарникомъ, въ особенности же сосновымъ и еловымъ лѣсомъ и орѣшникомъ. Сами Голландцы признаются, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при бывшемъ у нихъ большомъ неурожаѣ, Россія помогла имъ весьма много. Рѣдко услышишь, чтобъ въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Государства, гдѣ зерно даетъ малый всходъ, земля мало обработывается, такъ какъ крестьяне, запасая себѣ хлѣба на цѣлый годъ, не имѣютъ нужды засѣвать болѣе, и ежегодно употребляютъ только про себя свою богатую жатву. Поэтому самому много прекрасной, плодоносной земли оставляется безъ обработки, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, когда мы проѣзжали чрезъ нѣкоторыя мѣстности, покрытыя черною, жирною землею; на землѣ этой росла столь высокая трава, что хватала лошадямъ нашимъ почти по брюхо; такая трава ставится у Русскихъ ни во что, потому что ея у нихъ и безъ того много. Траву собираютъ, и кормятъ ею скотъ въ продолженіи цѣлаго года.

Удивительно, что на Русской сторонѣ, на правомъ берегу рѣки Нарвы, земля гораздо лучше и все растетъ гораздо скорѣе (какъ намъ говорили въ Нарвѣ), чѣмъ по другую сторону ея, въ *Алентакахъ* (Allentaken), хотя рѣка теченіемъ своимъ раздѣляетъ землю эту на равныя половины. Въ этихъ мѣстахъ Ингерманландіи, а также и Кареліи, Россіи и сѣверной части Лифляндіи крестьянинъ засѣваетъ поле свое за три недѣли до Иванова дня; вскорѣ послѣ этого времени наступаютъ здѣсь сильные жары, такъ какъ солнце опускается за горизонтъ только на нѣсколько часовъ, и хлѣбъ всходитъ почти видимо, такъ что по прошествіи 7 или уже много 8 недѣль его можно собирать. Если бы крестьяне засѣвали поля свои гораздо раньше, посѣвъ этотъ не повелъ бы ни къ чему, ибо земля бываетъ тогда еще холодна, да притомъ дуютъ холодные вѣтры.

Русскіе въ хлѣбѣ своемъ пользуются тѣмъ преимуществомъ

предъ Лифляндцами, что могутъ почти тотчасъ же по уборкѣ складывать его въ житницы, между тѣмъ какъ послѣдніе прежде того должны сушить его на огнѣ. Поэтому въ каждомъ помѣстьѣ (Land-Gut) находится особенно для этого выстроенные сараи или дома, называемые ими ригами (Riegen); внутри этихъ ригъ хлѣбъ еще съ соломою раскладывается на балкахъ или бревнахъ, а затѣмъ сушится теплотою, распространяющеюся отъ огня, горящаго въ печи, устраиваемой на подобіе пекарни. Часто случается, что подобныя риги, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, сгараютъ до тла. Такой хлѣбъ, довольно долго полежавъ на этихъ балкахъ и совершенно высохнувъ, не можетъ уже дать столь хорошихъ сѣмянъ для посѣва, какъ высохшій самъ собою на открытомъ воздухѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно же въ Москвѣ, находится много плодовъ, растущихъ въ садахъ, какъ то: яблокъ, грушъ, вишень, сливъ и смородины. Кромѣ того есть много и другихъ плодовъ; въ этомъ отношеніи несправедливо извѣстіе Герберштейна, Гваньини и другихъ, писавшихъ о Россіи, что будто бы въ ней, за большими холодами, невозможно найти ни одного хорошаго плода, ни вкуснаго яблока. Между прочими хорошими сортами есть тамъ особеннаго рода яблоки, которыя столь прозрачны и бѣлы, что, разсматривая ихъ на солнцѣ, можно видѣть всѣ зерна. Яблоки эти, будучи весьма хороши по вкусу и наружности своей, притомъ еще очень нѣжны, а потому не могутъ такъ долго сохраняться, какъ въ Германіи.

Въ Россіи можно найти также разнаго рода овощи, въ особенности спаржу, толщиною въ большой палецъ (какую я ѣлъ у одного Голландскаго купца, хорошаго моего пріятеля), также огурцы, лукъ, чеснокъ, и все это въ большомъ количествѣ. Лактука и другаго рода салатъ Русскіе не разводятъ, такъ какъ никогда не ѣдятъ его, и смѣются надъ Нѣмцами, когда тѣ употребляютъ его въ пищу, говоря, что они ѣдятъ траву; однакожь нѣкоторые изъ Русскихъ уже рѣшаются теперь отвѣдывать салату. Что же касается до дынь, то ихъ разводятъ по инымъ мѣстамъ въ большомъ количествѣ, потому что онѣ употребляются у Русскихъ въ пищу и составляютъ одинъ изъ предметовъ торговли. Дыни эти, при огромномъ ихъ количествѣ, очень велики, чрезвычайно вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахару. Такъ въ 1643 году, выѣзжая во второй

разъ изъ Москвы, я получилъ въ подарокъ отъ одного хорошаго моего пріятеля дыню въ пудъ вѣсомъ.

Русскіе обладаютъ особеннымъ умѣньемъ и искусствомъ сѣять и выращивать дыни, что частью описано у Герберштейна на стр 45. Сначала они смачиваютъ сѣмена въ сладкомъ молокѣ, или, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, въ настоявшейся дождевой водѣ, смѣшанной съ овечьимъ пометомъ, и потомъ приготовляютъ для нихъ землю, состоящую изъ конскаго навоза, засыпаннаго сверху черноземомъ. На приготовленной такимъ образомъ землѣ проводятъ неглубокія борозды на ½ фута въ ширину и кладутъ въ нихъ зерна, которыя въ одно и тоже время согрѣваются и снизу и сверху: снизу образующеюся отъ горѣнія навоза теплотою; сверху же солнечными лучами; на ночь же, для предохраненія отъ инея и холода, сѣмена покрываютъ ставнями, въ которыхъ стекла замѣняются слюдою. Въ такомъ положеніи остаются они закрытыми иногда и днемъ. Потомъ, когда сѣмена взойдутъ, обрѣзываютъ слишкомъ распространяющіеся на стороны молодые побѣги, а въ извѣстное время оконечности ихъ и усики. Нельзя не пожелать Русскимъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они прилагаютъ къ нему немало старанія и терпѣнія.

Намъ говорили, что за Самарой, между рѣками Волгою и Дономъ, растутъ особеннаго рѣдкаго рода дыни: по величинѣ и сорту своему онѣ принадлежатъ къ обыкновеннымъ дынямъ, а по внѣшнему виду походятъ на ягненка, и сходство это такъ велико, что Русскіе называютъ ихъ *бoранцами* (Boranetz). Стебель подобной дыни, точно также какъ и у обыкновенной, держится на пупочкѣ; перемѣняя мѣсто на столько, на сколько позволяетъ стебель, дыня эта высушиваетъ, или, какъ говорятъ Русскіе, съѣдаетъ его. Когда дыня созрѣваетъ, стебель засыхаетъ, и плодъ покрывается тогда шероховатою кожицею, какъ бы корою, которую Русскіе собираютъ, и употребляютъ, какъ говорятъ, противъ сильныхъ морозовъ. Въ Москвѣ намъ доставили нѣсколько кусковъ этой кожи (кажется, оторванныхъ отъ одѣяла); она была курчава и съ мягкою шерстью, точь въ точь шкура молодаго барашка или шерсть, срѣзанная съ брюшной части овцы. Скалигеръ (Scaliger) упоминаетъ о подобномъ плодѣ (Exerc. 181) и говоритъ, что его окружаютъ большая трава и листья, столь-же для него необходимые, какъ

ягненку нужна полная шерсть; при недостаткѣ этого, плодъ засыхаетъ и портится. Кажется, справедливо и то, о чемъ пишетъ далѣе Скалигеръ, что одни волки падки на этотъ плодъ, на которомъ и ловятся.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, трудно было найти въ Москвѣ хорошія травы и цвѣты. Бывшій великій князь (т. е. Михаилъ Ѳедоровичъ), вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Москву, велѣлъ украсить сады свои драгоцѣнными травами и цвѣтами. До того, Русскіе совсѣмъ не слыхали и ничего не знали о настоящихъ розахъ, довольствуясь дикими розами или шиповникомъ, которымъ украшали сады свои. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *Петръ Марцеллусъ* (Peter Marcellus), знатный купецъ, привезъ нѣсколько махровыхъ и обыкновенныхъ розъ изъ садовъ моего милостиваго государя, короля Голштинскаго, которыя принялись здѣсь очень хорошо. Въ Москвѣ не ростутъ ни грецкіе орѣхи, ни виноградъ; вино въ большомъ количествѣ привозится изъ Архангельска (гдѣ получается съ Голландскихъ и др. кораблей), также изъ Астрахани, гдѣ нынѣ оно начинаетъ выдѣлываться, о чемъ ниже будетъ сказано подробнѣе. Всякій можетъ видѣть, что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовыхъ деревъ и кустарниковъ происходитъ не отъ свойства земли и воздуха, а скорѣе отъ незнанія и нерадѣнія самихъ жителей.

Вообще у Русскихъ нѣтъ недостатка въ тѣхъ произведеніяхъ земли, кои составляютъ одинъ изъ предметовъ необходимой потребности въ жизни. Такъ, много разводится у нихъ конопли и льну, вслѣдствіе чего полотна продаются въ большомъ количествѣ во всей почти Россіи.

Медъ и воскъ, всюду находимые въ лѣсахъ, также въ большомъ у нихъ изобиліи; первый идетъ на вареніе меду, второй на приготовленіе свѣчь, употребляемыхъ въ домашнемъ быту и въ церковномъ служеніи (на что идетъ его немалое количество), и кромѣ того большими партіями продается еще въ другія области и страны. Самый лучшій воскъ и медъ идетъ чрезъ Псковъ.

Вся Россія, подобно Лифляндіи, покрыта кустарникомъ и лѣсомъ (за исключеніемъ выжженныхъ мѣстъ, назначаемыхъ на запашку), отчего водится въ ней множество лѣсной и разной другой дичи. Лѣсная дичь, находящаяся у Русскихъ въ большомъ изобиліи, не цѣ-

нится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ можно покупать у крестьянъ весьма дешево. Что же касается до журавлей, лебедей, а также нѣкоторыхъ небольшихъ птицъ, какъ напр. дроздовъ, жаворонковъ, зяблицъ и другихъ подобныхъ, то ихъ не считаютъ за нужное ловить и употреблять въ пищу. Аисты встрѣчаются мѣстами въ Лифляндіи.

Въ лѣсахъ Россіи водится много разнаго рода дикихъ звѣрей, за исключеніемъ оленей, которыхъ почти вовсе нѣтъ, или, какъ иные говорятъ, весьма мало. Лоси, дикіе кабаны, зайцы водятся во множествѣ, послѣдніе только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи; въ Лифляндіи же встрѣчаются повсюду; зайцы эти обыкновенной породы, лѣтомъ сѣраго, зимою же бѣлаго, какъ снѣгъ цвѣта.

Удивительно, что въ Курляндіи, которая граничитъ съ Лифляндіею и отдѣляется отъ нея только одною рѣкою Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрыми, поэтому, когда зимою Курляндскій заяцъ перебѣжитъ по замерзшей Двинѣ въ Лифляндію, то его называютъ Курляндскимъ перебѣжчикомъ.

Причина перемѣны цвѣта шерсти заключается въ климатѣ. Какъ цвѣтъ волосъ согласуется съ температурой: «capilli imitantur humoris colorem, unde alimenta trahunt», говоритъ *Cael. Rodigenus,* такъ точно и животныя на болотистой, сырой и холодной землѣ отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ шерсти, чѣмъ въ теплыхъ странахъ, ибо «hiems habet vim et naturam phlegmatis», говоритъ *Авицена* въ Canticis; поэтому и зайцы зимою становятся бѣлыми. Бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода (albus capillus innuit frigidam complexionem, говоритъ Авероэсъ (Averoes), кромѣ упомянутаго нами Авицены), черный же—отъ жару, оттого и зайцы, съ наступленіемъ лѣта, въ тепломъ воздухѣ снова получаютъ сѣрый цвѣтъ шерсти. При этомъ вспомнилъ я о разсказѣ покойнаго тестя моего, жившаго въ Лифляндіи. Однажды, во время свадьбы одного изъ сыновей своихъ, онъ приказалъ лѣтомъ наловить нѣсколько зайцевъ (въ своемъ помѣстьѣ Кундѣ (Kunda), лежащемъ между Ригою и Ревелемъ), посадить ихъ въ погребъ и тамъ откармливать. Спустя нѣсколько недѣль, зайцы эти перемѣнили сѣрую шкуру свою на бѣлую; изъ этого ясно можно видѣть, что̀ служило причиною перемѣны цвѣта ихъ шерсти.

Кромѣ зайцевъ, употребляемыхъ въ пищу, въ Россіи водится

также много нечистыхъ и дикихъ звѣрей, какъ то: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ; мѣхами этихъ животныхъ производится большая торговля.

Отличныя пажити и пастбища, которыми изобилуетъ Россія, способствуютъ разведенію домашняго рогатаго скота, какъ то: быковъ, коровъ, телятъ и овецъ, и притомъ въ огромномъ количествѣ; поэтому самому рогатый скотъ очень дешевъ въ Россіи. Такъ однажды, когда мы въ первый разъ были въ Россіи, случилось купить намъ весьма тучнаго быка, хотя и небольшаго росту (ибо почти во всей Россіи рогатый скотъ малорослъ) за 2 талера, овцу за 10 копѣекъ или 5 грошей.

Текущія рѣки и съ стоячею водою озера, которыхъ очень много въ Россіи, заключаютъ въ себѣ чрезвычайное изобиліе рыбы; недостатокъ ощущается только въ карпахъ, коихъ нельзя было найти даже и въ Лифляндіи. Впрочемъ, въ Астрахани видѣли мы много карповъ величины необыкновенной; за одного карпа мы платили по шиллингу. Рыба эта ловится въ Волгѣ, но такъ какъ мясо ея грубо и жестко, то она не отличается хорошимъ вкусомъ.

Изъ ископаемаго царства въ особенности замѣчательна слюда, находимая мѣстами въ каменоломняхъ; она замѣняетъ собою стекло и употребляется почти во всей Россіи.

Страна эта прежде вовсе не имѣла разработанныхъ рудниковъ; только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Татарской границѣ, въ окрестностяхъ Тулы, въ 26-ти миляхъ отъ Москвы, начали разработку одного рудника. Разработкой занималось нѣсколько Нѣмецкихъ инженеровъ, присланныхъ въ Россію по просьбѣ его царскаго величества его свѣтлостью курфирстомъ Саксонскимъ. Рудники эти до сихъ поръ разработываются и приносятъ большую пользу; въ нихъ наиболѣе добывается желѣзо. Въ семи верстахъ (или полуторыхъ миляхъ) отъ этого мѣста, между двумя горами, въ прелестной долинѣ, орошаемой довольно большимъ ручьемъ, выстроенъ желѣзный заводъ, на которомъ приготовляется желѣзо въ полосахъ; здѣсь же выливаются другія разнаго рода вещи.

Заводомъ этимъ управляетъ Петръ Марселисъ (Hans Peter Marselius); по контракту, заключенному съ великимъ княземъ, онъ доставляетъ ежегодно въ Оружейную Палату (Rüst-Kammer) его царскаго величества извѣстное число полосъ желѣза, орудій

и нѣсколько тысячь пудовъ ядеръ. Въ настоящее время онъ пользуется тою же милостью и уваженіемъ у нынѣшняго великаго князя, какою пользовался и у прежняго; онъ же въ Москвѣ занимается и другими торговыми дѣлами.

При жизни царя Михаила Ѳедоровича, 15 лѣтъ тому назадъ, случайно въ одной мѣстности Россіи открыта была золотая руда, но осталась безъ разработки, въ слѣдствіе чего тотъ, который открылъ ее и тотъ, который объявилъ о ней въ надеждѣ на большія выгоды, пришли въ крайнюю бѣдность.

Всѣ тѣ, которые объявляютъ о какихъ либо новыхъ изобрѣтеніяхъ, съ намѣреніемъ обогатиться, по большей части не имѣютъ успѣха и счастья при царскомъ Дворѣ. Прежній царь хотя и принималъ разнаго рода изобрѣтенія, желая обогатить казну свою, но изъ опасенія остаться въ накладѣ въ случаѣ обмана или неудачи предпріятія, требовалъ, чтобъ изобрѣтатель самъ на собственный счетъ свой начиналъ дѣло; еслижъ онъ былъ не въ состояніи этого сдѣлать, то, подъ вѣрное поручительство, выдавалась ему небольшая сумма денегъ. Если предпріятіе удавалось, то изобрѣтатель получалъ награжденіе, въ противномъ случаѣ, онъ, а не великій князь, долженъ былъ принимать на себя убытки. Въ подтвержденіе и примѣръ этому я привожу упомянутые мною золотые рудники. Жилъ въ Москвѣ одинъ богатый Голландскій купецъ, мой хорошій пріятель, человѣкъ справедливѣйшій и честнѣйшій, съ большимъ успѣхомъ занимавшійся значительными торговыми дѣлами. Надѣясь, по изслѣдованнымъ свойствамъ земли, найти въ одномъ мѣстѣ золотую руду, онъ объявилъ объ этомъ государю. Великій князь согласился на это и приказалъ выдать ему за поручительствомъ извѣстную сумму денегъ. Но предпріятіе не удалось этому доброму человѣку и всѣ труды и издержки его пропали; когда же имѣнія его не хватило на уплату взятыхъ имъ въ долгъ царскихъ денегъ, то его посадили въ тюрьму. Потомъ, будучи выпущенъ на поруки, ходилъ онъ по своимъ добрымъ пріятелямъ и собралъ столько денегъ, что могъ не только уплатить царскій долгъ, но еще и выѣхать изъ Россіи. Когда я въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ, то онъ самъ разсказывалъ мнѣ съ большимъ увлеченіемъ про свое несчастіе (случившееся гораздо ранѣе этого времени) и про русское правосудіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О Русскихъ въ отношеніи ихъ внѣшняго вида и платья.

Наружный видъ женщинъ.—Мужское платье.—Шапки.—Высокие женские сапоги.

Москвитянъ, или Русскихъ мы будемъ разсматривать сначала со стороны внѣшней, именно со стороны ихъ наружнаго вида, платья, и потомъ съ внутренней—по ихъ духу, способностямъ и нравамъ.

Всѣ мужчины вообще высоки ростомъ, полны и крѣпкаго сложенія; цвѣтомъ кожи сходны съ прочими Европейцами. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ большую бороду и толстое брюхо, пользуются большимъ уваженіемъ. Его царское величество выставляетъ такихъ людей на торжественныхъ аудіенціяхъ, даваемыхъ иноземнымъ посламъ, думая этимъ внушить въ другихъ бо́льшее къ своей особѣ уваженіе. Усы Русскіе носятъ обыкновенные, длинные, висящіе надъ ртомъ.

Только одни священники, или попы (Poppen) носятъ длинные волосы, спадающіе на плечи; всѣ же прочіе стригутся коротко. Знатные вельможи подрѣзываютъ себѣ волосы ножницами и считаютъ это великимъ украшеніемъ. Подобное мнѣніе впрочемъ противорѣчитъ словамъ *Амвросія* (Ambrosius), который говоритъ: «ex arboribus licet, quae humani sit gratia capitis, aestimare; tolle arbori comam, tota arbor ingrata est (*). Или у Овидія.

«Turpe pecus mutilum, turpe sine gramine campus,
«Et sine fronde prutex et sine crine caput (**),
т. е. корова безъ хвоста, травы лишенный лугъ, иль зелени кустарникъ
Не хороши,—такъ точно и глава, лишенная волосъ».

Коль скоро кто либо изъ Русскихъ провинится въ чемъ нибудь предъ его царскимъ величествомъ и знаетъ, что онъ находится

(*) Т. е. «По деревьямъ слѣдуетъ заключать, какое украшеніе волосы приносятъ головѣ; отними у дерева листья и все дерево становится некрасивымъ» (Hexam. lib. 6 стр. 9).

(**) Libr. 3, de arte. am.

у него въ опалѣ, то отращиваетъ себѣ длинные волосы во все время продолжающейся немилости. Можетъ быть, этотъ обычай перешелъ къ нимъ отъ Грековъ, которымъ они во всемъ подражаютъ, ибо Греки, какъ говоритъ объ этомъ Плутархъ, при постигавшемъ ихъ большомъ несчастіи, ходили съ длинными волосами. Женщины же въ подобномъ случаѣ обрѣзываютъ себѣ волосы (Plut. Paest. Rom. 14, page 267).

Женщины Русскія вообще средняго роста, стройны, нѣжнаго тѣлосложенія, красивы, но въ городахъ всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискусно; при взглядѣ на нихъ, можно подумать, что онѣ намазали себѣ лице мукой и потомъ кисточкой накрасили себѣ щеки. Онѣ красятъ себѣ также брови и ресницы черною, а иногда и коричневою краскою.

Такъ, посѣщая своихъ сосѣдей, или являясь на собранія, женщины непремѣнно должны быть нарумянены, не смотря на то, что отъ природы онѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ румянахъ; это дѣлается ими для того, чтобы природная красота не брала перевѣса надъ искусственнымъ украшеніемъ. Такъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкасскаго (Iwan Borissowitz Tzirkaſki), женщина прекрасной наружности, не хотѣла сначала румяниться, то тотчасъ же оговорена была прочими женами боярскими,—зачѣмъ де она презираетъ обычаи своей земли, что хочетъ, видно, опозорить прочихъ подобныхъ ей, и чрезъ мужей своихъ до того довели дѣло, что она, отъ природы прекрасная женщина, должна была румяниться и, такъ сказать, уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи.

Такъ какъ румяниться у Русскихъ нисколько не считается предосудительнымъ, то женихъ предъ свадьбой, между прочими подарками, посылаетъ невѣстѣ своей коробочку съ румянами, о чемъ подробнѣе будетъ сказано при описаніи ихъ свадебъ.

Женщины обыкновенно носятъ волосы подъ повойниками (Mützen); взрослыя же дѣвушки заплетаютъ ихъ въ косы, къ концу которыхъ привязываютъ шелковыя ленты.

Мальчики меньше 10 лѣтъ и дѣвушки того же возраста волосы носятъ подстриженные, съ висящими по обѣимъ сторонамъ локона-

ми; дѣвушки же, въ отличіе отъ мальчиковъ, носятъ въ ушахъ большія серебряныя или мѣдныя сережки.

Мужское платье у Русскихъ весьма сходно съ Греческимъ. Рубашки у нихъ широки, но коротки, такъ что едва достигаютъ до заднихъ мягкихъ частей тѣла, безъ воротниковъ; на спинѣ, внизъ отъ плечей, вышиваются на нихъ краснымъ шелкомъ треугольники; у нѣкоторыхъ же подъ мышками, а также снизу, по сторонамъ, вшиваютъ весьма красиво ластовицы (Zwinkel) изъ красной тафты. Богатые люди вышиваютъ ворòтъ рубашки, шириною въ дюймъ, а также и рукава разноцвѣтными шелками, иногда золотомъ и жемчугомъ (и тогда выпускаютъ ихъ изъ подъ кафтана); на конецъ же вòрота насаживаютъ двѣ большія жемчужины, иногда же пришиваютъ золотыя и серебряныя застежки (запонки). Порты у нихъ вверху шьются шире и стягиваются тесьмой; впрочемъ всякой, по своему усмотрѣнію, дѣлаетъ ихъ или ỳже или шире. Сверхъ рубашки и портовъ носятъ они узкіе кафтаны (на подобіе нашихъ рубашекъ съ подкладкою), по колѣно, съ длинными рукавами, стянутыми передъ кистью руки въ множество складокъ; сзади, вокругъ шеи, къ кафтанамъ этимъ пришиваются воротники, шириною въ ¼ аршина. Воротники эти снизу подбиваются бархатомъ, у знатныхъ же парчею, выпускаются изъ подъ другихъ кафтановъ, и твердо стоятъ надъ затылкомъ. Это платье называютъ они кафтанами (Caffian). Нѣкоторые сверхъ этого кафтана надѣваютъ еще другой, доходящій до икръ, который называется у нихъ ферязью (Feres); оба эти кафтана шьются изъ выбойки (Kattun), киндяка, атласа, смотря по состоянію. Ферязь подбивается ватой. Когда выходятъ со двора, то на ферязь надѣваютъ еще верхній кафтанъ, доходящій до пятъ. Кафтаны эти по большей части шьются изъ голубо-фіолетоваго, коричневаго или темнозеленаго сукна, также изъ пестраго атласа или дамаса и изъ парчи. Такіе парчевые кафтаны лежатъ въ великокняжескихъ сокровищницахъ и выдаются тѣмъ изъ вельможъ и сановниковъ, которые присутствуютъ на торжественныхъ аудіенціяхъ.

Эти верхніе кафтаны всѣ съ широкими воротниками, съ разрѣзами спереди и по бокамъ; разрѣзы обшиваются золотыми, унизанными жемчугомъ снурками, на которыхъ висятъ большія кисти. Рукава же одинаковой длины съ самыми кафтанами, но чрезвычай-

но узки; будучи надѣты на руки, они образуютъ множество складокъ, почему весьма трудно высвободить изъ нихъ руки. Иные, идучи, не надѣваютъ ихъ на руки, а оставляютъ висящими. Случается, что мошенники изъ холоповъ, спрятавъ въ такихъ рукавахъ палки и камни, нападаютъ ночью на проходящихъ и убиваютъ ихъ.

Всѣ Русскіе носятъ на головахъ шапки: бояре, князья и государственные сановники, когда отправляются въ торжественныя собранія, надѣваютъ шапки, сшитыя изъ черной лисицы, или соболя, вышиною въ аршинъ, иногда же изъ бархата, какъ у насъ, подбитыя и опушенныя черною лисицею или соболемъ, съ небольшою съ обѣихъ сторонъ выпушкою, украшенною золотыми или жемчужными снурками. Простые граждане лѣтомъ носятъ шапки изъ бѣлаго войлока, зимою же изъ сукна, подбитыя простымъ мѣхомъ (Schapken oder Mützen).

Подобно Полякамъ, Русскіе носятъ короткіе сапоги, съ загнутыми вверхъ носками; сапоги шьются изъ юфти или Персидскаго сафьяну. О кордуанахъ они и не слыхивали. Женщины же, преимущественно дѣвушки, носятъ башмаки съ огромными каблуками, вышиною въ ¼ аршина, подбитые снизу небольшими гвоздями; въ такой обуви они не могутъ много ходить, такъ какъ передокъ башмаковъ едва касается земли. Женское платье походитъ на мужское; верхнее еще шире послѣдняго и шьется также изъ сукна. Богатыя окаймляютъ платье свое сверху и снизу позументами и другими золотыми снурками и кистями, а нѣкоторыя украшаютъ его серебряными и свинцовыми пуговицами. Сверху рукава отвязываются, чтобы можно было просунуть въ нихъ руки и потомъ привязать. Онѣ не носятъ ни кафтановъ, ни высокихъ стоячихъ воротниковъ. Рукава у женскихъ рубашекъ бываютъ длиною въ 6, 8 и 10 футовъ; если же шьются изъ выбойки, то дѣлаются еще длиннѣе; рукава эти также узки и при надѣваніи образуютъ множество складокъ. На головахъ женщины носятъ высокія и широкія шапки, сдѣланныя изъ парчи, атласа или дамаса, обшитыя золотою каймою; нѣкоторыя украшаютъ ихъ золотомъ, жемчугомъ и опушаютъ бобромъ, который закрываетъ у нихъ почти половину лба. Взрослыя дѣвушки носятъ высокія лисьи шапки.

Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иностранцы, состоящіе

на службѣ у великаго князя, или по торговымъ дѣламъ своимъ живущіе въ Москвѣ между Русскими, должны были прежде носить платье, сшитое по образцу Русскаго, для того чтобы избѣжать оскорбленій отъ народа. Годъ тому назадъ патріархъ положилъ конецъ этому обыкновенію, что произошло по слѣдующему поводу. Однажды, во время большой, торжественной процессіи, шедшей по городу, между народомъ находилось нѣсколько человѣкъ изъ Нѣмцевъ, которые не столь низко, какъ прочіе, кланялись на благословенія патріарха, участвовавшаго въ процессіи. Святитель съ неудовольствіемъ посмотрѣвъ на нихъ и узнавъ, что то были Нѣмцы, сказалъ: «не слѣдуетъ недостойнымъ иноземцамъ, по незнанію моему, получать отъ меня благословенія». Вскорѣ за тѣмъ, для отличія Нѣмцевъ отъ Русскихъ, онъ приказалъ, чтобы иностранцы сняли тотчасъ же съ себя Русское платье и впредь ходили въ своемъ собственномъ, національномъ.

Нѣкоторые изъ иностранцевъ, не желая навлечь на себя непріятностей, поспѣшили какъ можно скорѣе исполнить приказаніе патріарха. Многіе изъ нихъ приведены были въ крайнее затрудненіе по недостатку матеріи и другихъ принадлежностей, необходимыхъ для шитья новаго платья (притомъ же портные не могли такъ скоро сшить его), а между тѣмъ они обязаны были ежедневной службой при царскомъ Дворѣ и потому не могли не явиться туда, не давъ о себѣ никакого извѣстія. И такъ каждый хваталъ все что попадалось ему подъ руку; иные по необходимости должны были надѣть отцовскія, дѣдовскія и даже прадѣдовскія платья, которыя носились сими послѣдними еще въ царствованіе Грознаго и до сихъ поръ хранились въ сундукахъ. Прибытіе ихъ въ собраніе произвело не мало смѣху, не только потому, что платье было уже довольно старо и поношено, сколько по смѣшному своему виду, ибо для одного оно было слишкомъ широко, для другаго же чрезвычайно узко. Теперь всѣ иностранцы должны носить свои національныя платья, чтобы можно было отличить ихъ отъ Русскихъ.

Въ Москвѣ живетъ князь Никита Ивановичъ Романовъ (Mikita Iwanowitz Romanow), знатнѣйшій и богатѣйшій изъ всѣхъ бояръ послѣ царя (которому приходится родственникомъ), вельможа веселый и большой любитель нѣмецкой музыки. Онъ питаетъ любовь

не только ко всѣмъ иностранцамъ, въ особенности же къ Нѣмцамъ, но и высказываетъ особенное расположеніе къ ихъ платью; такъ онъ приказалъ сшить себѣ польское платье и иногда, выѣзжая на охоту, надѣваетъ его, не обращая большаго вниманія на слова патріарха, который сталъ противиться этому; но какъ на это, такъ и на другія замѣчанія патріарха, сдѣланныя ему по поводу нѣкоторыхъ будто бы противурелигіозныхъ поступковъ, Никита Ивановичъ давалъ короткіе и рѣзкіе отвѣты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О природныхъ свойствахъ, нравахъ и обычаяхъ Русскихъ.

Образованіе. — Умъ Русскихъ. — Jacobi Dan. de Russ. ingenio. — Смѣтливость Русскихъ. — Ложный доносъ. — Гордость Русскихъ. — Честолюбіе. — Грубый тонъ писемъ. — Бранливость народа. — Платежъ за безчестье. — Примѣры платы за безчестье. — Нравы Русскихъ. — Пьянство. — Отмѣна кабаковъ. — Пьянство женщинъ. — Грабежи на улицахъ. — Убійства. — Русскіе на войнѣ.

Разсматривая Русскихъ въ отношеніи ихъ обычаевъ, нравовъ и образа жизни, нельзя не принять ихъ за народъ необразованный, ибо они нисколько не уподобляются древнимъ Грекамъ, хотя прибытіемъ къ нимъ послѣднихъ и происхожденіемъ отъ нихъ они хвалятся, такъ какъ ничего не удержали отъ этого умнаго, образованнаго народа, ни въ языкѣ, ни въ искусствахъ. Русскіе не любятъ ни наукъ, ни свободныхъ искусствъ, тѣмъ менѣе съ охотою занимаются ими. Есть пословица: «didicisse fideliter artes, emollit mores, nec sinit esse feros», т. е. изученіе искусствъ смягчаетъ нравы и не дозволяетъ быть жестокимъ». Русскіе не слѣдуютъ этой пословицѣ, а потому остаются необразованными и грубыми.

Естественныя науки, будучи чужды Русскимъ, особенно подпадаютъ ихъ грубому и неразумному сужденію, если имъ удастся что либо перенять изъ нихъ отъ иностранцевъ; такъ астрономію, астрологію считаютъ они за волшебныя науки. Такъ предугадываніе и предсказаніе солнечнаго или луннаго затмѣнія, или движеніе какой либо планеты они считаютъ дѣломъ неестественнымъ. Поэтому самому, когда стало извѣстно въ Москвѣ (по возвращеніи моемъ изъ Персіи), что великій князь назначилъ меня своимъ астроно-

момъ, то въ народѣ, отъ нѣкоторыхъ, пошла такая молва, что въ Москву скоро де вернется назадъ волшебникъ, состоящій при Голштинскомъ посольствѣ, который будетъ предсказывать будущее. Нѣкоторые начали уже питать ко мнѣ отвращеніе, что, вмѣстѣ съ другими причинами, заставило меня отказаться отъ этой должности. Можетъ быть, Москвитяне хотѣли удержать меня не съ тѣмъ, чтобы имѣть во мнѣ астронома, а скорѣе потому, что я, какъ стало имъ извѣстно, срисовалъ рѣку Волгу и Персидскія провинціи, чрезъ которыя проѣзжалъ, и переложилъ ихъ на карту.

Спустя нѣсколько времени, именно въ 1643 году, снова будучи посланъ въ Москву милостивымъ государемъ моимъ, занимался я однажды для собственнаго своего удовольствія камеръ-обскурой, переведя въ нее посредствомъ шлифованнаго стекла все происходившее на улицѣ. Въ то самое время пришелъ ко мнѣ одинъ изъ Русскихъ вельможъ, занимавшій тогда должность вице-канцлера, и изъ любопытства заглянулъ въ камеръ-обскуру. Перекрестившись, сказалъ онъ при этомъ, что въ ней заключается волшебство. Особенно удивляли его лошади, ходившія вверхъ ногами.

Не смотря на то, что Русскіе любятъ и уважаютъ лекарей за ихъ искусство, всё таки они никакъ не хотятъ согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было анатомировать мертвое тѣло или держать у себя человѣческіе скелеты, къ которымъ они питаютъ большое отвращеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ весьма искусный цирульникъ, по имени *Квиринусъ* (Qvirinus), родомъ Голландецъ, человѣкъ очень веселаго нрава, бывшій на службѣ у великаго князя, повѣсилъ за столомъ у себя на стѣнѣ человѣческій скелетъ. Однажды, когда онъ по обыкновенію сидѣлъ за столомъ и игралъ на лютнѣ, стрѣльцы (тогда еще державшіе стражу на Нѣмецкомъ дворѣ) пришли на музыку и изъ любопытства заглянули въ дверь. Съ ужасомъ увидѣвъ на стѣнѣ висящій человѣческій скелетъ, они страшно перепугались, когда замѣтили, что онъ двигался; въ величайшемъ страхѣ, они спѣшили удалиться и разгласить, что Нѣмецкій цирульникъ повѣсилъ мертваго человѣка на стѣну и заставляетъ его плясать по своей музыкѣ. Слухъ этотъ вскорѣ дошелъ до великаго князя и патріарха, которые немедленно послали разузнать обо всемъ обстоятельно и приказали въ особенности наблюдать за тѣмъ, когда цирульникъ будетъ играть на лютнѣ; посланные не

только подтвердили сказанное первыми, но еще прибавили, что сами видѣли, какъ мертвый танцовалъ подъ музыку. Все это казалось Русскимъ великимъ чудомъ. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшили наконецъ, что цирульникъ долженъ быть колдунъ, а потому нужно сжечь его вмѣстѣ съ мертвымъ человѣкомъ. Узнавъ объ этомъ опасномъ для себя рѣшеніи, Квирипусъ немедленно послалъ къ князю Ивану Борисовичу Черкасскому одного богатаго, знакомаго ему купца нѣмецкаго, который хорошо принимаемъ былъ всѣми вельможами, съ просьбою отклонить Русскихъ отъ ихъ непристойнаго намѣренія и объяснить ему все дѣло. Купецъ, поговоривъ объ этомъ съ княземъ, присовокупилъ, что по скелету никакъ нельзя принимать цирульника за колдуна, ибо въ Германіи всѣ знатные лекаря обыкновенно держатъ у себя человѣческіе скелеты съ цѣлью изучить ихъ; такъ, если кому либо изъ живыхъ людей случится сломить ногу или повредить другой какой либо членъ, то по скелетамъ лучше можно узнать какъ приняться за дѣло и какъ вылечить ушибъ; а что остовъ двигался, то это произошло не отъ того, что цирульникъ игралъ на лютнѣ, а потому что вѣтеръ дулъ въ открытое окно. Послѣ этого объясненія приговоръ былъ отмѣненъ, но все таки Квирипусъ принужденъ былъ выѣхать изъ Москвы, а скелетъ свой сжечь и бросить въ Москву рѣку. Подобную же трагедію хотѣли они разыграть въ недавнее время съ однимъ нѣмецкимъ живописцемъ *Іоанномъ Детерсеномъ* (Johann Detersen). Въ большой пожаръ, случившійся въ Москвѣ четыре года тому назадъ, стрѣльцы, ломая зданія и туша огонь, вошли въ домъ этого живописца и нечаянно наткнулись на мертвую голову: тотчасъ же рѣшили они какъ голову, такъ и самого живописца бросить въ огонь, и, навѣрное, исполнили бы свое намѣреніе, если бъ не нашлись тутъ нѣкоторые благоразумные люди, которые успѣли увѣрить стрѣльцовъ, что мертвая голова, по обычаю Нѣмцевъ, служитъ не для чего инаго, какъ для рисованья.

Что касается до умственнаго развитія Русскихъ и его направленія, то они вмѣстѣ съ удивительною смѣтливостью соединяютъ необыкновенную хитрость: хитрость эта выказывается у нихъ не столько въ поступкахъ добрыхъ и заслуживающихъ похвалы, сколько въ такихъ, которые касаются ихъ личной выгоды и гдѣ дѣло идетъ объ удовлетвореніи эгоистическихъ стремленій и желаній; поэтому

они, какъ говоритъ *Якобъ* (Jacobus, или Nobilis Danus, какъ онъ себя называетъ), посланникъ Датскаго короля Фридриха II, въ своемъ *Hodoeporico Ruthenico* стр. 36): «callidi, versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique virtutibus (crede mihi) omnibus nuncium remiserunt».

Смѣтливость и хитрость Русскихъ особенно проявляются въ торговлѣ, въ которой они очень хорошо понимаютъ какъ что повыгоднѣе купить и продать, и выдумываютъ разнаго рода средства, коими обманываютъ покупателя единственно для своей пользы и прибыли. Тотъ, кто хочетъ обмануть ихъ, долженъ обладать большимъ умомъ и проницательностью; привыкши обманывать и притомъ сами будучи весьма подозрительны, они нелегко довѣряются другому, и если удастся кому либо обмануть, или какимъ либо образомъ провести ихъ, то они хвалятъ его и считаютъ его за мастера. Такъ однажды нѣсколько купцевъ Московскихъ просили одного Голландца вступить съ ними въ компанію (съ тѣмъ только впрочемъ, чтобъ онъ предварительно внесъ значительную сумму денегъ), зная про его мастерскія торговыя продѣлки, ибо надѣялись чрезъ него много выиграть въ своей торговлѣ. Обманъ въ торговлѣ не считаютъ они за дѣло противное совѣсти, напротивъ того принимаютъ его за достойное уваженія и похвалы. Нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что совершаютъ большой грѣхъ, если при расчетѣ передаютъ лишнія деньги; если же подобное случится съ покупателями, то они никогда не думаютъ возвращать переданнаго лишка. Если передача случится по незнанію или противъ воли покупателей, то удержка считается за воровство; если же—по доброй волѣ или съ сознаніемъ, то не считается предосудительнымъ. Потому для веденія торговыхъ дѣлъ требуется у нихъ большаго ума и благоразумія; безъ этихъ способностей лучше не приниматься за нихъ.

Желая излить злобу и досаду свою на томъ изъ своихъ ближнихъ, на кого сердятся или кого ненавидятъ, Русскіе прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: такъ какъ воровство наказывается у нихъ очень строго, то они ищутъ средства и случая, какъ бы обвинить въ этомъ проступкѣ человѣка, навлекшаго на себя ихъ негодованіе. Поэтому они отправляются къ нему въ домъ, берутъ у него въ займы нѣсколько денегъ и даютъ въ залогъ платье, посу-

ду и другія вещи, а между тѣмъ тайно пробираются въ его комнату, всовываютъ ему въ сапогъ (куда Русскіе прячутъ письма, ножи, деньги и т. под.) нѣкоторыя изъ своихъ вещей и потомъ объявляютъ, что онъ укралъ ихъ. Если вещи эти найдутся у обвиняемаго, то онъ подвергается наказанію. Подобный ложный доносъ, соединенный съ обманомъ, сталъ столь обыкновеннымъ и часто пускаемымъ въ ходъ, что великій князь былъ принужденъ, еще во время нашего пребыванія въ Москвѣ въ 1643 г., въ новый годъ, обнародовать новый указъ, чтобы никто, не исключая отцовъ и сыновей, не смѣлъ ничего ни брать въ займы, ни отдавать подъ залогъ, безъ полученія въ томъ съ обѣихъ сторонъ росписки, желая этимъ отнять всякую возможность дѣлать ложные доносы. Между тѣмъ встрѣчаются еще такіе лживые судьи, которые сами тайно побуждаютъ на ложные доносы, примѣръ чему мы приведемъ ниже. Коварство и обманы до такой степени распространены между Русскими, что не только люди незнакомые и сосѣди недовѣрчиво смотрятъ другъ на друга, но и братъ опасается брата, родственникъ родственника. Вотъ извѣстный примѣръ этому:

Въ царствованіе великаго князя Бориса Годунова (Boris Gudenow), случилось (какъ намъ разсказывалъ объ этомъ Нарвскій насторъ Мартинъ Беръ), что великій князь, заболѣвъ однажды сильною подагрою, приказалъ объявить, не сыщется ли кто нибудь, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія и состоянія, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни, за что обѣщалъ большія почести и богатства.

Жена одного боярина, который жестоко обходился съ нею, услышавъ объ этомъ, нашла, что ей представляется удобный случай отомстить своему мужу, и тотчасъ же донесла, что онъ можетъ вылечить великаго князя отъ тяготившей его болѣзни, но что изъ нелюбви къ нему не хочетъ сдѣлать этого. Бояринъ былъ немедленно потребованъ къ великому князю, допрошенъ, и когда объявилъ, что онъ ничего не смыслитъ въ лечебныхъ наукахъ, то его побили и посадили подъ арестъ. Когда же сказалъ онъ, что все это выдумки его жены, которая донесла на него изъ ненависти, и что онъ за это раздѣлается съ нею, то былъ битъ еще болѣе; за тѣмъ стали угрожать ему смертною казнью, въ случаѣ если онъ не избавитъ великаго князя отъ подагры. Бояринъ, поблѣд-

нѣвъ отъ страху и не зная на что рѣшиться, просилъ по крайней мѣрѣ хотя 14 дней отсрочки, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для излеченія травы. Бѣднякъ думалъ найти въ этомъ свое спасеніе. Въ надеждѣ хотя на сколько нибудь продлить жизнь свою, онъ предполагалъ, что въ 14 дней дѣла могли принять иной благопріятный для него оборотъ. Получивъ позволеніе на отсрочку, послалъ онъ за травами въ Эцирбахъ (?) (Ezirbach), городъ, лежащій на два дни пути отъ Москвы, на рѣкѣ Окѣ, откуда привезли ему ихъ цѣлый возъ; травы росли въ окрестностяхъ этого города въ изобиліи и замѣчательны были по своей длинѣ. Бояринъ немедленно приготовилъ изъ нихъ ванну для великаго князя, и, къ счастью, болѣзнь прекратилась, не столько отъ ванны, сколько сама собою. Вылечивъ такимъ образомъ великаго князя, бояринъ хотя и побитъ былъ за то, что скрывалъ свое искусство, но былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200 рублями (400 рейхсталеровъ) и 18 душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ приказаніемъ не расчитываться съ своею женою. Послѣ этого супруги должны были жить въ согласіи.

По подобнымъ производившимся до настоящаго времени ложнымъ и враждебнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія его величества, обвиненный, безъ всякаго допроса и доказательствъ, подвергался наказанію: отправлялся въ ссылку или осуждался на смертную казнь. Такому незаслуженному наказанію подвергались люди не только изъ низкаго сословія, но изъ высшихъ, также какъ и иностранцы. Между Русскими подобные примѣры неисчислимы.

Въ случаѣ ложныхъ доносовъ, нѣтъ пощады и государственнымъ иностраннымъ посланникамъ. Подобное случилось съ посланникомъ Римскаго императора. По ложному доносу, онъ былъ посаженъ въ темницу и потомъ сосланъ въ отдаленное мѣсто, гдѣ, для лучшаго съ собою обхожденія, принялъ Русскую вѣру. Почти тоже самое случилось и въ наше время съ посланникомъ Французскаго короля, *Карломъ Таллерандо* (Charles Tallerando, Prince de Chales), который, по навѣту злонамѣреннаго товарища своего *Якова Рушеля* (Jacob Rouchelle), былъ оклеветанъ тайно, по русскому обычаю.

Когда же правительство Русское убѣдилось, что по большей

части клевещутъ и доносятъ другъ на друга изъ одной только ненависти и вражды, то прибѣгло къ мѣрамъ болѣе строгимъ и осторожнымъ, приказавъ, чтобы съ этихъ поръ челобитчики въ уголовныхъ дѣлахъ, для подтвержденія истины своихъ доносовъ, подвергались пыткѣ и выдерживали ее. Если доносчикъ выносилъ пытку, оставался при своихъ показаніяхъ, то обвиненный въ такомъ случаѣ, а также и тогда, когда дѣло было ясно, подвергался наказанію безъ слѣдствія и процесса. Подобное случилось въ наше время, когда одинъ изъ конюховъ его величества былъ обвиненъ женою своею въ намѣреніи отравить лошадей великаго князя, а при удобномъ случаѣ и его самого; по этому доносу жена была предана пыткѣ и когда выдержала всѣ мученія, оставаясь неизмѣнною въ своемъ показаніи, то мужъ ея былъ признанъ за виновнаго и сосланъ въ Сибирь; жена же его, оставаясь въ Москвѣ, получала на пропитаніе половину изъ годоваго оклада мужа.

Когда такимъ образомъ Русскіе столь коварно поступаютъ съ своими соотечественниками, ни въ чемъ не довѣряя другъ другу, то чего же должно ожидать отъ обхожденія ихъ съ иностранцами и на сколько сіи послѣдніе могутъ положиться на ихъ искренность? Если Русскіе предлагаютъ имъ свою дружбу, то дѣлаютъ это не изъ добраго побужденія (добродѣтель у нихъ не въ почетѣ, а если и поступаютъ добродѣтельно, то, по выраженію философа, единственно для достиженія какой-либо эгоистической цѣли), но изъ личныхъ своихъ выгодъ и пользы. Про нихъ справедливо можно сказать:

«Vulgus amititias utilitate probat»,

т. е. «Въ чемъ дружбу чернь намъ предлагаетъ,

Въ томъ о своей лишь пользѣ помышляетъ».

Русскіе, въ особенности же тѣ изъ нихъ, кои изъ простаго званія добились до высокихъ чиновъ, разбогатѣли и снискали себѣ почести, чрезвычайно горды и спѣсивы, что̀ они стараются выказывать не только намеками, но и открыто, словами и поступками, особенно предъ иностранцами. Ставя иноземцевъ почти ни во что въ сравненіи съ своими соотечественниками, они думаютъ также, что ни одинъ государь въ мірѣ не можетъ сравниться съ ихъ великимъ княземъ по богатству, могуществу, величеству, уваженію

и достоинству. Они не примутъ ни одного письма, адресованнаго на имя его царскаго величества, если въ заглавіи пропущенъ хотя малѣйшій титулъ или выставленъ такой, который имъ вовсе не извѣстенъ.

Такъ было довольно смѣшно, когда два Русскіе посла, будучи въ прошедшемъ году отправлены въ Голштинію къ тамошнему правительству, ни за что не хотѣли принять письма отъ его свѣтлости къ его царскому величеству, на томъ основаніи, что на конвертѣ написано было: «дядѣ и зятю»(Ohm und Schwager), титулъ, который обыкновенно писался и при прежнихъ царяхъ; настоятельно требовали они уничтоженія этихъ словъ, утверждая, что отъ нихъ зависитъ жизнь ихъ, и что будетъ уже слишкомъ, если иноземный государь назоветъ зятемъ его царское величество. Не смотря на то, имъ было доказано, что слова эти надлежащимъ, законнымъ образомъ поставлены въ грамотѣ, такъ какъ герцогъ Магнусъ Голштинскій, двоюродный братъ моего милостиваго государя, находится въ родствѣ съ предками его царскаго величества. Все это почти походило на то, что пишутъ Персы о своемъ великомъ святомъ Патронѣ: «что если онъ и не самъ Богъ, то по крайней мѣрѣ весьма близокъ къ нему по родству».

Русскіе выказываютъ неимовѣрное честолюбіе и при томъ довольно рѣзко, если ихъ не уважаешь и не почитаешь, какъ имъ того хочется. Такъ пристава (Pristaffen), назначаемые царемъ въ услуженіе посламъ, а также и для принятія ихъ, не совѣстятся открыто требовать, чтобы иностранцы снимали шляпы и сходили съ лошадей прежде Русскихъ; почти насильно добиваются они напр. того, чтобы идти или ѣхать имъ впереди пословъ, и другихъ подобныхъ почестей. Они полагаютъ, что погрѣшатъ противъ царя и цѣлаго народа, если дозволятъ себѣ вѣжливость и почтительность въ обхожденіи съ иностранными послами, которые (какъ говоритъ Fred. de Merseler (libr. I dissertat. 3) въ своемъ Legato): «Imagines Principum et principali honore digni censendi, т. е. представляютъ собою лице государей и достойны царскихъ почестей».

Самые знатные изъ Русскихъ въ письмахъ своихъ къ иностраннымъ вельможамъ допускаютъ иногда рѣзкія выраженія и дѣлаютъ пустыя придирки къ словамъ; если же имъ отвѣчаютъ тѣмъ же самымъ, то считаютъ это пристрастіемъ. При всемъ томъ, случалось

намъ встрѣчать и такихъ изъ Русскихъ, хотя и немногихъ, которые были съ нами вѣжливы и обходительны.

Вообще кажется, что въ прежнее время Русскiе были гораздо грубѣе, но теперь, въ слѣдствiе сообщенiя и обращенiя съ иностранцами, до сихъ поръ продолжающихся, они сдѣлались нѣсколько обходительнѣе и учтивѣе. Упомянутый мною выше Никита Ивановичъ Романовъ, между всѣми Русскими, отличается по преимуществу умомъ, обходительностью и уваженiемъ ко всему прекрасному и вмѣстѣ съ тѣмъ полезному. Вельможа этотъ можетъ считаться украшенiемъ этого народа, о чемъ обстоятельнѣе будетъ сказано мною ниже.

По честолюбiю и чванству своему Русскiе не любятъ уступать другъ другу, домогаются другъ предъ другомъ высшихъ мѣстъ и входятъ по этому случаю въ большiе споры. Подобное случилось однажды во время нашего пребыванiя въ Нижнемъ-Новгородѣ. 14 iюля прибылъ изъ Москвы гофмейстеръ государственнаго канцлера, человѣкъ почтенный, для осмотра построеннаго въ этомъ городѣ корабля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для поклона посламъ. Будучи принужденъ сѣсть за столомъ подлѣ одного пристава, онъ вступилъ съ нимъ въ жестокiй споръ: собака и другiя бранныя слова были ихъ титулами, которыми они весьма буйно угощали другъ друга. Гофмейстеръ говорилъ, что онъ родомъ происходитъ отъ дѣтей боярскихъ, а что тотъ (т. е. приставъ) изъ простаго званiя, и потому ему никакъ невозможно сидѣть ниже его; приставъ же въ свою очередь представлялъ, что онъ слуга великаго князя и потому справедливо долженъ занять высшее мѣсто. Мы были весьма огорчены и даже раздосадованы, слушая болѣе получаса продолжавшiйся споръ и брань и, вѣроятно, подобная сцена продолжалась бы еще долѣе, еслибъ нѣкоторые изъ посольства не вмѣшались въ ихъ распрю и не сказали имъ, что они пригласили ихъ къ себѣ не для того, чтобы они бранью своею причинили имъ непрiятность, и не попросили ихъ какъ друзей и прiятелей своихъ перестать браниться въ ихъ присутствiи. Потомъ упрашивали ихъ подружелюбнѣе и ласковѣе обходиться другъ съ другомъ. Они смолкли, и вскорѣ за тѣмъ совершенно помирились, будучи уже на веселѣ.

Русскiе вообще народъ сварливый. Они обходятся другъ съ другомъ очень грубо и бранятся самыми неприличными словами.

Часто можно встрѣтить на улицѣ двухъ или нѣсколькихъ старухъ, перебранивающихся столь сильно, что сначала можно подумать, что онѣ тотчасъ вцѣпятся другъ другу въ волосы. Впрочемъ, дѣло рѣдко доходитъ до драки; въ противномъ случаѣ, дерутся на кулакахъ, которыми изо всей силы тузятъ другъ друга по бокамъ и по брюху. Никогда не видано еще, чтобы Русскіе вызывали другъ друга биться на шпагахъ или стрѣляться на пистолетахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы: вмѣсто того знатные люди, даже князья и бояре, какъ намъ сообщали за достовѣрное, бьютъ другъ друга плетью. Намъ самимъ случилось однажды видѣть подобную сцену, происходившую между двумя боярскими дѣтьми при отправленіи Турецкаго посольства.

Для выраженія своего гнѣва и негодованія, они не употребляютъ, какъ у насъ, общеизвѣстныя проклятія и желаніе всего дурнаго, какъ напр. sacrament, *къ чорту* (Teufelholen), *шельма*, и т. под., вмѣсто этого у нихъ въ большомъ употребленіи поносныя слова и выраженія, о которыхъ я бы ни въ какомъ случаѣ здѣсь не упомянулъ, если бы того не требовала отъ меня обязанность историка... Въ настоящее время, за подобныя поносныя проклятія и сквернословія положено строгое наказаніе; ослушниковъ въ такомъ случаѣ бьютъ кнутомъ и сѣкутъ розгами. Теперь на рынкахъ ходятъ между народомъ особенно назначаемые для надзора за этимъ люди съ стрѣльцами и палачами, приказываютъ схватывать ругателей и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, для примѣра прочимъ, наказывать розгами. Но съ давнихъ временъ укоренившаяся привычка сквернословить, требуя повсюду строгаго и неусыпнаго присмотра, причиняетъ надзирателямъ, судьямъ и самимъ палачамъ столь невыносимую работу, что имъ уже наскучило задерживать и наказывать на каждомъ почти шагу ругающійся и бранящійся народъ.

Для предотвращенія сквернословія и охраненія отъ поносныхъ ругательствъ и оскорбленій всякаго, какого бы онъ ни былъ сословія, правительство издало слѣдующее постановленіе: кто обругаетъ знатнаго человѣка, его жену, или когобъ то ни было изъ слугъ государя, Русскій ли это будетъ или иностранецъ, долженъ платить штрафъ за оскорбленіе, или, какъ говорятъ Русскіе, *за безчестье*, (biscestia bezahlen). Сумма за подобное безчестье опредѣляется зва-

ніемъ и жалованьемъ обиженнаго лица, которое называется у нихъ *окладомъ* (oklad); окладъ этотъ назначается у Русскихъ за службу, каждому въ извѣстной степени. Такъ, боярамъ, смотря по ихъ происхожденію, заслугамъ и состоянію, назначается извѣстная сумма денегъ, одному 2000 талеровъ, другому 1500, третьему 1000 и т. д. Царскимъ слугамъ безчестье платится по ихъ годовому окладу; такъ медику выдается 600 талеровъ годоваго оклада (при чемъ деньги выплачиваются не понедѣльно). Всю эту сумму обязанъ заплатить обидчикъ оскорбленному имъ лицу, если этотъ послѣдній требуетъ отъ него платежа предъ судомъ. Безчестіе причиняется не только мужчинамъ, но также женщинамъ и дѣтямъ; въ такомъ случаѣ, за безчестіе дочери платится 1800, а за сына—600 талеровъ. Если кто обругаетъ чьихъ либо родителей, также дѣда или бабку (что часто случается между легкомысленными и гнѣвными повѣсами), то все таки долженъ платить за безчестіе, не смотря на то, что обиженныхъ ими лицъ уже давно нѣтъ въ живыхъ. Въ случаѣ же несостоятельности поносителя, когда онъ не можетъ заплатить безчестія ни деньгами, ни имуществомъ, онъ выдается головою обиженному, который воленъ поступать съ нимъ такъ, какъ ему будетъ угодно; часто такой должникъ становится или холопомъ обиженнаго имъ лица, или публично наказывается розгами.

Плата за безчестіе имѣетъ полную силу и между Нѣмцами, въ случаѣ если кто либо изъ нихъ обругаетъ или озлословитъ другъ друга, что впрочемъ случается весьма рѣдко. Мнѣ извѣстны только два единственные тому примѣра. Въ царствованіе великаго князя Михаила Ѳедоровича, когда одинъ старый Англичанинъ, по имени *Іоаннъ Барнеслей* (Johann Barnesley) долженъ былъ заплатить безчестіе лейбъ-медику великаго князя, доктору *Дею* (Diy), также Англичанину. Немного позже, полковникъ *Бокеховенъ* младшій (Bockehoffen) потребовалъ платы за безчестіе отъ капитана *Де-Ла-Коста* (de-la-Coste), родомъ Француза; но такъ какъ Бокеховенъ ранѣе былъ приговоренъ къ подобному же наказанію за безчестіе, причиненное имъ одному Французу (который, какъ будетъ сказано ниже, принадлежалъ къ числу перекрещенцевъ) *Антону де Гроену* (Anton de Groen), хорошему пріятелю де-ла-Коста, то противники порѣшили тѣмъ, что кончили дѣло дружелюбнымъ образомъ, ибо одно безчестіе уничтожается другимъ.

Русскіе не отличаются большою учтивостью, скромностью и степенностью въ обхожденіи; всѣ эти прекрасныя качества у нихъ почти совершенно скрыты. Они обыкновенно потягиваются и громко рыгаютъ на тайныхъ собраніяхъ, что случается съ нѣкоторыми совершенно невольно. Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ славными, достопамятными дѣлами своихъ предковъ, ни стараясь узнать что либо о состояніи иностранныхъ земель, Русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Я не говорю здѣсь о собраніяхъ знатныхъ русскихъ бояръ. Всѣ рѣчи и разговоры ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. Такъ обыкновенно ведутъ они рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодѣяніяхъ, совершенныхъ частію ими, а частію и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдныя сказки, и тотъ, который можетъ наилучшимъ образомъ сквернословить и отпускать разныя пошлыя шутки, выражая ихъ самыми наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Къ этому же самому направлены и танцы ихъ, полные самыхъ страстныхъ тѣлодвиженій.

Невозможно вообразить, до какой степени предаются они чисто животнымъ побужденіямъ и прелюбодѣянію; нѣкоторые изъ нихъ до крайности загрязнили себя этимъ порокомъ...

Вмѣстѣ съ вожатыми медвѣдей, можно встрѣтить у Русскихъ комедіантовъ, которые, между прочимъ, представляютъ разныя шутки посредствомъ куколъ (или Kluft, какъ называютъ ихъ Голландцы); для этого устраиваютъ они изъ холста, обвязаннаго вокругъ тѣла, родъ сцены, помѣщающейся надъ ихъ головами, на которой куклы представляютъ разнаго рода фарсы. Съ такими подвижными театрами ходятъ русскіе комедіанты по улицамъ.

«Omnem pudorem ac verecundiam exuerunt», говоритъ упомянутый нами датскій посолъ Якобъ.

Нѣсколько разъ удавалось самимъ намъ видѣть въ Москвѣ, какъ мужчины и женщины для прохлажденія себя выходили изъ бань совершенно голыми, какъ Богъ сотворилъ ихъ; они шли къ намъ на встрѣчу и подзывали къ себѣ молодежь нашу ломаными нѣмецкими словами. Къ подобному разврату сильно побуждаетъ ихъ праздность.

Ежедневно можно видѣть, какъ они цѣлыми сотнями стоятъ и шатаются на рынкахъ или на площади предъ Кремлемъ, совершенно безъ всякаго дѣла. Къ тому же не мало располагаетъ ихъ и пьянство, которому они преданы сильнѣе всякаго другаго народа въ свѣтѣ. «Venter mero aestuans cito despumat in libidinem», говоритъ *Гieрон.* въ 83 письмѣ. Наполнивши себя виномъ чрезъ мѣру, они, подобно неукротимымъ дикимъ звѣрямъ, готовы бываютъ на все, къ чему побуждаютъ ихъ необузданныя страсти. Порокъ этотъ—пьянство до такой степени распространенъ въ народѣ, что ему предаются всѣ сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, богатые и бѣдные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи на улицѣ, то это считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Такъ, если какой нибудь извощикъ встрѣтитъ лежащаго на улицѣ въ такомъ положеніи знакомаго ему пьянаго человѣка, то кладетъ его на свою телѣгу и увозитъ домой, за что, разумѣется, протрезвившійся платитъ ему потомъ деньги. Никто изъ Русскихъ никогда не откажется отъ вина и не упуститъ случая выпить и опохмѣлиться какимъ бы то ни было горячимъ напиткомъ, преимущественно же простою водкой; у нихъ считается за большую честь, если кто либо въ собраніи или въ гостяхъ поднесетъ другому чарку вина (Tzarco wino): простой народъ, холопы и крестьяне до такой степени дорожатъ этимъ подчиваньемъ, что если кто либо изъ знатныхъ людей будетъ подносить имъ изъ своихъ собственныхъ рукъ, то они изъ боязни и неприличія отказать ему, будутъ пить до тѣхъ поръ, пока не упадутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдадутъ Богу душу, какъ это случалось не одинъ разъ при насъ, когда люди изъ нашего посольства подчивали и принуждали ихъ пить. Не только простой народъ, но также знатные сановники и даже великокняжескіе послы, обязанные въ чужихъ земляхъ свято соблюдать высокое свое назначеніе, не знаютъ мѣры въ предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напиткахъ, и если напитки эти имъ понравятся, то тянутъ ихъ какъ воду, совершенно теряя разумъ, а иногда падая замертво. Подобный случай былъ съ великимъ посломъ, отправленнымъ къ шведскому королю Карлу XI. Посолъ этотъ, не смотря на предостереженіе, напился до такой степени, что на другой день, когда слѣдовало ему отправиться на аудіенцію, былъ найденъ мертвымъ въ постели.

Во время нашего пребыванія въ Россіи, повсюду можно было находить публичные кабаки (Kabacken) и шинки, куда каждый могъ войти, сѣсть и пить на свои деньги; сюда-то простолюдинъ уносилъ все, что ни наживалъ и пилъ до тѣхъ поръ, пока не снималъ съ себя платья, даже рубашки и не отдавалъ ихъ за вино цѣловальнику: тогда нагишомъ, какъ родился на свѣтъ, выходилъ онъ изъ кабака и отправлялся домой. Въ бытность мою въ Новгородѣ въ 1643 г. помѣщаясь въ гостинницѣ, что на Любскомъ подворьѣ, находившейся недалеко отъ кабака, мнѣ часто случалось видать подобныхъ пропившихся малыхъ; иные зачастую выходили изъ кабака безъ шапки, безъ сапоговъ и чулокъ въ одной рубашкѣ. Между ними одинъ въ особенности обратилъ на себя мое вниманіе. Пропивъ сначала кафтанъ свой, и выбравшись изъ кабака въ одной рубашкѣ, встрѣтился онъ съ однимъ хорошимъ своимъ пріятелемъ, который также направлялся къ кабаку, и поговоривъ съ нимъ немного, ушелъ съ нимъ туда обратно. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ вышелъ оттуда уже безъ рубашки, только въ однихъ портахъ, и на вопросъ мой, куда дѣвалъ онъ свою рубашку, съ обыкновенною бранью отвѣчалъ, что ее взялъ у него цѣловальникъ.

Съ недавняго времени, всѣ частные кабаки уничтожены, такъ какъ правительство нашло, что они отвлекаютъ народъ отъ работы и представляютъ ему удобный случай пропивать заработанныя деньги; теперь уже никто не получитъ вина на 2 или на 3 копѣйки, шиллингъ или грошъ. Вмѣсто этихъ частныхъ кабаковъ, его царское величество приказалъ учредить въ каждомъ городѣ кружечные дворы (Crusisnoj dwor), откуда вино отпускается во всѣ шинки и кабаки; ими завѣдываютъ двое присяжныхъ, которые должны ежегодно вносить въ казну его царскаго величества извѣстную сумму денегъ. Несмотря однакожъ на эту благоразумную мѣру, пьянство не уменьшается; и теперь иногда сосѣди собираютъ у себя пирушки, на которыхъ выпиваютъ все закупленное ими вино, вслѣдствіе чего иногда безъ чувства валятся на полъ другъ подлѣ друга. Иные покупаютъ вино въ большомъ количествѣ и потомъ продаютъ его въ розницу. Теперь уже не видать нагихъ пропившихся малыхъ, но все таки число шатающихся и валяющихся на улицахъ пьяницъ не уменьшается.

Женщины не считаютъ себѣ за стыдъ напиваться до пьяна и падать подлѣ мужей своихъ. Въ бытность мою въ Нарвѣ, случилось мнѣ видѣть на постояломъ дворѣ, въ Пиховѣ (Piechoffe), презабавныя вещи, когда нѣсколько Русскихъ женщинъ пришли къ своимъ мужьямъ, сѣли подлѣ нихъ и преспокойно начали пить водку. Напившись до пьяна, мужья вздумали отправиться домой, но жены воспротивились этому, и не смотря на то, что получили отъ мужей достаточное количество оплеухъ, все жъ таки настояли на своемъ; въ скоромъ времени мужья свалились на землю и заснули, а жены, сѣвши на нихъ, продолжали пить до тѣхъ поръ, пока не послѣдовали примѣру своихъ мужей. Хозяинъ (*) въ Нарвѣ, разсказывалъ намъ, что подобныя же сцены разыгрывались на его свадьбѣ. Мужья, будучи уже на веселѣ, начали бить женъ своихъ, ради одного только своего удовольствiя, и потомъ снова стали пить съ ними; жены же, сидя на заснувшихъ мужьяхъ своихъ, пили до тѣхъ поръ, пока не свалились другъ подлѣ друга и не заснули сами. Легко можно представить себѣ послѣ этого, въ какомъ положенiи должно находиться воспитанiе и на сколько, при подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть развиваемо чувство чести.

Русскiе большiе любители табаку. Прежде почти каждый изъ нихъ носилъ его при себѣ; самый бѣднѣйшiй изъ нихъ скорѣе отдавалъ послѣднюю копѣйку за табакъ, чѣмъ за хлѣбъ. Въ 1643 году великiй князь, по совѣту патрiарха, вмѣстѣ съ уничтоженiемъ частныхъ кабаковъ, совершенно запретилъ какъ продажу, такъ и употребленiе табаку, ибо хорошо понималъ, что онъ не приноситъ людямъ никакой пользы, а напротивъ только вредитъ имъ: такъ слуги и крѣпостные люди, не говоря уже о простомъ народѣ, предавшись куренiю табаку, отвлекались отъ работъ, а отъ неосторожнаго обхожденiя съ огнемъ происходило много пожаровъ. Притомъ патрiарху чрезвычайно не нравилось, что народъ, стоя предъ святыми иконами, предъ которыми воскуряется ладанъ и другiе благовонные ѳимiамы, издаетъ отъ себя скверный табачный запахъ. Ослушниковъ наказываютъ весьма строго: имъ вырываютъ ноздри и публично сѣкутъ розгами, примѣръ чему мы видѣли сами, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, въ статьѣ о Русскомъ судопроизводствѣ.

(*) Якобъ фонъ-Келленъ (Jakob von Köllen).

Русскихъ, при ихъ природной суровости и грубости нравовъ, необходимо держать въ жестокомъ рабствѣ: такъ на работу ихъ должно сгонять палками и плетьми, что впрочемъ сносятъ они весьма терпѣливо; подобныя мѣры согласуются съ степенью ихъ нравственнаго развитія, да они и привыкли къ нимъ.

Молодые и притомъ еще не совсѣмъ взрослые парни сходятся по извѣстнымъ днямъ для кулачныхъ боевъ и бьютъ другъ друга, думая пріучить себя къ побоямъ и тѣмъ легче переносить наказанія, которымъ они могутъ подвергнуться. Всѣ они (Русскіе) рабы и крѣпостные. У нихъ существуетъ обыкновеніе унижаться предъ знатными вельможами; для этого они бросаются на землю, валяются въ ногахъ и притомъ благодарятъ за наказанія и за наносимые имъ побои.

Всѣ подданные, какъ изъ низшаго, такъ и изъ высшаго сословія, называютъ себя рабами, холопами (Golloppen) своего царя, и дорожатъ этимъ наименованіемъ. Вельможи и знатные люди также имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Князья и бояре, желая выразить рабство свое и ничтожество предъ государемъ, въ подписяхъ на челобитныхъ грамотахъ, называютъ себя уменьшительными именами, какъ напр. *Ивашкомъ* (Jwaska) вмѣсто Ивана, *Петрушка холопъ твой* (Petruske gollop twoj) и т. п. Великій князь въ разговорѣ съ кѣмъ либо изъ своихъ подданныхъ употребляетъ такія же названія. Вельможи за преступленія свои подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какъ и простой народъ. Поэтому они обыкновенно говорятъ, что все, чѣмъ они ни владѣютъ, принадлежитъ Богу да Государю.

Иностранцы, состоя на службѣ у великаго князя, должны также предъ нимъ унижаться, повиноваться ему и исполнять все, что онъ имъ ни прикажетъ, не смотря на то, будетъ ли это приказаніе согласоваться съ ихъ желаніемъ или нѣтъ. Сколь легко вельможи удостоиваются получить отъ великаго князя ласковый взглядъ, то столь же скоро могутъ заслужить и его немилость.

Въ прежнія времена, если кто изъ лейбъ-медиковъ давалъ лекарства, не оказывающія надлежащаго дѣйствія, или если не вылечивалъ кого либо изъ своихъ паціентовъ, то подвергался большой немилости, и тогда съ нимъ обходились какъ съ рабомъ. Извѣстенъ случай, бывшій съ медикомъ великаго князя Бориса Годунова. Въ

1602 г. прибылъ въ Москву герцогъ Іоаннъ, братъ короля Датскаго Христіана IV, и вскорѣ опасно заболѣлъ; великій князь приказалъ съ угрозою, чтобы лекаря употребили все свое искусство и не дозволили умереть герцогу. Къ сожалѣнію, ни одно лекарство не подѣйствовало, и когда герцогъ умеръ, то всѣ лекаря должны были укрыться и долгое время не показываться на глаза государю.

Въ числѣ прочихъ лекарей, состоявшихъ на службѣ у Бориса Годунова, былъ одинъ Нѣмецъ, котораго самъ царь назвалъ докторомъ. Однажды лекарь этотъ вздумалъ проситься у него съѣздить въ одинъ изъ Германскихъ университетовъ для полученія степени доктора. «Чтобы это значило, быть докторомъ, спросилъ царь, въ чемъ состоитъ эта степень и какъ она получается?» Лекарь отвѣчалъ, что для полученія докторской степени онъ долженъ держать экзаменъ, и если признаютъ его способнымъ, то въ доказательство того дадутъ ему свидѣтельство за подписью членовъ медицинскаго факультета и съ приложеніемъ печати. Тогда великій князь сказалъ ему: «деньги, необходимыя на дорогу, ты можешь лучше сохранить у себя; я же испыталъ твое искусство (ибо раньше онъ вылечилъ его отъ подагры), а потому дѣлаю тебя докторомъ, и въ доказательство этого дамъ тебѣ свидѣтельство, а выѣзжать изъ государства моего ты не долженъ». Спустя нѣсколько времени, великій князь, почувствовавъ возобновившуюся боль отъ подагры, приказалъ призвать къ себѣ своего Московскаго доктора; этотъ же вообразивъ, что его хотятъ лишить жизни, одѣлся въ старое, разорванное платье, встрепалъ себѣ волосы и на четверенькахъ вползъ въ двери къ великому князю, говоря, что онъ, подвергнувшись опалѣ, недостоинъ жить болѣе на свѣтѣ, тѣмъ менѣе видѣть его царскія очи. Случившійся тутъ бояринъ, желая угодить великому князю, ударилъ его носкомъ сапога въ голову такъ сильно, что изъ нее потекла кровь, и обругалъ собакой (sabak). Докторъ, замѣтивъ милостивый взглядъ государя, спѣшилъ воспользоваться этимъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и продолжалъ жалобнымъ голосомъ: «о, великій царь! я, рабъ твой, прегрѣшилъ противъ тебя, и осужденный на смерть почту великимъ для себя счастіемъ умереть отъ рукъ твоихъ; но горько мнѣ, что холопъ твой опозорилъ меня, такъ какъ я знаю, что ты не позволишь каждому столь жестоко ругаться надъ твоимъ слугою». Такая покорная рѣчь

утишила гнѣвъ великаго князя; докторъ получилъ 300 руб. награды, прочіе медики освобождены, а бояринъ былъ битъ.

Что же касается до рабовъ и крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ вельможамъ и знатнымъ лицамъ, то число ихъ велико до невѣроятности; иные только на дворѣ своемъ держатъ отъ 50 до 100 человѣкъ. Тѣ изъ крѣпостныхъ людей, которые живутъ въ Москвѣ, не обѣдаютъ на дворахъ господъ своихъ, а получаютъ харчевыя деньги, столь впрочемъ незначительныя, что едва могутъ на нихъ прокормиться; въ слѣдствіе этого въ Москвѣ много воровъ и убійцъ. Такъ, во время нашего пребыванія въ этомъ городѣ, не проходило ночи, чтобы не было какой либо покражи въ комнатахъ нашихъ людей. Часто случается, что воры и мошенники запираютъ домохозяина въ его комнатѣ, и, обкрадывая ее, заставляютъ его молчать, если онъ не въ силахъ защищаться и не желаетъ, чтобы домъ его былъ сожженъ. Для избѣжанія подобной опасности, на дворахъ бояръ и другихъ знатныхъ вельможъ содержатся сторожа, обязанные караулить домъ и каждый часъ бить въ деревянную доску. Но эта мѣра помогаетъ мало: такіе караульщики не только что не защищаютъ и не оберегаютъ господъ своихъ, но еще пролагаютъ мошенникамъ дорогу, воруютъ вмѣстѣ съ ними и потомъ убѣгаютъ, а потому въ настоящее время никто не беретъ себѣ сторожей изъ крѣпостныхъ, но извѣстныхъ, испытанныхъ и честныхъ людей изъ гражданъ. Самыя улицы отъ подобныхъ мошенниковъ не совсѣмъ безопасны; тотъ кто не имѣетъ при себѣ хорошаго оружія и идетъ одинъ, непремѣнно подвергнется нападенію, что̀ и случилось съ нами. Однажды, нѣкоторые изъ нашихъ, пробывъ почти за полночь у одного изъ своихъ пріятелей, возвращались домой; на дорогѣ, шедшій впереди товарищъ нашъ наткнулся на двухъ разбойниковъ: немедленно прибѣжали мы на крикъ его и, успѣвъ схватить одного изъ мошенниковъ (другой же скрылся), поколотили его порядкомъ.

Въ другой разъ, поваръ нашъ, возвращаясь домой одинъ поздно ночью изъ одного дома, гдѣ было въ гостяхъ и все посольство наше, былъ застрѣленъ на дорогѣ. Вскорѣ послѣ этого убитъ былъ гофмейстеръ шведскаго посольства *Арентъ Шпирингсъ* (Arent Spierings), также возвращаясь домой ночью отъ своего пріятеля; 8 дней спустя, колетъ его, забрызганный кровью, продавался на рынкѣ.

Почти тоже самое случилось съ лейтенантомъ нашимъ *Іоанномъ Китомъ* (Johann Kit). Вмѣстѣ со мною былъ онъ на свадьбѣ у одного Нѣмца (это было уже по возвращеніи нашемъ изъ Персіи) и не желая идти вмѣстѣ, одинъ вздумалъ отправиться домой за нѣсколько минутъ до нашего выхода. На дорогѣ напали на него разбойники и избили до такой степени, что онъ на другой же день умеръ, пролежавъ всю ночь безъ памяти.

Подобныя убійства между Русскими неизчислимы. Не проходитъ ночи, чтобы на другой день на улицѣ не нашли мертваго, совершенно обезображеннаго человѣка. Въ большіе праздники, особенно на масляной недѣлѣ, предъ великимъ постомъ, когда простой народъ пьянствуетъ и безумствуетъ въ высшей степени, убійства случаются еще чаще. Въ наше время, въ продолженіе 11-ти дней декабря, было убито до 15-ти человѣкъ, какъ это показано было Земскимъ Дворомъ (Semische Dwor). Если кто либо въ семействѣ замѣтитъ ночью, что такого то изъ родныхъ его не оказывается на лицо, то прямо отправляется на улицы отыскивать пропавшаго, и если найдетъ его мертвымъ, увозитъ утромъ домой; тѣхъ же, которыхъ не узнаютъ, оставляютъ на мѣстѣ злодѣянія и предаютъ погребенію безъ всякихъ обрядовъ. Случилось однажды, что мошенники изъ крѣпостныхъ людей осмѣлились днемъ напасть на лейбъ-медика его царскаго величества *Г. Гартмана Грамени* (Hartmann Gramen); они схватили его и уже готовы были отрѣзать ему пальцы (онъ несъ печатку), еслибъ не случился въ это время одинъ князь, большой другъ и пріятель доктора, и не послалъ людей своихъ вырвать несчастнаго изъ рукъ разбойниковъ. Самые горожане, при столь частыхъ убійствахъ, сдѣлались жестокосердыми: такъ услышавъ, что подъ окнами ихъ дома грабятъ и рѣжутъ, они зачастую не подаютъ помощи несчастному. Въ настоящее время, какъ я слышалъ, послѣдовало благоразумное распоряженіе Правительства, состоящее въ томъ, чтобы на всѣхъ перекресткахъ улицъ стояла по ночамъ стража изъ стрѣльцовъ или солдатъ, и чтобы всякій, поѣдетъ ли онъ верхомъ, или пойдетъ пѣшкомъ, имѣлъ при себѣ фонарь; притомъ, стражѣ приказано окликать проходящихъ; не отвѣчающихъ на окликъ задерживаютъ и отправляютъ въ Стрѣлецкій Приказъ (Strelitz Prikas), гдѣ на другой день они допрашиваются, и послѣ допроса или отпускаются домой, или предаются пыткѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, во время сѣнокосовъ, дорога по сю сторону отъ Москвы на 20 миль весьма опасна, такъ какъ крѣпостные люди, большею частію мошенники, работаютъ на господъ своихъ на всемъ ея протяженіи. Около этого мѣста есть гора, которой путешественники должны еще издали остерегаться, ибо многіе уже изъ нихъ были ограблены, убиты и зарыты въ ней. Въ случаѣ, если кто либо пожалуется на мошенничество крѣпостныхъ людей господамъ ихъ, не заботящимся объ ихъ пропитаніи и одеждѣ, то эти послѣдніе по большей части смотрятъ сквозь пальцы на эту жалобу.

Случается, что крѣпостные люди, по смерти господъ своихъ, отпускаются на волю (отпускаются они также и добровольно при жизни владѣльцевъ), но бѣдные отпущенники, не имѣя чѣмъ питаться, снова продаютъ себя въ неволю и потому нисколько не дорожатъ свободою. «Тѣ, которые по природѣ своей варвары, говоритъ умный Аристотель (Lib. 3 Polit. cap. 14), не могутъ жить иначе какъ въ рабствѣ». То, что сказалъ Аристотель объ Іонянахъ, жившихъ въ малой Азіи и считавшихъ себя по происхожденію отъ Грековъ, можно примѣнить и къ Русскимъ: «quod in libertate mali, in servitute boni sunt» (Plut. apoth.). Всякій вельможа, владѣющій крестьянами, воленъ продавать, или дарить ихъ кому захочетъ. По касательно отношеній отца къ дѣтямъ и наоборотъ, существуетъ слѣдующее узаконеніе: отецъ не имѣетъ права продать своего сына (чего впрочемъ никто теперь не дѣлаетъ), и не долженъ соглашаться на желаніе его служить кому либо изъ знатныхъ вельможъ: сынъ его сдѣлаетъ лучше, если останется дома и просидитъ голодный, чѣмъ пойдетъ въ услуженіе, такъ какъ онъ долженъ быть на столько гордъ, чтобы считать себѣ за стыдъ быть слугою у кого либо изъ постороннихъ. Если кто либо изъ должниковъ не можетъ уплатить своего долга, то можетъ заимодавцу отдать дѣтей своихъ въ услуженіе на извѣстное время; за сына платится 10, а за дочь 8 рейхсталеровъ. По окончаніи срока службы и по уплатѣ долга, заимодавецъ обязанъ отпустить ихъ домой. Если же дѣти не согласятся на подобную мѣру со стороны ихъ родителей, то сіи послѣдніе требуютъ отъ нихъ этого чрезъ судъ, и если будетъ доказано, что родители въ самомъ дѣлѣ несостоятельны, то Русское Правительство приказываетъ платить дѣтямъ за нихъ. Тогда они

идутъ въ кабалу (Kaballe) и даютъ письменное свидѣтельство, по которому обязываются служить, подобно крѣпостнымъ людямъ, заимодавцу отца своего.

Русскіе весьма способны вести войну и охотно идутъ на нее, такъ какъ находятся въ рабствѣ и ведутъ жизнь суровую; иногда они обнаруживаютъ удивительную отвагу и оказываютъ чудеса храбрости. По законамъ римскихъ императоровъ Граціана, Валентина и Θеодосія, рабы и люди неизвѣстные не допускались въ Римское войско; узаконеніе это объясняется тою благородною цѣлью, которую имѣли въ виду поступавшіе въ римское войско (именно добродѣтель и человѣколюбіе) (Martian. L. 11 ff. mil. Cod. Theod. l. 7. tit. 2). Теперь же по большей части цѣль эта состоитъ въ грабежѣ, убійствахъ и желаніи обогатиться. Къ настоящему времени можно отнести слѣдующія слова Виргилія: dolus an virtus, quis in hoste requirat?

Русскіе съ удивительною твердостью и терпѣніемъ переносятъ всѣ трудности войны, если ими руководятъ храбрые искусные и опытные военачальники, въ чемъ они терпятъ впрочемъ большой недостатокъ; подъ предводительствомъ такихъ полководцевъ, они оказываютъ большую храбрость и геройскую отвагу, болѣе впрочемъ въ укрѣпленіяхъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, въ чемъ убѣждаетъ насъ примѣръ храбрости двухъ Русскихъ, оказанный ими при сдачѣ крѣпости Нотебурга. Подобное же мужество и твердость выказали Русскіе въ войнѣ съ Поляками въ 1579 году, когда при взятіи непріятелемъ города *Сукола* (Sukol), они не хотѣли отступить ни на шагъ и мужественно бились съ врагомъ, не смотря на то, что отъ зажженныхъ домовъ горѣло на нихъ платье. Объ этой геройской защитѣ можно читать въ хроникѣ Лифляндской *Геннинга* (Henninges) на 20 стр. Здѣсь же упоминается и объ осадѣ *Падиса* (Abtey Padis) въ Лифляндіи. Будучи заключены въ этомъ городѣ непріятелемъ, Русскіе до такой степени изнурились отъ голода, что при сдачѣ крѣпости были не въ силахъ выйти на встрѣчу Шведамъ, даже до крѣпостныхъ воротъ. Писатель этотъ съ удивленіемъ прибавляетъ потомъ: «вотъ настоящіе воины, которые умѣютъ держаться въ крѣпостяхъ; по желанію начальника своего они отваживаются на все!» Въ битвахъ на открытомъ полѣ и въ осадѣ крѣпостей и городовъ Русскіе дѣйствуютъ не всегда

удачно. Обыкновенно предпринимаютъ они походы на Поляковъ, Шведовъ и Литовцевъ, и то на короткое время, и случается, что часто бѣгутъ отъ непріятеля вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его. Такъ въ прошедшемъ году, въ войнѣ съ Поляками, осаждали они Смоленскъ, но не смотря на многочисленность войска, состоявшаго изъ 200,000, потерпѣли неудачу, точно такъ же какъ и въ 1632 году, когда съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ они должны были отступить отъ этого города. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло не обошлось безъ подозрѣнія. Неудачу первой осады приписали измѣнѣ генерала *Шеина* (Schein); въ прошедшемъ же году, походъ былъ безуспѣшенъ отъ другихъ неизвѣстныхъ причинъ.

Русскіе, въ особенности простой народъ, находясь въ жестокомъ рабствѣ у господъ своихъ, весьма терпѣливо сносятъ всѣ причиняемыя имъ притѣсненія; если же притѣсненія эти перейдутъ за извѣстную мѣру, то къ нимъ можно отнести слѣдующія слова: «patientia saepe laesa fit tandem furor». Тогда они возстаютъ, и величайшая опасность угрожаетъ не столько высшему начальству, сколько низшему, если напр. они притѣсняются симъ послѣднимъ или людьми изъ ихъ сословія и не видятъ защиты отъ высшаго начальства. Когда они ожесточаются, то не очень легко бываетъ усмирить ихъ; тогда пренебрегаютъ они всѣми предстоящими имъ опасностями, способны на всякое насиліе и становятся безумными людьми.

Очень хорошо понималъ это бывшій великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, доказательствомъ чему служитъ слѣдующій примѣръ. По окончаніи упомянутаго нами выше неудачнаго похода подъ Смоленскъ, Русское войско требовало выдачи своего генерала, жалуясь на его измѣну, въ которой онъ былъ обвиняемъ не безъ причины; но просьбы войска не уважили: съ жалующимися поступлено было жестоко, и всеобщее возстаніе готово было вспыхнуть. Опасаясь этого, великій князь принужденъ былъ, въ угожденіе народу, дать обѣщаніе, что онъ казнитъ Шеина и для того, чтобы послѣдній скорѣе покорился своей участи, употребили слѣдующую хитрость: за нѣсколько дней до казни объявили Шеину, что его выведутъ на эшафотъ только для виду, за тѣмъ, чтобы народъ могъ видѣть исполненіе царскаго обѣщанія, но что онъ останется живъ и будетъ пользоваться прежнею царскою милостью, а между тѣмъ

утишится и волненіе народа. Утѣшаясь подобною надеждою (еще болѣе увеличившеюся отъ увѣренія патріарха, къ которому осужденный препиталъ большое уваженіе), Шеинъ взошелъ на эшафотъ и легъ на плаху; но по приказанію: «руби», палачь опустилъ топоръ, и окровавленная голова воеводы упала на помостъ эшафота.

Въ этотъ же самый день сынъ Шеина, по требованію народа, былъ засѣченъ до смерти кнутомъ за то, что вмѣстѣ съ отцемъ участвовалъ въ походѣ Смоленскомъ, а нѣкоторые изъ друзей и пріятелей воеводы были сосланы въ Сибирь. Народъ былъ удовлетворенъ и возстаніе утихло. Все это случилось въ іюнѣ мѣсяцѣ 1633 года.

Войну за Смоленскъ, хотя и не слишкомъ обстоятельно, описалъ *Піасецiусъ* въ своей *Chronica memorabilium in Europa* (pag. 462); описаніе ея можно найти подъ 1633 и 1634 годами.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, при описаніи двухъ страшныхъ бунтовъ, бывшихъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, мы увидимъ еще два примѣра долготерпѣнія Русскихъ, переходящаго потомъ въ ужасное озлобленіе и открытое возстаніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О домашнемъ бытѣ, пищѣ и образѣ жизни Русскихъ.

Домашній бытъ Русскихъ. — Кушанья. — Рыбная икра. — Хорошее Нѣмецкое пиво. — Ледники. — Медъ. — Пиры у Русскихъ. — Доходы вельможъ. — Русскіе спятъ послѣ обѣда.

Что касается до домашняго быта Русскихъ, то каждый изъ нихъ живетъ себѣ, какъ ему нравится, ничѣмъ не стѣсняясь, но сообразно съ образомъ жизни того сословія, къ которому принадлежитъ. Вообще же можно сказать, что они живутъ худо и мало заботятся о своемъ хозяйствѣ. Знатные вельможи и богатые купцы живутъ въ великолѣпныхъ палатахъ, выстроенныхъ впрочемъ еще не очень давно, именно только за 30 лѣтъ предъ симъ; раньше этого времени они проживали въ дурныхъ домахъ. Остальныя сословія, въ особенности простолюдины, не тратятся много на постройку своихъ домовъ; они живутъ въ худыхъ, низкихъ домахъ,

снабженныхъ незначительною, для нихъ же весьма рѣдкою домашнею утварью: по большей части встрѣчаешь въ нихъ не болѣе 3 или 4-хъ глиняныхъ или деревянныхъ горшковъ и столько же деревянныхъ блюдъ. Оловянной или серебряной посуды, какъ напр. медовыхъ или водочныхъ кубковъ, у нихъ очень мало. Они не слишкомъ много обращаютъ вниманіе на то, чиста или не чиста ихъ посуда; даже и у великаго князя подавали намъ кушанье въ почернѣвшей и измятой посудѣ, точь въ точь въ такой, какую встрѣтишь иногда у дурнаго домохозяина, который не чистилъ ее, можетъ быть, цѣлый годъ. Почти ни въ одномъ, будетъ ли то домъ бѣдный или богатый, не увидишь посуды, выставленной для украшенія комнаты; только однѣ голыя стѣны, покрытыя паутиною, да 2 или 3 образа, вотъ все что можно замѣтить, даже въ свѣтлицахъ богатыхъ бояръ. Русскіе весьма мало, почти совсѣмъ не употребляютъ пуховиковъ; по большей части они спятъ на подушкахъ, рогожкахъ, соломѣ, и на своихъ платьяхъ. Спятъ же они на лавкахъ, а зимой, какъ въ Нижней Германіи и Лифляндіи, на печкѣ, въ которой приготовляются кушанья. Въ верхнихъ частяхъ своихъ печь устраивается въ видѣ площадки, куда на ночь забирается мужъ съ своею женою, дѣти, и слуга и спятъ всѣ вмѣстѣ. Подъ печками и лавками, въ нѣкоторыхъ домахъ, можно найти свиней и куръ.

Русскіе не привыкли къ изысканнымъ кушаньямъ и сластямъ разнаго рода; обыкновенная пища ихъ состоитъ въ кашѣ, рѣпѣ, капустѣ, и огурцахъ, свѣжихъ и солёныхъ. Въ Москвѣ, по большей части, употребляютъ въ пищу соленую рыбу, которая отъ долгаго сбереженія издаетъ непріятный запахъ, что впрочемъ не мѣшаетъ ѣсть ее съ большою охотою. Еще издали, прежде нежели увидишь русскій рыбный базаръ и войдешь въ него, уже чувствуешь по запаху, что къ нему приближаешься. Отличныя, тучныя пастбища служатъ причиною тому, что баранье, телячье и свиное мясо у Русскихъ очень вкусно, при томъ оно у нихъ въ изобиліи и очень дешево, такъ какъ они, соблюдая посты, по нѣкоторымъ днямъ недѣли ѣдятъ одну только рыбу. Къ тому же, Русскіе, умѣя приготовлять изъ рыбы, тѣста, овощей и зелени разнаго рода кушанья, почти и не нуждаются въ мясѣ. Такъ однажды, по царской милости, во время поста, угощали насъ обѣдомъ, состоявшихъ изъ сорока

разнаго рода постныхъ блюдъ. Между прочими кушаньями, приготовляются у Русскихъ особеннаго рода печенья на подобіе пастетовъ или блиновъ, называемыя *пирогами* (pyrogen), величиною въ круглый кусокъ масла, но нѣсколько длиннѣе; пироги эти начиняются небольшими рыбами, которыхъ ловятъ на удочку, или мясомъ, приправленнымъ лукомъ и жаренымъ въ скоромномъ, а во время поста, въ постномъ маслѣ. Такіе пироги довольно вкусны. Каждый хозяинъ дома считаетъ обязанностью угостить ими своего гостя, если къ нему расположенъ.

Обыкновенною пищею Русскихъ служитъ также *икра* (Ikarі), добываемая изъ осетровъ или бѣлорыбицы. Она приготовляется слѣд. образомъ: отбивъ отъ кожи, къ которой пристаетъ она довольно плотно, солятъ ее въ продолженіе 6 или 8 дней и потомъ смѣшиваютъ съ перцомъ и мелко нарѣзаннымъ лукомъ; нѣкоторые вливаютъ въ нее еще уксусу, также деревяннаго масла, и приготовленную такимъ образомъ кушаютъ. Икра составляетъ довольно хорошее кушанье, особенно если влить въ нее вмѣсто уксусу нѣсколько лимоннаго соку; она вызываетъ аппетитъ, возбуждая жизненную силу. Осетровая икра преимущественно солится на Волгѣ, близь Астрахани, часто сушится на солнцѣ, и въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тоннъ разсылается въ другія земли, особенно въ Италію, гдѣ она считается за самое рѣдкое, вкусное кушанье и называется *кавіаромъ* (caviaro). Нѣкоторые купцы берутъ ее на откупъ у великаго князя за опредѣленную плату.

У Русскихъ, между прочими обыкновенными ихъ кушаньями, есть одно, которое употребляютъ они послѣ попоекъ и называютъ *опохмѣльемъ* (pochmeli); оно приготовляется слѣдующимъ образомъ: изрѣзавъ кусокъ холодной баранины на мелкіе кусочки, въ видѣ кубиковъ, но нѣсколько подлиннѣе, смѣшиваютъ ихъ съ мелко накрошенными огурцами, вливаютъ въ эту смѣсь уксусу, огуречнаго соку и потомъ хлѣбаютъ ее ложками. Поѣвши этого кушанья, они снова принимаются за вино. Почти всѣ кушанья у Русскихъ приправляются лукомъ и чеснокомъ, отчего комнаты ихъ и дома, даже самыя великокняжескія палаты въ Кремлѣ, сами Русскіе, если съ ними заведешь рѣчь, и мѣсто, гдѣ они побудутъ, издаютъ изъ себя сильный и для Нѣмцевъ очень непріятный запахъ.

Обыкновеннымъ напиткомъ у Русскихъ служитъ квасъ (Quas),

похожій на жидкое пиво, также пива̀, мёдъ и водка; водку пьютъ они всегда предъ тѣмъ какъ садятся за столъ, въ продолженіи котораго употребляютъ и другія напитки. У знатныхъ людей, кромѣ хорошаго пива, можно найти испанское, рейнское и французское вино, также разнаго рода меда̀ и двойную водку.

Хорошее пиво Русскіе получаютъ отъ Нѣмцевъ, которые въ началѣ весны варятъ его въ большомъ количествѣ. Пиво сохраняется у Русскихъ въ погребахъ, въ которые сначала кладутъ снѣгъ и ледъ, потомъ рядъ бочекъ, потомъ опять ледъ и опять бочки и т. д.; верхъ покрывается соломой и досками, такъ какъ подобные погреба открываются сверху. Устроивъ такимъ образомъ свои погреба, они опустошаютъ бочку за бочкою, и пьютъ пиво ежедневно. Сохраняясь въ подобныхъ погребахъ, пиво въ продолженіи цѣлаго лѣта (у нихъ чрезвычайно жаркаго) остается холоднымъ и притомъ не теряетъ вкусу. Вино получается Русскими изъ Архангельска. Впрочемъ, водка пользуется у нихъ большимъ почетомъ, а вино не такъ цѣнится у нихъ, какъ у Нѣмцевъ.

Русскіе умѣютъ приготовлять отличный медъ, очень вкусный, изъ малины, ежевики, вишней и другихъ ягодъ; въ особенности малиновый медъ чрезвычайно пріятенъ по своему ароматическому запаху и вкусу. Я самъ выучился приготовлять его слѣдующимъ образомъ: сначала нужно положить въ бочку совершенно зрѣлой малины, потомъ залить ее водою и оставить такъ на два или на три дня, до тѣхъ поръ, пока вода получитъ вкусъ и цвѣтъ малины; эту настоявшуюся воду сливаютъ потомъ въ бочки и кладутъ туда чистаго меду, на двѣ, на три кружки воды одну кружку меду, смотря потому кто какъ желаетъ, послаще или покрѣпче. Потомъ вливаютъ въ бочку немного дрожжей и кладутъ кусокъ жареной булки, и когда медъ начнетъ бродить, то булку вынимаютъ (отъ нея онъ получаетъ вкусъ), и въ такомъ положеніи оставляютъ на четыре или пять сутокъ. Если кто желаетъ придать меду вкусъ пряныхъ кореньевъ, то кладетъ въ бочку зашитые въ мѣшечекъ корицу, кардамонъ, гвоздику, и т. п. Поставленный въ теплое мѣсто, медъ не перестаетъ бродить въ продолженіи 8-ми дней, а потому, послѣ извѣстнаго времени броженія, для осадки дрожжей, выносится на холодъ.

Нѣкоторые заливаютъ малину водкою, перемѣшиваютъ ее съ

нею, и, послѣ суточнаго стоянія, настоявшуюся жидкость сливаютъ и разводятъ медомъ, что образуетъ довольно пріятный напитокъ, такъ какъ водка, будучи настояна на малинѣ, почти совсѣмъ теряетъ свой вкусъ и запахъ.

Иногда Русскіе задаютъ пиры, и тогда въ полномъ блескѣ высказывается все разнообразіе ихъ блюдъ и напитковъ. Такъ если кто либо изъ знатныхъ бояръ даетъ большой пиръ, на который приглашаетъ людей изъ того же сословія, къ которому принадлежитъ самъ, то столъ уставляется обыкновенно многочисленными, разнаго рода рыбными и хлѣбными яствами. Впрочемъ, всѣ эти кушанья выставляются болѣе напоказъ, ѣдятъ же ихъ мало. Отсюда у нихъ обычай, состоящій въ томъ, чтобы гости, будучи приглашены на подобный пиръ, оказывали должное съ своей стороны уваженіе къ хозяевамъ, и потому, если Нѣмецкій купецъ будетъ приглашенъ на подобное великолѣпное угощеніе, то этимъ даютъ ему знать, какой высокой чести онъ удостоивается. Воеводы (Weiwoden), живущіе по городамъ и по мѣстамъ, гдѣ ведется большая торговля, или гдѣ производится обыкновенный торгъ, даютъ большіе пиры, на которые приглашаютъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ. Если хозяинъ захочетъ оказать гостю своему на званомъ пиру, или запросто, при обыкновенномъ посѣщеніи, особенную честь и дружбу, и дать знать, что онъ ему любъ и пріятенъ, то жена его, отлично разодѣтая, выходитъ изъ своихъ покоевъ, и какъ бы въ заключеніе всѣхъ угощеній, подноситъ гостю чарку водки; иногда же, если хозяинъ особенно расположенъ къ кому либо изъ гостей, позволяетъ хозяйку цѣловать въ губы. Такую честь оказалъ мнѣ однажды графъ Левъ Александровичъ Фонъ-Склаковъ (Von Sklakow), когда я въ 1643 году, оставляя во второй разъ Москву, посѣтилъ его для прощанья.

Послѣ отличнаго обѣденнаго стола, онъ отозвалъ меня отъ прочихъ гостей, увелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и расположеніе, какія только могутъ быть оказаны кому либо въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина выходитъ на пиръ и, какъ хозяйка, также радушно угощаетъ гостя. «И такъ какъ я, продолжалъ онъ, былъ на службѣ у его свѣтлости герцога Голштинскаго и пользовался его милостивымъ расположеніемъ, то изъ благодарности и уваженія къ нему (графъ въ то время, когда стран-

ствовалъ и терпѣлъ притѣсненія, былъ облагодѣтельствованъ его свѣтлостью, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже) считаю долгомъ своимъ оказать и тебѣ подобную честь». Немедленно, по его приказанію, вышла къ намъ жена его, красавица собою, хотя немного и нарумяненная, въ подвѣнечномъ платьѣ (которое подробнѣе будетъ описано въ главѣ о русскихъ свадьбахъ), въ сопровожденіи другой женщины; женщина эта несла на подносѣ фляжку съ водкой и чарку. Вошедши въ комнату, хозяйка поклонилось сначала своему мужу, потомъ мнѣ, за тѣмъ налила чарку водки, поднесла къ губамъ своимъ и просила меня выпить ее, что повторялось три раза. Послѣ этого графъ сталъ просить меня, чтобъ я поцѣловалъ его жену въ губы. Будучи непривыченъ къ подобной чести, я поцѣловалъ ея руку, но графъ настаивалъ въ своемъ желаніи, и тогда, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ наконецъ исполнить его просьбу. Потомъ получилъ я въ подарокъ отъ его жены носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ, съ длинною по концамъ бахрамою; такими носовыми платками обыкновенно дарятъ невѣсту жены и дочери знатныхъ вельможъ: такъ на полученномъ мною мелкими буквами вышито было имя *Стрѣшнева* (Strešnoff), брата отца великой княгини.

Бояре и вельможи, пользуясь, какъ можно полагать, большими доходами, при управленіи столь огромнымъ государствомъ, и жалованьемъ, владѣютъ еще большими помѣстьями и крестьянами, которые ежегодно приносятъ имъ не малые доходы. Купцы и ремесленники наживаютъ деньги для пропитанія единственно своими трудами; потому торговые люди поднимаются на разнаго рода хитрости, для того чтобъ хотя что нибудь выторговать. Тѣ, которые ведутъ торговлю внутри Государства, продаютъ товары, составляющіе предметъ необходимой потребности въ жизни, тѣ же, которые съ дозволенія великаго князя ѣздятъ въ другія сосѣдственныя Государства, какъ напр. Лифляндію, Польшу, Швецію и Персію, торгуютъ соболями (равно какъ и другими мѣхами), льномъ, коноплею и юфтью. Эти же купцы обыкновенно скупаютъ у Англійскихъ негоціантовъ, ведущихъ въ Москвѣ большую торговлю, сукно по 4 талера за аршинъ и перепродаютъ его за 4½ или 5 талеровъ и, разумѣется, не безъ большаго барыша. Это дѣлается ими слѣд. образомъ: взявъ у иностранныхъ купцовъ сукно на кредитъ, съ

обязательствомъ чрезъ полгода или годъ заплатить деньги, они между тѣмъ въ розницу, по кускамъ или аршинамъ, продаютъ его мелкимъ торговцамъ или лавочникамъ, и, получая отъ нихъ чистыми деньгами, могутъ пустить ихъ въ оборотъ, чрезъ что въ два или три раза больше получаютъ чистаго барыша.

Ремесленники, не требуя многаго, такъ какъ ведутъ жизнь бѣдную, обыкновенно добываютъ себѣ пропитаніе и чарку водки трудами рукъ своихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пропитываютъ свои семейства. Всѣ они вообще прилежны, вѣрны и скоро перенимаютъ все что ни увидятъ у Нѣмецкихъ ремесленниковъ: такъ въ нѣсколько лѣтъ они переняли отъ нихъ много такого, чего раньше совсѣмъ не знали и о чемъ вовсе не слыхали. Поэтому, въ настоящее время, продаютъ они свои издѣлія по цѣнамъ, гораздо высшимъ въ сравненіи съ прежними. Не могу надивиться я въ особенности золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которые въ состояніи дѣлать теперь серебряную и золотую посуду съ такимъ же совершенствомъ и искусствомъ и даже изяществомъ, какъ и Нѣмцы. По этой самой причинѣ, если кто-либо изъ Нѣмцевъ желаетъ удержать въ секретѣ свое знаніе въ какой-либо отрасли промышленности, то не допускаетъ къ себѣ ни одного Русскаго, опасаясь, чтобы онъ не перенялъ у него его искусства. Такимъ образомъ поступалъ сначала знаменитый литейщикъ Іоаннъ Фалькъ (Hans Falk); такъ требовалъ онъ, чтобъ русскіе ремесленники уходили отъ него прочь, когда онъ приступалъ къ отлитію и отдѣлкѣ пушекъ и другихъ особенно замѣчательныхъ вещей. Теперь Русскіе сами въ состояніи отливать пушки и колокола; такъ въ прошедшемъ году ученики упомянутаго Фалька вылили въ Кремлѣ, подлѣ колокольни Ивана Великаго, другой большой колоколъ, который вѣсилъ, какъ сказывали мнѣ Нѣмцы, живущіе въ Москвѣ и сами Русскіе, 7,700 пудовъ, 308,000 фунтовъ, или 208 центнеровъ. Колоколъ этотъ раскололся вскорѣ послѣ того какъ его повѣсили и начали звонить; раньше же издавалъ отличный чистый звукъ. Недавно его снова разбили, и его царское величество вмѣсто него хочетъ вылить другой, гораздо больше прежняго, который бы увѣковѣчилъ его имя. Въ настоящее время уже приступили къ начальнымъ работамъ, сопряженнымъ съ огромными издержками.

Русскіе, какъ изъ высшаго, такъ изъ низшаго сословія, привыкли

спать послѣ обѣда; по этой причинѣ мелочныя лавочки закрываются въ послѣобѣденное время, и мальчики, которые прислуживаютъ въ нихъ, обыкновенно спятъ предъ дверьми. Въ это же самое время, если бы кто захотѣлъ поговорить съ кѣмъ либо изъ знатныхъ вельможъ и богатыхъ купцовъ, то ни одного изъ нихъ не найдетъ въ бодрственномъ состояніи.

Отсюда заключили Русскіе, что Лжедмитрій (Falsche Dimitrius), о которомъ мы будемъ скоро говорить, не могъ быть Русскимъ и сыномъ великаго князя, ибо не любилъ спать послѣ обѣда; такъ судили они о немъ еще и потому, что онъ, противъ обыкновенія, не ходилъ часто въ баню,—обычай свято соблюдаемый всѣми Русскими, особенно послѣ первой свадебной ночи. Поэтому, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ можно встрѣтить у нихъ множество бань, въ которыхъ почти во всякое время непремѣнно найдешь моющихся.

Въ бытность мою въ Астрахани, я незамѣтнымъ образомъ побывалъ въ русскихъ баняхъ, желая узнать, какъ въ нихъ моются. Онѣ были раздѣлены на двѣ половины досчатыми перегородками, для того чтобы мужчины и женщины могли мыться отдѣльно; не смотря на то какъ тѣ, такъ и другія входили ничѣмъ не прикрываясь въ одну и туже дверь, и только нѣкоторые изъ нихъ держали передъ собою вѣникъ, у прочихъ же и того не было. Женщины входили иногда въ мужское отдѣленіе совсѣмъ голыя, безъ всякаго стыда, и разговаривали съ своими мужьями. Русскіе въ состояніи выносить самый сильный жаръ, а потому, ложась на полокъ, они заставляютъ бить себя вѣниками и тереть ими себѣ тѣло, что для меня было невыносимо. Раскраснѣвшись и утомившись отъ сильнаго жару и будучи не въ состояніи долѣе оставаться въ банѣ, они выбѣгаютъ изъ нея совершенно голыми, какъ мужчины, такъ и женщины, и обливаютъ себя холодною водою. Зимою же валяются въ снѣгу, какъ мыломъ трутъ имъ себѣ тѣло и потомъ снова уходятъ въ жаркую баню. Такъ какъ подобныя бани устраиваются обыкновенно на рѣкахъ и рѣчкахъ, то моющіеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду.

Подобный способъ мытья въ баняхъ мы встрѣчали не только въ Россіи, но также и въ Лифляндіи и Ингерманландіи, гдѣ простолюдины, особенно Финны, въ самый жестокій морозъ зимою выходятъ на улицу голыми, трутъ себя снѣгомъ и потомъ снова ухо-

дятъ въ теплую баню; такой быстрый переходъ отъ холода къ теплу и обратно не приноситъ имъ никакого рѣшительно вреда, такъ какъ они привыкли къ этому уже съ ранняго дѣтства. Поэтому Русскіе, Финны и Латыши народъ сильный и здоровый, способный легко переносить и холодъ, и жаръ.

Съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣлъ я въ Нарвѣ на Русскихъ и Финскихъ мальчиковъ отъ 8 и 9 до 10 лѣтъ, какъ они, будучи одѣты въ тонкіе, полотняные кафтаны, стояли и ходили по снѣгу босыми ногами, похожими на гусиныя, въ продолженіи получаса, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нестерпимый холодъ.

Старые люди въ Россіи вообще здоровы, бодры и почти никогда не хвораютъ; самымъ обыкновеннымъ и лучшимъ средствомъ отъ болѣзней служитъ у нихъ (я разумѣю здѣсь простой народъ,) какъ напр. отъ горячки и лихорадки, вода съ чеснокомъ. Что же касается до знатныхъ и богатыхъ людей, то они въ настоящее время начинаютъ уже обращаться къ Нѣмецкимъ врачамъ и пользоваться извѣстными прописываемыми лекарствами.

У Нѣмцевъ и у Лифляндцевъ, живущихъ въ Москвѣ, можно найти хорошія бани. Въ нихъ устраиваются выводимыя сводомъ печи, въ которыхъ, на рѣшеткѣ, помѣщаются камни; изъ печи идетъ отверстіе въ самую баню и закрывается заслонкою, другое же идетъ вверхъ для пропуска дыма. Если нужно жару, то слѣдуетъ только открыть заслонку, полить водою нагрѣвшіеся камни и запереть трубу; въ такихъ баняхъ устроиваются лавки и полки, изъ коихъ одна, повыше прочихъ, устилается полотномъ и подушками, набитыми сѣномъ. Иногда полокъ усыпается цвѣтами и разнаго рода благовонными травами. Окна завѣшиваются, а на полу разбрасывается мелко нарубленный кустарникъ, что̀ вмѣстѣ съ травами и цвѣтами издаетъ весьма пріятный запахъ. Для мытья дается женщина или дѣвушка. Если знакомый иностранецъ моется у своихъ соотечественниковъ въ такихъ баняхъ, то это значитъ, что онъ пріятенъ имъ и о немъ заботятся и пекутся. Хозяйка, или дочь ея, обыкновенно посылаютъ, или сами приносятъ въ такихъ случаяхъ нѣсколько ломтей рѣдьки, усыпанныхъ солью, и супъ, приготовленный изъ вина и растертаго хлѣба; несоблюденіе этого обычая приписывается невниманію со стороны хозяевъ и принимается за дурное привѣтствіе. Послѣ бани гость угощается, смотря по до-

стоинству его, различными кушаньями и пользуется разнаго рода увеселеніями.

Подобной услужливости и чистоты не найдешь у спѣсивыхъ, своекорыстныхъ и неопрятныхъ Русскихъ, у которыхъ все это дѣлается грязно и противно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, сочиненіе Б. Чичерина. Москва, 1856 г., стр. III и 591, цѣна 3 р. сер.

Приступая къ разбору этого сочиненія, замѣчательнаго не только по даровитости автора, но и потому что оно есть результатъ долговременнаго и добросовѣстнаго изученія древнихъ памятниковъ нашего законодательства, — мы не можемъ однако не сознаться прежде всего, что внимательное, нѣсколько разъ и въ разное время повторенное чтеніе книги г. Чичерина оставило въ насъ грустное впечатлѣніе, которое мы невольно раздѣляемъ съ нѣкоторыми слишкомъ строгими ея рецензентами. Если не взять во вниманіе указанныя нами ниже обстоятельства, оправдывающія, по нашему мнѣнію, автора, то сдѣланныя имъ изложеніе и разборъ нашихъ областныхъ учрежденій въ XVII вѣкѣ можно столь же справедливо назвать сочиненіемъ, имѣющимъ своимъ предметомъ разсмотрѣніе недостатковъ не только этихъ учрежденій, но и самаго быта древней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣчая на каждой почти страницѣ длинныя, подробныя выписки изъ актовъ въ подтвержденіе указываемыхъ авторомъ неопредѣленности или неясности началъ, господствовавшихъ въ нашемъ древнемъ правѣ, слабости надзора верховной власти надъ разными органами областнаго управленія или неумѣнья подчинять ихъ выставляемымъ ею самою требованіямъ, и наконецъ недостатковъ того или другаго изъ разсматриваемыхъ учрежденій, мы не можемъ не сѣтовать на писателя, который, какъ бы забывая задачу и обязанность историка становиться современникомъ

(*) Настоящая рецензія на книгу г. Чичерина была напечатана въ 26-мъ Присужденіи учрежденныхъ П. П. Демидовымъ наградъ, но по желанію многихъ лицъ, чтобы она была перепечатана въ какомъ либо журналѣ, помѣщается здѣсь вполнѣ. Я почелъ долгомъ исполнить такое желаніе, ибо полагаю, что оно основывается на важности матеріаловъ, частію указанныхъ, частію же напечатанныхъ въ этой рецензіи. *П. Калачовъ.*

описываемаго имъ общества и съ этой точки изучать и объяснять его учрежденія, разоблачаетъ передъ нами преимущественно темныя стороны юридическаго быта нашего отечества до Петра Великаго. И какое оправданіе представляетъ онъ въ такомъ способѣ изслѣдованія учрежденій древней Россіи, который во всякомъ случаѣ нельзя не признать одностороннимъ? Отчасти конечно потребности того же или позднѣйшаго времени, сѣтованія и явныя жалобы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ сословій, терпѣвшихъ отъ злоупотребленій, порожденныхъ недостатками тѣхъ или другихъ учрежденій, хотя иногда и вообще неизбѣжныхъ. Безъ сомнѣнія, однако, въ болѣе значительной степени руководствовали авторомъ при начертаніи разнаго рода указываемыхъ имъ недостатковъ теорія, научныя начала, выработанныя не историческимъ развитіемъ древней Россіи, а вѣковыми усиліями ученыхъ разныхъ націй, уясненныя не практическою опытностію нашихъ дьяковъ-юристовъ, а исторіей различныхъ государствъ древняго и новаго времени. Очевидно, что такой пріемъ изслѣдователя можетъ по крайней мѣрѣ на первый взглядъ внушить читателю сомнѣніе касательно вѣрности его выводовъ.

Самъ г. Чичеринъ предугадалъ, кажется, впечатлѣніе, которое его книга должна сдѣлать на читателя. Вотъ почему, въ предисловіи къ ней, онъ старается оправдать себя въ лежавшей на немъ обязанности, для полноты труда, указать и на недостатки, обнаруживающіеся въ учрежденіяхъ и бытѣ древней Россіи. «Изложеніе, говоритъ онъ, этихъ недостатковъ погибшихъ учрежденій нашего народа да не будетъ принято за упрекъ его исторіи. Только взглядъ на первоначальную точку отправленія, на темныя стороны предшествующихъ періодовъ можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставитъ насъ принести дань благодарности тѣмъ дѣятелямъ, которые, сознавая недостатки своего времени, твердою рукою брались за исправленіе учрежденій и возводили исторію на высшую точку развитія. Такимъ образомъ, только изложеніе системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, откроетъ намъ значеніе великаго дѣла Московскихъ государей; только безпорядокъ, господствовавшій въ администраціи XVII вѣка, дастъ намъ смыслъ преобразованій Петра Великаго. Точно также и при изложеніи учрежденій Петровскаго періода нужно было бы показать

ихъ недостатки, чтобы постигнуть значеніе учрежденій Екатерины II.... При такомъ только взглядѣ на исторію, при сознаніи темныхъ сторонъ предшествующихъ эпохъ мы увидимъ, что совершенныя преобразованія были не случайными распоряженіями, вызванными прихотью или временнымъ удобствомъ, но глубоко коренились въ жизни народа и основывались на ясномъ пониманіи нуждъ и потребностей времени.» Нельзя не согласиться вполнѣ съ этими словами, и потому именно было бы желательно, чтобъ въ сочиненіи, относящемся къ Исторіи Русскаго Законодательства, слабыя или темныя стороны учрежденій, имѣвшихъ мѣсто въ извѣстномъ ея періодѣ, не были отыскиваемы подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія на цѣль, значеніе, характеръ и составъ учрежденій вообще, и слѣдовательно какъ бы преднамѣренно. Весьма естественно и основательно думать, что какъ дѣйствительные, такъ еще менѣе мнимые недостатки, находимые съ этой точки вообще въ учрежденіяхъ древняго времени, никакъ не слѣдуетъ дѣлать предметомъ особой монографіи, хотя бы и связаннымъ съ изслѣдованіями другаго рода. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что недостатки тѣхъ или другихъ древнихъ учрежденій должны напротивъ того обнаруживаться исторіей законодательства, выставляющей въ своемъ мѣстѣ причины, послужившія къ замѣненію ихъ новыми или къ ихъ исправленію, точно также какъ историческія изслѣдованія раскрываютъ лучше всего и тѣ основанія, которыя произвели ихъ въ свое время. Въ слѣдствіе такого историко-юридическаго анализа древнія учрежденія получаютъ съ одной стороны свое оправданіе, между тѣмъ какъ съ другой появленіе въ замѣнъ ихъ новыхъ или даже исправленіе и улучшеніе прежнихъ служатъ яснымъ доказательствомъ, что если законодательная и правительственная власть способствовала ихъ усовершенствованію, то и бытъ народный нисколько не представлялъ среду, недоступную для юридическаго развитія. Такимъ образомъ, слѣдуетъ заключить, самое изложеніе учрежденій въ ихъ исторической послѣдовательности раскрываетъ и недостатки ихъ или темныя стороны, и заслуги лицъ, содѣйствовавшихъ къ ихъ устраненію, и наконецъ значеніе и свойства народа, стремившагося стать на высшую точку въ исторіи. Ясно, однако, что такого рода изслѣдованія какихъ бы то ни было учрежденій не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія: они входятъ лишь частями

въ болѣе или менѣе полное сочиненіе, посвященное не одному, а нѣсколькимъ вмѣстѣ періодамъ исторіи законодательства; примѣняя же это замѣчаніе къ отечественному праву должно сознаться, что даже въ цѣлостномъ сочиненіи, имѣющемъ предметомъ какъ законодательную и правительственную дѣятельность верховной власти, такъ и юридическій бытъ народа до самыхъ временъ Петра Великаго, едва ли нашлось бы мѣсто для полнаго разбора съ указанной точки зрѣнія различныхъ учрежденій не только XVII вѣка, но даже предшествующихъ столѣтій. Всякому изслѣдователю нашего древняго до-петровскаго права хорошо извѣстно, что господствовавшія въ немъ начала, хотя болѣе или менѣе различныя по времени, но сходныя между собою вообще по своему основному характеру, составляютъ существенное его отличіе отъ права, дѣйствующаго у насъ со времени Петра Великаго подъ вліяніемъ другихъ, такъ называемыхъ новыхъ началъ, и что если древняя Русь и стремилась къ этимъ послѣднимъ, какъ къ высшимъ началамъ въ историческомъ развитіи каждаго государства и народа, то такое стремленіе не столько проявлялось положительнымъ ихъ усвоеніемъ, сколько выражалось въ видѣ протеста противъ прежнихъ уже устарѣлыхъ вѣрованій и убѣжденій. Извѣстно также, что безсиліе правительственной власти поддержать взаимную связь и сохранить равновѣсіе между разнородными элементами, которые враждебно сталкивались и въ законахъ и въ жизни, могло наконецъ привести къ разложенію самого государственнаго тѣла. Петръ Великій отвратилъ эту опасность объявивъ во всеуслышаніе въ изданныхъ имъ уставахъ и подтвердивъ собственною жизнію, что имъ и въ теоріи и на практикѣ признаются новыя начала вмѣсто отжившихъ прежнихъ. Эти новыя начала, выставленныя во имя общественной пользы, общественнаго блага, суть тѣ самыя, коимъ до сихъ поръ подчиняются юридическій бытъ и юридическое развитіе нашего отечества. Не смотря однако на то, что они уже призваны были къ жизни въ эпоху до-петровскихъ преобразованій, не только при немъ, но и при его преемникахъ они лишь постепенно утверждались и донынѣ еще не вполнѣ укоренились на нашей почвѣ; ясно выражаемыя въ законодательствѣ, они еще не вполнѣ усвоены массою народа и борьба ихъ съ началами, давно осужденными въ исторіи, возникшая задолго до Петра Великаго, еще не окончена и

въ наше время. Прибавимъ къ этому, останавливаясь на самыхъ учрежденіяхъ, что въ исторіи не всегда довольно послѣдовательно старое замѣняется новымъ, что порою законодатели мѣняютъ свои мнѣнія и опять возвращаются къ прежнему порядку вещей и что наконецъ ими самими не всегда ясно выставляются руководствовавшія ихъ побужденія къ замѣненію однихъ учрежденій другими или же только къ исправленію прежнихъ. Имѣя все это въ виду, мы должны сознаться, что въ настоящее время еще не можемъ даже въ полной Исторіи Русскаго Законодательства отчетливо уяснить недостатки существовавшихъ у насъ учрежденій если для того захотимъ принимать въ основаніе самые источники, коими они отмѣнялись. Что же остается дѣлать писателю-юристу, котораго занимаютъ эти учрежденія не только потому, что онъ считаетъ поучительнымъ слѣдить за юридическимъ развитіемъ народовъ вообще, но еще болѣе потому, что знакомясь съ ними онъ въ тоже время узнаетъ короче и ближе самый бытъ древней Россіи, этотъ бытъ, уже во многомъ для насъ незнакомый, но тѣмъ не менѣе еще живущій въ различныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ народной массы? Слѣдуетъ ли ему ограничиться голымъ перечисленіемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что такія-то учрежденія упоминаются въ первый разъ тогда-то, что они состояли въ томъ-то, что измѣнялись такъ или иначе, и что наконецъ уничтожены или потеряли свое значеніе тогда-то? Но такіе перечни составляютъ лишь матеріалъ, болѣе или менѣе пригодный для исторіи законодательства; въ трудѣ же, который называется изслѣдованіемъ, факты получаютъ надлежащую оцѣнку лишь вслѣдствіе критической ихъ разработки. Вотъ почему для полнаго по возможности уясненія древнихъ учрежденій нашего отечества оказывается необходимымъ взять во вниманіе научныя положенія, относящіяся къ подобнымъ учрежденіямъ вообще. Замѣтимъ здѣсь кстати, что критическая оцѣнка въ настоящемъ случаѣ должна привести къ тѣмъ же результатамъ, какъ и самая исторія законодательства, ибо, какъ замѣчено было выше, принимаемыя у насъ нынѣ юридическія начала суть тѣ самыя, которыя признаются и разработываются наукой какъ основныя начала общественной жизни. И если правда, что подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія на древнія учрежденія они освѣщаются свѣтомъ новаго времени, тѣмъ не менѣе въ распоряженіи

историка-юриста остаются всѣ уцѣлѣвшіе до насъ матеріалы, съ помощію коихъ представляется возможнымъ раскрыть основанія, вызвавшія эти учрежденія къ жизни и давшія имъ извѣстную форму, а тѣмъ самымъ оправдать не только существованіе ихъ въ исторіи, но и самые недостатки, съ какими они представляются съ научной точки зрѣнія. Такой оцѣнки учрежденій подъ вліяніемъ древнихъ памятниковъ, которую можно назвать археологическою, наука также въ правѣ требовать отъ писателя, какъ требуетъ она для тѣхъ же учрежденій критической оцѣнки теоретика-юриста.

Надо отдать справедливость г. Чичерину, что разбору недостатковъ древнихъ областныхъ учрежденій Россіи подъ вліяніемъ научнаго воззрѣнія онъ посвятилъ полное вниманіе, и потому задача эта исполнена имъ блистательнымъ образомъ, между тѣмъ какъ археологическое разъясненіе тѣхъ же учрежденій не представляетъ въ его изслѣдованіи такой полноты, отчетливости и мѣстами даже вѣрности. Это самое, по моему мнѣнію, даетъ его книгѣ полемическій характеръ, направленный противъ нашихъ древнихъ учрежденій, тѣмъ-болѣе, что дѣлаемый авторомъ разборъ недостатковъ читатель встрѣчаетъ относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, чѣмъ самымъ безотрадное впечатлѣніе, производимое такой безпощадной оцѣнкой, въ значительной степени увеличивается. Но тотъ кто захочетъ произнести безпристрастный судъ и для этого внимательно пересмотрить все, что говорится авторомъ о началѣ и устройствѣ каждаго изслѣдуемаго имъ учрежденія, тотъ конечно убѣдится, что онъ старался не упустить изъ виду всѣхъ относящихся сюда указаній древнихъ памятниковъ и если, къ сожалѣнію, не успѣлъ достаточно для полной и вѣрной картины усвоить себѣ древній бытъ нашего отечества, по крайней мѣрѣ искренно желалъ выставить въ истинномъ свѣтѣ правительственную дѣятельность верховной власти въ Россіи до Петра Великаго. Для лучшаго же достиженія этой цѣли г. Чичеринъ предлагаетъ въ своей книгѣ сравненіе нашихъ древнихъ учрежденій съ современными имъ учрежденіями западныхъ государствъ. «Это сравненіе, говоритъ онъ, покажетъ намъ какъ общую связь русской исторіи съ исторіей человѣчества, такъ и особенность Россіи, въ которой многое учреждалось правительственными мѣрами, что на западѣ совершалось само-собою подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ союз-

ваго духа». Намъ кажется, однако, опять, что какъ ни прекрасна мысль автора опредѣлить значеніе русской исторіи въ исторіи человѣчества и ихъ взаимное отношеніе, но эта мысль въ своемъ осуществленіи, при недостаточной еще разработкѣ многихъ сторонъ общественнаго быта нашихъ предковъ, можетъ пока привести только къ нѣкоторымъ любопытнымъ замѣчаніямъ, сближеніямъ и предположеніямъ, но никоимъ образомъ къ какимъ-либо окончательнымъ выводамъ, отъ вѣрности коихъ зависитъ самая основательность требуемыхъ наукою заключеній. Что касается до другаго замѣчанія, что въ нашемъ отечествѣ многое учреждалось правительствомъ что̀ на западѣ совершалось самимъ народомъ подъ вліяніемъ господствовавшаго въ немъ союзнаго духа, то хотя это явленіе, одинаково принимаемое въ нашей исторіи въ сравненіи съ западной писателями разныхъ направленій, дѣйствительно слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, но, по нашему убѣжденію, только вообще; для того же, чтобы въ частности уяснить основу или причину появленія извѣстнаго учрежденія въ древней Россіи, весьма опасно руководствоваться такимъ основаніемъ, принимая его за точку отправленія въ изслѣдованіи объ этихъ учрежденіяхъ. Мы нисколько не убѣждены въ томъ, чтобъ г. Чичеринъ такъ именно поступалъ въ своихъ разысканіяхъ, но не можемъ не пожалѣть, что у него встрѣчаются нѣкоторыя положенія, совпадающія съ мнѣніемъ его о приведенномъ выше значеніи у насъ правительственнаго начала, между тѣмъ какъ эти положенія недостаточно подтверждены внимательнымъ изученіемъ источниковъ. Таковы, наприм., доводы его о происхожденіи общинъ въ древней Россіи, объ участіи въ судахъ цѣловальниковъ и старостъ, и т. п. Точно также не можемъ мы одобрить нѣкоторыхъ, какъ кажется намъ, слишкомъ поспѣшно выведенныхъ заключеній о сходствѣ и различіи, замѣчаемыхъ въ тѣхъ явленіяхъ общественной жизни древней Россіи, которыя авторъ ставитъ паралельно съ болѣе или менѣе подходящими къ нимъ явленіями въ средневѣковыхъ государствахъ западнаго міра. Но вообще анализъ г. Чичерина отличается такимъ остроуміемъ и мѣстами поражаетъ, какъ кажется, столь убѣдительными доводами, что критикъ никакъ не можетъ себѣ дозволить голословныхъ противъ него возраженій. Имѣя это въ виду, мы постараемся въ приличныхъ мѣстахъ нашей рецензіи указать въ осо-

бенности на тѣ данныя, которыя по нашему мнѣнію, противорѣчатъ выводамъ разсматриваемой книги. Здѣсь же ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что не во всемъ можно согласиться съ проведенною блестящимъ образомъ параллелью автора между древнимъ бытомъ Россіи и современными ей западными государствами.

За предисловіемъ въ книгѣ г. Чичерина слѣдуетъ введеніе, въ коемъ онъ дѣлаетъ историческое обозрѣніе развитія областныхъ учрежденій до XVII вѣка. Говоря вообще, обозрѣніе не есть изслѣдованіе, и потому было бы несправедливо требовать въ настоящемъ случаѣ обстоятельной разработки тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывается авторъ. Но если въ обозрѣніи предлагаются выводы, несогласные съ положеніями, принятыми многими учеными, то мы въ правѣ предполагать здѣсь же критическаго разсмотрѣнія этихъ положеній. Къ сожалѣнію въ введеніи г. Чичерина факты встрѣчаются лишь на второмъ планѣ, именно въ подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ общихъ воззрѣній или началъ, принимаемыхъ имъ на вѣру какъ начала, неподлежащія сомнѣнію. Такимъ образомъ, для того чтобы произнести наше мнѣніе объ этой важной части сочиненія, мы обязаны прежде всего остановиться на выводахъ предлагаемаго обозрѣнія и разсмотрѣть на сколько они согласны съ источниками. Впрочемъ задача наша значительно облегчается самимъ авторомъ, который во многихъ мѣстахъ не только перечисляетъ дѣлаемые имъ выводы, но нѣсколько разъ повторяетъ и общее начало, служившее имъ, по его мнѣнію, исходной точкой. Это начало, говоритъ онъ, имѣя въ виду удѣльный періодъ, состоитъ *въ господствѣ частнаго права въ общественной жизни* и результатъ его есть особенный бытъ, на немъ основанный, который составляетъ одно изъ существенныхъ явленій вообще въ исторіи человѣчества, такъ что Россія раздѣляетъ этотъ бытъ со всѣми историческими народами новаго міра, потому что только чрезъ него можно было достигнуть высшаго духовнаго союза государственнаго. Вѣрный этой идеѣ, г. Чичеринъ находитъ всюду въ источникахъ слѣды, отражающіе преобладаніе частнаго права и выражаетъ ихъ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ, останавливаясь на двухъ различныхъ формахъ общественной жизни, которыя встрѣчаются въ средневѣковой Россіи, именно на княжескихъ владѣніяхъ

и на вольныхъ общинахъ. Управленіе въ удѣльныхъ княжествахъ, за исключеніемъ дани побѣдителямъ (Татарамъ), имѣло, говоритъ онъ, своими единственными предметами доходы и повинности, составлявшіе собственность князя-вотчинника, и потому всѣ распоряженія относительно управленія, дѣлаясь лишь съ этою цѣлью, носили частный характеръ. Такой характеръ имѣлъ между прочимъ и *судъ*, одна изъ самыхъ важныхъ отраслей управленія, который сверхъ того долженъ былъ составлять единственную общественную потребность того времени. Какъ правительственное учрежденіе въ этомъ смыслѣ судъ былъ дѣломъ второстепеннымъ; главнымъ былъ доходъ, который отъ него получался; слѣдоват. онъ составлялъ частную собственность и на этомъ основаніи, какъ доходная статья, дѣлился на участки, отдавался должностнымъ княжескимъ лицамъ въ кормленіе, отчуждался помимо ихъ жалованными грамотами частнымъ лицамъ и монастырямъ, отдавался даже на откупъ; самая подсудность разрѣшалась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами: отсюда судъ смѣстный или вопчій и отсюда же привилегіи, освобождавшія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ: самый докладъ по суднымъ дѣламъ былъ лишь частнымъ способомъ разрѣшать затрудненія: если судья не могъ самъ рѣшить дѣло, то докладывалъ объ немъ *кому хотѣлъ*, но и докладывать онъ *не былъ обязанъ*; слѣдоват. объ инстанціяхъ, установленныхъ законами, не было еще понятія; наконецъ самыя преступленія были предметомъ суда лишь какъ право кормленщиковъ на извѣстныя пени. О другихъ отрасляхъ княжескаго управленія въ удѣльный періодъ авторъ не упоминаетъ вовсе, вѣроятно на томъ основаніи, что если даже судъ имѣлъ указанное имъ значеніе, то тѣмъ менѣе можно говорить обо всѣхъ прочихъ распоряженіяхъ князя-вотчинника съ общественной или государственной точки зрѣнія; лишь о полиціи онъ замѣчаетъ, что она можетъ существовать только при развитой общественной формѣ, въ которой преобладаетъ начало государственное, и потому въ удѣльный період на полицейскія учрежденія едва есть слабые намеки. Что касается до другой формы общественнаго быта въ древней Россіи, то въ областяхъ Новгородскихъ, составлявшихъ вотчину Великаго Новгорода, замѣчается тоже: здѣсь судъ отдавался также въ

кормленіе, на откупъ, въ наслѣдственное владѣніе. Но въ самой Новгородской общинѣ онъ имѣлъ значеніе общественной должности. Преступленія разсматривались и казнились какъ нарушенія общественнаго мира; въ судахъ гражданскихъ встрѣчаются докладчики: на судѣ посадника (съ княжескимъ намѣстникомъ) и тысяцкаго судили по два боярина да по два житьихъ мужа, избираемыхъ каждымъ тяжущимся; на судѣ княжескаго тіуна судили приставы, по одному отъ каждой тяжущейся стороны, да кромѣ того у доклада были выборные отъ всѣхъ пяти концевъ, по боярину и по житьему отъ каждаго конца (стр. 25). Къ сожалѣнію этимъ единственнымъ указаніемъ на характеръ суда въ вольныхъ общинахъ древней Россіи и ограничивается авторъ, забывая о Псковѣ, гдѣ также была вольная община, равно какъ о находящихся въ источникахъ указаніяхъ на судныя права вѣчей въ тѣхъ областяхъ, гдѣ уже не было вольныхъ общинъ, но гдѣ эти права и самыя вѣчи являются остатками общинныхъ началъ, издревле жившихъ въ народѣ.

Въ выписанныхъ нами буквально выводахъ есть значительная доля истины, почему понятно, что авторъ могъ подкрѣпить ихъ выписками изъ современныхъ памятниковъ; но намъ кажется, что онъ не разсмотрѣлъ довольно внимательно правительственную дѣятельность князей, какъ вотчинниковъ, въ ихъ отдѣльныхъ областяхъ, и самихъ вольныхъ общинъ. Мы здѣсь не станемъ распространяться о той роли, какую имѣютъ у насъ князья древней Россіи какъ лица, связывавшія подвластное имъ народонаселеніе водвореніемъ въ немъ христіанской вѣры, этимъ духовнымъ, нравственнымъ началомъ единенія; не будемъ говорить объ установленіи ими стольныхъ городовъ, какъ центровъ областнаго управленія и о раздѣленіи этого управленія на станы и волости; не будемъ наконецъ указывать на дѣлавшіяся ими распоряженія исключительно ради общей пользы цѣлыхъ княженій, ибо обо всемъ этомъ не упоминаетъ авторъ; но считаемъ долгомъ разсмотрѣть его мнѣніе о судахъ въ Удѣльной Россіи. Мы думаемъ, что, опредѣляя ихъ значеніе, онъ упустилъ одну сторону, которая въ нихъ столь же очевидна, какъ и значеніе суда въ смыслѣ статьи доходной. Дѣло судьи состояло не только въ томъ, чтобы съ какого либо спора или преступленія взять извѣстную пошлину или пеню, но и въ томъ, чтобы выслушивать тяжущихся, отбирать отъ нихъ показанія и документы,

вообще приводить въ ясность ихъ спорныя отношенія и дѣлать приговоръ или *кому слѣдовало*, а отнюдь не произвольно, докладъ о произведенномъ разборѣ тяжбы; а въ дѣлахъ уголовныхъ отъ него требовалось изслѣдованія самого преступленія, взятія поличнаго, отысканія вора, и проч., почему право суда было вмѣстѣ и обязанностію того лица, кому оно жаловалось [1]). Сверхъ того издревле основаніемъ суда и подсудности служило правило, приводимое и г. Чичеринымъ, что жители *«тянутъ судомъ по землѣ и по водѣ»*, т. е. что судъ принадлежитъ тому, кто владѣетъ землей и водой, а подсудны всѣ жители, живущіе на этой землѣ. На этомъ основаніи съ жалованіемъ вотчинъ монастырямъ и духовенству вообще, а свѣтскимъ лицамъ вотчинъ и помѣстьевъ имъ давалось и право гражданскаго суда надъ поселенными на жалованной землѣ не какъ исключеніе, а какъ правило, хотя въ жалованныхъ грамотахъ о правѣ суда часто упоминалось особо, для того чтобъ уяснить какіе именно предметы суда вообще принадлежатъ привилегированнымъ лицамъ и какіе остаются за намѣстниками и волостелями [2]). За тѣмъ верховное право суда въ городахъ и селеніяхъ, не отданныхъ во владѣніе духовенству или частнымъ лицамъ, принадлежало самимъ князьямъ, которые передавали его или общимъ органамъ мѣстнаго управленія—намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тіунамъ, или отдѣльнымъ чиновникамъ и даже частнымъ лицамъ, но не только какъ доходную статью, но и какъ обязанность. Какъ доходная статья *судъ* или *правда* предоставлялась въ видѣ жалованья кормленщикамъ въ дополненіе къ ихъ денежнымъ и помѣстнымъ окладамъ для того, чтобы они могли въ военное время явиться исправными на службу; но они были обязаны выставлять въ заведенныя для того книги сколько они отъ правды получили дохода или пошлинъ. Сообразно съ этими доходами судъ отдавался на откупъ, какъ и другія статьи, притомъ не только частнымъ лицамъ, но и самимъ жителямъ извѣстнаго мѣста, и въ этомъ случаѣ князья въ видѣ откупной суммы или оброка получали непосредственно въ свою казну вознагражденіе за уступленныя ими пошлины, которыя слѣдовали ихъ чиновнику, сверхъ пошлинъ за верховный судъ, который во всякомъ случаѣ оставался за ними [3]). Что касается до обязанности кормленщиковъ относительно суда, то изъ дошедшихъ до насъ судныхъ дѣлъ изъ Удѣльнаго періода ясно видно, что они

были обязаны по тяжебнымъ дѣламъ, а тѣмъ болѣе о преступленіяхъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію ихъ, дѣлать *докладъ князю* или *человѣку старѣйшему* (и именно такому, кто былъ для этого назначенъ самимъ княземъ) даже безъ представленія своего мнѣнія о томъ какъ слѣдуетъ рѣшить тяжбу или какое наказаніе и пеню положить за преступленіе. Докладъ состоялъ въ изложеніи обстоятельствъ дѣла, означеніи показаній и документовъ, которые были представлены тяжущимися, а въ концѣ изчислялись *судные мужи*, находившіеся при такомъ разборѣ. Князь или человѣкъ старѣйшій послѣ сдѣланнаго ему доклада спрашивалъ тяжущихся: «былъ ли вамъ такой судъ», и если ему отвѣчали, «что судъ былъ, да не таковъ», то требовалъ отъ судныхъ мужей остававшихся у нихъ списковъ тому какъ производилось дѣло [1]). Понятно послѣ этого, что судъ и въ древней Россіи не былъ такимъ легкимъ и произвольнымъ предметомъ и далеко не столь доходною статьею, какъ полагаетъ г. Чичеринъ; почему мы находимъ въ такъ называемыхъ Боярскихъ книгахъ XVI вѣка указанія, что кормленщики часто отказывались отъ *правды*, тѣмъ болѣе, что получавшіеся отъ нея доходы лишали ихъ другихъ пособій отъ Правительства [2]). И такъ значеніе суда какъ доходной статьи никакъ не должно скрывать отъ насъ значеніе его какъ общественной должности, лежавшей вмѣстѣ съ тѣмъ на кормленщикѣ, которая могла даже, въ случаѣ злоупотребленій, подвергать его наказанію со стороны князя, какъ говоритъ о томъ и г. Чичеринъ. Особенно же такое значеніе суда въ древней Россіи раскрывается въ отношеніи къ преступленіямъ. Князья обыкновенно не отдавали ихъ въ вѣдомство ни духовнымъ властямъ, ни частнымъ лицамъ, ни на откупъ, а поручали своимъ намѣстникамъ вмѣстѣ съ другими предметами управленія; отсюда ясно, что они отличали ихъ не какъ статьи особенно доходныя, а какъ дѣла особенной важности, которыя должны разсматриваться лицами, заслуживающими особаго довѣрія; этимъ довѣріемъ опредѣлялись и самыя исключенія, допускавшіяся иногда изъ общаго правила объ изъятіи дѣлъ уголовныхъ изъ вѣдомства лицъ, получавшихъ вмѣстѣ съ жалованными грамотами на землю и право суда въ отношеніи къ ея жителямъ.

Г. Чичеринъ не различаетъ право гражданскаго суда, принадлежавшее духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ, отъ того же права, при-

надлежавшаго съ одной стороны княжескимъ кормленщикамъ, а съ другой—городовымъ и сельскимъ общинамъ; но намъ кажется, что въ томъ и другомъ правѣ есть различіе, на которомъ изслѣдователь долженъ непремѣнно остановиться. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ духовенство въ своихъ вотчинахъ, такъ и свѣтскія лица въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ имѣли право не только произносить судныя рѣшенія, но и дѣлать окончательные приговоры въ гражданскихъ тяжебныхъ дѣлахъ, возникавшихъ между жителями, поселенными на принадлежавшей имъ или на владѣемой ими землѣ; только въ случаѣ жалобъ на самого владѣльца, и конечно со стороны лицъ, отъ него независѣвшихъ, назначалось кому судить его—намѣстнику, князю или духовной власти. Слѣдуетъ также замѣтить, что владѣльцы, какъ судьи въ своихъ судахъ могли такъ называемыхъ судныхъ мужей имѣть и не имѣть. Напротивъ того многіе кормленщики не только не пользовались правомъ дѣлать окончательный приговоръ по тяжебному дѣлу, но даже не были судьями въ собственномъ смыслѣ, ибо обязаны были дѣлать докладъ старѣйшему лицу и только по произнесеніи этимъ послѣднимъ приговора приводили его въ исполненіе. Самый разборъ дѣла производился ими въ присутствіи судныхъ мужей [6]). Что касается наконецъ до общинъ, откупавшихъ себѣ у князей право суда, то онѣ судились такъ называемыми *излюбленными людьми*—судейками или старостами и цѣловальниками, изъ числа коихъ одинъ былъ собственно судьей, а прочіе судными или сидячими мужами, такъ что они могли не только произносить по судному дѣлу приговоръ, но и рѣшить дѣло окончательно, если не было повода къ жалобѣ на это рѣшеніе князю или человѣку старѣйшему; но въ такомъ случаѣ судейки представляли высшему судьѣ не докладъ, а рѣшенное ими дѣло [7]).

Сдѣланныя нами указанія на значеніе суда въ Удѣльной Россіи даютъ намъ право вывести заключеніе, что если г. Чичеринъ и имѣетъ основаніе видѣть здѣсь слѣды господства частнаго права, коихъ дѣйствительно нельзя отрицать, ибо они слишкомъ очевидны, то тѣмъ не менѣе имъ оставлена безъ вниманія та сторона въ древнихъ судахъ, которая заставляетъ смотрѣть на нихъ и какъ на общественное учрежденіе, соединенное съ пользою самихъ лицъ, подчиненныхъ тѣмъ или другимъ судебнымъ органамъ. Мы думаемъ также, что отчасти этотъ взглядъ на нихъ (а не одни злоупотребле-

нія кормленщиковъ, какъ полагаетъ, кажется, г. Чичеринъ) послужилъ поводомъ къ признанію Іоанномъ Грознымъ судныхъ правъ за тѣми общинами, которыя прежде подчинены были волостелямъ и намѣстникамъ. Съ этой точки зрѣнія мы опять въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходимся съ выводами автора относительно развитія общественнаго быта Россіи со временъ Іоанна III. Разсмотримъ эти выводы, дополняя ихъ нашими замѣчаніями.

Созданіе государственнаго единства, говоритъ г. Чичеринъ, превратило частное княжеское хозяйство въ государственное. Поэтому Московскіе Государи прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія, и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій (стр. 37). Все это должно было избавить подсудныхъ жителей отъ произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Самая судебная власть кормленщиковъ была ограничена. Но важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ суды старостъ и цѣловальниковъ. Въ первый разъ въ Бѣлозерской грамотѣ 1488 года запрещено намѣстникамъ и ихъ тіунамъ судить безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей; въ Судебникѣ Іоанна III это подтверждается, а въ Судебникѣ Іоанна IV возводится въ общее правило, чтобы тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было старостъ и цѣловальниковъ, они были вновь избраны. Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, хотя понятые (свидѣтели) при судѣ были и прежде, но лишь при Грозномъ, съ учрежденіемъ вмѣсто сотскихъ и добрыхъ людей старостъ и цѣловальниковъ, они превратились въ постоянную, выборную, присяжную должность; кромѣ принадлежавшаго имъ права сидѣть въ судѣ, какъ свидѣтелямъ, имъ поручены и другія обязанности: если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали кого нибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣза, не явивъ въ городѣ городовому прикащику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникамъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиненнаго и взять безчестіе на томъ, кто его сковалъ (стр. 40). Къ этому преимуществу, данному общинамъ, присоединилась еще уголовная власть, полученная ими относительно воровъ и разбойниковъ. Такъ окончательно судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей и

поручена управленію выборныхъ. Наконецъ около 1555 г. отставлены были вовсе намѣстники, волостели и праветчики, а для суда и сбора доходовъ учреждены излюбленные старосты. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Для огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у излюбленныхъ старостъ, также какъ и у кормленщиковъ, должны были сидѣть на судѣ выборные лучшіе люди и цѣловальники. Съ другой стороны увеличена и отвѣтственность судей, а за безпорочное отправленіе должности обѣщаны льготы и награды (стр. 45). Кромѣ судебнаго и полицейскаго управленія выборнымъ людямъ дано обширное участіе въ финансовыхъ дѣлахъ. Ко всякимъ сборамъ выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей: какъ скоро являлась новая потребность, требовались новые цѣловальники. Это была служба тѣмъ болѣе тягостная, что съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы. Отсюда видно, что такая система не была управленіемъ общины собственными дѣлами, а выборомъ людей «къ государеву дѣлу» на царскую службу. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ авторъ выводитъ заключеніе, что общинное начало было *созданіемъ Московскихъ Государей*, хотя дѣятельность общинъ была вызвана не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ обязательная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Но для распоряженій со стороны государства излюбленные старосты и цѣловальники признаны недостаточными. Для этой цѣли назначены были правительствомъ дьяки и городовые прикащики. Такимъ образомъ въ эпоху Грознаго относительно управленія вообще и суда въ особенности въ одно и тоже время дѣйствовали различные элементы областнаго управленія—кормленщики, общины и приказные люди, которые существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ разныхъ отношеніяхъ. Но съ большимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными: явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточными силами, сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представительницею Правительства въ областяхъ. Такая власть была установлена въ воеводахъ. Начало ихъ относится ко времени Грознаго; въ Смутный Періодъ они являются почти

во всѣхъ городахъ, а со времени Михаила Θедоровича составляютъ общее учрежденіе для всей Россіи. Установленіе воеводъ было усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи; съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ приказные люди превратились въ ихъ товарищей или подчиненныхъ; намѣстники изчезли; общинное начало стѣснено и судъ отъ выборныхъ общинъ перешелъ къ воеводамъ, такъ что послѣ 1613 г. цѣловальники были отмѣнены и воеводы стали судить одни; но выборное начало продолжало существовать для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины какъ повинность (стр. 46—55).

Во главѣ всѣхъ выписанныхъ нами данныхъ и выводовъ г. Чичеринъ ставитъ, какъ мы видѣли, общее начало, что со времени утвержденія въ Россіи государственнаго единства самое управленіе начинаетъ принимать государственный характеръ. Мы совершенно согласны въ томъ, что соединеніе въ однихъ рукахъ различныхъ областей древней Руси послужило исходною точкою для установленія единообразнаго ими управленія; но не думаемъ, чтобы по этой причинѣ правительственная дѣятельность каждаго изъ удѣльныхъ князей въ его области и относительно другихъ княженій могла быть названа частною какъ князя-вотчинника, тѣмъ-болѣе, что въ мѣстныхъ распоряженіяхъ нѣкоторыхъ князей рѣшительно замѣчаются тѣ самыя формы управленія, которыя г. Чичеринъ со временъ Іоанна III самъ называетъ государственными. Такъ именно относительно общиннаго начала, которое онъ считаетъ созданіемъ Московскихъ Государей, есть несомнѣнныя свидѣтельства въ памятникахъ не только рукописныхъ, но и печатныхъ, что общины съ тѣмъ же характеромъ, какой открываетъ въ нихъ авторъ при Іоаннѣ Грозномъ, и съ тѣми самыми выборными лицами, коихъ учрежденіе приписывается этому послѣднему, существовали еще и въ такъ называемый Удѣльный періодъ [8]. Безспорно, что изъ эпохи Грознаго до насъ дошло болѣе уставныхъ грамотъ, данныхъ общинамъ, чѣмъ изъ предыдущаго времени; но самая выдача такихъ грамотъ свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, что онѣ жаловались общинамъ какъ исключеніе и что если Царь и имѣлъ намѣреніе отмѣнить всюду намѣстниковъ и волостелей, тѣмъ не менѣе это не было приведено въ исполненіе и на фактѣ учрежденіе излюбленныхъ старостъ, какъ органовъ судопроизводства, и при немъ не

было вовсе общимъ для всей Россіи, съ чѣмъ согласенъ и самъ г. Чичеринъ. По вопреки автору мы можемъ сказать еще болѣе: съ 1613 года право судной власти не только не перешло окончательно, какъ онъ полагаетъ, отъ земскихъ судеекъ къ воеводамъ, а напротивъ того множество черносошныхъ волостей и даже цѣлыхъ округовъ съ такими волостями, притомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но преимущественно въ такъ-называемыхъ поморскихъ городахъ и ихъ уѣздахъ, не только получили подтвержденіе на прежде выданныя имъ грамоты съ такимъ правомъ, но даже вновь изъяты изъ вѣдомства намѣстниковъ и воеводъ и пооброчены въ замѣнъ предоставленной имъ судной власти, въ слѣдствіе чего до насъ дошло множество актовъ, начиная отъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка до самаго начала XVIII столѣтія, гдѣ выборное и судное начала общинъ являются во всемъ ихъ развитіи, такъ что изслѣдователямъ представляется полная возможность на основаніи ихъ изучить значеніе общинъ древней Россіи во всѣхъ подробностяхъ ихъ внутренняго быта. Въ этихъ актахъ, къ сожалѣнію еще ненапечатанныхъ, особенно важны для настоящей цѣли выборы земскихъ судеекъ не только къ гражданскимъ, но и къ уголовнымъ дѣламъ, далѣе ихъ судебные приговоры и наконецъ указанія на отношеніе ихъ къ высшимъ органамъ судопроизводства *). Отсюда мы заключаемъ, что во первыхъ общинное начало съ характеромъ, какой приписываетъ ему авторъ, какъ созданному Іоанномъ Грознымъ, существовало и притомъ проявлялось въ положительной дѣятельности самихъ общинъ еще въ періодъ удѣловъ; что, во вторыхъ, Грозный могъ дѣйствительно дать ему болѣе обширный кругъ дѣйствія и болѣе сознательное значеніе; но что во второй половинѣ XVII вѣка общины получили на фактѣ еще большее развитіе. Но съ такой точки зрѣнія въ общинномъ началѣ нельзя видѣть особенно яркаго указанія на развитіе государственнаго быта въ противуположность вотчинному. Дѣло въ томъ, что со времени утвержденія въ Россіи единовластія мы замѣчаемъ не увеличеніе въ ней числа общинъ, а постоянное ихъ уменьшеніе въ слѣдствіе причинъ весьма естественныхъ и всѣмъ извѣстныхъ. Именно въ городахъ и уѣздахъ средней Россіи мы видимъ въ XVI и XVII вѣкѣ постоянно изъ году въ годъ продолжающееся сокращеніе такъ-называемыхъ *черныхъ волостей*, подъ коими и слѣдуетъ въ

особенности разумѣть общины. Нѣкоторыя изъ нихъ отданы были духовенству, другія Іоанномъ III и его преемниками розданы служилымъ людямъ въ вотчины и помѣстья, нѣкоторыя запустѣли, а нѣкоторыя наконецъ обращены въ дворцовыя селенія, такъ что подъ конецъ XVIII вѣка по самому названію черносошныя волости смѣшиваются съ дворцовыми, что указываетъ на отождествленіе и самаго ихъ управленія. Въ степныхъ областяхъ, присоединенныхъ вновь къ государству, казенныя селенія получили новое устройство, отличное отъ устройства черныхъ волостей. За тѣмъ значительное количество этихъ послѣднихъ осталось лишь въ такъ-называемыхъ Поморскихъ уѣздахъ и здѣсь то мы видимъ преобладаніе общиннаго начала въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ желалъ бы признать его общимъ для всей Россіи при Іоаннѣ Грозномъ. Гораздо важнѣе для указанія на развитіе государственнаго начала со времени Іоанна III было бы, по нашему мнѣнію, выяснить служебную и другія повинности не однихъ сельскихъ черносошныхъ общинъ, но вообще жителей всѣхъ сословій, къ коимъ эти общины относятся лишь какъ часть весьма незначительная, и тѣ общія мѣры, какія стало вновь принимать правительство для управленія цѣлымъ государствомъ сообразно съ развивавшимися вновь потребностями. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ централизація, установленная учрежденіемъ сначала Четвертей, потомъ Приказовъ въ Москвѣ для завѣдыванія различными княжествами и царствами, слившимися въ одно цѣлое. Въ этомъ отношеніи авторъ справедливо указываетъ на значеніе воеводъ и ихъ власти; но намъ кажется излишнимъ выставленное имъ въ особенности значеніе дьяковъ и городовыхъ начальниковъ, какъ приказныхъ людей, въ противоположность кормленщикамъ и общинамъ. Такіе приказные люди существовали независимо отъ намѣстниковъ и до Іоанна III, а независимо отъ воеводъ встрѣчаются и въ XVII вѣкѣ.

Сдѣланныя нами возраженія противъ выводовъ г. Чичерина даютъ намъ возможность представить нѣсколько замѣчаній касательно сравненія его общественной жизни въ древней Россіи съ бытомъ средневѣковыхъ Европейскихъ государствъ на западѣ. Во первыхъ онъ сопоставляетъ Русскую вотчинную систему системѣ феодальной, но въ судебномъ устройствѣ удѣльныхъ княжествъ и феодальныхъ владѣній находитъ два важныхъ различія: 1) кормленіе, говоритъ онъ,

было почти всегда временнымъ, ленное владѣніе напротивъ того потомственнымъ. По право леннаго суда слѣдуетъ сравнивать не съ правомъ кормленщика, какъ временнаго лишь представителя верховной власти, а съ правомъ вотчинника или помѣщика, которымъ право суда принадлежало также потомственно вмѣстѣ съ правомъ на землю. 2) Преобладаніе союзнаго начала на западѣ произвело, по мнѣнію г. Чичерина, такое явленіе, котораго не было въ вотчинной Россіи—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. Изъ сказаннаго выше напротивъ того слѣдуетъ заключить, что и у насъ общинное начало, какъ оно существовало издревле до позднѣйшаго времени, предполагало всегда въ судахъ общинныхъ присутствіе *судныхъ* или *сидячихъ* мужей, подъ названіемъ старостъ, сотскихъ, цѣловальниковъ, и проч. Несправедливо далѣе положеніе автора, будто право вотчиннаго суда давалось у насъ вотчинникамъ какъ особенная милость, иначе же крестьяне подлежали суду княжескихъ кормленщиковъ, ибо это можетъ быть признано болѣе или менѣе справедливымъ только въ отношеніи къ дѣламъ между крестьянами двухъ разныхъ вотчинниковъ, но и въ отношеніи къ нимъ мы знаемъ, что они обыкновенно рѣшались смѣстнымъ или общимъ судомъ владѣльцевъ, коимъ принадлежали крестьяне. Дѣла же спорныя между крестьянами одного и того же вотчинника или помѣщика не только въ древней Россіи подлежали, какъ мы видѣли выше, суду этихъ послѣднихъ, но и въ настоящее время рѣшаются еще самими владѣльцами или ихъ прикащиками. Что касается наконецъ до выводовъ автора о Русской общинѣ сравнительно съ западными, то едвали слѣдуетъ, какъ онъ это дѣлаетъ, общины Удѣльнаго періода, называемыя имъ остатками патріархальнаго быта племенъ, противопоставлять, относительно основнаго ихъ начала, общинамъ Новгородской и Псковской, а съ другой стороны, имѣя въ виду одни акты, относящіеся къ Новгородскимъ и Поморскимъ областямъ, принимать за правило, что въ черносошныхъ волостяхъ каждый членъ общины владѣлъ участкомъ общественной земли какъ своею частною собственностію, независимо отъ другихъ, и во всякомъ случаѣ несправедливо мнѣніе, что въ Швейцарскихъ кантонахъ общины, въ противоположность Русскимъ, имѣли свои земли, принадлежавшія имъ въ собственность, свои дѣла, своихъ правителей, свой судъ: все это было принадлеж-

ностью и нашихъ общинъ съ тою только разницею, что онѣ подчинялись въ отношеніи ко всѣмъ этимъ правамъ власти высшаго правительства [10]). Но вообще Русскія общины и сословія въ періодъ до Петра Великаго не должно, думаемъ мы, разсматривать съ той же точки зрѣнія, какъ разсматриваются общины и сословія средневѣковыхъ западныхъ государствъ: здѣсь общины и сословія сливаются въ одно, между тѣмъ какъ у насъ они лишь случайно совпадаютъ въ общинахъ городскихъ и сельскихъ. Мы не можемъ также не замѣтить автору зачѣмъ онъ, сознавая ясно, что правительственная дѣятельность учредила у насъ то, что на западѣ образовалось въ слѣдствіе господства союзнаго духа, и что начало произвола, которое онъ называетъ началомъ личности, исчезло въ общественной жизни подъ вліяніемъ этого духа, тѣмъ не менѣе у насъ до самыхъ временъ Іоанна III оставляетъ безъ вниманія правительственную дѣятельность князей Удѣльнаго періода, между тѣмъ какъ, на основаніи означеннаго сознанія, за развитіемъ государственнаго начала съ древнѣйшихъ временъ Русскій историкъ обязанъ столько же слѣдить, сколько западные изслѣдователи занимались и продолжаютъ заниматься средневѣковыми городовыми союзами.

За введеніемъ въ разбираемой нами книгѣ слѣдуетъ разсмотрѣніе самыхъ областныхъ учрежденій въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Областное дѣленіе. 2) Воеводы и приказные люди: ихъ значеніе, предметы вѣдомства, степень власти и дѣлопроизводство. 3) Должностныя лица, подчиненныя воеводамъ: головы: письменные, осадные, засѣчные, стрѣлецкіе, казачьи, пушкарскіе, объѣзжіе, житничные и приказщики: городовые, засѣчные, ямскіе, становые, слободскіе, острожные, соляныхъ дѣлъ, городничіе и слободчики. 4) Должности выборныя: таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, губные старосты и цѣловальники, земскіе старосты и цѣловальники; ихъ выборы, взаимныя отношенія, предметы вѣдомства, дѣлопроизводство, отвѣтственность. Относительно всѣхъ этихъ отдѣловъ, мы обязаны предварительно замѣтить вообще, что изслѣдованіями, сюда принадлежащими, г. Чичеринъ оказалъ чрезвычайно важную услугу всѣмъ занимающимся Исторіей Русскаго законодательства. Источники, принятые имъ во вниманіе, разсмотрѣны не только съ величайшимъ трудолюбіемъ, но и съ примѣрною добросовѣстностью, такъ что

одни даже фактическія и хронологическія указанія, разсѣянныя въ настоящемъ сочиненіи, представляютъ самый богатый и притомъ самый надежный матеріалъ для всякаго изслѣдователя, который захотѣлъ бы заняться тѣмъ же предметомъ. До какой степени книга обильна фактическими свѣдѣніями и какъ подробно въ ней исчерпаны предметы, подлежавшіе изслѣдованіямъ автора, можно судить даже по ея объему, ибо, за исключеніемъ введенія, напечатаннаго на 37 страницахъ, она заключаетъ въ себѣ до 600 страницъ. Самыя ссылки на источники сдѣланы вездѣ такъ исправно, что при свѣркѣ большей части цитатовъ съ самими матеріалами мы встрѣтили только одинъ, приведенный невѣрно. Къ сожалѣнію изъ источниковъ, которые слѣдовало принять въ руководство, авторъ ограничился: Полнымъ Собраніемъ законовъ, Актами, изданными Археографической Коммисіей, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, Актами города Шуи и Актами Воронежскими; почему кое что сказанное въ настоящемъ сочиненіи можно бы дополнить на основаніи другихъ матеріаловъ. Также можно замѣтить, что напрасно авторъ не обратилъ никакого вниманія на прежнія сочиненія, относящіяся къ тѣмъ же предметамъ, которымъ онъ посвятилъ свои занятія, тѣмъ болѣе что ихъ немного и что здѣсь онъ нашелъ бы нѣкоторыя мысли и указанія, не совсѣмъ безполезныя для большей полноты изслѣдованія. Но самый важный недостатокъ второй половины книги, посвященной исключительно областнымъ учрежденіямъ, заключается въ упущеніи г. Чичеринымъ изъ виду тѣхъ Приказовъ, которые отнюдь не могутъ быть признаны центральными учрежденіями, каковы напримѣръ: Приказы Устюжскій, Костромскій, Галичскій, Дмитровскій и вообще всѣ Приказы, завѣдывавшіе лишь одною или нѣсколькими областями, состоявшими часто изъ прежнихъ особыхъ княженій. Даже, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы указать и на центральные Приказы, въ коихъ завѣдывались въ особенности нѣкоторые города съ ихъ уѣздами, какъ то: Приказъ Посольскій, Приказъ Новой Четверти, и пр. Притомъ хотя въ источникахъ и встрѣчаются указанія на перемѣщеніе нѣкоторыхъ городовъ изъ вѣдомства однихъ Приказовъ въ другіе, все же можно было бы съ бо̀льшею или меньшею точностію изчислить какіе города съ ихъ уѣздами завѣдывались тѣмъ или другимъ Приказомъ, а

это самое способствовало бы къ указанію раздѣленія Россіи на большія области, называвшіяся *землями*, которое также упущено г. Чичеринымъ, но которое имѣетъ свою важность, какъ увидимъ ниже. Кромѣ Приказовъ не замѣчены еще нѣкоторые другіе органы областнаго управленія, которые хотя имѣли гораздо меньшее значеніе, но все же, какъ встрѣчающіеся въ источникахъ, не должны быть исключаемы изъ сочиненія, посвященнаго спеціальному обозрѣнію областныхъ учрежденій вообще, каковы, напримѣръ, пятенщики, уѣздные приставы и стряпчіе, вотчинные прикащики и старосты, посельскіе, и другіе. Наконецъ намъ сдается, что чрезвычайно тяжелый упрекъ въ неопредѣленности, запутанности и неясности, который дѣлаетъ авторъ нашимъ древнимъ учрежденіямъ относительно ихъ значенія, предметовъ вѣдомства и дѣлопроизводства, могъ бы быть отчасти смягченъ отысканіемъ нѣкоторыхъ менѣе общихъ основаній, чѣмъ тѣ, какія принимаетъ г. Чичеринъ для отдѣленія другъ отъ друга различныхъ органовъ управленія; тогда съ одной стороны множество исключеній, приводимыхъ имъ какъ слѣдствіе неясности правительственныхъ началъ, быть можетъ оказались бы не исключеніями, а съ другой стороны самое изложеніе его выиграло бы въ ясности и стройности. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что еслибъ авторъ, остановившись на предметахъ вѣдомства воеводъ, постарался бы на основаніи воеводскихъ наказовъ опредѣлить тѣ изъ нихъ, какіе были постоянно въ ихъ рукахъ въ отличіе отъ тѣхъ занятій, которыя лишь временно поручались имъ особыми грамотами, то чрезъ это самое уяснились бы не только настоящія обязанности самихъ воеводъ, но и отношенія ихъ къ другимъ органамъ, имѣвшимъ менѣе обширный кругъ дѣйствія. Такое же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано въ примѣненіи къ губнымъ цѣловальникамъ, которымъ, какъ увидимъ ниже, авторъ даетъ слишкомъ обширное значеніе какъ цѣловальникамъ губныхъ старостъ цѣлыхъ уѣздовъ.

Разсмотримъ теперь въ отдѣльности приведенные выше предметы и названія, относящіяся до областныхъ учрежденій; но при этомъ примемъ за правило указывать только на недостатки, замѣчаемые нами въ изслѣдованіяхъ автора.

Первая статья представляетъ областное дѣленіе древней Россіи, начало котораго самъ г. Чичеринъ отыскиваетъ въ Удѣльномъ пе-

ріодѣ и даже отчасти въ патріархальномъ бытѣ самихъ общинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководствуясь для своей цѣли преимущественно источниками XVII вѣка. Прежде всего говорится о раздѣленіи Государства на уѣзды, причемъ мы встрѣчаемъ мнѣніе будто въ Вятскомъ уѣздѣ было пять городовъ, которые всѣ находились въ управленіи одного воеводы. Не знаемъ на какихъ источникахъ основывается въ настоящемъ случаѣ авторъ, но въ извѣстныхъ намъ актахъ XVII вѣка мы находимъ названіе Вятскаго уѣзда въ значеніи Вятской земли, которая въ нихъ же упоминается, при чемъ говорится и объ отдѣльныхъ уѣздахъ городовъ Вятскихъ, такъ что всѣ они вмѣстѣ и составляли Вятскую землю, раздѣленную на города, имѣвшіе каждый свое управленіе [11]). Настоящее замѣчаніе даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ указать на опущенное г. Чичеринымъ древнѣйшее дѣленіе территоріи, вошедшей въ составъ древней Россіи, на такъ называемыя *земли*. На это дѣленіе весьма основательно было обращено вниманіе ученыхъ г. Тюринымъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи подъ названіемъ: «Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси», и мы очень жалѣемъ, что указаніе г. Тюрина до сихъ поръ не получило еще ближайшаго примѣненія въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ здѣсь, что встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ названія: земля Кіевская, земля Новгородская, земля Псковская, Сѣверская, Полоцкая и другія, и повторяющіяся въ Удѣльный періодъ съ названіями: Княжество Кіевское, Черниговское, и другія связываются тѣснѣйшимъ образомъ съ названіями *земель*, упоминаемыхъ въ оффиціяльныхъ источникахъ XVII вѣка. Кромѣ Вятской земли, въ нихъ встрѣчаются названія: 1) *Двинская земля*, состоявшая изъ пяти городовъ, къ коимъ сверхъ того присоединялись Кевроль и Мезень. Объ этихъ послѣднихъ говорится, что они съ Двиною *земля одна изстари* и что при Грозномъ жители ихъ вмѣстѣ съ жителями другихъ пяти городовъ строили Архангельскъ. 2) *Важская земля*, которую составляли станы: Шенкурскій, Подвинскій, Ровдинскій, Вельскій, Верховажскій, Ледцкій, Паденга, Кокшенга, Слобода Великая [12]). 3) *Псковская земля*, къ коей принадлежали пригороды: Выборскій, Дубковскій, Вышегородскій, Опочецкій, Велейскій, Воронецкій, Вревскій, Володимерскій, Гдовскій, Кобыльскій, Изборскій, Островскій. Всѣ эти пригороды имѣли свои уѣзды, которые

издревле раздѣлялись на *губы*—дѣленіе, уцѣлѣвшее и въ XVII вѣкѣ [13]). 4) *Рязанская*, въ которой къ *Переславлю* были приписаны *Зарайскъ*, *Пронскъ* и *Михайловъ* [14]). 5) *Сольками́ская*, какъ одна земля съ *Чердынью* и *Кайгородомъ*, считалась съ ними на всеуѣздныхъ сходкахъ въ всеуѣздной земской избѣ посадскихъ и земскихъ старостъ относительно ихъ общихъ расходовъ по отправленію разныхъ повинностей [15]). Наконецъ 6) *Сольвычегодскъ* составлялъ такое же цѣлое съ *Вымью*, *Устьсысольскомъ*, *Еренскомъ* и *Ужгою* (Ужгинскою волостью) [16]). Вѣроятно по этимъ примѣрамъ въ половинѣ XVII вѣка, при строеніи новыхъ городовъ на пограничныхъ мѣстахъ, ихъ приписывали къ главнымъ пунктамъ или городамъ, отъ которыхъ они и получали общія названія. Такъ Бѣлгородъ имѣлъ свои пригороды, такъ точно какъ такіе же пригороды причислены были къ Козлову, Казани, Симбирску. Эти пригороды назывались: Бѣлгородскіе, Козловскіе, Казанскіе, Симбирскіе [17]). Самъ г. Чичеринъ помѣстилъ въ своей книгѣ любопытное извѣстіе, что въ 1692 г. къ Ярославлю были приписаны Переяславль и Ростовъ. Съ указаніемъ остатковъ, уцѣлѣвшихъ въ XVII вѣкѣ отъ древняго дѣленія на земли и слѣдовъ его вліянія на соединеніе вновь въ одно цѣлое отдѣльныхъ городовъ, не безполезно вспомнить и о дѣленіи Россіи при Іоаннахъ на Части, перешедшемъ въ новое болѣе дробное дѣленіе на основаніи вѣдомства Приказовъ. Замѣтимъ еще, что въ актахъ, относящихся къ Казанскому уѣзду, встрѣчается дѣленіе его на *дороги*—названіе, напоминающее о Татарскихъ чиновникахъ, носившихъ имя *дорогъ*, о которыхъ говорится въ ярлыкахъ, данныхъ Ханами Золотой Орды Русскому духовенству; а въ писцовыхъ книгахъ Нижегородскихъ и другихъ актахъ встрѣчаются *ключи* также въ значеніи поземельныхъ округовъ [18]). Обо всѣхъ этихъ названіяхъ г. Чичеринъ не говоритъ ничего.

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Воеводы главныхъ городовъ» слѣдующія неточности и невѣрности должны быть замѣчены. *Подписными* челобитными назывались вообще челобитныя, на оборотѣ коихъ записаны были рѣшенія, на нихъ сдѣланныя; въ отношеніи же къ лицамъ, просившимъ челобитными о мѣстѣ воеводы, очевидно, что подпись заключалась въ рѣшеніи Царя о томъ, чтобы дать челобитчику просимое мѣсто; слѣдовательно такая подпись не была свидѣтель-

ствомъ, какъ думаетъ г. Чичеринъ, что проситель находился не у дѣлъ (стр. 83). Говоря о наказахъ, какіе давались воеводамъ при отправленіи ихъ къ должности, г. Чичеринъ замѣчаетъ, что не было общаго законодательства относительно управленія и что все ограничивалось частными правилами, которыя предписывались отдѣльнымъ лицамъ. Но стоитъ сличить между собою многочисленные наказы, дошедшіе до насъ отъ XVII вѣка, чтобы видѣть буквальное сходство нѣкоторыхъ статей, которыя встрѣчаются не только въ разныхъ наказахъ, данныхъ въ различное время воеводамъ одного и того же города, но также въ наказахъ, относящихся и къ различнымъ городамъ. Кромѣ того наказы, вручавшіеся воеводамъ, вновь отправляемымъ на должность, обыкновенно списывались съ прежнихъ, данныхъ прежнимъ воеводамъ того же города, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя отмѣнялись вслѣдствіе какихъ либо вновь возникшихъ причинъ, почему новый наказъ служилъ лучшимъ руководствомъ тому, что изъ прежнихъ наказовъ слѣдовало исполнять и что напротивъ не должно было имѣть силы; но г. Чичеринъ тѣмъ не менѣе говоритъ, что воевода могъ руководствоваться наказами и грамотами, данными его предшественникамъ, по своему усмотрѣнію.—Невѣрно права̀, дававшіяся иногда воеводамъ въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія и къ предметамъ, принадлежавшимъ монастырямъ и церквамъ, называть духовными дѣлами, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 105 и др., ибо дѣла собственно духовныя никогда не отдавались въ завѣдываніе свѣтскимъ лицамъ.—Несправедливо замѣчено, будто въ подтвердительныхъ грамотахъ выписывались учрежденія и права̀, которыя уже потеряли свое значеніе, ибо въ такомъ случаѣ было бы безполезно переписывать грамоты на имя новыхъ Государей, что̀ дѣлалось именно съ цѣлью новаго удостовѣренія въ принадлежности извѣстныхъ правъ лицамъ, получавшимъ переписанныя вновь грамоты; это мнѣніе наше подтверждается обычною формою приписокъ Царя Ѳеодора Алексѣевича на прежнихъ жалованныхъ грамотахъ, въ которой говорится, что онѣ утверждаются во всемъ за исключеніемъ тѣхъ правъ, которыя отмѣнены Уложеніемъ и новоуказными статьями [19]). Между прочимъ относительно виры за душегубство, о которой авторъ полагаетъ, что она можетъ быть не платилась болѣе общинами, а писалась только въ грамотахъ по древнему обычаю, на

основаніи дошедшихъ до насъ актовъ достовѣрно извѣстно, что еще въ 1693 году она была въ силѣ, называясь вѣрой за голову, и платилась не только общинами въ случаѣ неизвѣстности убійцы, но и самими лицами, совершившими неумышленное убійство [20]).—На стр. 176 авторъ замѣчаетъ, что новыхъ жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, отдѣльнымъ общинамъ болѣе не давалось; но выше мы уже видѣли, что со времени Царя Михаила Ѳеодоровича многія поморскія волости получили вновь право собственнаго суда.—На стр. 272 встрѣчается ошибка будто на грамотѣ, присылаемой воеводѣ изъ Приказа, годъ, мѣсяцъ и число полученія, также имя подателя означались внизу, между тѣмъ какъ слѣдовало бы сказать: на оборотѣ столбца, сложеннаго въ пакетъ.—На стр. 279 извѣтъ невѣрно названъ объявленіемъ о происшествіи, вовсе не касавшемся до лица извѣщающаго, ибо мы имѣемъ извѣты, поданные должностными и частными лицами въ огражденіе себя отъ какой либо отвѣтственности [21]).—Въ примѣненіи къ дѣлопроизводству замѣчено, что письменныя резолюціи на поступавшихъ бумагахъ (къ воеводѣ) встрѣчаются рѣдко; но слѣдуетъ, судя по дошедшимъ до насъ челобитнымъ, поданнымъ въ разныя присутственныя мѣста, сказать, что такія резолюціи дѣлались нерѣдко и, вопреки автору, не были словесныя, ибо обыкновенно актъ, по коему резолюція приводилась въ исполненіе, составлялся на основаніи челобитной, въ которой прописано было сдѣланное по ней рѣшеніе. Относительно самихъ воеводъ авторъ говоритъ, что введеніе ихъ совершенно измѣнило систему, установленную Грознымъ: правительственный элементъ получилъ въ областномъ управленіи такую силу, предъ которою земское начало и земскія власти должны были изчезнуть. Но и при Іоаннѣ Грозномъ земское начало не имѣло такого общаго значенія, чтобы оно совпадало съ правительственнымъ, а въ XVII вѣкѣ, не смотря на усиленіе правительственнаго элемента, не только продолжало существовать на фактѣ, но признавалась правительствомъ въ оффиціальныхъ его источникахъ. Вотъ почему мы полагаемъ, что авторъ не совсѣмъ основательно противополагаетъ земское начало правительственному, такъ какъ первое, въ томъ видѣ какъ оно признавалось въ древней Россіи, не исключало послѣдняго и наоборотъ. Самой характеристикѣ воеводскаго управленія, будто бы основаннаго

на правительственномъ началѣ, съ исключеніемъ земскаго, придавъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ рѣзкій оттѣнокъ, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что намѣстниковъ въ древней Россіи не слѣдуетъ вовсе признавать органами общественнаго управленія.

Въ отдѣлѣ о губныхъ старостахъ и цѣловальникахъ, не смотря на то, что авторъ ясно сознаетъ различіе, существовавшее между тѣми изъ нихъ, которые выбирались отдѣльными городовыми и волостными общинами и тѣми, которые выбирались цѣлымъ уѣздомъ, онъ тѣмъ не менѣе не пользуется этимъ различіемъ для уясненія значенія, правъ и предметовъ вѣдомства тѣхъ и другихъ въ отдѣльности; даже напротивъ того, смѣшивая ихъ между собою, говоритъ объ нихъ безразлично на основаніи относящихся къ нимъ вообще источниковъ. Такъ именно о губныхъ цѣловальникахъ онъ полагаетъ, что, судя по губнымъ грамотамъ эпохи Грознаго, слѣдуетъ заключить, что они судили и дѣлали всѣ дѣла вмѣстѣ съ губными старостами; впослѣдствіи же, съ уничтоженіемъ судебной власти земскихъ старость, была уничтожена и ихъ судебная власть. Но какъ мы знаемъ, что судная власть гражданская и уголовная, дававшаяся отдѣльнымъ общинамъ какъ привилегія, продолжалась и въ XVII вѣкѣ, то можно думать, что въ привилегированныхъ общинахъ, пользовавшихся правомъ уголовнаго суда и при воеводахъ, губные цѣловальники остались съ прежнимъ значеніемъ, и это дѣйствительно подтверждается источниками [22]). Между тѣмъ справедливо также, что вообще губные цѣловальники въ XVII вѣкѣ должны были имѣть другое значеніе, именно значеніе тюремныхъ цѣловальниковъ и даже сторожей, а мѣстами можетъ быть даже вовсе не существовали, но это потому, что учрежденіе губныхъ старость для цѣлыхъ уѣздовъ было учрежденіемъ совершенно особымъ отъ привилегіи на судъ уголовныхъ дѣлъ, данныхъ общинамъ, ибо самые губные старосты избирались въ первомъ случаѣ не изъ среды посадскихъ и крестьянъ, а изъ дворянъ и кромѣ уголовныхъ дѣлъ имъ поручалось также много другихъ, которыя исчисляетъ самъ авторъ. Имѣя это въ виду было бы не излишнимъ въ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію губныхъ старость, указать на древнѣйшіе слѣды ихъ еще въ XV вѣкѣ. Тогда, можетъ быть, открылось бы, что губное управленіе въ древней Россіи возникло не при Іоаннѣ Грозномъ, и что основаніе его лежало не въ исключитель-

ной потребности отыскивать и искоренять разбойниковъ, какъ говоритъ это авторъ на стр. 479.

Отъ губныхъ старостъ г. Чичеринъ переходитъ къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ; но въ этомъ последнемъ отдѣлѣ едва-ли не больше, чѣмъ во всемъ остальномъ сочиненіи встрѣчаются такія положенія, которыя должно принимать на вѣру, чтобы съ ними согласиться. Во-первыхъ надо замѣтить, что здѣсь говорится не о старостахъ и цѣловальникахъ сельскихъ вообще, а о тѣхъ, которые были въ городскихъ посадахъ и черносошныхъ волостяхъ. Но какъ черносошныя волости въ XVII вѣкѣ уцѣлѣли въ значительномъ количествѣ лишь въ поморскихъ уѣздахъ, то очевидно, что большая часть сказаннаго въ настоящемъ отдѣлѣ о земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ вообще должна быть отнесена къ старостамъ и цѣловальникамъ привилегированныхъ общинъ, имѣвшихъ свой судъ. Къ сожалѣнію автору не были извѣстны дошедшіе до насъ богатые матеріалы, поясняющіе бытъ поморскихъ черносошныхъ волостей, а потому, пользуясь скудными данными, найденными имъ въ печатныхъ источникахъ, и предположеніемъ, что общины уже не имѣли никакой самостоятельности въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ лежавшихъ на нихъ финансовыхъ обязанностей, онъ далеко недостаточно опредѣляетъ значеніе, права, предметы вѣдомства и дѣлопроизводство какъ самихъ общинъ, такъ и земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ органовъ этихъ общинъ. Такъ, напримѣръ, онъ самъ сознается, что для него неясно значеніе всеуѣздныхъ старостъ, такъ точно какъ неизвѣстно ему достаточно о земскихъ избахъ, о земскихъ дьякахъ, о мірскихъ лѣсахъ, и проч.; о всеуѣздныхъ избахъ даже вовсе имъ не упоминается. Но мы должны сверхъ того прибавить, что многое изъ того, что г. Чичеринъ предполагаетъ для себя яснымъ, требуетъ еще новыхъ и значительныхъ изслѣдованій. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно различныхъ его положеній. На стр. 516 и 520 онъ говоритъ, что изъ членовъ общины каждый владѣлъ своимъ участкомъ какъ потомственною собственностью. Это несомнѣнно относительно отдѣльныхъ отъ общинной земли участковъ, коими владѣли крестьяне черносошныхъ волостей въ поморскихъ уѣздахъ и въ древнихъ Новгородскихъ земляхъ; но относительно посадовъ и волостей средней Россіи я полагаю, сколь-

ко мнѣ извѣстны источники, что не только нельзя этого утверждать, но даже слѣдуетъ прежде рѣшить вопросъ: имѣли ли члены такихъ общинъ при маломъ количествѣ земли, которою могли пользоваться по причинѣ довольно значительнаго уже народонаселенія въ этихъ мѣстахъ въ XVII вѣкѣ, и при дѣлавшейся постоянно раздачѣ земли помѣщикамъ, имѣли ли они, говорю я, еще отдѣльные участки сверхъ общественныхъ земель, состоявшихъ въ пашняхъ, лугахъ и выгонахъ, о коихъ мы знаемъ достовѣрно, какъ о существовавшихъ въ общемъ владѣніи, хотя г. Чичеринъ на стр. 522 голословно это отрицаетъ. Точно также не рѣшимся мы вмѣстѣ съ авторомъ утверждать, будто бы несправедливо принятое у насъ многими изслѣдователями положеніе, что общинное владѣніе земель и ихъ передѣлъ суть древнія учрежденія, вытекающія изъ духа Славянскаго племени. Г. Чичеринъ считаетъ передѣлъ земель прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права и подушной подати, и въ извѣстной степени это вѣрно; но между тѣмъ какъ быть съ источниками, которые представляютъ примѣры существовавшаго у насъ дѣлежа общественныхъ земель между всѣми членами городской и сельской общины, а съ другой стороны весьма обыкновеннаго раздѣла даже каждаго отдѣльнаго участка, который принадлежалъ нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ? [23])—На стр. 524 авторъ говоритъ, что въ древней Россіи не дѣлалось строгаго различія между землями общинными, черными и казенными. Скажемъ откровенно, что мы не совсѣмъ понимаемъ мысль автора въ этихъ словахъ, ибо тяглая земля, принадлежавшая посадамъ и черносошнымъ волостямъ, была въ одно и тоже время и черная и казенная и общинная. Исключеніе составляли только тѣ земли, которыя, приписываясь къ волостямъ, не состояли однако въ общинномъ владѣніи ея членовъ, и потому самому онѣ носили особенное названіе *оброчныхъ* и не считались ни черными, ни общественными. На стр. 528 г. Чичеринъ утверждаетъ, что въ числѣ общинныхъ дѣлъ въ древней Россіи не было ни мірскихъ приговоровъ объ отдачѣ земель, ни рѣшеній общинъ о принятіи новыхъ членовъ, ни даже различія между казенными и общинными землями. Что касается до мірскихъ приговоровъ, то именно приговоры объ отдачѣ земель и о принятіи въ общины новыхъ членовъ встрѣчаются въ числѣ другихъ источниковъ, относящихся къ поморскимъ уѣз-

дамъ [24]); о томъ же что казенная земля въ значеніи оброчной отличалась отъ общинной, уже сказано выше. На стр. 557 авторъ замѣчаетъ о земскихъ судейкахъ, что они вѣроятно составляли родъ добровольнаго третейскаго суда для распрей черныхъ крестьянъ между собою, но что всякій могъ всегда жаловаться на противника воеводѣ, который въ такомъ случаѣ судилъ тяжущихся въ первой инстанціи. Мы можемъ противъ этого возразить, имѣя въ виду нѣсколько судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ земскими судейками, изъ коихъ видно, что даже жалобы, подававшіяся въ Приказы лицами, подчиненными судейкамъ, изъ Приказовъ были обращаемы къ нимъ для обсужденія ими, какъ первой инстанціей [25]). На стр. 564 насъ поражаетъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе, приведенное послѣ указанія на то, что въ средней Россіи въ XVII вѣкѣ черныя волости смѣшивались съ дворцовыми: «Уѣзды поморскихъ городовъ, говоритъ г. Чичеринъ, составляли особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами». Но если это такъ, то не слѣдовало особенности, замѣчаемыя въ этихъ общинахъ относительно владѣнія членовъ участками въ потомственную собственность распространять на всѣ общины посадскія и волостныя въ древней Россіи вообще, а также судныя права, принадлежавшія по преимуществу поморскимъ жителямъ, возводить въ общее учрежденіе и приписывать его Іоанну Грозному, послѣ котораго оно будто бы потеряло свое государственное значеніе. Наконецъ мы замѣтимъ только вообще, что авторъ, какъ намъ кажется, приписываетъ слишкомъ важное значеніе указу 1681 года о введеніи новой стрѣлецкой подати, говоря сверхъ того, что въ замѣнъ ея владѣльческіе крестьяне были обложены ямскими и полоняничными деньгами: для того, чтобы сдѣлать такое рѣшительное заключеніе необходимо предварительно разсмотрѣть отношеніе сбора стрѣлецкаго хлѣба, который продолжался и послѣ означеннаго указа, къ сбору стрѣлецкихъ денегъ.

За изслѣдованіемъ объ областныхъ учрежденіяхъ г. Чичеринъ предлагаетъ въ своей книгѣ заключеніе, гдѣ въ общемъ живомъ очеркѣ выставляетъ различные выводы, сдѣланные имъ въ предыдущихъ разысканіяхъ. Но среди вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній проглядываетъ всюду мрачный оттѣнокъ, приданный древнему

быту Россіи совершеннымъ отрицаніемъ въ немъ юридическихъ понятій, которыми бы опредѣлялись и разграничивались права и обязанности лицъ, и рѣшительнымъ приговоромъ о полной неопредѣленности, представляемой нашей древней администраціей. Какъ ни утѣшительно знать и вѣрить вмѣстѣ съ авторомъ, что Петръ Великій, прививъ такъ сказать нашимъ предкамъ юридическія начала Европейскихъ государствъ, призвалъ ихъ къ новой общественной жизни, съ которою мы уже сроднились и которая предвѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе обильныя послѣдствія; но тѣмъ не менѣе и по прочтеніи книги г. Чичерина мы остаемся въ искреннемъ убѣжденіи, что изъ огромной массы разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ могли бы быть выведены по крайней мѣрѣ нѣкоторые положительные результаты, которые принесли бы у насъ свою пользу не только наукѣ, но и самой практикѣ.

Н. КАЛАЧОВЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1. — До насъ дошло весьма немного правыхъ грамотъ и судныхъ дѣлъ, которыя могутъ свидѣтельствовать о порядкѣ производства суда, существовавшаго въ Удѣльный періодъ; но ими достаточно подтверждается сказанное нами касательно кормленщиковъ, какъ органовъ судебныхъ. Изъ принадлежащихъ сюда актовъ одни знакомятъ насъ съ формами суда, произведеннаго непосредственно отъ начала до конца самими князьями или верховнымъ правительствомъ: таковы три грамоты Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (княжившаго здѣсь съ 1432 по 1485 г.), напечатанныя въ Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣній о Россіи (кн. 2, полов. 1, отд VI, стр. 130 и 131) и въ Актахъ юридич. подъ № 1; одна грамота, 1483 г., Псковскаго намѣстника, князя Ярослава Васильевича, съ Псковскими посадниками и сотскими (Акт. юрид. № 2) и одна самого В. Князя Іоанна Вас. III, относящаяся къ первому или второму году вступленія его на престолъ (Акты юрид. быта древн. Россія т. 1, № 52, I). Другіе суды произведены были непосредственно отъ начала до конца лицами, которымъ это особенно было поручено «по слову» или «по грамотѣ» В. Князя: образчикъ такого суда представляетъ судъ Ивана Харламова по тяжбѣ о пахотныхъ земляхъ и пустошахъ Симонова монастыря (Акт. юрид. быта древн. Россіи т. I, № 52, II). Наконецъ большая часть судныхъ дѣлъ, сюда принадлежащихъ, состоятъ собственно изъ двухъ производствъ—предварительнаго или собранія данныхъ для суда, и самого суда или рѣшенія, изъ коихъ послѣднее произведено на основаніи перваго, представленнаго высшему судьѣ низшимъ въ видѣ доклада: таковы наприм. двѣ правыя грамоты, относящіяся къ княженію въ Костромѣ Іоанна Іоанновича, сына Іоанна III, и судное дѣло по тяжбѣ о пустоши Бортеневской (Акт. юрид. № 4 и Акты юрид. быта древн. Росс. № 52, III и 103). Послѣднее дѣло представляетъ любопытный примѣръ избранія, сдѣланнаго судьями тяжущихся сторонъ—дворецкимъ митрополичьимъ и судьею Князя Андрея

Васильевича—третейскимъ судьею В. Князя Іоанна Васильевича; за тѣмъ они довольствуются однимъ разбирательствомъ дѣла, а судъ и приговоръ дѣлаетъ В. Князь. До насъ дошли также докладные или судные списки частію въ правыхъ грамотахъ, частію отдѣльно, какъ акты самостоятельные: таковъ наприм. одинъ XV вѣка, напечатанный въ Архивѣ истор.-юрид. (кн. 2, полов. 1, отд. VI, стр. 129). — Сравнивая порядокъ и основанія какъ разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, такъ доклада и приговора, какіе находимъ въ этихъ актахъ, съ тѣмъ, что представляютъ намъ правыя грамоты и судныя дѣла позднѣйшаго времени, мы приходимъ къ заключенію, что юридическія начала и формы судопроизводства въ тѣхъ и другихъ одни и тѣже. Но какъ онѣ согласны съ постановленіями о томъ же обоихъ Судебниковъ, то отсюда слѣдуетъ, что сказанное еще въ первомъ Судебникѣ (1497 года) о докладахъ по суднымъ дѣламъ не есть нововведеніе, а только подтвержденіе того, что прежде имѣло силу на практикѣ. А въ этомъ памятникѣ, въ отношеніи къ суду, кормленщики—бояре и дѣти боярскіе—раздѣляются на два разряда: одни изъ нихъ суть намѣстники и волостели *съ судомъ боярскимъ;* другіе же намѣстники и волостели «которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда.» Первымъ принадлежитъ судъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ правомъ приговора какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ; отъ нихъ же исключительно зависитъ выдача грамотъ правыхъ, бѣглыхъ и отпускныхъ, и наказаніе преступниковъ. Вторые напротивъ того, равно какъ и тіуны тѣхъ намѣстниковъ и волостелей, которые пользовались правомъ боярскаго суда, не могли *безъ доклада* высшему судьѣ или безъ его приказанія ни выдавать кому-либо грамотъ правыхъ, бѣглыхъ и отпускныхъ, ни освобождать или наказывать подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ. Слѣдоват. за ними оставалось право первоначальнаго производства или разбора дѣла. На представленномъ ими судномъ спискѣ или докладѣ (какъ сказано въ Судебникѣ 1497 г.) дьякъ боярина или другаго лица, который произносилъ приговоръ, подписывалъ этотъ послѣдній, а самъ бояринъ прикладывалъ къ нему свою печать и приказывалъ написать правую грамоту. Хотя въ Судебникѣ и не упоминается о томъ, чтобы кормленщикамъ съ боярскимъ судомъ извѣстнаго города или волости были подчинены

кормленщики безъ боярскаго суда того же присуда или округа, такъ точно какъ имъ были подчинены ихъ тіуны; но это можно предполагать, основываясь на томъ, что истцы и отвѣтчики одного города или волости, по Судебнику же, должны были судиться намѣстникомъ того же города или волостелемъ той же волости. Кромѣ того, имѣя въ виду съ одной стороны начало мѣстничества, которымъ были проникнуты всѣ отношенія въ древней Руси, а съ другой поземельную связь, соединявшую у насъ издревле города и селенія извѣстной мѣстности въ одно цѣлое, должно съ достовѣрностью заключить, что намѣстникамъ и волостелямъ съ боярскимъ судомъ были подчинены именно тѣ кормленщики (безъ боярскаго суда), которые завѣдывали городами и селеніями въ предѣлахъ округа, гдѣ городъ или волость, порученные намѣстнику или волостелю съ означеннымъ судомъ, были главнымъ центромъ мѣстнаго управленія. Подтвержденіемъ такому заключенію служатъ также, по нашему мнѣнію, грамоты, напечатанныя подъ годами 1425, 1426, 1499, 1511—33, 1555 и 1584 г. въ Акт. Истор. т. 1 № 110, въ Доп. къ акт. истор. т. I № 215, и въ Акт. юрид. № 161. Въ нихъ говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, имѣвшихъ кормленіе, одни *съ правдою*, другіе *безъ правды*, изъ коихъ притомъ одни состояли *подъ* другими такими же намѣстниками и волостелями; въ нихъ же встрѣчаемъ указаніе тому, что и намѣстникъ или волостель «съ правдой» могъ находиться *подъ* другимъ. Что означаетъ здѣсь правда? Очевидно не судъ вообще, ибо изъ приведенныхъ грамотъ видно, что онъ предоставлялся и тому, кто получалъ кормленіе безъ правды. Слѣдовательно она значитъ судебный приговоръ или же только право кормленщика брать въ свою пользу судебныя пошлины — указаніе во всякомъ случаѣ важное. Съ своей стороны кормленщики съ боярскимъ судомъ, завися отъ Князя, поручившаго имъ судъ, могли дѣлать ему докладъ какъ въ томъ случаѣ, если почему либо не рѣшались сами произнести приговоръ или если имъ было поручено Княземъ (словесно или грамотой) сдѣлать по извѣстной тяжбѣ докладъ ему самому, такъ и въ томъ, когда подавалась ему на нихъ жалоба по дѣлу, ими разсмотрѣнному. Касательно докладнаго списка, представлявшагося В. Князю и его дѣтямъ, есть особая статья въ обоихъ Судебникахъ; примѣровъ

же перехода судныхъ дѣлъ чрезъ вторую инстанцію на рѣшеніе верховной власти мы имѣемъ довольно: древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ суть правая грамота 1485—1505, напечатанная въ Акт. юрид. подъ № 3, и два судныхъ списка 1501 года, помѣщенные въ Историческомъ Сборникѣ Московск. Общ. Ист. и древн. т. V, стр. 11—18. Два послѣдніе акта представляютъ ту особенность, что тяжбы, разсмотрѣнныя въ первой инстанціи тіунами Галичскихъ намѣстниковъ, были представлены къ докладу доводчиками этихъ тіуновъ не самимъ намѣстникамъ, отъ коихъ послѣдніе зависѣли, а человѣку старѣйшему—боярину Дмитрію Васильевичу, который самъ сдѣлалъ опять докладъ В. Князю. Основаніемъ рѣшенія этихъ дѣлъ помимо Галичскихъ намѣстниковъ, служили, какъ кажется, жалованныя грамоты, предъявленныя тяжущимися, въ которыхъ сказано, что владѣльцы спорной земли подлежатъ лишь суду В. Князя или боярина введеннаго. Все это доказываетъ, что докладъ не только не дѣлался произвольно, а напротивъ того въ большей части случаевъ былъ обязанностію судей низшей инстанціи, которые притомъ очень хорошо знали кому имъ слѣдовало дѣлать такой докладъ.

2.—Предоставленіе съ древнѣйшаго времени права гражданскаго суда монастырскимъ властямъ и вообще духовенству надъ лицами, поселенными на его землѣ, доказывается такимъ множествомъ актовъ, что нельзя не признать этого права за правило и напротивъ того за исключеніе тѣ немногія указанія, какія встрѣчаются въ памятникахъ Удѣльнаго періода о запрещеніи духовенству судить въ своихъ вотчинахъ гражданскія дѣла. Изъ актовъ послѣдняго рода можно даже заключить, что такое запрещеніе основывалось на какихъ либо особенныхъ обстоятельствахъ. Такъ наприм. въ грамотахъ Василія Вас. (1455—1462), напечатанныхъ въ Акт. Ист. т. I № 58 и въ Акт. юрид. быта древней Росс. т. I № 31, XIII, сказано что В. Князь «*велѣлъ было* намѣстникамъ и волостелямъ Галичскимъ и волостелю Радонежскому судить въ селахъ и деревняхъ Троицкаго монастыря, но опять возвращаетъ духовенству право суда, и приказываетъ игумну *судить своихъ людей по старымъ своимъ грамотамъ.*» Но и въ отношеніи къ лицамъ свѣт-

скаго званія слѣдуетъ признать тоже самое правило, ибо во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ XV и XVI вѣка, жалованныхъ свѣтскимъ владѣльцамъ на вотчинныя, помѣстныя и даже оброчныя земли, имъ предоставляется право гражданскаго, а иногда и уголовнаго суда надъ поселенными на ихъ землѣ. Таковы именно грамоты, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ подъ годами: 1362—1389, 1446, 1449, 1450, 1455, 1462—72, 1481, 1486, 1487, 1488, 1505, 1509, 1516, 1517, 1524, 1544, 1546, 1547, 1556 (см. Акт. Экспед. т. I №№ 44, 46, 120, 141, 149, 163, 215, 245, 371, 374, 379, 385, Акт. Истор. т. I, №№ 115, 180, Доп. къ акт. истор. т. I №№ 9, 36, Акт. юрид. быта Рос. т. I №№ 30, III, 31, XX, 44, I, Истор. Сборн. Моск. Общ. Ист. и др. т. V стр. 10—11 и 15—16). Даже духовенство раздавало своимъ подчиненнымъ и другимъ лицамъ помѣстья и иныя земли съ правомъ въ нихъ гражданскаго суда, какъ видно изъ документовъ, помѣщенныхъ въ Акт. Ист. т. I №№ 183, 186, 190, 196 и въ Акт. юрид. быта Рос. т. I № 44, II и III. Что наконецъ вообще это право разумѣлось само собою и въ отношеніи къ духовенству и въ отношеніи къ свѣтскимъ владѣльцамъ несомнѣнно изъ того, что въ дошедшихъ до насъ послушныхъ или ввозныхъ грамотахъ крестьянамъ обыкновенно не упоминается о томъ, что они должны подлежать суду своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ; между тѣмъ, на основаніи актовъ же, мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, извѣстныхъ намъ изъ такихъ ввозныхъ грамотъ, владѣльцы, духовные и свѣтскіе, именно пользовались надъ жителями правомъ гражданскаго суда. См. Акты Эксп. т. I № 45 и Акт. Ист. т. I №№ 180, I и II, и 182.

3.—Въ подтвержденіе того, что доходы кормленщиковъ съ разныхъ статей, которыя отдавались въ ихъ завѣдываніе, въ томъ числѣ и доходы съ суда, служили имъ замѣною или пополненіемъ жалованья, помѣстнаго и денежнаго, и что притомъ эти доходы не были вовсе неограниченны, а напротивъ записывались въ заведенныя для того книги, я прежде всего обращу вниманіе читателей на такъ называемую: «Боярскую книгу, 1556 года», хранящуюся въ Моск. Главн. Архивѣ Минист. Ин. Д. подъ № 1. Не смотря на то, что находящіяся здѣсь данныя относятся къ XVI вѣку, я думаю, что они могутъ свидѣтельствовать о такомъ же

значеніи кормленій, извѣстныхъ изъ памятниковъ XIII—XV вѣка, тѣмъ болѣе, что соединенные съ нѣкоторыми изъ нихъ доходы служилыхъ людей изчислены довольно опредѣлительно и въ этихъ послѣднихъ. На основаніи Боярской книги всѣ бояре и боярскіе дѣти дѣлились на статьи, изъ коихъ впрочемъ извѣстій о первыхъ десяти въ рукописи недостаетъ, а послѣдняя есть 25-я. Соразмѣрно статьѣ, въ которой былъ кто либо записанъ, денежный окладъ жалованья былъ различный, начиная отъ 50 рублей (по 11-й статьѣ) до 6 рублей (по 25 статьѣ). За доспѣхи, въ которыхъ бояре представляли своихъ людей, назначавшихся съ каждаго по количеству его земли, помѣстной и вотчинной, имъ выдавалось также жалованье; за недоставленіе же какихъ либо изъ доспѣховъ, изъ жалованья вычиталось по разсчету. Но самое важное для нашей цѣли въ разсматриваемой рукописи—это изчисленіе различныхъ кормленій, упоминаемыхъ какъ дополненіе къ денежнымъ и поземельнымъ окладамъ и указаніе на денежныя пособія, какія, сверхъ жалованья, получили тѣ, которые почему либо въ теченіи извѣстнаго времени не пользовались кормленіями. Встрѣчающіеся въ рукописи виды кормленій суть: *намѣстничество* и *волостельство*, *тіунство*, *мѣхъ* (Тверской, Костромской, Коломенскій, Дмитровскій, Калужскій), *писчая* (пошлина), *полавочное*, *поворотное*, *мытъ*, *мостовое*, *правда*, *чашничь путь*, *столничь путь*, *пятно*, *ясельничее*, *бражное*, *бобровое*. При многихъ изъ этихъ кормленій упомянуто сколько они кормленщикамъ принесли дохода. Напримѣръ: «Курлюкъ Өедоровъ сынъ Сумина имѣлъ съ Балахны по 25 рублевъ на годъ»; «Нелюбъ Тимоѳѣевъ сынъ Зачесломского наѣхалъ былъ на Кусь и на Нему на . . . 63 (годъ), и Кусь и Немда того же году съ Благовѣщ. дни отдана въ откупъ, а откупу съ тоѣ волости того году Петровского сроку дано ему 72 рубл. съ полтиною, а впередъ ему откупу давати не велѣно»; «Постникъ Семен. сынъ Соловцовъ имѣлъ съ чашнича пути по 18 руб.»; «Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ—*по списку къ кормленному верстанью данъ былъ ему* Кологорской станъ. . .»; «Григорій Ивановъ сынъ Заболотского Дровнинъ имѣлъ съ села съ Высокого по 18 руб. и по 30 алт. на годъ»; «Русинъ Доронинъ сынъ Кочюровъ наѣхалъ былъ на половину Нерехты на Николинъ день вешней 63 (году), и съ Семеня дни 64

Перехта дана въ откупъ, *а пошлины съ Перехты и кормовые деньги съ бѣлыхъ сохъ взялъ на весь годъ,»* и проч. Укажемъ и на примѣры неимѣвшихъ кормленья и получившихъ за то *подмогу* для службы. О Никитѣ Семеновѣ Вельяминовѣ сказано, что *кормленье за нимъ не сыскано*, но что въ 64 году ему дано *на подмогу для Казанской службы* 16 рубл. 22 алт. съ денгою; другому—Ивану Назарьеву Хлопову «по докладу бояръ Ивана Вас. Шереметева съ товарыщи по памяти съ приписью дьяка Богдана Логинова» *велено давати за кормленье* по 15 рубл.; Борисъ Ивановъ Шастинскаго—дано было ему на Костромѣ полавочное, *и онъ не бралъ*, а 64-го году *дано ему на подмогу для Казанской службы* 11 руб. 22 алт. съ денгою. Наконецъ любопытно, что многія статьи кормленья отдаваемы были *на откупъ*, почему онѣ поручались въ завѣдываніе кормленщику, когда не были въ откупномъ содержаніи; иногда же и откупная сумма отдавалась самимъ кормленщикамъ. Все это показываетъ, что доходъ по каждой статьѣ кормленья былъ хорошо извѣстенъ и Правительству и мѣстнымъ жителямъ. Подтвержденіемъ тому, что эта опредѣлительность имѣла мѣсто и въ древнѣйшее время могутъ служить, кромѣ Русской Правды и уставныхъ грамотъ, гдѣ исчисляются судныя пошлины, слѣдующія мѣста въ разныхъ актахъ. Въ посланіи къ Можайскому Князю Андрею Дмитріевичу, 1408—1409 (Акт. истор. I, № 16) Бѣлозерскій игуменъ Кириллъ совѣтуетъ ему смотрѣть, чтобы *судьи посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими.* Въ послушныхъ грамотахъ жителямъ волости Лузы и городовъ Елатмы и Кадомы, отданныхъ въ кормленіе, 1425—26 г., Ивану Протасьеву и сыну его (Акт. юрид. № 161, I) говорится: «И вы всѣ люди....чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ и *судити* и ходити *велятъ* у васъ тіуномъ своимъ, *а доходъ имать по наказному списку.»* Въ откупной грамотѣ на Обонѣжскій судъ, первой половины XV вѣка (Акт. Эксп. I, № 27) откупщики обязываются «*судъ судити и пошлины имати по старинѣ*». Въ жалован. грамотѣ на Владиміръ папу Судимонту, данной около 1499 г., ему вмѣняется въ обязанность *судить по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего.* Въ Судебникѣ Іоанна Грознаго уже ясно говорится *о книгахъ*, заведенныхъ *для записки доходовъ съ кормленья* (ст. 26). Въ грамотѣ 1555 авг. 4, по случаю назначе-

нія Өедору Крюкову въ кормленіе *ясельничаго* въ Новгородѣ, ему предписывается дать *доходной списокъ съ книгъ, почему ему кормъ и всякіе пошлины сбирати*, также какъ получали прежніе ясельничіе. Тоже самое сказано въ грамотѣ 1556 г. о ямской пошлинѣ въ Новгородѣ, данной въ кормленіе Матвѣю Хлуденеву (Доп. къ акт. ист. т. 1 №№ 53 и 105). Для образца такихъ грамотъ я приведу здѣсь въ подлинникѣ одну, сообщенную мнѣ Курмышскимъ помѣщикомъ В. В. Бобоѣдовымъ, 1550 г. дек. 26: «Се язъ Царь и В. Князь Иванъ Вас. всеа Русіи пожаловалъ есми Якуша Онтонова сына Бобоѣдова да Гаврилка Яковлева сына Бобоѣдова *полавочнымъ* въ Дмитровѣ. А брати имъ то полавочное лѣто 7000 пятдесятъ седмой годъ да пятдесятъ осмой годъ потомужъ, *какъ то полавочное брали прежніе пошлинники*. Писанъ па Москвѣ, лѣта 7050 девятого декабря 26 день.»—На счетъ отдачи суда въ *откупъ* или *оброчное содержаніе* какъ постороннимъ лицамъ, такъ и самимъ жителямъ извѣстнаго мѣста мы имѣемъ много указаній въ источникахъ, изъ коихъ приведемъ здѣсь наиболѣе ясныя и опредѣленныя. Въ грамотѣ 1434—1447 г. Кн. Дмитрій Юрьевичь приказываетъ жителямъ Угличскихъ селъ и деревень Троицкаго Сергіева монастыря, въ замѣнъ разныхъ доходовъ княжескихъ, платить ему *оброкъ* «на всяко годъ на Рожество Христово по три рубли (Акт. юрид. быта древн. Рос. 1, № 31, IV).» Въ грамотахъ В. К. Василія Вас., 1455—62 г., приведенныхъ выше въ примѣч. 2, въ замѣнъ суда, предоставленнаго Троицкому игумену, въ пользу намѣстниковъ и волостелей, лишенныхъ этого суда, назначены опредѣленные *кормы* отъ жителей. Въ жалован. грамотѣ, 1468 февр. 5, Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреев. мы находимъ любопытное указаніе на значеніе *слободъ*, какъ мѣстъ, освобожденныхъ за *оброкъ*, платившійся Князю, отъ дани и другихъ княжескихъ доходовъ въ пользу лицъ, коими слободы были созваны, устроены и управлялись. На этомъ основаніи извѣстны были не только слободы монастырскія и вообще принадлежавшія духовенству, и помѣщичьи или вотчинныхъ владѣльцевъ, но и *княжескія*, въ которыхъ *слободчикъ*, обыкновенно выбираемый самими жителями изъ своей среды, въ отношеніи суда заступалъ мѣсто намѣстника или волостеля, съ участіемъ однако на судѣ выбор-

ныхъ людей изъ среды же слободскихъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о слободахъ съ ихъ слободчиками можно найти въ уставныхъ грамотахъ 1530, 1540, 1546, и пр. (см. Акт. Ист. I, № 295, Доп. къ акт. ист. I, 26, 201 и 210, Акт. Эксп. I № 196 (II), 210, 324, 350). Въ 1552 г. марта 21 отставленъ былъ Важскій намѣстникъ съ его тіуномъ и пошлинными людьми, а жителямъ, освобожденнымъ отъ ихъ суда, «за намѣстничь и за тіуновъ кормъ и за *присудъ*, и за корчмы, и за пятно, и за праветчиковъ и за доводчиковъ поборъ...» велѣно давать въ казну «полторы тысячи рублевъ на годъ.» Въ 1555 г. авг. 15 Переславскіе рыболовы получили привилегію платить въ казну *оброкъ* «за волостелины доходы столпича пути, и *за присудъ*, и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины, опричь мыта сухаго, денгами по 27 руб. и по 20 алт. и по 5 денегъ да пошлинъ съ того оброку съ рубля по два алтына.» Въ 1556 г. въ сент. Двинскимъ намѣстникамъ и ихъ тіунамъ запрещено было Двинянъ судить и брать съ нихъ кормы и другіе доходы; въ замѣнъ того послѣдніе были пооброчены: имъ велѣно давать «съ сохи по 20 руб. въ Московское число да пошлинъ по два алт. съ рубля, опричь ямскихъ денегъ,» и проч. (Акт. Эксп. т. I. №№ 234, 242, 250). Въ смѣтномъ отчетѣ Новгородскимъ доходамъ (ркпсь въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д. Новгородскихъ книгъ № 13) 1621 года означено, что съ рядковъ Мшаги и Ужина въ числѣ оброчныхъ денегъ взяты были деньги и *за присудъ*. Въ грамотѣ 1624 г. апр. 30, впослѣдствіи подтвержденной Царемъ Θеодоромъ Алекс., данной Муромскимъ ѣзовщикамъ Дубровскаго стана въ деревняхъ Трофимовѣ, Ефановѣ и Велетмѣ, по примѣру прежнихъ грамотъ, имъ предоставлено право собственнаго суда, а «за дань и за ямскіе денги и за посошную службу....» они должны были *сидѣть* на Царскихъ ѣзахъ на рѣкахъ Окѣ и Ушнѣ и участвовать въ рыбной ловлѣ на царскій обиходъ. Въ выписи, 1678 г. мая, съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ 1675 и 76 годовъ «Переславскаго уѣзда старой Александровой дворцовой слободы», выданной старостѣ съ крестьянами этой слободы, съ нихъ положено денежныхъ доходовъ «за посошной кормъ 7 алт. съ полуденгою, за мелкой доходъ 3 руб. 5 алт. полчетверты денги.... за постельничь доходъ рубль 30 алт. да пошлинъ дворецкого и дьячь-

цихъ 10 алт. 4 де., за прикащиковъ доходъ 2 руб. 3 алт. полпяты ден.,» и проч. (см. ркпси Архива Московской Дворцовой Конторы подъ №№ 113 и 118). Въ принадлежащей мнѣ выписи изъ писцовой книги Устюжскаго уѣзда, 1686 г. генв. 12, говорится, что въ Митрополичьемъ Устюжскомъ стану получается «Государева *оброку* съ вытей и за *намѣсничь* доходъ 53 руб. 4 алт. 5 денегъ... да пошлинъ съ того оброку съ рубля по 2 алт.» Но ни въ одномъ изъ извѣстныхъ актовъ не упоминается, чтобы кто либо взносомъ оброка освобождался отъ пошлинъ за судъ самаго В. Князя или Царя, опредѣленныхъ съ точностію въ обоихъ Судебникахъ и взимавшихся въ XVII вѣкѣ въ Приказахъ.

4.—На доклады судныхъ дѣлъ Князьямъ и высшимъ сановникамъ въ Удѣльный Періодъ указано выше въ примѣч. 1. Въ актахъ, приведенныхъ въ этомъ примѣчаніи, можно также видѣть какъ формы, которыя соблюдались при такихъ докладахъ, такъ и вообще порядокъ производства судныхъ дѣлъ въ высшихъ инстанціяхъ. Здѣсь же мы постараемся подтвердить тѣсную связь, существующую, по нашему мнѣнію, между докладами и участіемъ въ судахъ такъ называемыхъ *судныхъ мужей*. Обычный вопросъ, дѣлаемый при докладахъ тяжущимся со стороны Князя или высшаго судьи, который мы находимъ во всѣхъ правыхъ грамотахъ и судныхъ дѣлахъ, начиная съ древнѣйшихъ: «былъ ли вамъ таковъ судъ, какъ писано въ семъ спискѣ», предполагаетъ, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, возможность повѣрки. Такая повѣрка производилась чрезъ допросъ судныхъ мужей и разсмотрѣніе списковъ, которые оставались въ ихъ рукахъ. Вотъ почему судные мужи записывались всегда поименно въ судныхъ спискахъ. Указанія на нихъ, какъ на *правду*, встрѣчаются не только въ Судебникахъ, но и въ дѣлахъ судныхъ. Такъ въ одномъ изъ дѣлъ 1501 г., напечатанныхъ въ Сборникѣ Моск. Общ. исторіи и древн. 1842 г., кн. V, мы читаемъ, что отвѣтчикъ сказалъ: «судъ былъ не таковъ,» и *послался съ судьями по списку на судные мужи*, и впослѣдствіи это обстоятельство послужило къ его обвиненію, такъ какъ онъ списокъ *оболживилъ*. Замѣтимъ еще двѣ уставныя грамоты, одну 1530 г. (Доп. къ акт. ист. I № 26), другую 1544 (Акт. Эксп. I № 201), въ которыхъ говорится, что судные списки къ докладу слѣдуетъ посылать по

нѣсколько вмѣстѣ, на судѣ же должны быть старосты и лутчіе люди. Точно такъ и въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 69) эти послѣдніе называются *судными мужами* и имѣютъ тоже значеніе, какъ и въ предыдущихъ актахъ.

5.—Выпишемъ, для примѣра, нѣсколько мѣстъ изъ боярской книги, упомянутой въ примѣч. 3: «Князь Петръ княжъ Борисовъ сынъ Пожарсково—дана была ему Соль большая, *и онъ не наѣзживалъ*»; «Князь Данило княжъ Ѳедоровъ сынъ Засѣкинъ Сандыревского—дана была ему половина Перехты, *и онъ не наѣзживалъ*;» «Тулупъ Левонтьевъ сынъ Лаптевъ—дана была ему Вилядь *ждати, и онъ не наѣзживалъ*;» «Ондрѣю Губину данъ былъ Орловъ на Вяткѣ, а наѣхати было ему 62-го (года), и *онъ о наѣздѣ не билъ челомъ.*» Тоже самое случалось съ другими статьями кормленій: кормленщики отказывались отъ *мѣха, полавочнаго, бражнаго,* и проч.

6.—На присутствіе судныхъ мужей въ судахъ кормленщиковъ, обязанныхъ докладывать разсмотрѣнное и подготовленное ими къ рѣшенію дѣло, мы имѣемъ ясныя указанія не только въ правыхъ грамотахъ и судныхъ дѣлахъ XV и XVI вѣка, но и въ уставныхъ грамотахъ начала XVI вѣка, изданныхъ Великими и Удѣльными Князьями (см. для примѣра жалов. грам. въ Акт. Эксп. I № 201. Ср. тамъ же №№ 142, 143 и 150). Соображая эти данныя съ сказаннымъ нами о судныхъ мужахъ въ примѣч. 4, мы полагаемъ, что постановленное о нихъ въ Бѣлозерской грамотѣ и Судебникахъ есть только утвержденіе того, что по существовавшему прежде порядку должно было вездѣ соблюдаться, но часто не соблюдалось вслѣдствіе злоупотребленій намѣстниковъ, волостелей и другихъ кормленщиковъ. Ср. Акт. Эксп. I № 196, II.

7.—Мнѣ неизвѣстны акты ранѣе XVI вѣка, которыми я могъ бы подтвердить это положеніе; но думаю, что если оно несомнѣнно для общинъ, имѣвшихъ право собственнаго суда какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ, то должно быть принято и для древнѣйшаго времени, особенно въ примѣненіи къ такъ называемымъ Княжескимъ слободамъ. См. выше примѣч. 3. Изъ актовъ XVI вѣка сюда относятся, наприм., уставныя грамоты В. Князей Василія Іоанннов., Іоанна IV и Удѣльнаго Князя Вла-

диміра Андр. (напечатан. въ Дополн. къ акт. ист. I № 26 и въ Акт. Эксп. I №№ 234, 242, 243, 250, 257). Что касается до матеріаловъ XVII вѣка, то изъ нихъ я приведу здѣсь одно судное дѣло 1635 г., окончательно рѣшенное земскимъ судейкою Ужгинской волости, и одинъ приговоръ 1671 г., сдѣланный земскимъ судейкою Лоемской волости, на основаніи котораго хотя и опредѣлено было послать судное дѣло къ докладу въ высшій судъ, но съ означеніемъ причины, *почему оно не могло быть рѣшено* самимъ судейкою съ его товарищами. Первое состоитъ въ слѣдующемъ: Ужгинецъ Семіонъ Родіоновъ жаловался на Корнила Семенова, что онъ выкосилъ и потравилъ скотомъ часть его пожни, не смотря на то, что обязался мировою записью потравы не дѣлать. При допросѣ на очной ставкѣ судейкою Поспѣломъ Васильевымъ, Корнилъ отвѣчалъ, что онъ косилъ то, что ему принадлежитъ. Тогда истецъ предъявилъ купчую на покошенное мѣсто, соглашался дать присягу, ссылался на то, что онъ о потравѣ заявилъ цѣловальнику и что у нихъ уже прежде было судное дѣло о потравѣ, которое покончено мировой. Противъ купчей отвѣтчикъ возразилъ, что она писана не на Ужгѣ. Судейка и цѣловальникъ положили сдѣлать судъ на мѣстѣ; но какъ время было уже зимнее (Юрьевъ день осенній), то съ общаго согласія рѣшили вершить судъ «когда снѣгъ съ поль розстаетъ»—въ Николинъ день весенній. Къ этому дню судейка *прибралъ себѣ въ мужи людей добрыхъ:* Демида Тихонова, Луку Иванова, Бѣляя Иванова, и спросилъ отвѣтчика *любы ли ему тѣ люди въ засѣдчики въ приговоры*. Корнилъ *ихъ полюбилъ*. За тѣмъ 9 мая «у Оѳонасья великаго *въ трапезѣ*» судейка сталъ звать Корнила на судъ; но Корнилъ при новомъ цѣловальникѣ отказался идти и не далъ по себѣ поруки. Тѣмъ не менѣе дѣло было рѣшено противъ него, такъ какъ и прежде онъ былъ признанъ виновнымъ *по жеребью* и на томъ основаніи, что онъ отказался *идти съ образомъ по межамъ*. Судное дѣло записано церковнымъ дьячкомъ и въ спискѣ, кромѣ судьи, означены земскіе цѣловальники (прежній и новый) и *мужи приговорные*, которые *сидѣли* и *дакали* у суднаго дѣла. Этотъ замѣчательный актъ хранится въ Археографич. Коммисіи. Приговоръ же, сдѣланный по судному дѣлу судейкою Лоемской волости, слѣдующій: «Де-

кабря въ 14 день выборные земской судейка прошлого 179 году Григорій Самсоновъ Василевыхъ съ товарыщи сего судного дѣла слушали, а выслушавъ приговорили сіе судное дѣло и за дѣломъ обоихъ, исца Логинка Васильева да отвѣтчика Ѳедку Никифорова, за поруками, послати въ докладъ къ великому государю къ Москвѣ на указной срокъ на Срѣтеніе Господня нынѣшняго 180 году, и на Москвѣ то судное дѣло подать и исцу и отвѣтчику велѣли явится въ Приказѣ Устюжьской Четверти думному дворянину Ивану болшему Савастьяновичу Хитрово да дьяку Аврамью Кощѣеву для совершенія сего судного дѣла; *а здѣсь того дѣла земляного болшаго приговорить и совершить не мочно и не возможно*. У приговору съ судейкою выборные же прошлые цѣловалники Прокопей Трофимовъ Заполскихъ да Микита Остафьевъ Чертковыхъ да мужи посаженые Баженъ Ивановъ сынъ Корчановыхъ да Василей Макѣевыхъ Жебовыхъ. Приговоръ писалъ, по судейкину Григорья Самсонова съ товарыщи по ихъ велѣнью, Лусвой Пермцы Лоемской волости прошлой же земской и судецкой дьячекъ Ортюшка.... Деревенской.» На оборотѣ, по склейкѣ, листковъ: «Къ сему приговору вмѣсто земского судьи и цѣловалниковъ съ товарыщы, кои въ семъ приговорѣ на лицѣ имена ихъ писаны, по ихъ велѣнью, Успенской Лоемской попъ Игнатей Дмитріевъ руку приложилъ.» (См. судное дѣло, хранящееся въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д. въ числѣ приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ, связка 455).

8.—Мы особенно настаиваемъ на этомъ положеніи не только имѣя въ виду акты, относящіеся до древняго судопроизводства въ Новгородѣ и Псковѣ и Бѣлозерскую грамоту 1488 г., но основываясь также на свидѣтельствѣ другихъ памятниковъ XIV, XV и начала XVI вѣка, гдѣ упоминаются слободы и волости княжескія съ особенными привилегіями на судъ, а съ другой стороны рядомъ съ названіями слобожанъ и земскихъ людей встрѣчаются *дворскіе*, *старосты*, *сотскіе*, *цѣловальники*, также *судные мужи* и *добрые* или *лучшіе люди* въ качествѣ *сидячихъ мужей* на судахъ у волостелей, посельскихъ, ловчихъ, слободчиковъ и другихъ судей, какъ кормленщиковъ, такъ и избираемыхъ самими жителями. См. Акты юрид. №№ 3—9, 11, 14, 19, 20, Акты юрид. быта древн. Россіи I №№ 53, I, 52, III, 103, I, II, Акт. Эксп. I №№

94, 143, 144, 147, 150, 201, Доп. къ акт. ист. I № 26. Въ этомъ отношеніи можно сказать рѣшительно, что Судебникъ Іоанна IV и его уставныя грамоты, предоставляющія самимъ жителямъ съ одной стороны участіе въ судѣ кормленщиковъ, а съ другой право собственнаго суда въ дѣлахъ гражданскихъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго.

9.—Изъ числа извѣстныхъ мнѣ выборовъ XVII вѣка въ земскіе судейки и цѣловальники къ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ я приведу здѣсь въ извлеченіи одинъ наиболѣе замѣчательный актъ этого рода, 1666 года, хранящійся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Д., въ числѣ приказн. дѣлъ старыхъ лѣтъ, св. 367, подъ заглавіемъ: «Выборъ Дмитріевской волости въ земскіе судьи Ивана Ефремова (и) къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ.» «Се азъ староста церковной Дмитревскіе волости Деонисъ Климентіевъ Ипатова, да прошлоіі земской судья Титъ Евтефіевъ Казаковъ.... да прошлоіі земской цѣловалникъ Данило Нефедовъ Паршина.... (всего 20 человѣкъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Дмитревскіе волости, опроче Васка Романова Тверитинова миропродавца, *выбрали есми и полюбили* въ Дмитревской волости ко государеву цареву и в. князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, дѣлу въ Дмитревской волости въ *выборные земскіе судьи* Ивана Ефремова Котелева, да Дмитр. же волости выбрали и полюбили *въ выборные земскіе цѣловалники* Ивана Инфантіева Аврамова къ нему судьѣ, да въ земскіе соцкіе выбрали и полюбили къ нему судьѣ Родіона Харитонова Рокотого съ нынѣшнего 174 году Срѣтеньева дни Господня зимняго февраля со 2-го числа до 175 году до Срѣтеньева жъ дни февраля до 2-го же числа. *А судити ему судьѣ на стану въ Дмитрѐвской волости насъ крестьянъ по челобитнямъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ писмяннымъ крѣпостямъ, управа межъ насъ крестьянъ чинить*, по государеву цареву и в. князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержьца, кресному цѣлованью, въ государевыхъ дѣлехъ и въ земскихъ по государеву указу по соборному Уложенью и по государевымъ уставнымъ жаловалнымъ грамотамъ, *каковы государевы уставные жаловалные грамоты даны въ Устьянскіе волости всѣмъ крестьянамъ*, и по сему нашему мірскому выбору, и по государевымъ

грамотамъ, каковы отъ государя съ Москвы наказы пріидутъ.... а въ татиныхъ и розбойныхъ и душегубныхъ дѣлехъ ему судьѣ Ивану съ товарыщи по государеву указу и по соб. Уложенью.... про татиные и розбойные и про душегубные дѣла сыскивать, судить во всемъ у Дмитрея святаго на стану по государеву указу и по соборному Уложенью.... А цѣловалнику и соцкому у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцовъ съ выборнымъ судьею съ Иваномъ у роспросу и у поимки быть за одинъ человѣкъ. А намъ крестьяномъ съ нимъ судьею за ворами, за разбойниками и за всякими воровскими людми ходить въ погоню и воровъ и разбойниковъ.... съ нимъ судьею имать вмѣстѣ, и приводить на станъ къ Дмитрею св. А случитца въ Дмитр. волости душегубство, и государевы *поголовные денги править ему судьѣ* Ивану съ товарыщи *по 4 рубля по 4 алт. по полуторѣ денгѣ на душегубцѣ* и отсылать тѣ.... денги ко государю къ Москвѣ, *да 1000 руб. въ прикащиковъ доходъ* съ Московскими посылщики, кого изъ міру выберутъ.... Судить во всемъ у Дмитрея св. на стану крестьянъ и указъ имъ чинить безволокитно, и отъ того ему судьѣ Ивану съ товарыщи во всякихъ земскихъ дѣлехъ посуловъ и поминковъ не имать.... судить въ правду по государеву кресному цѣлованью, другу въ судѣ не дружить, а недругу не мстить.... А какъ онѣ выборной.... съ товарыщи государеву службу отслужатъ до Срѣт. дни впредь до 175 году и которые дѣла не вершатъ.... въ государевыхъ и земскихъ дѣлехъ и въ татиныхъ и въ разбойныхъ и душегубныхъ дѣлехъ и сыскахъ коихъ дѣлъ будетъ въ ихъ году сѣдѣлцы, тати и разбойники и душегубцы, и коихъ выборныхъ людей выберутъ въ службу... ко 176 году, и тому выборному судьѣ съ нимъ судьею съ Иваномъ съ товарищи въ государ. и земскихъ дѣлехъ росписатца и сѣдѣлцовъ у него... взять и указъ чинить по... Уложенью. И дати намъ крестьяномъ земскому судьѣ... съ товарыщи для ради сѣдѣлцовъ тюрма и тюремные крѣпости и цѣловалника къ тюрмѣ и сторожевъ съ опащики колко человѣкъ пригоже. А кои тати и разбойники.... доведутся до пытки, и ихъ пытать; а намъ крестьяномъ міромъ дать мастера кому... пытать А будетъ гдѣ объявятца тати и разб... и всякіе лихіи люди, и сотникомъ и полусотникомъ и десятникомъ и всѣмъ крестья-

номъ земского судью Ивана съ товарыщи во всемъ слушать и на бой противъ воровскихъ людей итти со всякимъ ратнымъ боемъ, съ копьи и съ луками и съ пищалми, и выборнаго земского судью Ивана съ товарыщи разбойникомъ не подать и въ погоню за ворами, за разб. ходить. А будетъ въ Дмитр. волости у сотника или у пятидесятника или у десятниковъ, у крестьянъ объявятца тати или разбойники и душегубцы и всякіе воровскіе люди, и сотнику и полусотнику и десятникомъ и крестьяномъ тѣхъ воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцовъ имать и приводить предъ выборного земского судью Ивана съ товарыщи къ спросу. *А пристава ему судьѣ выбрали* въ Дмитр. же волости Тимофѣя Борисова Драчева, *кому у него судьи насъ крестьянъ на поруки давати и на судъ ставить*. Въ томъ мы крестьяне Дмитр. волости и выборъ дали. А выборъ писалъ у Дмитрея св. на стану Дмитревской церковной дьячекъ, по ихъ крестьянъ велѣнью, Петрушка Матвѣевъ, лѣта 7174 году февр. въ ... день».—О судныхъ приговорахъ земскихъ судеекъ и отношеніи ихъ къ высшимъ органамъ судопроизводства см. примѣчанія 7 и 25 къ этой статьѣ.

10.—Сдѣланный нами въ настоящемъ случаѣ выводъ есть результатъ соображеній, основанныхъ на извѣстныхъ намъ рукописныхъ матеріалахъ, изъ коихъ нѣкоторые, подтверждающіе ту же мысль, мы привели въ примѣчаніяхъ 7, 9, 23, 24, 25.

11.—См. въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д. приказн. дѣлъ стар. лѣтъ, связки 367, дѣло 1666—67 по 16 мая «Росписи Слободскихъ земскихъ цѣловальниковъ о мірскихъ денежныхъ издержкахъ.» Тамъ же связки 458 дѣло «О высылкѣ въ Новгородской Приказъ кирпичнаго дѣла мастеровъ.» Здѣсь изчисляются слѣдующіе города *Вятской земли:* Хлыновъ, Слободской, Орловъ, Котельничь, Шестаковъ. Сверхъ того о намѣстникѣ Слободскомъ см. Акт. Эксп. I № 210, а о воеводѣ Хлыновскомъ въ Архивѣ св. 456; о намѣстникѣ Орловскомъ упомянуто выше, въ примѣч. 5.

12.—О Двинской землѣ см. Московск. Гл. Архива М. И. Д. приказн. дѣлъ, стар. лѣтъ связк. 72 № 4, грам. Двинскимъ воеводамъ 1614 ноября 24: «Били намъ челомъ *Двинскіе земли* заказной цѣловальникъ Якимко Леонтіевъ да посадцкой сотцкой Дру-

жника Барсинъ и во всѣхъ Двинскихъ людей мѣсто *Двинскіе жъ земли Кевролского и Мезенского стану* на старостъ и на цѣловальниковъ и на всѣхъ крестіянъ, а сказали: въ прошломъ де во 121 году, по нашему указу и по грамотѣ, велѣно на Двинѣ воеводѣ Никитѣ Пушкину да дьяку Путилу Григорьеву у Архангельскаго города выгорѣлую стѣну сдѣлати *всею Двинскою землею,* и воевода и діякъ, для поспѣшенья къ корабельной пристани, къ тому Архангельскому городу къ горѣлому мѣсту доправили плотниковъ и посошныхъ людей и на городовое дѣло лѣсъ на нихъ на однихъ опричь Кевролцовъ и Мезенцовъ; а въ Кевролу де и на Мезень воевода и діякъ посылали для того городоваго дѣла сотника стрѣлетцкого Дениса Золотарева съ стрѣлцами, и Кевролцы де и Мезенцы учинились сильни и отъ сотника стрѣлетцкого отбилися и городовое дѣло своею четвертою долею не дѣлали, *а прежде де сего тотъ Архангельской городъ ставленъ блаженныя памяти при В. Государѣ Царѣ и В. Князѣ Иванѣ Вас. всеа Руси пятью городы, и Кевролью и Мезенью, потому что та Кеврола и Мезень одна съ нами,* и какъ Архангельской городъ сталъ и послѣ того городовое дѣло дѣлали и обрубъ обрубали и землею обсыпали и городъ глиною мазали тѣ Кевролцы и Мезенцы съ нимижъ вмѣстѣ безъ выдачи четвертоюжъ долью... и впредь бы есте Кевролцамъ и Мезенцамъ городовые и острожные подѣлки и рвы дѣлати и въ Колу подъ стрѣлетцкой хлѣбъ въ лодейные и въ казачьи наймы Кевролцамъ и Мезенцамъ помогати Двиняномъ велѣли по прежнему по сошному розводу.» Въ другой Царской грамотѣ, 1636 г. февр. 7 (см. тамъ же) говорится, что Кевролыцы и Мезенцы считались съ Двинянами *по сохамъ изстари, потому что Кеврола и Мезень съ Двиною одна земля.*—Касательно Важской земли и ея становъ см. Акты Эксп. т. I № 233 и 234.

13.—Свѣдѣніе о пригородахъ Псковскихъ, ихъ уѣздахъ и раздѣленіи этихъ послѣднихъ на *губы* взято мною изъ рукописнаго юридическаго сборника XVII вѣка, который былъ сообщенъ мнѣ М. П. Погодинымъ изъ его древлехранилища. См. помѣщенный здѣсь наказъ 1683 г. іюня 27 Петру Протопопову о сыскѣ въ уѣздахъ Псковскихъ пригородовъ бѣглыхъ людей разныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ.

14.—Въ сборникѣ Рязанскихъ актовъ, хранящемся въ I-мъ Отдѣленіи библіотеки С. Петерб. Академіи Наукъ, подъ 1650 и 1651 годами встрѣчается извѣстіе, что въ Переяславлѣ Рязанскомъ «городъ и острогъ и башня со всякими городовыми и острожными крѣпостми» строенъ «*Рязанского уѣзду* сошными людми розныхъ становъ, которые приписаны къ Переславлю и къ Зараiску и къ Пронску и къ Михаiлову по платежнымъ книгамъ съ живущихъ четьи, а денегъ на то городовое дѣло съ уѣздныхъ людеiі собрано было 9710 рубл. 18 алт. 2 денги.»

15.—См. дѣло Моск. Гл. Архива М. И. Д., приведенное выше въ примѣч. 12. Въ грамотѣ 1636 февр. 7 Царь приводитъ между прочимъ слова Двинянъ, что «въ иныхъ городехъ въ отпускахъ (царскихъ) городъ городу помогаютъ: *Соли Камской посадцкимъ и уѣзднымъ людемъ помогаютъ Чердынцы да Каiгородцы*, да къ Соли же Камскоiі даютъ на ямъ въ подмогу Вятчане по 500 рублевъ на годъ: *а Соли Вычегоцкой посадскимъ же и уѣзднымъ людямъ помогаютъ Вымичи и Сысолцы* и во всемъ межъ себя считаютца.» Подробности о счетѣ въ расходахъ Соли Камскоiі съ Чердынью и Каiгородомъ заимствованы мною также изъ указаніi рукописныхъ источниковъ.

16.—См. предыдущее примѣч. Въ писцовыхъ книгахъ, хранящихся въ Архивѣ Никольскаго (Вологодск. губ.) Уѣзднаго Суда, читаемъ: «А по Государевѣ Царевѣ и В. Князя Василья Ивановича всеа Русіи жаловалноiі грамотѣ 116 году велѣно *Вычеготскіе и Вымскіе земли* со крестьянъ оброку имати за соболи и за бѣлку.... и за всякіе угодья со двора по полуполтинѣ.» Тамъ же о жителяхъ Плесовскоiі волости сказано: «А въ службѣ и въ подводахъ и во всякихъ розметахъ *считатися имъ съ Вымичи и съ Ссоличи и съ Ужгою.*» На основаніи одной поручной записи, хранящейся въ Археографической Коммисіи, 1698 г. сент. 9, по ямскомъ охотникѣ Степанѣ Тюрпинѣ, читаемъ, что онъ «наиялся *считаться болшимъ повалнымъ счетомъ съ Усолцы и съ Еренчаны и съ Сысолцами вмѣстѣ.*»

17.—Въ наказѣ, упомянутомъ выше въ примѣчаніи 13, читаемъ, что помѣщики жаловались Царю на то, что во время ихъ службы «въ Чигиринскихъ походѣхъ и въ Кіевѣ съ крестьянъ ихъ иманы полтинные денги, да тѣ же де ихъ крестьяне подыя-

маючи ихъ на тѣ далніе службы и платя великихъ государей всякіе подати отъ нихъ многіе разбѣжались до переписныхъ книгъ и послѣ переписныхъ книгъ, видя себѣ великіе нужды, въ Севескъ и въ Камарецкіе волости, на Орелъ, и въ Кромы, и въ Рылескъ, и въ Суржу, и въ Бѣлгородъ, и въ Курескъ, и на Коротоякъ, и въ Землянескъ, и въ Острогожской *и во всѣ Бѣлогородцкіе пригородки* по той чертѣ и за черту, и въ Потаповъ, и на Елецъ, и на Воронежъ, и въ Донковъ, и на Лебедень, и въ Ряской, и въ Тамбовъ, и въ Козловъ и *во всѣ Козловскіе пригородки*, и въ понизовые городы, и въ Казань, и въ Нижней, и въ Синбирскъ, и въ Саратовъ, и въ Сарапескъ, и въ Орзамасъ, и на Олатырь и на Пензу, и въ Ламовъ, и въ Керенескъ и *во всѣ Казанскіе пригородки*, въ государевы села и въ деревни и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ тамошнихъ украинныхъ городовъ.» Въ Московск. Главн. Архивѣ Минист. Ин. Дѣлъ въ приказн. дѣлахъ старыхъ лѣтъ встрѣчаются «Росписи, кто въ понизовыхъ городѣхъ бояръ и воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, которые городы вѣдомы въ Приказѣ Казанскаго Дворца.» Въ этихъ росписяхъ упоминаются слѣдующіе *пригороды Казанскіе*: Тетюши, Лаишевъ, Оса, Арскъ, Олати, Малмыжъ, Старый Шошминскъ, Мензелинскъ, Шошминскъ, Кичюескъ, Ерыклинскъ, Тіунскъ, Бѣлой Яръ, Буларское городище, Старый Ахтачинскъ, Заинскъ. Тамъ же «*Синбирской черты пригороды:*» Уренскъ, Юшалскъ, Тагаевъ, Саранскъ.

18.—Въ одной выводной 1674 генв. 7, хранящейся въ С.-Петерб. Публичной Библіотекѣ, читаемъ: «Се азъ Василей Ивановъ сынъ Протопоповъ... отпустилъ изъ помѣстья своего Казанскаго уѣзду *Зюрейской дороги* изъ села Болшой Шахозды крестьянскую дочь дѣвку Манку Григорьеву дочь Казанца Андрѣя Ѳедоров. Люткина въ помѣстье его Казанскогожъ уѣзду *Пагайской дороги* въ деревню Погашеву....» Въ другой выводной, того же 1674 генв. 18, хранящейся тамъ же: «Се азъ Ѳедоръ Семеновичь Черниковъ Онучинъ Казанецъ далъ сеся сію выводную отпись въ Казани Казанца жъ Андрѣя Ѳедор. Люткина крестьянину его *Нагайской дороги* села Кулаева Савѣ Сидорову въ томъ.... сговорилъ онъ Савка женитца помѣстной моей деревни *Зюрейской дороги* Шигалеевского починка на крестьянской дочери на дѣвкѣ Па-

лашкѣ Трофимовѣ.» Въ одной памяной записи 1699 авг. 11, находящейся въ записныхъ книгахъ 1700 и 1702 г. Архива Корсунскаго Уѣзднаго Суда подъ № 1 и 2, упоминается также *дорога Нагайская*. О значеніи же *дорогъ*, какъ чиновниковъ у Татаръ, см. въ статьѣ И. Д. Бѣляева «О Монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ Ханскихъ ярлыкахъ,» помѣщенной въ Архивѣ истор. юрид. свѣдѣній, кн. I, отд. I, ст. IV, стр. 102.— О *ключахъ*, какъ округахъ, приведемъ для примѣра указанія Боярской книги, упомянутой выше въ примѣч. 3 и сборника XVI вѣка, хранящагося въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 173. Въ первой встрѣчаются слѣдующія данныя: «Петръ Ондрѣевъ сынъ Окинфова съѣхалъ съ *Вязелскаго ключа* на середокрестье 63 (года);» передъ нимъ былъ Иванъ Ондр. Окинфовъ, который съѣхалъ *съ Вяземскаго* же *ключа* на середокрестье 62 года; «Степанъ Степан. сынъ Изволского съѣхалъ съ *ключа съ Рязанского* на Рожество Христово 61-го»: «Иванъ Наумовъ емлетъ откупъ *съ ключа съ трети Рязанские* на болшемъ Дворцѣ.» Во второй рукописи на л. 278 находится извлеченіе изъ писцовыхъ книгъ подъ заглавіемъ: «Списокъ съ книгъ лѣта 900 книги *ключа Новагорода Нижняго* писма Өедора Киселева.» Сюда же можетъ быть отнесено слѣдующее мѣсто въ уставной грамотѣ, напечатанной въ Акт. Эксп. I, № 357: «А доводчикомъ, *въ ихъ ключьхъ*, въѣзжего и осеннего давати потомужъ (какъ и прикащикамъ).» Читающему эти выписки конечно придутъ на умъ *ключи* Олегова договора. Впрочемъ объ этихъ послѣднихъ уже было говорено прежде.

19.—См. въ Акт. Эксп. I № 242 уставную грамоту Переславскимъ рыболовамъ, данную имъ 1555 авг. 15, которая была подтверждена Борисомъ Өедоров., Михаиломъ Өедоровичемъ и Өедоромъ Алексѣевичемъ, послѣднимъ въ слѣдующихъ словахъ: «...велѣли имъ сю жаловалную грамоту подписати на наше....имя *и о всемъ чинить какъ въ сеи жаловалной грамотѣ написано, опричь тѣхъ статей, которые по указу отца нашего...и по соборному Уложенью и по уставнымъ грамотамъ и по боярскимъ приговорамъ отмѣнились.*» Ср. напечатанную тамъ же, подъ № 324, уставную грам. крестьянамъ Борисоглѣбской слободы. Хотя эта грамота не была подтверждена послѣ Михаила Өеодоровича, но

замѣчательна тѣмъ, что находящіяся въ ней постановленія касательно волостелей, *«коли та Борисоглѣбская слобода будетъ за кормленщики въ кормленьѣ,»* встрѣчаются въ нѣсколькихъ жалованныхъ грамотахъ, выданныхъ вновь рыболовнымъ слободамъ, крестьянамъ ловецкихъ селъ и между прочимъ селу Дѣдинову Царями Михаиломъ Ѳедоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, съ тою только разницею, что вмѣсто волостеля въ нихъ упоминается прикащикъ или стряпчій Сытнаго Дворца. См. наприм. рукописи, хранящіяся въ Архивѣ Московск. Дворцовой Конторы подъ № 108 и 113. Въ этихъ грамотахъ встрѣчается и подтвержденіе царя Ѳеодора Алексѣевича съ обычной его оговоркой.

20.—См. въ примѣч. 9 указаніе *на поголовныя деньги*, взыскиваемыя съ *душегубцевъ*. Еще яснѣе о платѣ поголовныхъ денегъ жителями мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло, постановлено въ дѣлѣ о убійствѣ, напечатанномъ въ акт. юрид. быта древн. Россіи I № 102, 1693 г. «А въ указѣ великихъ государей въ новыхъ статьяхъ, въ 124 ст., написано по убивственнымъ дѣламъ: «На чьей земли убитыхъ людей тѣла подняты будутъ, *поголовныхъ денегъ имать съ убивства по 4 рубли по 4 алт. по полуторѣ денгѣ.»* На этомъ основаніи велѣно было за убійство крестьянина Ивана Потапова помѣщика Сатина поголовныя деньги доправить съ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, на землѣ коихъ «мертвое тѣло объявилось». Очевидно, что это таже «вѣра за голову», о которой, на основаніи древнѣйшихъ источниковъ, говорится и въ жалованныхъ грамотахъ XVII вѣка.

21.—См. въ Акт. юрид. быта древн. Россіи I № 124 и въ Отечеств. Записк. 1855 г. (Августъ) челобитныя XVII-го вѣка, сообщенныя г. Купріяновымъ.

22.—О правахъ, которыми пользовались и въ XVII вѣкѣ по дѣламъ уголовнымъ излюбленные (выборные) *судьи и цѣловальники* привилегированныхъ общинъ можно заключить изъ акта, приведеннаго выше въ примѣч. 9. Это тѣже права, которыя предоставлены были нѣкоторымъ сельскимъ общинамъ Іоанномъ Грознымъ, какъ наприм. въ грамотахъ, напечатанныхъ въ Акт. Эксп. I № 242 и 243.

23.—Чтобы не ссылаться на Шуйскіе акты, приведенные уже

г. Соловьевымъ, въ подтвержденіе того, что общины городскія имѣли обычай дѣлить общественную землю на участки по тягламъ (см. Русск. Вѣстника 1856 г. № 22 въ статьѣ «Споръ о Сельской Общинѣ»), мы выпишемъ здѣсь, изъ рукописныхъ источниковъ, одно мѣсто, указывающее и на пользованіе землею въ раздѣлъ между крестьянами въ селеніяхъ. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича путному ключнику Өедору Ракову, управлявшему дворцовыми селами въ Шацкомъ уѣздѣ, читаемъ: «Билъ намъ челомъ Шацкого уѣзду нашего дворцового села Шаморги Богоявленской попъ Иванъ Васильевъ, а въ челобитной его написано: въ прошлыхъ де годѣхъ блаженныя памяти при государѣ царѣ и велик. князѣ Өедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи дано къ церкви Богоявленія Господня дѣду его попу Григорью десять десятинъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, села Шаморги со крестьяны *черезъ межу*, а сѣнные де покосы отцу его и дѣду отдѣлены подъ Медвѣжьимъ кремъ и у рѣчки Азы, *и села Шаморги крестьяне промежъ себя пашню дѣлятъ почасту*, а ему де попу Ивану даютъ пашню худую на толокахъ, которая имъ не годна и въ мѣрѣ меньши; а сѣнные де покосы у Азы рѣчки лужокъ затолочили стадами, лѣтъ съ 30 и болши не ставитца ни единые копны, *и (в)предь церковной пашнѣ съ крестьяны черезъ межу* и на рѣчкѣ Азѣ сѣнному покосу *быть не мочно; и намъ бы его пожиловати велѣти церковную пашню села Шаморги отъ крестьянъ отдѣлить во всѣхъ трехъ поляхъ....*» (см. Сборникъ Рязанск. акт. въ 1-мъ Отдѣл. библіотеки С. Петерб. Академіи Наукъ). О владѣніи помѣщиками общею землею, до раздѣла ея на постоянные участки, *черезъ межу и черезъ загонъ*, см. между прочимъ въ договорной записи 1632 марта 18 въ Акт. юрид. быта древн. Россіи, I, N 112, IV.

24.—Вотъ одинъ изъ числа нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ актовъ этого рода: «Се азъ земской судья... да судецкой староста... да земской цѣловальникъ... да Никита Лаврентьевъ (всего болѣе 10 именъ) да и всѣ крестьяне Килченскіе волости дали есмя даную грамоту Петру Гаврилову сыну Коптіеву *на пустой жеребей* на четверть деревни Архиповскіе на Тимофѣевъ жеребей Никитина, на землю и на сѣнныя покосы и на хоромы и на всѣ угодья, что къ тому жеребью истари потягло кругомъ по старымъ межамъ, чѣмъ Тимофѣй владѣлъ. А дали есми тотъ жере-

бей деревни на льготу отъ лѣта 7134 году марта съ 30 числа да до лѣта 7135 году до Ильина дни. И Петру тѣмъ жеребьемъ деревнею Архиповскою *владѣти*, пашни пахать, изгорода поставить и хоромы приставливати, а въ пустѣ не покинуть. А подати государевы Петру до сроку до Ильина дни 135 году съ того жеребью деревни никакихъ не платить во всякіе въ мірскіе росходы; а впредь съ Ильина дни 135 году Петру съ того жеребья *потянути всякіе государевы подати съ міромъ вмѣстѣ, въ чемъ міръ обложатъ въ колодѣ въ бѣлошной*. А дали есмя безъ старыхъ всякихъ потуговъ тотъ жеребей деревни до вотчица; а вотчицъ буде выищется, ино Петру взяти у вотчица на роспашку и на изгороды четыре рубли денегъ опричь хоромъ, а что хоромъ приставитъ, ино за хоромы дати деньгами, чѣмъ люди оцѣнятъ, Петру же. *А дали есмя всѣмъ міромъ тотъ жеребей деревни Петру*. А на то послуси: Василей Ѳедотовъ сынъ Максимова да Юрья Ивановъ Килченскіе волости. А данную писалъ у Троици на стану земской дьячекъ Гурейко Еустафьевъ Поповъ, лѣта 7134 г. марта въ 1 день» (см. Московск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ приказн. дѣлъ старыхъ лѣтъ связк. 264).

25.—Для подтвержденія этого положенія я считаю здѣсь достаточнымъ привести одну грамоту, 1654 февраля 28, сообщенную мнѣ С. А. Раевскимъ. Она адресована на имя Важскаго земскаго судейки изъ Приказа Большаго Прихода, какъ это подтверждается приложенною къ ней печатью: «Отъ царя и В. К. Алексѣя Михаиловича всеа Русіи на Вагу земскому судейкѣ Алешкѣ Третьякову, или кто на его мѣсто иной судейка выбранъ будетъ. Билъ намъ челомъ Важепинъ Подвинскіе чети Устьваенскіе волости Ивашко Мих. Поповъ тоежъ Усти. волости на Кирюшку Данилова да на Ивашку Макарова съ складники Меншіе Игнатовскіе деревни да на Пятунку Терентьева да на Гришку Евтифѣева съ складники Болшіе Игнатовскіе деревни; а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 144 году дано наше жалованье отцу его Ивашкову, попу Михайлу, на роспашь, Голцовъ островъ, черполѣсье, да Онфимковъ, и новая нарейка обжа, безъ трети, въ тягло, и съ тѣхъ де острововъ отецъ его Ивашковъ, попъ Михайло, въ нашу казну данные и оброчные деньги и стрѣлецкіе кормы и всякіе мірскіе росходы платилъ по 158 годъ, а послѣ отца свое-

го попа Михайла онъ Ивашко въ нашу казну съ тѣхъ островов данные и оброчные деньги и стрѣлецкіе кормы и всякіе мірскіе росходы платитъ противъ прежнего нашего указу по нынѣшней 162 годъ; и та де его Ивашкова пашня, Голцовъ островъ черволѣсье да Анфимковъ и новая парейка смежна Устьваенскіе волости съ крестьянскими ихъ съ орапыми, съ луговыми землями и съ сѣнными покосы; и тѣ де крестьяне Кирюшка да Ивашко да Пятунка да Гришка съ складниками послѣ отца его Ивашкова попа Михайла той своей земли не городятъ, и ему Ивашку чинятъ изгоню болшую, земли пахать не дадутъ и скотины ему выгонять негдѣ; и онъ де Ивашко отъ ихъ изгони въ конецъ погибъ и пашню запустошилъ, и въ той ихъ изгонѣ ему Ивашку учинилось всякихъ убытковъ 35 рублевъ съ полтиною. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Устьваенскіе волости промежъ крестьяне Ивашкомъ Поповымъ да Кирюшкою Даниловымъ да Ивашкомъ Макаровымъ да Пятункою Терентьевымъ да Гришкою Евтифѣевымъ съ складники спорную подѣлилъ огородную землю, съ попы и съ старосты и съ крестьяны розвелъ въ правду по нашему указу, никому не норовя, и огородъ велѣлъ городить по крѣпостямъ и по тяглу, а *въ убыткахъ далъ имъ судъ и сыскъ, а по суду и по сыску межъ ими росправу учинилъ безволокитно въ правду по нашему указу, чего доведетца*. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7162 февраля въ 28 день.» Въ рукахъ у меня находятся и судебное рѣшеніе, сдѣланное на основаніи этой грамоты земскимъ четвертнымъ судьею—Алексѣемъ Самойловымъ.

Отвѣтъ г. Костомарову.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я разборъ моего изслѣдованія, помѣщенный вами въ Архивѣ. Такими разборами объясняется вопросъ, и подвигается наука впередъ. Считаю обязанностію отвѣчать немедленно, объяснить встрѣтившіяся недоразумѣнія и дополнить по возможности свои доказательства.

«Прежде всего нужно сказать», говоритъ г. Костомаровъ «что вопросъ, которымъ озаглавилъ г. Погодинъ свою статью и который мы, подобно ему, приняли заглавіемъ нашего замѣчанія на его изслѣдованіе, вопросъ: должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? справедливость требуетъ разрѣшить, согласно съ г. Погодинымъ, въ пользу Бориса отрицательнымъ отвѣтомъ: *нѣтъ*» (стр. 6).

Слѣдовательно съ главной мыслію, которую преимущественно я имѣлъ въ виду, соглашается г. Костомаровъ.

Онъ соглашается, впрочемъ, не только въ основаніи съ моимъ изслѣдованіемъ, но и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ:

«Крѣпостное право въ смыслѣ произвола землевладѣльцевъ въ сношеніяхъ съ земледѣльцами существовало и прежде, и мы по чистой совѣсти скажемъ съ г. Погодинымъ: съ больной головы да на здоровую и вся вина взвалена на бѣднаго Бориса тѣми, которые готовы обвинять его одного!» (стр. 7).

«Нельзя не признать всей истины слѣдующаго выраженія г. Погодина: самый Юрьевъ день былъ вѣроятно уже ступенью въ последовательномъ ограниченіи большаго и безусловнаго перехода».

Разберемъ теперь возраженія, относящіяся къ частностямъ.

По моей методѣ я постараюсь привесть ихъ къ одному знаменателю, и выстроить въ рядъ, удобный для обозрѣнія, по мѣрѣ ихъ важности и внутренней связи. (Предполагаю читателей, знакомыхъ съ нашими статьями.)

Г. Костомаровъ настаиваетъ на смыслѣ указа 1597 года: «когда указъ 1597 г. ставитъ предѣломъ отыскиванія бѣглыхъ 1592 годъ, то значитъ въ 1592 году что-то произошло.»

Нѣтъ, повторяю я, можетъ быть и ничего не произошло. На границѣ срока не нужно предполагать никакого особеннаго распоряженія. Вотъ вамъ разительный примѣръ: въ 1641 году постановлено, какъ вы указываете, вывозныхъ крестьянъ отдавать за 15 лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ.... по прежнему указу за 10 лѣтъ. Ну что же—заключите ли вы, что за эти 10 и 15 лѣтъ, то есть въ 1626 и 1621 г. были сдѣланы особыя постановленія о вывозныхъ и бѣглыхъ крестьянахъ? Ничуть не бывало. Точно также нельзя доказывать существованія запрещенія въ 1592 году изъ-за одного опредѣленія срока въ пять лѣтъ, постановленнаго въ 1597 году.

Въ мнимомъ указѣ Шуйскаго 1607 года урочные годы для челобитья о возвращеніи бѣглыхъ считали также въ пять лѣтъ. При Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 10 лѣтъ.

Прибавимъ еще: еслибъ въ 1592 году было запрещеніе, то на него прямо и долженъ бы былъ сослаться указъ 1597 года, а не толковать о срокѣ, при запрещеніи вовсе не нужномъ.

Въ писцовомъ наказѣ 1646 г. (*) находимъ мы ссылку на указъ 1597 г. единственно какъ на указъ о бѣглыхъ. Въ наказѣ говорится о Судебникахъ Іоанновыхъ, и тотчасъ отъ нихъ дѣлается переходъ къ указу 1597 года, чего никакъ не моглобъ быть, еслибъ въ промежуткѣ случилось запрещеніе; никакъ не моглобъ оно быть пропущено. Обращаю вниманіе на это важное обстоятельство.

По поводу моихъ словъ, что это указъ о бѣглыхъ, «подобный многимъ прежнимъ, старшимъ и младшимъ, указъ безпрестанно такъ или иначе возобновлявшійся (какъ при Іоаннахъ, такъ и при Романовыхъ), и неимѣющій никакого отношенія къ крѣпостному праву,» г. Костомаровъ требуетъ у меня настоятельно натурою древнихъ указовъ: «Дѣйствительно», говоритъ онъ, «такихъ указовъ впослѣдствіи было много; но г. Погодинъ говоритъ, что такіе указы существовали и прежде, *при Іоаннахъ*. Жаль, очень жаль, что г. Погодинъ не привелъ ни одного изъ извѣстныхъ ему въ

(*) Акт. эксп. т. IV стр. 23 (N 14).

этомъ родѣ. Кажется, до сихъ поръ ни одинъ не извѣстенъ, а это самое и заставляетъ многихъ искать чего-то въ 1592 году. Вотъ если бы въ изслѣдованіи въ самомъ дѣлѣ приведенъ былъ такой указъ и притомъ именно съ назначеніемъ срочныхъ лѣтъ, тогда иное дѣло; тогда указъ 1597 года не могъ бы самъ по себѣ служить исходнымъ источникомъ общепринятаго мнѣнія» (ст. 17).

Онъ особенно напираетъ на это требованіе и повторяетъ его нѣсколько разъ: «пока г. Погодинъ не отыщетъ и *не укажетъ міру* (!) указа, подобнаго указу 1597 г., изданнаго при Іоаннахъ, до тѣхъ поръ» и проч. И въ заключеніе: «главное—желательно было бы, чтобы г. Погодинъ указалъ на извѣстныя ему распоряженія о бѣглыхъ, съ назначеніемъ сроковъ, изданныя ранѣе указа 1597 года: это прольетъ новый свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей допетровской исторіи».

Позволяю себѣ отнесть это требованіе къ пріемамъ журнальной стратегіи, а отнюдь не исторической критики. Г. Костомаровъ знаетъ очень хорошо, что такихъ указовъ на лице нѣтъ, и что если бъ они были, то *нечего* было бы толковать и спорить о времени запрещенія, писать разсужденія, трудиться надъ изслѣдованіями, дѣлать предположенія. Слѣдовательно, онъ могъ ясно понять, что я говорю о возможности, а не о дѣйствительности. Указы о бѣглыхъ съ разными сроками могли быть прежде, (притомъ, замѣтьте, о бѣглыхъ вообще, а не исключительно о крестьянахъ,) — вотъ моя мысль. Потому-то я привелъ мѣсто изъ лѣтописи даже XIII столѣтія. Сама Русская Правда говоритъ о бѣглыхъ.

«Прежде такихъ указовъ, сколько извѣстно, не было», говоритъ г. Костомаровъ. Да, не было, сколько извѣстно, я отвѣчаю ему, но было, сколько неизвѣстно, т. е. поколику ихъ предполагать можно и должно.

«Отъ чего же возникъ этотъ? По Судебнику позволялось крестьянамъ переходить въ Юрьевъ день, а въ XVII вѣкѣ мы положительно знаемъ, что это положеніе въ законодательствѣ не существовало.»

Нѣтъ, не знаемъ мы этого положительно: пусть покажетъ мнѣ г. Костомаровъ, спрошу я его въ свою очередь, такое запрещеніе? Въ указѣ 1601 года мы видимъ разрѣшеніе переходить для однихъ крестьянъ, въ указѣ 1602 года для другихъ; тамъ-сямъ мы читаемъ

о срокахъ, которые предполагаютъ право перехода; слѣд. запрещенія общаго не было.

«И бояре, избиравшіе Владислава, ставили ему въ число условій, чтобъ крестьяне не имѣли права выходить »

Ну вотъ видите: если бояре требовали запрещенія, то, значитъ, было разрѣшеніе, было право переходить. Еслибъ этого права не было, то не для чего бы класть его въ число условій?

На мое счастье, въ той же книгѣ Архива, гдѣ помѣщены замѣчанія г. Костомарова на мое изслѣдованіе, напечатаны разсужденія графа Сперанскаго, совершенно согласныя съ моими.

«Въ 1597 г. при Царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ состоялся указъ, коимъ велѣно возвратить на свои мѣста тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали за пять лѣтъ до того года, а которые бѣжали раньше сего, тѣхъ оставить на мѣстѣ ихъ настоящаго жительства. Истинный смыслъ сего указа состоялъ въ томъ, чтобъ *возвратить бѣглыхъ*, т. е. тѣхъ, кои оставили прежнее ихъ жительство, или не въ положенный срокъ, или не раздѣлавшись съ владѣльцами земли установленнымъ въ Судебникѣ порядкомъ. Сіе явствуетъ изъ слѣдующаго соображенія. По Судебнику, крестьянинъ могъ оставить помѣщика, заплативъ ему пожилыя деньги, возвративъ скотъ, хлѣбъ и другія вещи, у него занятыя, и удовлетворивъ его деньгами, взятыми на расплату съ прежнимъ помѣщикомъ и для новаго хозяйственнаго обзаведенія. Кто не исполнивъ сихъ обязанностей уходилъ съ помѣстья, тотъ считался бѣглымъ, и подлежалъ возврату на прежнее жилище. Иски о семъ возвратѣ были безсрочные или сорокалѣтніе. Легко себѣ представить, сколь они были многочисленны, и сколь разборъ ихъ былъ многосложенъ и затруднителенъ. Дабы положить предѣлъ симъ безпорядкамъ и уменьшить количество дѣлъ сего рода, указъ 1597 отсѣкъ и прекратилъ всѣ иски, возникшіе за пять лѣтъ предъ тѣмъ, и далъ ходъ тѣмъ только изъ нихъ, кои были не старѣе сего срока.» Нельзя не удивляться, замѣчу здѣсь мимоходомъ, зоркости Сперанскаго, который безъ всякихъ предварительныхъ работъ, среди многообразныхъ занятій, попалъ на такую мысль въ спеціальномъ вопросѣ.

Прибавлю слѣдующее соображеніе: въ указѣ 1597 года говорится не только о бѣглыхъ крестьянахъ за пять лѣтъ, т. е. въ 1592 году, но и о такихъ, которые бѣжали «за 6 и за 7 и за 10 и больше», то

есть въ 1591, 1590, 1589, 1588, 1587 и еще прежде. Ну какъ же думаетъ г. Костомаровъ: для этихъ бѣглецовъ Іоаннова времени (вѣдь его можно разумѣть подъ «прежде»?) было какое-нибудь постановленіе или нѣтъ? Разумѣется *было*, но міръ его не знаетъ, и можетъ быть никогда не узнаетъ безъ какого-нибудь счастливаго случая, а я въ томъ не виноватъ, и взысканію за то не подлежу.

Слѣдующее разсужденіе г. Костомарова слѣдуетъ принять къ соображенію, независимо отъ указа 1597 года и толкованій, на немъ основанныхъ.

«Такъ какъ 1) указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, въ своей постепенной послѣдовательности, идутъ въ законодательствѣ рядомъ съ прекращеніемъ перехода; 2) о переходѣ въ Юрьевъ день нѣтъ въ законодательствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ являются въ немъ въ постепенной послѣдовательности указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, то распоряженіе въ 1592 году должно необходимо касаться перехода въ Юрьевъ день, и непремѣнно въ духѣ прекращенія этого права, а ужъ никакъ не расширенія».

Я только предложу amendement, и оборочу заключеніе: такъ какъ съ 1597 только года идутъ извѣстные законы о бѣглыхъ...то вѣроятно было предъ тѣмъ какое-либо распоряженіе, стѣснявшее переходъ въ Юрьевъ день.

За то и я прибавлю здѣсь новое подкрѣпительное соображеніе въ пользу моего мнѣнія, и надѣюсь, довольно значительное: почему при отыскиваніи бѣглыхъ не встрѣчается нигдѣ ссылки на мнимое запрещеніе 1592 года?

Впрочемъ я сказалъ, что для окончательнаго рѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ нужно особое изслѣдованіе о постановленіяхъ касательно бѣглыхъ.

Здѣсь же слѣдуетъ по соприкосновенности упомянуть и о мнимомъ противорѣчіи, которое находитъ у меня г. Костомаровъ: «въ одномъ мѣстѣ изслѣдованія, говоритъ онъ, допускаются временныя запрещенія, существовавшія до 1601 года, а въ другомъ указы 1601 и 1602 годовъ выставляются, какъ первыя распоряженія, вызванныя временною необходимостію. Читатель остается въ недоумѣніи: какое мнѣніе ученаго изслѣдователя объ этомъ вопросѣ. Существовало ли запрещеніе до 1601 г., или нѣтъ?»

Это «другое мѣсто», смущающее г. Костомарова, находится не въ изслѣдованіи, а въ приложенномъ къ изслѣдованію общемъ обозрѣніи, итогѣ, или даже въ содержаніи итога: «законы долго молчали, и начали ограничивать свободу переходить, *сперва* Юрьевымъ днемъ,—потомъ вслѣдствіе случившихся голодовъ, и проч.» Г. Костомаровъ опирается на слова: «сперва и прежде» Я соглашаюсь, что онѣ употреблены не съ строгою точностью: передъ «сперва» надо бы поставить нѣсколько точекъ, или прибавить, «сколько извѣстно изъ извѣстныхъ постановленій, или т. п.» Но все предшествовавшее, не только въ изслѣдованіи, но даже въ обозрѣніи, давало мнѣ право думать, что недоразумѣнія быть не можетъ. Ясно, напримѣръ, сказано было прежде, что самый Юрьевъ день былъ только степенью въ числѣ ограниченій, и т. п. Г. Костомаровъ поступилъ бы гораздо справедливѣе, еслибъ самъ исправилъ неточныя выраженія, или замѣтилъ бы, что онѣ нуждаются еще въ двухъ-трехъ пояснительныхъ словахъ. Упрекъ въ противорѣчіи принадлежитъ также къ тактикѣ рецензіи, о которой замѣчено выше, а не къ дружной, добросовѣстной критикѣ, коею авторъ и рецензентъ, въ нашемъ положеніи, стараются вмѣстѣ пояснить одно общее дѣло.

Указъ Шуйскаго г. Костомаровъ защищаетъ удачнѣе.

«Противорѣчіе въ указѣ Шуйскаго не есть такая исключительность, какой нельзя найти въ другихъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени и по которой можно заключить о неподлинности акта» (стр. 11).

Нѣтъ, такого противорѣчія, полнаго, твердаго, рѣшительнаго, и въ такой близости двухъ положеній, нельзя указать нигдѣ, и оно составляетъ совершенную исключительность: указъ никуда не годится, но мы его утверждаемъ—гдѣ еще есть такое противорѣчіе?

Г. Костомаровъ старается объяснить это противорѣчіе, раздѣляя указъ на двѣ части: докладъ и резолюцію, принадлежащія разнымъ лицамъ. Это остроумно, но все-таки неудовлетворительно: трудно допустить и то, чтобъ начальники Помѣстнаго Приказа, тѣ же бояре и помѣщики, сдѣлали подобный докладъ, и то, чтобъ соборъ и синклитъ постановилъ совершенно вопреки докладу, оставивъ его между тѣмъ безъ малѣйшаго возраженія.

«Подлоги составлять дьякамъ вовсе не такъ было легко на тѣхъ основаніяхъ, какія привелъ г. Погодинъ».

Въ текущемъ времени дѣлать было трудно, даже можетъ быть невозможно, по обманывать заднимъ числомъ, которое у меня и имѣлось въ виду—дѣло совершенно другое.

А вотъ это разсужденіе г. Костомарова совершенно вѣрно, и я вполнѣ соглашаюсь съ его основаніемъ:

«Да наконецъ, почему же именно отъ подлога, сдѣланнаго, какъ предполагаетъ г. Погодинъ, какимъ нибудь дьякомъ въ XVII вѣкѣ, можно ожидать скорѣе противорѣчій и безтолковщины, чѣмъ отъ подлинной бумаги того же времени? Намъ даже кажется на оборотъ. Противорѣчіе и безсмыслица въ оффиціальномъ актѣ можетъ происходить всего скорѣе отъ небреженія и отъ неумѣнья выражаться. А кто составляетъ подлогъ, тотъ долженъ быть особенно остороженъ на этотъ разъ; тотъ старается, чтобъ его подлогъ, сколько возможно, казался подлинникомъ» (стр. 12).

И такъ,—отъ чего подлогъ такъ неискусенъ, остается вопросомъ, загадкою.

«Никто не въ силахъ,« говоритъ г. Костомаровъ, «единственно по внѣшности слога и выраженій, отличить подложную бумагу, составленную дьякомъ XVII вѣка, отъ подлинной оффиціальной того же времени» (стр. 12).

Того же времени—это такъ, но подлогъ позднѣйшій, подлогъ, напримѣръ, сдѣланный лѣтъ чрезъ сто, отличить всегда бываетъ можно. На этомъ основаніи, не отвергается ли у насъ очень много документовъ?

Противорѣчія, указанныя мною въ законѣ Шуйскаго, съ сдѣланными въ промежуткахъ разрѣшеніями, г. Костомаровъ отстраняетъ искусно, и уступить ихъ ему можно.

Выраженія о царскомъ синклитѣ и вселенскихъ соборахъ показались мнѣ подозрительными: г. Костомаровъ указываетъ на подобныя въ подлинныхъ современныхъ документахъ, но я прошу его обратить вниманіе на контекстъ, рѣшающій, по моему мнѣнію, вопросъ о подлогѣ. Въ указѣ Борисовомъ видится одна ткань, слышится одна рѣчь, а въ мнимомъ указѣ Шуйскаго заподозрѣнное слово видится заплатою изъ другой настоящей ткани, слышится словомъ, взятымъ съ голоса, вставленнымъ. Впрочемъ все зависитъ

здѣсь отъ личнаго настроенія, личной точки зрѣнія и слуха, и спорить безполезно.

«Неужели признавать его подложнымъ единственно на основаніи недовѣрія къ Татищеву» (стр. 17)?

Я уважаю Татищева, и часто имѣлъ случай выражать ему свое уваженіе: по моему мнѣнію Татищевъ (къ которому неприлично приложенъ эпитетъ «заклейменый») можетъ быть предметомъ особой диссертаціи, которую и задавалъ я нѣкогда студентамъ. Но къ постановленію Шуйскаго о бѣглыхъ онъ показываетъ какое-то особенное расположеніе, такъ что мнѣ, впрочемъ мимоходомъ, слегка, представилась возможность его участія въ сочиненіи.

«Не станемъ, однако, опираться на него (указъ Шуйскаго)», говоритъ г. Костомаровъ, «изъ уваженія къ авторитету г. Погодина, въ надеждѣ, что онъ представитъ болѣе очевидныя доказательства его неподлинности».

Не въ комплиментъ за комплиментъ—я долженъ сознаться, что разсужденія г. Костомарова поколебали *нѣсколько* во мнѣ увѣренность въ подложности указа Шуйскаго.

Мѣсто въ указѣ 1601 года: «а которымъ людямъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ возити, одному человѣку изъ-за одного человѣка, одного крестьянина или двухъ, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного не возити», историки наши, вслѣдъ за Карамзинымъ, разумѣли, что позволялось возить крестьянъ, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе какъ по два вмѣстѣ.

Мнѣ казалось страннымъ, что позволялось переходить отъ помѣщика только по два крестьянина, и я принялъ объясненіе г. Лешкова: не по два, а по ровну: два за два, а не три и четыре.

Г. Костомаровъ недоволенъ объясненіемъ г. Лешкова, а предлагаетъ свое: не по два изъ селенія, а по два въ одно селеніе, такъ что всѣ крестьяне могли выйдти, но въ разныя селенія, не къ одному помѣщику, а къ разнымъ, по два къ каждому.

Но это объясненіе отнюдь не противорѣчитъ нашему: г. Костомаровъ только что развиваетъ его. Мы отнюдь не ограничивали выходъ двумъ изъ селенія, а попарно.

Выраженіямъ *сошелъ, сбѣжалъ* и т. п. г. Костомаровъ не придаетъ значенія, вопреки г. Аксакову, и думаетъ, что перехода въ

XVII вѣкѣ уже не было; но мимо этихъ выраженій я напомню ему, что переходъ былъ въ 1601 и 1602 годахъ, какъ значится изъ подлинныхъ указовъ, и что распоряженія о переходѣ и пребываніи были, какъ положительно извѣстно по этимъ указамъ, временныя и ежегодныя. Запрещенія же переходить положительно не было никогда, сколько извѣстно, слѣдовательно и проч.

Мнѣ остается теперь защитить толковитость старинной администраціи.

Г. Костомаровъ указываетъ на примѣры неясностей, неточностей, противорѣчій, безсмыслицъ.

Ну что же—онѣ отнюдь не опровергаютъ моего положенія, какъ частности и исключенія не уничтожаютъ правила. Скажетъ ли г. Костомаровъ, что наша администрація отличалась безтолковостію? Нѣтъ не скажетъ, да и не можетъ сказать. Если онъ не можетъ сказать этого, то долженъ согласиться, что мое положеніе допустить можно скорѣе, чѣмъ противоположное. Въ новой администраціи больше безтолковости, нежели въ старой. Прочтите старинные наказы, разверстки, исчисленія: дѣло въ ротъ кладется. А если брать всякое лыко въ строку, то разумѣется найдемъ вездѣ много неясностей или несообразностей.

Замѣтить надо еще вотъ что: иное кажется намъ несообразнымъ или противорѣчащимъ, потому что мы не понимаемъ съ отвычки старинаго языка, для современниковъ яснаго. Напомню мѣсто изъ исторіи Володимеровой «рать многа: оже вира, то на оружьи и на конихъ буди». Разумѣется, эти слова были понятны для всякаго, а сколько времени ломаемъ мы голову надъ ними напрасно!

Въ другомъ мѣстѣ я сказалъ, что настольныхъ реэстровъ и исходящихъ не было. Г. Костомаровъ приравнялъ это отсутствіе безтолковости, и слѣдовательно нашелъ противорѣчіе съ первымъ утвержденіемъ толковитости, заключивъ: «не кажется ли, что въ изслѣдованіи защищается толковитость нашей администраціи и дѣлопроизводства, когда эта толковитость нужна для подкрѣпленія любимой мысли, и черезъ нѣсколько страницъ, когда для подкрѣпленія той же мысли нужно, чтобъ эта администрація и дѣлопроизводство были безтолковы, они обвиняются въ такой безпорядочности, какой даже и не было на самомъ дѣлѣ» (стр. 11).

Скажу откровенно, что обвиненіе, такъ выраженное, оскорбило меня, и я не знаю, чѣмъ въ долговременное свое служеніе наукѣ я подалъ къ нему поводъ. Изслѣдуя, я ищу истины, а не фектую, могу ошибаться, но безъ умысла (*).

«Какъ же согласить такую безалаберщину, способствующую подлогамъ, самому большому злу, какое можетъ быть въ сферѣ дѣлопроизводства, съ высокимъ мнѣніемъ о толковитости этого дѣлопроизводства и администраціи?» (стр. 11).

На все есть время, скажу я г. Костомарову. Смѣшно въ періодѣ, напримѣръ, Русской Правды, искать настольнаго реэстра: онъ является уже очень поздно; но объ этомъ, какъ маловажномъ, оставимъ, чтобъ перейти къ главному.

Матвѣй Башкинъ, приводимый въ примѣръ противъ меня, представляетъ мнѣ хорошій случай поговорить о характерѣ старыхъ противорѣчій. «Башкинъ» говоритъ г. Костомаровъ, «осуждается какъ богопротивный и лукавый еретикъ, глаголавшій хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, называвшій честное и святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа простымъ хлѣбомъ и виномъ, отвергающій Церковь и всѣ ея преданія, и признающій даже все божественное писаніе баснословіемъ. Если таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ Башкинъ, то спрашивается: зачѣмъ онъ приходилъ на исповѣдь и говорилъ: «Христіяниинъ де есмь, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Бога Господа и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистѣй Богородицы и великимъ чудотворцемъ,

---

(*) Бываютъ случаи, когда, подъ вліяніемъ извѣстнаго взгляда, сближаются и кажутся между собою сходными такія стороны разсматриваемаго предмета, которыя, безъ этого соединяющаго взгляда, представляются не только несходными, но и противоположными. Къ такимъ случаямъ я относилъ противорѣчіе въ сужденіи г. Погодина о толковитости нашей старой администраціи и дѣлопроизводства. Я выразился: *не кажется ли*, а *кажется* не значитъ *есть*, и очень часто *кажется* такъ, когда въ тоже время знаешь, что въ самомъ дѣлѣ оно совершенно иначе. Сознаюсь, что я выразился не точно, сказавши: *не кажется ли*, вмѣсто того чтобъ сказать: *такимъ образомъ можетъ показаться*. Оскорбить письменно г. Погодина, пріобрѣвшаго право на уваженіе всѣхъ честныхъ людей своею долговременною дѣятельностію, не только въ сферѣ ученой, но и общественной—слишкомъ тяжело для совѣсти того, кто подвергается, хотя бы по собственной неосторожности, такому нареканію. Спѣшу просить извиненія за свою неловкость. *Н. Костомаровъ.*

и всѣмъ святымъ на иконѣ написаннымъ; а тогды—говоритъ священникъ—великими клятвами и молепіями умолилъ на исповѣдь приняти, и я его принялъ». Не есть ли это вопіющее противорѣчіе, говоритъ г. Костомаровъ, нападая на толковитость старинной администраціи. Да, да, отвѣчаю я г. Костомарову: Башкинъ могъ вольнодумствовать у себя дома на досугѣ, смущаться сомнѣніями, проболтаться подъ пьяную руку, и въ тоже время идти на духъ къ священнику съ просьбою разрѣшить его сомнѣнія, считая себя сыномъ Церкви. Такъ точно—мало ли что толкуютъ о власти теоретически раскольники, а на практикѣ они такіе же вѣрноподданные, какъ и прочіе. Въ слѣдственномъ дѣлѣ могли смѣшаться выраженія изъ обвиненія, оправданія, суда и рѣшенія.

Я воображаю себѣ «Матюшу», какъ называется онъ въ одномъ современномъ актѣ: это вѣрно былъ малый бойкой, смышленый, живой, отъ чего можетъ быть и прозваніе получилъ. Можетъ быть подвернулся ему какой-нибудь Нѣмецъ,—насторъ, лекарь, купецъ, познакомился съ нимъ, полюбилъ его и передалъ ему новыя Нѣмецкія мудрованія. Красно и сильно толкуетъ Нѣмецъ. Закружилась голова у бѣднаго Матюши! А въ Благовѣщенскомъ соборѣ попъ отецъ Симеонъ великій начетчикъ и знатокъ во всякихъ божественныхъ дѣлахъ. Къ нему идетъ Матюша: «Бога ради, ползуй мя душевнѣ, надобеть де что написано въ Бесѣдѣхъ тѣхъ честь, да на слово непадѣятись, быти-бъ и дѣломъ свершится; да все де начало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою начало показати да и насъ поучати».

Дока былъ отецъ Симеонъ, все зналъ, а тутъ видно опѣшилъ; ему и въ голову не могло попасть ничего подобнаго: пришелъ ко мнѣ сынъ духовный не обычный, и многіе вопросы предлагаетъ недоумѣнные, спрашиваетъ у меня поученія, да и самъ меня учитъ, весь Апостолъ воскомъ измѣтилъ....

Наряженъ судъ—сидятъ епископы и пресвитеры,—слушаютъ и диву даются, и проч. и проч.

О съ какимъ восторгомъ прослушалъ бы Пушкинъ такое объясненіе; какъ сталъ бы онъ представлять Матюшу, съ приглаженными волосами, съ разчесанной бородкой, идущаго въ Благовѣщенскій соборъ дрожащими ногами. Какъ разинулъ бы онъ ротъ за отца Симеона! Какъ изобразилъ бы весь встревоженный синклитъ!

Надо было слышать дѣтскій заливавшійся хохотъ Пушкина при подобныхъ объясненіяхъ. Такъ однажды представлялъ онъ мнѣ радость дьяка, который ввернулъ въ указъ Царя Алексѣя Михайловича крѣпкое словцо о Нѣмцахъ, чьихъ-то дѣтяхъ. Такъ любилъ онъ разсказывать, что нѣкоторыя женщины вольнаго обхожденія, или говоря новымъ языкомъ эманципированныя, соблюдаютъ строго посты, и по середамъ и пятницамъ ни за что въ ротъ не возьмутъ скоромнаго. Онъ вспомнилъ бы навѣрное Шекспира, и прочелъ бы цѣлую лекцію о славномъ трагикѣ, исчислилъ бы всѣ характеры въ подобныхъ положеніяхъ...

«И такъ остается признать», говоритъ г. Костомаровъ, «что мысль о томъ, будто Борисъ не прекращалъ Юрьевскаго перехода и что это право существовало послѣ него и въ XVII вѣкѣ—не принимаетъ характера исторической истины послѣ доказательствъ гг. Погодина и Аксакова. Пока почтенные изслѣдователи, желающіе внести ее въ науку, не подтвердятъ своихъ положеній новыми, болѣе очевидными, свидѣтельствами того времени, общепринятое мнѣніе будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе доказательствъ.»

Смѣю думать—напротивъ, какъ читатели могутъ судить по вышепредложеннымъ объясненіямъ. Г. Костомаровъ пропустилъ еще вотъ какія прежнія мои доказательства и соображенія: о пятилѣтнемъ срокѣ въ указѣ 1606 года, съ положительною ссылкою на старый приговоръ, о трудности пропасть такому важному указу какъ мнимое запрещеніе 1592 года, объ отсутствіи запрещенія въ Уложеніи и всякаго намека въ другихъ документахъ, о странныхъ выраженіяхъ въ указѣ Шуйскаго, кромѣ синклита и вселенскихъ соборовъ, о выраженіи въ указѣ 1602 г. «которые крестьяне похотятъ», и проч.

Впрочемъ, повторю слова моего прежняго заключенія: предметъ этотъ далеко не достигъ еще до яснаго изображенія, требуемаго наукою. Нужно еще много надъ нимъ поработать; нужно сдѣлать изслѣдованія полныя и обстоятельныя о разныхъ соприкосновенныхъ предметахъ, равно какъ и о предметахъ, входящихъ въ его составъ, а именно:

1) О черныхъ или тяглыхъ земляхъ. 2) О княжескихъ и дворцовыхъ земляхъ. 3) О церковныхъ земляхъ. 4) О княжеской частной собственности. 5) О помѣстьяхъ. 6) Объ отчинахъ. 7) Объ обязан-

ностяхъ помѣщиковъ къ правительству. 8) Объ обязанностяхъ крестьянъ къ помѣщику и къ правительству. 9) О правахъ крестьянъ. 10) О частномъ владѣніи. 11) О бѣглыхъ. 12) О порядныхъ. 13) О завѣщаніяхъ. 14) О дарственныхъ записяхъ.

М. ПОГОДИНЪ.

Іюня 28
1859 г.

Два слова М. П. Погодину.

Г. Погодинъ, въ своемъ отвѣтѣ мнѣ, замѣчая, что въ статьѣ, на которую писанъ его отвѣтъ, я нѣсколько разъ выразилъ желаніе, чтобъ были указаны постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ до 1597 г., относитъ такое требованіе къ пріемамъ журнальной стратегіи, а не исторической критики. Г. Погодинъ говоритъ: «г. Костомаровъ знаетъ очень хорошо, что такихъ указовъ на лицо нѣтъ, и что если бъ они были, то нечего было бы толковать и спорить о времени запрещенія, писать разсужденія, трудиться надъ изслѣдованіями, дѣлать предположенія. Слѣдовательно онъ могъ ясно понять, что я говорю о возможности, а не о дѣйствительности.»

Откровенно сознаюсь, что не понялъ, и думалъ, напротивъ, что идетъ дѣло о дѣйствительности, а не о возможности, что г. Погодину извѣстны такіе указы, или по крайней мѣрѣ у него есть доказательства на существованіе ихъ. Г. Погодину, недавно еще обладавшему сокровищами, обогатившими Публичную Библіотеку, могло быть извѣстно многое, что̀ неизвѣстно тѣмъ, которые, подобно мнѣ, знакомы болѣе съ печатными и общедоступными, чѣмъ съ рѣдкими и малоизвѣстными источниками. Притомъ же г. Погодинъ выразился положительно, что указы, о которыхъ идетъ рѣчь, существовали и прежде, при Іоаннахъ. Такимъ образомъ, съ своей стороны, и я скажу словами г. Погодина, что я не виноватъ и взысканію не подлежу за то, что г. Погодину угодно было выразиться въ смыслѣ дѣйствительности, а не возможности.

На чемъ же г. Погодинъ основываетъ возможность существованія такихъ указовъ?

Я сказалъ: такихъ указовъ, сколько мнѣ извѣстно, не было.

Г. Погодинъ отвѣчаетъ мнѣ: Да, не было, сколько извѣстно; но было, сколько неизвѣстно, то есть поколику ихъ предполагать можно и должно.

Да не укоритъ меня г. Погодинъ въ журнальной стратегіи, въ которой я не хочу упражняться, если я отвѣчу ему такъ: нельзя

сказать, что они были, потому что они неизвѣстны; а предполагать ихъ не должно по слѣдующимъ соображеніямъ:

Слово «бѣглый», какъ теперь, такъ и въ древности, означало самовольно перемѣнившаго свое мѣстопребываніе и положеніе, тогда какъ къ этому мѣсту и положенію привязывала его законная сила безусловно, и когда онъ былъ возвращаемъ къ прежнимъ обязанностямъ, отъ которыхъ уклонялся. Такимъ образомъ, мы называемъ бѣглымъ крѣпостнаго человѣка, ушедшаго отъ помѣщика, арестанта, убѣжавшаго изъ тюрьмы или съ работъ, солдата, самовольно ушедшаго отъ службы, называемъ потому, что всѣ эти лица возвращаются закономъ къ прежнему своему состоянію: крестьянинъ къ помѣщику, арестантъ въ острогъ или арестантскую роту, солдатъ въ свой полкъ; независимо отъ наказанія, которое они несутъ за свой побѣгъ, они оставляются въ томъ положеніи, отъ котораго уклонились побѣгомъ. Нельзя назвать бѣглымъ мѣщанина, который нанялся въ услуженіе къ какому-нибудь лицу, и обокравши его, убѣжалъ. Онъ преступникъ, но не бѣглый; подвергается взысканію, но не отдается закономъ въ прежнюю службу безусловно. Въ старину понятіе о бѣгломъ было такое жъ: бѣглымъ назывался холопъ, ушедшій отъ господина, рабъ, возвращаемый, въ случаѣ поимки, въ прежнее рабство; назывался въ XVII вѣкѣ бѣглымъ и посадскій, котораго возвращали въ тягло; назывался бѣглымъ и служилый человѣкъ, котораго возвращали въ службу. Крестьянинъ, имѣя право перехода отъ владѣльца земли, на которой жилъ, не былъ его принадлежностью, какъ холопъ, и нѣтъ указанія, чтобъ въ случаѣ самовольнаго удаленія съ земли владѣльца, онъ возвращался снова на прежнее мѣсто: предположить это, значило бы принять, что крестьянинъ за побѣгъ дѣлался принадлежностью помѣщика, то есть его холопомъ. Но этого не видимъ мы даже и въ послѣдствіи, когда крестьяне были уже прикрѣплены къ землѣ: они возвращались и поступали снова въ крестьяне, но не въ холопы. Если же предположить, что такъ было и въ XVI вѣкѣ, во время существованія права перехода, тогда уничтожается самое это право: надобно будетъ принять, что крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Если крестьянинъ, заключивши договоръ съ помѣщикомъ въ ноябрѣ, бѣжалъ отъ него въ іюлѣ будущаго года, а пойманъ въ ноябрѣ: какъ же можно было его возвратить на прежнее

жительство, когда онъ и безъ того имѣлъ право перемѣнить его въ это время? Очевидно, что крестьянинъ, бѣжавшій отъ помѣщика до срока, въ который могъ по закону уйти отъ него, подвергался взысканію, какъ свободный человѣкъ, за нарушеніе договора, и присуждался къ вознагражденію убытковъ, нанесенныхъ хозяину, и слѣдовательно не могъ быть какъ рабъ возвращаемъ безусловно на прежнее жительство.

Понятно, что пока крестьянинъ имѣлъ право свободнаго перехода и въ случаѣ бѣгства подвергался взысканіямъ, какъ свободный человѣкъ, за нарушеніе договора, до тѣхъ поръ не могло быть и законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ; а слѣдовательно и время, съ котораго такіе законы появляются, можно почесть временемъ прекращенія для крестьянъ права свободнаго перехода. Поэтому, если указъ 1597 года относитъ первое появленіе *бѣглыхъ*, подлежащихъ возврату владѣльцамъ, крестьянъ къ 1592 году, то къ этому послѣднему году отнести слѣдуетъ и прекращеніе перехода.

Такимъ образомъ, если можно предполагать, что въ XVI вѣкѣ были какія-нибудь постановленія о способахъ взысканія съ крестьянъ, ушедшихъ отъ помѣщиковъ прежде срока, то эти постановленія должны быть совершенно инаго рода, чѣмъ тѣ, какія наступаютъ со времени указа 1597 года, относящаго поводъ своего появленія къ 1592 году. Могли быть указы о взысканіяхъ съ неисправныхъ крестьянъ, но не указы о бѣглыхъ крестьянахъ. Если же указы о бѣглыхъ крестьянахъ существовали прежде, то значитъ и прежде крестьяне были прикрѣплены къ землѣ безусловно.

Всякая дальнѣйшая полемика по этому предмету едва ли можетъ привести къ чему-нибудь. Для полнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса слѣдуетъ искать: какого рода взысканія опредѣлялись крестьянамъ, ушедшимъ отъ владѣльцевъ, во время существованія права свободнаго перехода?

Взглядъ г. Погодина на личность Матвѣя Башкина убѣдителенъ; но онъ не исключаетъ моего взгляда на способъ суда надъ нимъ. Еслибъ наше судопроизводство было толковито, то его судьи обратили бы вниманіе на противорѣчія и пришли бы къ сужденію о Башкинѣ, близкому къ сужденію о немъ г. Погодина, и не обви-

нили бы его и его соучастниковъ въ отрицаніи Церкви, на томъ основаніи, что они называли Церковью собраніе вѣрующихъ, а не зданіе церковное; равнымъ образомъ не вывели бы на нихъ отверженія таинства исповѣди, основываясь на выраженіяхъ, что если кто не грѣшитъ, тотъ не грѣшенъ, хотя бы не каялся въ томъ, въ чемъ не могъ каяться.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

6 іюля 1859.

ИЗВѢСТІЕ О РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Изъ книги Космографіи, яже переведена съ Римскаго языка на Славенскій. отъ созданія міра 7173 (1665) года. *

Царство и великое княжество Россійское—благочестивое христіанское, народъ издревле, иже обитати начатъ во странахъ онѣхъ по раздѣленіи языкъ, и глаголютъ своимъ словенскимъ языкомъ. Земля велика и широка, пространство же свое имѣетъ межъ всѣхъ частей вселенныя: на востокъ даже до Азіи и до моря, глаголемаго Каспія, еже есть Хвалинское море, и до странъ Персскихъ и до предѣловъ Херсонскихъ и до украинъ Турскихъ, до моря, называемаго Чернаго; на западъ же даже до предѣлъ нѣмецкихъ Лифляндскія земли и до моря Варяжскаго; на сѣверѣ же даже до великаго окіяна и до земли Лопскія и Норвецкія и паки къ востоку даже до Ледовитаго моря и до земли Сибирскія. Имать же подъ собою и Сибирскую землю и царства: Казанское и Астраханское и къ симъ прилежащіе народы татарскіе, нагайскіе, колмыцкіе, черкасскіе, черемисскіе, мордва, иныхъ народовъ немало и сихъ имутъ во всякомъ повиновеніи, съ нихъ же и дань емлютъ сребромъ и коньми и звѣрми различными.

Людіе же земли русскія изначала имуще свое житіе въ лѣсахъ, въ горахъ и въ поляхъ, якоже и кочевые народы, и надъ собою ни начала имуще никакого, ниже градовъ, ни весей, но яко звѣріе въ горахъ, въ лѣсахъ скитающеся бѣдне; питающеся же стрѣльбою лучною, звѣрми всякими и птицами.

(*) Сказаніе это помѣщено въ хранящейся у меня рукописной географіи съ атласомъ, писанной трудами протоіерея Суздальскаго собора Іоанна Іоаннова въ 1763 году; нѣкоторые изъ трудовъ его представлены мною, въ 1857 году, въ Императорскую Публичную библіотеку. *К. Тихонравовъ.*

Потомъ же научившеся отъ окрестныхъ странъ начаша домы строити, а потомъ и грады ограждати и нарицахуся Скиѳія многочеловѣческая. А по семъ избраша себѣ отъ нѣмецкихъ странъ Прусскія земли нѣкоего князя именемъ Рюрика, отъ колѣна Августа, кесаря римскаго (въ лѣто 6375), во время царствованія греческаго царя Михаила и матери его Ѳеодоры, иже православную вѣру о поклоненіи иконъ утвердиша; и той князь Рюрикъ и по немъ бывшіе нарицахуся Великіе и тако управляеми бываху сихъ властію.

Людіе же зело воинственніи и бяху брани любяще и храбрственно воююще и находяще христіанскія страны плѣнующе всѣхъ, нѣкогда же и Царьградъ пришедше повоеваша, емлюще и ни единожды обладаху.

Россійстіи народи въ древнія времена владяху Литвою и Уграми и Болгары загорскими и волгскими и иными странами, прилежащими окрестъ ихъ, и дань на нихъ емлюще; и житіе свое имуще весьма сурово и безчеловѣчно.

Потомъ же въ лѣто 6496 пріяша святое крещеніе отъ Грекъ начальникъ ихъ великій князь Владимиръ Кіевскій, правнукъ Рюриковъ, во дни греческихъ царей Василія и Константина, и отъ Грекъ воззва митрополита и епископы и во градѣхъ и́ устрои, и крестишася тогда вся россійская земля во имя Отца и Сына и Святаго Духа и оттолѣ на лучшее поучахуся, но аще и крестишася, но рати не осташася и часто греческія предѣлы нахождаху и зело плѣняху. Потомъ же греческій царь Константинъ Мономахъ, видя отъ нихъ греческимъ предѣламъ утѣсненіе и народу своему погубленіе, сотвори съ ними миръ и любовь и великому князю россійскому присла къ нему, почитая его царскою частію, съ послы своими царскій вѣнецъ и діадиму и скипетръ и державу златую со драгимъ каменіемъ и сотвори его честію равна себѣ, въ лѣто 6621. Имяше же страна россійская князей многихъ отъ колѣна россійскаго и Владимерова и кождо ихъ владяху своимъ градомъ и страною удѣльною, и отъ того бысть въ нихъ нестроеніе и мятежъ и за несогласіе и несовѣтъ плѣнена бысть россійская страна отъ нѣкоего татарскаго царя, именемъ Батыя, отъ Златыя Орды въ лѣта 6745, иже многія страны плѣни на востоцѣ и западѣ, и оттолѣ обладаема бяху отъ царей Златыя Орды Россія время немало.

Потомъ же россійстіи князи отъ всѣхъ градовъ избраша себѣ

градъ Москву, его же и главу всѣмъ градомъ сотворпша и начаша поставляти у себя царей, яко же и въ греческой землѣ, но и еще мнози быша князи по различнымъ градевомъ; и видяще себѣ насилуемыхъ отъ иностранныхъ сосѣдъ и между собою сотворше совѣтъ и повинувшеся единому старѣйшему отъ всѣхъ князей, царю и великому князю Владимірскому и Московскому, и вси совокупльшеся во едино и пріемше къ себѣ крымскаго царя и сего вземше въ помощь, Златыя Орды воинство изъ Россіи изгнаша и царство Златую Орду и Казань и Астрахань и до нихъ прилежащіе языки себѣ поработиша и нынѣ держатъ подъ своимъ владѣніемъ, а сами никѣмъ же обладаеми. Царь же великороссійскій великъ и богатъ зело и воинства и пѣшаго и коннаго, весьма вооруженнаго, имѣетъ множество. Земля же россійская хлѣбомъ всякимъ зело преизобильна и скота всякаго и коней имать множество и кони ихъ хотя не велики, но зело крѣпки и пажити имутъ скотомъ пространныя. И грады имѣютъ каменные твердые и древяные, а паче всѣхъ царствующій пресловущій градъ Москва, величествомъ зело великъ и крѣпокъ и треми стѣнами каменными огражденъ, ему же величествомъ и крѣпостію едва во всей Европѣ подобенъ градъ обрѣтается. Имутъ же и рѣки великія: Волгу, Двину, и Каму, и Вятку, и Донъ и Оку и иныя великія рѣки и озера многія и великія и въ нихъ рыбъ безчисленно множество и всѣми благими, яже износитъ изъ себя земля и вода, наполнена и птицъ всякихъ множество, точію злата и сребра и виноградовъ въ себѣ неимущіи. Людей же имать въ себѣ множество, купецкихъ, а паче поселянъ многое число, такожде и воинскихъ и противо непріятелей своихъ храбрственно стоятъ своими людьми.

Потомъ же, изряднаго ради православія ихъ, по совѣту четырехъ патріархъ вселенскихъ и своихъ митрополитовъ и епископовъ, благовѣрный государь и великій царь Ѳеодоръ Іоанновичь, всея Россіи самодержецъ, устрои въ царствующемъ градѣ Москвѣ патріарха, якоже въ Константинѣ градѣ и во Іерусалимѣ, по градомъ же митрополиты, архіепископы и епископы устроиша мнози. Люди же страны тоя своимъ государемъ во всемъ повинующеся и ничѣмъ никогда противленія не творяше. Царіе же ихъ и святители зело благочестиви и христіанскую вѣру держаще крѣпко, отнележе пріяша святое крещеніе и донынѣ ни единъ бо отъ нихъ бысть ере-

тикъ; елицы же отъ нихъ кто въ вѣрѣ заблудится, таковыхъ заточеніемъ дальнимъ осуждаютъ и ересемъ никакимъ отнюдь не допущаютъ плодитися. По чужимъ государствамъ никуда не ѣздятъ, развѣ въ посольствѣ, боящеся, да нѣчто отъ нихъ навыкнутъ и въ ересь впадутъ; къ симъ же и отъ своихъ государей воли о семъ не имутъ; сего же ради и навѣтуеми и ненавидими отъ многихъ странъ, яко вѣру христіанскую, юже пріяша отъ грекъ, держатъ крѣпко и непреложно и ересей отнюдь ненавидятъ. И ученыхъ людей и дохтуровъ и филисофовъ имѣютъ у себя мало, для того что книжному писанію учены не вси, точію вельможи и воинскіе люди и купецкіе лутчіе люди, прочіе же рабы и поселяне зело неучены и грубы и мятежливы и ропотливы и сего ради отъ господей своихъ по премногу наказуеми, а наче злые люди воры и разбойники казними бываютъ злыми смертьми. Нѣкогда же сихъ множество возмогше собою несмысленни и грабленія ради и самовольства избраша себѣ нѣкіе отъ злодѣй начальники и царя именовавше, многу пакость государству своему сотворше и царство оное великое въ великую бѣду и тщету приведше, къ нимъ же приставше и окрестныя страны Поляки и Литва и Нѣмцы, и тѣмъ много зла христіаномъ сотворша и едва въ незапустѣніе великое царство положше. Послѣди же паки вси совокупльшеся, иновѣрные отъ себѣ изгнаша и грады расточенные паки пріяша. Но аще и не вси книжному писанію учены, вѣрою вси людіе зело благочестивы и церквей Божіихъ и монастырей имутъ много, подобно звѣздамъ, иноковъ же безчисленно, отъ нихъ же мнози святители иноцы чудесы просіяша и отъ гробовъ муро и исцѣленія многа источиша, яко же въ греческой земли во Іерусалимѣ и въ Римѣ. Къ церквамъ же и монастырямъ весь народъ податливы и церковную красоту и благолѣпіе зело любяще и въ церквахъ имутъ честныя иконы и сосуды украшени златомъ и бисеромъ и всѣми потребными, и во всей Европѣ красотою Божіихъ храмовъ подобныхъ имъ не обрѣтается; къ нищимъ же зело милостивыи и податливыи; и святительскій иноческій чинъ имутъ въ велицѣй чести и посты держатъ по древнему преданію крѣпко и непремѣнно. Ризы носятъ долги и особымъ обычаемъ разноцвѣтны, отъ иныхъ странъ различно; человѣцы же возрастомъ велики и добродни и брадами сановиты, но корысти желательны и нравы непостоянны, женъ же имѣютъ по единой кождо и втораго и треть-

аго брака не отрицаются, а четвертый отнюдь въ нихъ не именуется; зело же имутъ въ покореніи жоны своя, дотолика, яко ничтоже могуще сотворити въ дому своемъ кромѣ воли мужа своего. Дѣвы же зело хранятъ чистоту, велико бо въ нихъ стыденіе и поношеніе: еже которая дѣва обрящется несохранивъ дѣвства своего до законнаго сочетанія, таковую мужъ ся аще и любитъ, но всегда ее симъ оскорбляетъ, и сего ради дѣвы вельми хранятся, и честны (*) пребываютъ не точію воздержанія ради, но паче страха, и елицы жъ въ нихъ обрящутся несохранивъ дѣвства своего до сочетанія брачна, многъ страхъ и раны и безчестіе многое пріемлютъ отъ судей и отъ своихъ сродниковъ поношеніе. Мнози же отъ нихъ мужіе и жены и таковы суть иже отъ юности своея вдаша себѣ Богу, иноческое житіе возлюбиша, и чистоту тѣлесную хранятъ до дне смерти своея. Обрѣтаются же въ нихъ и таковыя невоздержныя жены, иже сладости и слабости ради своя, отдѣливше себя на всякую нечистоту, невоздержно похотнѣ плотское совокупленіе исполняютъ, обаче таковыя велико мученіе подъемлютъ, предъ всѣми обнажаеми и біеми лютѣ; елицы же помышляюще убивствомъ на мужи своя, такови смертьми казними и въ землю жива окопаеми бываютъ. Пити же народъ тотъ россійскій, наипачеже простіи поселяне, зело любятъ много, понеже воздухъ имутъ вольный, ни вельми горячь, не весьма студенъ. Имутъ же нѣкія страны и мразы великія и нестерпимыя, обаче тѣ страны человѣкамъ здравѣйша и болѣзней имутъ мало, яко мразомъ изводящу отъ нихъ болѣзнь тѣлесную. На бранѣхъ же россійстіи людіе весьма терпѣливы и зело мужественныи и всякую нужду великую терпятъ пребывающе безъ пищи. Государемъ же своимъ всякое повиновеніе и послушаніе зело имѣютъ великое во всемъ. Царіи же зело самовластни и все творятъ по повелѣнію ихъ, иже и въ писаніихъ всюду нарицаются Императоры, еже есть самодержцы. Общій же народъ самовольства ихъ ради блюдоми и востязуеми вельможами и судіями градскими и господіями своими, непопущающе имъ отъ обычайныхъ преданій нимало чего же премѣнити. Народи же подданніи россійскому государству си: Татаровя, Черемиса, Мордва, и Лопяне и иныхъ языкъ, и зело имуть ихъ въ порабощеніи, яко да не паки возмогутъ и сопро-

---

(*) *Въ подл. ошибк.* что.

твятся. Раздѣлено же великое Россійское государство на многія княжества, яже суть сія: 1) Великое княженіе Владимерское, начальное и главное всея Россіи. 2) царство и великое княжество Московское всея Россіи. Къ симъ же общее и Суждальское великое княженіе. 3) Государство и великое княженіе Новгородское. 4) Царство пространное Казанское. 5) Царство Астраханское. 6) Царство Сибирское. 7) Государство Псковское. 8) Великое княженіе Смоленское. 9) Страна и языкъ Пермскій и земля Вятцая. 10) Великое княженіе Тверское. 11) Великое княженіе Черниговское и Сѣверское. 12) Великое княженіе Рязанское и Муромское. 13) Великое княженіе Ростовское и Ярославское. 14) Великое княженіе Бѣлоезерское и Галицкое. 15) Великое княженіе Нижегородское. Къ симъ же великимъ княжествамъ быша мнози гради по раздѣленіи и по раздѣлѣ коегожда княжества.

Древніе акты въ Родословныхъ.

(Письмо къ Редактору).

Посылаю вамъ точные списки (съ моими замѣчаніями) съ трехъ грамотъ, извлеченные мною изъ незасвидѣтельствованной копіи съ родословной рода Бестужевыхъ. Копія эта хранится въ фамильномъ архивѣ Алексѣя Васильевича Бестужева, а подлинная родословная подана въ Разрядъ его предками въ 1686 году. Она писана небрежнымъ почеркомъ, на тетрадкѣ простой бумаги, въ поллиста; бумага имѣетъ фабричное клеймо: П О З. Надстрочныхъ знаковъ нѣтъ въ рукописи и года означаются не буквами, а цифрами. Неизвѣстная грамота замѣчательна тѣмъ, что служитъ новымъ доказательствомъ недобросовѣстности дьяка Щелкалова при разрѣшеніи мѣстническихъ споровъ (Симбирск. Сборникъ, стр. л. 37 пред. и 40). Сообщаю вамъ эти грамоты болѣе для того, чтобы обратить ваше вниманіе на Родословныя, какъ на совершенно еще нетронутый сборникъ весьма интересныхъ и по древности и по содержанію актовъ, существовавшихъ въ 1680-хъ годахъ, а теперь, можетъ быть, уже истребленныхъ.

А. ТОЛСТОЙ.

I.

Жалованная грамота на городъ Серпейскъ (1469 г.).

Се азъ князь великій Иванъ Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми бояриа своего Якова Гавриловича Рюмы Бестужево, за многіе службы его и за выѣздъ отца его Гаврила Беста, городомъ Серпейскомъ, съ судомъ и съ данью, съ мыты и съ перевозы и со всѣми пошлинами. И кто у него имутъ жити люди, и намѣстники мои и волостели и ихъ тіуны и доводчики и праветчики тѣхъ его людей не судятъ ни(въ)чемъ; а праветчики и доводчики кормовъ и поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что; а судятъ и вѣдаютъ тѣхъ его Яковлевыхъ людей его тіуны судомъ и данью и всякими пошлинами. А далъ язъ князь великій Иванъ Ва-

сильевичь сю грамоту лѣта 6977 августа въ 8 день(*).—У подлинной грамоты назади подпись: «Князь великій Иванъ Васильевичь всея Русіи;» грамота за красною печатью.—А подлинной списокъ съ грамоты поданъ въ Розрядъ съ росписью, за рукою столника Петра Михайловича Бестужева.

II.

Невмѣстная грамота 1509 года.

Се язъ князь Василей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми околничего своего Матвѣя Яковлевича Бестужево (**), что билъ челомъ онъ на Андрѣя Петровича Нагова (***), по моему (де) указу велѣно быть на Коломнѣ воеводамъ: князю Андрѣю Васильевичю Ногтеву да Андрѣю Петровичю Нагово, да ему околничему Матвѣю Яковлевичю Бестужеву, да Михайлу Бакѣеву, и ему Андрѣю менши Андрѣя Нагова быть невмѣстно: и язъ князь великій его Матвѣя пожаловалъ, менши Андрѣя Нагова быть не велѣлъ, а велѣлъ ему быть къ Москвѣ и далъ на Андрѣя Нагово невмѣстную грамоту; а на Коломнѣ велѣлъ язъ быть: князю Андрѣю Васильевичю Ногтеву, да Андрѣю Нагову, да Михайлу Бакѣеву. А далъ язъ князь великій Василей Ивановичь сю грамоту лѣта 7017 году іюля въ 20 день.—У подлинной грамоты назади подпись: «Князь великій Василей Ивановичь всея Русіи»; грамота за черною печатью.—А подлинный списокъ съ грамоты поданъ въ Розрядъ съ роспискою, за рукою столника Петра Михайловича Бестужева.

(*) Въ копіи съ родословной годъ грамоты поставленъ 6877 (1369), равно и выѣздъ Гаврилы Беста показанъ въ ней не въ 1403 году, какъ бы слѣдовало, а въ 1303. Можетъ быть этой умышленной ошибкой переписчикъ хотѣлъ придать древность роду Бестужевыхъ. Но далѣе въ той же копіи выѣздъ Беста означенъ 1403 годомъ. См. Энциклопедич. Лекс. ст. «Бестужевы» и Русск. Геральд. Лакіера стр. 511.—(**) По Родословной сынъ Якова Рюмы Бестужево, внукъ Гаврила Беста, Василій, *прозвищемъ* Матвѣй Яковлевичь Бестужевъ ходилъ въ 1477 г. посломъ въ Орду.—(***) За симъ въ подлинномъ спискѣ прибавлено: «что»: но я не рѣшился внесть это слово въ текстъ, сомнѣваясь было ли оно въ самомъ подлинникѣ: вѣроятнѣе, что въ послѣднемъ вмѣсто его стояла прибавленная мною въ скобкахъ частица: «де». *Редакторъ.*

III.

Невмѣстная грамота 1585 года.

Отъ царя и великого князя Өедора Ивановича всея Русіи воеводѣ нашему Замятнѣ Андрѣевичю Бестужеву. Писалъ еси къ намъ (*), по нашему (де) указу велѣно быть (на нашей службѣ на луговой, въ Санчужскомъ, (въ) болшомъ полку: князю Григорью Осиповичю Засѣкину да Меншому Волынскому; въ передовомъ полку Ивану Микифоровичю Чепчюгову (**) да Ивану Товарищеву, а въ сторожевомъ полку тебѣ; а по нашему де указу передовой полкъ съ сторожевымъ равно, и тебѣ князя Григорья Засѣкина стеречь, а съ Иваномъ Чапчуговымъ въ равенствѣ быть невмѣстно, и чтобъ тебѣ дать счетъ. И мы великій государь указали, велѣли быть на той службѣ: въ болшомъ полку князю Григорью Засѣкину да Меншому Волынскому; въ передовомъ полку тебѣ, да съ тобою Ивану Товарищеву; а въ сторожевомъ полку, на твое мѣсто, Ивану Чепчугову.—И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и тыбъ былъ на нашей службѣ въ передовомъ полку да съ тобою Иванъ Товарищевъ, а Иванъ Чепчуговъ въ сторожевомъ полку, (и вамъ бы) по нашей грамотѣ нашимъ дѣломъ промышлять со княземъ Григорьемъ Осиповичемъ, а розни (бъ) межъ вами въ томъ дѣлѣ не было, и о томъ ко князю Григорью наша грамота послана. Писана на Москвѣ, 7093 году августа 23 день (***).

(*) Здѣсь, въ подл. спискѣ, также прибавлено «что».—(**) Чепчуговъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, назывался не Иваномъ, а Дементіемъ: въ Розрядной книгѣ 1585 г. читаемъ: «поставили на луговой сторонѣ въ Черемисѣ Шанчуринъ городъ, и для береженья были воеводы: въ болшомъ полку князь Григорій Осиповичъ Засѣкинъ да Меншой Григорьевичъ Волынской; въ передовомъ полку: *Дементей* Микифоровичъ Чепчуговъ да Иванъ Мансуровъ сынъ Товарищевъ; въ сторожевомъ полку *Замятня Бестужевъ*» (Симбирск. сборн. стр. 89).

(***) Подлинная грамота была за помѣтою дьяка Андрея Щелкалова. При родословной представленъ списокъ, а подлинный текстъ не сысканъ, что видно изъ заглавія этой грамоты, въ которомъ написано: «списокъ со списка съ грамоты, а подлинной не сыскано—свидѣтельствуетъ о томъ въ Розрядныхъ книгахъ».

ПОМЯННИКЪ Д. ДЬЯКА УКРАИНЦЕВА.

Въ церкви Николы Пруженскаго (Богородскаго уѣзда въ селѣ Макаровѣ) находится весьма интересная книга, которую мы назовемъ Помянникомъ думнаго дьяка Украинцева (Емельяна Игнатьевича), потому что въ началѣ ея записаны предки этого извѣстнаго дьяка Посольскаго Приказа, и потому что она была отдана имъ въ 1684 году въ означенную церковь для поминовенія его родителей (**), но въ которую вмѣстѣ съ тѣмъ, въ продолженіе уже болѣе полутораста лѣтъ, вносятся для поминовенія и другіе роды, именно роды священниковъ и простолюдиновъ, принадлежащихъ къ Пруженскому приходу. Такимъ образомъ этотъ Помянникъ не только составляетъ историческій матеріалъ, но имѣетъ и практическое значеніе, если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, священникъ, сообщившій намъ его на разсмотрѣніе, просилъ о возвращеніи какъ можно скорѣе для того, чтобы усопшіе не оставались безъ поминовенія. И такъ молитва за предковъ Украинцева не умолкаетъ; но въ тоже время, благодаря этому Синодику, не умолкаетъ въ Пруженской церкви и общая молитва за усопшихъ, по мысли самого вкладчика, который помѣстилъ въ ней въ самомъ началѣ поминовенія, относящіяся къ лицамъ разныхъ вѣковъ и состояній, безъ означенія ихъ именъ, но съ подробнымъ исчисленіемъ различныхъ родовъ смерти поминаемыхъ: «гладомъ измершихъ, убіенныхъ, скончавшихся отъ мраза, изъѣденныхъ», и проч.

Общія поминанія оканчиваются на 8 л. рукописи; за ними слѣдуютъ отдѣльныя имена, мужскія и женскія, въ числѣ коихъ встрѣчается много «убитыхъ», одна взятая въ плѣнъ («въ полонъ заведшіе)» и двѣ «сожженые». Послѣ этихъ именъ помѣщены «предки рода Украинцевыхъ», изъ коихъ также много «убитыхъ» (въ сраженіяхъ). Родъ Украинцевыхъ сливается съ именами другихъ родовъ, ко-

(**) Вотъ полное заглавіе Помянника, помѣщенное послѣ заставки, состоящей изъ круга съ «травами»: «Помянникъ родителей усопшихъ государственнаго Посолскаго Приказу думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, состроенъ въ лѣто отъ созданія міру 7193-е, а отъ воплощенія Сына Слова Божія 1600 (*ошибк. вмѣсто* 1684) мѣсяца октября въ 18 день».

торые писаны отчасти новымъ почеркомъ. Въ числѣ ихъ читаемъ имена: «Өеодора безвѣстнаго» и «утопшаго Никиты».

Съ 16-го листа помѣщены отдѣльные роды: «родъ Георгія Иванова»;» «родъ Логина»; «родъ Надежды Григорьевой» (здѣсь встрѣчаются имена: графа Алексія, графини Екатерины, графа Петра, графини Мавры); «родъ іерея Никифора Антонова Селезенева» (здѣсь поминаютъ «Луку плѣненнаго»; «Устюжскую силу побитыхъ подъ Котеличемъ, Өеодора Патрикія (и) ихъ прочую силу, 7000»; «Раба Твоего, его же имя Ты, Господи, вѣси»); «родъ іерея Леонтія Потапова»; «родъ Стефана Серьгіева Селезенева»; «родъ іерея Георгія Леонтьева (24 л.)». Имена послѣдняго рода записаны недавно.

На л. 25 сдѣлана слѣдующая помѣта новѣйшимъ почеркомъ:

«О упокоеніи рабовъ Божіихъ:

Филиппа Матөія Стефана Праскову Татьяну Матрену Вассу Георгія	Поминать въ годъ проситъ женщина дерев. Ботова Ирина Шимаева.

Листы 26—84 бѣлые, а на л. 84 записано: «Отъ Рождества Христова 1801 года мѣсяца іуня 5 дня преставися рабъ Божій погосту Прушковъ церькви Николая чудотворца священникъ Георьгій Леонтьевъ, при солнечномъ закатѣ».

На л. 86 записано: 1761, отъ Рождества Христова 1761 году мѣсяца марта 26 дня представися рабъ Божій погосту Прушковъ церкви Николая чудотворца священникъ Леонтій Потаповъ, ввечеру по солнышномъ закатѣ».

Кажется, по этимъ двумъ замѣткамъ можно заключить, что оба умершіе священники находились въ ближайшемъ между собою родствѣ и священствовали преемственно: сынъ послѣ отца.

Въ заключеніе замѣтимъ, что весь Помянникъ содержитъ въ себѣ 90 листовъ, въ 4—ку, и, за исключеніемъ поминаній Украинцева, писанныхъ уставомъ, представляетъ самые разнообразные почерки. Переплетенъ въ кожу съ лубочными досками.

А. С.

ЗАПАДНОРУССКІЯ КУПЧАЯ И МѢНОВАЯ*.

I.

Я Гринко Болобанъ вызнаваю то симъ моимъ листомъ каждому доброму, кто на него посмотрыть а любо чтучи его оуслышить, штожъ продалъ есми имѣнье свое набытое, Всекрово, пану Федку Юнковичу обелъ (sic) вѣчно непороушно за полтораста копъ манипы (sic) ческое со всимъ с тымъ, што изъ ку тому имению служить, ничого на себе, на свою жону и на свои дѣти и на свои щадки не оставуючы; а то есми продалъ для частое службы господарское и для того што мнѣ не отчына, але набыте: масть панъ Федко самъ и его пани и дѣти и его щадки того имѣнья Всекрова со всякими вжытки вжывати; а я самъ, ни жона моя и ни дѣти мои и ни щадки мои никако вже в тое оуступовати ся не маемъ; поклибыхъ я самъ, а любъ жона, дѣти или щадки мои похотѣли тую продажу мою какъ зрушить, тогды виноватыи я и воны по нимъ и щадки ихъ по нихъ вины господару королю заплатити сто копъ грошей, а паноу Федку Юнковичу, жонѣ, дѣтемъ и щадкомъ его другую сто копъ грошей, а заплатившы тую вину пред ся сяя моя продажа у всякого права масть быти моцна. И позволилъ есми пану Федкоу Юнковичу тую свою продажу оу восподара (sic) потвердити, а про лепшую просилъ есми господина владыки Володимерскаго, абы его милость печать свою приложылъ к сему листу: и господинъ владыка Васинъ печать свою прыложылъ к сему моему листу; и тежъ просилъ

(*) Получивъ отъ А. П. Зернина коллекцію Западнорусскихъ актовъ, принадлежавшихъ Сенатору Стороженко, мы считаемъ не безполезнымъ помѣстить здѣсь находящіеся въ ней два акта чисто юридическаго содержанія въ pendant къ древнимъ купчимъ и мѣновнымъ, напечатаннымъ Археографическою Коммисіею въ «Актахъ юридическихъ» и печатаемымъ ею теперь во 2-мъ томѣ «Актовъ, относящихся до юридич. быта древн. Россіи». Оба эти акта списаны подъ наблюденіемъ В. А. Мацѣевскаго и имъ самимъ свѣрены съ пергаменными подлинниками. *Редакторъ.*

есми пана войта Володимерского Федка Лудовича, штобы печать свою прыложылъ к сему моему листу, и панъ войть печать свою прыложылъ; и я Грипко печать свою прыложылъ. Писанъ оу Володимери сентября 26 день индикта 3.

II.

Я Иванъ Грицковичъ Янчинскій вызнавою симъ моимъ листомъ самъ на себе нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будеть потребъ того вѣдати або чтучи его слышати, которая часть мнѣ ся зостала отъ брати моее рожоное Ушцка и Аврама Грицковичовъ Янчинъскихъ в ровному дѣлу в Павловичохъ и в Уймицы, третяя часть отчизны и дѣдизны моее, яко я безъ жадного примуженья и ничиее намовы, одно самъ по доброй воли своей променялъ есми тую свою часть третюю в тыхъ вышеймененыхъ именьяхъ в Павловичохъ и в Уймицы князю Дмитрию его милости Федоровичу Санкгушковичу, старосте Житомирскому, и его милости княгини и ихъ дѣтемъ на третюю часть именья его милости Жуковца, которую третюю часть его милость купилъ на вечность в земянки господарское панее Пастаси Гурковны и в мужа ее пана Ивана Жуковецкихъ; его милость князь Дмитрей мне поступилъ и подалъ тую куплю свою вн Жуковцы третюю часть зо всимъ якъ ся в собѣ масть; а я его милости свою третюю часть отчизную и дедизную поступилъ и подалъ в Павловичахъ и в Уймицы вечне на веки непорушно и з дворомъ и с пашнею дворною, з людьми и ихъ роботами и с поплаты грошовыми и овсяными, и зъ землями пашными и бортными, с польми и сѣножатьми, з гаи, дубровами, з лѣсы, з озеры, з рѣками, ставы и ставищи, млыны и ихъ вымелки и со всякими иными пожитки и приходы, якимъ кольве именемъ могуть названы або менены быти, со всимъ потому, якъ ся тая моя часть в Павловичохъ и в Уймицы в собѣ масть, ничого на собе, на жону, на дѣти и на братью мою не оставуючи. И вже его милость князь Дмитрей воленъ в тыхъ именьяхъ и его наследки розширити, прибавити, людьми осадити, отдати и продати и променити и ку своему вжиточному обернути, яко ся его милости самому и наслѣдкомъ его милости видѣти будеть; а я вжо и жона и дѣти и братья моя и никоторыи близкие мои

тое третое части в Павловичохъ и в Уймицы подъ его милостью княземъ Дмитриемъ и его милости потомками поискивати не маемъ. А естлибыхъ я або хто колвекъ с потомковъ моихъ хотелъ того поискивати и чимъ колвекъ сесь (sic) мой листъ нарушити, тотъ маеть его милости князю Дмитрию або потомку его милости заруки заплатити пять сотъ копъ грошей и заплативши тую заруку пред ся тая мена и сесь мой листъ вечне твердо неотменне держанъ быти маеть. А при томъ были и тому добре свѣдомы ихъ милость панъ Петръ Богдановичъ Загоровскій, панъ Волчко Якимовичъ Жасковскій, панъ Олехно Кисель, панъ Гаврило а панъ Михайло Ивановичи Яковицкие, которыхъ вышеймененыхъ пановъ просилъ и билъ есми чоломъ о печати: ихъ милость за чолобитьемъ моимъ печати свои приложили к сему моему листу; а для лепшое твердости и я печать свою приложилъ к сему моему листу. Писанъ у Загорове, лѣта Божего нароженья 1550 мца септября 16 день, индиктъ 9. «Иванъ Ячинъскій власною рукою».

О ЕДИНОГЛАСІИ И РАЗНОГЛАСІИ ВЪ РѢШЕНІЯХЪ.

—

Въ порядкѣ судебныхъ рѣшеній есть три важныя обстоятельства, кои съ точностію опредѣлить нужно:

1) Какъ установлять вопросы.

2) Какъ собирать голоса по вопросамъ.

3) Какъ поступать въ случаѣ разногласія и равенства голосовъ.

I. *Объ установленіи вопросовъ.*

Предметъ сей доселѣ не былъ съ точностію опредѣленъ въ нашихъ законахъ. По смыслу ихъ, какъ скоро дѣло выслушано, то приступаютъ къ мнѣніямъ, и если они не единогласны, то начинаются такъ называемые *диспуты* или состязанія (débats) между членами. Отъ предсѣдателя зависитъ время продолженія сихъ диспутовъ; когда они окончены, или лучше сказать, когда предсѣдатель признаетъ за благо ихъ прекратить (въ Сенатѣ власть прекращать диспуты ударомъ молотка принадлежитъ Министру Юстиціи), тогда приступаютъ къ собиранію голосовъ, начиная съ младшаго.

Первая мысль объ установленіи вопросовъ является въ образованіи Государственнаго Совѣта 1810 года; но сія мысль не была тогда обстоятельно изложена; думали, что практика сама собою установитъ дальнѣйшія правила; сіе ожиданіе однакоже по разнымъ причинамъ не исполнилось. Посему въ новыхъ образованіяхъ какъ Совѣта, такъ и Сената нужно опредѣлить дѣло сіе съ точностію. Слѣдующія мысли, соображенныя со всѣмъ, чтò въ другихъ законодательствахъ есть въ семъ родѣ лучшаго, кажется могутъ быть къ сему полезны; онѣ относятся къ Судебному Сенату, но могутъ

быть съ нѣкоторыми перемѣнами приспособлены и къ другимъ установленіямъ.

I. По окончаніи чтенія докладной записки и по выслушаніи заключенія рекетмейстера о существенныхъ въ дѣлѣ обстоятельствахъ, предсѣдатель полагаетъ вопросъ предварительный для объясненія дѣла и вопросы окончательные для сего рѣшенія.

II. Предварительный вопросъ состоитъ въ томъ, что находятъ ли члены всѣ существенныя обстоятельства въ запискѣ достаточно изложенными, и нѣтъ ли сомнѣній, требующихъ поясненія.

III. По сему вопросу каждый членъ можетъ указать на обстоятельство, которое кажется ему неяснымъ. Рекетмейстеръ даетъ на него словесно объясненія, подкрѣпляя оныя, гдѣ нужно, чтеніемъ самыхъ актовъ или подлинныхъ документовъ.

IV. Когда симъ образомъ всѣ сомнѣнія объ изложеніи дѣла будутъ разрѣшены, тогда предсѣдатель приступаетъ къ установленію вопросовъ окончательныхъ. Они суть двухъ родовъ: одни относятся къ существу дѣла (au fait), другіе къ приложенію закона (au droit). Первые должны быть рѣшены прежде, нежели приступлено будетъ къ предложенію вторыхъ.

V. Въ составленіи вопросовъ перваго рода, о существѣ дѣла, предсѣдатель пріемлетъ въ соображеніе существенныя обстоятельства, выведенныя въ заключеніи Рекетмейстера, но можетъ ограничить ихъ, перемѣнить и дополнить, если усмотритъ, что они не объемлютъ всего дѣла или не ведутъ къ разрѣшенію всѣхъ его принадлежностей.

VI. Вопросы о существѣ дѣла составляются раздробительно по главнымъ его обстоятельствамъ, разрѣшая каждое сложное обстоятельство на составныя его части; они излагаются поколику возможно въ такомъ видѣ, чтобъ на каждый изъ нихъ можно было отвѣчать однимъ рѣшительнымъ словомъ, положительно или отрицательно. Изъ сего сами собою изъемлются вопросы о количествѣ, кои не могутъ быть изложены въ семъ видѣ.

VII. Вопросы размѣщаются одинъ за другимъ въ естественной ихъ связи, и прежде всего всѣ одинъ за другимъ предлагаются совокупно, дабы присутствіе могло напередъ обозрѣть ихъ и удостовѣриться въ томъ, что они объемлютъ всѣ обстоятельства дѣла.

Примѣчаніе. Предсѣдателю предоставляется положить вопросы на́ бумагу и по ней прочитать ихъ въ совокупности.

VIII. На вопросы, симъ образомъ въ совокупности предложенные, каждому члену предоставляется право дѣлать примѣчанія и предлагать нужныя въ нихъ перемѣны. Сіи предложенія, если не будутъ приняты предсѣдателемъ, рѣшатся большинствомъ голосовъ.

IX. Когда совокупность вопросовъ будетъ утверждена совѣщаніемъ присутствія, тогда предсѣдатель приступаетъ къ предложенію ихъ въ подробности въ томъ порядкѣ, какъ они одинъ за другимъ слѣдуютъ.

X. Не прежде, какъ по рѣшеніи всѣхъ вопросовъ перваго рода, о существѣ дѣла, предсѣдатель приступаетъ къ предложенію вопросовъ втораго рода, о приложеніи закона, и въ порядкѣ ихъ составленія, совокупнаго предложенія, совѣщанія о нихъ и потомъ раздробительнаго предложенія, поступаетъ примѣняясь къ правиламъ вышеозначеннымъ.

2. *Порядокъ собиранія голосовъ.*

XI. Голоса на каждый вопросъ собираются начиная съ младшихъ.

XII. Предсѣдатель никогда не объявляетъ своего мнѣнія прежде, нежели на всѣ вопросы собраны будутъ мнѣнія всѣхъ членовъ.

XIII. Каждый членъ, объявляя свое мнѣніе, можетъ изъяснить словесно и причины, на коихъ оно основано; но самое мнѣніе должно всегда состоять или въ одномъ рѣшительномъ словѣ (положительномъ или отрицательномъ), или же по крайней мѣрѣ заключаться въ краткихъ и рѣшительныхъ словахъ, если по существу вопроса нельзя выразить мнѣнія однимъ словомъ.

При изъясненіи причинъ мнѣнія не воспрещается приводить причины и къ опроверженію мнѣнія другихъ; но никому не дозволяется прерывать другихъ, или начинать когда они не кончили.

Не предполагается, чтобъ въ сихъ дозволенныхъ опроверженіяхъ допущено было что-либо оскорбительное; но если бы сіе случилось, то предсѣдатель пресѣкаетъ слово, а въ случаѣ повторенія можетъ подтвердить съ настоятельностію и сдѣлать члену замѣчаніе.

Предсѣдатель также наблюдаетъ, чтобъ не было въ сихъ изъяс-

неніяхъ допускаемо пространныхъ отъ предмета отступленій, обращая къ вопросу тѣхъ, кои отъ онаго удаляются.

Во всѣхъ случаяхъ всѣ словесныя изъясненія обращаются къ лицу предсѣдателя, и никогда къ лицу кого-либо изъ членовъ.

XIV. Когда голоса о существѣ дѣла по всѣмъ вопросамъ будутъ собраны, тогда предсѣдатель объявляетъ присутствію по каждому изъ нихъ перечнемъ отвѣты, какъ положительные, такъ и отрицательные; объявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое по каждому вопросу мнѣніе. Послѣ сего приступается тѣмъ же порядкомъ къ предложенію вопросовъ о приложеніи закона, собираютъ голоса и объявляютъ ихъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и голоса о существѣ дѣла.

XV. Послѣ сего предсѣдатель объявляетъ рѣшеніе, единогласно или большинствомъ голосовъ принятое, приводя его въ статьи, если оно сложно, и сіе рѣшеніе вносится въ журналъ.

XVI. Каждому члену, съ большинствомъ голосовъ не согласившемуся, предоставляется право предложить свое мнѣніе письменно, но о семъ онъ долженъ: 1) извѣстить присутствіе непосредственно послѣ того, какъ предсѣдатель объявитъ рѣшеніе, большинствомъ голосовъ принятое, и 2) представить мнѣніе не позже недѣли.

XVII. До того времени, когда представлено будетъ таковое письменное мнѣніе, рѣшеніе большинства голосовъ хотя вносится въ журналъ по порядку, но считается предварительнымъ.

XVIII. По выслушаніи письменнаго мнѣнія или разныхъ мнѣній, одинъ токмо вопросъ предлагается предсѣдателемъ: кто остается при прежнемъ рѣшеніи, и кто соглашается съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, если представлены разныя. По сему вопросу собираются голоса, и по большинству ихъ объявляется окончательное рѣшеніе.

XIX. Въ многочисленныхъ собраніяхъ голоса, по усмотрѣнію предсѣдателя, могутъ быть для ускоренія собираемы однимъ возстаніемъ съ мѣста тѣхъ членовъ, коихъ отвѣтъ отрицателенъ.

XX. Если бы кто изъ членовъ, присутствовавшихъ при рѣшеніи, при подписаніи журнала и не находился, то голосъ его остается въ своей силѣ. Ни журналы, ни протоколы ни въ какомъ случаѣ внѣ присутствія не подписываются.

3) Порядокъ рѣшеній въ случаѣ разногласія и равенства голосовъ.

Большинство голосовъ, и въ случаѣ равенства ихъ, перевѣсъ предсѣдателя—въ семъ заключаются всѣ правила нашихъ судебныхъ мѣстъ о разногласіи.

Но если въ числѣ семи судей 3, и въ томъ числѣ предсѣдатель, будутъ одного мнѣнія, 2 другаго и 2 остальные третьяго, то гдѣ полагать большинство? По неясности закона, нынѣ считается оное на сторонѣ трехъ, и на семъ основаніи обыкновенно всѣ дѣла рѣшатся. Между тѣмъ очевидно, что по сему странному расчету, нигдѣ кажется кромѣ Россіи не употребляемому, дѣло рѣшится именно противу большинства голосовъ.

Въ Сенатѣ слѣдовали другому правилу: тамъ, какъ въ Департаментѣ, такъ и въ Общемъ Собраніи, одни единогласныя рѣшенія сперва считались окончательными. Потомъ съ 1797 года введено въ Общемъ Собраніи большинство голосовъ; но въ 1802 году правило сіе измѣнилось. Въ Департаментѣ сохранено единогласіе; въ Общемъ же Собраніи введено большинство голосовъ не менѣе двухъ третей всего присутствія. Мѣра сія казалась удобнѣе и безопаснѣе, нежели прежняя; но опытъ доказалъ, что она рѣдко достигаетъ своей цѣли: рѣдко соединяются двѣ трети голосовъ, и оттого рѣдко рѣшенія въ Сенатѣ бываютъ окончательны; а потому и важныя и маловажныя тяжебныя дѣла всѣ почти нынѣ восходятъ къ Высочайшему разрѣшенію.

Въ проектѣ Судебнаго Сената полагается: въ Отдѣленіи единогласіе; въ Департаментѣ же и въ Общемъ Собраніи установляется простое большинство голосовъ. Но если сія мѣра оставлена будетъ прежнему ея толкованію, то она произведетъ то же самое дѣйствіе, т. е. будутъ случаи, въ коихъ рѣшеніе меньшаго числа лицъ будетъ признаваемо окончательнымъ.

Сія неправильность будетъ встрѣчаться рѣже, если правила о разрѣшеніи сложныхъ вопросовъ на простые и о приведеніи ихъ къ двумъ противоположнымъ рѣшительнымъ отвѣтамъ, выше сего постановленныя, будутъ наблюдаемы; тѣмъ не менѣе она встрѣтиться можетъ. И для сего нужно опредѣлить съ точностію:

1) что̀ должно считать большинствомъ голосовъ, когда есть два токмо мнѣнія?

2) какъ считать большинство, когда есть болѣе двухъ мнѣній?

Первый случай не затруднителенъ, когда сохранено будетъ правило перевѣса въ голосѣ предсѣдателя—правило хотя не вездѣ принятое, но удобное.

Второй случай можетъ имѣть два вида:

Первый видъ. Изъ семи человѣкъ 3, и въ томъ числѣ предсѣдатель, одного мнѣнія, 3 другаго и 1 третьяго.

По Французскимъ законамъ (Code de proc., § 117), слабѣйшій въ семъ случаѣ долженъ избирать одно изъ двухъ мнѣній сильнѣйшихъ, и слѣдовательно одинъ долженъ присоединиться къ мнѣнію или двухъ, или трехъ. Изъ сего правила постановлено важное изъятіе. Въ дѣлахъ уголовныхъ слабѣйшій долженъ избрать одно изъ двухъ мнѣній не по произволу, но то именно, которое менѣе тягостно подсудимому.

Второй видъ. Изъ семи человѣкъ каждый можетъ имѣть особое мнѣніе, или же 3 могутъ быть одного мнѣнія, 2 другаго и 2 же третьяго.

Къ разрѣшенію сего случая представляются двѣ разныя системы.

По Римскимъ законамъ (Digesta, L. 4, tit. 8), должно сперва опредѣлить, что есть во всѣхъ мнѣніяхъ общее, и сіе общее считать общимъ мнѣніемъ. Такъ, напримѣръ, если изъ трехъ судей одинъ присуждаетъ убытковъ 15 т., другой 10 т., третій 5 т., общее рѣшеніе есть 5 т., ибо кто присуждаетъ бо́льшее, тотъ присуждаетъ и ме́ньшее.

По Французскимъ законамъ (Code de procéd., 118), случай сей (partage d' opinions) разрѣшается не иначе, какъ приглашеніемъ въ судъ новаго члена изъ судей или адвокатовъ (juge départiteur), въ присутствіи коего дѣло предлагается вновь и рѣшится съ нимъ установленнымъ порядкомъ.

По соображеніи всѣхъ сихъ разнообразныхъ правилъ, можно кажется у насъ принять слѣдующія положенія:

XXI. Рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ считать единогласное мнѣніе членовъ, составляющихъ болѣе половины всѣхъ наличныхъ, хотя бы превышеніе противу прочихъ состояло токмо въ одномъ.

XXII. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ на двѣ равныя части,

большинство голосовъ полагать на той изъ нихъ, съ коею согласенъ предсѣдатель.

XXIII. Когда будетъ болѣе двухъ мнѣній, и ни въ одномъ рѣшительнаго большинства голосовъ не будетъ (*), тогда въ дѣлахъ тяжебныхъ члены, въ числѣ меньшемъ состоящіе, должны избрать по усмотрѣнію каждаго изъ нихъ одно изъ мнѣній, принятыхъ числомъ бо́льшимъ; въ дѣлахъ же уголовныхъ члены сіи присоединяются къ тому изъ разныхъ мнѣній, принятыхъ числомъ бо́льшимъ, въ коемъ болѣе есть пощады подсудимому.

XXIV. Когда разногласіе будетъ составлять болѣе трехъ мнѣній, и притомъ будетъ нѣсколько мнѣній числомъ равныхъ (**), тогда присоединеніе начинать съ младшихъ, и потомъ продолжать, доколѣ приведутся всѣ мнѣнія къ двумъ и послѣдуетъ рѣшительное большинство голосовъ или числомъ ихъ или перевѣсомъ предсѣдателя.

Въ семъ состоятъ предположенія о порядкѣ голосовъ. Если они будутъ признаны нужными, то, приведя ихъ въ правила, можно будетъ составить изъ нихъ особенное положеніе, которое присоединится къ Учрежденію Судебнаго Сената; въ текстѣ же Учрежденія упомянется оно одною ссылкою въ приличномъ мѣстѣ.

20 апрѣля 1827 г.

(*) 7=3, 3, 1.
(**) 7=2, 2, 2, 1; 7=2, 2, 1, 1, 1.

Пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водвореніе.

Какъ скоро какія нибудь слова возводятся на степень техническихъ терминовъ, какъ скоро съ ними соединяется особое какое нибудь понятіе, придается имъ особое значеніе,—употреблять ихъ нужно чрезвычайно разборчиво; каждый терминъ необходимо, такъ сказать, изолировать отъ другихъ терминовъ и отъ другихъ родственныхъ съ нимъ по этимологическому происхожденію словъ. Соблюденіе этого правила особенно важно въ законодательствѣ, гдѣ каждый юридическій терминъ нужно поставить въ такое отношеніе съ другимъ терминомъ, чтобы онъ не могъ имѣть съ нимъ никакихъ споровъ относительно границъ.

Основываясь на сказанномъ, постараемся вникнуть въ значеніе употребляемыхъ и въ Сводѣ Законовъ и въ современной юридической практикѣ терминовъ: *пристанодержательство*, *передержательство*, *укрывательство* и *водвореніе*.

Всѣ эти термины означаютъ нарушенія законовъ. Изъ нихъ послѣдніе три выражаютъ различныя степени одного и того же нарушенія; что же касается до перваго, то онъ указываетъ на самостоятельное преступленіе, не имѣющее связи съ предыдущимъ. Чтобы уяснить себѣ въ точности тѣ понятія, какія связываетъ наше Законодательство съ приведенными терминами, обратимся сначала, къ Своду Законовъ изданія 1842 года. *Пристанодержателями* или *становщиками* называются здѣсь тѣ лица, къ которымъ бываетъ притонъ или пріѣздъ воровъ и разбойниковъ (1). и они прямо отличаются отъ сообщниковъ въ преступленіи (2), зачинщиковъ (3), помощниковъ и участниковъ (4), и укрывателей (5). Отличая приста-

---

(1) Свода Зак. Уголов. (XV т.) кн. I. ст. 15.—(2) Тамъ же, ст. 11.—(3) Тамъ же, ст. 12.—(4) Тамъ же, ст. 13.—(5) Тамъ же, ст. 14.

подержателей отъ сообщниковъ въ частности и вообще отъ всѣхъ другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ какому нибудь преступленію, Законодательство въ тоже время постановляетъ, что соучастниками разбоя въ особенности признаются становщики и пристанодержатели (6); непосредственно за тѣмъ оно опредѣляетъ и самую мѣру наказанія для этихъ лицъ, а именно, что становщики и пристанодержатели подлежатъ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу (7).

До сихъ поръ законодательство остается вполнѣ вѣрнымъ опредѣленію, данному имъ словамъ становщикъ и пристанодержатель. Но переходя къ постановленіямъ, изложеннымъ подъ рубрикою о бѣглыхъ, бродягахъ и ихъ укрывателяхъ (8), гдѣ встрѣчаемъ термины «пристанодержательство, укрывательство и водвореніе», мы не находимъ уже этой логической послѣдовательности въ терминологіи. Стоитъ только внимательнѣе прочесть постановленія, заключающіяся въ настоящей главѣ XV-го тома, въ особенности статьи 444. 454, 455, 458, 459, 460, чтобы придти къ заключенію въ недостаточномъ разграниченіи въ нихъ означенныхъ терминовъ. Въ одно и тоже время эти термины то отличаются другъ отъ друга, то противупоставляются одно другому, то напротивъ употребляются безразлично. Смѣшеніе словъ «передержательство и укрывательство», какъ выражающихъ сходственныя нарушенія законовъ, еще могло бы быть допущено, тѣмъ болѣе, что законодательство, употребляя ихъ, не назначило для каждаго надлежащихъ предѣловъ; но странно видѣть неправильное употребленіе слова пристанодержательство, какъ потому, что границы его уже были опредѣлены въ самомъ законѣ (9), такъ и потому еще, что между преступленіемъ, состоящимъ въ пристанодержательствѣ, и проступками, составляющими водвореніе, укрывательство и передержательство, нѣтъ ничего общаго.

Не болѣе разборчива въ этомъ отношеніи и современная практи-

---

(6) Св. Зак. Уг. изд. 1842 г. кн. I, Разд. X, гл. I, о разбоѣ ст. 796.—(7) Тамъ же, ст. 797. Укажемъ мимоходомъ, что въ 796 и 797 ст. выраженія «становщики и пристанодержатели» не точно, ибо тѣ и другіе суть одни и тѣже лица, а не различные преступники: справедливость этого подтверждается самимъ законодательствомъ (ср. ст. 15).—(8) XV т. (изд. 1842 г.) кн. I. гл. 8.—(9) Тамъ же, кн. 1, ст. 15.

ка. Въ ней постоянно можно видѣть и слышать слово пристанодержательство тамъ, гдѣ о немъ вовсе не должно быть рѣчи, гдѣ дѣло, напротивъ, идетъ о передержательствѣ, или укрывательствѣ или водвореніи. Какъ будто забывая о существованіи этихъ послѣднихъ терминовъ, она замѣняетъ ихъ совершенно неумѣстно терминомъ пристанодержательство. Часто это происходитъ отъ того, что юристы-практики руководствуются обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ издавна усвоенными привычками, частію потому, что въ XIV томѣ, какъ изд. 1842 г., такъ и изд. 1857 г., они встрѣчаютъ туже терминологію, которую мы видѣли въ XV томѣ изданія 1842 г.: вотъ почему въ настоящемъ случаѣ ихъ даже не слѣдуетъ и винить.

Обратимся теперь къ Уложенію о наказаніяхъ 1845 года или 1-й книгѣ Свода Уголовныхъ Законовъ изданія 1857 года.

Нельзя не сознаться съ особеннымъ удовольствіемъ, что Уложеніе представляетъ прогрессъ въ отношеніи къ терминологіи; но справедливость требуетъ замѣтить, что и оно не остается вовсе непогрѣшительнымъ противъ логической послѣдовательности ([1]).

Значеніе пристанодержательства объяснено, по нашему мнѣнію, удовлетворительно: по статьѣ 1153 пристанодержателями называются всѣ тѣ, «которые завѣдомо дозволяютъ лицамъ, принадлежащимъ къ злонамѣренной шайкѣ, жительствовать или хотя временно останавливаться или укрываться въ домѣ или иныхъ какихъ либо мѣстахъ, ими самими занимаемыхъ или состоящихъ въ ихъ управленіи или завѣдываніи или подъ ихъ присмотромъ» ([2]).

Сдѣлавъ такого рода опредѣленіе пристанодержательства, Уложеніе о наказаніяхъ вездѣ остается ему вѣрнымъ, не отступаетъ

([1]) Въ Уложеніи, въ Раздѣлѣ VIII (о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія) въ главѣ 3, говорится о нарушеніи общественнаго спокойствія, порядка и ограждающихъ оные постановленій. Въ первомъ отдѣленіи этой главы полагаются наказанія за составленіе злонамѣренныхъ шаекъ и пристанодержательство (ст. 1186—1195), а въ шестомъ отдѣленіи той же главы наказанія за бродяжество, укрывательство бѣглыхъ и нарушеніе постановленій о паспортахъ и другихъ видахъ на жительство. Шестое отдѣленіе, въ свою очередь, раздѣлено на шесть рубрикъ, изъ коихъ къ нашему предмету относится третья: о укрывательствѣ, передержательствѣ и водвореніи людей безъ установленныхъ на жительство видовъ (ст. 1233—1259).—([2]) Пристанодержательство есть дача пристани (ст. 119 Улож. о наказ.).

отъ него ни на шагъ, не смѣшиваетъ это преступленіе съ другими. И эта точность тѣмъ болѣе необходима, что пристанодержательство есть чрезвычайно важное преступленіе, въ сравненіи съ укрывательствомъ, передержательствомъ и водвореніемъ, и влечетъ за собою, смотря по мѣрѣ вины, или 1) лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу на заводы отъ 4 до 6 лѣтъ, или на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, или 2) лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, соединенное съ ссылкою на житье въ одной изъ губерній Сибири; при этомъ лица, не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, подвергаются сообразно съ степенью вины или наказанію плетьми отъ 20 до 40 ударовъ или розгами отъ 50 до 90 ударовъ (1). Эта важность, какъ понятно само собою, необходимо требуетъ отличить его рѣзко отъ нарушеній закона менѣе важныхъ. Иное значеніе имѣютъ и другія наказанія влекутъ за собою укрывательство, передержательство и водвореніе людей безъ установленныхъ на жительство видовъ. Уложеніе о наказаніяхъ опредѣляетъ, что если кто «будетъ укрывать или завѣдомо держать у себя человѣка, имѣющаго просроченный, хотя и менѣе нежели шестью мѣсяцами, паспортъ, тотъ за сіе подвергается, если сей человѣкъ жилъ у него не долѣе шести мѣсяцевъ, денежному взысканію пяти рублей и сверхъ того въ столицахъ—по пятнадцати копѣекъ, а въ прочихъ мѣстахъ по 5 копѣекъ за каждыя сутки такого передержательства (2)»; «кто будетъ завѣдомо держать или укрывать человѣка, не имѣющаго никакого вида или имѣющаго видъ просроченный болѣе нежели шестью мѣсяцами, тотъ за сіе подвергается, если принятый имъ жилъ у него не долѣе шести недѣль, денежному взысканію десяти рублей и сверхъ того въ столицахъ по двадцати копѣекъ, а въ прочихъ мѣстахъ по десяти копѣекъ за каждыя сутки; когда же онъ держалъ такого человѣка болѣе шести недѣль, но не долѣе шести мѣсяцевъ, то съ него взыскивается тридцать пять рублей и сверхъ того въ столицахъ по тридцати копѣекъ, а въ прочихъ мѣстахъ по пятнадцати копѣекъ за каждые сутки; передержательство таковыхъ людей долѣе шести мѣсяцевъ почитается водвореніемъ

---

(1) См. ст. 1193, а также 1188, 1189 и 1190, 21, 22 и 35 Улож. о наказ.— (2) Улож. о наказ. ст. 1233.

ихъ, и виновный въ томъ подвергается наказаніямъ и взысканіямъ, опредѣленнымъ за водвореніе (1)»; наконецъ, «когда неимѣющій узаконеннаго вида человѣкъ, или же имѣющій видъ просроченный будетъ укрываемъ долѣе шести мѣсяцевъ, или же гдѣ либо водворится, т. е. заведется домомъ, или ему будетъ отведенъ участокъ земли, или же онъ женится, то за это въ городахъ, а равно въ селеніяхъ помѣщичьихъ, заводскихъ, фабричныхъ, отданныхъ во временное владѣніе помѣщикомъ или казною, домохозяева, помѣщики, владѣльцы, если это допущено по приказанію ихъ или же съ ихъ вѣдома, подвергаются денежному взысканію по сту рублей за каждаго водвореннаго или укрываемаго бѣглеца (2)».

Изъ этого видимъ, что пріобрѣтеніе поземельнаго участка, обзаведеніе хозяйствомъ, вступленіе въ супружество лицемъ, не имѣющимъ узаконеннаго вида или имѣющимъ видъ просроченный, почитается водвореніемъ его; равнымъ образомъ признается за водвореніе передержательство такого лица долѣе шести мѣсяцевъ; къ этому мы должны прибавить еще, что укрывательство долѣе шести мѣсяцевъ должно быть также названо водвореніемъ (3). И такъ значеніе термина «водвореніе» совершенно понятно и удобно раскрывается изъ постановленій, какія встрѣчаемъ въ отношеніи къ нему въ Уложеніи о наказаніяхъ.

Но что разумѣетъ дѣйствующее Законодательство подъ словами «укрывательство» и «передержательство» и какая между ними существенная разница? Уложеніе о наказаніяхъ не даетъ опредѣленія этихъ терминовъ, быть можетъ потому, что оно считало ихъ удобопонятными, и нетребующими ни малѣйшаго объясненія. Дѣйствительно, если мы призовемъ на помощь словопроизводство, то сдѣлать объясненіе ихъ, на основаніи законодательныхъ опредѣленій, будетъ легко. Слова—*передержательство* и *укрывательство* происходятъ, конечно, первое отъ глагола «передержать», послѣднее отъ глагола «укрывать»: передержать значитъ держать долѣе, нежели сколько слѣдуетъ по закону, сколько дозволено закономъ (разумѣется, мы объясняемъ здѣсь слова примѣнительно къ нашему предмету); укрывать—скрывать то, что слѣдуетъ по за-

(1) Улож. о наказ., ст. 1234.—(2) Тамъ же, ст. 1235.—(3) Такое же опредѣленіе водворенія, съ нѣкоторыми измѣненіями, видимъ въ XV т. 1 кн.

кону обнаружить. Соображая это съ постановленіями законодательными, мы можемъ сказать, что передержательство есть недозволенное закономъ держаніе у себя завѣдомо лица, имѣющаго просроченный видъ (не долѣе однако шести мѣсяцевъ) (¹); укрывательство есть незаконное держаніе у себя (также не долѣе шести мѣсяцевъ) лица, имѣющаго просроченный видъ, или вовсе не имѣющаго вида, лишь-бы въ этомъ случаѣ было намѣреніе скрыть такое лице отъ преслѣдованій закона. Кажется, что эти опредѣленія будутъ согласны и съ этимологическимъ значеніемъ словъ передержательство и укрывательство и съ мыслію законодателя, хотя въ законодательствѣ она представляется не совсѣмъ ясною. Такъ напримѣръ, изъ 1233 и 1234 статей Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ видимъ, что виновнымъ въ передержательствѣ считается какъ тотъ, кто (въ теченіи не болѣе шести мѣсяцевъ) будетъ завѣдомо держать у себя лице, имѣющее просроченный видъ или вовсе не имѣющее вида, такъ и тотъ, кто будетъ (въ теченіи такого-же времени) укрывать у себя подобное лице; тутъ законодательство упоминаетъ только о передержательствѣ, не говоря ни слова объ укрывательствѣ, хотя на самомъ дѣлѣ въ первомъ случаѣ заключается понятіе о передержательствѣ, во второмъ случаѣ—понятіе объ укрывательствѣ. Отсюда ясно, что въ Уложеніи о наказаніяхъ вовсе нѣтъ разграниченія между терминами передержательство и укрывательство и что напротивъ содержаніе того и другаго понятія въ немъ смѣшано; вотъ почему самыя слова «держать» и «укрывать», равно какъ «укрывательство» и «передержательство» употребляются имъ во многихъ мѣстахъ совершенно безразлично.

Можетъ-быть, что въ настоящемъ случаѣ отъ неправильнаго употребленія терминовъ не можетъ произойти ничего такого, чтобы могло имѣть какое нибудь невыгодное вліяніе на существо дѣла; но замѣтимъ мимоходомъ, что если законодательство и не обязано входить въ подробное или вообще въ какое бы-то-ни было объясне-

---

изд. 1842 г. (см. ст. 455, 468).—(¹) Напримѣръ, я имѣю установленный закономъ видъ на свободное проживаніе гдѣ нибудь въ теченіи года, и всякій имѣетъ право позволить мнѣ жить у него годъ, но не болѣе, иначе съ его стороны будетъ нарушеніе закона—передержательство.

ніе употребляемыхъ имъ терминовъ, тѣмъ не менѣе на немъ должна лежать отвѣтственность за правильное и точное употребленіе ихъ: ему надлежитъ заботиться о томъ, чтобы не возникало недоразумѣній относительно настоящаго смысла, истиннаго значенія ихъ, такъ какъ отъ подобныхъ недоразумѣній можетъ, пожалуй, произойти затрудненіе въ примѣненіи самыхъ законовъ.

П. МУЛЛОВЪ.

О СУММАХЪ ВЪ СОВЕРШЕНІИ АКТОВЪ И РѢШЕНІИ ДѢЛЪ.

Акты, или документы, укрѣпляющіе права на имущества, совершаются, по нашему Законодательству, крѣпостнымъ и явочнымъ порядкомъ, съ запискою въ книги: одни у крѣпостныхъ дѣлъ, особенно для этого учрежденныхъ, а другіе у маклерскихъ дѣлъ, гдѣ же послѣднихъ нѣтъ, то въ присутственныхъ мѣстахъ.

Крѣпостныя дѣла состоятъ при различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, но преимущественно при Уѣздныхъ Судахъ и Гражданскихъ Палатахъ. Чиновники крѣпостныхъ дѣлъ называются крѣпостными писцами и надсмотрщиками.

Маклерскія дѣла производятся нотаріусами и маклерами, а гдѣ ихъ нѣтъ, то разными присутственными мѣстами, но преимущественно Ратушами и Магистратами.

Акты, *совершаемые* у крѣпостныхъ дѣлъ, суть слѣдующіе: купчія крѣпости, закладныя, дарственныя записи и вообще всякаго рода акты, по коимъ переходятъ отъ одного лица къ другому права собственности на *недвижимое* имущество; къ актамъ же, *являемымъ* у крѣпостныхъ дѣлъ для засвидѣтельствованія, принадлежатъ: духовныя завѣщанія, крѣпостныя заемныя письма, закладныя и рядныя записи въ *движимомъ* имѣніи, отказныя, раздѣльныя, отдѣльныя, запродажныя, наемныя, подрядныя и всякіе другіе, кромѣ актовъ перваго рода, совершаемыхъ крѣпостнымъ порядкомъ. Изъ нихъ свидѣтельствуются у нотаріусовъ и маклеровъ: договоры о наймѣ недвижимыхъ имуществъ, договоры о подрядахъ, домовыя заемныя письма и договоры о личномъ наймѣ.

По существующимъ узаконеніямъ, всѣ акты, совершаемые крѣпостнымъ порядкомъ, могутъ на всякую сумму безъ ограниченія быть совершаемы только въ Гражданскихъ Палатахъ и нѣкоторыхъ другихъ равныхъ имъ мѣстахъ; но акты на сумму до 300 руб. сер.

можно совершать и въ уѣздныхъ Судахъ (1). Лишь недавно разрѣшено совершать акты на сумму до 600 руб. сер. въ Уѣздныхъ Судахъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній. Акты же, *являемые* у крѣпостныхъ дѣлъ и *свидѣтельствуемые* у маклерскихъ дѣлъ дозволено вездѣ представлять къ запискѣ въ книги и засвидѣтельствованію безъ всякаго ограниченія въ суммахъ.

Между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ хотя и есть видимое различіе, но не въ смыслѣ экономическомъ и даже юридическомъ, потому что то и другое составляетъ капиталъ лица, имъ владѣющаго, съ тою только разницею, что недвижимость есть капиталъ болѣе основной, отвержденный фондъ, а движимость есть капиталъ оборотный, удобоподвижный. Оба капитала могутъ быть обмѣниваемы другъ на друга и владѣлецъ каждаго изъ нихъ дорожитъ своимъ; для земле-и-домовладѣльца цѣнна его недвижимая собственность, а для денежнаго капиталиста или для скотовладѣльца—его движимое имущество.

Но если на недвижимое имѣніе, стоющее 301 руб. сер., нельзя совершить акта у маклера, въ Магистратѣ и въ Уѣздномъ Судѣ, то почему же на денежный капиталъ можно явить къ засвидѣтельствованію актъ въ какую угодно сумму и почему позволено свидѣтельствовать такіе акты не только въ присутственномъ мѣстѣ, но даже у Маклера?

Въ законахъ дѣлается также различіе между заемными письмами: одни называются *крѣпостными* и являются у крѣпостныхъ дѣлъ, а другія *домовыми*, свидѣтельствуемыми и у маклерскихъ дѣлъ. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что крѣпостное заемное письмо нельзя опровергать безденежною выдачею его; но почему же на самомъ дѣлѣ крѣпостное заемное письмо должно имѣть преимущество предъ домашнимъ, явленнымъ у маклерскихъ дѣлъ или въ присутственномъ мѣстѣ? Кажется ни свидѣтели, ни чиновники крѣпостныхъ дѣлъ, ни члены судебнаго мѣста не могутъ воспрепятствовать безденежному совершенію

---

(1) Кромѣ Гражданскихъ Палатъ и Уѣздныхъ Судовъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ разрѣшено совершать акты крѣпостнымъ порядкомъ на болѣе или менѣе значительныя суммы (см. ст. 729 т. X Зак. Гражд. ч. 1; но такое разрѣшеніе или есть изъятіе изъ общаго правила или же основывается на приравненіи извѣстнаго мѣста къ Гражданской Палатѣ или Уѣздному Суду.

крѣпостнаго обязательства, и мы знаемъ множество примѣровъ, гдѣ и крѣпостныя заемныя письма заключались безденежно, въ видѣ будущаго дара, или по карточнымъ счётамъ и т. п. случаямъ.

Отчего бы Уѣздному Суду не предоставить совершать крѣпостные акты на сумму свыше 300 руб. сер.? Неужели члены присутствія и чиновники канцеляріи низшаго Суда чѣмъ либо отличаются отъ такихъ же лицъ 2-й инстанціи. Можетъ быть предполагается болѣе опытности и честности и гарантіи или довѣрія въ служащихъ въ Гражданской Палатѣ предъ служащими въ Уѣздномъ Судѣ; но едва ли слѣдуетъ дѣлать между ними такое различіе, потому что всѣ тѣ лица, кои сегодня служатъ въ низшемъ мѣстѣ, завтра могутъ перейти въ высшее, безъ всякаго препятствія. И такъ къ чему такое подраздѣленіе? За границей дозволено совершать всякаго рода акты на всякія имущества у публичныхъ нотаріусовъ; почему не могло бы это быть и у насъ? Если же дѣйствительно есть какое либо важное различіе между судебными мѣстами въ отношеніи къ совершенію актовъ, то было бы необходимо объяснить это различіе, опредѣлить особенность и важность совершенія акта въ томъ или другомъ мѣстѣ и за тѣмъ предоставить частнымъ лицамъ на волю совершать акты, гдѣ имъ угодно, сказавъ, что купчая крѣпость, утвержденная въ Уѣздномъ Судѣ, отличается тѣмъ-то отъ такого же акта, совершеннаго въ Гражданской Палатѣ и что послѣдній въ томъ-то важнѣе, вѣрнѣе, правильнѣе, обезпеченнѣе противъ перваго. Въ настоящее же время не можетъ не казаться обременительнымъ для тѣхъ, кому приходится совершать крѣпостные акты, часто ѣхать за сотню, двѣ или три верстъ далѣе уѣзднаго города, гдѣ онъ живетъ, хотя бы эта сумма превышала самой бездѣлицей 300 руб. сер.; впрочемъ и на бо̀льшую сумму иногда очень затруднительно отправляться въ далекій губернскій городъ для заключенія крѣпостнаго акта. Между тѣмъ дозволяется давать вѣрющія письма на совершеніе актовъ безъ ограниченія суммъ, и эти довѣренности свидѣтельствуются въ Уѣздныхъ Судахъ: какое однако различіе между вѣрющимъ письмомъ, по которому можно совершить актъ крѣпостной безъ ограниченія суммы и самымъ актомъ, такимъ образомъ совершаемымъ? Я знаю нѣсколько случаевъ совершенія по довѣренностямъ закладныхъ крѣпостей на огромныя суммы, но безъ денегъ,

а лишь для однихъ счётовъ, уклоненiй отъ законовъ и по другимъ разнымъ причинамъ: закладныя даются безденежно и не только самолично, но даже по довѣренностямъ, засвидѣтельствованнымъ Уѣздными Судами, по одному лишь допросу довѣрителя на дому членомъ Суда, при чемъ отвѣтственность лежитъ на одномъ лицѣ, командируемомъ отъ присутственнаго мѣста на домъ къ дающему довѣренность, какъ это дѣлается на практикѣ.

Точно также въ законѣ сдѣлано различiе между судебными мѣстами въ отношенiи къ цѣнѣ иска и тяжбы, съ цѣлью, какъ кажется, необремененiя высшихъ инстанцiй лишними дѣлами и трудами. Но ужели Уѣздный Судъ или Магистратъ, рѣшившiй дѣло въ 30 руб. сер. или менѣе, можетъ быть признанъ неподлежащимъ апелляцiи и никакой отвѣтственности, если дѣло это будетъ рѣшено беззаконно; равно и Гражданская Палата будетъ ли всегда безпристрастна и справедлива въ рѣшенiи дѣлъ окончательно, безапелляцiонно на сумму до 600 руб. сер.? На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что небогатые люди, дѣла коихъ рѣшаются въ Уѣздныхъ Судахъ и Гражданскихъ Палатахъ, подвергаются нерѣдко противузаконнымъ рѣшенiямъ, особенно если имѣютъ дѣло съ людьми, которые ихъ богаче и знатнѣе. Для такихъ недостаточныхъ людей, у которыхъ дѣла возникаютъ на суммы до 30 или до 600 руб. сер., эти достоянiя нерѣдко бываютъ единственныя и если они ихъ лишатся на основанiи незаконнаго, но окончательнаго рѣшенiя суда, то должны сдѣлаться совершенными пролетарiями. Почему бы не предоставить право жалобы на такiя незаконныя рѣшенiя со взысканiемъ съ виновныхъ?(*)

ХР. КОЗЛОВЪ.

(*) Вопросъ этотъ уже возбужденъ и обсуждается законодательнымъ порядкомъ. *Редакт.*

ЗАМѢТКА НА РѢШЕНІЕ ОДНОГО ИЗЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЗАВѢЩАНІЯМЪ.

Въ Приложеніи къ 1-й книгѣ Архива изложены и разрѣшены нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ; VI-й вопросъ состоитъ въ томъ: можетъ ли завѣщатель безусловно лишать законныхъ своихъ наслѣдниковъ права оспаривать завѣщаніе?—Составитель статьи (извѣстный нашъ юристъ К. П. Побѣдоносцевъ) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно; но вмѣстѣ съ симъ весьма логически допускаетъ, что завѣщатель въ правѣ передать избранному имъ наслѣднику благопріобрѣтенное имѣніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ наслѣдникъ не оспаривалъ завѣщанія. Если споръ со стороны наслѣдника возникнетъ противъ завѣщательныхъ распоряженій и этотъ споръ будетъ отвергнутъ, то спорщикъ долженъ лишиться всякаго права на благопріобрѣтенное имѣніе.

Но кромѣ того, продолжаетъ г. Побѣдоносцевъ, наслѣдникъ можетъ, не касаясь существа завѣщательныхъ распоряженій, оспаривать внѣшнее достоинство завѣщанія, напримѣръ, доказывать фальшивость акта, или утверждать, что онъ недѣйствителенъ по несоблюденію установленныхъ формъ. Въ этихъ случаяхъ, хотя споръ и былъ бы отвергнутъ, наслѣдникъ, по мнѣнію г. Побѣдоносцева, не лишается, въ силу завѣщанія, права на благопріобрѣтенное имущество.

Это мнѣніе выведено изъ слѣдующихъ основаній:

1) Споръ наслѣдника противъ несоблюденія формъ или противъ подлинности завѣщанія не можетъ быть признанъ нарушеніемъ воли завѣщателя, ибо невозможно разсуждать о нарушеніи воли тамъ, гдѣ существуетъ еще сомнѣніе о томъ, что воля дѣйствительно выражена.

2) Истецъ споритъ не противъ воли завѣщателя, не противъ завѣщанія въ собственномъ смыслѣ, а проситъ объ уничтоженіи акта, который вовсе не признаетъ или не рѣшается признать завѣщаніемъ.

3) Рѣчь о нарушеніи воли завѣщателя можетъ быть только съ той минуты, когда эта воля сдѣлалась несомнительною, когда актъ получилъ дѣйствительное значеніе завѣщанія.

Прежде всего, обращаясь къ последнему основанію, мы спрашиваемъ: развѣ неправильный споръ можетъ прервать дѣйствительное значеніе акта? Завѣщаніе составлено правильно, выражаетъ подлинную волю завѣщателя; начинается неосновательный споръ противъ правильности или противъ подлинности; споръ уничтоженъ судебнымъ мѣстомъ. Неужели до того момента, въ который состоялось судебное рѣшеніе,—завѣщаніе было неправильно и неподлинно? Судебное рѣшеніе, окончивъ споръ, не придало акту дѣйствительнаго значенія;—это значеніе существовало *независимо* и *прежде* судебнаго производства; рѣшеніе только отвергло споръ противъ дѣйствительности завѣщательнаго акта, но оно не произвело, если можно такъ выразиться, этой дѣйствительности.

Изъ этого само собою истекаетъ, что и воля завѣщателя, неосновательно оспоренная,—не переставала быть *дѣйствительно выраженною*; сомнѣніе, устраненное судомъ, не могло имѣть никакого вліянія на подлинность этой воли, которая проявилась въ то самое время, какъ она выразилась въ завѣщаніи.

Слѣдственно, тотъ кто оспаривалъ правильность завѣщанія, не смотря на то, что оно было правильно, тотъ кто опровергалъ подлинность воли, не смотря на то, что она была подлинна,—очевидно спорилъ *противъ законно составленнаго завѣщанія*; не сознавая подлинности дѣйствительной воли, онъ спорилъ *противъ этой воли*. И если завѣщатель прямо объявилъ, что онъ устраняетъ отъ благопріобрѣтеннаго имѣнія наслѣдника, который будетъ спорить противъ его завѣщанія,—то конечно, при выполненіи въ точности воли завѣщателя, было бы странно предполагать, что завѣщатель подъ словомъ *спора* разумѣлъ одно опроверженіе своихъ распоряженій, а не опроверженіе подлинности и правильности самаго завѣщательнаго акта.

Послѣ этого, едвали можно согласиться съ г. Побѣдоносцевымъ, что въ вышеприведенномъ случаѣ наслѣдникъ не теряетъ правъ своихъ на завѣщанное ему благопріобрѣтенное имѣніе.

К. С. У.

О ПРАВѢ И НРАВСТВЕННОСТИ И ИХЪ ВЗАИМНОМЪ ОТНОШЕНІИ*.

I. Понятіе о правѣ.

Между всѣми существами человѣкъ имѣетъ едва ли не наиболѣе потребностей; но онъ можетъ удовлетворить имъ только при посредствѣ связей съ другими людьми. Поэтому, на самыхъ первыхъ порахъ, исторія застаетъ его живущимъ въ бо̀льшихъ или меньшихъ союзахъ, обществахъ, которые составляютъ необходимое, естественное его состояніе. Въ самыхъ обществахъ разнообразіе человѣческихъ потребностей производитъ разнообразныя отношенія между людьми, которыя съ развитіемъ жизни умножаются, дѣлаются сложнѣе,—образуется цѣлая система отношеній, различныхъ по свойствамъ, цѣлямъ и по кругу дѣйствія.

Разнообразіе отношеній между людьми, великая ихъ цѣль—удовлетворить потребностямъ человѣка и чрезъ то доставить ему возможность выполнить свое назначеніе—необходимо предполагаютъ существованіе нормъ, которыя обезпечивали и облегчали бы образованіе этихъ отношеній. Совокупность такихъ нормъ и составляетъ право; оно регулируетъ отношенія сообразно ихъ существу,—и этимъ самымъ даетъ имъ порядокъ и охраняетъ сферу общежитія человѣка отъ возможныхъ и дѣйствительныхъ нарушеній. Не всѣ однакоже отношенія, существующія между людьми, подчиняются нормамъ права; имъ подлежатъ только тѣ, которыя относятся къ общежитію и его порядку, и притомъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ приняли опредѣленный, конкретный характеръ. Такимъ образомъ право есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ порядокъ общежитія; самый же порядокъ, опредѣленный этими нормами, есть юридическій бытъ народа. Очевидно, что право въ предлагаемомъ смыслѣ представляетъ только формальныя нормы; матеріальную же ихъ сторону составляютъ тѣ отношенія, которыя образуются между людьми, не-

(*) Составлено по слѣдующимъ источникамъ: Friedländer, Juristische Encyclopädie, 1847.—Ahrens, Jurist. Encyclop., 1855.—Walter, Jurist. Encyclop., 1856 —Ortloff, Die Encyclopädie der Rechtswissenschaft. 1857.

зависимо отъ права, причинами, лежащими въ природѣ человѣка и общества, и которыхъ успѣшное образованіе требуетъ правомѣрныхъ нормъ.

Указавъ причину, вызывающую право къ жизни, и ту сферу, къ которой оно относится и въ которой дѣйствуетъ, разсмотримъ органы, участвующіе въ образованіи права.

Человѣку, въ числѣ многихъ его силъ, врождено чувство правды. Это чувство правды есть отраженіе той высшей идеи правды, основаніе которой заключается въ абсолютномъ духѣ, и главное свойство которой состоитъ въ требованіи воздавать каждому ему принадлежащее. Чувство правды, научающее человѣка, въ каждомъ данномъ случаѣ, отличать правое отъ неправаго, есть первоначальное основаніе юридическихъ воззрѣній. Но, будучи по существу своему непосредственнымъ, не всегда опредѣленнымъ, это чувство правды недостаточно для полнаго образованія юридическихъ нормъ, и необходимо предполагаетъ новую силу человѣческаго духа—мышленіе. Мышленіе не отвергаетъ требованій чувства правды, но отыскиваетъ для нихъ основанія, возводитъ ихъ въ общія нормы, и тѣмъ самымъ даетъ имъ опредѣленность, твердость.

И чувство правды и процессъ мышленія составляютъ только субъективный моментъ въ образованіи права; созданное этими силами воззрѣніе есть чисто личное, субъективное, такъ сказать нравственное убѣжденіе. Для полнаго образованія юридическихъ нормъ необходимо еще признаніе ихъ обязательными тою средою, въ которой началось ихъ образованіе. Этотъ третій моментъ есть историческій; онъ возводитъ простое воззрѣніе въ юридическую норму, дѣлаетъ ее обязательною, сопровождаетъ принужденіемъ.

Изъ трехъ указанныхъ силъ самая главная есть чувство правды: оно служитъ первоначальнымъ и кореннымъ основаніемъ юридическихъ воззрѣній; оно есть ближайшій истолкователь требованій высшей идеи правды. Двѣ остальныя силы только выработываютъ въ опредѣленныя требованія и даютъ внѣшнее обязательное значеніе тому, что лежало въ зародышѣ въ чувствѣ правды. Но очевидно, что всѣ эти силы дѣйствуютъ независимо отъ дѣйствительности ихъ окружающей, подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ естественныхъ условій страны, племенныхъ свойствъ народа, матеріальныхъ интересовъ и степени цивилизаціи общества.

Изъ всего сказаннаго нами о правѣ, можно видѣть, что оно имѣетъ характеръ чисто конкретный, положительный; что къ нему должно относиться только то, что принято обществомъ, и что живетъ и дѣйствуетъ въ немъ какъ нормы опредѣленнаго порядка (*).

(*) Давая праву чистоположительный характеръ, относя къ нему только тѣ нормы, которыя признаны обществомъ, мы знаемъ, что вызовемъ много возраженій. Возраженія могутъ быть и со стороны послѣдователей стараго ученія о естественномъ правѣ, какъ о совокупности нормъ, выводимыхъ изъ разума, независимо отъ всякой дѣйствительности (Кантъ и его школа), и со стороны тѣхъ, которые, отвергая понятіе о естественномъ правѣ въ указанномъ смыслѣ, принимаютъ кромѣ права положительнаго философское, возводящее положительныя нормы къ ихъ общимъ началамъ и разумнымъ основаніямъ.

Не вдаваясь въ споръ съ приверженцами естественнаго права въ первомъ смыслѣ, такъ какъ онъ давно рѣшенъ въ наукѣ, считаемъ однакоже нужнымъ по поводу права философскаго въ послѣднемъ смыслѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Во первыхъ, возводя положительныя нормы въ общія начала, оно не имѣетъ самостоятельнаго бытія, потому что не имѣетъ самостоятельнаго содержанія; вся разница между правомъ философскимъ и такъ называемымъ положительнымъ заключается въ формахъ выраженія: первое излагается въ видѣ отвлеченныхъ началъ, второе—въ видѣ частныхъ положеній. Отношеніе между ними такое же, какъ и всякой науки къ своему предмету.

Во вторыхъ, если и принять самостоятельное существованіе философскаго права въ видѣ началъ, извлеченныхъ изъ положительныхъ нормъ, то оно во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть существенныхъ признаковъ права: обязательности, возможности принужденія, безъ чего право, какъ совокупность нормъ, опредѣляющихъ порядокъ общежитія,—немыслимо. Оно будетъ имѣть значеніе научной системы, оказывающей вліяніе на положительное право,—но не болѣе.

Нашъ позитивизмъ отличается впрочемъ отъ позитивизма исторической школы. Послѣдняя впала въ какое-то странное противорѣчіе: она признавала постепенность образованія права и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла оторваться отъ исторически-даннаго. По мысли Савиньи (Zeits. für. ges. Rechtswis. 1815, B. 1, S. 2—7) содержаніе права у каждаго народа дается всею совокупностію прошедшей жизни народа, и притомъ не произвольно, такъ что можетъ быть то или другое, но напротивъ,—происходитъ изъ внутреннѣйшаго существа самой націи и ея исторіи. Очевидно, что при такомъ взглядѣ, участію свободы человѣка въ образованіи права почти нѣтъ мѣста. Отсюда-то собственно и произошло, что слѣдя, по выраженію Тибо, съ прикованнымъ взоромъ за исторією одного народа со всѣми ея мелочами, историческая школа считала каждый совершившійся фактъ священнымъ, добровольно отказывалась отъ

*

Требованія правды, сами по себѣ, не суть еще право. Пока онѣ не признаны обществомъ, пока онѣ не перешли во внѣшній порядокъ общежитія, до тѣхъ поръ онѣ остаются только нравственнымъ долгомъ, нравственною обязанностію, но не имѣютъ силы права.

критики, оцѣнки, и поставила задачею науки понять и объяснить фактъ безъ права осужденія или оправданія его. Мы же полагаемъ, что одинъ изъ существенныхъ моментовъ въ образованіи права принадлежитъ свободѣ человѣка, и потому позволяемъ себѣ видѣть въ юридическихъ нормахъ много чисто случайнаго, личнаго, и даже считаемъ неотъемлемымъ правомъ и человѣческой природы и правовѣдѣнія оцѣнивать совершающіеся факты, и отдѣлять разумное, нравственное и правое отъ неразумнаго, безнравственнаго и несправедливаго.

Всѣ извѣстные намъ современные авторы юридич. энциклопедій принимаютъ почти въ такомъ же смыслѣ и положительность права и такъ называемое философское право. Такъ Варнкёнигъ опредѣлительно говоритъ: Da aber eine solche Anerkennung und die Feststellung eines solchen Zustandes stets eine historische Thatsache ist, und daher jede Rechtsordnung etwas concretes und die sie regulirenden Normen etwas positives sind, so ergiebt sich mit Nothwendigkeit, dass solch' ein von selbst geltendes Natur-und Vernunftrecht keine Realität hat, und dass es daher auch keine angeborenen Rechte in dem Sinne jener Schriftsteller geben kann. Man hat nun die ganze Theorie der Menschenrechte als eine juristisch unhaltbare aufgegeben und die Eintheilung in Natur-und positives Recht verworfen. Iur. Enc. § 37, S. 57.; смотри также: § 13, S. 12; § 20, S. 21, 22; § 51 S. 92.

Не менѣе опредѣленно говоритъ и Вальтеръ въ своей энциклопедіи: Vorschriften, die blos ermahnen, aber nicht befehlen, sind keine Gesetze, sondern nur ein Rath. Vorschriften, die zwar befehlen, aber ohne äussern Zwang, sind Gewissensvorschriften, keine Rechtsgesetze, § 35, S. 38. Въ такомъ же смыслѣ говоритъ въ своей энциклопедіи и Блюме 1-te Abt. § 1. S. 2, § 10 S. 21, § 12. S. 27.

Даже самъ Аренсъ, отличающійся отъ указанныхъ авторовъ своимъ по преимуществу философскимъ направленіемъ, принимаетъ необходимыми условіями права: возможность принужденія и историческій элементъ въ его образованіи, и тѣмъ самымъ ясно показываетъ, что подъ правомъ онъ разумѣетъ только право положительное. Ahrens, Iur. Enc. 1-te Lief. Кар. 1, 2.

Но блистательнѣе всѣхъ въ пользу положительности права говоритъ Фридлендеръ. Опровергнувъ съ полнымъ успѣхомъ бытіе философіи вообще, какъ особенной и самостоятельной науки (Absch. 2, § 12), онъ совершенно убѣдительно отвергаетъ (Absch. 7, S. 139—144) философское право и въ смыслѣ естественнаго права, какъ разумѣли его въ концѣ XVIII вѣка (Naturrecht), и въ смыслѣ Vernunftrecht, какъ понималъ его Кантъ съ своею школою, и въ смыслѣ философіи права, по понятію Гегеля. Свои опроверженія онъ заключаетъ слѣд. словами: Die Rechtsphilosophie als besondere Wissenschaft ist

Отличаясь своимъ положительнымъ характеромъ, право однакоже въ такомъ только случаѣ не противорѣчитъ своему существу, если имѣетъ свое высшее основаніе и оправданіе въ идеѣ правды. Но, какъ явленіе историческое, оно можетъ выполнять это условіе только въ извѣстныхъ границахъ, что̀ зависитъ отъ степени развитія общества, въ которомъ чувство и сознаніе правды можетъ быть темнѣе или яснѣе. Очевидно, что возможны случаи значительнаго уклоненія права отъ требованій правды, а иногда и противорѣчій съ ними; но это не отнимаетъ у права его положительности, его силы. Пока оно принято и не измѣнено обществомъ, до тѣхъ поръ оно сильно и полновластно, хотя понятно, что чѣмъ согласнѣе право съ требованіями правды, тѣмъ оно тверже и благодѣтельнѣе для общества, и на оборотъ.

Изъ предложеннаго же нами понятія о правѣ открывается, что оно заключаетъ въ себѣ два существенныхъ элемента: лицо, для котораго создается общежитіе—элементъ субъективный, индивидуальный, и общежитіе—элементъ объективный, соціальный. Оба эти элемента безусловно необходимы другъ для друга и отсутствіе того или другаго уничтожаетъ возможность существованія права; такъ излишнее развитіе личности уничтожаетъ порядокъ, разрушаетъ общежитіе; крайнее же подавленіе обществомъ личности обращаетъ послѣднее въ мертвую машину.

Разсмотримъ ближе сущность каждаго изъ этихъ элементовъ и ихъ взаимное отношеніе. Основаніе понятія личности заключается во врожденной ей способности самоопредѣленія, аутономіи,—или иначе свободы. Безъ этой существенной принадлежности личность жить не можетъ; безъ нея она даже невообразима и обращается въ обыкновенный физическій организмъ, лишенный свободы и дѣятельности.

Существо правомѣрныхъ нормъ заключается въ томъ, что онѣ устанавливаютъ порядокъ для общежитія, для свободной дѣятель-

---

überflüssig. So wenig die Philosophie als Wissenschaft des Absoluten bestehen kann, so wenig auch die Philosophie des Rechts als Gegensatz zur Wissenschaft des positiven Rechts (S. 143), и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опредѣленно признаетъ только право положительное: Das Recht, um Realität und somit Wahrheit zu erlangen, muss geäussert, ausgesprochen, muss gegenständliches, objectives, positives Recht werden. Absch. 4, § 4, S. 63.—Iurist. Enc. von Al. Friedländer.

ности людей въ обществѣ, и возникаютъ не по волѣ одного лица, но въ слѣдствіе исторической санкціи общаго правомѣрнаго воззрѣнія, устрояющаго общежительный союзъ. Участіе, которое принимаетъ воля цѣлаго общества въ созданіи правомѣрныхъ нормъ, отличаетъ эти нормы отъ законовъ физическаго міра, или отъ порядка природы; первыя, будучи въ извѣстной степени созданіемъ людей, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ людскихъ понятій и отношеній; вторые суть созданія самой природы, заключаются въ ней, и потому дѣйствуютъ неизмѣнно. Законы физическіе, какъ неизмѣнные и всесильные, не только полагаютъ границы человѣческой волѣ, но во многихъ отношеніяхъ даютъ ей то или другое направленіе. Отсюда эти общепринятыя начала права: невозможное не можетъ быть правомѣрнымъ (impossibilium nulla obligatio), и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываемое законами природы—признается правомѣрнымъ (эта сторона въ особенности имѣетъ значеніе въ институтѣ брака), хотя конечно человѣкъ на столько обладаетъ даромъ свободы, что онъ можетъ отрѣшиться отъ всякихъ законовъ, а слѣдовательно и физическихъ (*).

Изложивъ понятіе о личности и юридическомъ порядкѣ, разсмотримъ отношеніе между ними. Начнемъ съ того, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ и вмѣстѣ труднѣйшихъ и въ жизни и въ наукѣ. Исторія представляетъ намъ общества съ самымъ разнообразнымъ характеромъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная тѣми, гдѣ личность почти не ограничивается идеею порядка, и оканчивая тѣми, гдѣ идея порядка почти безусловно подчинила себѣ личность. Въ жизни современной мы также видимъ постоянное колебаніе между двумя крайними предѣлами: личнымъ, субъективнымъ и соціальнымъ, объективнымъ, и каждый новый шагъ человѣчества приноситъ новыя данныя для опредѣленія между ними отношеній.

Но, среди разнообразія историческихъ формъ, среди колебаній жизни современной, есть два принципа, которые, если не рѣшаютъ вопроса во всей его полнотѣ, то позволяютъ по крайней мѣрѣ вы-

(*) Напр. обѣтъ безбрачія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ первые вѣка по Р. Х., или же спокойное и неизмѣнное рѣшеніе лишить себя жизни, какъ это было у Римскихъ Стоиковъ.

вести нѣкоторыя существенныя черты отношеній между лицомъ и порядкомъ и указать то направленіе, въ которомъ они должны развиваться. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что существованіе общества основано на обоихъ элементахъ (личности и порядка) и ни одинъ изъ нихъ не можетъ изчезнуть изъ общественной жизни безъ разрушенія самаго общества; второй—въ понятіи свободы, въ его лучшемъ смыслѣ. Право имѣетъ своимъ назначеніемъ дать порядокъ для людскихъ отношеній, т. е. обезпечить для человѣка свободную дѣятельность, и чѣмъ болѣе оно выполняетъ свою задачу, тѣмъ отношеніе между порядкомъ и личностію лучше и выше, и на оборотъ. Такимъ образомъ понятіе свободы служитъ путеводною нитью въ развитіи отношеній между двумя означенными элементами и даетъ возможность оцѣнивать ихъ.

Руководствуясь двумя указанными принципами, мы можемъ привести черты отношеній между порядкомъ и личностію къ слѣдующимъ общимъ началамъ: 1) личность есть основаніе права; 2) право существуетъ для личности и при посредствѣ личности и нисколько не нарушаетъ ея свободы, но установляетъ для нея только норму, порядокъ въ правоотношеніяхъ; 3) составляя основу права, личность непремѣнно должна подчиняться праву, признавать надъ собою извѣстную степень его власти; 4) въ случаѣ уклоненія отъ дѣйствующаго порядка, личность можетъ быть силою принуждена къ повиновенію. Принужденіе, сопровождая право, не нарушаетъ тѣмъ характера права и значенія личности, во первыхъ потому, что оно можетъ быть употреблено только ради свободы, для которой созданъ и весь правомѣрный порядокъ, и во вторыхъ потому, что употребленіе его существуетъ только какъ возможность.

Лишенное силы и внѣшняго значенія, право обращается въ личное мнѣніе, въ требованіе долга,—не болѣе. Но и при этомъ нужно отличать тѣ случаи, когда предписанія права не исполняются не вслѣдствіе разложенія и паденія общественнаго порядка, но вслѣдствіе злоупотребленія. Въ послѣднемъ случаѣ отрицаніе права имѣетъ характеръ чисто случайный: право остается въ своей полной силѣ и рано или поздно подвергнетъ отвѣтственности тѣхъ, которые рѣшились противопоставить свою личную волю требованіямъ цѣлаго общества.

Теперь рождается еще вопросъ: если право не всегда со-

гласно съ правдою, а между тѣмъ всегда требуетъ отъ членовъ общества повиновенія, то какъ согласить понятіе о правѣ съ понятіемъ о лицѣ, какъ свободномъ дѣятелѣ, если это послѣднее будетъ считать какую либо правомѣрную норму противною своему нравственному убѣжденію? Изъ этого противорѣчія можно выйти слѣдующимъ образомъ: во первыхъ отдѣльное лицо составляетъ только часть общества, право же есть произведеніе цѣлаго общества, и потому отдѣльное лицо всегда должно дѣлать уступки требованію цѣлаго общества. Во вторыхъ, за отдѣльнымъ лицомъ всегда остается право дѣйствовать, въ извѣстныхъ границахъ, въ пользу своего убѣжденія и доставлять ему значеніе. Наконецъ, въ третьихъ, если правомѣрное опредѣленіе рѣшительно противорѣчитъ убѣжденіямъ отдѣльнаго лица, и послѣднее не можетъ выполнить его, не нарушая требованій своей совѣсти, то и здѣсь свобода лица можетъ быть сохранена: отдѣльное лицо во многихъ случаяхъ можетъ отрѣшиться отъ необходимости, даже физической (см. выше), а слѣдовательно и юридической, съ тѣмъ только условіемъ, что оно исключается изъ юридическаго порядка.

Таково понятіе о правѣ, его основаніи и его элементахъ! Принятое въ изложенномъ смыслѣ, оно есть одно изъ утѣшительныхъ для человѣчества явленій, служащихъ вѣрнымъ ручательствомъ его развитія и преуспѣянія. Обезпечивая личность человѣка, право не нарушаетъ и не стѣсняетъ какой-то вымышленной, безграничной свободы человѣка, но даетъ свободу въ ея лучшемъ смыслѣ и безъ права послѣдняя не можетъ существовать. И далѣе, составляя нормы для общежитія людей, оно не отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, но дѣлаетъ возможнымъ и болѣе легкимъ сближеніе, связи и совмѣстную жизнь; а слѣдовательно открываетъ просторъ для дѣятельности людей и сохраняетъ ихъ отъ безполезной траты силъ и энергіи.

II. Очеркъ развитія понятій о правѣ.

Исторія представляетъ намъ послѣдовательное развитіе понятій о правѣ; при чемъ каждая система приносила свою долю истины, и чѣмъ выше была эта система, тѣмъ яснѣе указывала она истинныя стороны отживишихъ воззрѣній, и тѣмъ успѣшнѣе соединяла прежнія направленія въ одномъ высшемъ принципѣ.

Міросозерцаніе древнихъ Грековъ не возвысилось до представле-

нія о правѣ, какъ о самостоятельной силѣ, имѣющей свои особыя цѣли и свою сферу дѣйствія. Платонъ, представитель греческаго воззрѣнія на право, обнялъ его не какъ простой внѣшній принципъ, относящійся къ общественной жизни, но и какъ внутренній порядокъ душевной жизни, раскрывающійся во внѣшнемъ порядкѣ; для него понятія правда и право тождественны. Правду Платонъ принимаетъ какъ этическую полноту добродѣтелей, которая соединяетъ всѣ силы души и даетъ имъ надлежащее направленіе. Такимъ образомъ въ ней онъ видитъ ту силу, которая всѣмъ управляетъ и всему назначаетъ свое мѣсто и кругъ дѣйствія, не различая, относится ли это къ внутреннему міру человѣка, или къ общественному порядку. Взглядъ Платона на право, въ соединеніи съ гуманнымъ и космополитическимъ воззрѣніемъ Стоиковъ былъ принятъ Цицерономъ. По его ученію правда (justitia) есть самый разумъ, повелѣвающій, что должно дѣлать и чего воздерживаться; такъ какъ разумъ, живущій и въ Богѣ и въ людяхъ, одинъ и тотъ же, то и правда одна: она повелѣваетъ только не обижать, и если можно, защищать отъ обидъ другихъ. Кромѣ правды общество еще держится и благотворительностію, которая повелѣваетъ намъ раздѣлять наши блага съ другими.

Христіанство относительно ученія о правѣ представляетъ двѣ главныя эпохи. Первая обнимаетъ отцевъ церкви и средневѣковыхъ теологовъ-юристовъ (Амвросій, Августинъ, Ѳ. Аквинъ); вторая— начинается со временъ реформаціи и возрожденія философіи и продолжается по нынѣ.

Что касается I-й эпохи, то Христіанство, выведя человѣка изъ узкаго политическаго круга и научивъ его смотрѣть на себя, какъ на часть высшаго божественнаго порядка, приняло человѣка въ свое вѣдѣніе, во всей полнотѣ его существа. При этомъ право и нравственность слились въ общемъ Христіанскомъ ученіи. Теологи-юристы видѣли въ правѣ результатъ падшей природы человѣка и стремились основать юридическія нормы на волѣ Божіей и на покорности ея велѣніямъ. И такъ какъ Богъ желаетъ только добра, то поэтому нѣтъ никакой надобности отличать право отъ нравственности и религіи. Для человѣка должно быть все равно: предлагаются ли ему требованія правомѣрныя, или нравственныя и религіозныя; и тѣ и другія и третьи исходятъ отъ Бога, слѣдовательно ве-

дутъ къ добру, и потому всѣмъ имъ человѣкъ долженъ равно подчиняться, не входя въ разборъ ихъ характера и значенія.

Вмѣстѣ съ реформаціею выступаютъ такъ называемые предвѣстники Грота: Меланхтонъ, Ольдендорпъ, Гоммингъ и въ особенности Винклеръ; у нихъ уже обнаруживается стремленіе отдѣлить право отъ религіозныхъ основаній и дать ему самостоятельный характеръ, хотя еще замѣтны слѣды прежняго теологическаго взгляда, по которому право разсматривалось, какъ плодъ падшей природы человѣка. Съ Гротомъ выступаетъ ученіе о естественномъ правѣ и начинается новая эпоха. Онъ поставилъ право на твердую почву,— въ среду человѣческихъ отношеній, и тѣмъ самымъ положилъ начало пониманію права въ его человѣческомъ происхожденіи, отличномъ отъ религіи. По его ученію основанія права заключаются въ свойствахъ человѣческой природы, именно въ общежительности человѣка. Отсюда все то̀ право, что̀ не противно общежительности и все то̀ не-право, что̀ вредитъ и разрушаетъ общежительность.

Направленіе, данное Гротомъ, было развито еще больше Гоббсомъ и Пуффендорфомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже и тогда возникла оппозиція въ лицѣ Кумберланда (противъ Гоббеза), Рахеля, обоихъ Кокцеевъ и Лейбница (противъ Грота и Пуффендорфа), которые хотѣли снова привести основаніе естественнаго права къ божественной волѣ, и находили слишкомъ узкимъ ограничивать его предписанія цѣлями настоящей жизни и одними внѣшними дѣйствіями человѣка.

Не смотря на эту оппозицію Томазій (1655—1728) явился сильнымъ приверженцемъ гротовскаго направленія и отдѣлилъ право не только отъ религіи, но и отъ морали, поставивъ характеристическою чертою юридическихъ обязанностей—принужденіе, въ противоположность нравственнымъ обязанностямъ, относительно которыхъ принужденіе не могло имѣть мѣста. Это отдѣленіе ставилось и ставится въ особенную заслугу Томазію; и дѣйствительно въ общемъ развитіи понятій о правѣ оно было очень важно, хотя далеко не рѣшало дѣла, потому что не уясняло, почему же въ правѣ должно допускать принужденіе?

Основатель новѣйшей философіи, Кантъ, изслѣдуя границы дѣятельности разума, указалъ, что разумъ можетъ обнимать только отношенія предметовъ и бытія, но не ихъ сущность, и что онъ не въ

состояніи отвѣчать на многіе конечные вопросы. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ человѣкъ долженъ руководствоваться не путемъ логики, но внутреннимъ голосомъ; къ числу этихъ вопросовъ относятся: о свободѣ человѣка и о бытіи правды. Относительно нихъ разумъ безсиленъ и не можетъ дать отвѣтъ на нихъ a priori; но за то внутренній голосъ, который несомнѣнно живетъ въ душѣ каждаго человѣка, громко говоритъ, что человѣкъ есть лицо свободное и самостоятельное и что есть нѣчто безусловно неправое и нѣчто безусловно правое. Изъ этихъ двухъ истинъ является у Канта понятіе права: каждый человѣкъ свободенъ, самостоятеленъ, но за то каждый человѣкъ знаетъ, что и другіе люди обладаютъ тѣмъ же свойствомъ; голосъ правды заставляетъ ихъ уважать другъ друга и признавать взаимныя права. Такимъ образомъ кругъ, которымъ человѣкъ ограничиваетъ себя, чтобы не нарушить свободы другаго лица, есть право; такимъ образомъ право есть совокупность условій, при которыхъ свобода одного лица можетъ быть совмѣстна съ свободою другихъ, по всеобщему закону свободы.

Философія Канта уяснила двѣ существенныя стороны права: она признала его формою и смотрѣла на него, какъ на условіе для достиженія опредѣленныхъ цѣлей; но оказавъ эти важныя услуги наукѣ, она имѣла большіе недостатки. Во-первыхъ, она видѣла въ правѣ только его отрицательную сторону—не нарушать свободы другихъ; и потомъ она выводила право только изъ понятія о свободѣ человѣка, о его субъективномъ мірѣ. Вслѣдствіе этой послѣдней черты ученіе Канта о правѣ было оторвано отъ всякаго объективнаго содержанія, и получило характеръ абстрактный, слишкомъ общій и потому неприменимый.

Между тѣмъ именно эта послѣдняя черта произвела особенно сильное вліяніе на послѣдующее развитіе философіи права. Образовалось чрезвычайно много послѣдователей Канта, которые развивали и усиливали абстрактное направленіе, и въ частномъ правѣ ограничивались формально-логическими настроеніями, въ публичномъ—ставили на первомъ планѣ стремленіе къ свободѣ, не признающее ни времени, ни отношеній жизни. Крайность этого направленія произвела вскорѣ оппозицію, которая вызвала непризнанныя Кантомъ стороны права. Такъ историческая школа поставила своею задачею понять и обнять бытіе и жизнь права въ его объек-

тивномъ осуществленіи, въ исторіи; школа теологическая (de Maistre, Baader, Stahl)—понимала право и государственный порядокъ не какъ продуктъ человѣческаго произвола, но какъ божественный порядокъ; школа этическая (Krause, Ahrens) силится обнять право въ его органической связи съ нравственностію; наконецъ школа философско-спекулятивная въ лицѣ Шеллинга и Гегеля возстала въ особенности противъ произвола субъективнаго міра человѣка, который былъ поставленъ Кантомъ исходнымъ пунктомъ въ ученіи о правѣ.

Перенеся понятіе физическаго организма въ природу человѣческаго духа, Шеллингъ призналъ, что отдѣльный человѣкъ есть только часть общаго духовнаго организма, и что хотя онъ и служитъ основаніемъ права, но не онъ создаетъ его; что напротивъ право, какъ одно изъ проявленій общей идеи, есть только часть общаго духовнаго организма, которая слѣдуетъ общимъ законамъ органическаго развитія, и человѣку остается только подчиниться этому необходимому порядку.

Ученіе Шеллинга страдало тѣмъ недостаткомъ, что, принявъ міръ физическій и духовный, какъ проявленіе одной абсолютной идеи, оно не сумѣло найти другихъ связей между этими двумя мірами и поставило ихъ параллельно, независимо другъ отъ друга; а вмѣстѣ съ тѣмъ, перенеся понятіе организма въ міръ духовной дѣятельности человѣка, оно позабыло существенную черту этой дѣятельности—свободу, откуда и произошло странное понятіе о правѣ, какъ о порядкѣ, «въ которомъ свобода столь же мало имѣетъ власти надъ нимъ, сколько и надъ чувственнымъ міромъ» (Syst. des. trans. Id. S. 404—408).

Гегель выходитъ изъ дуализма Шеллинга, соединяя природу и духъ въ одинъ общій организмъ и представляя ихъ какъ преемственныя ступени развитія одной абсолютной идеи. Право есть одно изъ проявленій этой идеи, и проявленій въ царствѣ духа. Какъ часть цѣлаго, идея права развивается по неизмѣннымъ законамъ, заключающимся въ ней самой, и является: на первой ступени какъ право абстрактное, выражающееся въ личности, собственности и договорахъ; на второй—какъ мораль, основаніе которой чисто субъективный міръ человѣка, направленный къ добру; а на третьей ступени, самой высшей, какъ нравственность (Sittlich-

keit), которая впрочемъ обнаруживается въ обществѣ только въ постепенномъ развитіи человѣческихъ союзовъ: семействѣ, гражданскомъ обществѣ и государствѣ. Идея права въ своей высшей сферѣ—государствѣ, и на своей высшей ступени—нравственности заключаетъ въ себѣ и право абстрактное и личный міръ человѣка (мораль). Она является здѣсь, какъ высшая всеобладающая идея, въ которой гармонически соединяются и внѣшнія права человѣка и разрозненныя стремленія единичныхъ лицъ и требованія государства; она является здѣсь какъ единственно господствующая идея, предъ которой отдѣльному человѣку остается только довѣрчиво отдаться ея требованіямъ и безъ противорѣчій идти къ указываемой ею цѣли.

Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе ученія Гегеля, мы замѣтимъ слѣдующее: его исходная точка была вѣрна: онъ говорилъ, что «задача философіи познать существующее, надъ которымъ она не можетъ возвыситься и котораго не можетъ опередить, что философія научаетъ людей каковъ есть міръ, а не каковъ онъ долженъ быть, да и не можетъ имѣть этой задачи, потому что является только тогда, когда жизнь дѣйствительная окончила свое образованіе» (Grundl. der phil. d. Rechts. Vorw.). Но, становясь на эту положительную, чисто научную точку, Гегель на второмъ шагу своего ученія оставилъ ее, и принялъ свои личныя логическія построенія за законы, извлеченные изъ самой дѣйствительности. Отсюда-то главнымъ образомъ и произошло съ одной стороны смѣшеніе права съ нравственностію, а съ другой отдѣленіе отъ этой послѣдней морали, какъ самостоятельнаго момента (Гегелю нужно было три момента); отсюда же и три ступени развитія формъ общественной жизни, которыхъ дѣйствительность не представляетъ. Что же касается безусловнаго господства государства и общественной нравственности надъ отдѣльнымъ лицомъ съ его личными стремленіями, то это было отчасти также слѣдствіемъ діалектическихъ построеній, а отчасти личнаго настроенія Гегеля и вліянія той современности, среди которой онъ дѣйствовалъ.

Философія Гегеля, послѣ чрезвычайнаго успѣха, очень быстро пала, и со времени ея паденія напрасно многіе поборники философскихъ умозрѣній силились создать новую систему, которая встрѣтила бы такое общее одобреніе. Въ настоящее время всѣ,

занимающіеся философіею права, или примыкають къ одному изъ господствовавшихъ направленій, дѣлая частныя измѣненія сообразно новымъ требованіямъ времени, или же соединяють нѣсколько прежнихъ теорій въ одну (*).

Таковъ ходъ развитія понятій о правѣ! Результатъ этого развитія можно привести къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) право принимается какъ организмъ (**); 2) основаніемъ этого организма есть

(*) Матеріальное направленіе также имѣетъ приверженцевъ; къ нему слѣдуетъ отнести System der Rechtsphilosophie von Knapp. 1857.

(**) Какъ мы имѣли уже случай замѣтить выше, понятіе объ организмѣ было перенесено изъ естественныхъ наукъ въ науку вообще Шеллингомъ. Онъ изгналъ господствовавшее до него понятіе о наукѣ, какъ о мертвомъ механизмѣ и пытался представить ее какъ развивающуюся жизнь, которая зараждается и поддерживается непрерывными и основанными на извѣстныхъ законахъ отправленіями отдѣльныхъ органовъ. Мысль Шеллинга встрѣтила сочувствіе, и съ его времени начали разсматривать и право вообще, и отдѣльные юридическіе институты, какъ организмы. Полнѣе всего эта мысль была развита Игерингомъ въ его Geist des römischen Rechts. Но у него она достигла крайности: Игерингъ хотѣлъ примѣнить къ праву понятіе объ организмѣ во всѣхъ его мелкихъ чертахъ, и отсюда явилась у него анатомическая и физіологическая сторона права; отсюда же и потеря того жизненнаго и свободнаго начала, существованіе котораго можно замѣтить въ образованіи права на каждомъ шагу. Эта крайность вызвала противника въ лицѣ Лейста (въ его Civilistischen Studien, Iena, 1854), который утверждаетъ, что право есть только система, но не организмъ; закону юридическому (Rechtssatz) онъ противоставляетъ законъ природы (Natursatz); содержаніе и направленіе послѣдняго, хотя и создается человѣкомъ, но опредѣляется послѣднимъ. На сколько право создано волею человѣка,—оно есть механизмъ; на сколько оно вытекаетъ изъ закона природы, на основаніи котораго образуются отношенія,—оно есть организмъ. Это соединеніе организмовъ и механизмовъ Лейстъ принимаетъ не какъ одинъ большой организмъ, а какъ систему.

Попытка Лейста не нашла однакоже большаго сочувствія; Бринцъ отозвался о ней весьма неблагопріятно; Кунце также во многомъ несогласенъ съ нею и смотритъ на нее, какъ на явленіе временное, какъ на «одну изъ волнъ того общаго реальнаго направленія, которое въ настоящее время затапливаетъ всѣ области жизни и даже науку». (Подробно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ въ соч. Г. Ортлова: Die Encyclopädie der Rechtswissenschaft in ihrer gegenwärtigen Bedeutung. Iena, 1857, S. 103—112). Намъ кажется, что не только указанные авторитеты, но и самое существо дѣла говоритъ противъ крайняго

лицо съ его свободою и порядокъ съ его властію; 3) право есть организмъ формальный, содержаніе котораго составляютъ отношенія, образуемыя жизнію каждаго общества; 4) право относится къ этической сторонѣ человѣка, и потому, будучи относительно самостоятельнымъ, и по цѣли, и по сферѣ дѣйствія, не должно быть отрываемо отъ нравственныхъ началъ жизни, въ которыхъ оно должно находить для себя и поддержку и освященіе.

III. Понятіе о нравственности и ея отношеніе къ праву.

Мы изложили понятіе о правѣ, но для полнаго уразумѣнія этого понятія необходимо уяснить понятіе о нравственности (*) и ея отношеніи къ праву, такъ какъ обѣ эти области равно относятся къ дѣятельной волѣ человѣка и потому находятся въ ближайшей между собою связи.

направленія Лейста. Уже со времени Савиньи начали отличать въ правѣ матеріальную его основу или отношенія отъ тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя отношенія образуютъ въ правоотношенія. За первымъ самъ Лейстъ признаетъ органическое развитіе; что же касается юридическихъ нормъ, то и въ нихъ нельзя отрицать органическаго характера, какъ ни формальны онѣ на первый взглядъ: онъ заключается въ глубокой связи между единичнымъ и цѣлымъ, между цѣлымъ и всею совокупностію отправленій народной жизни (послѣднее въ особенности не можетъ имѣть мѣста при понятіи о правѣ какъ системѣ) и наконецъ заключается въ той общей, связующей идеѣ, которая даетъ жизнь цѣлому.

Защищая органическій характеръ права, мы не считаемъ однакоже возможнымъ приложить понятіе объ организмѣ физическомъ во всей его полнотѣ къ области права. Вопервыхъ, существеннымъ элементомъ права мы приняли личность и ея свободу, а при этомъ условіи въ правѣ всегда можно замѣтить сторону случайную, частную, что не имѣетъ мѣста въ развитіи организмовъ физическихъ; во вторыхъ, въ организмѣ права жизнь идетъ изъ частей, отъ тѣхъ лицъ, для которыхъ онъ образуется; въ организмахъ физическихъ жизнь идетъ отъ цѣлаго къ частямъ. Поэтому органическій характеръ права можно принять только въ ограниченномъ видѣ.

(*) Мы не различаемъ понятія нравственности отъ понятія морали; въ нѣмецкомъ языкѣ Sittlichkeit и Moral имѣютъ свои особенные оттѣнки.

Поставленный нами вопросъ, не смотря на свою не только теоретическую, но и практическую важность, былъ поднятъ только въ XVII вѣкѣ. До этого времени и въ наукѣ и въ положительномъ правѣ было полное смѣшеніе нравственности и права; нравственныя обязанности были поставлены на одну линію съ требованіями права, и къ тѣмъ и къ другимъ прилагали однѣ и тѣ же принудительныя мѣры, вслѣдствіе чего нравственная дѣятельность теряла свое достоинство—чистоту мотива. Такое смѣшеніе, не говоря уже о древнемъ мірѣ, повело къ большимъ злоупотребленіямъ въ средніе вѣка, и вызвало наконецъ въ наукѣ стремленіе найти черту между нравственностію и правомъ и по возможности отдѣлить эти области одну отъ другой. Слѣды этого стремленія можно найти уже у Грота и еще болѣе у Пуффендорфа. Но рѣшительными представителями его были Томазій, Кантъ и А. Фейербахъ. Они требовали (въ особенности первый и послѣдній) полной независимости права отъ нравственности, утверждая, что та и другая области не имѣютъ другъ съ другомъ непосредственной связи.

Этотъ крайній взглядъ вызвалъ въ свою очередь мысль, что право есть переходящій порядокъ, что оно есть не болѣе, какъ неполное приложеніе требованій нравственности къ обществу, и что, по мѣрѣ того какъ въ обществѣ будетъ усиливаться нравственность, потребность въ правѣ будетъ меньше и меньше и право наконецъ сольется съ нравственностію и не будетъ стѣснять свободы человѣка (Бентамъ, Шлейермахеръ и въ извѣстномъ смыслѣ Гегель). Но эта мысль, имѣющая сродство съ средневѣковымъ ученіемъ о правѣ (которое смотрѣло на весь гражданскій порядокъ, какъ на слѣдствіе падшей природы человѣка и утѣшало себя надеждою, что рано или поздно человѣкъ выйдетъ изъ этого печальнаго состоянія и будетъ жить внѣ юридическихъ опредѣленій), не вѣрна.

Право и нравственность суть двѣ различныя области и по цѣли, и по сферѣ, и по характеру дѣйствія.

Савиньи чрезвычайно вѣрно замѣтилъ (S. d. h. r. R. Bd. 1, S. 331), «что потребность и бытіе права есть слѣдствіе несовершенства, но несовершенства не случайнаго и преходящаго, а вѣчнаго и неотдѣлимаго отъ природы человѣка». И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что бытіемъ своимъ право обязано общежительной сторонѣ

человѣка; эта сторона неизгладима: только въ обществѣ можетъ жить и развиваться человѣкъ. И поэтому, какъ общежитіе есть неизмѣнная потребность человѣка, такъ и право, какъ нормы, устроивающія порядокъ общежитія, имѣетъ свою неизмѣнную и самостоятельную сторону.

Что же касается нравственности, то подъ нею мы разумѣемъ требованія чувства правды, обращенныя не къ обществу, но къ отдѣльному человѣку.

Изъ предложеннаго опредѣленія понятія нравственности открывается различіе между нею и правомъ: 1) Нравственность есть сила внутренняя и простираетъ свое господство на внутреннія движенія души человѣка, а также на тѣ нравственныя отношенія, получившія конкретное бытіе (наприм. отношенія дружбы, великодушія), которыя имѣютъ чисто личный характеръ, безъ всякой связи съ обществомъ. Право есть сила внѣшняя, ограничивающаяся только внѣшними, конкретными дѣйствіями, и то на столько, на сколько эти дѣйствія касаются общества. 2) Все достоинство нравственныхъ отношеній заключается въ ихъ мотивѣ, побужденіи; для права достаточно одной внѣшней сообразности или законности. 3) Нравственныя требованія обязываютъ только насъ самихъ, нашу совѣсть,—изъ нихъ не могутъ возникнуть притязанія другихъ; юридическія обязанности возлагаются на насъ обществомъ, или по крайней мѣрѣ утверждаются обществомъ и могутъ сопровождаться принужденіемъ.

Указанныя различія достаточно показываютъ, что право и нравственность имѣютъ свои особыя цѣли, сферы дѣйствія и средства дѣйствія, и потому не могутъ слиться вмѣстѣ, или исчезнуть одно въ другомъ.

Но, будучи относительно самостоятельны и отдѣльны, обѣ эти области (какъ происходящія изъ одного общаго источника правды и дѣйствующія на одного и того же субъекта—человѣка) не должны противорѣчить другъ другу: говоря вообще, безнравственное не должно быть правомѣрнымъ и право не должно предписывать безнравственнаго. Скажемъ даже болѣе: обѣ эти области, дѣйствуя каждая въ своемъ кругѣ, должны помогать другъ другу: никакой юридическій порядокъ не можетъ существовать по одному принуж-

денію, безъ нравственной чистоты его членовъ, и, съ другой стороны, одни нравственныя стремленія, какъ бы высоки они ни были, недостаточны для человѣка, предназначеннаго жить въ обществѣ, гдѣ необходимъ порядокъ, право и сила (*).

Н. Ренненкамфъ.

(*) Предложенныя понятія о правѣ и нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи противорѣчатъ взгляду на право почтеннаго автора статей: Гегелизмъ; въ 3-й статьѣ—практическая философія Гегеля,—онъ, между прочимъ, говорить слѣдующее: «Идея права, добра, свободы, прекраснаго, истиннаго, святаго начертаны лишь частію въ законодательствѣ; онѣ живутъ въ общественномъ мнѣніи, въ научномъ движеніи, въ произведеніяхъ изящной литературы, въ энергіи личностей, способныхъ жить и умереть для своихъ убѣжденій... Чѣмъ общество развитѣе, тѣмъ менѣе ему нужно учрежденій, установленныхъ формъ, тѣмъ менѣе ему нужно управленія и законодательства; общественный идеалъ есть общество, не нуждающееся въ законахъ писанныхъ, самосознательно воплощающее въ своихъ дѣлахъ и въ произведеніяхъ искусства, въ своихъ частныхъ отношеніяхъ и общественныхъ предпріятіяхъ идею добра и справедливости, признающее ее высшею святынею, и съ нею связывающее свои художественные идеалы» (П. Л. Лавровъ. Библ. для чт. 1859 г. Апрѣль). Безъ всякаго сомнѣнія законодательство, или вѣрнѣе право, не исчерпываетъ всѣхъ указанныхъ идей, да и не можетъ имѣть этого въ виду, потому что его задача болѣе ограничена. Что же касается потребности общества въ учрежденіяхъ, управленіи, законодательствѣ, то, какъ можно было видѣть изъ всего предшествовавшаго изложенія, она основана на постоянныхъ и неизмѣнныхъ свойствахъ человѣка, и никогда не можетъ прекратиться. Дѣло только въ томъ, что, по мѣрѣ большаго развитія общества, учрежденія, управленіе и законодательство будутъ болѣе совершенны и болѣе выполнять свою задачу: устроивать и обезпечивать порядокъ общественный, а слѣдовательно свободу и преуспѣяніе человѣка. И съ этой стороны право представляется не узами, завѣщанными отъ временъ минувшихъ, не тяжелымъ гнетомъ настоящаго, но однимъ изъ тѣхъ великихъ явленій человѣческаго духа, съ существованіемъ и развитіемъ котораго должны быть соединены лучшія надежды общества.

ПРОЦЕССЪ ГРАФА МОНТАЛАМБЕРА.*

Знаменитый процессъ графа Монталамбера, занявшій въ прошедшемъ году столь видное мѣсто не только въ иностранныхъ, но и въ нашихъ газетахъ и журналахъ, имѣетъ, какъ извѣстно, тѣсную связь съ важнымъ историческимъ событіемъ того же времени—съ возстаніями въ Индіи противъ Англійскаго владычества.

Мятежъ, вспыхнувшій въ Дели и отозвавшійся въ Каунпурѣ, Лукноу и другихъ городахъ; четырехмѣсячная осада столицы Удскаго королевства и ея взятіе, наконецъ распоряженіе генералъ-губернатора—конфисковать Лукноускія владѣнія въ пользу остиндской компаніи—возбудили жаркія пренія въ Парламентѣ. Оппозиціонная партія была сильно взволнована депешею, отправленною Министерствомъ въ Индію съ объявленіемъ, что генералъ-губернаторъ поступилъ крайне несправедливо, и оно могло потерпѣть пораженіе. Это происходило въ маѣ 1858 года.

Въ это самое время *графъ Монталамберъ* отправился въ Англію. Онъ съ восторгомъ слѣдилъ за парламентскими преніями и по возвращеніи во Францію написалъ по поводу ихъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Un débat sur l'Inde au Parlement anglais» (Преніе объ Индіи въ Англійскомъ Парламентѣ). Въ послѣднихъ числахъ октября эта статья была напечатана въ журналѣ *Correspondant* (имѣющемъ впрочемъ довольно ограниченный кругъ читателей), но показалась враждебною французскому правительству, и ее запретили.

(*) Редакція долго держала у себя настоящую статью, составленную на основаніи иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ, въ надеждѣ пополнить ее, получивъ болѣе подробный отчетъ о процессѣ графа Монталамбера, который, по нѣкоторымъ слухамъ, готовился за границей; но не имѣя подтвержденія объ этомъ изданіи, рѣшилась возобновить въ памяти читателей и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить въ «Архивѣ» процессъ, столь замѣчательный во многихъ отношеніяхъ и дѣлающій столько чести французскимъ адвокатамъ.

Это запрещеніе возбудило особенное любопытство не только во Франціи, но и за границей. Нѣсколько экземпляровъ съ запрещенной статьей попали въ Лондонъ, и вскорѣ переводъ ея, болѣе или менѣе вѣрный, появился въ «Times». Авторъ былъ отданъ подъ судъ, вмѣстѣ съ редакторомъ Correspondant, *Дуніолемъ*.

I.

24 ноября дѣло Монталамбера поступило въ судъ исправительной полиціи. Общее любопытство было сильно затронуто какъ сущностью обвиняемой статьи, такъ и именами авдокатовъ, и желаніемъ послушать, какъ станетъ защищаться самъ Монталамберъ. На случай необычайнаго прилива посѣтителей, приняты были предосторожности во внутреннемъ помѣщеніи палаты. Двери 6 камеры загорожены были деревянными перилами, и по разнымъ мѣстамъ залы разставлены часовые. Всѣ мѣста, число которыхъ было весьма незначительно, вслѣдствіе ограниченнаго помѣщенія присутственной залы, предназначались для лицъ, заблаговременно запасшихся билетами.

Въ 11 часовъ зала была ужъ полна. Въ числѣ присутствовавшихъ находились и иностранцы. До какой степени возбуждено было любопытство публики, можно судить по тому, что въ пріемной толпились государственныя лица, литераторы, духовныя особы, которыя напрасно добивались позволенія быть впущенными въ судейскую. Самъ Вильменъ лишь благодаря услужливости президента Бертлена получилъ возможность присутствовать въ судейской вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ по Академіи. Вотъ небольшая переписка, возникшая по этому случаю, характеризующая общее участіе къ процессу. Желая быть въ судейской, Вильменъ писалъ къ Беррье.

«Любезный собратъ!

«Бывало какъ только Патрю говоритъ рѣчь, Шапленъ ужъ непремѣнно въ присутствіи; вы, который несравненно лучше Патрю, не можете ли провести Шаплена?».

Беррье отвѣчалъ:

«Любезный собратъ!

«Сегодня Патрю не удастся провести Шаплена. И для того, кто несравненно лучше Шаплена, нѣтъ другаго средства присутство-

вать въ судейской, какъ занявъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Но вы такъ любезно отворяете для другихъ двери Академіи, что я употреблю всѣ средства, чтобъ отворить вамъ двери Исправительной Полиціи».

И дѣйствительно, знаменитый адвокатъ сталъ хлопотать за Вильмена у президента Бертлена; президентъ отвѣчалъ ему:

«Получить билетъ въ настоящую пору нѣтъ никакой возможности. Но для Берье и Вильмена нѣтъ ничего невозможнаго. Вотъ вамъ билетъ».

Тридцать мѣстъ было оставлено за барьеромъ. По распоряженію старшаго изъ адвокатовъ (bâtonnier *), они были распредѣлены по жребію между адвокатами, которые догадались заблаговременно записаться.

Билеты для входа были разосланы по парижскимъ журналамъ; но билеты эти предназначались лишь для избранныхъ, и строго-настрого запрещено было всѣмъ и каждому дѣлать какія-либо замѣчанія во время рѣчей. До открытія засѣданія поговаривали, будто бы Берье замолвитъ слово и объ этомъ запрещеніи. Впрочемъ такое ожиданіе не сбылось, равно какъ и то, что самъ Монталамберъ будетъ говорить за себя. Правда, предполагали сначала дозволить ему защищаться самому, но послѣ совѣщанія положено было предоставить защиту адвокатамъ подсудимыхъ.

Въ 11¾ вошелъ Дюфоръ и сѣлъ на авдокатской скамьѣ, уже занятой многими его сослуживцами, которые всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, когда онъ проходилъ мимо нихъ. Нѣсколько минутъ спустя, прибыли Берье и Монталамберъ. Въ 12 ч. 10 мин. дано было знать о приходѣ судей.

Президентомъ по этому дѣлу былъ назначенъ Бертленъ (Berthelin). Обвинительныя статьи (réquisitoire) долженъ былъ читать императорскій прокуроръ Кордоэнъ.

На запросы президента, Дуніоль отвѣчалъ, что онъ вовсе не зналъ о содержаніи статьи, и прибавилъ къ этому, что имѣя полное довѣріе къ сотрудникамъ журнала, онъ даже не считаетъ обязанностью просматривать каждый нумеръ. Монталамберъ же объявилъ, что у него и въ мысли не было нападать на правительство,

---

(*) Титулъ *batonnier* (жезлоносецъ), придаваемый начальнику адвокатовъ, восходитъ къ 1602 году.

и что онъ только привелъ очевидный фактъ, что учрежденія во Франціи не такъ свободны, какъ въ Англіи.

Послѣ этого допроса сталъ говорить императорскій прокуроръ.

«Тяжбы о тисненіи, сказалъ онъ, всегда возбуждаютъ любопытство толпы и участіе положительныхъ умовъ: онѣ выводятъ наружу права и злоупотребленія разума. Императорское правительство хотѣло и для разума отвести законное мѣсто; но чтобъ это мѣсто не имѣло ни опредѣленныхъ границъ, ни правильности,—этого оно не хотѣло.

«Тисненіе подъ властью организующаго его закона сохранило больше свободы, нежели оно думаетъ. Правда журналисты не отливаютъ болѣе пуль для мятежа; но все же правительство поступило бы безразсудно, еслибъ возъимѣло мысль даровать безграничную свободу странѣ, которая въ ней и не нуждается.

«Свобода тисненія можетъ принадлежать лишь цивилизаціи, далеко ушедшей впередъ. Ошибочно полагаютъ, будто бы въ Англіи эта свобода такая же древность, какъ и самая монархія».

За тѣмъ императорскій прокуроръ развиваетъ это положеніе, опираясь на историческія свидѣтельства, и припоминаетъ, что тисненіе въ Англіи тогда только и было вполнѣ свободно, когда о правахъ Ганноверскаго дома уже болѣе не разсуждали.

«Сохрани Боже, сказалъ онъ въ заключеніе, чтобъ я попрекалъ Англію тѣмъ, что она ограничиваетъ свободу тисненія; но когда всѣ дѣлаютъ сравненія, отчего же и мнѣ его не сдѣлать?

«Никогда еще династія, при самомъ началѣ своемъ, не опиралась на болѣе кроткіе, умѣренные и болѣе допускающіе свободу законы, какъ та, которая теперь нами правитъ.»

Переходя къ процессу, императорскій прокуроръ замѣчаетъ, что со времени учрежденія имперіи, это еще первое дѣло о тисненіи, предоставленное для рѣшенія судебнымъ мѣстамъ. За тѣмъ онъ предлагаетъ себѣ вопросъ, что̀ такое *Correspondant?*

«Это, говоритъ онъ, религіозный журналъ, весьма часто выходящій за предѣлы своего спеціальнаго предмета, съ цѣлью поискать приключеній на поприщѣ политики. Начальство могло запретить этотъ журналъ, который два раза дѣлалъ нападки на правительство, учрежденное самой Франціей, и два раза дѣлано было ему замѣчаніе. Начальство этого не захотѣло. *Correspondant* будетъ изда-

ваться; но общественному мнѣнію не мѣшало бы повнимательнѣе прислушаться къ тѣмъ невѣроятнымъ нападкамъ, органомъ которыхъ онъ сдѣлался.»

За тѣмъ прокуроръ разбираетъ положеніе, въ какомъ находилась Англія во время поѣздки г. Монталамбера, и задаетъ себѣ вопросъ, просто ли картину нравовъ и учрежденій англійскихъ хотѣлъ изобразить авторъ обвиняемой статьи, или же побуждался мыслью очернить французское правительство. Разбирая эту статью, онъ нападаетъ на пристрастіе Монталамбера къ англійскимъ учрежденіямъ, и мало того, находитъ у него желанія противъ самой Франціи въ борьбѣ, еслибъ до нея дошло.

«Сочиненіе ваше, восклицаетъ онъ, прямо вызывая на отвѣтъ графа г. Монталамбера, сочиненіе анти-французское, сочиненіе нечестивое, и я не знаю, увлекало ли когда Англичанина пристрастіе дѣлать пожеланія въ пользу враговъ своей родины. Нѣтъ, м. г., сочиненіе ваше не просто историко-политическая картина англійскихъ учрежденій; нѣтъ! вотъ что хотѣлось вамъ сказать Франціи: среднее сословіе царствуетъ, а аристократія управляетъ; и вы сожалѣете, что во Франціи правленіе не въ рукахъ аристократіи.

«Политическія учрежденія, господа, суть дѣло времени, дѣло самого Бога, и люди становятся иной разъ не больше, какъ слѣпыми орудіями воли Провидѣнія. Когда въ 1814 г. старый король даровалъ Франціи Хартію, тогда всѣ увидали, какое значеніе могутъ имѣть иностранныя нововведенія. Тисненіе, теперь такъ превозносимое, сдѣлалось единственною властью въ государствѣ; не стало больше равновѣсія между властями, и Франція, снова принимая естественный ходъ свой, замыслила о единствѣ, о простотѣ, и до того дошла наконецъ, что опять подчинилась императорской династіи.

«Если что влечетъ васъ, м. г., къ нападкамъ на эту династію, такъ это гордость, то чувство, по милости котораго люди, уклоняющіеся отъ власти, становятся ея врагами. А чѣмъ не мѣшало бы вамъ позаимствоваться у Англіи, такъ это уваженіемъ къ закону и власти, вамъ кажется, во Франціи у васъ отнята свобода, вы связаны вашими законами, они вамъ ротъ зажимаютъ; такъ я же вамъ говорю, что Франція не пугается сравненія съ Англіей. У ней есть и свобода тисненія, и свобода преподаванія, и свобода совѣсти, и равенство

гражданское, и безсмѣнное судейское сословіе, и законодательный корпусъ, учрежденный съ общаго согласія, и что̀ бы вы мнѣ ни толковали, я утверждаю, что живу при свободномъ правительствѣ!»

Наконецъ императорскій прокуроръ дѣлаетъ бѣглый обзоръ обвиняемыхъ мѣстъ статьи, и въ заключеніе припоминаетъ тотъ неподдѣльный восторгъ, какой недавно, во время путешествія ихъ величествъ (*), выразили жители провинцій, извѣстные одни по привязанности своей къ либеральнымъ идеямъ, другіе по своей преданности къ монархическому началу.

«Это зрѣлище, присовокупляетъ онъ, въ послѣдній разъ обращаясь къ Монталамберу, выше зрѣлища *митинговъ;* вы бы почувствовали все величіе его въ ту пору, когда сердце ваше билось еще дружбой къ Франціи. Вы же вѣдь при одномъ торжественномъ случаѣ сказали, что Церковь больше чѣмъ жена, что она родная мать. Но и отечество такая же мать, и вы эту мать оскорбили, вы повергли ее къ ногамъ Англіи! Англійскія газеты не знали, ка̀къ и расхвалить васъ; но, выражаясь вашими же словами, чужеземныя похвалы для васъ уже наказаніе.»

Въ часъ съ четвертью сталъ говорить Беррье.

«Какъ бы сильны для васъ ни были, какъ бы ни были благородны, открыты, трогательны сужденія, которыя изложилъ бы предъ вами г. Монталамберъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ, и хотя ему скорѣе чѣмъ кому-либо другому слѣдовало бы разъяснить вамъ тождественность, неизмѣнность своихъ убѣжденій во всякую пору и во всякое правленіе,—мы однакожъ не захотѣли предоставить ему трудъ говорить за себя, ка̀къ бы собственно слѣдовало. Исполненіе этой обязанности лежитъ на насъ, на насъ, которые шли съ нимъ рука объ руку при великихъ волненіяхъ, при великихъ зрѣлищахъ политической жизни; на насъ, которые находясь въ разныхъ лагеряхъ, на противоположныхъ скамьяхъ, иной разъ и не сходились съ нимъ во мнѣніяхъ касательно будущихъ своихъ дѣйствій, но которые за честь себѣ считаемъ сказать, что, какъ и теперь, мы во всякое время вмѣняли себѣ въ обязанность поддерживать основныя начала порядка и свободы, которыхъ онъ былъ краснорѣчивый поборникъ; да, среди общественныхъ ужасовъ, мы тѣсно сошлись другъ

(*) Императора Наполеона III и Императрицы по Нормандіи и Бретани.

съ другомъ въ этомъ гордомъ, отважномъ желаніи; у насъ и была одна мысль: спасемъ общество, но спасемъ и свободу! и вотъ съ этимъ девизомъ, съ этимъ ключемъ я смѣло надѣюсь опровергнуть обвиненіе несправедливое, неосновательное, неблагоразумное, неблагонамѣренное, чуть было я не сказалъ дерзкое.

«Мнѣ не трудно будетъ, господа, привести васъ къ исполненію своей обязанности, какъ и я постараюсь исполнить свою.

«Намъ нечего опасаться, чтобъ въ этомъ преніи—первомъ, какъ намъ сказано, какое только происходитъ отъ начала имперіи—какое либо сужденіе могло заставить васъ позабыть святость и независимость ввѣренной вамъ великой власти правосудія.

«Сочиненіе г. Монталамбера: «*Преніе объ Индіи въ Англійскомъ Парламентѣ*» обвиняется какъ въ цѣломъ его объемѣ, такъ и въ частностяхъ. Разумѣется, когда хотятъ судить о произведеніи сколько обширномъ, столько же и серьезномъ, тогда не слѣдуетъ останавливаться на отдѣльныхъ словахъ, на отрывочныхъ фразахъ, которыя всякій толкуетъ по-своему, измѣняетъ, искажаетъ, преувеличиваетъ: лишь на цѣлое должно обращать вниманіе.

«Для того чтобы произнесть сужденіе о такомъ сочиненіи, недостаточно смотрѣть на него съ точки зрѣнія обвинителя: слѣдуетъ обсудить и самого человѣка, основныя его убѣжденія, жизнь его.

«Вся эта жизнь—борьба; почти цѣлыя тридцать лѣтъ она текла въ виду всѣхъ.

«Онъ былъ еще очень молодъ, когда Франція, избавясь отъ страданій, бѣдствій и позора, угнетавшихъ ее во время этихъ трехъ тиранній—Конвента, Директоріи и Имперіи, отдыхала подъ сѣнію своей парламентской монархіи, и снова принималась, въ правленіе сильное и свободное, за великій трудъ, задуманный въ великую эпоху 1789 года.

«Вскормленный преданіями благороднаго христіанскаго семейства, онъ почувствовалъ призваніе къ тому, чтобъ посвятить себя на служеніе той свободѣ, изъ-за которой принесла уже столько жертвъ и столько выстрадала Франція, и вскорѣ, послушный этимъ благороднымъ стремленіямъ, онъ объявилъ себя поборникомъ, другомъ свободы религіозной и политической на родной землѣ.

«Искали противорѣчій въ его словахъ, въ его сочиненіяхъ... Ахъ, и я вѣдь тоже что нибудь помню! Отрадно было видѣть въ 1831 г.,

въ Палатѣ Перовъ, этого двадцатилѣтняго юношу, оправдывавшаго свою попытку открыть въ Парижѣ вольное училище. Это не мимолётное воспоминаніе. Представители всѣхъ партій были глубоко взволнованы, когда этотъ юноша изъ старшинаго дворянскаго рода, либералъ и католикъ, высказывалъ предъ Палатою Перовъ тѣ благородныя убѣжденія, которымъ онъ вѣкъ не измѣнялъ. Семнадцать лѣтъ спустя (судьи были бы крайне неблагодарны, еслибъ забыли про это) онъ защищалъ на трибунѣ безсмѣнность судей.

«Онъ же въ 1835 году горячо стоялъ за свободу тисненія, когда, вслѣдствіе одного важнаго преступленія, хотѣли употребить противъ нея строгія мѣры».

«Ужели такой человѣкъ, затрогивая, при торжественномъ случаѣ, великіе вопросы, захотѣлъ бы прибѣгнуть къ изношеннымъ, ребяческимъ, пошлымъ уловкамъ какого нибудь поставщика пасквилей и памфлетовъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Вѣрный самому себѣ, онъ съ бо́льшимъ достоинствомъ приступаетъ къ подобнымъ предметамъ: при немъ и трибуна пала, при немъ и тисненіе было сковано... да, да, сковано: иначе и сказать нельзя, вы же вѣдь сами такъ отозвались, да еще прибавили, что таково было желаніе народа? Онъ отправляется въ Англію, а тамъ опять встрѣчаетъ мужественные споры, одушевленныя пренія. Какое зрѣлище для изумленныхъ очей его, уже отвыкшихъ отъ величія свободы! Прокламація лорда Каннинга волнуетъ всю Англію. А почему? Да потому что въ ней замѣшалось слово «конфискація» (*). Опасеніе этого посягательства на священнѣйшее изъ правъ возмутило всѣхъ. Всякая личная неприязнь замолкла передъ этимъ чувствомъ. Старая Англія забыла и про борьбу партій, и вся нація, устами своихъ представителей, одобрила благородныя слова Робука. Какъ же не увлечься было г. Монталамберу, какъ было не сѣтовать ему? Вѣдь и онъ тоже принималъ когда-то участіе въ трибунѣ, и ему была знакома высокая прелесть свободы! Какъ было ему позабыть, что онъ въ Англіи нашелъ то, что въ былую пору знавалъ и во Франціи, въ ту пору, когда всѣ сердца раскрывались, и страна съ живѣйшимъ

(*) Здѣсь рѣчь идетъ о конфискаціи Лукноускихъ владѣній въ пользу Остиндской компаніи, о которой сказано выше.

участіемъ слѣдила по газетамъ за общими усиліями всѣхъ великихъ умовъ, всѣхъ добрыхъ гражданъ? Пожалуй вы скажете, что назадъ тому какихъ-нибудь двѣсти лѣтъ и у Англіи не было такой свободы. Убитый тоской, г. Монталамберъ и не спросилъ себя объ этомъ. А вотъ, почему Франція не сберегла у себя той свободы, которою пользовалась какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ, и почему бы ей теперь не вести дѣла самой—это онъ спросилъ. И вы ставите ему въ вину выраженіе его тоски, вы говорите, что это обида для страны, что истые французы такъ не поступаютъ, что это просто преступленіе! Какъ! мы же виноваты передъ родиной—виноваты тѣмъ, что жалѣемъ объ учрежденіяхъ, при которыхъ жила когда-то Франція, за которыя мы же бились? Виноваты!.. Дайте мнѣ высказаться вполнѣ. Нѣтъ, скорѣе родина передъ нами виновата. Мы вѣрили въ будущее Франціи, мы добивались обезпеченія для свободы, мы были наконецъ тѣмъ, чѣмъ хотѣла видѣть насъ Франція, тѣмъ мы есть, и чѣмъ навсегда останемся — вотъ наша вина!

«Тотъ, кого всю жизнь одушевляла такая чистая вѣра, не станетъ прибѣгать, при изъявленіи сожалѣнія, къ оскорбленіямъ и брани. Имъ руководили чувства болѣе возвышенныя. Какъ либералъ и католикъ, онъ во всю свою службу стоялъ за религіозную свободу и за свободу государства. Ничто такъ не близко его сердцу, какъ достоинство Церкви; онъ покорный сынъ ея. И вотъ, по возвращеніи изъ Англіи, онъ видитъ, что достоинство это падаетъ, онъ прочелъ нѣсколькихъ писателей, величающихъ себя католиками, претендентовъ на исключительное право защиты православія и власти; въ ихъ сочиненіяхъ онъ прочелъ, что все имъ видѣнное— не больше какъ шутка, только разыгранная при великолѣпной обстановкѣ; онъ слышалъ, какъ рукоплескали они рѣзнѣ въ Дели и Каунпорѣ, ставя такимъ образомъ ни во что всѣ основныя начала и человѣчности, и религіи, и стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ излить свою ненависть на протестантскую націю, а особенно на свободную. Тогда то и вырывается у него это прекрасное слово: «Меня страшитъ православіе, не дающее отчета ни человѣчеству, ни чести!» Этимъ словомъ объясняется настоящая мысль, которая руководила перомъ г. Монталамбера. Въ то время, когда онъ писалъ, онъ и забылъ про то, какими средствами и при какихъ обстоя-

тельствахъ сложилось новое правительство: онъ просто обращался къ этимъ страннымъ католикамъ, къ этимъ неблагодарнымъ приверженцамъ верховной власти, которые такъ гнусно позорятъ и Церковь, и монархію, къ этимъ фанатикамъ, маранье которыхъ навѣрное предаютъ проклятію даже тѣ, кого они будто-бы защищаютъ.

«Если же вы съ любовью къ истинѣ станете разсматривать статью въ полномъ ея составѣ, вы волей-неволей должны будете сознаться, что она вызвана совсѣмъ не ненавистью, а самыми благородными, самыми возвышенными чувствами. Что же касается до открытыхъ личныхъ нападокъ на нынѣшнія учрежденія Франціи,—гдѣ эти нападки? укажите хоть на слѣдъ ихъ! Прочтите обвиняемую статью—и вы увидите, что г. Монталамберъ хвалитъ правительство за то, что оно съ мужественной стойкостью осталось въ союзѣ съ Англіей, а мѣстами даже превозноситъ благоразуміе, съ какимъ умѣло оно отказаться отъ требованій, нарушавшихъ право убѣжища. Наконецъ, съ какимъ уваженіемъ отзывается онъ о маршалѣ, столь достойномъ представителѣ Франціи на англійской землѣ!

«Но, говорятъ обвинители, дѣло не въ открытыхъ нападкахъ; вамъ знакомы ловкіе извороты рѣчи, и нападки эти заключаются въ непрерывномъ контрастѣ, въ какой ставите вы свободу Англіи и нынѣшнее положеніе Франціи. Человѣкъ, присутствовавшій при преніяхъ въ англійскомъ парламентѣ, нашелъ контрастъ въ самыхъ фактахъ. Мы сейчасъ увидимъ, преступны ли употребленныя имъ выраженія; но, повторяю, онъ привелъ лишь факты».

Здѣсь президентъ прервалъ адвоката замѣчаніемъ, «что судъ пропустилъ нѣсколько пылкихъ выраженій и рѣзкихъ *намековъ*, но что теперь онъ вынужденъ пріостановить его на опасномъ пути, по которому тотъ пошелъ». Вы, сказалъ онъ, защищаете то, что̀ написалъ г. Монталамберъ; оправдывая преступленіе, вы сами въ него впадаете».

Беррье. Намековъ! Въ такомъ случаѣ, г. президентъ, слова измѣнили мнѣ, если хоть что-нибудь утаили изъ моей мысли.

Президентъ. Я не могу допустить, чтобъ вы говорили, будто бы во Франціи нѣтъ больше свободы.

Беррье. Если такъ, г. президентъ, если приходится отвергать то что̀ яснѣе дня, приходится лгать, лгать и лгать, въ такомъ

случаѣ лучше замолчать, да и сѣсть. Извольте, я отказываюсь защищать дѣло.

Президентъ. Нѣтъ, г. Беррье, лгать вамъ не придется. Въ 1811 году, когда вы вступили на судебное поприще, вами прославленное, вы дали присягу, а впослѣдствіи возобновили ее, присягу въ должномъ уваженіи къ законамъ. Вы постоянно были ей вѣрны, — будете вѣрны ей и сегодня.

Беррье. Такъ я нарушаю присягу! Вы меня въ ужасъ приводите... вы переносите меня въ тѣ времена, когда на похвалу благородному человѣку, на похвалу добродѣтели, благородному чувству, хорошему закону, смотрѣли какъ на преступленіе. Нѣтъ, мнѣ бы не хотѣлось припоминать этого времени. Legimus capitale fuisse. Я никакъ не допущу, чтобъ похвала свободному правительству была оскорбленіемъ потому только, что правительство это представляетъ контрастъ съ нынѣшними учрежденіями Франціи. Въ устахъ г. Монталамбера эта похвала была чисто патріотическая, а не мимолетная, не минутная мысль. Уже въ 1847 году, въ такое время когда нельзя было ошибаться на счетъ его мнѣній, онъ превозносилъ англійскую свободу, но прибавлялъ при этомъ: «Французомъ по мнѣ лучше быть, чѣмъ Англичаниномъ: хорошо пользоваться свободой, а завоевать ее еще лучше». И этого-то чисто патріотическаго чувства вы не хотите признать въ немъ!

«Чувство, его одушевляющее, заключается въ желаніи поддержать союзъ съ Англіей. Въ этомъ отношеніи, я не совсѣмъ съ нимъ согласенъ. Я буду и поумѣреннѣе, и поосторожнѣе. Я бы съ большей осмотрительностью приступилъ къ такому союзу касательно нашихъ торговыхъ интересовъ. Но самый принципъ, т. е. желаніе поддержать дружбу обѣихъ націй, я вмѣстѣ съ нимъ одобряю вполнѣ, и именно для спасенія этого союза онъ и превозноситъ англійскія учрежденія, изъ опасенія, что союзъ будетъ непроченъ, когда между учрежденіями обѣихъ странъ будетъ существовать слишкомъ рѣзкій контрастъ. Вотъ почему онъ желалъ бы пролить на почву Франціи хотя часть того потока свободы, по которому несется величіе и благоденствіе Англіи.

Какъ вы странно перетолковываете слова! Человѣкъ ведетъ рѣчь о тѣхъ, для кого правительство есть правительство передней, а вы говорите, что онъ разумѣетъ подъ этимъ французское правитель-

ство. Но развѣ не во всѣ времена и не при всѣхъ правленіяхъ существуетъ эта передняя? Развѣ не вѣчно тѣ же эти люди, которые толпятся въ переднихъ, выманивая себѣ подаяніе, попрошайничая, льстя или только пробуя льстить? Сейчасъ вы напомнили мнѣ, г. президентъ, объ умѣренности. Знаете-ли, почему я человѣкъ умѣренный—не то чтобы умѣренный, нерѣшительный, неустойчивый въ своемъ образѣ мыслей, убѣжденіяхъ, ненарушимой привязанности къ монархіи и свободѣ—нѣтъ, а умѣренный и по внѣшности, понимающій, что не у всѣхъ же такой образъ мыслей какъ у меня, и въ особенности уважающій мужество, вѣрность и честь?

«Дѣло въ томъ, что я видѣлъ этихъ людей на дѣлѣ еще въ лѣта своей ранней молодости, именно послѣ 1814 года. Они пользовались исключительнымъ правомъ стоять за короля, они провозглашали себя поборниками законности, но не прошло и полугода, какъ они уже ползали у порога правленія Ста-дней.

«Будь я изъ тѣхъ, которые трутся въ великолѣпныхъ чертогахъ, я навѣрное узналъ бы этихъ самыхъ людей: они вѣдь все тѣ же, все также усердствуютъ и пресмыкаются, изъ милости просятъ, чтобъ имъ позволено было подличать, и отъ нихъ все такъ же отворачиваются тѣ, кому они предлагаютъ свои услуги. Вы понимаете, къ кому относятся эти слова; какъ же вы видите въ нихъ нападки на правительство? И какой законъ хотите вы примѣнить къ г. Монталамберу? Законъ 1819 года...

Президентъ (прерывая г. Беррье). На законъ 1819 года обвинители не ссылаются. Дѣлаю вамъ это замѣчаніе, чтобы предостеречь васъ отъ ошибки...

Беррье. Ошибки, г. президентъ? Извините, это я сказалъ не по ошибкѣ: законъ 1819 года подтвержденъ законами 1849 и 1847 годовъ, а на послѣдніе именно ссылаются.

«А что говорится въ этихъ законахъ? Цѣль ихъ—охранять тѣ самыя учрежденія, сожалѣніе о которыхъ вы ставите г. Монталамберу въ вину. Изъяви онъ сожалѣніе о представительныхъ учрежденіяхъ—чего добраго, вы бы осудили его во имя законовъ, защищающихъ эти учрежденія. Вы говорите про какія-то нападки на права, усвоенныя Императору Конституціей, про нападки на принципъ общаго народнаго избирательства; но вѣдь здѣсь рѣчь совсѣмъ не о томъ, что сдѣлало и произвело общее избраніе;

здѣсь рѣчь отеоретическихъ преніяхъ, отъ которыхъ г. Монталамберъ даже отказывается, теряя всякую надежду убѣдить своихъ противниковъ; а вы ссылаетесь на законы, охранявшіе конституцію, низвергнутую въ 1852 году! Развѣ въ уголовныхъ дѣлахъ можно разсуждать по аналогіи?

«Быть можетъ, господа, волненіе ослабило мои доводы: постараюсь изложить ихъ въ короткихъ словахъ.

«Г. Монталамберъ повиновался двоякому внушенію: онъ хотѣлъ изъявить сожалѣніе объ утратѣ свободы и протестовать противъ писателей, подъ предлогомъ защиты Церкви только наносящихъ ей вредъ. Въ обоихъ случаяхъ мысль была законна. Контрастъ же Англіи съ Франціей былъ неизбѣженъ: далеко не будучи оскорбленіемъ для Франціи, онъ выражалъ великодушное довѣріе къ ея судьбѣ. Чтобы въ обвиняемой статьѣ находить нападки на правительство, надобно не понимать ея общаго смысла, преувеличивать, искажать слова или фразы; а законы на которые вы ссылаетесь, непримѣнимы даже къ главнымъ вашимъ обвинительнымъ пунктамъ.

«О, умоляю васъ, не вмѣняйте намъ въ преступленіе нашихъ законныхъ, ненарушимыхъ сожалѣній! Дайте намъ умереть!... умереть спокойно и съ вѣрой въ свои убѣжденія! Съ насъ довольно и того несчастія, что нашему славному и святому дѣлу измѣнили, отреклись отъ него, поругали его, затоптали въ грязь,—а тутъ еще вмѣняютъ намъ въ преступленіе сердечную, глубокую къ нему привязанность! Не отнимайте у насъ любви къ тѣмъ битвамъ за слово, которыя увлекли насъ,заставили насъ полюбить учрежденія, доставившія величіе и достоинство нашей отчизнѣ! Позвольте намъ мыслить, высказывать свои мысли и всегда стоять за благородное дѣло, которому не измѣнимъ мы до послѣдняго часа!»

Блестящая рѣчь оратора заключилась страшнымъ взрывомъ рукоплесканій (*).

Затѣмъ сталъ возражать прокуроръ.

«Господа, сказалъ императорскій прокуроръ, я готовъ отвѣчать на превосходную рѣчь, и хотя самъ по себѣ я очень немного значу,

---

(*) Вотъ отзывъ г. Вильмена объ этой рѣчи: «не на адвокатской бы скамьѣ быть сегодня Берръе, а на трибунѣ».

но все же нисколько не прочь отъ отвѣта, потому что защищаю передъ знаменитымъ своимъ противникомъ тяжбу общественную, тяжбу правительственную, которую добровольно и торжественно взяла на себя Франція, выразивъ это самой блестящей манифестаціей, какую когда либо видѣлъ свѣтъ.

«Прежде всего одно слово касательно примѣненія законовъ. Вамъ говорятъ, будто бы приведенныхъ законовъ нельзя примѣнить. Какъ такъ? неужели вмѣстѣ съ переворотами у насъ каждый разъ исчезали и всѣ охранительные законы, общественные и правительственные? Будто бы мы дошли до этого? Неужели мы такіе несчастные, что безропотно, безъ отговорки сносимъ всѣ нападки со стороны слова и мысли? Нѣтъ, господа: законы, охраняющіе главу государства, удобопримѣнимы во всякое правленіе; да если бъ и правда было то, что всѣ наши законы уносятся революціоннымъ вихремъ, не значило ли бы это придавать еще бо́льшее значеніе и безъ того ужасному опасенію переворотовъ?

«Еще слово объ упрекѣ, который дѣлаютъ намъ за то, что мы будто бы не дозволяемъ хвалить Англію. Будь эта похвала справедлива,—всякій образованный человѣкъ пойдетъ вслѣдъ за вами. Превозносите Англію, удивляйтесь ей,—вы имѣете на то полное право; но находить небывалый, обидный контрастъ между Англіей и Франціей вамъ не дозволяется. Вы не въ правѣ, м. г., приносить Францію на жертву Англіи. Вы не въ правѣ жертвовать такимъ образомъ и истиной и исторіей. Или вы забываете все то, чего нѣтъ въ превозносимой вами странѣ и что есть въ странѣ, вами унижаемой? Развѣ въ Англіи существуетъ, какъ у насъ, различіе двухъ властей? Ужъ не смѣшеніемъ ли властей и восхищаетесь вы въ Англіи? Или вы уже до такой степени не католикъ?

«Вы осмѣлились сказать, что въ Англіи католическая вѣра наслаждается бо́льшей свободой, чѣмъ во Франціи! Но если бъ, чего не дай Богъ! престолу Владыки-первосвятителя опять стали угрожать партіи—вы увидѣли-бы, что мечь, который выйдетъ изъ боя, будетъ мечь не протестантской націи, а католической.

«Развѣ есть у Англіи, какъ у насъ, безсмѣнная магистратура, развѣ наконецъ есть у ней, какъ у насъ, учрежденіе прокурорства? Или вы изъ тѣхъ, м. г., которые въ этомъ учрежденіи видятъ остатокъ варварства? Неужели вы скажете, какъ недавно выразился

одинъ журналъ, что допросъ обвиненныхъ—бренные останки среднихъ вѣковъ? да мало ли еще въ чемъ у Франціи найдется свобода, въ чемъ нѣтъ ее въ Англіи! Имѣетъ ли Англія, подобно Франціи, драгоцѣннѣйшее право свободнаго народа — освященіе власти общимъ избирательствомъ? И послѣ этого вамъ дозволено будетъ говорить, что во Франціи ни законъ, ни просвѣщеніе не царствуютъ! вамъ дозволено будетъ и законъ и просвѣщеніе предоставить одной Англіи! вамъ дозволено будетъ толковать о передней, о правительствѣ передней, помѣщать въ число негодяевъ, лицемѣровъ, фанатиковъ всѣхъ, кто только мыслитъ не по вашему, а васъ съ компаніей зачислить въ какое то особое сословіе, и смиренно называться, вамъ и всѣмъ вашимъ, цвѣтомъ порядочныхъ людей! Это ли еще не обида правительству! Впрочемъ, м. г., то что вы теперь говорите, вы говорили всегда; вы всегда были жаркимъ врагомъ правительства; о правленіи Людовика Филиппа вы также отзывались, какъ теперь о правленіи императора.

«Помните, еще въ лѣта своей ранней молодости, вы издали переводъ *«Польскихъ пилигримовъ»* А. Мицкевича? и тутъ, въ предисловіи къ нему, вы осмѣлились сказать, что Францію терзаютъ... вы осмѣлились сказать, что судьи отправляютъ заразъ двѣ должности—лакеевъ и палачей! Вотъ какъ отозвались вы въ ту пору о «любезномъ вамъ правительствѣ», какъ вы говорили. Сейчасъ я намекнулъ на то достопамятное засѣданіе, въ которомъ вы сказали, будто бы журналисты льютъ пули для мятежа: да вѣдь и вы тоже отливали такія пули. Въ этомъ вы сами признались, вы торжественно принесли повинную, вы и Бога и людей молили отпустить вамъ это прегрѣшеніе. Великодушно было съ вашей стороны сознаться въ своихъ заблужденіяхъ; но къ чему же теперь приниматься вамъ опять за прежнее? Выслушайте, что вы писали».

Тутъ императорскій прокуроръ прочелъ одно мѣсто изъ вышеупомянутаго предисловія Монталамбера. Въ этомъ отрывкѣ, писанномъ въ 1832 году, молодой перъ Франціи, говоря о Польшѣ, укорялъ французское правительство въ бездѣйствіи въ самыхъ рѣзкихъ, горечью отзывавшихся выраженіяхъ: «Франція, говорилъ онъ въ заключеніе, какъ бы приговорена къ той же казни, какая въ древности наложена была на жену-блудницу: она задыхается въ грязи».

«Мм. гг.! восклицаетъ императорскій прокуроръ: я почелъ за нужное довести до свѣдѣнія вашего это письмо. Императоръ отомщенъ!»

Послѣ этого начинаетъ свою рѣчь Дюфоръ.

«Мм. гг., сказалъ онъ, я полагалъ, что въ послѣднихъ своихъ словахъ г. императорскій прокуроръ въ точности опредѣлитъ обвиненіе, скажетъ намъ, на какія именно статьи законовъ онъ ссылается, какимъ образомъ обвиняемыя мѣста подходятъ подъ эти статьи, на какихъ именно обвинительныхъ пунктахъ онъ настаиваетъ, и какіе устраняетъ; наконецъ, я надѣялся, что онъ прямо укажетъ намъ, въ числѣ обвиняемыхъ мѣстъ, на тѣ, которыя онъ все еще находитъ виновными, и на тѣ, которыя признаетъ невинными, по выслушаніи рѣчи почтеннаго моего собрата, г. Беррье.

«Г. императорскій прокуроръ объявилъ, что онъ будетъ защищать договоръ общества съ настоящею главою государства. Но скажите, Бога ради, кто думаетъ здѣсь о нападкахъ на этотъ договоръ? Онъ перебралъ всѣ учрежденія во Франціи и всѣ учрежденія въ Англіи, вынуждая насъ сказать ему, въ чемъ именно по нашему мнѣнію заключается превосходство англійскихъ учрежденій. Спрашивается, какое отношеніе къ тяжбѣ имѣлъ бы отвѣтъ, который бы мы ему дали?

Если что должны мы изслѣдовать, такъ это преступленіе, которое будто бы учинили г. графъ Монталамберъ, публикуя сочиненіе подъ заглавіемъ «Преніе въ Англійскомъ парламентѣ», и г. Дуніоль, помѣстивъ это сочиненіе въ журналѣ, которымъ онъ завѣдываетъ».

При этомъ случаѣ Дюфоръ объясняетъ частное положеніе Дуніоля. Простой работникъ при типографіи, Дуніоль собственнымъ трудомъ достигъ до положенія книгопродавца-издателя. Завѣдывая изданіемъ Correspondant, онъ исполнялъ свои обязанности съ такой добросовѣстностью, что никогда и ни въ чемъ нельзя было упрекнуть его, что въ завѣдываемомъ имъ изданіи нельзя было найти ни одного слова, достойнаго порицанія.

По словамъ императорскаго прокурора, журналу этому не разъ уже было дѣлано замѣчаніе за жаркую его полемику. Дюфоръ объясняетъ, что Correspondant занимается преимущественно религіозными вопросами, и что упомянутое замѣчаніе сдѣлано было ему за статью Монталамбера объ аппелляціи какъ злоупотребленіи: вопросъ религіозный, а вовсе не политическій. Стало быть, прокуроръ весьма

неосновательно видитъ въ Correspondant изданіе исключительно политическое, и не разъ ужъ получившее замѣчаніе за возмутительный будто бы характеръ своей полемики.

«То, что сейчасъ сказалъ г. императорскій прокуроръ, продолжаетъ Дюфоръ, тò же еще до него высказалъ одинъ журналъ, имѣющій притязаніе быть органомъ религіозныхъ мнѣній. Журналъ этотъ, отличающійся изящнымъ вкусомъ, назадъ тому нѣсколько дней назвалъ *«вздорнымъ шумомъ»* тѣ споры, въ которые пускается Correspondant. Мнѣ бы хотѣлось, для того чтобы познакомить васъ съ этимъ изданіемъ, изложить передъ вами нѣкоторыя изъ находящихся въ немъ статей. Эти приведенныя мѣста, которыхъ прочесть не позволяетъ намъ время, лучше моихъ словъ объяснили бы вамъ настоящій характеръ порицаемаго журнала и роль, взятую имъ на себя. Основанный тридцать лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью стоять за религіозную свободу, Correspondant сходится теперь и, по обыкновенію, борется съ двумя противниками. Противъ одного, который ищетъ себѣ оружія въ ученыхъ трудахъ Германіи, онъ отстаиваетъ основныя истины и историческія преданія католической вѣры; противъ другаго, который для того, чтобы воздвигнуть самыя гнусныя страсти, обращается къ самымъ жалкимъ воспоминаніямъ о самыхъ злосчастныхъ дняхъ среднихъ вѣковъ, Correspondant съ неутомимой стойкостью защищаетъ тяжбу объ общественной свободѣ, о терпимости, объ умѣренности. Не скажу, чтобы всѣ статьи въ Correspondant были одинаковаго достоинства. Все же въ числѣ этихъ сочиненій, проникнутыхъ однимъ духомъ, вы встрѣтите не одно такое, которымъ справедливо можетъ гордиться современная литература: изъ устъ отца Лакордера раздаются высокія слова; изъ-подъ пера Вильмена выливается великолѣпное сравненіе Пиндара съ Боссюэтомъ и наконецъ, отвѣчая тѣмъ, у которыхъ достало духа прославлять Варѳоломеевскую ночь и возстановленіе Нантскаго эдикта, молодой талантливый писатель протестуетъ противъ нихъ съ увлекательнымъ негодованіемъ. Вотъ все, чтò преслѣдуютъ. Спрашивается, должно ли запрещать изъ за этого журналъ, къ чему очевидно стремятся, настаивая на его осужденіе.

Прокуроръ. Г. Дюфоръ! не хочу васъ прерывать; но я долженъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь: Correspondant не будетъ запрещенъ.

Дюфоръ. И вы можете представить мнѣ удостовѣреніе въ этомъ, г. прокуроръ?

Президентъ. Г. Дюфоръ, не ужели вы думаете, что приговоръ надъ редакторомъ можетъ имѣть законнымъ послѣдствіемъ запрещеніе самаго журнала?

Императорскій прокуроръ. Но, г. президентъ, еще разъ повторяю—Correspondant не будетъ запрещенъ.

Дюфоръ. Судъ понимаетъ, что въ этомъ случаѣ слово г. императорскаго прокурора, въ искренности котораго я впрочемъ нисколько не сомнѣваюсь, все-таки не служитъ для насъ вѣрной порукой. Продолжаю.

«Я сказалъ, что Correspondant желали бы запретить. Обычный противникъ его не скрываетъ своихъ надеждъ на это. Недѣлю тому назадъ, именно въ тотъ день, когда мы должны были явиться сюда, Univers помѣстилъ на своихъ столбцахъ чистый доносъ, и радуясь уже заранѣе осужденію своего противника, говорилъ: «Если Correspondant и падетъ—не мы виноваты! Радоваться этому мы не станемъ, потому что онъ не дѣлаетъ намъ никакого зла; да впрочемъ, и жалѣть не будемъ, потому что отъ него не видать большаго добра. Политическій отдѣлъ его—не больше какъ безполезный шумъ; религіозный какъ-то нерѣшителенъ, вялъ, безъ свѣта для невѣрующихъ, безъ жару для католиковъ.»

«Такъ религіозный отдѣлъ этого журнала—отдѣлъ вялый? Когда Univers пропѣлъ хвалебный гимнъ Варѳоломеевской ночи, Correspondant протестовалъ. Это ли отдѣлъ съ нерѣшительнымъ направленіемъ? Когда возстановленіе Нантскаго эдикта нашло себѣ поборниковъ въ столбцахъ Univers, ихъ побѣдоносно опровергъ Correspondant.

«Есть и другая заслуга у Correspondant: заслуга отдавать всему должное уваженіе, цѣнить по достоинству, быть безпристрастнымъ. Въ этомъ отношеніи я долженъ принесть ему дань признательности. Въ концѣ прошлаго года скончался одинъ генералъ, котораго Франція считала въ числѣ славныхъ своихъ защитниковъ. Журналы по большей части безмолвствовали передъ гробницей этого славнаго заслугами человѣка; Correspondant, политическія убѣжденія котораго такъ разнились отъ убѣжденій генерала Кавеньяка, нашелъ же вѣдь самыя достойныя, самыя благородныя

выраженія, чтобъ воздать должное его памяти. Пересмотрите статью г. Корселлеса и нѣсколько страницъ, обрѣтенныхъ, такъ сказать, въ гробницѣ г. Сальванди, страницъ, въ которыхъ г. Сальванди разсказываетъ, какъ онъ, королевскій министръ, встрѣтился въ 1847 году въ Африкѣ съ этимъ генераломъ, въ то время начальствовавшимъ надъ Оранской дивизіей. Прочитайте еще разъ эту почесть, воздаппую доблестными редакторами Correspondant одному изъ своихъ политическихъ противниковъ, и скажите, можно ли безпристрастіе и сохраненіе собственнаго достоинства въ спорномъ дѣлѣ считать за явленіе до того обыкновенное во Франціи, что не будетъ грѣхомъ запретить періодическое изданіе, которое такимъ образомъ ставитъ себя выше страстей, волнующихъ отдѣльныя партіи?

«И такъ безпристрастный въ отношеніи ко всему и ко всѣмъ, достойный и великій по литературнымъ произведеніямъ, истинный защитникъ католической вѣры, въ томъ смыслѣ, въ какомъ должно примѣнять и разумѣть ее—вотъ каковъ Correspondant.

«Объяснивъ настоящее значеніе Correspondant, разсмотримъ теперь существенный характеръ обвиняемой статьи. Поводомъ къ этой статьѣ, говоритъ г. прокуроръ, служило преніе въ Англійскомъ парламентѣ объ Индѣйскихъ дѣлахъ, а настоящая цѣль ея—систематическое очерненіе правленія императора. Нѣтъ, мм. гг., прочитайте еще разъ это сочиненіе—посмотрите: первыя пятнадцать страницъ относятся къ обычному противнику Correspondant, къ тому якобы-религіозному журналу, который не знаетъ, какъ и расхвалить Индѣйскихъ головорѣзовъ. На этихъ страницахъ одно лишь слово замолвлено о правительствѣ, и это слово сказано въ пользу союза его съ Англіей. Затѣмъ, среди прелестнаго эпизода объ Эпсомскихъ скачкахъ, прорывается слово въ похвалу храброму маршалу, столь достойному представителю Франціи. Вотъ и все, что онъ говоритъ о французскомъ правительствѣ. Что-жъ далѣе дѣлаетъ писатель? Описываетъ тѣ торжественныя пренія, на которыхъ онъ присутствовалъ въ Палатѣ Лордовъ и въ Палатѣ Депутатовъ. Его обвиняютъ за то, что онъ пришелъ въ восторгъ отъ этого зрѣлища. Да кто-жъ и не раздѣлилъ бы съ нимъ этого восторга? Въ Палатѣ Депутатовъ собраны самые замѣчатель-

ные ораторы, самые доблестные государственные мужи. Извнѣ, цѣлая Англія тѣснится, въ волненіи, въ ожиданіи...

«Къ чему, зачѣмъ? Что̀ такъ сильно занимаетъ ее, эту націю, прозванную на твердой землѣ эгоистической, меркантильной? Нравственный вопросъ. Вотъ въ чемъ заключается преобладающій характеръ этихъ прекрасныхъ преній. И вы не хотите, чтобъ онъ приходилъ въ восторгъ, онъ, рожденный для трибуны, въ то время когда передъ нимъ воскресаютъ на яву сужденія объ общественныхъ дѣлахъ, занимавшихъ большую часть его жизни? Наконецъ онъ задаетъ себѣ вопросъ, что̀ ожидаетъ Англію въ будущемъ. Внутри, не грозитъ ей никакая опасность; извнѣ, онъ видитъ для нея опасности, онъ ей указываетъ на нихъ; но сказать, что указывая ей на эти опасности онъ выражаетъ желанія, противныя благу Франціи— помилуйте! ни одного слова нѣтъ, на которое бы вы могли опереться. Что онъ сдѣлалъ, то же самое сдѣлалъ еще до него Монтескьё. «Когда я путешествовалъ по чужимъ землямъ, говоритъ этотъ великій публицистъ, я привязывался къ нимъ какъ къ роднымъ.» При посѣщеніи Англіи, г. Монталамберъ почувствовалъ то̀ же самое, что̀ высказалъ Монтескьё. Французомъ ли онъ былъ?

«Г. Монталамберъ не Французъ! Но въ этомъ-то и заключается одинъ изъ тѣхъ упрековъ, который всѣ партіи кидаютъ другъ другу въ лицо, которые вклеиваются во всѣ памфлеты, которые относили къ писателямъ, наиболѣе цѣнимымъ во Франціи. Слушая васъ, я невольно припомнилъ письмо, которымъ министръ полиціи первой имперіи увѣдомлялъ г-жу Сталь объ ея изгнаніи: «милостивая государыня! писалъ герцогъ Ровиго: не надо искать причины такого приказа въ томъ забвеніи, которому вы предали имя императора въ послѣднемъ своемъ произведеніи. Въ немъ императоръ не могъ найти достойнаго себя мѣста. Дѣло въ томъ, что здѣшній воздухъ, какъ намъ кажется, не по васъ. Да и кромѣ того, намъ не приводится искать для себя образцовъ у народовъ, которые вы превозносите. Послѣднее произведеніе ваше—не французское....»

«Г. Монталамберъ не Французъ! Но позвольте мнѣ вамъ сказать, въ правѣ ли вы нанести такой упрекъ человѣку, который съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ всю свою жизнь на служеніе отечеству? Про безкорыстіе его я уже и не говорю: въ немъ никогда и никто не сомнѣвался. Когда нашимъ поступкамъ старались придать корыстные

виды, когда на насъ взведены были такія обвиненія, что мы не считали нужнымъ и отвѣчать на нихъ, тогда по крайней мѣрѣ соглашались, что подобныя подозрѣнія не могутъ касаться г. Монталамбера. Теперь же... такъ ли полно я расслышалъ?—какъ! человѣкъ цѣлыя тридцать лѣтъ даритъ своей отчизнѣ всѣ свои помыслы, всѣ труды, всѣ заботы, приноситъ ей въ жертву спокойствіе, семейныя радости—и послѣ тридцати лѣтъ подобной жизни, въ одинъ день въ Исправительной Полиціи ему вдругъ говорятъ: «Вы не Французъ!»

«Но оставимъ это пошлое обвиненіе въ сторонѣ, и посмотримъ, въ чемъ бы могло заключаться преступленіе. Посмотримъ, какое именно узаконеніе можете вы примѣнить къ дѣлу.

«Я понимаю, что мысли рѣшительно безо всякихъ препонъ быть не можетъ, что выраженіе ся должно быть заключено въ извѣстныхъ предѣлахъ; но съ тѣмъ только, чтобъ эти препоны не мѣшали мысли высказываться, чтобъ эти предѣлы были ясно обозначены. Что составляетъ силу націи? Чѣмъ создается общественный духъ ея? Не сборъ ли это думъ, общихъ всѣмъ и каждому, образующихся посредствомъ обмѣна разныхъ мыслей? Тамъ нѣтъ націи, гдѣ личности не могутъ обмѣниваться идеями, да и въ то же время не чувствуете ли вы, что самымъ жалкимъ изо всѣхъ народовъ былъ бы тотъ, у котораго, при отсутствіи точнаго опредѣленія границъ, сдерживающихъ выраженіе мысли, судьи стали бы оправдывать того, кто имъ пришелся по нраву, а того, кто имъ не нравится, осуждать? Поэтому всѣ уголовные, а особенно ограничивающіе свободу тисненія законы, въ составленіи которыхъ и мы тоже принимали участіе,—всѣ эти законы, говорю я, въ точности опредѣляли преступленія, которыя хотѣлось имъ подавить. Вотъ въ чемъ заключается характеръ всѣхъ этихъ законовъ, которые впрочемъ могутъ быть различны въ отношеніи къ степени наказанія.

«Бываютъ счастливыя, мирныя времена, когда обществу не грозитъ большая бѣда. Въ эти времена, когда правительства вѣрують въ самихъ себя, свобода совершаетъ спокойно свой путь, законы не стѣснительны и великодушны. Таковъ напр. законъ 1819 г., который пребудетъ вѣчной честью для конституціонной монархіи, и съ которымъ связаны имена де-Серра, Ройе-Коллара и герцога

Брольи. И на-оборотъ, бываютъ и такія времена, когда общество, угрожаемое со всѣхъ сторонъ, нуждается, для собственной защиты, въ болѣе строгихъ законахъ. Такъ въ 1848 году, подъ вліяніемъ правительства, одно имя котораго приводило въ трепетъ, на которое въ одно и то же время нападали и приверженцы монархіи, и поборники безначалія, слѣдовало издать строгіе законы. Г. прокурору угодно было видѣть въ той эпохѣ лишь время безпорядка и безначалія: нѣтъ, то было время самоохраненія. Законы, въ которыхъ нуждалось общество, были тогда же постановлены, и г. императорскому прокурору не мѣшало бы знать объ этомъ, потому что это тѣ самые законы, на которые онъ опирается.

«Выборъ зависитъ отъ правительства: оно можетъ выбрать узаконеніе болѣе широкое, или же болѣе строгое; но каково бы ни было необходимое для него постановленіе, оно все-таки не въ правѣ произвольно перетолковывать точный смыслъ законовъ.»

При этомъ Дюфоръ разбираетъ смыслъ законовъ 1848 и 1849 годовъ, и старается доказать, что законы эти, возбраняя *нападки* на должное уваженіе къ законамъ, на правительство, воспрещая возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правамъ власти и т. под., имѣли въ виду ясно обозначенныя дѣйствія, а совсѣмъ не побужденія, болѣе или менѣе неопредѣленныя, не намеки, болѣе или менѣе отдаленные, которые понять можно лишь пустясь въ разныя истолкованія (*); «изслѣдовать же, сказалъ онъ, путемъ истолкованія

(*) Приводимъ текстъ этихъ законовъ:

Декретъ 11 августа 1848 г.

Ст. 1. За каждое посягательство, однимъ изъ средствъ, изложенныхъ въ 1 ст. закона 17 мая 1819 года, на права и власть Національнаго Собранія, на права и полномочіе исполнительной власти, дарованныя декретами Національнаго Собранія, на учрежденія республиканскія и конституціонныя, на начала народнаго самоуправленія, общаго избирательства, виновный подвергается тюремному заключенію отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, и взысканію 300—6.000 франковъ.

Ст. 4. Кто будетъ, однимъ изъ средствъ, изложенныхъ въ 1 ст. закона 17 мая 1819 г., возбуждать ненависть или презрѣніе къ республиканскому правленію, тотъ подвергается тюремному заключенію отъ одного мѣсяца до четырехъ лѣтъ, и взысканію 150—5.000 франковъ.

Статья эта не воспрещаетъ обсуживать дѣйствія исполнительной власти министровъ, и порицать оныя.

уголовное дѣло, значитъ допустить произволъ въ законѣ; а противъ этого произвола я протестую.»

Затѣмъ адвокатъ приступаетъ къ разсмотрѣнію разныхъ мѣстъ изъ обвиняемой статьи. Онъ приходитъ къ тому, что ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ тѣхъ преступленій, которыя усматриваетъ въ нихъ прокуроръ. Обвинители находятъ, что французскому правительству наносится обида словами: «англійскій народъ никогда не подчинится унизительной опекѣ». Дюфоръ напоминаетъ, что во всѣ времена и при всякомъ правленіи можно было говорить, не будучи виноватымъ, что централизація учреждаетъ опеку, изъ-подъ которой слѣдуетъ постепенно освобождать страну. Онъ замѣчаетъ, что тою же мыслью отзывается и рѣчь, произнесенная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принцемъ Наполеономъ въ Лиможѣ.

«Еще вмѣняется въ преступленіе одна фраза, въ которой г. Монталамберъ говоритъ, что правительство для него не все равно что какая-нибудь лакейская. Какъ же можно допустить, что въ этой фразѣ видѣнъ намекъ на правительство императорское?—Да позволено мнѣ будетъ замолвить здѣсь слово объ императорѣ: оно не будетъ для него оскорбительно. Когда представляешь себѣ эту ото всего отдаленную, могучую волю, никогда и ни съ кѣмъ не совѣтующуюся (а прежнимъ его министрамъ позволяется припоминать объ этомъ), можно ли допустить, чтобы пришло кому-нибудь на мысль назвать подобное правленіе—правленіемъ передней?

«Обвиняютъ г. Монталамбера за то, что къ уставу о тисненіи онъ примѣнилъ названіе офиціальной затычки (baillon officiel): выраженіе, быть можетъ, и рѣзкое, но развѣ не обрисовываетъ оно истин-

---

Законъ 17 іюля 1849 года.

Ст. 1. Статьи 1 и 2 декрета 11 августа 1848 года могутъ примѣняться также къ нападкамъ на права и власть, присвоенныя президенту Республики Конституціей, и къ нападкамъ на особу его.

Преслѣдованіе производится мѣстнымъ начальствомъ.

Ст. 3. За всякую нападку, однимъ изъ тѣхъ же средствъ, на должное уваженіе къ законамъ, и на неприкосновенность законами освященныхъ правъ, за всякое оправданіе дѣйствій, извѣстныхъ въ уголовномъ законодательствѣ подъ именемъ преступленій или проступковъ, виновный подвергается тюремному заключенію отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ, и взысканію 16—1.000 франковъ.

наго факта? Можно ли требовать отъ оратора, отъ человѣка съ пылкимъ воображеніемъ и съ душой, чтобъ онъ въ своей рѣчи соблюдалъ математическую точность? Если сравнить съ великолѣпной статьей, вылившейся изъ-подъ пера краснорѣчиваго непремѣннаго секретаря французской академіи, въ которой говорится о какомъ-нибудь высоко-нравственномъ предметѣ, геометрическій трактатъ Лежандра, то навѣрное въ слогѣ окажется огромная разница. Здѣсь выраженіе можетъ быть и жестко, но все же нельзя вмѣнить его въ преступленіе.»

Затѣмъ Дюфоръ говоритъ, что въ законахъ 1848 и 1849 годовъ отмѣнены тѣ изъ постановленій, которыя изрекали наказаніе за нападки, направленныя противъ президента Республики и Конституціи 1848 года.

«Мм. гг., произнесъ онъ въ заключеніе, что̀ сказать мнѣ о послѣднемъ упрекѣ, сдѣланномъ г. Монталамберу? Его обвиняютъ въ томъ, будто бы онъ желаетъ вредить своей родинѣ, восклицая: «у Франціи станетъ еще на столько силы, чтобы принять тѣ начала, которыми управляется Англія,—просвѣщеніе, право и свободу!» Какъ! не напротивъ ли, не возгласъ ли это человѣка съ душой и добраго гражданина? Развѣ не дышетъ патріотизмомъ мысль, возникающая у государственнаго мужа при зрѣлищѣ той общественной жизни, съ которой онъ долгое время былъ связанъ, то задушевное признаніе, что онъ считаетъ свою отчизну достойною наслаждаться просвѣщеніемъ, правомъ и свободой?»

Засѣданіе, отложенное послѣ защитительной рѣчи Дюфора, снова было открыто въ 8 часовъ.

Президентъ Бертленъ. Экзекуторы! введите городовыхъ сержантовъ. (Отрядъ изъ пятнадцати городовыхъ сержантовъ разсыпается по залѣ, гдѣ происходитъ засѣданіе.) Мы приказали находиться въ присутственной залѣ только одному городовому сержанту, полагая, что публика будетъ хранить, ка̀къ мы и предувѣдомляли ее о томъ, глубокое молчаніе. Но такъ какъ нашъ приказъ не исполняется, то мы рѣшились употребить власть, даруемую намъ закономъ. Сержанты! наблюдайте внимательно за публикой, и если замѣтите хоть малѣйшій знакъ одобренія или неодобренія, то немедленно схватите нарушителя спокойствія и выведите его къ барьеру. Судъ опредѣлитъ его виновность.»

Тутъ президентъ среди благоговѣйнаго молчанія произноситъ слѣдующій приговоръ:

«Въ силу того, что въ газетѣ *Correspondant* появилась 25 октября 1858 года статья подъ заглавіемъ: «Преніе въ англійскомъ парламентѣ объ Индіи»;

«Въ силу того, что графъ Монталамберъ признаётъ себя авторомъ этой статьи, что онъ изъявилъ согласіе на обнародованіе ея, а Дуніоль признается, что публиковалъ ее;

«Въ силу того, что въ этой статьѣ, написанной въ духѣ систематическаго очерненія, авторъ, постояннымъ контрастомъ, въ какой онъ ставитъ учрежденія французскія съ учрежденіями союзной съ Франціей державы, старается излить насмѣшку и оскорбленіе на политическіе законы, на лица и на дѣйствія правительства; что изъ содержанія статьи, взятой въ цѣлости, вытекаютъ три преступленія: 1) возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству; 2) посягательство на принципъ общаго избирательства и на права и власть, присвоенныя главѣ государства конституціей, и 3) нарушеніе должнаго уваженія къ законамъ и неприкосновенности освященныхъ ими правъ, какъ явствуетъ особенно изъ мѣстъ, начинающихся словами: «когда въ ушахъ у меня звенитъ .. (стр. 205); я уступаю... (стр. 206); въ Канадѣ... (стр. 209); у насъ не только... (стр. 215); и я со своей стороны... (стр. 252); словомъ, сила... (стр. 260); пока эти размышленія... (стр. 261); я указалъ уже... (стр. 266);».

«Относительно же четвертаго преступленія, въ которомъ обвиняются подсудимые,

«Въ силу того, что если въ обвиняемыхъ мѣстахъ статьи встрѣчаются выраженія, какимъ не слѣдуетъ выходить изъ-подъ пера писателя, питающаго къ себѣ уваженіе, и выраженія эти, по сущности своей, могутъ посѣять раздоръ и мятежъ между гражданами, то они недостаточно еще обнаруживаютъ со стороны автора намѣреніе нарушить общественное спокойствіе; посему означенное преступленіе не вполнѣ раскрывается въ настоящемъ случаѣ;

«Въ силу того, что графъ Монталамберъ и Дуніоль не отвергаютъ, что ими совершены три вышеупомянутыя преступленія, предусматриваемыя и подвергаемыя наказанію 1-ой и 4-ой статьями декрета 11 августа 1848 года, 1-ой и 3-ой закона 27 іюля 1849 года;

«Въ силу того, что въ случаѣ совершенія нѣсколькихъ преступленій въ одно время, должно быть употреблено лишь одно, сильнѣйшее наказаніе; что наказаніе самое сильное присуждается 1-й статьей закона 27 іюня 1849 года; что эта статья, цѣль которой охранять отъ преступныхъ нападокъ главу государства, отмѣнена не была;

«Примѣняя вышеупомянутыя статьи къ подсудимымъ,

«Въ силу того, что въ дѣлѣ Дуніоля встрѣчаются обстоятельства, уменьшающія степень его вины, и что 463 статья Уложенія о наказаніяхъ, по смыслу декрета 11 августа 1848 года, распространяется и на преступленія по тисненію;

«На основаніи сей 463 статьи,

графъ Монталамберъ присуждается къ тюремному заключенію на полгода, и къ 3000-мъ франковъ штрафу, а Дуніоль къ заключенію на одинъ мѣсяцъ, и 1000 франковъ штрафу, съ тѣмъ:

«что они подлежатъ взаимной отвѣтственности въ уплатѣ означенныхъ штрафовъ;

«освобождаются въ отношеніи къ прочимъ главнымъ пунктамъ обвиненія;

«обязаны съ взаимною отвѣтственностію внести судебныя издержки; срокъ же для ареста назначается годовой».

Приговоръ нижняго суда произвелъ тяжелое впечатлѣніе на публику: такой строгости никто не ожидалъ.

На другой день Беррье и Монталамберъ отправились вмѣстѣ во Французскую Академію, гдѣ они встрѣтили самый радушный пріемъ и искреннее сочувствіе. Это посѣщеніе произвело, какъ кажется, сильное волненіе въ обществѣ ученыхъ.

Вскорѣ пронесся слухъ, будто бы, въ случаѣ утвержденія приговора, Монталамберъ, не желая подвергнуться изгнанію, на основаніи закона о общественной безопасности, добровольно удалится изъ Франціи. Но слухъ этотъ, какъ вообще бо́льшая часть слуховъ, оказался чистой небылицей.

Общее участіе къ Монталамберу было такъ сильно, что, узнавъ о пени, къ которой присудило его правительство, обитатели Сити составили между собой подписку для уплаты ея. Въ главѣ подписчиковъ стоялъ книгопродавецъ Вильсонъ.

II.

«Ваше преосвященство!

«Въ полученномъ сего дня въ Парижѣ нумерѣ «*Indépendance Belge*» сообщаютъ, будто бы ваше преосвященство «послѣ многихъ хлопотъ въ мою пользу, рѣшились ходатайствовать у Императрицы объ отмѣнѣ произнесеннаго надо мной приговора».

«Знаю, что сообщеніямъ такого рода давать большой вѣры не слѣдуетъ; но огромная извѣстность, какой пользуется означенный журналъ, безпокойство, произведенное въ друзьяхъ моихъ этой новостью, все это заставляетъ меня указать на означенное извѣстіе вашему преосвященству, и въ случаѣ нужды протестовать противъ предполагаемыхъ въ немъ намѣреній съ вашей стороны.

«Гордясь и вмѣняя себѣ за честь приговоръ, который подтверждаетъ вѣрность мою политическимъ принципамъ въ продолженіе всей моей жизни, и который такъ кстати является для оправданія, въ глазахъ Европы и потомства, всего что̀ только говорилъ я или думалъ о нынѣшнемъ положеніи Франціи, я въ настоящую минуту ничего больше не желаю, какъ только предоставить моимъ судьямъ отвѣтственность за ихъ дѣйствія; и я не иначе могъ бы смотрѣть на малѣйшее снисхожденіе со стороны императорской власти, какъ на чистое оскорбленіе.

«Среди переворотовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и попытокъ, которыхъ я былъ жертвою, честь моя осталась неприкосновенною. И именно для того, чтобъ предохранить ее отъ всякаго нареканія, даже мнимаго, я позволяю себѣ выразить вашему преосвященству безпокойство, быть можетъ и преувеличенное, но тѣмъ не менѣе основательное.

«Съ глубокимъ уваженіемъ имѣю честь пребыть

вашего преосвященства

покорнѣйшій слуга,

Ш. Монталамберъ».

Та̀къ писалъ Монталамберъ къ парижскому архіепископу, черезъ три дня по выслушаніи своего рѣшенія. Письмо это напечатано было въ одномъ не-французскомъ журналѣ, и въ концѣ его сдѣлана слѣдующая приписка:

«Архіепископъ парижскій отвѣчалъ г. Монталамберу, въ письмѣ отъ 30 ноября, что ему и въ голову никогда не приходило того, что̀ приписываетъ ему *Indépendance*».

А *Indépendance* рѣшительно не хочетъ признать себя безъ вины виноватымъ; онъ оправдывается; мало того, онъ въ претензіи на Монталамбера:

«Извѣстіе, говоритъ онъ, такъ сильно встревожившее автора *Преній объ Индіи* и друзей его, было высказано нашимъ корреспондентомъ просто какъ городской слухъ, не имѣющій большой важности, безо всякаго намѣренія нанести личное оскорбленіе г. Монталамберу увѣдомленіемъ о поступкѣ парижскаго архіепископа. Достоинство его ничуть не страдаетъ отъ этого.

«Было ли дѣйствительно у архіепископа намѣреніе поступить такимъ образомъ? Приписка, сдѣланная послѣ письма г. Монталамбера, положительно объявляетъ, что нѣтъ.

«Дѣлать нечего, вѣримъ этому на̀-слово, хотя намъ довольно страннымъ кажется, что въ такомъ важномъ дѣлѣ г. Монталамберъ ограничивается простымъ отзывомъ о неучастіи въ немъ его преосвященства, вмѣсто того, чтобы передать намъ самое письмо, которое навѣрно послалъ ему въ отвѣтъ архіепископъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, такіе документы возбуждаютъ интересъ въ публикѣ, и форма, въ какую облечены они, могутъ иной разъ послужить къ разъясненію многихъ противорѣчій».

Какъ бы то ни было, уже изъ этого письма видно, что Монталамберъ рѣшился не принимать рѣшенія нижняго суда. И самый приговоръ не имѣлъ еще никакого опредѣленнаго характера, потому что срокъ для подачи аппеляціи, опредѣленный для подсудимаго закономъ, еще не миновалъ.

2 декабря Монталамберъ вмѣстѣ съ Беррье явились утромъ въ Судъ, для явки аппеляціи, которая и была внесена въ протоколъ.

Въ тотъ же самый день въ *Moniteur*'ѣ является извѣщеніе, что, по случаю годовщины 2 декабря, Императоръ изрекаетъ г. Монталамберу помилованіе...

Еще спустя день, *Moniteur* публикуетъ слѣдующій протестъ:

Парижъ, 2 декабря 1858,

«Г. редакторъ!

«Въ сегодняшнемъ нумерѣ *Moniteur*'а, въ неофиціальной части,

помѣщено извѣстіе, которое я изъ него только и узналъ. Вотъ оно: «Императоръ, по случаю годовщины 2 декабря, помиловалъ графа Монталамбера отъ наказанія, къ которому онъ приговоренъ». Осужденный 24 ноября, я въ законный срокъ подалъ аппелляцію на произнесенный надо мною приговоръ. Никакая власть во Франціи до сихъ поръ не имѣла права отмѣнять наказаніе, окончательно не утвержденное. Я изъ числа тѣхъ, которые еще вѣрятъ въ право, а милостей не принимаютъ. Прошу васъ, даже если хотите требую, въ силу 11 ст. закона 1822 года, помѣстить это письмо въ слѣдующемъ же нумерѣ.

«Примите, м. г., увѣреніе въ особенномъ къ вамъ уваженіи,

Ш. Монталамберъ».

Эти два происшествія доставили обильную пищу для самыхъ разнообразныхъ споровъ и толковъ. «*Presse*» говоритъ, что различныя услуги, оказанныя графомъ Монталамберомъ до и послѣ событія 2 декабря, придаютъ милости, объявленной *Moniteur*'омъ, 2 же декабря 1858 г., замѣчательный характеръ своевременности. По рѣшеніе Монталамбера аппелировать на произнесенный надъ нимъ приговоръ, очевидно не могло нравиться приверженцамъ правительства. Правду сказать и то, что помилованіе, являясь ранѣе окончательнаго утвержденія приговора, подняло чрезвычайно интересный вопросъ въ области права, именно: только ли отъ наказанія, къ которому онъ приговоренъ, долженъ быть освобожденъ подсудимый, или же отъ всѣхъ послѣдствій осужденія? Другими словами: будучи освобожденъ отъ тюремнаго заключенія и отъ платежа штрафу, останется ли, или нѣтъ, графъ Монталамберъ подъ силой закона, предоставляющаго на собственное усмотрѣніе начальству—или отправить его на жительство въ провинцію, или же подвергнуть ссылкѣ, безо всякаго судебнаго вмѣшательства (*).

«*Times*», бывшій до сихъ поръ защитникомъ и заступникомъ Монталамбера передъ англійской публикой, вдругъ ни съ того ни съ се-

(*) Такой случай не новость. Онъ представлялся уже разъ въ Бельгіи, по поводу одного лица, которое было освобождено королевской милостью отъ приговора, влекущаго за собой лишеніе гражданскихъ правъ. Сила королевской власти была распространена тогда, по рѣшенію юрисконсультовъ, только на наказаніе, а всѣ другія послѣдствія осужденія должны были остаться въ прежней силѣ.

го сдѣлался ему рѣшительно врагомъ. Укоривъ его за подачу на апеляцію, онъ старается теперь доказать, что бывшій членъ законодательнаго корпуса ровно ничего не выиграетъ своимъ упрямствомъ, съ какимъ отказался отъ императорской милости. «Въ тюрьму пойдетъ онъ, говоритъ газета, не встрѣтя въ публикѣ сочувствія къ своему несчастью».

21 (9) декабря аппеляція Монталамбера представлена была въ аппеляціонную палату исправительной полиціи. Дѣло, независимо отъ поднятыхъ имъ важныхъ вопросовъ, послужившихъ въ первой инстанціи предметомъ такихъ блестящихъ рѣчей, получило новый интересъ отъ милости, дарованной 2 декабря, и отъ отказа со стороны того, на кого простиралась эта милость. Всякому хотѣлось узнать, не откликнется ли судъ на пренія, возникшія по этому случаю въ газетахъ и журналахъ, и не составятъ ли они особаго предмета для обсужденія со стороны адвокатовъ или судей. Нѣтъ нужды прибавлять, что желаніе послушать блестящую рѣчь Ше-д' эстъ-Анжа еще болѣе подстрекало любопытство въ публикѣ.

Билеты на это судебное торжество были разобраны съ удивительной быстротой. Требованій, съ которыми обращались къ президенту, было до того много, что сначала думали-было присутствіе аппеляціонной палаты перенести въ залу ассизнаго суда, потому что зала, въ которой обыкновенно засѣдаютъ члены палаты, чрезвычайно тѣсна, неудобна, да и темна; но опять подумали, что такая мѣра пожалуй придастъ еще больше важности дѣлу, и воздвигнетъ для подсудимаго нѣчто въ родѣ пьедестала: отъ нея отказались, и такимъ образомъ только избранные счастливцы могли попасть въ кружокъ, состоявшій много-много изъ трехъ сотъ человѣкъ. Кружокъ былъ бы и еще тѣснѣе, если-бъ накапунѣ не было произведено довольно значительныхъ перемѣнъ въ разстановкѣ мебели, и не были вынесены экзекуторскіе письменные столы, мѣсто которыхъ заняли теперь скамьи для посѣтителей. Въ такомъ видѣ, какъ она есть, зала вмѣщаетъ всего полтараста человѣкъ, не больше.

Въ 10 часовъ публика впущена была въ залу. Двадцать шесть билетовъ всего было роздано у барьера. Политическія личности, сановники, дипломаты, законовѣды, наконецъ самъ Монталамберъ разобрали остальныя. Въ числѣ присутствовавшихъ находились Одилонъ Барро, Фаллу, Флавиньи, маркизъ Вогё, Корселлесъ,

Вите и Ленорманъ (члены Института), Мо, подполковникъ Монталамберъ (братъ подсудимаго), а изъ законовѣдовъ—генеральные адвокаты О. Валлé и Барбьé, Бертленъ и Бенуа (первый былъ президентомъ, а вторый членомъ суда, наряженнаго по дѣлу графа Монталамбера въ первой инстанціи). Дамъ было допущено въ кружокъ до двадцати. Остроумная дѣвица Огюстина Броганъ и подруга ея г-жа Арну-Плесси, находившіяся въ ихъ числѣ, слѣдили по видимому съ живѣйшимъ участіемъ за оборотами, какіе принимало дѣло. Въ промежутки пренія, онѣ были предметомъ общаго вниманія вмѣстѣ съ г. Вильмсномъ, прибытіе котораго произвело замѣтное движеніе.

Хотя редакторъ журнала Correspondant, Дуніоль, и не подавалъ апелляціи на произнесенный надъ нимъ приговоръ, тѣмъ не менѣе Дюфоръ сидѣлъ и въ этотъ разъ рядомъ съ Беррье на адвокатской скамьѣ.

Дюфоръ говорилъ первый. Упомянувъ, что помилованіе не могло служить препятствіемъ къ апелляціи, онъ разбиралъ обвиняемую статью съ той увѣренностью въ методѣ, съ той математической точностью въ доводахъ, съ той силой выраженій, которыми владѣетъ онъ въ такой высокой степени, которыя не отнимаютъ у него ни жару, ни сдержаннаго увлеченія, а иной разъ и прелести самой злой, ѣдкой ироніи, и которыя уже съ давнихъ поръ сдѣлали общимъ такой отзывъ о его рѣчахъ: c'est du Pasca parlé. Изъ современныхъ намъ ораторовъ, Дюфоръ чуть ли не лучше всѣхъ умѣетъ владѣть собой: пускаясь даже въ импровизацію, онъ всегда говоритъ только то, что̀ хочетъ высказать, и никто кромѣ его не кольнетъ такъ ловко своего противника. Особенно въ этотъ разъ удивлялись непостижимому его хладнокровію; въ такомъ дѣлѣ трудно было бы найти болѣе полезное орудіе для защиты, и бо̀льшую преграду для обвиненія.

Переходимъ къ подробностямъ засѣданія. Оно открылось въ 11 часовъ подъ предсѣдательстомъ Перро Шезеля и началось съ допроса обвиняемаго.

Президентъ Монталамберу. Ка̀къ васъ зовутъ?—О. Шарль, графъ Монталамберъ.

В. Лѣта ваши?—О. Сорокъ восемь лѣтъ.

В. Ваше званіе?—О. Бывшій перъ Франціи, членъ Французской Академіи.

В. Мѣсто вашего жительства?—О. Парижъ.

В. Сейчасъ выслушаете вы докладъ г. совѣтника Трельяра. (Совѣтникъ Трельяръ въ короткихъ словахъ излагаетъ весь ходъ дѣла графа Монталамбера, и въ заключеніе приводитъ приговоръ нижняго суда).

Президентъ Монталамберу. Признаете ли вы себя авторомъ статьи, напечатанной въ Correspondant 25 октября?—О. Да, г. президентъ.

В. Она была вами написана для публикаціи, и передана редактору журнала?—О. Да.

В. Желаете ли вы лично давать объясненія, или же полагаетесь на показанія вашихъ защитниковъ?—О. Полагаюсь на показанія моихъ защитниковъ.

Президентъ. Г. Дюфоръ, вамъ говорить.

Дюфоръ. «Мм. гг.! Въ нижнемъ судѣ я говорилъ за одного кліента, котораго теперь здѣсь нѣтъ. Дѣйствія, за которыя обвиняли его, имѣли тѣсную связь съ тѣми, въ которыхъ обвиняютъ и г. Монталамбера: его обвиняли въ томъ, что онъ не признавалъ въ сообщенной ему статьѣ тѣхъ преступленій, которыя подверглись осужденію. Г. Дуніоль не одинъ замѣшанъ былъ въ тяжбу: онъ былъ представителемъ журнала, важнаго органа мнѣній, достойныхъ уваженія; опасаясь, чтобъ этотъ журналъ не подвергся преслѣдованію, онъ не подалъ апелляціи на произнесенный надъ нимъ приговоръ.

«Я тѣмъ охотнѣе согласился на предложеніе знаменитаго собрата моего и друга—принять участіе во вновь начавшемся обсужденіи, что тяжба эта—тяжба не одного только г. Монталамбера; нѣтъ, она имѣетъ высшее значеніе: это тяжба всѣхъ, кто только заботится о томъ, чтобы Франція не вышла изъ обычнаго ей круга великихъ историческихъ и политическихъ стремленій; чтобъ она удержала за собой то первенство, которое умѣла она пріобрѣсть въ этихъ стремленіяхъ; а чтобъ она не утратила его, для этого намъ должна быть предоставлена хоть какая-нибудь свобода говорить, писать и давать своимъ идеямъ гласность.

«Было бы лучше, по мнѣ, если-бъ въ тяжбу не было замѣшано ничье имя. Какъ бы ни было благородно чье-либо участіе въ политическихъ борьбахъ родной земли, кто можетъ поручиться за себя,

что онъ ни разу не выражалъ сочувствія, о которомъ бы не пожалѣлъ; ни разу не позволялъ себѣ увлечься такими нападками, въ которыхъ бы не раскаявался? Въ состояніи ли кто отвѣчать, что по тщательномъ просмотрѣ сочиненій его или рѣчей, не найдется въ нихъ ни одной строки, ни одного слова, которыя можно поставить ему въ вину? Желательно было бы, повторяю, чтобъ всякая личность могла быть выдѣлена изъ такого процесса, какъ этотъ.

«Приговоры ваши не суть необдуманныя мнѣнія: это-то и придаетъ имъ особенную важность Я увѣренъ, что вы будете имѣть въ виду лишь двѣ вещи: сочиненіе, которое обвиняютъ, и законъ, сообразно съ которымъ вамъ слѣдуетъ судить о немъ.

«Приступаю прямо къ юридическому вопросу.

«Въ публикѣ распустили слухъ, а журналы подхватили его, будто бы всякое обсужденіе этого дѣла отнынѣ безполезно; будто бы г. Монталамберъ былъ уже приговоренъ къ наказанію, но что въ силу извѣстнаго акта онъ избавленъ отъ этого наказанія, и что послѣ этого стало быть ужъ все кончено, и процессъ будетъ одной игрушкой.

«Защитники г. Монталамбера должны протестовать, во имя собственнаго достоинства, противъ подобнаго увѣренія. Нѣтъ, процессъ этотъ не игрушка, и мы стремимся къ цѣли серьезной.

«Странное объявленіе было публиковано въ *Moniteur'ѣ*, объявленіе, долженствовавшее имѣть такое нелѣпое послѣдствіе: предоставить судьямъ на произволъ произнесть или приговоръ безъ всякихъ могущихъ произойти отъ него послѣдствій, или такой, который былъ бы въ противорѣчіи съ милостію государя, упоминаемой въ этомъ объявленіи.

«А между тѣмъ никто того и не думаетъ, что такъ какъ нижній судъ произнесъ строгій приговоръ противъ одного изъ обвиненныхъ, потому что для другаго нашлись обстоятельства, уменьшающія мѣру преступленія, то помилованіе даровано было только тому, кого правосудіе сильнѣе поразило.

«Какимъ образомъ подобное объявленіе могло найти себѣ мѣсто въ офиціальномъ журналѣ? Тотъ, кто одобряетъ его, видитъ въ немъ не столько дѣло милосердія, сколько умный поступокъ. Г. Монталамберъ въ правѣ дивиться такому объявленію. Онъ является сюда не зная объ упомянутой милости ни изъ какого иного источника.

*

И этой причины, кажется, достаточно, чтобъ апелляціи, которая васъ занимаетъ, придать серьезное значеніе.

«Но это еще не все. Судъ знаетъ, что̀ влечетъ за собой помилованіе. Помилованіе, въ отличіе отъ амнистіи, оставляетъ всѣ последствія приговора въ томъ же видѣ, ка̀къ они есть; даже, по рѣшенію Кассаціоннаго Суда, «приговоръ объявляется справедливымъ». Такимъ образомъ г. Монталамберъ былъ присужденъ къ штрафу: въ силу помилованія онъ платить штрафу не будетъ; былъ присужденъ къ тюремному заключенію—онъ ему не подвергнется; но онъ попрежнему подвергается всѣмъ остальнымъ послѣдствіямъ произнесеннаго надъ нимъ приговора: наказаніямъ, слѣдующимъ за вторичный проступокъ (peines de la récidive), изгнанію, ссылкѣ въ Алжиръ, въ силу закона 27 февраля 1858 года.

«И не говорите, будто бы имя должно спасти его; никто вѣдь не поручится за то, что̀ произойдетъ въ нашемъ таинственномъ будущемъ.

«Больше мнѣ на этотъ счетъ прибавлять нечего.

«Въ правѣ ли мы ходатайствовать у Суда объ отмѣнѣ приговора?

«Вы слышали, мм. гг., содержаніе рѣшенія нижняго суда. Г. Монталамберъ обвиненъ въ четырехъ преступленіяхъ. Судъ призналъ, что въ отношеніи къ главному пункту—нарушенію общественнаго спокойствія онъ не подлежитъ осужденію и это обвиненіе было устранено.

«Я не сталъ бы пускаться въ объясненія по этому случаю, еслибъ судъ не написалъ въ своемъ рѣшеніи, что въ обвиняемыхъ мѣстахъ статьи встрѣчаются такія выраженія, какимъ бы не слѣдовало выходить изъ подъ пера писателя, имѣющаго къ себѣ уваженіе.

«Какъ! Сказать сперва, что̀ обвиняемыя мѣста не подвергаютъ осужденію, и такимъ образомъ отнять у г. Монталамбера возможность подать апелляцію на эту часть приговора, а потомъ попрекать человѣка, признаннаго невиннымъ, выраженіями, вами слышанными! Это что-то не совсѣмъ такъ.

«Если г. Монталамберъ видитъ «лѣтописцевъ передней», фанатиковъ и лицемѣровъ, «одобренныхъ цензурою переводчиковъ» (traducteurs censurés), компрометирующихъ англо-французскій союзъ; если онъ полагаетъ, что у Франціи достанетъ силы вынести правленіе, дѣйствующее во имя просвѣщенія и свободы; если гово-

ритъ то что̀ видитъ и что̀ думаетъ—стало быть, онъ позабылъ должное къ себѣ уваженіе! Кто, оглядѣвшись кругомъ, нашелъ бы такое цѣломудренное, такое благородное общество, что не замѣтилъ бы въ немъ ничего, что̀ увидалъ г. Монталамберъ? У кого не достало бы духу, не унижая своей чести, высказать такія слова, какія встрѣчаются подъ перомъ г. Монталамбера?

«И такъ, я имѣю полное право сказать, что судъ, устранивъ одинъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ, поступилъ съ г. Монталамберомъ съ неслыханной строгостью.»

За тѣмъ Дюфоръ дѣлаетъ разборъ обвинительныхъ пунктовъ, принятыхъ судомъ. Въ отношеніи къ преступленію, заключающемуся въ нападкѣ на принципъ общаго избирательства и на права, присвоенныя императору конституціей, онъ считаетъ себя въ правѣ сказать, что законъ 1849 года, имѣющій въ виду нападки на республиканское правленіе, непримѣнимъ, когда рѣчь идетъ о наказаніи за такъ называемыя нападки на совершенно иной принципъ. Онъ замѣчаетъ, что судьи, приводя 1 ст. закона 27 іюля 1849 года, замѣнили слова: «президентъ республики» словами: «глава государства». Затѣмъ адвокатъ доказываетъ фактами и разборомъ подлежащихъ мѣстъ въ сочиненіи г. Монталамбера, что подсудимый не виновенъ во взводимомъ на него преступленіи.

«Есть одна идея, продолжаетъ Дюфоръ, нынѣ преобладающая въ тѣхъ рѣдкихъ преніяхъ, которыя возникаютъ по поводу законовъ о тисненіи. Полагаютъ, что теперь эти законы слѣдуетъ примѣнять съ бо̀льшей строгостью, чѣмъ когда-либо: въ этомъ-то и ошибаются. Послѣ 2 декабря, первое узаконеніе, опредѣлившее наказанія за преступленія касательно тисненія, есть законъ 1849 года. Оцѣнивать его я не намѣренъ. Цѣль его—облегчить для слѣдователей разборъ преступленія, а не та, чтобы подвергать ихъ болѣе жестокимъ наказаніямъ. Затѣмъ слѣдуетъ Констистуція 14 января 1852 года, подтверждающая основныя начала 89 года. Въ числѣ этихъ основныхъ началъ встрѣчается и свобода тисненія. Наконецъ я нахожу органическій декретъ о тисненіи: въ этомъ декретѣ хоть бы слово о распространеніи преступленій, или объ увеличеніи мѣры наказанія. Законодатель ищетъ въ административныхъ мѣрахъ средство противъ могущихъ произойти злоупотребленій—и больше ничего.

«Вотъ что хотѣлъ я сказать въ отношеніи къ первому преступленію, признанному судомъ: кажется, я доказалъ, что г. Монталамберъ въ немъ нисколько не виноватъ.»

Приступивъ за тѣмъ къ доказательствамъ, что кліента его нельзя обвинить въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству, Дюфоръ продолжаетъ:

«Желалъ бы я имѣть возможность предложить Суду прочесть статью въ полномъ ея объемѣ, и каждому изъ гг. судей послѣ чтенія спросить себя: возбуждалъ ли г. Монталамберъ ненависть и презрѣніе къ правительству? Что до меня, такъ я не разъ дѣлалъ этотъ опытъ, и вотъ къ чему пришелъ: г. Монталамберъ съ жаромъ нападаетъ на тѣхъ, кто подавалъ голосъ въ пользу индѣйскихъ мятежниковъ; онъ утверждаетъ, что въ Англіи все дѣлается усиліями скорѣе индивидуальнаго духа, чѣмъ правительства; это великое индивидуальное начало онъ приписываетъ двумъ причинамъ: гласности, почти неограниченной, и учрежденіямъ, призывающимъ всякаго порядочнаго человѣка къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Есть тутъ, мм. гг., что-нибудь преступное, я васъ спрашиваю?»

Адвокатъ продолжаетъ дѣлать разборъ статьи, и спрашиваетъ:

«Что же сдѣлалъ г. Монталамберъ? Разсказалъ о великой парламентской борьбѣ, и разсказалъ съ одушевленіемъ. Ахъ, мм. гг.!, какъ не удивляться такой великой битвѣ, какая рѣдко бываетъ на свѣтѣ? не нападайте на удивленіе: эти нападки не поведутъ ровно ни къ чему.

«Удивленіе, которымъ проникнутъ г. Монталамберъ, не ослѣпляетъ его при видѣ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, могущихъ постигнуть Англію, и онъ рисуетъ картину ихъ. Неужели вы вмѣните ему въ преступленіе, что онъ написалъ слѣдующія строки: «Не въ одной только области всемірной промышленности творятся эти чудеса свободнаго личнаго начала, поражающія всѣхъ и каждаго и заставляющія удивляться людей самыхъ безчувственныхъ. Что касается до меня, то я гораздо сильнѣе увлекаюсь, а и того еще сильнѣе успокоиваюсь, когда проникаю въ самую глубь общества, въ темный омутъ житейскаго быта; вотъ куда надо заглянуть, чтобы увидѣть, какъ глубоко пускаетъ оно корни и развертываетъ свою могучую растительность, чтобы вѣрно обсудить,

что̀ значитъ для тѣла и души націи благородное обыкновеніе— самой заботиться о нуждахъ своихъ и опасностяхъ».

«Ужъ не тутъ ли и кроется возбужденіе ненависти и презрѣнія къ французскому правительству? Что онъ говоритъ о принципѣ личности—помилуйте! да вѣдь это жизненный вопросъ, поднятый теперь у всѣхъ народовъ! Вѣдь теперь только и занимаетъ всѣхъ вопросъ, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ—на сторонѣ ли личнаго начала, или начала власти!

«А когда во всѣхъ бумагахъ, выходящихъ изъ подъ рукъ нашихъ сановниковъ, во всѣхъ министерскихъ циркулярахъ, во всѣхъ рѣчахъ главныхъ судей на земледѣльческихъ собраніяхъ, толкуется о прелестяхъ самодержавной власти; когда я, при выходѣ отъ обѣдни, читаю на церковныхъ дверяхъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ къ слогу писавшаго, хвалебные гимны въ честь этой власти,—тогда развѣ не позволяется ужъ и слова сказать о значеніи личнаго начала? И когда писатель принималъ участіе во всѣхъ великихъ современныхъ борьбахъ, когда онъ жизнь свою посвятилъ торжеству какихъ либо идей, и съ грустью видѣлъ паденіе ихъ,—развѣ и ему тоже не позволено будетъ сло̀ва сказать о томъ, чему онъ дивится?

«Отъ своенравнаго, причудливаго настроенія нашего духа зависитъ то, что мы уважаемъ сожалѣніе къ павшимъ, а сожалѣніе о проигранныхъ тяжбахъ ставимъ въ вину. Если старикъ солдатъ, ни на одномъ полѣ битвы въ цѣломъ свѣтѣ не отстававшій отъ своего императора, остается вѣренъ его памяти—мы преклоняемся передъ нимъ; если преданный слуга оплакиваетъ короля, убѣленнаго сѣдинами, при немъ низвергнутаго съ престола — мы почитаемъ его скорбь; или задушевныя, искреннія сожалѣнія напутствуютъ въ изгнаніи другой царственный домъ, въ которомъ, какъ гласитъ надпись на гробницѣ Дугласовъ, «всѣ дочери невинны были, а сыновья все храбрецы»—сожалѣнія эти понятны, достойны уваженія. Отчего жъ бы не поступать такъ же съ тѣми, которые заявляютъ сожалѣніе объ идеяхъ и учрежденіяхъ? Пока еще мы прокладывали себѣ дорогу, человѣкъ повелъ великую, святую тяжбу съ такой силой и умѣньемъ, что никто не осмѣлился оспаривать у него пра̀ва нести ея знамя, и что онъ одержалъ не одну прекрасную побѣду, сражаясь за нее. И когда въ виду этого человѣка рушилось все, къ чему только былъ онъ привязанъ, и онъ

присутствуетъ при зрѣлищѣ, которое всегда было для него дорого, слушаетъ великихъ ораторовъ, однимъ за другимъ всходящихъ на трибуну, и неожиданныя развязки одушевленнаго пренія волнуютъ его сердце: неужели вы осудите его за то, что онъ припомнилъ былое, за то, что еще разъ онъ поддался прежнимъ влеченіямъ, за то, что отголосокъ чувствъ его слышится въ написанной имъ книгѣ—неужели вы осудите его за какія-нибудь фразы, слова, за какія-нибудь запятыя?»

Рукоплесканія потрясли всю залу.

Черезъ полчаса послѣ Дюфора сталъ говорить генеральный прокуроръ, Ше-д'эстъ-Анжъ. Нельзя не отдать ему полной справедливости, что онъ позаботился выкинуть изъ своего судебнаго запроса (requisitoire) все, что только могло показаться для Монталамбера оскорбительной личностью.

«Мм. гг., сказалъ онъ: къ вопросамъ, естественно поднятымъ этимъ процессомъ, примѣшивается вопросъ посторонній. Рѣчь шла о милости, дарованной г. Монталамберу. Упомянемъ же о нѣкоторыхъ фактахъ.

Вслѣдствіе обнародованія статьи, предложенной вамъ на разсмотрѣніе, произведено было преслѣдованіе; 24 минувшаго ноября подписанъ былъ приговоръ, подвергавшій г. Монталамбера наказанію. Прошло девять дней послѣ этого приговора, какъ вдругъ, добровольно, по свободному влеченію сердца, императоръ помиловалъ его; милость эта, говоря безъ обиняковъ, была милость полная, всецѣлая, неограниченная (pleine, entière, absolue). Она была объявлена въ то время, когда подсудимый не упустилъ еще срока для подачи на апелляцію.

«И мы нисколько не колеблемся признать, что г. Монталамберъ былъ какъ нельзя болѣе въ правѣ подать на апелляцію; въ этомъ случаѣ я согласенъ съ мнѣніемъ его защитника: милость необходимо предполагаетъ преступленіе, законность преслѣдованія и справедливость осужденія; сила ея простирается лишь на наказаніе, къ которому приговоренъ виновный. И такъ, у г. Монталамбера не отнимается право отнестись къ вамъ для доказательства того, что произнесенный надъ нимъ приговоръ имъ не заслуженъ, и что онъ не совершилъ взводимыхъ на него преступленій.

«Только не была ли эта милость слишкомъ поспѣшна? Не слиш-

комъ ли живому порыву великодушнаго сердца повиновался императоръ? Припоминая великія услуги, оказанныя г. Монталамберомъ въ былую пору, въ тяжкія дни, родной странѣ, обуреваемой низкими страстями и своевольствомъ партій, онъ хотѣлъ даровать ему свое покровительство; онъ думалъ, что за счастіе сочтется принять милость, великодушно имъ изреченную. Отъ нея отказались; г. Монталамберъ здѣсь, предъ судьями. Можетъ ли теперь судъ, говорятъ намъ, имѣть серьезное значеніе? Такой вопросъ совершенно неумѣстенъ. Нельзя не сознаться, что для г. Монталамбера есть въ пересмотрѣ его дѣла огромный интересъ, что здѣсь имѣется въ виду не одно только присужденное наказаніе. Понятна и щекотливость г. Монталамбера; повторяемъ, тутъ есть для него интересъ, и интересъ важный, серьезный. Всякому свое, стало быть: судьямъ произносить приговоръ, императору миловать.

Г. Монталамберъ осужденъ; его нашли виновнымъ въ трехъ преступленіяхъ, предусматриваемыхъ и подвергаемыхъ наказаніямъ декретомъ 11 августа 1848 года и закономъ 27 іюля 1849. На приговоръ суда жалуются, именно жалуются на основанія, побудившія произнесть его: въ этихъ основаніяхъ, говорятъ намъ, заключается несправедливое порицаніе. Замѣчаютъ, что г. Монталамберъ воспользовался своимъ правомъ, и что пылкимъ, страстнымъ выраженіямъ нельзя придавать дурное значеніе, когда они не осуждены; но прочитайте мѣста, подходящія подъ обвинительный пунктъ, устраненный судьями, и вы увидите, постоянно ли эти выраженія таковы, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ уважающаго себя писателя. Къ этому еще прибавили, будто бы законовъ 1848 и 1849 годовъ и примѣнять больше нельзя! Посмотримъ, имѣютъ ли еще силу эти законодательныя распоряженія, или напротивъ, на нихъ дѣйствительно нельзя ссылаться. Развѣ тотъ, кто сталъ на новомъ основаніи главою государства, не можетъ болѣе обращаться къ нимъ для обороны отъ оскорбленій со стороны тисненія? Развѣ 2 декабря 1851 года всѣ эти законы рушились, и императоръ теперь беззащитенъ? Говорю, что быть этого не можетъ. Прежде разсмотрѣнія этого, позвольте мнѣ спросить объ одномъ. Слова подкрѣплялись примѣрами, приведу одинъ и я. Когда избирательная монархія заступила мѣсто прежней королевской власти, развѣ можно было основательно сказать, что она

не наслѣдовала существенныхъ законовъ отъ прежней власти? Какъ! неужели новая королевская власть была до 29 ноября 1830 года беззащитна? Не можетъ быть! Сказать, будто бы со 2 декабря теперешній властитель Франціи остается безъ покровительства прежнихъ законовъ, значитъ сказать то, чего нельзя допустить. Всякое новое правительство наслѣдуетъ всѣ законы, охранявшіе безопасность прежняго правительства. Намъ ставятъ въ вину измѣненіе формулъ; но вѣдь это каждый день дѣлается, и притомъ просто по приказу.

«Въ Уложеніи о наказаніяхъ есть, напримѣръ, законъ, возбраняющій уступку государственной земли непріятельской арміи. Кто бы могъ отказать правительству въ примѣненіи этого закона, не измѣненнаго въ текстѣ, когда причины, побудившія написать его, существуютъ и теперь въ прежнемъ видѣ? Такъ и объяснено юристами и подтверждено судебными мѣстами. Всякое правительство примѣнитъ его. Вопросъ же, теперь поднятый, не былъ затронутъ ни въ Пуатье, ни въ Кассаціонномъ Судѣ; но и не къ чему было возбуждать его при началахъ, принимаемыхъ въ рѣшеніи.

«Упомянуто было о законѣ 27 февраля 1858. Но 4 параграфъ 6 статьи этого закона ссылается именно на законъ 27 іюля 1849 г. Больше стало быть тутъ нѣтъ двусмысленности: еще и теперь декретъ 1848 года и законъ 27 іюля 1849 охраняютъ властителя или императора, такъ какъ названіе это было придано ему государственными постановленіями.

«Разсмотримъ же теперь, подходитъ ли обвиняемая статья подъ эти уголовные законы. Не хочу читать самой статьи; ее прочтетъ всякій изъ васъ; по какому случаю она написана, вы знаете. Англійскія учрежденія составляютъ предметъ усерднаго поклоненія со стороны г. Монталамбера. Удивленію его не видно конца. Но такъ и быть, противъ этого я ни слова. Тамъ, въ самомъ дѣлѣ, есть и блескъ и сила, и краснорѣчіе; тамъ и парламентское правленіе надо всѣмъ господствуетъ; и тисненіе тамъ—не скажу царитъ, но пользуется почти безусловной свободой. А послѣ сколькихъ вѣковъ, цѣной какихъ усилій, какихъ жертвъ добилась Англія до этихъ учрежденій? Мнѣ нѣтъ нужды упоминать здѣсь объ этомъ: историческія явленія совсѣмъ не для того происходили, чтобъ повергать ихъ къ

ногамъ правосудія. Но въ отношеніи къ тисненію, у меня есть книги, которые разсказываютъ мнѣ повѣсть о его бѣдствіяхъ».

(Г. Ше-д'Эстъ-Анжъ прочитываетъ одно мѣсто изъ Даллоза, который еще до Блакстона упоминаетъ о прежнихъ жестокихъ мѣрахъ со стороны англійскаго законодательства противъ тисненія.)

«Припоминаю и то, что говоритъ объ этомъ самъ г. Монталамберъ. Я не хочу наносить здѣсь личнаго оскорбленія: совсѣмъ нѣтъ! я имѣю право обвинять г. Монталамбера; я и пользуюсь имъ; но оскорблять его я не въ правѣ. Въ этомъ отношеніи ему нечего опасаться моихъ словъ. Но когда въ сочиненіяхъ его я нахожу мѣста, гдѣ онъ придерживается совсѣмъ не тѣхъ мнѣній, которыя высказаны имъ въ послѣднее время, тогда я въ правѣ упрекнуть его. Гдѣ-то г. Монталамберъ говоритъ, что «свобода—растеніе нѣжное, и сколько его ни тряси, росту его не ускоришь»...Парламентское правленіе, господствующее въ Англіи, примѣнимо ли во Франціи? Беру въ судьи самаго г. Монталамбера. Нѣтъ, говоритъ, онъ, неприменимо: нравы не тѣ.»

(Здѣсь генеральный прокуроръ читаетъ мѣсто изъ книги, изданной г. Монталамберомъ въ 1854 г., гдѣ авторъ, опираясь на авторитетъ графа де Местра, говоритъ, что англійскаго правленія нельзя примѣнить ко Франціи.)

«Я того же мнѣнія, какого придерживается и знаменитый писатель, приведенный г. графомъ Монталамберомъ. Возможно ли на другой день послѣ переворотовъ, столь глубоко потрясшихъ нашу родину, среди раздирающихъ насъ партій, безо всякой опасности толковать о свободѣ преній? Конечно нѣтъ. Чего же надобно этой странѣ, выходящей изъ бурь, возбуждающей сожалѣніе приверженцевъ прежняго образа правленія? Прежде чѣмъ вновь заводить у себя это парламентское правленіе, которое, быть можетъ, для нея и верхъ совершенства, не надо ли еще чего этой странѣ? На это отвѣчаетъ самъ г. Монталамберъ: ей надо, говоритъ онъ, спокойствія...

«Не то привелось сказать ему послѣ, когда въ истекшемъ маѣ онъ ѣздилъ въ Англію и присутствовалъ при парламентскомъ преніи, которое и передалъ въ разсказѣ. Что жъ за преніе это было? Было ли это преніе такое, гдѣ дѣло шло объ огромной выгодѣ для страны, гдѣ былъ поднятъ какой-нибудь жизненный вопросъ для

англійскаго народа, однимъ словомъ, гдѣ шла рѣчь объ общественной пользѣ? Нѣтъ! Рѣчь шла просто о частномъ интересѣ, это была борьба изъ за портфеля между новымъ министромъ, лордомъ Дерби, и лордомъ Пальмерстономъ, который два мѣсяца тому назадъ былъ министромъ, и нетерпѣливо желалъ быть имъ опять.

«Много ораторовъ участвовало въ этой великой борьбѣ...Не стану перечислять ихъ: по англійски вѣдь я говорить не умѣю...признаюсь въ этомъ, признаюсь! Трибуны были убраны великолѣпно... Всѣ журналисты и зѣваки были на своихъ мѣстахъ... Г. Монталамберъ съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ объ этой обстановкѣ. Мнѣ такъ и кажется, что я еще присутствую при тѣхъ битвахъ, которыя насъ погубили! Тамъ происходилъ великій турниръ...краснорѣчіе катилось волна за волной...такъ выражается г. Монталамберъ. А между тѣмъ, послѣ долгаго торжественнаго пренія, какая-то нерѣшительность обнаружилась въ рядахъ. Не по милости ли Эпсомскихъ скачекъ? Какъ бы то ни было, только предложеніе все таки отвергнуто. Вотъ и весь результатъ этого безполезнаго краснорѣчія!

«Англія возвращается къ своимъ занятіямъ, а г. Монталамберъ назадъ во Францію. Вдругъ его беретъ тоска по трибунѣ, которой у него нѣтъ; раньше онъ все писалъ, что такое правленіе не по насъ, а теперь вдругъ съ нимъ дѣлается какое-то превращеніе: ему нужна трибуна, ему нужна битва; онъ описываетъ свою поѣздку; про себя же говоритъ, что осужденъ на убійственное бездѣйствіе.. Но позвольте, изъ-за этого Франціи не забывать же о себѣ, не отрекаться же ей отъ своихъ чувствованій, отъ своихъ выгодъ, не отказываться же отъ своихъ законовъ, въ составленіи которыхъ участвовалъ и самъ г. Монталамберъ: patere legem quam fecisti.

«Разумѣется, не пренія же осуждаетъ законъ, не прекрасной Корнелевскій разговоръ о преимуществахъ Республики и Имперіи. Даже и сожалѣній онъ не осуждаетъ. Нѣтъ! тѣхъ, кто шелъ вслѣдъ за императоромъ послѣ бѣдствій нашей отчизны, кто съ горемъ смотрѣлъ на вооруженныхъ пришельцевъ, попиравшихъ почву Франціи, кто тосковалъ по ея злой долѣ—тѣхъ законъ чтитъ. Мы чтимъ и тѣхъ, кто шелъ вслѣдъ за прежними королями, отправлявшимися въ ссылку. Мы всегда отдавали должную честь вѣрности въ бѣдственномъ положеніи тѣхъ, о которыхъ вы сказали, что до-

чери ихъ невинны, а сыновья храбры; мы и теперь чтимъ ее. Но чего мы не допускаемъ, такъ это нападокъ на законы, чего не допускаетъ и сама Англія. Существуютъ ли эти нападки? Надобно прочесть всю статью: онѣ проглядываютъ въ каждой строкѣ.

«Удивляюсь одному. Къ чему служатъ отговорки, когда во всякомъ словѣ, во всякой буквѣ проскакиваетъ насмѣшка? Надо сознаться свободно, открыто. Въ этомъ больше достоинства. Кто не видитъ, что авторъ не пожалѣлъ отъ себя ни презрѣнія, ни ненависти, ни оскорбленій. Когда вы сказали, что вамъ бы хотѣлось «принять ванну жизни въ свободной Англіи», вы охарактеризовали этимъ всю свою статью. Вамъ просто хотѣлось сказать: здѣсь душно отъ позорнаго деспотизма! Въ этомъ нельзя и сомнѣваться...

«Возможно ли пропустить такія выходки? Защитникъ г. Монталамбера высказалъ свое впечатлѣніе при чтеніи этой статьи. На насъ она произвела совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я вижу въ ней систематическое очерненіе, высокомѣрное отрицаніе; каждое слово твердитъ народу, что онъ рабъ. Вотъ что̀ заключается въ этомъ сочиненіи. Я спрашивалъ самого себя, есть ли возможность допустить подобныя вещи? Я припомнилъ и то, что̀ самъ же г. Монталамберъ говорилъ 22 іюля 1849 года, и то, что̀ говорилъ герцогъ Брольи, представляя сентябрскіе законы; какъ и они, я полагалъ, что подобныхъ уклоненій допустить нельзя.»

Изъ сказаннаго генеральный прокуроръ выводитъ, что авторъ обсуждаемой статьи виновенъ: 1) въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству, и 2) въ нападкѣ на принципъ общаго избирательства и на права и власть, присвоенныя главѣ государства Конституціей.

«Затѣмъ я разбираю третье, вмѣняемое преступленіе—нападки на должное уваженіе къ законамъ и на неприкосновенность освященныхъ ими правъ, и точно также нахожу, что и оно вмѣняется основательно.»

Въ заключеніе этого разбора, г. Ше-д'Эстъ-Анжъ прочиталъ мѣсто изъ рѣчи, произнесенной Робукомъ (Roebuck), гдѣ ораторъ говоритъ о французскихъ солдатахъ и объ англійскомъ флагѣ, который при немъ развѣвался въ Шербурѣ. Онъ возстаетъ противъ обвиненій, взводимыхъ ораторомъ на французскихъ солдатъ, которые

въ трактирѣ смѣсили свою кровь съ англійской. Генеральный прокуроръ продолжаетъ:

«Одинъ иностранный журналъ сообщилъ документъ, который тоже бы не мѣшало не упускать изъ виду: я говорю про письмо г. Монталамбера къ парижскому архіепископу. Прежде всего, кто передалъ это письмо? Прежде чѣмъ осѣнять священной архіепископской мантіей эту публикацію, слѣдовало разумѣется получить отъ его преосвященства право на нее. Письмо это я прочту, и имъ закончу.»

Генеральный прокуроръ читаетъ письмо. Окончивъ чтеніе, онъ восклицаетъ:

«Такъ вотъ до чего можетъ дойти гордость, вотъ до какой степени можетъ помутить она самый свѣтлый, благородный умъ! Написавъ прекрасныя страницы, сейчасъ мною приведенныя, говоривъ рѣчи, дѣлавшія честь его мужеству и прямодушію, бывъ впереди всѣхъ во время грозы,—посмотрите, къ чему приходитъ послѣ того г. Монталамберъ: онъ гордится произнесеннымъ надъ нимъ приговоромъ, онъ свиваетъ изъ него вѣнокъ славы; онъ ни во что̀ ставитъ правосудіе! Въ дни скорби, мы видѣли наглецовъ, знать не хотѣвшихъ правосудія; ослѣпленные страстями, люди эти оскорбляли и законъ, ими нарушенный, и судей, примѣнявшихъ его къ нимъ. Но то были невѣжды, неучи; ихъ оскорбленіямъ немного и удивлялись. Теперь та̀къ же поступаетъ и г. Монталамберъ: онъ посягаетъ на святость законовъ; онъ оскорбляетъ правосудіе; выходя изъ суда, приговорившаго его къ наказанію, онъ величается и славится этимъ приговоромъ!»

«Мм. гг.! всѣ, сколько насъ ни есть здѣсь, примемъ на себя отвѣтственность за свои дѣйствія, и будемъ готовы дать въ нихъ отчетъ при какихъ бы ни было обстоятельствахъ. И мы вѣдь тоже не изъяты отъ суда. Здѣсь же мы судьи, и на насъ лежитъ тяжкая обязанность, которую мы однако должны привести въ исполненіе; мы знаемъ, ка̀къ пагубна для правительства слабость тѣхъ, кому поручено оберегать его. Да, судьи знаютъ, что если журналистамъ доставить возможность посѣвать повсюду низкія страсти, враждебныя отношенія прежнихъ партій, ненависть и оскорбленіе,—такъ только и пожнешь, что безпокойство, тревогу да безпорядокъ; вѣдь и они тоже, подобно вамъ, знаютъ, гдѣ отливаются пули для мятежей...

«Что же касается до меня, то я свой долгъ исполнилъ; ссылаюсь на всѣхъ, что исполнилъ его безъ слабости, безъ горечи. Принимаю отвѣтственность за свои дѣла; за произнесенныя мною слова я стану отвѣчать передъ моей родиной, передъ совѣстью, передъ Богомъ!» (*)

Тотчасъ послѣ рѣчи генеральнаго прокурора сталъ возражать *Беррье.*

«Мм. гг.! прежній товарищъ мой, почтенный мой собратъ и правдивый другъ Дюфоръ далъ обвиненію характеръ безполезныхъ придирокъ къ фразамъ, къ словамъ; онъ не усумнился войти въ разсмотрѣніе основныхъ началъ, онъ настаивалъ на обязанности судей примѣнять уголовный законъ, не распространяя его, но въ то же время и не стѣсняя предѣловъ, въ которые законодатель включилъ свою мысль.

«Я думалъ, что мнѣ нечего говорить не придется. Но я вынужденъ отвѣтить на судебные запросы, въ которыхъ самая тяжба занимаетъ очень и очень невидное мѣсто, и въ которыхъ, слишкомъ увлекшись участіемъ къ нашимъ парламентскимъ борьбамъ, г. генеральный прокуроръ вызвалъ политическихъ вопросовъ больше, чѣмъ юридическихъ.

«При первыхъ словахъ его, я подумалъ, что всякій споръ оконченъ. Онъ заговорилъ о милости полной, всецѣлой, неограниченной, уничтожающей всѣ послѣдствія приговора; послѣ этого я та̀къ и ожидалъ, что обвиненіе будетъ взято назадъ. Я ждалъ напрасно. Однакожь, гдѣ же былъ подлинникъ этого декрета, которому г. прокуроръ приписываетъ такое пространное дѣйствіе? Я зналъ лишь очень неопредѣленныя выраженія, въ которыхъ *Moniteur* объявлялъ, что императоръ милуетъ г. Монталамбера. Эта милость оставляла на моемъ кліентѣ брѐмя виновности и утверждала его въ невыносимомъ положеніи человѣка, приговореннаго судомъ къ справедливому наказанію. Г. Монталамберъ по-прежнему подвергался тѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя новѣйшій законъ связываетъ съ такого рода приговоромъ. Ему, говорили мнѣ, нечѐго было страшиться этого закона: имя послужило бы ему защитой.

(*) По словамъ Journaldes Débats, генеральный прокуроръ послѣ этого потребовалъ утвержденія приговора, и заключилъ словами: «Вы говорите, будто во Франціи нѣтъ свободы, а между тѣмъ защищались какъ нельзя свободнѣе: стало быть, увѣренія ваши рѣшительно неумѣстны».

Но среди политическихъ волненій, въ которыхъ мы живемъ, можетъ ли кто ручаться за это? Мнѣ нѣтъ еще семидесяти лѣтъ, а между тѣмъ при мнѣ ужъ семнадцать разъ мѣнялось правительство. Г. Монталамберъ сосланъ не будетъ? Объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ, вашъ законъ вѣдь остается въ прежней силѣ.

«Устранивъ вопросъ о милости, я продолжаю.

«Передъ нами статья, которая не имѣла цѣлью выразить сожалѣніе объ утратѣ нашихъ учрежденій, но въ которую, признаться, сожалѣніе вкралось. Но можно ли это сожалѣніе подводить подъ уголовный законъ? Мое убѣжденіе, совѣсть моя, какъ человѣка честнаго, отказываются допустить это.

«Въ первой инстанціи мы сказали: нѣтъ закона, который бы могъ насъ касаться. Намъ отвѣчаютъ: да здравый смыслъ и необходимость требуютъ, чтобъ былъ этотъ законъ. Необходимость... для васъ, пожалуй; только ужъ никакъ не здравый смыслъ.

«Законъ 27 іюля 1849 года отмѣненъ не былъ, говорите вы. Мой отвѣтъ очень простъ; вотъ онъ: всѣ правительства уразумѣли наконецъ, что имъ нельзя руководствоваться законами, писанными для правительства, ими сверженнаго. Не поставилъ же вѣдь Людовикъ XVIII свой престолъ подъ защиту законовъ имперіи; странно было бы, если бъ въ свой чередъ іюльская монархія отдалась подъ покровительство законовъ реставраціи; а когда провозглашена была республика, новому правленію и въ умъ не пришло прибѣгнуть, для внушенія къ себѣ уваженія, къ законамъ монархіи, и новый законъ былъ обнародованъ. Республика пала; тотъ кто назначенъ былъ президентомъ республики въ силу конституціи, которую слѣдовало ему охранять, попралъ эту конституцію. Положимъ, что дѣло, имъ совершенное, было съ той поры освящено гласомъ народа; но можно ли ему руководствоваться закономъ, назначеніе котораго— оберегать все то, что̀ имъ попрано? Разумѣется нѣтъ, очень ясно.

Мм. гг.! кругъ, въ которомъ я говорю, тѣсенъ и вы не услышите его голосъ; за предѣлами его только узнаютъ то рѣшеніе, которое вы постановите, и если бъ г. Монталамберъ во время имперіи былъ осужденъ закономъ, писаннымъ для республики, то это показалось бы крайнѐ удивительнымъ.

«Нижній судъ говорилъ напрасно будто бы законъ 1849 года не былъ отмѣненъ вслѣдствіе новаго закона: онъ былъ отмѣненъ кон-

ституціей 1852 года, по которой всѣ законодательныя распоряженія, не противныя нынѣшней конституціи, остаются въ прежней силѣ. А развѣ, спрашиваю я, законъ 1849 года не противорѣчитъ конституціи 1852? Развѣ есть что-нибудь несовмѣстимѣе конституціи 1852 года съ конституціей 1848?

« И не говорите, что вслѣдствіе одной лишь перемѣны правленія законы монархическіе стали республиканскими, потомъ законами имперіи, точно такъ кàкъ королевскіе судьи стали судьями республиканскими, позднѣе имперскими: такой аналогіи допустить нельзя. Законы 1819 года нисколько не сходствовали съ законами 1812, законы 1830 года съ законами 1819, а законы 1849 съ законами 1830. И я не безъ основанія говорю: вы не въ правѣ примѣнять законъ, который сами же вы отмѣнили.

«Вспомните при этомъ, что административная власть стала теперь рука объ руку съ властью судебной; теперь ей дано право изрекать чудовищныя наказанія, ссылать, высылать, переселять въ Кайенну или въ Ламбессу: я самъ читалъ въ бумагахъ человѣка, приговореннаго къ двухнедѣльному тюремному заключенію, слѣдующія слова, написанныя рукой одного министра: «*въ Ламбессу на десять лѣтъ!*»

«Вотъ чтò надобно имѣть въ виду. По вашему мнѣнію присужденное вами наказаніе сообразно съ важностью преступленія? Да нѣтъ! эта судебная мѣра не остается въ своихъ предѣлахъ. И такъ, намъ нужно было дознать, могли ли обвинители руководствоваться закономъ, допускающимъ примѣненіе постановленій, вышедшихъ въ февралѣ 1858 года: думаю, мнѣ удалось показать, что этого сдѣлать они не могли.

«Послѣдуемъ же за г. генеральнымъ прокуроромъ въ обсужденіи, которое онъ счелъ нужнымъ.

«Онъ сказалъ, что разсмотритъ статью въ полномъ ея объемѣ, ея направленіе и цѣль. По его мнѣнію, статья эта сводится къ чему-то въ родѣ восторженнаго, безотчетнаго, слѣпаго удивленія къ англійскимъ учрежденіямъ. Г. Монталамберъ, говорятъ намъ, забываетъ конечно, съ какого времени установились въ Англіи эти учрежденія. Нѣтъ, не забываетъ; но онъ припоминаетъ и то, что спокойствіе и свобода и Франціи достались не даромъ: онъ не за-

былъ сколькихъ трудовъ, сколькихъ жертвъ, сколькихъ страданій, сколькихъ мученій они ей стоили; онъ не забылъ, сколькихъ усилій требовалось для того, чтобъ установить свободу и удержать ее среди всѣхъ излишествъ и заблужденій; онъ не забылъ, какъ въ одно время, изнеможенная отъ усталости, Франція отдалась въ руки деспотизму, оставившему по себѣ лишь ничего незначущую славу; онъ не забылъ, что Франція воспрянула снова, что, подъ защитой хартіи, она наслаждалась ограниченной монархіей; что новая революція истребила эту хартію.... Онъ ничего этого не забылъ: или вы хотите, чтобъ мы позабыли и битвы свои, и понесенные труды? Не спросилъ онъ себя, чѣмъ была Англія два вѣка тому назадъ; а чѣмъ была Франція назадъ тому нѣсколько лѣтъ—это онъ спросилъ!

«Нельзя оскорблять эту великую страну, нельзя налагать молчаніе на совѣсть и разумъ; Франція стоитъ во главѣ разумнаго движенія. Европа пользуется нашими трудами; всюду, гдѣ только ни живетъ свобода, она внесена Франціей! Мы всюду дали отвѣдать плодовъ ея; мы гордимся этимъ!

«Я понимаю, что люди, отступающіе при всякой грозной развязкѣ, чрезъ какія прошло наше отечество, какъ-то боятся свободы; я могъ бы уяснить себѣ это опасеніе, еслибъ видѣлъ, что оно внушается страхомъ; но я не преклонюсь предъ учителями новѣйшей Франціи, когда замѣчаю въ нихъ перемѣны, которыя для насъ могутъ быть гибельны, а имъ, напротивъ, прокладываютъ дорогу къ довѣрію, къ почестямъ, къ счастью.»

Тутъ Беррье разбираетъ политическую жизнь Монталамбера, и старается доказать, что онъ никогда не переставалъ служить опорой для порядка въ свободѣ, что онъ всегда оставался при своихъ убѣжденіяхъ, и что когда общество находилось въ опасности, девизомъ его было: спасемъ общество вмѣстѣ съ свободой; общества безъ свободы онъ спасать не хотѣлъ.

«Вы сказали, продолжаетъ Беррье, что г. Монталамберъ отправился въ Англію, и что зрѣлище борьбы, которой онъ былъ свидѣтелемъ, пробудило въ немъ сожалѣніе; и вы съ какимъ-то удовольствіемъ уменьшили величіе и нравственное значеніе этого пренія. Какъ! то было не великое дѣло! Какъ! это была просто борьба изъ за портфеля! Нѣтъ, не это было цѣлью пренія; на

карту поставленъ былъ огромный интересъ: рѣчь шла о томъ, должно ли удержать въ Индіи существующую систему управленія; прибѣгнетъ ли Парламентъ къ строгимъ мѣрамъ, или снизойдетъ къ виновнымъ; отрѣшитъ ли онъ губернатора, или же сошлется на письмо, которымъ министръ осуждалъ его за нарушеніе непреложныхъ законовъ человѣчества? Вотъ въ чемъ заключалась сущность вопроса; а что около этого пренія сгруппировались мелкія страсти всѣхъ тѣхъ, кто интересуется образованіемъ или паденіемъ министерства—это вещь возможная; но достовѣрно извѣстно, что изъ совокупности всѣхъ этихъ мыслей, этихъ битвъ, этихъ, если вамъ угодно, честолюбивыхъ стремленій вышло великое рѣшеніе; среди всѣхъ этихъ теорій, одна съ другой расходившихся, одна другой противуположныхъ, брошено было великое слово....Одинъ вскричалъ: «Я Англичанинъ! я знаю, что значитъ для Англіи обладаніе Индіей: вѣдь это господство надъ огромнѣйшей страной, надъ 120 милліонами подданныхъ! Да, я Англичанинъ; но прежде всего я человѣкъ, и потому отвергаю предлагаемую цензуру!» Все падаетъ ницъ, все исчезаетъ передъ этимъ могучимъ преобладаніемъ правъ человѣчества и непреложной, вѣчной нравственности. Г. Монталамберъ правъ: то было великое зрѣлище! не уменьшайте его!

«Не будемъ, мм. гг. неблагодарны къ парламентскому правленію. Вспомните, въ какомъ положеніи Имперія оставила Францію; вспомните, что было тогда: страна была откуплена за огромныя суммы, источники богатства изсякли—и вдругъ послѣ того возстановляется порядокъ въ финансахъ, контроль вводится во всѣ отрасли управленія—и государство отдыхаетъ подъ сѣнью свободы. Вотъ что произвело парламентское правленіе, вотъ о чемъ сожалѣть позволяется!

«Заглянемъ теперь въ душу г. Монталамбера. Онъ возвращается во Францію; видитъ, что возбуждена полемика, въ которой гнусная политика и религіозный фанатизмъ силятся перещеголять другъ друга; видитъ, что за рѣзню въ Дели и Коунпорѣ (Cawnpore) есть поборники; повсюду замѣчаетъ онъ льстецовъ минутной власти; лѣтописцевъ передней—и пишетъ книгу въ честь Англіи, и клеймитъ въ ней людей, языкъ которыхъ раздражаетъ его. Вотъ противъ кого онъ берется за перо!»

Упомянувъ о милости, дарованной Монталамберу, и возставъ противъ причинъ, вызвавшихъ эту мѣру, Беррье продолжаетъ:

«Считаю для себя обязанностью отвѣтить на обвиненіе г. генеральнаго прокурора: онъ упомянулъ о дѣйствіяхъ г. Монталамбера въ эпоху 2 декабря. Позвольте мнѣ объясниться по этому случаю.

«На собраніи въ февралѣ 1851 года (историческія воспоминанія здѣсь неизбѣжны) многіе предвидѣли намѣреніе тогдашней власти уничтожить конституцію: къ этому явно стремился тотъ, кто находился въ главѣ Республики и поклялся стоять за нее. Одинъ ораторъ произнесъ слѣдующія слова: «Имперія возстановлена.» Другой сказалъ: «Не знаю, долго ли еще простоятъ эти стѣны, но напередъ говорю вамъ, недалеко то время, когда васъ замѣнятъ безмолвные ораторы». Г. Монталамберъ также просилъ слова. Онъ объявилъ, что не принадлежитъ ни къ друзьямъ, ни къ повѣреннымъ президента Республики. «Я буду его свидѣтелемъ», сказалъ онъ. Эту фразу вспомнили; но не привели остальныхъ словъ рѣчи: прочитайте ее до конца, и вы увидите, что ораторъ счелъ необходимымъ тутъ же оговориться. Онъ выражалъ и опасенія. «Надѣюсь, продолжалъ онъ, что мнѣ не придется со временемъ сожалѣть о той роли, какую я беру на себя». И такъ вотъ первый шагъ его: въ то время какъ обвиняютъ президента Республики, онъ защищаетъ его, онъ требуетъ, чтобы не нападали на власть его, еще нетвердую; онъ поддерживаетъ его значеніе, это правда, но вы видите съ какою осторожностью, съ какою нерѣшительностію и недоумѣніемъ въ отношеніи къ будущему. Наступаетъ 2 декабря. Посмотримъ же какъ дѣйствовалъ тутъ г. Монталамберъ.

«Въ это время онъ принадлежалъ къ парламентской партіи, извѣстной подъ именемъ Кружка Пирамидъ (Cercle des Pyramides): одна такая же партія была въ Государственномъ Совѣтѣ, третья въ другомъ мѣстѣ. 2 декабря является прокламація. Власть, наступившая внезапно, обѣщаетъ оставить Республику въ прежнемъ ея видѣ, и удержать за собой всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя въ 1789 году. Но въ то же самое время, всѣ узнаютъ, что 240 депутатовъ взяты подъ стражу. По моему предложенію, это было признано за нарушеніе правъ. Написанъ протестъ противъ распущенія Собранія, и г. Монталам-

беръ подписывается подъ нимъ (*), а г. Дюпенъ, президентъ Собранія, отсовѣтываетъ, осуждаетъ принятіе этого протеста, и затѣмъ присоединяется къ оппозиціи своихъ товарищей (**) *(Общій смѣхъ)*».

Президентъ де Шезель. Г. Беррье, мнѣ кажется, все это рѣшительно къ дѣлу не относится.

Беррье. Извините, г. президентъ, но нападаютъ на политическія дѣйствія г. Монталамбера, и потому я считаю не излишнимъ показать, каковы именно были событія, въ которыхъ онъ участвовалъ.

«Продолжаю. Новая власть учреждаетъ совѣщательную коммиссію. Г. Монталамберъ объявляетъ, по примѣру другихъ своихъ сослуживцевъ, что принять приглашеніе быть членомъ этой коммиссіи онъ не можетъ. Протестъ его разосланъ по журналамъ; но публиковать его имъ не велѣно.

«Этого достаточно для 2 и 3 декабря.

«Послѣ того, именно 12 декабря, является письмо г. Монталамбера, то самое, въ которомъ онъ приглашаетъ подавать голосъ за президента Республики. Въ ту пору у насъ приходилось выбирать любое изъ трехъ: подавать голосъ за, или противъ, или же вовсе его не подавать. Г. Монталамберъ полагаетъ, что, при настоящемъ положеніи, первое всего благоразумнѣе, всего ближе соотвѣтствуетъ прямымъ интересамъ страны. Онъ то̀ и совѣтуетъ; но подъ какими условіями? вотъ еще что надобно знать; а этого-то и не сочли за нужное сообщить вамъ.»

(*) Протестъ представителей, собравшихся въ улицѣ Пирамидъ, былъ слѣдующаго содержанія:

2 декабря 1851.

«По невозможности собраться во дворцѣ Собранія, мы нижеподписавшіеся, представители народа въ законодательномъ Собраніи, протестуемъ противъ распущенія Національнаго Собранія и противъ насильственныхъ къ тому мѣръ.»

«Парижъ, 2 декабря 1851, 2 часа по полудни.»

Подписались: Гг. Монталамберъ, Леонъ Фоше и 62 другихъ.

(**) Доказательствомъ послѣдняго служитъ письмо г. Дюпена къ г. Монталамберу, представителю собранія въ улицѣ Пирамидъ:

«Любезный графъ! Согласно желанію вашему, я распорядился сдачей вашего протеста, къ которому присоединилъ и свой, въ архивы Собранія.

«Весь вашъ,
Дюпенъ».

Тутъ Беррье читаетъ письмо Монталамбера (*), и потомъ продолжаетъ:

«Вотъ положеніе дѣлъ 20 декабря. Не иначе какъ имѣя въ виду это положеніе и слѣдуетъ судить о человѣкѣ и объяснять себѣ его поступки.

«Такъ провели мы нѣсколько дней, въ ожиданіи дѣйствій новой власти. Затѣмъ является самодержавный декретъ, изгоняющій изъ Франціи 80 отборныхъ гражданъ, генераловъ, усилія которыхъ содѣйствовали спасенію общества... Это еще не все: послѣ того является предписаніе касательно имущества Орлеанскаго дома: это уже было насиліе права...

Президентъ. Г. Беррье, не нападайте...

Беррье. Я и не нападаю, г. президентъ; я только выписываю убѣжденія г. Монталамбера. Впрочемъ, не онъ одинъ имѣлъ ихъ: г. генеральный прокуроръ, не задолго передъ тѣмъ поступившій вновь на должность въ кассаціонный судъ (*смѣхъ*)... г. генеральный прокуроръ Дюпенъ думалъ точно такъ же, что тутъ нарушаются всѣ понятія о правдѣ и неправдѣ, и присовокупилъ: «Вслѣдствіе такого предписанія, я, какъ чиновникъ и юрисконсультъ, чувствую необходимость подать въ отставку» (*Новый смѣхъ*).

«Потомъ, вслѣдъ за этимъ декретомъ является органическій законъ о тисненіи, и та 32 статья, которая начало судебное замѣняетъ административнымъ. Повторяю еще разъ: я на ваши за-

---

(*) Сообщаемъ извлеченіе изъ этого письма:

« . . . Я не намѣренъ пускаться въ изслѣдованіе того, могъ ли предвидѣнный всякимъ государственный переворотъ совершиться въ другое время и подъ другимъ видомъ, или нѣтъ. Для этого мнѣ бы пришлось разыскивать самыя причины, повлекшія его за собой, и судить о лицахъ, которыя теперь отвѣчать мнѣ не могутъ.

«Не хочу ручаться и за будущее, точно также какъ не хочу судить о прошедшемъ. Я занятъ лишь настоящимъ, т. е. какой голосъ надобно подавать въ воскресенье, имѣющее быть черезъ восемь дней.

«Остается третье: сказать, да. Но подать голосъ за Людовика - Наполеона не значитъ еще одобрить всѣ его дѣйствія, а просто выбрать изъ двухъ золъ меньшее—или его, или гибель всей Франціи. Это не значитъ сказать, что правленіе его именно таково, лучше какого мы бы и не желали: нѣтъ, а просто для насъ лучше имѣть государя, оказавшаго свою рѣшимость и проницательный умъ на дѣлѣ, чѣмъ тѣхъ, которые теперь выказываютъ ихъ на

коны не нападаю, въ разборъ ихъ не пускаюсь, и понимаю, что вы обязаны внушать къ нимъ уваженіе; но я имѣлъ цѣлью объяснить то вліяніе, какое должны были они имѣть на дѣйствія г. Монталамбера: я хотѣлъ показать, до какой степени несправедливо было упрекать его за его поступки 2 декабря. Вотъ на что хотѣлъ я отвѣтить, и кажется отвѣтилъ.

«Прочтите его сочиненіе, говорятъ намъ, и вы на всякой страницѣ найдете нападки, ненависть, оскорбительныя выходки. Но вѣдь этого мало сказать: надо и доказать. Разберемъ же мѣста, приводимыя г. генеральнымъ прокуроромъ. На 205 стр. этой статьи читаемъ: «Когда я чувствую, что мной овладѣваетъ болѣзнь; когда въ ушахъ у меня звенитъ то отъ нескладнаго говора лѣтописцевъ передней, то отъ крику фанатиковъ, считающихъ себя нашими властителями, и лицемѣровъ, принимающихъ насъ за набитыхъ дураковъ; когда мнѣ становится душно въ тяжелой атмосферѣ, переполненной міазмами рабскаго униженія и разврата, я тороплюсь подышать болѣе чистымъ воздухомъ и принять ванну жизни въ свободной Англіи.»

«И точно: когда я оглядываюсь кругомъ себя, я только и вижу рабскую услужливость да подлость. Развѣ это неправда? Развѣ васъ

грабежѣ да разбоѣ. Это не значитъ смѣшивать католичество съ стремленіями партіи или Дома; а просто значитъ придать временной власти—единственной власти, возможной въ настоящее время—силу, необходимую для удержанія арміи отъ преступленій, для защиты нашихъ церквей, жилищъ, женъ нашихъ, отъ тѣхъ, для алчности которыхъ нѣтъ ничего святаго, которые умышляютъ снять съ васъ платье, отнять у васъ собственность, и пули которыхъ не щадятъ даже пастырей духовныхъ. Это не значитъ заранѣе освятить ошибки и промахи, въ какіе можетъ вдаться правительство, не изъятое ошибокъ какъ всякая власть земная; а просто значитъ ввѣрить главѣ, разъ избранной для себя народомъ, право подготовлять конституцію, которая конечно не будетъ же опаснѣе и безтолковѣе той, которую 900 представителей, избранные въ 1848 году, подарили Франціи, и противъ которой я имѣлъ счастіе подавать голосъ.

«Замѣтьте, я не проповѣдую ни безусловнаго довѣрія, ни безграничной преданности. Я никому не отдаюсь, не принявъ мѣръ предосторожности. Я никакимъ кумирамъ не поклоняюсь, ни силѣ оружія, ни народному разуму. Нѣтъ, я ищу лишь блага въ возможномъ, и среди потрясеній, которыми Богъ искушаетъ насъ, избираю то, что наиболѣе сообразно съ достоинствомъ и съ здравымъ смысломъ гражданина».

самихъ не заставляетъ это краснѣть? Развѣ не тревожитъ, не утомляетъ самихъ же васъ приторное усердіе вашихъ оффиціальныхъ журналовъ? Не тошно развѣ становится вамъ отъ этихъ міазмовъ низкопоклонничества и подлости, облегающихъ васъ со всѣхъ сторонъ? Не каждый ли день приводится вамъ видѣть, ка̀къ компрометирующіе васъ поборники употребляютъ во зло предоставленную имъ свободу, и вызываютъ на бой тѣхъ, кто не въ состояніи отвѣчать имъ? Да, да, на сколько истинно, на столько же и грустно зрѣлище всего этого, и г. Монталамберъ попытался, въ утѣшеніе себѣ, замѣнить его зрѣлищемъ непринужденнаго, свободнаго пренія у свободной націи.»

Разсмотрѣвъ и другія мѣста обвиняемой брошюры, Беррье продолжаетъ:

«И такъ, вотъ что̀ написалъ г. Монталамберъ: что мы не въ силахъ пожертвовать всѣмъ нравственнымъ существомъ своимъ временнымъ нуждамъ; не въ силахъ отрѣшиться отъ самихъ себя, мы, участники во всѣхъ этихъ борьбахъ, не въ силахъ пренебречь этимъ. Отрадно было видѣть, какъ всѣ умы стремились къ одной и той же цѣли, принося всякій свою лепту на общее дѣло, и противникъ воздавалъ должное противнику. Въ этихъ борьбахъ, еще разъ говорю, заключалась вся наша жизнь, и если мы успѣли пріобрѣсть себѣ небольшую извѣстность, если заставили другихъ хоть сколько нибудь уважать и любить насъ—такъ вотъ чему мы этимъ обязаны.»

«Такова вина. Еще одно слово о письмѣ, на которое намекнулъ г. генеральный прокуроръ. Вы думаете, насъ встревожило это письмо? Кто привелъ его въ извѣстность? Вы, именно вы. Откуда оно взялось? Одинъ иностранный журналъ получаетъ увѣдомленіе о намѣреніи французскаго правительства и объявляетъ, что г. Монталамберъ будетъ помилованъ по ходатайству одного изъ его друзей. Тогда г. Монталамберъ и написалъ парижскому архіепископу извѣстное письмо.

«И дѣйствительно, для человѣка съ душой должно быть невыносимо подозрѣніе въ томъ, будто бы онъ добивается милости себѣ при помощи другихъ. Удивлялись выраженіямъ, въ какихъ написано это письмо; но развѣ не въ правѣ сказать всякій, что приговоръ, который подтверждаетъ всегдашнюю вѣрность убѣжде-

ніямъ—приговоръ не позорный? Вотъ что̀ чувствовалъ г. Монталамберъ.

«Я нимало не опасаюсь, мм. гг., чтобъ совѣсть ваша могла подчиниться вліянію, которое бы мучило, терзало ее. Нѣтъ причины, которая могла бы поколебать ваше убѣжденіе въ томъ, что, уважая законъ, вы служите государю и отечеству: вы знаете, что, уклоняясь отъ него, вы впали бы въ общее презрѣніе.

«Что̀ жъ еще сказать объ этомъ письмѣ? Кѣмъ оно было приведено въ извѣстность? Я сказалъ—правительствомъ, которое допустило во Францію журналъ, гдѣ оно было помѣщено, и дозволило перепечатать его въ одномъ изъ тѣхъ оффиціальныхъ журналовъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ,—въ *Patrie*. Вы спрашиваете, имѣлъ ли на то г. Монталамберъ разрѣшеніе отъ его преосвященства? Но вѣдь его преосвященство не протестуетъ!

«Чувство, выраженное въ послѣдней фразѣ этого письма—чувство понятное всякому, кто только находился въ подобномъ положеніи. То̀ же чувствовалъ генералъ Кавеньякъ, когда предлагали ему освобожденіе отъ тюремнаго заключенія. То̀ же чувствовало еще одно лицо, которому, какъ и многимъ другимъ, мое званіе дозволило мнѣ принесть нѣкоторое утѣшеніе. Этому лицу, во время заключенія его въ Гамѣ, предложена была амнистія; хотите ли знать съ какимъ негодованіемъ имъ было отвергнуто это предложеніе! Слушайте.»

Тутъ Беррье читаетъ статью, помѣщенную въ одномъ журналѣ того времени, въ которой отъ имени принца Людовика-Наполеона отвергается, какъ оскорбленіе, всякая милость, исходящая отъ тогдашняго правительства.

Въ заключеніе ораторъ требуетъ, чтобы кліентъ его былъ признанъ невиннымъ.

Вотъ приговоръ Суда:

«Судъ,

«Принимая въ соображеніе, что если законъ и даруетъ гражданамъ право разбирать законы и дѣйствія правительства, то законы о тисненіи возбраняютъ и наказываютъ всякую нападку на основныя начала нашихъ политическихъ учрежденій, на власть главы государства и на должное уваженіе къ законамъ, равно какъ и возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству;

«Принимая въ соображеніе, что въ статьѣ газеты *Correspondant*, подъ заглавіемъ: *Преніе въ Англійскомъ парламентѣ объ Индіи*, помѣщенной въ нумерѣ *Correspondant*, вышедшемъ 25 октября 1858 года, и посвященной изслѣдованію вопроса, касающагося иностранной политики, встрѣчаются многія мѣста, запечатлѣнныя желчью и желаніемъ выставить все въ дурномъ свѣтѣ, въ коихъ авторъ съ неуваженіемъ отзывается о Франціи, о законахъ и правительствѣ ея; что въ вышеупомянутой статьѣ встрѣчаются нападки на должное уваженіе къ законамъ и на неприкосновенность освященныхъ ими правъ, въ особенности на стр. 215 и 252, гдѣ о законодательствѣ нашемъ сдѣланъ такой отзывъ, будто бы оно допускаетъ свободу говорить «лишь по указу или по дозволенію, подъ опасеніемъ надлежащаго внушенія свыше, какъ скоро говорящій осмѣлится противорѣчить идеямъ власти или простаго народа», или еще, будто бы оно дѣлаетъ «невозможнымъ ежедневное преніе между органами, изъ коихъ только немногіе пользуются правомъ говорить все, и всегда приводятся, болѣе или менѣе противно своему желанію, къ тому, чтобъ заманивать своихъ противниковъ на такую почву, гдѣ ожидаетъ ихъ офиціальная затычка»,—нападки, публикація коихъ въ журналѣ, пущенномъ въ продажу и розданномъ подписчикамъ, составляетъ преступленіе, усматриваемое и подвергаемое наказанію 3 статьей закона 27 іюля 1849 года;

«Что въ цѣломъ составѣ означенной статьи и на нижепоименованныхъ страницахъ находятся мѣста, служащія къ возбужденію ненависти и презрѣнія къ правительству, что̀ составляетъ преступленіе, усматриваемое и подвергаемое взысканію 4 статьей декрета 11 августа 1848 года;

«А именно на слѣдующихъ страницахъ:

«Стр. 205, гдѣ авторъ объявляетъ, что какъ скоро имъ овладѣваетъ болѣзнь, когда въ ушахъ у него звенитъ то отъ нескладнаго говора лѣтописцевъ передней, то отъ крику фанатиковъ, считающихъ себя нашими властителями, и лицемѣровъ, принимающихъ насъ за набитыхъ дураковъ; когда ему становится душно въ тяжелой атмосферѣ, переполненной міазмами рабскаго униженія и разврата, онъ торопится подышать болѣе чистымъ воздухомъ и принять ванну жизни въ свободной Англіи».

«Стр. 210, гдѣ Франція представлена будто бы «отказавшеюся

отъ политической и муниципальной свободы, существующей въ Канадѣ».

«Стр. 216, гдѣ Французы сравниваются, какъ бы въ похвалу, со стадомъ, послушно идущимъ на стрижку и на пастбище подъ мирной сѣнью губительной безопасности».

«Стр. 260, 261 и 266, гдѣ дается понять, будто бы Франція «состоитъ подъ унизительной опекой безконтрольной власти, и будто бы она неспособна управляться, подобно Англіи, началами права, просвѣщенія и свободы»;

«Въ отношеніи къ главной нападкѣ—на общее избирательство и на права и власть, присвоенныя императору Конституціей,—

«Принимая въ соображеніе, что обвиненіе это не подтверждается достаточными доказательствами;

«Принимая въ соображеніе, что преступленія, проистекающія, въ обвиненіе графа Монталамбера, изъ публикаціи означенной статьи его въ нумерѣ *Correspondant* отъ 25 октября 1858 года, пущенномъ въ продажу и розданномъ подписчикамъ, были не довольно основательно обсужены нижнимъ судомъ; что судъ напрасно призналъ графа Монталамбера главнымъ виновникомъ въ вмѣняемыхъ ему преступленіяхъ, заодно съ Дуніолемъ, редакторомъ газеты *Correspondant*;

«Что въ законахъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ тисненія, на публикацію, изъ коей проистекаетъ весь вредъ и безъ коей нѣтъ и мѣста для преслѣдованіи, смотрится какъ на основу главнаго преступленія; что особенно въ отношеніи къ политическимъ журналамъ, состоящимъ за поручительствомъ и имѣющимъ отвѣтственныхъ редакторовъ, 8 статья закона 18 іюля 1828 года, о журналахъ, объявляетъ лица, завѣдывающія журналами, подлежащими отвѣтственности за всѣ публикаціи, дѣлаемыя въ состоящихъ подъ ихъ редакціей и ими представляемыхъ журналахъ, съ тѣмъ, чтобы и авторы были судимы, если они по доброй волѣ содѣйствовали публикаціи доставленіемъ средствъ къ ея исполненію;

«Принимая въ соображеніе, что графъ Монталамберъ признается, что онъ сочинилъ и передалъ Дуніолю для публикаціи статью, составляющую предметъ процесса;

«Что такимъ образомъ онъ сознательно доставилъ Дуніолю средство совершить преступленія, вытекающія изъ обнародованія

означенной статьи, и самъ учинился виновнымъ въ двухъ вышепоименованныхъ преступленіяхъ;

«Что слѣдовательно къ графу Монталамберу можно примѣнить статьи: 4-ю декрета 11 августа 1848 года,

«3-ю закона 27 іюля 1849 года,

«56-ю и 60-ю Уложенія о наказаніяхъ, и 365-ю статьи Уложенія объ уголовномъ судопроизводствѣ, прочитанныя президентомъ;

«Принимая въ соображеніе, что, по устраненіи одного изъ преступленій, есть возможность облегчить приговоръ, произнесенный надъ графомъ Монталамберомъ, —

«Судъ отвергаетъ апелляцію;

«Исправляя же приговоръ, на который подана апелляція, освобождаетъ графа Монталамбера отъ послѣдствій обвиненія въ посягательствѣ на принципъ общаго избирательства и на права и власть, присвоенныя императору Конституціей;

«Сокращаетъ на три мѣсяца заключеніе въ тюрьму, къ коему приговоренъ графъ Монталамберъ;

«Удерживаетъ штрафъ въ 3.000 франковъ, опредѣленный нижнимъ судомъ; присуждаетъ графа Монталамбера къ уплатѣ издержекъ по первой инстанціи и по апелляціи; назначаетъ годовой срокъ аресту, которому онъ можетъ подлежать для взысканія съ него штрафа и издержекъ».

Итакъ, благодаря апелляціи, графъ Монталамберъ былъ признанъ неподлежащимъ за свою статью тѣмъ страшнымъ мѣрамъ, какимъ онъ могъ бы подвергнуться на основаніи закона всеобщей безопасности, чего и добивались главнымъ образомъ его защитники и чего не коснулся и императоръ освобождая его только отъ наказанія, которому графъ подлежалъ по приговору нижняго суда. Тѣмъ не менѣе очевидно, что рѣшеніе верхней инстанціи не имѣло никакого отношенія къ помилованію, изреченному императоромъ и уже обнародованному въ Монитёрѣ.

гдѣ» (*). Изъ этой грамоты можно догадываться, что *рядовичи* въ XV вѣкѣ имѣли отношеніе *къ рядамъ торговымъ* и вѣроятно были *торговыми старостами*. Но такого значенія нельзя приписать рядовичамъ во времена Правды, потому-что за убійство ихъ назначалось въ ней такое же количество головничества, какъ и за убійство смерда и холопа, тогда какъ за старостъ и тіуновъ плата увеличивалась. Намъ даже кажется, что слово рядовичь въ Правдѣ и въ означенной грамотѣ хотя и происходитъ отъ одного и того же корня, но соединяетъ съ собою въ томъ и другомъ памятникѣ различное понятіе. Мы видѣли, что холопство пріобрѣталось безусловнымъ поступленіемъ къ кому нибудь въ услуги, *безъ ряду*, т. е. безъ всякаго договора: *поиметъ робу безъ ряду*, *тіунство безъ ряду* (II, 103, 104); но въ слѣдъ за тѣмъ въ тѣхъ же статьяхъ устава Мономаха прибавлено: *«поиметъ ли съ рядомъ, то како ся будетъ рядилъ, на томъ же стоитъ»*. Эти послѣднія слова, по нашему мнѣнію, опредѣляютъ значеніе рядовичей въ Правдѣ. Подъ ними разумѣли свободныхъ людей, добровольно поступившихъ къ кому нибудь въ услуги, но по извѣстному *ряду* или договору. Такимъ образомъ *рядовичь* былъ *наемникомъ* и отличался отъ закуповъ тѣмъ: 1) что не служилъ подобно имъ для отработки долговъ; 2) что ни въ какомъ случаѣ не обращался въ холопа, и 3) что его могли имѣть всѣ свободные люди, тогда какъ закупы составляли исключительную принадлежность только князей, бояръ и монастырей. Если же упоминается въ Правдѣ о рядовичахъ *княжихъ* и *боярскихъ* (I, 22; II, 11), то едва ли изъ этого можно заключить, что ихъ дозволялось имѣть только боярамъ и князьямъ, потому что въ ней не упомянуто также и о рядовичахъ монастырскихъ; монастыри же, владѣвшіе холопами и закупами, тѣмъ болѣе не могли быть лишены права на услуги рядовичей. Слѣдовательно, если необходимо допустить въ Правдѣ пропускъ въ исчисленіи послѣднихъ, то легко согласиться, что этотъ пропускъ не ограничивался одними монастырями, и что рядовичей имѣли не только князья и бояре, но и всѣ люди свободнаго состоянія; иначе надобно было бы допустить, что напр. огнищанину, не могшему владѣть холопомъ, запрещалось пользоваться и наемнымъ слугой, и что

(*) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 91, стр. 69.

купецъ не смѣлъ нанять приказчика. Очевидно, что при томъ понятіи, какое мы соединяемъ съ словомъ рядовичь, такіе выводы противорѣчили бы здравому смыслу. Безъ сомнѣнія рядовичами могли быть только *смерды*, а не холопы и закупы, потому что ни тѣ, ни другіе не имѣли личной свободы,—необходимаго условія для совершенія *ряда* или договора.—Къ особымъ видамъ рядовичей слѣдуетъ отнести: 1) *варяговъ* и *колбяговъ*, т. е. военныхъ наемниковъ; 2) *ратайныхъ тіуновъ*, т. е. сотскихъ въ войскахъ; 3) *сельскихъ тіуновъ княжихъ*; 4) *посадничихъ* или *вирничихъ мечниковъ* и 5) *тіуновъ боярскихъ*. Мы относимъ не къ огнищанамъ, а къ рядовичамъ, слѣдовательно къ людинамъ, ратайныхъ тіуновъ и сельскихъ тіуновъ княжихъ, потому что за тѣхъ и другихъ платилось только 12 гривенъ головничества, т. е. наравнѣ съ ремесленниками и кормильцами, тогда какъ за огнищанъ самое меньшее количество головничества было 40 гривенъ; посадничихъ же или вирничихъ мечниковъ мы не признаемъ княжими мужами на томъ основаніи, что за убійство этихъ мечниковъ взыскивалась 40-гривенная вира, какъ и за всякаго людина (II, 1). Впрочемъ, ратайные тіуны могли и не быть рядовичами, если выбирались не изъ военныхъ наемниковъ, а изъ смердовъ. Понятіе о тіунѣ боярскомъ опредѣляется словами Правды: «*а послушьства на холопа не складаютъ; но оже не будетъ свободнаго, то по нужи сложити на боярьска тивуна* (II, 59). Изъ этого видно, что послѣдній считался *несвободнымъ*, и хотя отличенъ отъ холоповъ, но вѣроятно былъ только старшимъ между ними. Однакожъ нельзя отвергать, что тіунъ боярскій могъ быть и рядовичемъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ статьи Правды, гдѣ говорится *о тивунствѣ съ рядомъ* (II, 104). Должно думать, что и сельскіе тіуны княжіе выбирались не только изъ свободныхъ людей по договору, но также изъ княжескихъ холоповъ. Отнесеніе тіуновъ боярскихъ вообще къ несвободнымъ показываетъ, что къ числу послѣднихъ принадлежали нѣкоторымъ образомъ и рядовичи, потому что свобода ихъ была временно нѣсколько ограничена договоромъ или рядомъ; но это одно не давало намъ права помѣстить ихъ въ одинъ разрядъ съ закупами и холопами.

Итакъ *смерды* могли заниматься: земледѣліемъ, ремеслами, торговлею, быть кормильцами и кормилицами, а также поступать въ рядовичи; *холопы* же и *закупы*, собственно говоря, обязаны были

дѣлать только то, что имъ приказывали ихъ господа. Впрочемъ, закуповъ слѣдовало употреблять только въ свойственныя имъ работы. Это видно изъ словъ Правды: «аже у господина *ролейный закупъ*, а погубитъ *войскій конь*, то не платити ему» (II, 53), т. е. если господинъ поручалъ закупу-земледѣльцу присмотръ за воинскою лошадью, и она погибала, то закупъ не обязанъ былъ вознаграждать убытки своего владѣльца.

Окончивъ въ частности изслѣдованіе о смердахъ, холопахъ и закупахъ, слѣдовало бы поговорить теперь о *русинахъ* и *славянахъ*; но такъ какъ эти дѣленія возникли единственно по мѣсту жительства тѣхъ же смердовъ, холоповъ и закуповъ, то ни о русинахъ, ни о славянахъ къ сказанному уже о нихъ прибавить больше нечего; о *варягахъ* же и *колбягахъ* мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; только объ *изгояхъ*, кромѣ изложеннаго нами объ нихъ общаго замѣчанія, необходимо заняться подробнымъ изслѣдованіемъ, такъ какъ имъ усвоиваютъ понятіе, совершенно отличное отъ того, какое мы имѣемъ.

Въ Русской Правдѣ, въ числѣ словъ до сихъ поръ окончательно необъясненныхъ, встрѣчается и слово *изгой*. Касательно значенія этого слова были высказаны самыя противоположныя мнѣнія; такъ одни считаютъ изгоевъ *ямщиками*, другіе—*пришельцами*, *иностранцами* (¹). Въ недавнее время найдены въ отечественныхъ памятникахъ указанія къ объясненію названія *изгой*. Въ уставѣ великаго князя Всеволода-Гавріила о судахъ церковныхъ въ Новгородѣ и Псковѣ сказано: «*изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ... то люди церьковныи, богадѣльніи*» (²). Сверхъ того, въ одной рукописи XV вѣка, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, г. Калачовымъ найдено слѣдующее мѣсто: «*всего же есть горье изгойство взимати, иже взимающеи, тіи не отдадутъ опять тѣмъ же; изгойство же толкуется безконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно воздыханіе, не-*

(¹) Журн. М. Народ. Просвѣщ. 1839 г., за май, стр. 47—80; разсужденіе о платѣ за убійство, Иванишева, 1840 г., стр. 89.

(²) См. Изслѣд. о Рус. Пр. Калачова, во введ., стр. III.

усыпающій чрьвь, несъгрѣемая зима, неугасаяй огнь, нестерпимая гроза, неисцѣлимая болѣзнь—вся же та суть безъ конца» (См. толкованіе на молитву: «Отче нашъ» л. 378 на обор.). Въ другомъ мѣстѣ той же рукописи упоминается, что изъ грѣховъ, *«всего горѣ изгойство»* (¹). Кромѣ этого въ одномъ рукописномъ сборникѣ Царскаго, XVII вѣка. говорится: «аще-жъ кто челядь продастъ, да елико дано есть, толко жь опять взяти на немъ. Аще ли кто лише емлетъ, то не наклады, но просолить живыми душами, съ нимижъ предъ Богомъ стати есть. Аще ли искупается на свободу, да вдастъ цѣну, южъ дали на немъ, и потому свободенъ дѣти проживетъ, и тѣ аще *имутъ на немъ изгойство*, то обрѣтается продай кровь неповинную и взыщется милостини. Милостивіи помилованы будутъ. Аще кто, хотя спасенія, кается, да опять дасть тѣмъ, ихъ же обидѣлъ, а не тако —не быти прощену (²).

Основываясь на нѣкоторыхъ изъ этихъ указаній нашихъ отечественныхъ памятниковъ, г. Калачовъ, въ своей статьѣ объ изгояхъ (³), разумѣетъ подъ ними *круглыхъ сиротъ* и *изгнанныхъ изъ рода*. Независимо отъ постановленія Правды *о сиротьемъ вырядкѣ* (III, 65), показывающаго, что въ старину въ извѣстныхъ случаяхъ у насъ также какъ и теперь употреблялось слово *сироты*, а не *изгои*, мы не можемъ принять мнѣнія г. Калачова еще по слѣдующимъ причинамъ. Въ первой статьѣ правды по Академическому списку сказано: «убіетъ мужь мужа, то мстити брату, сыну, отцу или племяннику, аще не будетъ кто мстя... аще будетъ русинъ, либо гридинъ, *изгой будетъ*, либо словенинъ, то 40 гривенъ положити запь». Изъ этого видно, что за умерщвленіе *изгоя*, также точно, какъ и за лишеніе жизни другихъ, поименованныхъ въ означенной статьѣ лицъ, платилось 40 гривенъ только въ томъ случаѣ, если не кому было за него мстить; слѣдовательно Правдой не исключается возможность существованія у изгоя родственниковъ,могшихъ пользоваться, въ случаѣ его убійства, правомъ мести. Такимъ образомъ подъ изгоями никакъ нельзя разумѣть ни сиротъ, ни изгнанныхъ изъ рода, и такое понятіе объ нихъ нисколько не подкрѣпляется и приведенными нами выше подлинными мѣстами изъ отечественныхъ

(¹) Изслѣд. о Рус. Пр., Калачова, введ., стр. III.—(²) Арх. ист.-юрид. свѣд. кн. II, стр. 42.—(³) Тамъ же, кн. I, стр. 59.

памятниковъ. Изъ этихъ мѣстъ мы видѣли: 1) что *изгойство* называется тяжкимъ грѣхомъ: *изъ грѣховъ всего горѣ изгойство*; 2) что оно влечетъ за собою: *безконечную бѣду, непрестающія слезы, немолчно воздыханіе, неугасимый огнь, неисцѣлимую болѣзнь — вся же та суть безъ конца*, словомъ муки будущей жизни; 3) что дѣйствіе изгойства, какъ грѣха, выражается словами: *взимати* и *имати*, именно: *всего же есть горѣе изгойство взимати*, или: *аще имутъ на немъ изгойство*. По смыслу мѣстъ, въ которыхъ употреблены слова: *взимати* и *имати*, открывается, что подъ изгойствомъ разумѣли: 1) неплатежъ должниками своихъ долговъ: *иже взимающеи не отдадутъ опять тѣмъ же*; 2) требованіе лишней платы при выкупѣ холопомъ свободы: *аще искупается на свободу, да вдастъ цѣну, юже дали на немъ; аще имутъ на немъ изгойство, то обрѣтается продая кровь неповинную*. Вообще можно заключить, что подъ изгойствомъ, какъ грѣхомъ, разумѣли нанесеніе обиды ближнему по имуществу, ради собственнаго неправильнаго прибытка. Но кого называли *изгоемъ*, совершавшаго ли изгойство, или подвергавшагося дѣйствію этого преступленія? Мы знаемъ, что изгоемъ назывался холопъ, выкупившійся изъ холопства, но безъ сомнѣнія не за цѣну, *юже дали на немъ*, но за лишнюю, *изгойскую*; слѣдовательно изгоемъ признавался не тотъ, кто совершалъ изгойство, а тотъ, кто выносилъ на себѣ его слѣдствія. Въ такомъ случаѣ, какъ опредѣлить, что такое *изгой?* Разумѣть подъ нимъ всякаго, лишившагося даже небольшой части своего имущества, если это лишеніе, хотя и происшедшее отъ своекорыстныхъ дѣйствій другихъ лицъ, нисколько не измѣнило его состоянія,—очевидно нельзя. Для составленія точнаго понятія объ изгоѣ, обратимся сначала къ филологическому разбору этого слова.

Глаголъ *гоить*, составляющій корень слова *изгой*, по объясненію г. Буслаева, имѣетъ смыслъ *жить* (¹). Малороссіяне и теперь говорятъ: рана *загоилась*, т. е. зажила. Но въ старину слово жить значило имѣть матеріальныя средства для поддержанія жизни. На это указываютъ не только производныя слова: *прожитокъ*, *зажиточный*, *нажить*, *прожить*, но и самое существительное *жизнь*, которое въ нашихъ лѣтописяхъ именно принимается въ смыслѣ *средствъ къ жизни*. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ Ипатіев-

(¹) Арх. истор.-юрид. свѣд. кн. 1, ст. объ изгояхъ, стр. 59.

ской лѣтописи: 1) брата моя! се еста землю мою повоевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожгли и *всю жизнь погубила еста*, 2) а *жизнь* есмы его взяли; 3) се есмы села ихъ пожгли вся *и жизнь ихъ всю*, и они къ намъ не выйдуть, а пойдемъ къ Любечю, *идѣ же ихъ есть вся жизнь*; 4) села наши пожгли и *всю жизнь нашу повоевали* (¹). Самый глаголъ *гоить* принимается въ Сибири въ значеніи *напоить, накормить*, напр. кони угоены, т. е. накормлены (²). Такимъ образомъ, если понятія, выражаемыя словами *гоить* и *жить*, въ старину непосредственно связывались съ представленіями о матеріяльныхъ средствахъ къ жизни, то само собою разумѣется подъ словомъ *изгой* разумѣли *лишеннаго этихъ средствъ*. Выводы наши подкрѣпляются тѣмъ, что въ уставѣ князя Всеволода, какъ мы видѣли выше, изгои названы людьми церковными, богадѣльными. Такое названіе становится совершенно естественнымъ, если подъ изгоями разумѣть нуждавшихся и нищенствовавшихъ, искони состоявшихъ подъ особымъ покровительствомъ церкви.

И такъ, подъ *изгоями* разумѣли вообще тѣхъ, коихъ прежнее состояніе измѣнилось, въ слѣдствіе лишенія средствъ къ жизни. Однакожъ, должно думать, что къ изгоямъ причислялись не только тѣ, которые ими сдѣлались въ слѣдствіе своекорыстныхъ дѣйствій другихъ, но, безъ сомнѣнія, и всѣ тѣ, кои впали въ нищету или случайно или по собственной винѣ. Поэтому въ уставѣ Всеволода между изгоями поименованы, кромѣ *холопа*, выкупившагося изъ холопства за такую изгойскую цѣну, что становился нищимъ, еще *купцы одолжавшіе*, т. е. банкроты, и *поповы сыновья*, грамотѣ неумѣющіе. Эти послѣдніе, само собою разумѣется, только въ такомъ случаѣ считались изгоями, когда не обладали капиталомъ и, не имѣя возможности снискивать себѣ пропитаніе занятіями, свойственными своему сословію, впадали въ нищету, потому что при деньгахъ не только они, но и выкупившіеся на свободу холопы могли сдѣлаться напр. купцами; купцы не всѣ назывались изгоями, а только впавшіе въ несостоятельность. Такимъ то бѣднымъ людямъ или изгоямъ оставалось: или снискивать себѣ пропитаніе ис-

(¹) Полн. собр. русск. лѣт., т. II, стр. 26, 32, 37 и 38.—(², Арх. ист.-юрид. свѣд. кн 1, ст. объ изгояхъ; стр. 59.

прошеніемъ подаянія и быть людьми *церковными, богадѣльными*, или, что, безъ сомнѣнія, случалось чаще, пользоваться какъ средствомъ къ жизни возможностію поселенія по вызову на пустопорожнихъ владѣльческихъ земляхъ, такъ какъ владѣльцамъ именно иногда давалась поземельная собственность *съ изгои*, т. е. съ правомъ поселенія на ней такихъ людей. Въ послѣдствіи образовался цѣлый классъ народа, переходившій по произволу съ одной частной земли на другую, и тогда, въ противоположность ему, могли разумѣть подъ *смердами* преимущественно людей, поселенныхъ на княжескихъ земляхъ. Изъ означенныхъ то поселенцевъ въ частныхъ владѣніяхъ, или изгоевъ, по уничтоженіи права перехода, и образовались помѣщичьи крестьяне. Если же въ уставѣ Всеволода сказано: «а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ», то здѣсь не разумѣется какой либо особый родъ изгоевъ, а употреблено слово изгойство, какъ производное отъ названія *изгой*, въ смыслѣ вообще несчастія, лишенія, т. е. не въ прямомъ, а въ переносномъ значеніи, въ видѣ простаго уподобленія.

Но повторяемъ, что изложенное нами понятіе объ изгояхъ возникло позднѣе времени Правды. Впрочемъ, принимая, что въ послѣдней подъ ними разумѣли *только поселенцевъ на лѣвомъ берегу Волхова*, мы тѣмъ самымъ нисколько не впадаемъ въ противорѣчіе съ высказаннымъ нами понятіемъ вообще объ изгояхъ, потому-что селившіеся въ означенномъ мѣстѣ, по призыву Варяговъ, могли быть также принуждены къ тому нищетою. Въ такомъ случаѣ значеніе изгоевъ въ Правдѣ имѣетъ тѣсную связь съ значеніемъ, какое усвоено имъ въ послѣдствіи, именно одно относится къ другому, какъ *частное къ общему*.

Окончивъ изслѣдованіе о сословіяхъ, сдѣлаемъ общій имъ обзоръ; но для полноты включимъ въ него и *духовенство*, о которомъ хотя и не говорится въ Правдѣ, но о существованіи его, какъ сословія, нѣтъ никакого сомнѣнія. Изъ всего нами сказаннаго видно, что въ древней Руси было четыре сословія:

1) *Княжи мужи*, т. е. служилые люди. Они состояли изъ бояръ и огнищанъ.

2) *Духовенство*, раздѣлявшееся на черное и бѣлое.

3) *Людины свободные*, т. е. *смерды* и простые *варяги и колбяги*. Смерды могли быть земледѣльцами, купцами, ремесленниками,

кормильцами, рядовичами; варяги же и колбяги несли только военную службу.

4) *Людины несвободные*, т. е. *закупы* и *холопы*.

II. О ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И О НАЗНАЧАВШИХСЯ ВЪ ИХЪ ПОЛЬЗУ КОРМЛЕНІИ И СУДЕБНЫХЪ ПОШЛИНАХЪ.

А. *О должностныхъ лицахъ.*

Скажемъ сперва о должностныхъ лицахъ по внутреннему управленію Россіей, потомъ о чинахъ военныхъ и придворныхъ.

Приступая къ разсмотрѣнію организаціи внутренняго управленія во времена Правды, прежде всего намъ слѣдуетъ опредѣлить, что̀ такое была *дружина*. Подъ дружиною въ обширномъ смыслѣ вообще разумѣли *войско*, *рать*, но въ тѣсномъ смыслѣ дружина въ старину имѣла у насъ важное значеніе, именно *высшаго совѣта* при князьяхъ. Съ дружиной князья совѣщались по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, созывали ее для изданія законовъ; такъ напр. Владиміръ Мономахъ созывалъ дружину въ Берестовѣ для составленія новаго устава Правды (II, 48), совѣтовался съ нею о войнѣ съ Половцами [1]. Дружина въ тѣсномъ смыслѣ составлялась изъ тысяцкихъ, воеводъ и вообще бояръ, и была, какъ видно изъ сказаннаго нами выше, хотя непостояннымъ, но общимъ центральнымъ совѣтомъ по дѣламъ того или другаго княжества древней Россіи.

Кромѣ этого общаго, было и областное или мѣстное управленіе, въ слѣдствіе котораго каждое княжество дѣлилось на *верви* или *посадничества*. Каждою вервію завѣдывалъ *вирникъ* или *посадникъ*, назначавшійся, безъ сомнѣнія, изъ высшихъ служилыхъ людей. Это видно изъ того, что Ратиборъ былъ сперва посадникомъ Всеволода въ Тмутаракани, а потомъ при Мономахѣ тысяцкимъ Кіевскимъ. Тождество вирника и посадника, иначе именуемаго намѣстникомъ (II, 118; III, 125), можно подтвердить однимъ мѣстомъ Лаврентьевской лѣтописи, въ которомъ сказано, что въ 1176 году, т. е. спустя 50 лѣтъ по смерти Мономаха, Ростовская земля роздана была *по городамъ* въ посадничество *русскимъ дѣтскимъ*, и что

---

[1] Полн. собр. русск. лѣт., т. I, стр. 118.

они многу тяготу людямъ створиша *продажами* и *вирами*. Значитъ посадники завѣдывали взысканіемъ виръ и потому могли называться также и вирниками. Это тѣмъ болѣе справедливо, что считать посадника и вирника отдѣльными должностными лицами, перваго административнымъ правителемъ, а втораго—уголовнымъ судьею ([1]), значитъ присвоивать нашей старинѣ вовсе ей несвойственныя понятія о раздѣленіи властей судебной и административной, тогда какъ этого не было и послѣ временъ Правды, потому-что наши древніе *намѣстники* и *волостели* были вмѣстѣ и судьями.—Независимо отъ того, изъ приведеннаго выше мѣста лѣтописи, а также изъ выраженія Правды: «аже кто своего холопа самъ досочится въ чьемъ либо *городѣ*, а будетъ *посадникъ* не *вѣдалъ* его, то, повѣдавше ему, пояти ему отрокъ отъ него» (II, 108), можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) въ каждой верви или посадничествѣ находился городъ, бывшій мѣстопребываніемъ вирника или посадника; слѣдовательно вервію назывался большій или меньшій округъ съ городомъ; 2) упоминаніе лѣтописцемъ, что посадничество было роздано *дѣтскимъ*, безъ сомнѣнія, княжимъ, наводитъ на ту мысль, что это былъ первый примѣръ назначенія ихъ посадниками, и что вѣроятно прежде, если и дѣлали ими не однихъ бояръ, а также и огнищанъ, но, должно думать, достигшихъ большаго значенія въ службѣ.

При вирникахъ или посадникахъ находились *отроки* (II, 7, 108), которые иначе назывались *метельниками* или *метальниками*. Это видно изъ того, что въ 7 ст. Троицкаго списка Правды сказано сначала: *то ти вирнику со отрокомъ*, а потомъ: *вирнику 8 гривенъ... а метельнику* (въ другихъ спискахъ метальнику) *12 вѣкши*. Очевидно, слова метельникъ и отрокъ употреблены въ означенной статьѣ одно вмѣсто другаго. Сверхъ того, мы встрѣчаемъ въ Правдѣ названія: *мечникъ и емецъ*. Въ 41 статьѣ Академическаго списка Правды сказано: «*а кто изымалъ тому десять рѣзанъ, а отъ гривнѣ мечнику куна, а въ десятину* ([2]) *15 кунъ, а князю 3 грив-*

([1]) См. Опытъ повѣств. о древностяхъ рус. Успенскаго, 1818 г., стр. 328 и 341.

([2]) Въ Акад. спискѣ сказано: въ *девятину*, но это очевидная ошибка. Слѣдуетъ читать по Татищев. Погодинск. списку—въ *десятину*. См. Изслѣдов. Калач. о Русск. Правдѣ, стр. 135.

ны; а отъ 12 гривну—емцю 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ (I, 41). Въ этой статьѣ при распредѣленіи кунъ сначала сказано: *мечнику* столько-то, *въ десятину* столько-то, *князю* столько-то; а потомъ: *емцу* столько-то, *въ десятину* столько-то и *князю* столько-то. Если въ двухъ мѣстахъ одной и той же статьи, изъ трехъ распредѣленій кунъ въ каждомъ мѣстѣ, два назначенія совершенно одинаковы, именно князю и въ десятину, то необходимо должно заключить, что и при третьемъ назначеніи не допущено никакой особенности, и что слѣдовательно слово *мечникъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ слову *емецъ*. Но въ чемъ состояла должность мечника или емца? Для разрѣшенія этого вопроса, обратимся снова къ выписанной нами выше 41 ст. Академическаго списка Правды. Первыя слова означенной статьи: «*а кто изымалъ, тому десять рѣзанъ*», выражаютъ отношеніе къ чему-то прежденсказанному, и потому эти слова, какъ неимѣющія самостоятельнаго смысла, слѣдуетъ отдѣлить отъ того постановленія, къ которому они присовокуплены въ изданіи Правды г. Калачова, и присоединить къ предшествовавшей имъ статьѣ. Такимъ образомъ выйдетъ: «аже украдутъ овцу, или козу, или свинью, а ихъ будетъ 10 одну овцу украли, да положатъ по 60 рѣзанъ продажи, а кто изымалъ тому 10 рѣзанъ». Изъ этого видно, что сверхъ взысканія 60 рѣзанъ продажи съ каждаго изъ *десяти* виновныхъ, они должны были заплатить емцу *десять* рѣзанъ, т. е. по рѣзанѣ или кунѣ съ человѣка. И такъ, по соображеніи 40 статьи съ статьею 41 Правды, по Академическому списку, открывается, что тотъ, кто изымалъ татя, былъ *емецъ*. Но подъ нимъ не слѣдуетъ разумѣть частное лице, поймавшее вора, потому-что: 1) одинъ человѣкъ (обращаясь къ приведенной нами статьѣ) не въ состояніи былъ безусловно поймать 10 воровъ; 2) вора могъ поймать и самъ обиженный воровствомъ, и за это не для чего было давать ему особой платы. *Емцы* или *мечники*, безъ сомнѣнія, были лица, состоявшія при посадникахъ для *иманія*, т. е. для представленія къ ихъ суду, но не однихъ только татей, а вообще обвиняемыхъ въ какихъ бы ни было преступленіяхъ; слѣдовательно емцы вполнѣ соотвѣтствовали *приставамъ* и *недѣльщикамъ*, упоминаемымъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, которымъ давались *приставныя* грамоты для доставленія кого нибудь къ суду. Если слово *емецъ* происходитъ отъ глагола *имать*, то и слово

мечникъ, какъ тождественное названію *емецъ*, должно имѣть своимъ корнемъ глаголъ, сколько возможно по значенію соотвѣтствующій этому названію. Посему мы думаемъ, что существительное *мечникъ* происходитъ отъ глагола *метать*, какъ бы въ значеніи *метать къ суду*, представлять, а слѣдовательно *мечникъ* одно и то же, что *метальникъ* или *метельникъ*, и то же самое, что *отрокъ*, который также посылался для *увязанія* бѣглаго холопа (II, 108), т. е. для поимки виновнаго. И такъ, *емецъ, мечникъ, метальникъ* или *метельникъ* и *отрокъ* суть названія совершенно тождественныя и указываютъ на одну и ту же должность. Кромѣ обязанности представлять обвиняемыхъ къ суду, на емцовъ или отроковъ возлагались и другія порученія, напр. они были отправляемы съ писцами для возстановленія истребленныхъ или поврежденныхъ межъ (II, 64—67). Посадническіе *мечники*, безъ сомнѣнія, были *смерды*, согласившіеся отправлять эту должность едвали не изъ одного *кормленія* и *пошлинъ*, назначавшихся мечникамъ по закону.

Самая обязанность мечниковъ представлять обвиненнаго къ суду, и то, что они состояли при вирникахъ или посадникахъ, показываютъ, что эти послѣдніе въ своей верви имѣли право суда. Въ стольныхъ же городахъ того или другаго княжества, такъ какъ въ этихъ городахъ посадниковъ не было, творили судъ и расправу сами князья при посредствѣ своихъ *дѣтскихъ* или *отроковъ*, которые также назывались *мечниками*, безъ сомнѣнія, потому, что въ кругъ ихъ обязанности входило представлять обвиненнаго на судъ княжескій. Такъ изъ Ипатіевской лѣтописи видно, что въ 1174 году великій князь Андрей Суздальскій посылалъ къ Ростиславичамъ *мечника* своего Михна требовать выдачи бояръ Хотовича, Степанца и Святославца, онодозрѣнныхъ великимъ княземъ въ отравленіи брата его Глѣба [1]. Само собою разумѣется, Михно былъ княжъ отрокъ, названный *мечникомъ* въ соотвѣтственность съ сдѣланнымъ ему порученіемъ представить на судъ князя обвиненныхъ въ преступленіи. Но суду князя подлежали не одни жители столицы, а каждый подданный его княжества, какой бы верви онъ ни принадлежалъ, если только желалъ судиться у князя. Извѣстно, что два преступника волхва, задержанные въ Бѣлозерскѣ Яномъ, тре-

---

[1] Стр. 22.

бовали княжаго суда [1]. Хотя требованіе ихъ и не было уважено, однакожъ оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что существовалъ обычай испрашивать разбирательства дѣла самимъ княземъ. Притомъ, изъ Правды видно, что закупъ, обиженный своимъ господиномъ, могъ бѣжать *ко князю* или *къ судіямъ*, т. е. просить защиты обыкновеннымъ судомъ или судомъ княжимъ (II, 52). Такимъ образомъ, у насъ въ древности, хотя не въ точныхъ, въ неопредѣленныхъ формахъ, существовали двѣ инстанціи суда: судъ мѣстный—*посадничій* и *судъ общій—княжій*. Однакожъ князья иногда исключали изъ непосредственнаго своего завѣдыванія судныя дѣла. Такъ великій князь Всеволодъ Ольговичъ назначилъ для производства суда въ стольныхъ городахъ Кіевѣ и Вышгородѣ особыхъ тіуновъ. Но тотчасъ, по смерти Всеволода, въ 1146 году, Кіевляне, выразивъ брату его Святославу свое неудовольствіе на тіуна Кіевскаго *Ратшу* и Вышегородскаго—*Тудора*, просили, чтобы будущій князь самъ творилъ имъ судъ и расправу. Они говорили: «Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ: *аще кому насъ будетъ обида, то ты прави»* [2], т. е. если случится у кого изъ насъ судное дѣло, то расправу твори ты, князь, самъ. Назначенные Всеволодомъ тіуны вѣроятно соотвѣтствовали посадникамъ или вирникамъ провинціальныхъ городовъ. Эти тіуны также имѣли при себѣ мечниковъ, какъ видно изъ того, что Кіевляне *устремишася на Ратшинъ дворъ грабить и на мечники*. Безъ сомнѣнія мечники здѣсь разумѣются тіунскіе, участвовавшіе съ тіуномъ въ его насиліяхъ и неправдахъ. Мѣсто, гдѣ производился судъ, называлось *княжимъ дворомъ*, а иногда просто *дворомъ*. Въ Правдѣ сказано: «аже придетъ кровавъ мужъ *на дворъ* (II, 23); аже ли й (татя) додержатъ до свѣта, то вести *на княжъ дворъ* (II, 36). Нельзя думать, чтобы татя, гдѣ бы онъ ни былъ пойманъ, хотя бы на значительномъ разстояніи отъ мѣстопребыванія князя, слѣдовало непремѣнно къ нему вести. Гораздо основательнѣе будетъ предполагать, что *княжимъ дворомъ* называлась вообще всякая общественная посадническая изба, гдѣ посадники, властію, данною имъ отъ князя, разбирали судныя и другія дѣла.

---

(1) Полн. собр. рус. лѣт., т. I, стр. 75 и 76.—(2) Тамъ же, т. II, стр. 22.

Остается сказать нѣсколько словъ о *писцахъ*, *мытникахъ*, *мостникахъ и городникахъ*.

Подъ *писцами*, вѣроятно, разумѣли грамотныхъ простолюдиновъ, состоявшихъ при посадникѣ и получавшихъ за свой трудъ вознагражденіе установленными для нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пошлинами. Они занимались составленіемъ, можетъ быть, писцовыхъ книгъ, на основаніи которыхъ производилось взысканіе податей, а также написаніемъ *розъѣзжихъ*, т. е. межевыхъ записей (¹). Это послѣднее предположеніе подкрѣпляется тѣмъ, что въ Правдѣ объ отправленіи *писца* съ *отрокомъ* (II, 67) говорится тотчасъ за статьями о порчѣ межъ, о разнаменаніи бортей и межныхъ дубовъ. Должно полагать, что писецъ въ этомъ случаѣ отправлялся для того, чтобы возстановить прежнія межи по межевымъ записямъ.

Что касается *мытниковъ*, *мостниковъ* и *городниковъ*, то хотя мы вовсе не признаемъ ихъ должностными лицами, даже наемными; но для опроверженія мнѣнія считающихъ ихъ такими, не можемъ здѣсь объ нихъ умолчать.

Чтобы опредѣлить, кого разумѣли въ старину подъ *мытниками*, выпишемъ изъ нашихъ памятниковъ слѣдующія мѣста: 1) «Володиміръ же пріиде къ Бѣлугороду къ мостку вборзѣ: въ то же время Борисъ пьяшетъ въ Бѣлгородѣ... да чебы не *мытникъ* устерегль и *моста не переметалъ*, то яли быша (²)»; 2) «а на мытѣхъ имати съ воза по мортке обѣушной; а поѣдетъ на верхъ съ торговлею, ино мортка же; а поѣдетъ безъ торговли, съ того мыта и пошлинъ нѣтъ (³); 3) и какъ вамъ ся грамота придетъ, и выбъ, по большимъ рѣкамъ и по малымъ рѣкамъ, *наши перевозы* и *мыты*, и нашихъ боаръ и всякихъ людей *перевозы* и *мыты* переписали, и *суды* и *плоты* переписали на насъ (⁴)».—Имѣя въ виду, что мытникъ переметалъ мостъ на рѣкѣ, т. е. перетянулъ плотъ, что мыты и перевозы различны между собою, и что въ соотвѣтственность названіямъ *мыто* и *перевозъ* поставлены слова *плоты* и *суда*, мы думаемъ, что подъ мытниками разумѣлись люди, имѣвшіе паромы на рѣкахъ и пользовавшіеся правомъ брать въ свою пользу извѣстную плату за перевозъ, но только съ тѣхъ лицъ, которыя ѣхали съ

(¹) Акт. Юрид., стр. 169.—(²) Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 56.—(³) Акт. Арх. Эксп. т. I, стр. 10.—(⁴) Тамъ же, т. I, стр. 454.

товарами на продажу. Безъ сомнѣнія и во время Правды мытники тоже не были должностными лицами, а частными содержателями плотовъ. Тѣмъ болѣе съ этимъ можно согласиться, что и въ послѣдствіи, когда мыты и перевозы отписаны были на князя, сборъ перевозныхъ пошлинъ отдавался желающимъ ихъ взять на откупъ, особыхъ же чиновниковъ для того не назначалось. По такимъ основаніямъ мы полагаемъ, что мнѣніе будто *мытникъ* былъ должностное лице, именно *таможенный приставъ* (¹), неправильно. Оно очевидно произошло отъ смѣшенія пошлины *за перевозъ товаровъ* (мыто) съ пошлиною, взимавшеюся съ самыхъ товаровъ *при ихъ продажѣ*. Послѣдняя пошлина называлась *тамгой*, а потому и сбиравшіе ее именовались *таможенниками*, которыхъ во времена Правды вовсе не было.

Городниковъ и *мостниковъ* то же считаютъ какими то должностными лицами (²), тогда какъ смыслъ статей Правды о нихъ совершенно ясенъ: они были ничто иное, какъ *плотники*, которымъ выдавались, безъ сомнѣнія, общиной, гдѣ производилась работа, опредѣленные закономъ плата и кормъ *донелѣ городъ срубятъ*, т. е. построятъ крѣпостцу, или *мостъ помостятъ* или *починятъ ветхій мостъ* (II, 90, 91).

Переходя къ разсмотрѣнію *ратныхъ чиновъ*, мы вообще должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи наша старина не представляетъ никакой многосложности. Все ограничивалось *военачальниками* и простыми ратниками или *ратаями*. Первые назывались *воеводами* и *тысяцкими*, а послѣдніе *гридинами*, *варягами* и *колбягами*. Между простыми ратаями старосты воинскіе именовались *тіунами ратайными*.

Тысяцкіе были тѣ же воеводы, какъ это видно изъ выраженія Несторовой лѣтописи подъ 1089 годомъ: *«воеводство держащю Кіевскія тысяща Яневи»* (³). Они находились только въ стольныхъ городахъ княжествъ, и при каждомъ князѣ было не по нѣскольку, а по одному тысяцкому. Такъ напр. въ Кіевѣ, при Владимірѣ Мономахѣ, тысяцкимъ былъ *Ратиборъ*, въ Бѣлгородѣ—столицѣ стар-

---

(¹) См. въ соч. «О судебныхъ доказательствахъ», Пахмана, стр. 52.—(²) Изслѣд. о Рус. Правдѣ Калачова, стр. 77 и 78.—(³) Полн. собр. рус. лѣт., т. I, стр. 89.

шаго сына Мономахова Мстислава—*Прокопій*; въ Переяславлѣ—стольномъ городѣ другаго сына Мономахова Ярополка--*Станиславъ* (II, 48). Сообразивъ это, слѣдуетъ заключить, что *тысяцкимъ* именовался начальникъ всегда находившихся при томъ или другомъ князѣ ратниковъ, и отличался отъ *прочихъ воеводъ* вѣроятно тѣмъ, что послѣдніе назначались только на случай войны, тысяцкій же былъ воеводою постояннымъ.

Гридины, *варяги* и *колбяги*, какъ мы уже замѣтили выше, были простые *ратаи*. По объясненію г. Сенковскаго, слова́: *гридинъ* и *варягъ* тождественны и равно означаютъ норманскихъ воиновъ, служившихъ у князей по найму; подъ словомъ же *колбягъ* (отъ турецкаго слова: *кулъ-бегъ*, военнослужащій) разумѣли тоже военнаго наемника, но изъ Половцевъ, или, можетъ быть, и изъ другихъ племенъ турецкаго происхожденія, кочевавшихъ на югѣ Россіи ([1]). Что подъ *варягами* слѣдуетъ понимать норманскихъ воиновъ, въ этомъ всѣ согласны, а такъ какъ въ Правдѣ на ряду съ *варягомъ* стоитъ всегда *колбягъ* (I, 9, 10; II, 25; III, 26), то безъ сомнѣнія и послѣдняго также должно считать воиномъ. При томъ, не иначе, какъ принявши *варяговъ* и *колбяговъ* за воиновъ, можно объяснить себѣ удовлетворительно то преимущество, которое было имъ предоставлено въ Правдѣ. Одни эти лица имѣли право оправдывать себя отъ поклепной виры только *двумя*, а не *семью* свидѣтелями подобно другимъ (III, 15) ([2]). Безъ сомнѣнія, варягамъ и колбягамъ, какъ воинамъ-наемникамъ, съ цѣлью отклоненія съ ихъ стороны повода къ неудовольствіямъ и жалобамъ, предоставлено было больше средствъ оправдывать себя отъ обви-

---

([1]) См. Библіот. для чтен. 1844 г., Апрѣльская книжка.—([2]) По нашему мнѣнію въ статьѣ: «аще будетъ на кого поклепная вира, то оже будетъ послуховъ 7, то ти выведутъ виру; паки ли варягъ или кто инъ, то два (II, 13; III, 15)», вмѣсто *кто инъ*, стояло въ подлинникѣ *колбягъ*, потому что: 1) въ другихъ статьяхъ Правды за словомъ варягъ всегда непосредственно слѣдуетъ слово колбягъ; 2) выраженіе *кто инъ* очевидно искажено, такъ какъ вовсе не опредѣляетъ кто еще, кромѣ варяговъ, могъ оправдываться двумя свидѣтелями. Слова *кто инъ* слѣдовало бы относить ко всѣмъ не варягамъ, т. е. ко всѣмъ остальнымъ людямъ, а въ такомъ случаѣ различіе, дѣлаемое въ Правдѣ между тѣми, кто обязанъ былъ представлять двухъ послуховъ, и тѣми, кто долженъ былъ представлять ихъ 7, становилось бы вовсе ненужнымъ и теряло бы свой смыслъ.

неній въ убійствѣ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе, кого собственно между обитателями древней Руси должно принимать за *колбяговъ*, изложимъ однако свое предположеніе на этотъ счетъ. Какъ *Половцы*, такъ и *Черные Клобуци*, по выраженію нашихъ лѣтописей, были равно *поганые*, притомъ первые иногда назывались *дикими*. Эпитеты: *дикіе* и *черные*, прилагавшіеся къ поганымъ, весьма замѣчательны. Подъ дикими, безъ сомнѣнія, разумѣли поганыхъ *свободныхъ*, *неподвластныхъ*, такъ какъ и *дикая вира* означала свободную, невынужденную складчину (II, 6); *черными* же называли поганыхъ *подвластныхъ*, *обязанныхъ къ чему нибудь*. Если такъ, то кого слѣдуетъ считать *Черными Клобуками*? Въ одномъ мѣстѣ Ипатіевской лѣтописи сказано: «поиде Мстиславъ изъ Володиміра съ полкомъ своимъ и съ *Берендъи, Куи, Торки* и Печенѣги.... и начаша просити *Черные Клобуци* (¹). Имѣя въ виду, что въ выписанномъ нами мѣстѣ о Черныхъ Клобуцѣхъ не упоминалось прежде ни слова, мы думаемъ, что Берендѣи, Куи, Торки и Печенѣги всѣ вмѣстѣ и составляли Черныхъ Клобуковъ, и что слѣдовательно *клобуци* не есть названіе племени, а указываетъ только на повинность, которую обязаны были нести означенныя племена, и потому-то къ слову *клобуци* и прибавлено еще эпитетъ *черные*. Такъ какъ черные клобуци несли военную службу, то легко можно предполагать, что названіе *клобуци* есть только искаженное въ устахъ народа слово *колбяги*, т. е. военнослужащіе.

Какъ бы то ни было, но вѣроятно сначала только названіе *гридинъ* относилось къ *варягамъ*, а потомъ утратило свое первоначальное значеніе и принималось уже въ смыслѣ вообще туземнаго войска изъ смердовъ, а *колбяги* въ смыслѣ войска, составлявшагося изъ кочевавшихъ на югѣ Россіи племенъ. Колбяги были конные воины. Это подтверждается тѣмъ, что кочующіе народы турецкаго племени всегда имѣли у себя только конницу, такъ и тѣмъ, что образовавшіяся должно быть подъ вліяніемъ того представленія, какое соединяли съ *колбягомъ*, старинныя польскія слова *kulbaka*, *okulbaczyć*—означаютъ *сѣдло*, *осѣдлать*.

Старшіе между простыми *гридинами*, а можетъ быть и *колбягами*, назывались *тіунами ратайными*. Г. Калачовъ въ своемъ ука-

---

(¹) Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 90.

затѣмъ къ изданному имъ тексту Русской Правды слово *ратайный* переводитъ словомъ *земледѣльческій;* но мы думаемъ, что прилагательное ратайный образовалось изъ существительнаго *ратай*—воинъ, и что *тіунъ ратайный* значитъ *тіунъ военный.* Такъ какъ въ Академическомъ спискѣ Правды вмѣсто тіунъ ратайный сказано *староста* ратайный, слово же староста, по филологическому объясненію, значитъ *старъ-о-ста* (1), старшій въ сотнѣ, то изъ этого мы заключаемъ, что тіунъ ратайный былъ ни что иное, какъ сотскій, сотенный начальникъ въ войскѣ.

Должностныя лица княжескаго дворца, какъ мы объяснили выше, вообще назывались *огнищанами.* Изъ нихъ въ частности упоминается въ Правдѣ: *о подъѣздныхъ княжихъ, княжихъ отрокахъ* или *дѣтскихъ* и *тіунахъ княжихъ.*

Въ чемъ состояла должность *подъѣзднаго*—неизвѣстно. Вѣроятно обязанность его имѣла отношеніе къ княжей охотѣ. Изъ поученія Мономаха своимъ дѣтямъ видно, что у князей существовалъ *«ловчій нарядъ»,* т. е. были разныя должности по ловлѣ звѣрей, и *подъѣзднымъ* могъ называться тотъ, кто посылался для отысканія и поднятія звѣря. Впрочемъ, должность *подъѣзднаго* можно объяснить еще иначе. Подъ нимъ не разумѣли ли начальника передоваго отряда въ войскахъ, высылавшагося для рекогносцировокъ, для развѣдыванія о силѣ непріятеля? По крайней мѣрѣ слово *подъѣзды* употреблено въ такомъ смыслѣ у Котошихина (2).

Княжимъ отрокамъ или *дѣтскимъ* давались разныя порученія, въ томъ числѣ и по производству суда; такъ въ Правдѣ упоминается, что дѣтскій посылался для дѣлежа наслѣдства между братьями, когда споръ о немъ они переносили на судъ князя (II, 100), и что дѣтскій присутствовалъ при испытаніи кого либо желѣзомъ, потому-что въ статьѣ, въ которой говорится о такомъ испытаніи, назначена, въ числѣ другихъ лицъ, особая плата и дѣтскому (II, 82). Дѣтскій или княжъ отрокъ иначе назывался мечникомъ, какъ это мы объяснили выше.

Хозяйственное управленіе княжескимъ дворцемъ поручалось *тіунамъ княжимъ.* Изъ Ипатіевской лѣтописи видно, что Иза-

---

(1) См. Временникъ 1852 г., кн. 12, стр. 13 и 14.—(2) О Россіи въ цар. Алек. Михайлов., стр. 107.

славъ Мстиславичъ посылалъ своихъ *тіуновъ* въ Кіевскую область для опознанія захваченныхъ у него стадъ и имущества ([1]). Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи говорится, что Ростиславъ Мстиславичъ, по смерти Вячеслава, приказалъ *тіунамъ* послѣдняго принести *передъ ся* имущество умершаго: порты, золото и серебро ([2]). Эти мѣста подтверждаютъ наше мнѣніе о княжихъ тіунахъ. Ихъ было три разряда: *тіуны огнищные, тіуны конюшіе* и *тіуны сельскіе* (II, 10). Судя по самому названію, *первые* изъ нихъ завѣдывали дворцомъ и всѣмъ, къ нему принадлежащимъ, а также *поварами; вторые—конюхами*, конюшнями и конскими стадами. Что у князей были конскія стада, это видно: 1) изъ статьи Правды объ убійствѣ Дорогобужцами Изяславова конюха стараго у стада (I, 21); 2) изъ Ипатіевской лѣтописи, гдѣ подъ 1146 годомъ сказано, что Изяславъ Мстиславичъ заграбилъ Игоревы и Святославовы стада: кобылъ стадныхъ 3000 и коней 1000 ([3]). *Сельскіе* же *тіуны княжи*, выбиравшіеся изъ княжескихъ холоповъ или смердовъ *по ряду*, и потому не принадлежавшіе къ *огнищанамъ*, вѣроятно имѣли въ своемъ завѣдываніи сельское имущество князя; напр. его поля, его житницы, его овецъ. Что князья держали и овецъ, это подтверждается Несторовою лѣтописью, гдѣ подъ 1097 годомъ упоминается объ *овчюхѣ Святополка*.—Въ какомъ отношеніи *тіуны княжескіе* поставлены были къ дворцу князя, въ такомъ, безъ сомнѣнія, *тіуны боярскіе* или *ябетники* находились къ дому боярина, слѣдовательно послѣдніе были ничто иное, какъ управители; потому-то и встрѣчается въ Правдѣ выраженіе: *тивуньство*.... или *привяжетъ ключь къ собѣ* (II, 104).

B. О кормленіи и судебныхъ пошлинахъ.

Обратимся теперь къ изслѣдованію о кормленіи и судебныхъ пошлинахъ, назначавшихся въ пользу должностныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи въ Правдѣ исключительно опредѣлены только выгоды, коими пользовались отъ службы лица, занимавшія должности по внутреннему управленію Россіи. Изъ придворныхъ чиновъ два раза упоминается въ Правдѣ о полученіи платы за исполненіе сво-

---

([1]) Полн. собр. рус. лѣт. т. II, стр. 48.—([2]) тамъ же, стр. 75.—
([3]) Полн. собр. рус. лѣт., т. II, стр. 26.

ихъ обязанностей *княжимъ отрокомъ* или *дѣтскимъ*, именно: онъ получалъ *гривну кунъ*, когда, по порученію князя, дѣлилъ наслѣдство тяжущихся братьевъ (II, 100), и *полгривны*,—за присутствованіе при испытаніи кого либо желѣзомъ (II, 82). Такимъ образомъ намъ приходится говорить здѣсь объ однихъ только вирникахъ или посадникахъ и о ихъ отрокахъ или емцахъ. Скажемъ сперва о назначавшемся имъ *кормленіи*, а потомъ о доходахъ ихъ отъ *производства дѣлъ*.

При Ярославѣ вирникъ въ *мясоѣдъ*, въ случаѣ взысканія виры, получалъ съ своей верви, т. е. съ общины, ввѣренной его управленію (¹): 1) *каждый день*, за исключеніемъ постныхъ дней среды и пятницы, *по двѣ курицы*; въ среду же и пятницу—*рыбу* или вмѣсто рыбы въ тотъ и другой день *по рѣзанѣ*; 2) *каждую недѣлю 7 ведръ солода*, *три сыра*, а также *овцу* или *полоть* (т. е. половину свиной или другой какой либо туши). При наступленіи постовъ вирнику отпускалась *рыба*. Впрочемъ, ему въ это послѣднее время, кромѣ солода, дававшагося и въ постные дни въ натурѣ, дозволялось брать вмѣсто означеннаго корма деньги, именно: вмѣсто овна или полоти 2 ногаты или *5 кунъ*, вмѣсто трехъ сыровъ—*три куны*, и вмѣсто ежедневной дачи рыбами, въ замѣну куръ, *по рѣзанѣ* или *кунѣ* въ день, т. е. въ недѣлю за рыбы *7 кунъ*; слѣдовательно всего въ недѣлю, во время постовъ, вирникъ могъ получать *15 кунъ*, какъ объ этомъ дѣйствительно и сказано въ Правдѣ (I, 42). Независимо отъ того, ему постоянно давался *хлѣбъ* и *пшено*, сколько былъ въ силахъ съѣсть, а во время разъѣздовъ поставлялись для него 4 лошади и фуражъ на нихъ. Если

(¹) Въ Академическомъ спискѣ Правды сказано: *«до недѣли же виро зберутъ вирници»*. Такое выраженіе, по видимому, даетъ основаніе думать, что вирникъ обязанъ былъ въ теченіе одной недѣли взыскать виру, и что слѣдовательно онъ могъ только въ продолженіе этого времени пользоваться кормленіемъ. Но это невѣроятно, потому что вообще виры, по тогдашнему времени, составляли суммы весьма значительныя. Мы думаемъ, что означенное выраженіе искажено, именно вмѣсто: *донелѣже зберутъ вирници* написано *до недѣли же*. Такая догадка кажется намъ тѣмъ болѣе справедливою, что слово *донелѣ*, т. е. доколѣ, употребляется въ Правдѣ (II, 90; III, 108) и что виру именно дозволялось взыскивать даже нѣсколько лѣтъ. Такъ въ Троицкомъ спискѣ говорится: *которая ли вервь начнеть платити дикую виру колико лѣтъ* (II,4).

же оцѣнить весь тотъ кормъ, который, за исключеніемъ солода, хлѣба и пшена, получалъ вирникъ въ скоромные дни, то ему приходилось бы болѣе, чѣмъ 15 кунъ въ недѣлю, именно вмѣсто полоти или овцы — 5 кунъ, вмѣсто трехъ сыровъ—*три куны*, въ среду и пятницу—*по кунѣ*, въ остальные дни недѣли вмѣсто 10 куръ—*90 кунъ*, потому-что курица стоила 9 кунъ, т. е. всего 100 кунъ или 2 *гривны кунъ въ недѣлю*. Такимъ образомъ, полагая въ году среднимъ числомъ 18 недѣль постовъ и 34 недѣли мясоѣда, выйдетъ, что вирникъ ежегодно получалъ корму болѣе чѣмъ на *70 гривенъ кунъ*, кромѣ солода, хлѣба, пшена и фуража на 4 лошадей. О кормленіи для отрока при Ярославѣ не упоминается. При Изяславѣ кормленіе вирнику оставлено то же самое, только сказано, что давалось ему совмѣстно съ отрокомъ. Притомъ опредѣлено количество *хлѣба* и *пшена*, именно по 7 уборковъ на недѣлю; кромѣ того прибавлено къ недѣльной дачѣ 7 уборковъ *гороху* и 7 головажень *соли*. При Владимірѣ Мономахѣ кормленіе вирнику съ отрокомъ было то же, что и при Изяславѣ; но въ случаѣ разъѣздовъ для исполненія разныхъ порученій отрокъ получалъ еще особое кормленіе, безъ сомнѣнія съ жителей того мѣста, гдѣ находился, именно: *овна* или *полоть* и иной кормъ, сколько *черево возметъ* (II, 67). Сверхъ того, отроку поставлялись при проѣздѣ *двѣ лошади* съ проводникомъ, и отпускался на двухъ лошадей фуражъ. Мы сказали, что отроку, а также безъ сомнѣнія и вирнику, давался *проводникъ* или *ямщикъ*: это, по нашему мнѣнію, видно изъ слѣдующаго мѣста Правды: «*отроку* 2 гривны и 20 кунъ, а *самому* ѣхати *со отрокомъ* на 2 коню» (II, 67). По смыслу этого мѣста выходитъ, что *отрокъ* ѣхалъ съ *отрокомъ*. Очевидно, послѣднее слово употреблено въ значеніи проводника, ямщика. Употребленіе въ такомъ смыслѣ слова *отрокъ* весьма схоже съ тѣмъ, какое и нынѣ дѣлаютъ изъ слова *малый*, относя его къ слугѣ.

Доходы отъ производства дѣлъ состояли въ *пошлинахъ*, которыя большею частію назначались въ пользу вирника и емца. Онѣ вообще взыскивались: 1) отъ каждой *виры* и *продажи* и со всякихъ *тяжъ*; 2) отъ каждаго испытанія желѣзомъ, и 3) отъ привода къ присягѣ. Въ платежѣ пошлинъ участвовали не только отвѣтчики, но и истцы.

Отъ каждаго дѣла объ убійствѣ, за которое законъ опредѣлялъ

виру, какъ вирникъ, такъ и емецъ получали извѣстную пошлину съ отвѣтчиковъ и истцовъ. Если по дѣлу о лишеніи кого либо жизни былъ *отвѣтчикъ*, самъ ли убійца или община, то къ вирѣ, взыскивавшейся съ того или другой, по уставу Изяслава, присовокуплялась слѣдующая пошлина: «вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкши, а съсадная гривна; аже будетъ вира въ 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны» (II, 7 и 8). Изъ этого видно, что вирнику, безъ сомнѣнія, при 40 гривенной вирѣ, давалось 8 гривенъ, т. е. *40 процентовъ съ 40 гривенъ*, и 10 кунъ перекладныхъ, т. е. *добавочныхъ* (¹), а емцу или метальнику 12 вѣкошь, да кромѣ того *ссадная гривна*; при 80 гривенной вирѣ вирникъ получалъ 16 гривенъ, т. е. *40 процентовъ съ 80 гривенъ*, и 10 кунъ добавочныхъ, 12 же вѣкошъ и *ссадная гривна* по прежнему, разумѣется, назначались метальнику, которому сверхъ того давалась также и *головная пошлина*, 3 гривны. Притомъ, мы думаемъ, что выраженіе: «*а за голову 3 гривны*», вообще относится ко всему, выписанному нами, постановленію Правды, и что слѣдовательно метальникъ получалъ головную пошлину не только при 80-ти, но и при 40-ка гривенной вирѣ (²). Такъ какъ въ началѣ статьи устава Изяслава, изъ которой мы выписали выше только конецъ, сказано: «*а се покони вирнии были при Ярославѣ*», то, безъ сомнѣ-

---

(¹) Наше мнѣніе о 10 кунахъ подтверждается тѣмъ, что въ Пушкинскомъ спискѣ сказано: «вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ *приклада на н*», т. е. на 8 гривенъ. См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ Калачова стр. 115.

(²) Наше мнѣніе о 3-хъ гривенной пошлинѣ подтверждается тѣмъ, что выраженіе: «*а за голову* 3 *гривны*» въ спискахъ Правды Толстовскомъ и Горюшкинскомъ употреблено не только при исчисленіи пошлины съ 80-ти гривенной виры, но и при исчисленіи пошлинъ съ 40 ка гривенной виры. Въ означенныхъ спискахъ сказано: 1) вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метальнику 12 вѣкошь, а ссадная гривна, *а за голову* 3 *гривны*; 2) оже будетъ вира въ 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкошь, а переди ссадная гривна, *а за голову* 3 *гривны*. Г. Калачовъ, въ своемъ изслѣдованіи о Правдѣ, удостовѣряетъ, что такое повтореніе этого послѣдняго выраженія сдѣлано и въ Карамзинскомъ спискѣ; но въ изданномъ г. же Калачовымъ текстѣ Правды »словъ: а за голову 3 гривны» не находится при исчисленіи пошлинъ съ 40-ка гривенной виры. См. Изслѣдован. о Рус. Прав. стр. 115 и Текстъ Прав. III, 7.

нія, какъ въ его время, такъ и при Изяславѣ и Мономахѣ, взыскивались одни и тѣ же нами означенныя пошлины. Опредѣлить же ихъ количество, основываясь на Ярославовомъ уставѣ, невозможно, потому что мѣсто о пошлинахъ съ виръ искажено въ немъ во всѣхъ спискахъ, именно: въ Академическомъ спискѣ показана пошлина въ 60 гривенъ, въ Румянцевскомъ—вмѣсто 60 стоитъ 6, а въ другихъ спискахъ 20 гривенъ. Если при взысканіи съ кого либо виры былъ еще и *истецъ*, или если кто заводилъ дѣло объ убійствѣ, но вира, по неуличенію въ преступленіи обвиняемаго, не назначалась, то въ томъ и другомъ случаѣ съ того, *кому помогутъ* (III, 118), т. е. по чьей жалобѣ или иску произведутъ разслѣдованіе, словомъ съ истца, взыскивалась *помочная пошлина* (III, 16), съ тѣмъ только различіемъ, что она въ послѣднемъ случаѣ одна только и имѣла мѣсто, а въ первомъ прибавлялась къ вирной пошлинѣ съ отвѣтчика. Въ Правдѣ сказано: «а се уроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метельнику 9 вѣкошь» (II, 99). Хотя здѣсь и не говорится кому давались 9 кунъ; но не можетъ быть сомнѣнія, что вирнику, такъ какъ въ Правдѣ за платой вирнику всегда стоитъ плата метальнику или емцу. И такъ, съ истца по дѣламъ объ убійствѣ вирникъ получалъ *помочнаго 9 кунъ*, а емецъ *9 вѣкошь*. По кромѣ того последнему назначалась еще какая то особая пошлина подъ названіемъ *сметной гривны*: «а иже свержетъ виру, то гривна кунъ *сметная* отроку; а кто ѝ клепалъ, а тому дати другую гривну» (II, 16). Изъ приведеннаго нами мѣста оказывается, что *сметная* гривна взыскивалась не только съ истца (кто ѝ клепалъ); но и съ отвѣтчика, оправдавшагося отъ обвиненія въ убійствѣ (иже свержетъ виру). Мы думаемъ, что между *сметною* гривною и *ссадною* гривною нѣтъ никакого различія, и что это только два названія одной и той же пошлины. Слово *ссадиться* у Котошихина ([1]) употреблено въ смыслѣ *слѣзать*: «а шапокъ бы напередъ пословъ не снимали и съ лошадей не *ссадились*». Слѣдовательно *ссадить* могло значить: высадить, сбросить, привести, доставить. Если такъ, то весьма вѣроятно, что глаголъ *ссадитъ*, также какъ глаголы *метать*, *сметать*, принимался въ Правдѣ въ смыслѣ представить къ суду, а такъ какъ этимъ именно и занимались емцы, то, по нашему мнѣнію,

([1]) О Россіи въ цар. Алек. Мих. стр. 48.

ссадная гривна и сметная гривна составляли одну и ту же пошлину, дававшуюся емцу или метальнику за привозъ, за доставленіе къ суду тяжущихся или подсудимыхъ. По видимому сметная или ссадная гривна вполнѣ соотвѣтствовала существовавшей въ послѣдствіи *ѣздовой* или *хоженой* пошлинѣ (¹), дававшейся *доводчикамъ*, доводчики же имѣли то же значеніе, какъ и *емцы*. Слово *переди*, встрѣчаемое въ выраженіи: *а переди ссадная гривна* (II, 8), показываетъ, что эта пошлина взыскивалась прежде прочихъ пошлинъ, не дожидаясь окончанія дѣла объ убійствѣ. Въ такомъ смыслѣ нарѣчіе *переди* употреблено и въ другомъ мѣстѣ Правды: «аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, *переди* пагубу исплативше» (II, 79). Такимъ образомъ вирникъ съ платимыхъ отвѣтчикомъ или общиной 40 гривенной и 80 гривенной виръ получалъ по *10 процентовъ* и кромѣ того на каждую виру 10 кунъ добавочныхъ, а емецъ—12 вѣкошь и 3 гривны *головной пошлины*; съ истца же, независимо отъ того, взыскивалась ли съ отвѣтчика вира или онъ оправдывался, вирнику и емцу давалась *помочная пошлина*, первому 9 кунъ, а послѣднему 9 вѣкошь. Но сверхъ означенныхъ пошлинъ емецъ пользовался по всякому дѣлу объ убійствѣ еще *ссадными* или *сметными* гривнами. Одна такая гривна выплачивалась истцомъ, а другая отвѣтчикомъ, даже такимъ, который *свергалъ виру*, т. е. оправдывался отъ обвиненія.

Пошлины съ продажъ опредѣлены въ слѣдующихъ статьяхъ Правды: 1) «аже украдуть овцу или козу или свинью, а ихъ будеть 10 одну овцу укралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи, а кто изымалъ, тому 10 рѣзанъ» (I, 40); 2) » а отъ грине мечнику куна, а въ десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривну емцю 70 кунъ, въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ» (I, 41). Въ этихъ статьяхъ говорится о пошлинахъ съ продажъ емцу или мечнику, и ни слова нѣтъ о такихъ же пошлинахъ вирнику; но нельзя допускать, чтобы онъ ихъ не получалъ. Такъ какъ вирникъ пользовался 10-ю процентами съ виръ, то вѣроятно 10 процентовъ назначались ему и съ продажъ, и потому мы думаемъ, что выраженіе *«въ десятину»* въ послѣдней изъ выписанныхъ нами статей Правды именно означаетъ опредѣленную для вирника

(¹) Акт., Эксп., т. 1, №№ 13, 143, 144, 150, 181, 183, 201.

пошлину. Съ этимъ тѣмъ болѣе можно согласиться, что и въ послѣдствіи наши *намѣстники* и ихъ товарищи *тіуны*, соотвѣтствовавшіе древнимъ посадникамъ или вирникамъ, получали 10 процентовъ даже съ самыхъ незначительныхъ судныхъ дѣлъ, именно: «случится судъ передъ намѣстникомъ, или передъ его тіуномъ, о рублѣ о Новгородскомъ, а восхотятъ помиритись, и они дадутъ намѣстнику *двадцать денегъ* Новогородскую, то ему и съ тіуномъ» (¹). Очевидно, что съ *рублеваго* суднаго дѣла бралось по 10 процентовъ какъ на намѣстника, такъ и на тіуна. Кромѣ того, въ одномъ актѣ ясно сказано: «имати пошлина судная съ рубля по 10 денегъ» (²). Все это насъ убѣждаетъ, что вирники также получали 10 процентовъ или десятину съ продажъ. Но въ какомъ количествѣ взыскивались эти послѣднія? Въ Правдѣ упоминается только о слѣдующихъ продажахъ: 60 кунъ, 3 гривны, 3 гривны и 30 кунъ, и 12 гривенъ. Хотя же изъ одной статьи устава Мономаха (II, 78) можно предполагать еще продажу въ 9 кунъ; но едва ли существовала особая пеня единственно на случай кражи сѣна и дровъ; притомъ не было никакого основанія взыскивать за похищеніе этихъ предметовъ 9 кунъ, тогда какъ за кражу утки платилось 60 кунъ продажи (I, 36) (³). Мы видѣли, что изъ 12 гривенъ 2 гривны поступали въ десятину, а 10 гривенъ князю, а такъ какъ продажею называлась поступавшая къ нему пеня за извѣстное преступленіе, то слѣдовательно изъ 12 гривенъ только 10 гривенъ *въ собственномъ смыслѣ* слѣдуетъ называть продажею, а 2 гривны были десятипроцентными на нихъ, т. е. *десятиною,* и назначались вирнику. Относительно *3 гривенъ* и *3 гривенъ и 30 рѣзанъ* или *кунъ* мы полагаемъ, что онѣ не составляли отдѣльныхъ пеней, и что 3 гривны были собственно продажею, а 30 кунъ десятипроцентными на нихъ. Если же въ Правдѣ упоминается въ однихъ мѣстахъ о 3-хъ гривнахъ и 30 кунахъ, а въ другихъ ровно о 3-хъ гривнахъ, то это показываетъ, что въ первомъ случаѣ обозначалась продажа въ соединеніи съ десятипроцентными на нее, а во второмъ—только одна продажа въ собственномъ смыслѣ. Опущеніе при послѣдней 30 кунъ не доказываетъ, чтобы онѣ и не взыскивались; напротивъ

(¹) Акт. Экси. т. I, № 181.—(²) Тамъ же, № 221.—(³) Подробнѣе объ этомъ изложено въ статьѣ о татьбѣ.

можно сказать положительно, что выплачиваніе ихъ производилось постоянно при каждой 3-хъ гривенной продажѣ. Это видно изъ того, что въ Правдѣ въ одномъ мѣстѣ говорится, что *клѣтный тать* подвергался платежу 3 гривенъ, и при этомъ не упомянуто о 30 кунахъ (II, 30); въ другомъ же мѣстѣ, нѣсколькими только статьями ниже, постановлено: «аже *крадетъ* кто *клѣть*, то платить ему 3 гривны и 30 кунъ» (II, 37). Послѣ этого очевидно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при 3-хъ гривнахъ не говорилось о 30 кунахъ, послѣднія подразумѣвались сами собою, потому что взысканіе 10-ти процентныхъ въ пользу вирника было, безъ сомнѣнія, общимъ правиломъ, не требовавшимъ постояннаго повторенія. Остается сказать нѣсколько словъ о продажѣ въ 60 кунъ. Такъ какъ нѣтъ основанія предполагать для нея какое либо особое исключеніе въ Правдѣ, и въ ней эта продажа постоянно употребляется безъ всякихъ прибавленій, то мы въ 60 кунахъ, подобно тому какъ и въ 12 гривнахъ, видимъ соединеніе продажи въ собственномъ смыслѣ съ десятипроцентными къ ней; настоящею же продажею считаемъ *одну гривну*—50 кунъ, а 10 кунъ десятипроцентными въ пользу вирника. И такъ продажами въ собственномъ смыслѣ были: *10 гривенъ*, *3 гривны* и *1 гривна*; въ обширномъ же смыслѣ, въ соединеніи съ десятипроцентными, назначавшимися вирнику, т. е. съ 2 гривнами, 30 кунами и 10 кунами, продажами назывались: *12 гривенъ*, *3 гривны и 30 кунъ* и *60 кунъ*. Руководствуясь такими выводами, можно возстановить искаженное слово гриве, находящееся въ приведенной выше 41 ст. Академическаго списка. Непосредственно за этимъ словомъ мы читаемъ: «мечнику куна, а въ десятину 15 кунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривну емцю 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ.» Такъ какъ здѣсь 2 гривны десятины и 10 гривенъ князю въ сложности составляли стоящую передъ ними продажу въ обширномъ смыслѣ, т. е. 12 гривенъ, то такимъ же образомъ десятина 15 кунъ и 3 гривны князю должны были бы вмѣстѣ образовать продажу также въ обширномъ смыслѣ, именно 3 гривны и 15 кунъ; но о такой продажѣ во всей Правдѣ ни разу не упоминается. Безъ сомнѣнія 15 кунъ въ означенной статьѣ выставлены по ошибкѣ вмѣсто 30, потому что отъ 3 гривенъ 10 процентовъ будетъ 30, а не 15 кунъ. Посему мы думаемъ, что подъ словомъ гриве слѣдуетъ разумѣть

3 гривны и 30 кунъ или рѣзанъ. Оно вѣроятно было написано въ подлинникѣ такъ: отъ г грн и л, т. е. отъ 3 гривенъ и 30; но по ошибкѣ переписчика одно г выпущено, а остальныя буквы написаны связно, и потому вышло сначала грнл, а при дальнѣйшемъ искаженіи грне. Изъ всего этого усматривается, что 41 статью Академическаго списка слѣдуетъ читать такъ: отъ 3 гривенъ и 30 кунъ--мечнику куна, въ десятину 30 кунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривенъ—емцу 70 кунъ, въ десятину 2 гривны, а князю 10 гривенъ.—Поговоримъ теперь о пошлинахъ, назначавшихся съ продажъ емцу. При взысканіи 12 гривенъ онъ получалъ *70 кунъ*, а при 3-хъ гривнахъ 30 кунахъ и при 60 кунахъ *по одной кунѣ*. Такъ какъ въ общемъ итогѣ десятины и пени князю составляли самыя продажи въ обширномъ смыслѣ, то слѣдовательно платы емцу были *накладными* къ послѣднимъ. Эти платы оставались дѣйствующими какъ при Изяславѣ, такъ и при Мономахѣ, только послѣдній, вмѣсто 70 кунъ, назначилъ емцу пошлины съ 12-ти гривенной продажи 2 гривны и 20 кунъ, т. е. *40 процентовъ*.—Кромѣ пошлинъ съ продажъ, т. е. съ платившихъ ихъ отвѣтчиковъ, вирникъ и емецъ получали съ *истцовъ* по тѣмъ же дѣламъ *помочнаго*: первый по 4 куны, а второй—по 6 вѣкошь. Въ Правдѣ сказано: «а отъ иныхъ отъ всѣхъ тяжъ, кому помогутъ, по 4 куны, а метальнику по 6 вѣкошь» (III, 118). Слова: *всѣхъ иныхъ* противопоставлены здѣсь особымъ тяжамъ, упоминаемымъ въ уставѣ Мономаха (III, 118), и этихъ послѣднихъ было немного; слѣдовательно къ числу всѣхъ иныхъ тяжъ должно относить и всѣ дѣла, по которымъ взыскивались продажи.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію пошлинъ съ *особыхъ тяжъ*. Особыя тяжи были слѣдующія: 1) искъ челядина о свободѣ; 2) искъ о землѣ бортной и 3) искъ о землѣ ролейной. Такъ какъ пошлины съ этихъ исковъ помѣщены въ числѣ *помочныхъ*, то безъ сомнѣнія онѣ взыскивались съ истцовъ. Съ иска челядина о свободѣ вирникъ получалъ 9 кунъ, а метальникъ 9 вѣкошь, съ исковъ же о земляхъ бортной и ролейной вирникъ—по 30 кунъ, а метальникъ—по 12 вѣкошь (III, 118). Независимо отъ этихъ исковъ емецъ получалъ еще особую плату, если кто бралъ его у посадника для поимки своего холопа. Въ такомъ случаѣ господинъ холопа долженъ былъ заплатить емцу или отроку *вязебнаго* 10 кунъ (II, 108).

Опредѣливъ количество пошлинъ съ виръ, продажъ, особыхъ тяжъ и случаевъ, представляется вопросъ: какимъ образомъ взимались эти пошлины: по числу ли дѣлъ, или по числу участвовавшихъ въ нихъ отвѣтчиковъ и истцовъ? *Помочная* пошлина *съ истцовъ* какъ при вирахъ и продажахъ, такъ и при особыхъ тяжахъ, взыскивалась всегда не съ каждаго лица отдѣльно, участвовавшаго въ искѣ, но съ самаго иска. Это видно изъ выраженій: *отъ виры*, *отъ бортной земли*, *отъ всѣхъ тяжъ* (III, 118), т. е. отъ дѣла, а не по числу истцовъ. Пошлины съ *отвѣтчиковъ* опредѣлялись по различнымъ началамъ, смотря по тому, назначались ли онѣ съ виръ или продажъ. За каждое убійство, сколько бы ни было въ немъ виновныхъ, платилась одна вира, а примѣняясь къ этому и пошлины взимались съ дѣла, а не съ числа отвѣтчиковъ. Но при продажахъ было иначе. Онѣ назначались не по числу преступленій, а по числу участвовавшихъ въ нихъ лицъ (I, 29; II, 37). Слѣдовательно по одному дѣлу могло взыскиваться 5, 6, 7 и болѣе продажъ и столько же пошлинъ. *Ссадная* или *сметная* гривна бралась съ каждаго представленнаго къ суду отвѣтчика или истца, а *вязебное*—съ каждаго увязаннаго, т. е. пойманнаго бѣглаго холопа.

Кромѣ пошлинъ вообще съ судныхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, во времена Правды производились за нѣкоторыя судебныя дѣйствія, нужныя къ раскрытію самаго дѣла, еще особыя пошлины. Къ нимъ относятся: 1, пошлина отъ испытанія желѣзомъ; 2) пошлина отъ привода къ присягѣ. Истецъ, который по чьимъ либо рѣчамъ, требовалъ, чтобы подвергли кого нибудь испытанію желѣзомъ, долженъ былъ заплатить *желѣзнаго:* вирнику 40 кунъ, мечнику или емцу 5 кунъ и полгривны, 25 кунъ—дѣтскому, т. е. княжему отроку (II, 81, 82). Хотя въ Правдѣ собственно не сказано, кому поступали 40 кунъ, но такъ какъ послѣдующая плата назначена мечнику, то мы признаемъ, что первая давалась вирнику, потому-что въ другихъ статьяхъ Правды за взысканіемъ въ пользу вирника всегда встрѣчается взысканіе въ пользу мечника или метальника. Желѣзная пошлина, какъ видно изъ общаго смысла статьи, въ которой она опредѣлена, получалась не съ дѣла, а съ числа лицъ, подвергнутыхъ испытанію. О пошлинѣ отъ привода къ присягѣ въ Троицкомъ спискѣ говорится такъ: «а се уроцы

ротнии: *отъ головы 50 кунъ»* (II, 101). Эти уроки, кажется, соотвѣтствовали нашей позднѣйшей пошлинѣ *у цѣлованья* ([1]). Безъ сомнѣнія, ихъ платилъ тотъ, по чьему требованію свидѣтели присягали, и платилъ съ головы, т. е. съ числа лицъ, приведенныхъ къ присягѣ. По соображеніи количества *желѣзной* пошлины съ количествомъ *ротной,* можно полагать, что послѣднюю получалъ вирникъ.

Но не одни только вирники и емцы получали пошлины, ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не лишены были и *писцы*, именно за возстановленіе уничтоженныхъ межъ давалось писцамъ 10 кунъ и 5 кунъ да 2 ногаты добавочныхъ. Въ Правдѣ сказано: «*а писцу 10 кунъ, перекладнаго 5 кунъ, а за мѣхъ 2 ногаты*» (III, 85).

Изложивъ все, что только относилось къ пошлинамъ, сдѣлаемъ, для большей наглядности, общій ихъ обзоръ.

Пошлины получали:

I) *Вирникъ* или *посадникъ.*

А) *При вирахъ:* 1) съ отвѣтчика—вирную *десятину* 8 гривенъ и 16 гривенъ, а кромѣ того *перекладныхъ* 10 кунъ; 2) съ истца—помочнаго 9 кунъ.

Б) *При продажахъ:* 1) съ отвѣтчика—продажныя *десятины* 10 кунъ, или 30 кунъ, или 2 гривны; 2) съ истца—*помочнаго* 4 куны.

В) *При особыхъ тяжахъ* съ истцовъ *помочнаго:* 1) съ иска о свободѣ—9 кунъ; 2) съ иска о бортной землѣ—30 кунъ, и 3) съ иска о ролейной землѣ—30 кунъ.

Г) *При нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствіяхъ,* которыя могли производиться какъ при взысканіи виръ и продажъ, такъ и при особыхъ тяжахъ: 1) съ истцовъ—*желѣзнаго* 40 кунъ; 2) съ истцовъ и отвѣтчиковъ—*ротнаго* 30 кунъ.

II) *Емецъ* или *мечникъ.*

А) *При вирахъ:* 1) съ отвѣтчика—12 вѣкошь и 3 гривны *головной* пошлины; 2) съ истца—*помочнаго*—9 вѣкошь.

Б) *При продажахъ:* 1) съ отвѣтчика—при продажахъ въ 60 кунъ и 3 гривны и 30 кунъ—по одной кунѣ, при 12 гривенной продажѣ—70 кунъ, а въ послѣдствіи—2 гривны 20 кунъ; 2) съ истца—*помочнаго* 6 вѣкошь.

([1]) Акт. Эксп. т. I, № 255.

В) *При особыхъ тяжахъ:* съ истца по иску о свободѣ—9 вѣкошь, по искамъ о земляхъ бортной и ролейной—по 12 вѣкошь.

Г) *При нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствіяхъ* съ истца—*желѣзнаго* 5 кунъ.

Кромѣ того, *емецъ* получалъ съ отвѣтчика и истца *ссадныя* или *сметныя* гривны. Хотя объ нихъ говорится въ Правдѣ только при вирахъ, но должно полагать, что гривны эти взыскивались какъ при продажахъ, такъ и при особыхъ тяжахъ, потому-что пошлина эта давалась за представленіе подсудимыхъ или тяжущихся къ суду.

III) *Писецъ.*

Онъ получалъ за возстановленіе межъ, вѣроятно съ отвѣтчиковъ, 10 кунъ, 5 кунъ перекладныхъ и 2 ногаты за мѣхъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ

РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Излагая внѣшній составъ Русской Правды, мы объяснили, что во всѣхъ ея уставахъ сперва говорится о нарушеніи личныхъ правъ, а потомъ—о нарушеніи правъ по имуществу. Этого же порядка мы будемъ держаться и въ настоящемъ изслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды; но статьи ея о судопроизводствѣ по преступленіямъ, чтобы дать о немъ ясное понятіе, необходимо разсмотрѣть особо въ совокупности. Все это мы окончимъ общимъ заключеніемъ.

Такимъ образомъ наше изслѣдованіе будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. О нарушеніи личныхъ правъ.
II. О нарушеніи правъ по имуществу.
III. О судопроизводствѣ по преступленіямъ.
IV. Общее заключеніе.

I. О НАРУШЕНІИ ЛИЧНЫХЪ ПРАВЪ.

I. Объ убійствѣ.

I. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ЯРОСЛАВА.

Первоначальный уставъ Правды Ярослава начинается слѣдующею статьею объ убійствѣ:

«Убіетъ мужъ мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату-чаду, любо сестрину сынови (ли братню сынови); аще не будетъ кто его мстя, то 40 гривенъ за

голову—аще будетъ русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо тивунъ бояресхъ (ябетникъ), любо мечникъ; аще изгоіи будетъ, любо словенинъ,—то 40 гривенъ положити занъ» (I, 1; II, 1).

Изъ выписаннаго нами постановленія Ярослава видно, что оно дозволяло *месть*, по отношенію къ убійцѣ, со стороны родственниковъ лишеннаго имъ жизни, и что пользовались такимъ правомъ *отецъ*, *сынъ*, *братъ* и *племянники* убитаго, а слѣдовательно и *дядя* Слово *брату-чаду* означаетъ племянника по братѣ, *братанича*, а выраженіе *сестрину сынови* — племянника по сестрѣ, *сестринича*. Въ спискахъ Правды Троицкомъ, Карамзинскомъ и имъ подобныхъ, въ изложенномъ нами выше законѣ Ярослава, говорится: «*любо братучадо, ли братню сынови*»; но послѣднія два слова при первыхъ, однозначущихъ съ ними, по нашему мнѣнію, совершенно излишни и употреблены по ошибкѣ вмѣсто словъ «*сестрину сынови*». Исчисливъ мстителей по приведенному выше закону, естественно представляется вопросъ: могъ ли мстить за убійство какой либо другой членъ семьи, кромѣ нами поименованныхъ? Мы думаемъ, что въ Правдѣ исчислены мстители только примѣрно, а далеко не всѣ, иначе, если понимать постановленіе ея буквально, надлежало бы, въ противность здравому смыслу, утверждать, что дядя не имѣлъ права мстить за племянника, тогда какъ послѣдній пользовался этимъ правомъ по отношенію къ дядѣ. Кромѣ того, слѣдовало бы, опираясь на выраженіи: *убіетъ мужъ мужа* и на исчисленіи мстителей, заключать, что Правда дозволяла месть однимъ *мущинамъ, а не женщинамъ*, и единственно за убійство *мущинъ*, и что потому отецъ и братъ могли мстить лишь за сына и за брата, а не за дочь и сестру, что супругъ, на томъ же основаніи, не долженъ былъ мстить за умерщвленіе своей жены и что внуку не давалось никакой власти надъ убійцей не только его бабки, но и дѣда, о которомъ также не упоминается въ приведенной выше статьѣ Правды. Если же изложенный нами законъ Ярослава очевидно поименовалъ не всѣхъ лицъ, за убійство коихъ необходимо было мстить (потому что нельзя же предполагать, чтобы въ старину допускалось безнаказанно умерщвленіе напр. женщинъ), то, само собою разумѣется, тотъ же законъ упомянулъ не о всѣхъ, а только о нѣкоторыхъ главныхъ мстителяхъ, да и не имѣлъ надобности въ подробномъ ихъ исчисленіи, ибо право мести жило еще въ обычаяхъ народа. Посему мы

полагаемъ, что вообще всѣ члены семьи обоего пола, въ восходящей, нисходящей и боковыхъ линіяхъ, могли быть мстителями. Это подтверждается отчасти лѣтописнымъ извѣстіемъ о мести Ольги за убійство своего мужа Игоря.

Обозначивъ, кто долженъ былъ мстить за убійство по уставу Ярослава, займемся теперь опредѣленіемъ самаго *существа мести*. Она имѣла въ старину мѣсто не только въ случаяхъ лишенія кого либо жизни, но и при совершеніи другихъ преступленій; такъ напр. за нанесеніе побоевъ и увѣчій претерпѣвшій ихъ тогда только, по закону Ярослава, получалъ по суду удовлетвореніе за обиду, *оже себе не можетъ мстити* (I, 2). Это приводитъ къ мысли, что слово *мстить*, какъ древній юридическій терминъ, означало только *право самосуда*, которымъ не вмѣнялось въ непремѣнную обязанность умерщвлять какъ за убійство родственника, такъ равно и за нанесеніе кому либо ранъ, побоевъ или увѣчій, потому что нельзя допустить, чтобы напр. тотъ, кого ударили палкой, не иначе могъ отмстить за свою обиду, какъ убивъ виновнаго. Обиженный, безъ сомнѣнія, могъ распорядиться съ обидѣвшимъ его по своему усмотрѣнію: нанести ему побои, убить, изувѣчить, взять выкупъ и даже примириться. Такимъ образомъ, мести, какъ *самосуду*, слѣдуетъ придавать обширное значеніе, а не понимать ее исключительно только какъ отнятіе у кого либо жизни за преступленіе, *какъ кровавое возмездіе*. Принимать въ такомъ смыслѣ постановленія Правды относительно дозволенія мстить за убійство, мы имѣемъ тѣмъ болѣе права, что не видимъ твердыхъ основаній въ догадкахъ о господствѣ въ древней Руси *кровавой мести*, какъ священнаго, непремѣннаго долга родственниковъ убитаго. Кровавая месть могла обнаруживаться у насъ какъ одно изъ выбранныхъ произвольно обиженнымъ удовлетвореній по своему праву самосуда, но не какъ необходимое, опредѣленное требованіе народнаго обычая мстить противъ воли убійствомъ за убійство, и потому месть этого послѣдняго рода, по нашему мнѣнію, выражала у насъ не болѣе, какъ личный характеръ самаго мстителя. Въ подтвержденіе господства у насъ обычая кровавой мести, требовавшаго убійства за убійство, главнымъ образомъ приводятъ преданіе о поступкѣ Ольги съ Древлянами. Вникнемъ въ смыслъ, какой данъ въ лѣтописи этому преданію. Въ немъ, по нашему мнѣнію, вовсе не выраженъ народный,

повсемѣстно будто бы у Славянъ укоренившійся обычай непремѣнно проливать кровь за кровь, иначе бы Древляне напередъ знали, что, за умерщвленіе ими Игоря, Ольга необходимо должна будетъ имъ мстить тоже убійствомъ, и потому дѣйствовали бы осторожно, не могли бы надѣяться на примиреніе и не поддались бы такимъ многократнымъ, грубымъ обманамъ съ ея стороны, о какихъ упоминаетъ Несторъ. Притомъ, изъ словъ, вложенныхъ лѣтописцемъ въ уста Ольги и обращенныхъ ею къ жителямъ Искоростеня: «*уже не хощу мщати своего мужа, но хощу дань имати помалу* (¹), видно, что въ этомъ случаѣ она руководствовалась собственнымъ произволомъ, а не дѣйствовала подъ неотразимымъ вліяніемъ такого обычая, который бы безусловно требовалъ кровавой мести; да и самая месть Ольги не для всѣхъ виновныхъ была кровавая, потому-что нѣкоторые только изъ нихъ умерщвлены, а другіе отданы въ рабство: «овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ». И такъ подъ *частною местію*, служившею у насъ въ старину однимъ изъ выраженій общественнаго правосудія, по самому преданію объ Ольгѣ, какъ оно изложено въ лѣтописи, слѣдуетъ разумѣть *обычай полнаго, неограниченнаго самосуда*, который не стѣснялъ частной воли никакимъ заранѣе опредѣленнымъ способомъ удовлетворенія за обиду, а давалъ совершенную свободу въ выборѣ того или другаго возмездія, и не исключалъ примиренія. О мести такого рода упоминается и въ выписанномъ нами выше законѣ Ярослава. Впрочемъ, въ постановленіяхъ первоначальнаго его устава месть въ неограниченномъ видѣ дозволялась только *за убійство*. За нанесеніе же увѣчій и побоевъ, о которыхъ говорится въ означенномъ уставѣ, допускались всѣ способы мести, кромѣ лишенія виновнаго жизни. Объ этомъ можно заключать изъ того, что постановленіемъ Ярослава, безъ сомнѣнія основаннымъ на обычаѣ, позволялось умерщвленіе въ возмездіе за побои только въ одномъ случаѣ, именно при нанесеніи удара холопомъ свободному мужу (I, 16; II, 58). Если бы такое кровавое возмездіе было вообще въ обычаѣ за увѣчья, раны и побои, то не представлялось бы нужнымъ издавать особое о томъ постановленіе относительно виновныхъ холоповъ. Существованіе этого постановленія,

---

(¹) Полн. собр. русск. лѣт., т. I, стр. 25.

само собою разумѣется, указываетъ на то, что оно было исключеніемъ изъ общаго правила. Что касается татьбы и другихъ меньшихъ преступленій, то и при Ярославѣ месть за нихъ вовсе не дозволялась, потому что кто напр. опознавалъ у кого либо украденную у него вещь, тотъ не могъ самопроизвольно ее отобрать и поступить съ задержаннымъ съ нею по своему усмотрѣнію, а долженъ былъ идти на *сводъ*, т. е. обращаться уже къ слѣдствію и суду (I, 13). И такъ при Ярославѣ обычай мести обнаруживался уже не въ томъ объемѣ, въ какомъ существовалъ вѣроятно въ отдаленной древности. Возникавшая государственная жизнь мало по малу стѣсняла самосудъ.

Разобравъ первую половину закона Ярославова объ убійствѣ, займемся разсмотрѣніемъ второй половины, начинающейся словами: *«аще не будетъ кто его мстя, то 40 гривенъ за голову.»* Объясненіе этого выраженія должно состоять въ разрѣшеніи вопросовъ: въ какомъ случаѣ взыскивались 40 гривенъ, кто обязанъ былъ ихъ платить и въ чью пользу онѣ поступали?—Думаютъ, что слова: *«аще не будетъ кто его мстя»* означаютъ то, когда мститель добровольно отказывался отъ мести. Но мстить или примириться, съ нашей точки зрѣнія, было совершенно въ произволѣ владѣвшаго правомъ самосуда. Посему не представлялось, по нашему мнѣнію, основанія налагать еще особую пеню, если мститель прощалъ убійцу; если же онъ не прощалъ его, то самъ имѣлъ право, когда хотѣлъ, назначить за голову выкупъ по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны, принимая месть въ томъ смыслѣ, какой даютъ ей нѣкоторые изслѣдователи, именно какъ кровавое возмездіе, основанное на непремѣнномъ требованіи народнаго обычая, очевидно слѣдуетъ утверждать, что мститель не могъ отказаться отъ мести, а долженъ былъ ее выполнить.—Такимъ образомъ открывается, что какое-бы мы значеніе не придавали слову месть, выраженіе: «аще не будетъ кто его мстя» нельзя понимать какъ добровольный отказъ отъ мести, и что оно необходимо должно относиться только къ тѣмъ случаямъ, когда самосудъ дѣлался физически невозможнымъ, именно когда убитый не имѣлъ никакихъ родственниковъ, или когда была умерщвляема вся семья, или, наконецъ, не обнаруживали лица, подлежавшаго мести, т. е. не открывали убійцы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ самосудъ по необходимости переходилъ къ князю,

а имъ установлена была за такія ненаказанныя по невозможности родственною местію убійства опредѣленная, взыскивавшаяся въ его пользу пеня, именно 40 гривенная вира. При обнаруженіи убійцы, ее слѣдовало бы по видимому взыскивать съ самаго преступника, но когда виновнаго не открывали, она могла быть выплачиваема никѣмъ другимъ, какъ общиною, т. е. вервію. Однакожъ нельзя не допустить, что съ верви, а не съ одного убійцы, взыскивалась вира и при поимкѣ послѣдняго, потому-что въ дополнительномъ уставѣ Ярослава сказано: «аще убіютъ огнищанина въ обиду, то *платити* зань 80 гривенъ *убійцѣ, а людемъ не надобѣ»* (I, 18). Выраженіе: *«а людемъ не надобѣ»* показываетъ какъ бы отмѣну выписаннымъ нами постановленіемъ прежняго порядка, по которому и при обнаруженіи виновнаго въ лишеніи кого жизни отвѣчали предъ княземъ, когда не было мстителей, *люди*, т. е. цѣлая вервь. Притомъ, у древнихъ Славянъ существовалъ обычай съобща отвѣчать за каждое преступленіе, случившееся въ верви ([1]). На этомъ основаніи мы думаемъ, что съ самаго перваго появленія у насъ виръ онѣ во всякомъ случаѣ имѣли общинный характеръ; личная же вира, по нашему мнѣнію, является только въ послѣдствіи, какъ исключеніе изъ общаго правила

Кромѣ простаго предположенія, что, при несуществованіи мстителей, вира и не могла ни къ кому другому поступать, какъ къ князю, мы имѣемъ и положительныя доказательства, что она взыскивалась въ его пользу. Доказательства эти слѣдующія:

1. Въ уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ говорится, что виновные въ душегубствѣ *платятъ виру князю на полы со Владыкою* ([2]).

2. Въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Іоанномъ III въ 1471 году сказано: *«а виры имать великимъ княземъ по старинѣ*, а Новгородцамъ не таити ([3]). Выраженіе «по старинѣ» показываетъ, что полученіе виръ князьями не было постановленіемъ новымъ, а существовало издавна.

3. Въ грамотахъ конца XIV столѣтія, а также въ грамотахъ Іоан-

---

([1]) См. Чт. Москов. Общ. Истор. и Древ. 1846 г. № 2, законы Душана, стр. 9.—([2]) О значеніи Кормчей, сочиненіе г. Калачова, 1850 г., стр. 62 и 63.—([3]) Акт. Эксп., т. I, № 91.

на III и Іоанна IV и ихъ преемниковъ постоянно встрѣчается выраженіе: «а не доищутся душегубца, то дати намѣстникомъ, волостелемъ и ихъ тіунамъ за голову виру (¹)». Этимъ также доказывается, что вира не была пеней въ пользу частныхъ обиженныхъ лицъ.

4. Въ лѣтописи Нестора говорится: «Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископы и старци: «рать многа, оже вира, то на оружьи и на коняхъ буди (²)». Изъ этого видно, что еще до изданія Правды виры составляли доходъ князя.

5. Изъ самой Правды усматривается, что для сбора виръ назначались особыя должностныя лица—вирники: «а борошна колько могуть изъясти допелѣже виро зберутъ вирници» (I, 42) (³). Нельзя предполагать, чтобы вирники, для которыхъ установлено было притомъ опредѣленное кормленіе, имѣли обязанностію собирать виры въ пользу частныхъ лицъ. Такая забота объ этихъ послѣднихъ не соотвѣтствовала бы состоянію тогдашняго общества.

6. Въ постановленіяхъ Правды *вира* и *продажа* стоятъ въ одинаковыхъ между собою отношеніяхъ, такъ напр.: «аще ударить мечемъ, а не потнеть на смерть, то 3 гривны *продажи*,... а потнеть на смерть, то *вира*» (III, 25). Изъ приведенной нами статьи видно, что продажа и вира были равно *пенями*, только неравнаго количества, и что если первая изъ нихъ поступала къ князю, то и вторая то же, или если одна взыскивалась въ пользу частнаго лица, то и другая не могла имѣть инаго назначенія. Кому же назначалась продажа? Намъ положительно извѣстно, что она поступала къ князю. Это усматривается изъ слѣдующихъ мѣстъ Правды: 1) платити что у него будетъ погибло, а князю продажу (II, 32); 2) а князю продажи въ челядинѣ 12 гривенъ или украденъ или уведенъ есть (III, 35); 3) то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажю (II, 41); 4) аже будуть холопи татіе, ихъ же князь прода-

(¹) Акт. Эксп., т. I, №№ 123, 143, 144, 150, 161, 217, 240; т. III, № 37.—(²) Полн. собр. русск. лѣтоп. т. I, стр. 54.—(³) Въ текстѣ Правды, изданномъ г. Калачовымъ, приведенное нами мѣсто читается такъ: «а борошна колько могутъ изъясти. До недѣли же виро зберутъ вирници.» Мы думаемъ, что выраженіе: *до недѣли же* употреблено писцомъ по ошибкѣ вмѣсто слова *допелѣже*, которое употребляется въ Правдѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ (III, 108).

жею не казнить (II, 42); 5) за холопъ урокъ платити или за рабу, а князю 12 гривенъ продажѣ (II, 84). Итакъ, если въ выписанной нами выше статьѣ за ударъ мечемъ взыскивалась *продажа*, поступавшая, какъ оказывается, къ князю, то слѣдовательно и *вира*, за ударъ мечемъ, причинавшій смерть, по очевидной логической послѣдовательности, тоже должна была поступать къ князю. Если же это справедливо для одного случая, то по необходимости представляется справедливымъ и для всѣхъ.

7. Въ Правдѣ, кромѣ того, находимъ слѣдующую статью: «аще ли утнетъ руку и отпадетъ рука... то полувиріе, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ (III, 22)». Вникая въ буквальный смыслъ этой статьи, нельзя не замѣтить, что въ ней различены, противопоставлены другъ другу лица, получавшія плату. Одно изъ нихъ, которому назначалось 10 гривенъ за увѣчье, есть самъ обиженный, а другое, получавшее 20 гривенъ, безъ сомнѣнія, никто иной какъ князь. Если же князь получалъ полувиріе, то само собою разумѣется въ его пользу взыскивалась и полная вира.

Всѣ приведенныя нами доказательства о назначеніи виры князю, взятыя не отдѣльно, а въ совокупности, какъ намъ кажется, не могутъ оставить мѣста другому въ этомъ отношеніи убѣжденію. Но существуютъ мнѣнія и несогласныя съ нашимъ. Такъ г. Деппъ утверждаетъ, будто бы несравненно труднѣе доказать, что князь получалъ виру, нежели то, что она составляла вознагражденіе частныхъ людей ([1]). Какія же главныя основанія приводитъ г. Деппъ въ подтвержденіе своего положенія? Во-первыхъ, выписки изъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками, что если убѣжитъ сотворивый убійство, то имѣніе его да возьмутъ ближніе убіеннаго; а во вторыхъ слѣдующую статью Правды: «по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его... и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати ([2]).» Но всѣ эти мѣста, въ которыхъ авторъ изслѣдованія о существовавшихъ у насъ въ старину наказаніяхъ видитъ ясныя доказательства, что вира взыскивалась въ пользу частныхъ лицъ,—вовсе того не доказываютъ. Выраженіе «кунами ся выкупати» относится, какъ увидимъ ниже, не *къ вирамъ*, а *къ головни-*

([1]) См. О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, сочиненіе Ф. Деппа. С.-Пб. 1818 г. стр. 38.—([2]) Тамъ же, стр. 38.

честву, замѣнившему обиженнымъ утраченное ими право мести. Такимъ же головничествомъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, считать и установленное договорами Олега и Игоря съ Греками взятіе ближними убіеннаго имѣнія убійцы.

Приступимъ теперь къ дальнѣйшему разсмотрѣнію первоначальнаго Ярославова закона объ убійствѣ. За объясненнымъ нами выраженіемъ: «аще не будетъ кто его мстя, то 40 гривенъ за голову», слѣдуютъ слова: «аще будетъ русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изгой будетъ, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань». Вникая въ порядокъ исчисленія здѣсь лицъ, за убійство которыхъ взыскивалась вира, нельзя не замѣтить, что онъ основанъ главнымъ образомъ на раздѣленіи ихъ по мѣсту жительства, именно сперва говорится о жителяхъ южной Руси, о русинахъ, а потомъ въ концѣ статьи объ изгояхъ и словенахъ, т. е. объ Новгородцахъ. Послѣ выраженія «*аще будетъ русинъ*», въ которомъ *подъ русиномъ* разумѣть слѣдуетъ *простаго людина*, исчисляются тѣ изъ русиновъ, которые хотя также принадлежали къ людинамъ, но нѣсколько возвышались надъ простыми изъ нихъ или по своему состоянію, какъ-то купцы, или по занятію кое-какихъ низшихъ должностей, какъ то: гридины, тіуны боярскіе (ябетники) и посадническіе мечники. За этимъ непосредственно говорится о простыхъ Новгородцахъ, т. е. объ изгояхъ и словенахъ; послѣ чего надлежало бы также упомянуть о гридинахъ, купцахъ, ябетникахъ и мечникахъ; но такъ какъ кругъ понятія о простолюдинахъ былъ опредѣленъ выше при исчисленіи русиновъ, то въ настоящемъ случаѣ такое повтореніе представлялось уже ненужнымъ. Сдѣланное нами объясненіе служитъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что Правда дана была не только Новгороду, но вмѣстѣ и Кіеву, или вообще южной Руси.

Сообразивъ все нами сказанное, легко составить себѣ понятіе о сущности первоначальнаго Ярославова закона объ убійствѣ. Законъ этотъ дозволялъ неограниченный самосудъ со стороны родственниковъ убитаго, и въ ихъ дѣйствія никто не имѣлъ права вмѣшиваться; поэтому самому и виды убійства нисколько не различались. Въ дѣлахъ объ этомъ преступленіи принималъ участіе князь только тогда, когда самосудъ былъ *физически* невозможенъ, т. е. когда у лишеннаго жизни не было родственниковъ, или когда

убійцу не обнаруживали. Въ такихъ случаяхъ князь взыскивалъ въ свою пользу виру съ общины, не смотря на то, находился ли, или нѣтъ, преступникъ налицо. Если онъ былъ налицо, то безъ сомнѣнія по обычаю также участвовалъ въ платежѣ виры вмѣстѣ съ своею вервію, какъ объ этомъ впослѣдствіи и постановлено. При неразличеніи видовъ убійствъ слѣдуетъ заключать, что первоначально и при Ярославѣ, также какъ и при святомъ Владимірѣ, за разбойниковъ платилась вира, разумѣется тоже общиною и въ тѣхъ случаяхъ, когда вира имѣла мѣсто. Притомъ, если говорится въ разбираемомъ нами законѣ единственно о вирахъ за лишеніе жизни простолюдиновъ, то это потому, что во время его изданія подобныя убійства и были только въ виду, такъ какъ древніе законы всегда основывались на ближайшихъ практическихъ случаяхъ, а не обнимали собою всѣхъ случаевъ возможныхъ.

Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава (¹) являются слѣдующія постановленія объ убійствѣ:

1) Аще убьютъ огнищанина *въ обиду*, то платити зань 80 гривенъ убійци, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздномъ княжи 80 гривенъ (I, 18).

2) А иже убьютъ огнищанина *въ разбои* и убійца не ищутъ, то вирное платити въ ней же верви голова начнетъ лежати (I, 19).

3) Аже убіютъ огнищанина у клѣти, или у коня или у говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто; а то же поконъ и тивуницу (I, 20).

4) А въ княжи тивунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци (I, 21).

(¹) Во введеніи мы показали, почему считаемъ упоминаемый нами здѣсь уставъ дополненіемъ къ прежнему уставу Ярослава, составленнымъ при его жизни его сыновьями. Подтвержденіемъ такому выводу можетъ служить извѣстіе, сообщенное Татищевымъ, что Ярославъ въ 1035 году велѣлъ дѣтямъ своимъ, Изяславу и Святославу, призвать знатныхъ людей въ Кіевъ изъ разныхъ городовъ и сочинить законы, т. е. безъ сомнѣнія дополнительные къ изданному прежде Ярославомъ уставу. Только годъ съѣзда князей выставленъ Татищевымъ очевидно невѣрно: съѣздъ этотъ могъ быть не въ 1035, а развѣ въ 1045, когда Изяславу было 20, а Святославу 18 лѣтъ отъ роду (см. Истор. Карамзина прим. 65-е ко II тому).

5) А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратайнемъ 12 гривенъ; а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ; а въ смердѣ и холопѣ 5 гривенъ; аще роба кормилица, любо кормиличицъ—12 (I, 22—24).

6) Аще убіютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то той убитъ; аще ли до свѣта держатъ, то вести его на княжь дворъ; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ (I, 38).

7) Оже убіенъ тать, а подымутъ ноги во дворѣ, ино убитъ; оли подымутъ ноги за вороты, толи платити въ немъ (Ростов. сп.).

По внимательномъ разсмотрѣніи выписанныхъ нами статей обнаруживается слѣдующее:

1. Въ нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ отмѣны или ограниченія мести за убійство, слѣдовательно она, по видимому, существовала въ прежнемъ видѣ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда самосудъ дѣлался физически невозможнымъ, князь получалъ виру не только уже за умерщвленіе простолюдиновъ, но и за убійство огнищанъ, т. е. княжихъ мужей. Вира за этихъ послѣднихъ взыскивалась двойная, т. е. 80-ти гривенная. Относительно вопроса: съ кого слѣдовало взыскивать виру,—измѣненъ прежній порядокъ вещей. Хотя это измѣненіе послѣдовало по частнымъ дѣламъ объ умерщвленіи огнищанъ, но нѣтъ сомнѣнія, что его примѣняли и къ убійству простолюдиновъ. По нашему мнѣнію, въ первыхъ двухъ статьяхъ дополнительнаго Ярославова устава говорится объ одномъ видѣ убійства, а не о двухъ: первая статья представляетъ тотъ случай, когда убійца-разбойникъ находился на лицо, а вторая—когда его не отыскивали; при отысканіи преступника, онъ платилъ самъ виру, а при неотысканіи—ее взыскивали съ верви, гдѣ находили трупъ убитаго. Но такъ ли это? Въ первой статьѣ означеннаго дополнительнаго устава сказано: «*убіютъ въ обиду, то платити убійци*,» слѣдовательно виновный предполагается поиманнымъ; а во второй встрѣчается выраженіе: «убіютъ въ разбои или убійца не ищутъ», въ которомъ слова «убіютъ въ разбоѣ», какъ противопоставленныя чрезъ союзъ *или* словамъ «убійцу не ищутъ», тоже указываютъ на обнаруженіе преступника. Такимъ образомъ въ приведенныхъ нами статьяхъ, по видимому, налагаются съ одной стороны взысканія за лишеніе кого либо жизни *въ обиду* и *въ разбоѣ* при поимкѣ виновнаго, а съ другой опредѣляется пеня за тѣ же

виды убійствъ, но только при неоткрытіи убійцы. Предполагая, что умерщвленіе кого *въ обиду* и умерщвленіе *въ разбоѣ* составляли два особыхъ вида однороднаго преступленія, постараемся объяснить ихъ значеніе, вникнувъ въ самое существо налагавшагося за нихъ взысканія. За убійство въ обиду постановлено было непремѣнно отвѣчать самому убійцѣ, а не верви, т. е. вмѣсто общинной назначалась личная вира. За лишеніе же кого жизни въ разбоѣ, по смыслу закона, отвѣчала вервь, а не одинъ преступникъ, притомъ та, *гдѣ голова начнетъ лежати*, т. е. гдѣ найденъ трупъ убитаго. Слѣдовательно умерщвленіе кого въ обиду оказывается чѣмъ то болѣе преступнымъ, чѣмъ даже убійство въ разбоѣ, потому что за первое неминуемо отвѣтственность падала на самаго преступника, а за второе безъ сомнѣнія то же на него, но совмѣстно съ вервію, которая помогала ему въ платежѣ виры. Такой выводъ сдѣланъ нами, кажется, совершенно логически, но справедливъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Изъ послѣдующаго развитія Правды видно, что она въ ряду вообще преступленій не знала ничего выше *убійства въ разбоѣ*: за разбойника люди не платятъ, сказано въ уставѣ Изяслава, но выдадятъ его съ женою и дѣтьми на потокъ «на разграбленіе» (II, 5). И такъ, допустивъ нашъ выводъ, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустить явное противорѣчіе между законами Ярослава и Изяслава относительно умерщвленія въ разбоѣ; но такого противорѣчія не могло быть, да и не было, потому что Изяславъ и его братья вовсе не измѣняли началъ Ярославовой Правды, какъ это видно изъ словъ ихъ устава: «якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша» (II, 2). Притомъ ложность нашего вывода доказывается и тѣмъ, что подвергать отвѣтственности за разбойника ту вервь, гдѣ случайно имъ совершено убійство и оставленъ трупъ убитаго, а не ту, къ которой по крайней мѣрѣ принадлежалъ преступникъ, какъ членъ, значило бы противорѣчить чувству общей справедливости, одинаковой для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Наконецъ нельзя не замѣтить, что законъ объ убійствѣ въ обиду (I, 18) очевидно соотвѣтствуетъ приведенному выше Изяславову закону о разбойникѣ (II, 5): въ томъ и другомъ «люди» освобождаются отъ отвѣтственности, а подвергается взысканію самъ преступникъ. Все это убѣждаетъ насъ, что изложенное нами выше толкованіе двухъ первыхъ статей дополнительнаго Ярославова уста-

ва ошибочно. Самое основаніе, давшее поводъ къ такому толкованію, ясно обнаружится, если сличить между собою соотвѣтствующія постановленія о разбоѣ Ярославова и Изяславова уставовъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: «а иже убіютъ въ разбои или убійцу не ищутъ,» а въ другомъ: «аже кто убіетъ въ разбои, а головника не ищутъ». Очевидно, что насъ ввелъ въ заблужденіе неумѣстно поставленный переписчикомъ союзъ *или*, вмѣсто котораго слѣдуетъ читать *а* или *и*. Такимъ образомъ пониманіе первыхъ статей дополнительнаго Ярославова устава совершенно измѣняется. Выраженія: «убіютъ въ обиду, то платити убійци» и «убіютъ въ разбои и убійцу не ищутъ» указываютъ: первое на поимку преступника, а второе—на неотысканіе его; самыя же слова *въ обиду* и *въ разбоѣ* нельзя уже не признать однозначущими, потому-что если соединять съ каждымъ изъ нихъ понятіе объ особомъ видѣ убійства, то странно было бы видѣть, что Ярославъ для лишенія кого либо жизни въ разбоѣ опредѣлилъ только случай неотысканія преступника, а для убійства въ обиду только случай его обнаруженія. Притомъ, въ дальнѣйшемъ развитіи Правды мы видимъ, что законъ объ умерщвленіи въ обиду соотвѣтствовалъ закону Изяслава о разбойникѣ: «за разбойника люди не платятъ (II, 5)», и что другаго вида убійства, который бы ближе подходилъ къ лишенію жизни въ обиду, въ Правдѣ нѣтъ, предполагать же, что подмѣченный въ уставѣ Ярослава особый видъ убійства въ обиду совершенно изчезъ въ уставахъ Изяслава и Мономаха—было бы неосновательно. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что слова̀ *въ обиду* и *въ разбоѣ* тождественны, и что самое понятіе о разбоѣ характеризуется выраженіемъ *«въ обиду»*. Въ Правдѣ не говорится: убіютъ *за обиду*, а убіютъ *въ обиду*, т. е. по нашему мнѣнію безъ всякаго повода со стороны убитаго; слѣдовательно подъ разбоемъ разумѣли злонамѣренное, насильственное нападеніе на кого нибудь, къ которому умерщвленный, по своему поведенію относительно убійцы, не давалъ заранѣе никакого повода. Итакъ общій смыслъ первой статьи дополнительнаго Ярославова устава, хотя и упоминающей только объ огнищанахъ, есть тотъ, что поймапный разбойникъ долженъ былъ самъ за себя платить виру, «а людемъ не надобѣ». Такимъ образомъ вира дѣлается съ этихъ поръ не только общинною, но и

личною. Если же разбойника не отыскивали, тогда отвѣчала вервь, гдѣ найденъ трупъ убитаго (I, 19).—Относительно убійствъ *не въ разбоѣ*, о которыхъ въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ не сдѣлано никакихъ измѣненій, безъ сомнѣнія, оставленъ прежній порядокъ вещей, т. е. что во всякомъ случаѣ, былъ ли налицо убійца или нѣтъ, вира была общинною.

2) За статьями дополнительнаго Ярославова устава объ убійствѣ огнищанъ въ обиду (I, 18), объ убійствѣ ихъ въ разбоѣ и у татьбы (I, 19, 20) поставлено выраженіе: «*а то же поконъ и тивуницу*». За тѣмъ непосредственно слѣдуютъ статьи о платѣ 80 гривенъ за княжа тіуна и конюха стараго у стада, 12 гривенъ—за сельскаго старосту княжаго и ратайнаго, за кормилицу и кормилчица и 5 гривенъ—за рядовича княжа, за смерда и холопа. Вникая въ сущность всѣхъ этихъ статей нельзя не замѣтить, что въ нихъ послѣ общаго постановленія о платѣ за убійство огнищанъ 80-ти гривенъ являются въ частности постановленія о платѣ той же суммы *за тіуна княжа* и *конюха стараго*, тогда какъ эти послѣдніе были тѣ же огнищане, и слѣдовательно вопросъ о нихъ не требовалъ особаго разрѣшенія. Но допустимъ, что наше предположеніе о тождествѣ этихъ лицъ неправильно, то и тогда, имѣя въ виду выраженіе: *а тоже поконъ и тивуницу*, показывающее, что предшествовавшія постановленія объ огнищанахъ относились и къ тіуну, т. е. что за убіеніе тіуна княжаго, также какъ и за огнищанъ, платилась двойная вира, и что умерщвленіе его при самой татьбѣ не наказывалось, — представляется страннымъ, отчего непосредственно за означеннымъ выраженіемъ снова говорится: «а въ княжи тіунѣ 80 гривенъ», тогда какъ такое повтореніе о платѣ за тіуна двойной виры дѣлалось уже ненужнымъ. Недоумѣніе еще болѣе увеличится если 12-ти и 5-ти гривенныя платы за сельскихъ княжихъ старостъ и ратайныхъ, за рядовичей, смердовъ, холоповъ, кормилицъ и кормилчицовъ признавать *особыми вирами* за убійство этихъ лицъ. Въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что плата за умерщвленіе холопа оказывалась бы меньшею, чѣмъ за похищеніе его, за которое платилось 12 гривенъ пени (I, 27). Притомъ вирою въ собственномъ смыслѣ называлась только 40 гривенная плата, потому-что *20 гривенъ* прямо называются въ Правдѣ *полувирою* (II, 21). Кромѣ того, въ статьѣ о сословіяхъ, разсматривая кого нужно разумѣть подъ лю-

дипомъ, мы убѣдились, что за убійство холоповъ платилась 40 гривенная вира, да и по закону Ярослава такая вира назначалась за умерщвленіе *русина* и *словенина*, каждый же изъ нихъ могъ быть смердомъ и холопомъ. Но если лишеніе жизни этихъ послѣднихъ оплачивалось 40 гривнами, то нельзя предполагать, чтобы за убійство сельскихъ старостъ княжихъ, ратайныхъ старостъ, рядовичей, кормилицъ и кормилчицовъ,—изъ коихъ одни поставлены, судя по выписаннымъ выше 12-ти и 5 гривеннымъ платамъ, на равнѣ, а другіе даже выше смердовъ и холоповъ, — взыскивалось только 12 гривенъ. Изъ всего нами сказаннаго слѣдуетъ сдѣлать тотъ выводъ, что 80 гривенъ за княжихъ тіуновъ и 12 и 5 гривенъ за другихъ лицъ были самостоятельными платами, независимыми отъ виръ, т. е. ничѣмъ другимъ какъ *головничествомъ* въ пользу родственниковъ, въ случаѣ умерщвленія людей свободнаго состоянія, и въ пользу господъ въ случаѣ убійства холоповъ. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся при разсмотрѣніи устава Изяслава. — Но какъ согласить головничество съ правомъ мести? Головничество само по себѣ вовсе не отрицаетъ существованія послѣдняго, но показываетъ, что въ томъ случаѣ, когда мститель хотѣлъ довольствоваться выкупомъ, онъ долженъ былъ довольствоваться только платой, именно опредѣленной въ законѣ. Это съ одной стороны свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ стѣсненіи уже права мести за убійство, а съ другой обнаруживаетъ, что самая месть за это преступленіе по обычаю едва ли не ограничивалась большею частію одними выкупами, сначала въ количествѣ произвольномъ, а потомъ въ количествѣ, опредѣленномъ по закону.

3) За татьбу по прежнему не дозволялось мести, потому что связаннаго татя слѣдовало вести на княжъ дворъ. Впрочемъ, въ видѣ необходимой обороны своей собственности, когда вора нельзя было поймать, дозволялось убивать его, но только «*на своемъ дворѣ у клѣти или у хлѣва*» (I, 38), т. е. единственно въ предѣлахъ своего жилища и на самой татьбѣ, однакожъ неиначе какъ *ночью*, потому что тать, котораго *до свѣта держали* (I, 38), представлялся на княжъ дворъ, слѣдовательно не подлежалъ самосуду. Если же кто убивалъ связаннаго уже татя, хотя бы и ночью, или лишалъ его жизни внѣ предѣловъ своего двора («оли подымуть ноги за вороты»), то подвергался за это какому-то платежу: «то платити въ немъ (I, 38).»

Количество этой платы не опредѣлено въ уставѣ Ярослава, но она очевидно была въ однихъ случаяхъ головничествомъ, а въ другихъ вирой. Послѣдняя имѣла мѣсто только въ случаѣ физической невозможности выполненія права самосуда; слѣдовательно, если были у убитаго родственники, то очевидно, что плата, о которой мы говоримъ, была ни чѣмъ инымъ, какъ головничествомъ, поступавшимъ въ ихъ пользу.

Но представляется вопросъ: могли ли родственники умерщвленнаго татя мстить его убійцѣ? Само собою разумѣется, что лишавшій кого либо жизни на самой татьбѣ не подлежалъ никакой отвѣтственности ни со стороны князя, ни со стороны родственниковъ убитаго, потому что въ этомъ случаѣ дозволялось убивать татя, какъ пса: *« убити въ пса мѣсто »* (I, 20). Если же кто умерщвлялъ татя связаннаго или внѣ предѣловъ своего жилища, то родственники въ такомъ случаѣ хотя имѣли право мстить, но неиначе какъ только взысканіемъ одного головничества, потому что разбираемая нами статья (I, 38) говоритъ именно лишь о платахъ и слѣдовательно не дозволяетъ другихъ способовъ мести.

Къ какимъ же окончательнымъ результатамъ приводитъ разсмотрѣніе законовъ Ярослава объ убійствѣ?

1) Неограниченный самосудъ хотя существовалъ какъ право частныхъ лицъ, но на самомъ дѣлѣ большею частію выражался, должно полагать, въ требованіи только выкуповъ. Количество этихъ выкуповъ или головничество было впослѣдствіи опредѣлено закономъ.

2) Въ случаѣ невозможности самосуда, князь взыскивалъ виру съ самаго преступника, если онъ былъ разбойникъ, и съ общины, если убійство совершено не въ разбоѣ, или если разбойника или вообще убійцы не отыскивали. Такимъ образомъ въ законахъ Ярослава различались два вида убійствъ: убійство *въ разбоѣ* и убійство *не въ разбоѣ*. Вира никогда не совпадала съ частною местью, хотя бы эта послѣдняя стремилась выразиться только головничествомъ.

3) Частная месть не имѣла мѣста по отношенію къ убійству умерщвленныхъ съ соблюденіемъ предписанныхъ для того условій татей. Плата за умерщвленіе связаннаго татя оставалась неопредѣленною.

Соображая все это, можно заранѣе предполагать въ чемъ должно было состоять дальнѣйшее развитіе постановленій объ убійствѣ при Изяславѣ и Мономахѣ.

Этимъ князьямъ слѣдовало: 1) Входившіе обычаемъ въ употребленіе выкупы за убійство (головничество) и вытѣснявшіе всѣ другіе способы мести обратить въ положительный законъ, для всѣхъ случаевъ, сообразно съ требованіями времени.

2) Опредѣлить точнѣе виды убійства и случаи платежа виры цѣлою вервію.

3) Опредѣлить количество платы за убійство пойманнаго и связаннаго татя.

4) Дать частнымъ выраженіямъ въ постановленіяхъ Ярослава болѣе общій смыслъ.

Все это, какъ мы увидимъ, и выполнено уставами Изяслава и Мономаха.

II. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ИЗЯСЛАВА И МОНОМАХА.

По смерти Ярослава, сказано въ Правдѣ, паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, *отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати* (II, 2). Мы видѣли, что по самосуду давалось прежде мстителю право поступать съ обидѣвшимъ его какъ ему было угодно; изъ приведеннаго же нами постановленія усматривается, что Изяславъ и его братья отмѣнили это право, именно запретили убіеніе за голову и слѣдовательно другіе легчайшіе способы мести, а дозволили только одинъ способъ—требованіе отъ убійцы опредѣленныхъ закономъ денежныхъ выкуповъ, т. е. *головничества*. Кромѣ того въ постановленіяхъ Изяслава мы видимъ, что *вира* платилась уже *совмѣстно съ головничествомъ* (II, 4); слѣдовательно она не взыскивалась уже, какъ при Ярославѣ, только въ томъ случаѣ, когда самосудъ былъ физически невозможенъ, а выплачивалась *за всякое убійство*, за которое не было положено личнаго наказанія или продажи; но и эти послѣднія также не вытѣсняли собою головничества. Такое измѣненіе въ законѣ было необходимымъ послѣдствіемъ отмѣны мести за означенное преступленіе, потому что самосудъ дѣлался невозможнымъ во всѣхъ данныхъ

случаяхъ, и слѣдовательно, по примѣненію къ прежнему началу, установлялось право князя требовать виры, налагать личное наказаніе или продажу при всякомъ лишеніи кого нибудь жизни. Вира оставалась неизмѣнною въ своемъ количествѣ: она была, какъ и прежде, простая 40 гривенная, и двойная—80 гривенная. Первая платилась вообще за всякаго людина, т. е. за смердовъ, закуповъ, холоповъ, посадническихъ мечниковъ, сельскихъ тіуновъ княжихъ, рядовичей, ремесленниковъ, купцовъ, кормилицъ, кормильцовъ, тіуновъ боярскихъ, тіуновъ ратайныхъ, за простыхъ варяговъ и колбяговъ. Двойная вира взыскивалась за княжихъ мужей, т. е. за бояръ, посадниковъ или вирниковъ, и всѣхъ вообще огнищанъ, т. е. тіуновъ конюшихъ, тіуновъ огнищныхъ, княжихъ отроковъ или мечниковъ, княжихъ поваровъ и конюховъ.—Вира также была *личною* и *общинною;* послѣдняя называлась иногда *дикою* (II, 4). Обратимъ вниманіе на значеніе этого эпитета. Слово *дикій* во многихъ случаяхъ означаетъ такой предметъ, который находится на свободѣ, а не подъ непосредственною чьей либо властію, напр. дикая утка, дикія поля; слѣдовательно, примѣняясь къ вирѣ, эпитетъ *дикая* показываетъ, что эта плата по своему происхожденію въ отдаленной древности была добровольною, свободною складчиною пени цѣлой общиной за того или другаго изъ ея членовъ, въ слѣдствіе желанія выручить его изъ бѣды, а также въ видахъ собственной пользы каждаго жителя верви, на случай, если бы онъ самъ совершилъ убійство. Но во времена Правды дикая вира дѣлалась уже нѣкоторымъ образомъ обязательною для верви, по крайней мѣрѣ по долгу взаимности относительно тѣхъ членовъ, которые сами прежде помогали ей во взносѣ пеней за убійцъ: «того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру» (II, 4). Однакожъ и въ этомъ случаѣ свобода не была совершенно стѣснена, потому-что кто не хотѣлъ платить за другаго виры, тотъ могъ отказаться отъ платежа, но тогда уже лишался помощи общины, если самъ дѣлался убійцей (II, 6). Такъ какъ добровольная складчина за кого нибудь и не могла бы существовать, если бы преступникъ не былъ обнаруженъ, то отсюда происходитъ, что названіе дикой виры отнесено въ Правдѣ только къ той общинной пени за убійство, которая взыскивалась при обнаруженіи преступника (II, 4, 6), вира же, платившаяся вервію, когда преступникъ не былъ

открытъ, не называлась дикою (II, 3), потому что она была безусловно обязательною для всѣхъ членовъ той общины, гдѣ найденъ трупъ убитаго. И такъ общинная вира дѣлилась на два рода: одна, по происхожденію своему будучи свободной складчиной, въ слѣдствіе этого самаго сдѣлалась въ послѣдствіи только *нравственно обязательною*, въ слѣдствіе постоянно возникавшаго долга взаимности и обоюдной пользы, а другая была *юридически, безусловно обязательною*. Платежъ общинныхъ виръ могъ производиться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что̀ видно изъ выраженія Правды: «которая ли вервь начнетъ платити дикую виру *колико лѣтъ* (II, 4)». Если такъ, то не могло быть постановленія, чтобы вирники собирали виры только въ теченіе одной недѣли. Это убѣждаетъ насъ, что выраженіе, употребленное въ уставѣ Ярослава: «до недѣли же виро зберутъ вирницы» (I, 42), искажено переписчикомъ, тѣмъ болѣе, что между приведеннымъ нами выраженіемъ и словами, ему предшествующими: «а бороппа колько могутъ изъясти,» явный перерывъ смысла, тогда какъ, если вмѣсто *до недѣли же* читать, какъ и слѣдуетъ, *донельже*, то составится одна ясная, опредѣленная мысль. Въ Правдѣ говорится: «а имати ему донелѣже городъ срубятъ «(III, 108); «тому же дати на руцѣ. . . донелѣже возмогутъ» (II, 93), и потому безъ сомнѣнія и по отношенію къ вирамъ въ подлинномъ текстѣ было сказано: «а боропна колько могутъ изъясти донелѣже виро зберутъ вирницы.» Очевидно, что вирникъ, оканчивая постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сборъ наложенной на какую либо вервь виры, пріѣзжалъ по-временамъ въ эту вервь за полученіемъ только нѣкоторой части пени, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, смыслѣ употреблены въ Правдѣ слова: «виро зберутъ», потому что нельзя же предполагать, чтобы вирникъ безвыѣздно сидѣлъ въ одной и той же верви даже нѣсколько лѣтъ сряду, пока она сполна не уплачивала виры, тѣмъ болѣе, что ему, какъ слѣдуетъ заключать, такіе же сборы предстояла надобность производить и въ другихъ вервяхъ. Въ княженіе Владиміра Мономаха произошло нѣкоторое измѣненіе въ постановленіяхъ о вирахъ. Онъ отмѣнилъ, какъ мы уже упоминали въ статьѣ о сословіяхъ, виру за холоповъ, а установилъ за умерщвленіе какъ холопа, такъ и рабы 12-ти гривенную продажу; за убійство же мущинъ и женщинъ свободнаго состо-

янія или постановлено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ взыскивать полувиру, 20 гривенъ. Говоря о вирахъ и головничествѣ, нельзя не сказать о томъ, въ какомъ числѣ онѣ взыскивались въ данномъ случаѣ, т. е. соображались ли при взысканіи ихъ съ числомъ убійствъ или съ числомъ преступниковъ. Имѣя въ виду выраженія: «то платити *убійцъ* (I, 18), виревную платити въ чьей же верви *голова* лежитъ» (II, 3) мы думаемъ, что вира, если она была *личною*, взыскивалась какъ по числу *головъ*, т. е. найденныхъ убитыхъ тѣлъ, такъ и по числу преступниковъ, напр. когда открывали въ одномъ мѣстѣ двухъ убитыхъ смердовъ, и обнаруживали, что въ умерщвленіи ихъ участвовали пять человѣкъ, то слѣдовало взыскать по 2 виры съ каждаго убійцы, т. е. всего 10 виръ или 400 гривенъ. При общинныхъ вирахъ, если преступникъ былъ неизвѣстенъ, вира разумѣется платилась только по числу *головъ*; но *дикая вира* всегда платилась какъ по числу головъ, такъ и по числу убійцъ.—Головничество, какъ плата *за голову*, взыскивалась только по числу убитыхъ, а не по числу преступниковъ, и потому за двухъ лишенныхъ жизни смердовъ пять убійцъ должны были всѣ вмѣстѣ заплатить родственникамъ только 10 гривенъ, т. е. по 5 гривенъ за каждаго смерда.

Сдѣлавъ общее замѣчаніе о головничествѣ и вирахъ, существовавшихъ при Изяславѣ и Мономахѣ, приступимъ теперь къ подробному разсмотрѣнію ихъ постановленій объ убійствѣ въ частности. Сперва скажемъ о вирахъ или вообще о наказаніяхъ за самое преступленіе, а потомъ о выкупахъ за него въ пользу обиженныхъ, т. е. о головничествѣ.

А. О ВИРАХЪ И ВООБЩЕ О НАКАЗАНІЯХЪ ЗА УБІЙСТВО.

При изложеніи постановленій Изяслава и Мономаха о вирахъ главнымъ образомъ слѣдуетъ различать, былъ ли отысканъ убійца или нѣтъ.

Еще при Ярославѣ было постановлено, чтобы виру, при необнаруженіи разбойника, платила та вервь, гдѣ найдено тѣло убитаго (I, 19). Этотъ законъ оставался дѣйствующимъ и въ разсматриваемое нами время, только въ уставѣ Изяслава получилъ болѣе общее выраженіе, такъ что относился уже не къ одинмъ огнища-

намъ, а къ людямъ всѣхъ сословій, какъ высшихъ, такъ и нисшихъ: «аже кто убіетъ *княжа* мужа *въ разбои*, а головника не ищутъ, то вирвную платити въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; пакилъ *людинъ*, то 40 гривенъ» (II, 3). Но если при Изяславѣ, въ случаѣ неотысканія разбойника, также отвѣчала вервь, гдѣ найденъ трупъ убитаго, то какъ поступали, когда не обнаруживали преступника при другихъ видахъ убійствъ? Въ Правдѣ сказано: «которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, *ню же* (¹) безъ *головника* имъ платити» (II, 4), т. е. если верви приходилось платить *дикую виру* за кого нибудь, то она выплачивала въ нѣсколько лѣтъ ту же самую пеню, какую постановлено было взносить общинѣ, если вообще убійца не былъ обнаруженъ. Обратимъ вниманіе на то, что здѣсь въ Правдѣ говорится: *безъ головника* платити, а не безъ *разбойника* платити. Изъ этого видно, что безъ головника, какъ при разбоѣ, такъ и вообще при какихъ бы то ни было убійствахъ, равно отвѣчала вервь, безъ сомнѣнія, та, гдѣ отыскивали трупъ убитаго. Тоже самое, какъ мы заключили выше, было и при Ярославѣ. Въ основаніи, почему съ верви взыскивалась вира при неотысканіи убійцъ, мы думаемъ, лежало предположеніе, что вервь скрываетъ преступника или нерадитъ объ отысканіи его, потому что въ послѣдствіи, въ XIV и XV вѣкахъ, если убійца выдавался правительству, города и села, въ которыхъ совершено преступленіе, освобождались вовсе отъ платежа пени: «а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ или ихъ тіуномъ, а крестьяномъ въ томъ продажи нѣтъ» (²). Иногда верви было даже выгодно скрывать преступниковъ. Положимъ, напр., что 3 смерда убивали другаго смерда одной съ ними верви. Если бы вервь обнаружила этихъ убійцъ, помогавшихъ ей прежде въ платежѣ пеней, то должна была бы заплатить *три виры*, тогда какъ скрывши преступниковъ, она заплатила бы только *одну виру*.—Изложивъ постановленіе Правды о платѣ общинной виры при неоткрытіи виновнаго въ лишеніи кого либо жизни, нельзя упустить изъ вида и тѣхъ

(¹) По нашему мнѣнію правильнѣе вмѣсто *занеже* употребить *ню же* по Пушкинскому списку, отбросивъ только ненужный предлогъ *за*. См. Изслѣдов. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 114.—(²) Акт. Эксп. т. I, №№ 13, 123.

случаевъ, когда постановленіе это дозволялось оставлять безъ примѣненія. Случаи, о которыхъ мы говоримъ, означены въ слѣдующей статьѣ Изяславова устава: «а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его» (II, 15). Изъ этой статьи видно, что, при необнаруженіи убійцы, отъ платежа виры вервь освобождалась: 1) когда найденный на ея земляхъ трупъ убитаго принадлежалъ лицу, никому неизвѣстному, и 2) когда находили только человѣческія кости. Какая была причина такихъ исключеній? Г. Кавелинъ полагаетъ, что округъ освобождался отъ обязанности платить виру, когда убитый былъ совершенно неизвѣстенъ, потому что за него некому было мстить, слѣдовательно и не отъ кого было откупаться (1). Но намъ кажется, что, по отмѣнѣ самосуда, право мстить за всякое убійство перешло къ князю, слѣдовательно было отъ кого откупаться, и причина установленія означеннаго закона, безъ сомнѣнія, существовала другая, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстный убитый человѣкъ могъ оказаться круглымъ сиротою и не имѣть также родственниковъ-мстителей, однакожъ нѣтъ никакого основанія полагать, что виры за него не платилось. По нашему мнѣнію, вервь освобождалась отъ платежа виры за мертвеца, котораго имени не вѣдали, потому что убитый, никому неизвѣстный въ округѣ человѣкъ, могъ быть подброшенъ изъ другой отдаленной верви нарочно, для избѣжанія собственной отвѣтственности, а въ такомъ случаѣ назначеніе виры было бы несправедливо. Наше мнѣніе совершенно подтверждается слѣдовавшими за Правдою грамотами, изъ которыхъ видно, что города, села и деревни не платили виры, если кто ихъ *подкидывалъ мертвымъ, незнаемымъ человѣкомъ* (2). За человѣческія кости общинная вира не назначалась, безъ сомнѣнія, потому, что ими не представлялось возможности опредѣлить, дѣйствительно ли совершено убійство: погибшій могъ замерзнуть и потомъ сгнить, могъ быть съѣденъ звѣрями.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ убійства, когда преступникъ былъ обнаруженъ.

При отысканіи убійцы обращали въ уставѣ Изяслава больше,

(1) См. Отечеств. Зап. за декабрь 1851 г., въ отд. критики, стр. 118.
(2) Акт. Эксп., т. I, №№ 208, 217, 234; т. III, № 37.

чѣмъ при Ярославѣ вниманія на отношеніе воли преступника къ совершенному имъ преступленію, въ слѣдствіе этого точнѣе, нежели прежде дѣлали различіе между убійствами. Въ Правдѣ вообще находятся слѣдующія выраженія, обозначающія виды убійствъ: 1) а убіютъ въ разбоѣ, а убійцу (головника) не ищутъ (I, 19; II, 3); 2) а убіютъ въ обиду (I, 18); 3) оже убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено (II, 4); 4) будетъ сталъ на разбоѣ безъ всякія свады (II, 5). Выраженія: убіютъ въ разбоѣ, убіютъ въ обиду, сталъ на разбоѣ безъ всякія свады, какъ мы сказали выше, совершенно тождественны, т. е., по нашему мнѣнію, подъ убійствомъ *въ обиду* разумѣли то же, что и подъ убійствомъ въ разбоѣ, именно лишеніе кого либо жизни при злонамѣренномъ на него нападеніи безъ всякой предварительной ссоры. Остается разобрать выраженіе: «оже будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено» (II, 4). Слова̀: оже убилъ въ свадѣ, не требуютъ толкованій; но какъ понимать слова̀: «или въ пиру явлено»? Мы знаемъ изъ одной Псковской грамоты, что о преступленіяхъ постановлено было являть въ пиру пировому старостѣ или пивцамъ ([1]). Однакожъ нельзя думать, чтобы въ Правдѣ говорилось, какъ объ особомъ видѣ, объ убійствахъ, явленныхъ въ пиру; напротивъ слово «*явлено*» очевидно въ приведенномъ нами мѣстѣ употреблено въ значеніи *явно*. Такой же смыслъ означенное слово имѣетъ и въ другой статьѣ Правды, въ выраженіи: «*явлено ходитъ*» (II, 52). Посему подъ убійствомъ, «въ пиру явлено» разумѣли, по нашему мнѣнію, явное лишеніе кого либо жизни на пиру, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе ссоры или драки, въ пьяномъ видѣ; слѣдовательно оно составляло только одинъ изъ видовъ вообще убійствъ въ свадѣ. Такимъ образомъ, признавъ тождественность выраженій съ одной стороны: убіютъ въ разбоѣ, сталъ на разбоѣ безъ всякой свады и убіютъ въ обиду, а съ другой—убіютъ въ свадѣ и убіютъ въ пиру явлено, нельзя не согласиться, что въ уставахъ Изяслава и Мономаха, а безъ сомнѣнія и прежде, какъ удостовѣряютъ въ томъ статьи дополнительнаго Ярославова устава объ умерщвленіи кого либо въ обиду и въ разбоѣ (I, 18, 19), главнымъ образомъ различались два вида убійствъ: *безъ свады* и *въ свадѣ*, т. е. *безъ раздраженія* для какой либо особой злонамѣренной цѣли, и *въ раздра-*

([1]) См. статью «пиры и братчины» во 2 книжкѣ Архива г. Калачова стр. 32.

женіи, въ слѣдствіе ссоры или драки. Такое же различеніе убійствъ на разбоѣ и въ свадѣ мы находимъ и въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ, въ которомъ во многихъ мѣстахъ съ замѣчательною ясностію отразились постановленія Правды по уголовному праву [1]. Къ разряду убійствъ въ свадѣ должно отнести также умерщвленіе связаннаго татя на татьбѣ и лишеніе жизни, о которомъ говорится въ слѣдующей статьѣ Изяславова устава: «аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны; *потнетъ ли на смерть, а вира* (II, 24)». Въ томъ и другомъ случаѣ за причиненіе кому либо смерти назначались денежныя пени, слѣдовательно упомянутыя нами преступленія считались убійствами въ свадѣ, потому что за убійства безъ свады, какъ увидимъ ниже, опредѣлялись личныя наказанія.

Означивъ виды убійствъ, какія различались въ уставахъ Изяслава и Мономаха, именно убійства *въ свадѣ* и *безъ свады*, представляется вопросъ: признавала ли Правда убійцами только тѣхъ, которые намѣренно посягали на жизнь другихъ, или обращала вниманіе на одно лишь послѣдствіе дѣйствія, независимо отъ того имѣлъ ли преступникъ умыселъ на умерщвленіе кого или нѣтъ? Имѣя въ виду изложенную выше статью Изяславова устава о нанесеніи раны и смерти мечемъ (II, 24), нельзя не убѣдиться, что въ Правдѣ, при опредѣленіи наказанія, послѣдствіе дѣйствія цѣнилось болѣе, нежели самое направленіе воли. Наносившій кому либо мечемъ рану, отъ которой не приключалось раненому смерти, могъ и не скрывать своего умысла на убійство, тогда какъ умерщвлявшій кого либо причиненіемъ раны могъ стремиться къ нанесенію только этой послѣдней, не думая вовсе посягать на его жизнь; но, не смотря на то, первый наказывался лишь за рану, а второй—какъ убійца. Словомъ, какія бы ни были намѣренія преступника, Правда примѣняла къ нему законы объ убійствѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлся въ виду самый трупъ убитаго, и при опредѣленіи степени виновности подсудимаго обращала единственно вниманіе на внѣшнее, очевидное для всѣхъ проявленіе воли, т. е. на то, была ли при убійствѣ *свада* или оно совершено *на разбоѣ безъ всякой свады*. Но нельзя сказать, чтобы Правда вовсе упуска-

---

[1] См. Временникъ, 18 книга, 1854 г., Лит. Стат. стр. 56 ст. 1; стр. 62 ст. 2; стр. 64 ст. 29.

ла изъ вида намѣреніе преступника: надобно замѣтить, что она считала преступнымъ не всякое убійство безъ свады, а только убійство на разбоѣ безъ свады, что̀ весьма важно, и даетъ поводъ къ слѣдующимъ выводамъ. Если въ законахъ Изяслава и Мономаха и не дѣлалось различія между убійствами предумышленными, умышленными и неосторожными, сдѣланными въ свадѣ, и между такими же убійствами, совершенными хотя безъ свады, но на разбоѣ, т. е. напр. при ограбленіи имущества убитаго, или при другомъ важномъ противъ него злоумышленіи, то тѣмъ не менѣе, основываясь на выраженіи «сталъ на разбоѣ безъ всякой свады», нельзя не придти къ заключенію, что Правда исключала изъ числа преступленій, подлежащихъ наказанію, убійства, *сдѣланныя безъ свады, но въ то же время и безъ разбоя*, т. е. убійства явно *неосторожныя* и совершенно *случайныя*, происшедшія при отсутствіи всякой вражды къ убитому и безъ всякаго злаго какого либо противъ него умысла. Притомъ, мы знаемъ, что какъ при Ярославѣ, такъ и при Изяславѣ, извинялось иногда даже умышленное умерщвленіе татя на воровствѣ, и что при Мономахѣ за неумышленное передержательство и покупку чужаго бѣглаго холопа, безъ знанія о его состояніи, не назначалось никакого взысканія (III, 126, 129), слѣдовательно, въ противорѣчіе со всѣмъ этимъ, нельзя думать, чтобы неумышленныя по неосторожности убійства безъ всякой свады и безъ разбоя, а равно убійства совершенно случайныя, Правда считала преступными, тѣмъ болѣе, что несчастные случаи причислялись въ ней къ числу оправдывавшихъ обстоятельствъ. Такъ о купцѣ, потерявшемъ чужой капиталъ, въ слѣдствіе такихъ случаевъ, сказано: *не виноватъ есть, зане пагуба есть отъ Бога* (II, 50). Безъ сомнѣнія законодательство, высказавшее такія начала, не могло преслѣдовать за случайное лишеніе жизни. Все это убѣждаетъ насъ въ справедливости нашего вывода, основывающагося впрочемъ на началахъ, дѣйствовавшихъ въ Правдѣ; руководствуясь же ими, мы полагаемъ, что въ ней необходимо предполагать все нами сказанное, хотя оно и не опредѣлено въ ней ясно, по той причинѣ, что право еще живо чувствовалось народомъ и не требовало обширныхъ и точныхъ законоположеній.

Различеніе убійствъ *въ свадѣ* и *на разбоѣ безъ свады* было весьма важно по отношенію къ платежу *дикой виры*.

За лишеніе жизни на разбоѣ *безъ всякой свады* дикой виры не назначалось, она взыскивалась только за убійства *въ свадѣ*, и то не безусловно, а единственно за тѣхъ убійцъ, которые прежде совершенія преступленія сами вкладывались въ дикую виру, т. е. соглашались платить и дѣйствительно платили упадавшую на нихъ часть пени за убійства, совершенныя другими. Если же кто не вкладывался въ дикую виру, то за лишеніе кого либо жизни въ свадѣ имъ самимъ вервь также ему не помогала и онъ долженъ былъ выплачивать виру самъ. Основанія такого постановленія, кажется, совершенно ясны, и вытекали изъ существа дикой виры, какъ свободной складчины: не платишь за другихъ, не хочешь облегчать имъ тяжесть пени, не за что платить и за тебя. Но г. Кавелинъ возбудилъ по этому поводу сомнѣніе. Выписавъ статью Правды: кто не участвуетъ во взносѣ дикой виры, за того и люди не платятъ, онъ прибавляетъ: «чѣмъ опредѣлить это исключеніе,—добровольно ли самимъ міряниномъ, жителемъ верви, или тѣмъ, что онъ принадлежалъ *къ особливому отъ остальныхъ ея жителей званію* и не былъ въ общинѣ,—трудно сказать по недостатку данныхъ (¹)». Намъ кажется, что буквальный смыслъ статьи Правды едвали можетъ возбуждать подобныя недоразумѣнія. Въ ней сказано: «аже кто не вложится въ дикую виру, тому людье не помогаютъ, но самъ платитъ» (II, 6). Выраженіе: «*аже кто не вложится*» само собою предполагаетъ существованіе возможности вложиться, слѣдовательно обозначаетъ добровольное принятіе или непринятіе на себя обязательства платить дикую виру; притомъ самый смыслъ словъ «*аже кто*» показываетъ, что законъ не разумѣлъ здѣсь никакого особеннаго званія или состоянія между членами общины, слѣдовательно къ предположенію того или другаго текстъ Правды не даетъ ни малѣйшаго повода. Само собою разумѣется, что быть членами верви и участвовать въ платежѣ дикихъ виръ могли только люди свободные и вѣроятно одни смерды, а не закупы, зависѣвшіе отъ своихъ господъ, и не холопы, которые не имѣли никакой собственности и лишены были безусловно права ее пріобрѣтать, а поэтому ни къ тѣмъ, ни къ другимъ не могло относиться условное выраженіе: «аже кто не вложится». Кромѣ того ни холоповъ, ни закуповъ преступниковъ не каз-

(¹) См. Отеч. Записк. за декабрь 1851 г., въ отд. критики, стр. 118.

вилъ князь продажею, слѣдовательно не было основанія казнить ихъ и вирою, а тѣмъ болѣе подвергать ихъ такой платѣ за вину другаго, если даже и допустить, что они могли быть членами верви.

Говоря о платежѣ дикой виры при убійствѣ въ свадѣ, нельзя обойти вопросовъ: въ какомъ количествѣ взыскивалась эта вира; какая вервь ее платила, та ли, гдѣ совершено преступленіе и найденъ трупъ убитаго, или та, къ которой принадлежалъ преступникъ, и участвовалъ ли послѣдній въ платежѣ виры или нѣтъ? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ разберемъ въ подробности слѣдующую статью Правды: «которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатятъ ту виру, *ню же* (1) безъ головника имъ платити; будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зане къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру; но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити *съ* (2) дружины свою часть, *аже* (3) будетъ убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено: то тако ему платити по вервнынѣ, иже ся прикладываетъ вирою». Мы переводимъ эту статью такъ: если какой либо верви приходилось платить дикую виру, то она должна была въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ уплатить ту самую по количеству виру, какую положено было вносить при необнаруженіи преступника; при открытіи же убійцы, только потому что (зане) онъ къ нимъ, членамъ верви, прежде прикладывалъ, т. е. участвовалъ въ складчинѣ, того ради (того же дѣля) и имъ слѣдуетъ помогать убійцѣ, иначе сказать, платить *дикую виру* (любо си дикую виру); но совмѣстно имъ, вложившимся въ виру, 40 гривенъ, а головничество самому головнику, и изъ 40 гривенъ убійцѣ свою часть,—какая причиталась на его долю по раскладкѣ, — слѣдовало платить только въ томъ случаѣ, если убійство произведено въ свадѣ или явно на пиру. Изъясненнымъ способомъ (то тако) надлежало преступнику платить совмѣстно съ жителями той верви, къ которой онъ самъ

---

(1) Почему мы читаемъ *нюже*, вмѣсто *за неже*, объяснено выше.— (2) Въ Троицк. спискѣ стоитъ *исъ*, но очевидно, что буква *и* есть только ненужное повтореніе буквы, которою оканчивается предшествующій глаголъ «заплатити», посему мы вмѣсто *исъ* читаемъ *съ*.—(3) *Аже*, вмѣсто: *но оже*, мы читаемъ по Чудовскому и Погодинскому спискамъ. См. Изслѣдованія о Рус. Прав. Калачова, стр. 114.

принадлежалъ по взносу виры. Изъ разсмотрѣнія этой статьи открывается слѣдующее: 1) дикая вира, платившаяся при обнаруженіи преступника, взыскивалась въ томъ же количествѣ, какъ и при неоткрытіи убійцы, т. е. принималось въ основаніе также состояніе убитаго, а не убійцы, и выплачивалось за княжа мужа 80 гривенъ, а за людина 40 гривенъ кунъ (II, 3); 2) дикую виру постановлялось взыскивать не съ той верви, гдѣ отысканъ трупъ убитаго человѣка, но съ той, къ которой принадлежалъ преступникъ, разумѣется, если эта послѣдняя не совпадала съ первой; 3) община выплачивала пеню совмѣстно съ преступникомъ, который то же долженъ былъ внесть часть ея, причитавшуюся на него по раскладкѣ, но обязывалась къ этому только въ томъ случаѣ, если виновный самъ прежде помогалъ общинѣ въ дѣлахъ объ убійствахъ, т. е. вкладывался въ дикую виру; 4) головничество обязанъ былъ выплачивать преступникъ самъ независимо отъ общины. Если въ изложенной нами выше статьѣ упоминается только о платѣ 40 гривенной виры, то это постановлено примѣрно, потому что двойная 80 гривенная вира тоже могла быть *дикою* и взыскиваться за умерщвленіе въ свадѣ княжа мужа, и слѣдовательно подлежала одинаковымъ условіямъ раскладки, какъ и 40 гривенная вира. Но кромѣ 80-ти и 40-ка-гривенныхъ виръ, за убійство въ свадѣ назначалась иногда и полувира, которая также могла быть *дикою*. Разсмотримъ случай, когда взыскивалась эта послѣдняя. Въ Правдѣ сказано: «аже кто убіетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити якоже и мужа; аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ» (II, 83). Что значатъ слова̀: *тѣмъ же судомъ судити яко же и мужа?* Безъ сомнѣнія, подъ этими словами нельзя разумѣть какой либо *формы судопроизводства,* потому что о формахъ судопроизводства не имѣли во времена Правды ни малѣйшаго понятія. Напротивъ, выраженія: «якоже Ярославъ *судилъ*, такоже и сынове его уставиша», «*судъ* Ярославль Володиміричь», «уставъ Ярослава Владимірича *о судѣхъ,*» — показываютъ, что подъ словомъ *судъ*, въ отношеніи уголовнаго права, разумѣли въ Правдѣ опредѣленное закономъ наказаніе за то или другое противозаконное дѣйствіе. Такимъ образомъ, выраженіе «тѣмъ же судомъ судити якоже и мужа,» означаетъ, что виновный въ убійствѣ женщины подлежалъ такимъ же наказаніямъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и за убійство мужчи-

ны. Слѣдовательно, тутъ также различали умерщвлена ли женщина на *разбоѣ безъ всякой свады* или убита *въ свадѣ.* Въ первомъ случаѣ назначалось личное наказаніе, а во второмъ—80 и 40 гривенная виры. Если такъ, то слова: *«аже будетъ виноватъ, то полвиры»* должно считать отдѣльною мыслію, не имѣющею никакого отношенія къ словамъ ей предшествующимъ. Иначе нельзя было бы ничѣмъ объяснить очевиднаго между тѣми и другими словами противорѣчія, потому-что назначеніе полувиры показывало бы, что за убійство женщинъ былъ совершенно другой судъ, чѣмъ за лишеніе жизни мущинъ. Мы думаемъ, что выраженіе: *«аже будетъ виноватъ, то полвиры»* составляетъ особый дополнительный законъ относительно убійства кого либо *въ свадѣ.* До Мономаха не различали, кто былъ зачинщикомъ свады, и не смотря былъ ли имъ или нѣтъ убійца, взыскивали съ него 80 или 40 гривенную виру; Мономахъ же въ тѣхъ случаяхъ, когда убитый въ свадѣ былъ самъ виноватъ, т. е. самъ началъ сваду, опредѣлилъ взыскивать съ убійцы только *полувиру.* Вотъ что, по нашему мнѣнію, означаютъ слова: аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ. Этотъ законъ относился и къ умерщвленію женщинъ, начинавшихъ ссору, потому-что за нихъ тѣмъ же судомъ судили, какъ и за мужа. Само собою разумѣется, что если былъ убитъ *княжъ мужъ,* и оказывалось, что онъ самъ былъ причиною свады, тогда платилась не полувира, а половина 80 гривенной виры. Если же убійца самъ начиналъ ссору, то по прежнему подлежалъ платѣ 80 или 40 гривенной виры, смотря по состоянію убитаго.

Въ отношеніи къ дикой вирѣ необходимо разрѣшить еще одинъ вопросъ: какъ поступали, если убійца былъ извѣстенъ, а убитаго никто не зналъ? Принимался ли въ такихъ обстоятельствахъ во вниманіе законъ: «а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его» (II, 15)? Нѣтъ сомнѣнія, что если напр. проѣзжаго неизвѣстнаго человѣка убивали въ разбоѣ для ограбленія, и убійца былъ открытъ и пойманъ, то онъ выдавался на общемъ основаніи князю, вервь же здѣсь оставалась въ сторонѣ. Но платила ли община дикую виру, если проѣзжій неизвѣстный человѣкъ умерщвлялся кѣмъ либо въ свадѣ, и открытый, преступникъ прежде помогалъ общинѣ въ платежѣ дикихъ виръ? Всякій согласится, что было бы противно здравому смыслу осво-

бождать убійцу въ изложенномъ нами случаѣ отъ пени, и что такъ какъ преступникъ прежде самъ вкладывался въ дикую виру, то вервь едва ли могла отказать ему въ пособіи. Однакожъ встрѣчается затрудненіе: какимъ образомъ, если убитый былъ неизвѣстенъ, могли опредѣлять количество дикой виры? Вѣроятно въ этихъ случаяхъ обращали вниманіе какъ на одежду трупа, такъ и на другіе внѣшніе на немъ признаки; но безъ сомнѣнія такія обстоятельства давали вирнику или посаднику возможность дѣйствовать совершенно произвольно въ назначеніи количества пеней, особенно при Мономахѣ, когда за людиновъ-смердовъ платилась вира, а за холоповъ—продажа, и было затруднительно опредѣлить кто изъ убитыхъ былъ свободнымъ человѣкомъ, а кто рабомъ. При Ярославѣ же и Изяславѣ взысканія за убійства были только двухъ родовъ: 80 гривенная вира и 40 гривенная; первая платилась за княжихъ мужей, вторая за людиновъ. И мы думаемъ, что княжихъ мужей или лицъ высшаго сословія своего князя знали если не всѣ, то весьма многіе, и слѣдовательно при убійствѣ кого либо изъ нихъ не могло быть и рѣчи, что убитый неизвѣстенъ. Особенно не могли не знать княжихъ мужей своего князя, оффиціальныя лица, производившія самый судъ. Если же убивали гдѣ княжихъ мужей другаго княжества, то едва ли внѣ его предѣловъ платилась за умерщвленіе этихъ мужей двойная вира; вѣроятно они разсматривались, какъ вообще людины. Такимъ образомъ, если находили трупъ убитаго и не знали кто онъ, то во всякомъ случаѣ могли принимать, что убитъ кто нибудь изъ людиновъ, и потому опредѣлить количество виры не составляло никакой трудности, такъ какъ за каждаго изъ лицъ низшаго сословія равно платилась 40 гривенная вира. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, намъ кажется, что законъ: «а по костехъ и по мертвеци не платити верви, аже имене не вѣдаютъ», относится единственно къ тѣмъ случаямъ, когда убійца не былъ обнаруженъ, т. е. къ платежу общинной (въ тѣсномъ смыслѣ), а не дикой виры.

Разсмотримъ теперь тѣ случаи убійства, за которые не назначалось или вообще виры, или только дикой виры. Сюда относится: 1) убійство въ свадѣ, сдѣланное лицемъ, не помогавшимъ прежде общинѣ въ платежѣ дикихъ виръ; 2) умерщвленіе татя на татьбѣ и 3) лишеніе жизни на разбоѣ безъ всякой свады.

Виновные, которые умерщвляли кого либо въ сваде, но прежде того не помогали своей общинѣ въ платежѣ дикихъ виръ, должны были выплачивать виру или полувиру сами, т. е. изъ общинной она превращалась въ личную. Если же при этомъ виновный оказывался несостоятельнымъ, то приводился на торгъ и продавался (II, 51) безъ сомнѣнія не въ холопство, а въ закупы, потому что холопство, какъ мы показали въ статьѣ о сословіяхъ, никогда не возникало непосредственно изъ преступленія, а только закупы могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться въ холоповъ. Постановленіе о продажѣ должниковъ на торгу принадлежитъ Владиміру Мономаху; но можно предполагать, что въ практикѣ, въ видѣ обычая и частныхъ рѣшеній, такая продажа существовала и при Изяславѣ.

Относительно убійства на татьбѣ при Изяславѣ было постановлено: аже убіютъ кого у клѣти или у которой татьбы, то убіютъ во пса мѣсто; аже ли додержать до свѣта, то вести и на княжь дворъ; оже ли убіютъ и, а уже будутъ людіе связана видѣли, то платити въ томъ 12 гривенъ (II, 36; III, 37). Это собственно законъ Ярослава, только съ опредѣленіемъ количества платы за убійство. Безъ сомнѣнія основаніе къ такому закону лежало въ началѣ необходимой обороны своего имущества. Но всякая необходимая оборона должна имѣть свои предѣлы, поэтому и въ Правдѣ, по отношенію къ убійству татей, постановлены были границы, переходить которыя не дозволялось безнаказанно. Всякій могъ умертвить татя на татьбѣ ночью, если не въ состояніи былъ его поймать; но татя поймaннаго и связаннаго, а также днемъ, запрещалось убивать. Кто нарушалъ этотъ законъ, тотъ подвергался платежу 12 гривенной продажи (1). Если убивали разомъ нѣсколько татей-сообщниковъ, то, по смыслу закона, за каждаго изъ нихъ взыскивалась отдѣльная продажа, а не одна за всѣхъ. Страннымъ представляется, однакожъ, отъ чего за лишеніе жизни человѣка взыскивали въ этомъ случаѣ не виру, а продажу? Объяснить это можно только тѣмъ, что умерщвлялся преступникъ, потому и самая пеня не различалась по состоянію убитаго. Принадлежалъ ли тать къ свободному сословію

(1) Это постановленіе Правды съ нѣкоторымъ измѣненіемъ вошло и въ старый Литовскій Статутъ. См. Времен. кн. 18, 1854 года, стр. 104, ст. 20.

или къ несвободному, за убійство его плата была совершенно одинакова: преступленіе, совершенное убитымъ, дѣлало предъ закономъ безразличнымъ его сословіе. Двѣнадцати-гривенная продажа за лишеніе жизни татя могла также, по нашему мнѣнію, выплачиваться общиною совмѣстно съ преступникомъ, если только послѣдній помогалъ ей прежде въ платѣ пеней.

За лишеніе кого либо жизни на разбоѣ безъ всякой свады, если преступникъ былъ извѣстенъ, дикой виры не назначалось. При Ярославѣ, въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли, самъ виновный обязывался заплатить виру (I, 18); при Изяславѣ же постановлено было выдавать убійцу князю (II, 5). Но безъ сомнѣнія, если та вервь, гдѣ совершенъ разбой и находили трупъ убитаго, сама укрывала преступника, то платила общинную виру на общемъ основаніи, какъ и при неотысканіи убійцы. «Будетъ ли сталъ на разбоѣ безъ всякой свады, сказано въ уставѣ Изяслава, то за разбойника люди не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою и дѣтьми на *потокъ* и *на разграбленіе* (II, 5).» Подъ словомъ *разграбленіе* понимали лишеніе имущества; смыслъ же слова *потокъ* опредѣлить труднѣе. Кромѣ приведенной выше статьи, оно встрѣчается въ Правдѣ еще два раза: 1) аще будетъ коневый тать—выдати князю на потокъ (II, 30); 2) аже зажгутъ гумно, то на потокъ на грабежъ домъ его, переди пагубу исплативши, а въ процѣ князю поточити и (II, 79). Изъ этихъ статей слѣдуетъ, что обреченіе на потокъ начиналось выдачею преступника князю, и что существительное *потокъ* одного корня съ глаголомъ *поточити,* который соотвѣтствовалъ слову *сослать.* Это видно изъ нашихъ лѣтописей, въ которыхъ говорится, что за клятвопреступленіе (еже преступиша крестное цѣлованіе) Мстиславъ въ 1129 году *поточи* князи Полотскіе Царюграду, въ Греки, съ женами и дѣтьми ([1]). Объ Александрѣ Невскомъ также сказано: Нѣмецъ и Чудь, исковавъ, *поточи* въ Новгородъ ([2]). Такое значеніе, какъ поточить, имѣлъ и глаголъ *расточить*; напр. расточи я̂ по градомъ ([3]). И такъ слово *потокъ* означало *ссылку*, можетъ быть даже съ заключеніемъ. Такимъ образомъ разбойники, кромѣ лишенія имущества, подверга-

---

([1]) Полн. собр. русск. лѣт, т. I, стр. 131; т. II, стр. 12.—([2]) Тамъ же, т. IV, стр. 179.—([3]) Тамъ же, т. III, стр. 31.

лись еще и личному наказанію. Впрочемъ, слѣдованіе въ ссылку женъ за мужьями и дѣтей за отцемъ должно считать не осужденіемъ для нихъ, а необходимымъ послѣдствіемъ неразрывности брачнаго союза и семейной жизни. Кромѣ потока и разграбленія, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, за убійство на разбоѣ назначалась иногда и *смертная казнь*, хотя объ ней въ Правдѣ не говорится ни слова. Такъ въ Лаврентьевской лѣтописи сказано: Володимеръ отвергъ виры, нача казнити разбойники ([1]), въ Степенной же книгѣ объяснено, что разбойницы *по Градскому Закону казнемъ предавахусь*, а по Градскимъ Законамъ за убійство опредѣлялась смертная казнь: «творяй убійство волею, коего любо аще есть возраста, мечемъ муку да пріемлетъ ([2])». Кромѣ того, при Ярославѣ, въ 1024 году, въ Суздальской землѣ, во время голода, волхвы стали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что онѣ скрываютъ у себя въ тѣлѣ съѣстные припасы. Посему Ярославъ отправился въ Суздаль, переловилъ преступныхъ волхвовъ, однихъ изъ нихъ *расточи*, а другихъ *показни*, т. е. однихъ отправилъ въ ссылку, а другихъ подвергнулъ казни, безъ сомнѣнія смертной ([3]). Слѣдовательно, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что въ періодъ Правды, преступники за убійство на разбоѣ безъ всякой свады иногда приговариваемы были и къ лишенію жизни. Одинъ разсказъ лѣтописи о событіи, современномъ Изяславу, Святославу и Всеволоду, можетъ еще болѣе подкрѣпить наше мнѣніе.

Въ 1071 году, два волхва, вышедшіе изъ Ярослава, появились въ Ростовской области, гдѣ былъ въ то время голодъ, и стали здѣсь объявлять народу, переходя изъ погоста въ погостъ, что жито, рыбу и медъ держатъ въ себѣ женщины, указывая на богатѣйшихъ изъ нихъ. По этимъ указаніямъ братья приводили къ волхвамъ своихъ сестеръ, мужья—женъ, дѣти—матерей. Волхвы дѣлали у всѣхъ приведенныхъ къ нимъ прорѣзы за плечами, вынимали обманомъ оттуда рыбу и жито, и потомъ убивали несчастныхъ, забирая къ себѣ все ихъ имущество. Наконецъ, умертвивъ многихъ женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ, обманщики удалились на Бѣлоозеро.

([1]) Полн. собр. русск. лѣт. т. 1, стр. 54.—([2]) Калачова, О значеніи Кормчей, стр. 102 и въ прилож. стр. 6.—([3]) Полн. собр. русск. лѣт. т. 1, стр. 64.

Случилось, что въ это время прибылъ туда же отъ князя Святослава, для сбора дани, Янъ Вышатинъ. Узнавъ объ описанныхъ выше злодѣйствахъ, онъ сперва разслѣдовалъ о преступникахъ *чья еста смерда, и увѣдѣвъ яко своего князя*, потребовалъ настоятельно выдачи себѣ волхвовъ. Въ слѣдствіе этого, Бѣлозерцы поймали ихъ и выдали. Когда волхвы были приведены къ Яну, онъ началъ допрашивать ихъ: «*что ради погубиста толико человѣкъ*? Виновные, не запираясь въ преступленіи, отвѣчали, *яко ти держатъ обилье.* За тѣмъ Янъ произнесъ имъ приговоръ: *вама муку пріяти отъ мене.* На это волхвы, ссылаясь на открытіе, сдѣланное имъ ихъ богами, возразили: *нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши нама створити ничтоже.* Послѣ такого отвѣта, Янъ велѣлъ бить своихъ подсудимыхъ и выдергать имъ бороды, а потомъ спросилъ: *что вамъ бози молвятъ*? Стати намъ предъ Святославомъ, говорили преступники. Отъѣзжая изъ Бѣлоозера, Вышатинъ приказалъ взять съ собою волхвовъ, связать ихъ и положить въ ладьѣ, а самъ поплылъ на суднѣ въ слѣдъ за ними. Остановившись въ устьѣ Шексны, онъ вновь спросилъ ихъ: *что вамъ бози молвятъ*? Волхвы отвѣчали: *не быти нама живымъ отъ тобе.—То ти вама право повѣдали*, сказалъ Янъ, *пущу васъ, зло ми будетъ отъ Бога*, и потомъ обратился съ вопросомъ къ бывшимъ съ нимъ лодочникамъ: убитъ ли кто изъ вашихъ родственниковъ отъ этихъ волхвовъ? Лодочники отвѣчали, что у одного убита мать, у другаго—сестра, у третьяго—дочь. Послѣ сего Янъ сказалъ имъ: *мстите своихъ. Они поимше, убиша я҇, и повѣсиша ѐ на дубѣ* (¹).

Описанное нами преступленіе волхвовъ подходитъ подъ разрядъ убійствъ въ разбоѣ безъ всякой свады, и притомъ современно самымъ постановленіямъ Правды, изданнымъ Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ. Слѣдовательно, важность изложеннаго нами разсказа лѣтописи очевидна, и мы займемся подробнымъ его разсмотрѣніемъ. Собственно необходимо разрѣшить вопросъ: было ли убіеніе волхвовъ слѣдствіемъ самосуда отца, сына и брата, лишившихся своихъ родственниковъ, или оно произошло по суду княжескаго чиновника? Вникая въ разсказъ лѣтописи, мы видимъ,

(¹) Полн. собр. русск. лѣт. т. I, стр. 75 и 76.

что чиновникъ княжескій сначала изслѣдываетъ чьими смердами были волхвы, и узнавъ, что они смерды его князя, именно Святослава, требуетъ ихъ выдачи. Это показываетъ, что, имѣя право суда, Янъ первоначально старался удостовѣриться, могъ ли онъ привести его въ дѣйствіе, и въ слѣдствіе этого заботился устранить всякое сомнѣніе о подсудности смердовъ. За тѣмъ, когда волхвы были ему выданы, какъ подданные его князя, онъ, послѣ допроса и сознанія преступниковъ, объявляетъ имъ, что они примутъ отъ него муку, но уважаетъ изъявленнаго ими желанія предстать на судъ къ самому Святославу, и на слова ихъ: «не можеши створити ничтоже», дѣлаетъ надъ ними разныя истязанія, какъ бы въ доказательство противнаго, и наконецъ прямо говоритъ имъ, что они дѣйствительно претерпятъ отъ него смертную казнь. Значитъ, въ умѣ своемъ Янъ рѣшилъ участь волхвовъ заранѣе; выдача же ихъ лодочникамъ съ приказаніемъ мстить своихъ, составляла только способъ исполненія казни, потому что нахожденіе при Янѣ лодочниковъ, у которыхъ волхвы умертвили родственниковъ, было обстоятельство совершенно случайное, и Янъ не зналъ объ немъ, а между тѣмъ до отъѣзда еще своего изъ Бѣлоозера объявилъ преступникамъ, что они примутъ отъ него муку. Что же бы послѣдовало, если бы на вопросъ Яна лодочники отвѣчали, что у нихъ никто не убитъ? Безъ сомнѣнія, онъ не отпустилъ бы изъ за этого волхвовъ, потому что еще прежде сказалъ имъ: «пущу васъ, зло ми будетъ отъ Бога». Притомъ, въ самихъ лодочникахъ не обнаружилось никакого желанія мести. Находясь подлѣ волхвовъ, убившихъ ихъ родственниковъ, они оставались хладнокровными, такъ что во все время пути ничѣмъ не высказали своего особаго отношенія къ убійцамъ, и Янъ для узнанія этого долженъ былъ предложить лодочникамъ вопросъ. Да и не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ, которые сами приводили своихъ дочерей, женъ и сестеръ на умерщвленіе, были, по своему суевѣрію, совершенно убѣждены въ истинѣ разсказовъ волхвовъ, и не могли питать къ нимъ чувства мести. Слѣдовательно, если понимать обращенныя къ лодочникамъ слова: «мстите своихъ», какъ дозволеніе самосуда, т. е. произвола въ выборѣ наказанія, то въ такомъ случаѣ предположеніе Яна объ умерщвленіи волхвовъ не имѣли бы никакого значенія,

ОТЧЕТЪ

О СТАТЬЯХЪ И МАТЕРІАЛАХЪ, ДОСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ.—*Сынъ (разсказъ изъ XVII столѣтія).* Будетъ напечатанъ въ IV книгѣ Архива.—*Новгородъ и Псковъ (изслѣдованіе).* Начнется печатаніемъ съ 1-й книги Архива за 1860 г.

Г. М.—*О ипотекѣ.* Будетъ напечатана въ V книгѣ Архива.

Н. Х. БУНГЕ.—*Разборъ сочиненія:* Die Befreiung der Leibeigenen in Rußland. Berlin, 1859. Ferdinand Schneider,—въ IV книгѣ.

О. Г.—*Нѣсколько словъ о слѣдствіи,*—тамъ же.

А. АРТЕМЬЕВЫМЪ и **Н. А. ПОПОВЫМЪ.**—*неизданные указы Петра Великаго о заповѣдныхъ лѣсахъ*—тамъ же или въ V книгѣ.

Ѳ. ПЯСЕЦКИМЪ.—*Исторія постановленій о зачетахъ и замѣнахъ, допускаемыхъ при отправленіи рекрутской повинности*—тамъ же.

І. Ф. ДИТТЕЛЕМЪ.—*Старина Рязанская*—тамъ же.

Е. З.—*Извлеченіе изъ сочиненія Лемте: О распредѣленіи поземельной собственности*—тамъ же.

ВИКТ. В. КАЛАЧОВЫМЪ.—*Переводъ статьи Риля: «Честь въ примѣненіи къ труду* (Die Ehre der Arbeit)»—тамъ же.

Х. П. КОЗЛОВЫМЪ.—*Объ актахъ безденежныхъ и совершаемыхъ по допросамъ и довѣренностямъ* и *объ условіяхъ найма земель*—тамъ же.

П. А. МУЛЛОВЫМЪ.—*Практическое и историческое значеніе статей 421, 1219 и 1466 Устава о службѣ гражд. по опред. отъ Правительства,*—тамъ же.

ВЕТЕРАНОМЪ 1813—1814 ГОДОВЪ.—*Еще одно слово о выкупѣ помѣщичьей земли въ надѣлъ крестьянамъ*—тамъ же.

Г. КОСТЫЛЕВЫМЪ.—*Мнѣніе Министра Юстиціи Д. П. Трощинскаго о составленіи законовъ.* Редакція Архива надѣется имѣть возможность напечатать это мнѣніе вмѣстѣ съ другими мнѣніями Д. П. Трощинскаго.

В. НАДПОРОЖСКИМЪ.—*Порядная запись 1555 г.* Будетъ напечатана во 2-мъ томѣ «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

(на 1859 годъ).

въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова,* на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова,* на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные могутъ высылать свои статьи и требованія на полученіе Журнала «Архивъ» *въ Редакцію Архива, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Надеждинской улицы, въ домѣ Вилье.*

Цѣна годовому изданію *девять,* съ пересылкою *десять* рублей сер.

Цѣна отдѣльному экземпляру двухъ нумеровъ *третьей* книги *два рубля сер.,* съ пересылкою *два рубля пятьдесятъ копѣекъ.*